

ОЛЕГ КРИВОПАЛОВ

**ХРОНИКА
ПЕРВОГО
БАТАЛЬОНА**

ТОМ 2

**ДНЕПРОПЕТРОВСК
ИМА — ПРЕСС
2013**

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Рос6)

К82

Редакционно-издательский совет:

Полковник **Старов Ю.Т.** — председатель,
генерал-майор **Удовиченко Г.В.**, полковник **Гулевич А.Д.**, полковник **Кривопапов О.В.** — автор-составитель, полковник медслужбы **Лалин А.Н.**, полковник **Лютый Д.Е.**, полковник **Мусяненко А.В.**, полковник **Стодеревский И.Ю.**, полковник **Харламов С.А.**, **Стокич И.Г.**

Кривопапов Олег Владимирович и другие.

К82 **ХРОНИКА ПЕРВОГО БАТАЛЬОНА. 15 ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦНАЗА ГРУ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ.** В двух томах. Том 2. Литературно-документальное издание. — Днепропетровск. ИМА-пресс. — 2013. — 496 с.

ISBN 978-966-331-505-8

В этой книге впервые рассказывается о малоизвестных фактах истории и боевом пути 154-го отряда специального назначения 15 отдельной бригады спецназа ГРУ ПШ ВС СССР, прославившегося в ходе боевых действий на территории Афганистана, под названием «Мусульманский батальон». Ценность этой книги состоит в том, что в ее основу положены воспоминания непосредственных участников тех событий — солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров — ветеранов бригады специального назначения, творивших военную историю своей страны. В ней рассказывается об имевших место политических, военных и боевых фактах на основании документальных материалов. Эта книга — уникальное явление в военно-мемуарной литературе, поскольку в ней впервые описаны в деталях наиболее драматические моменты советско-афганских отношений, в частности, связанных с принятием руководством КПСС и СССР решения о вводе войск в ДРА. В ней показана динамика действий советского спецназа в девятилетней борьбе с международным терроризмом, поддерживаемым американскими спецслужбами в ходе военного противостояния СССР и США, приведены примеры истинного героизма и самоотверженности советских солдат и офицеров, которые не обсуждают, а точно выполняют поставленные перед ними задачи. И это стоит того, чтобы об этом была написана отдельная страница в военной истории советского спецназа.

Книга предназначена для широкого круга читателей и увлекает достоверностью, художественным отображением портретов воинов войск специального назначения, правдивостью и профессионализмом их толкования.

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Рос6)

ISBN 978-966-331-503-4

ISBN 978-966-331-505-8 (том 2)

© **Кривопапов О. В., 2013.**

*50-летию создания
15 отдельной ордена Боевого
Красного Знамени Республики Афганистан
бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР
посвящается*

15-я бригада — это особое боевое соединение, которое проявило мужество и героизм в тяжелейших условиях дикой страны, живущей нравами и обычаями людей XIV-XV веков. В непрерывных схватках с душманами спецназовцы находились на протяжении всех 9 лет. Слава этой бригаде!

*ГРЕДАСОВ Ф.И.,
генерал-лейтенант,
начальник разведуправления
Сухопутных войск ВС СССР*

ГЛАВА 8

ХРОНИКА 1986 ГОДА

К началу 1986 года внутривластная ситуация в Афганистане продолжала обостряться. Раздробленность и фракционная борьба в НДПА, процветающая коррупция и обнищание большинства населения привели к падению авторитета государства в глазах афганского народа. И как результат — центральная власть контролировала только 23 процента территории страны. По сути, под контролем государства оставались лишь крупные города и связывающие их основные автомобильные магистрали, прикрываемые советскими войсками. Подавляющее же большинство сельских районов находилось под усиливающимся влиянием исламских комитетов моджахедов. Если в 1981-1983 годах на территории активно действовали формирования оппозиции, насчитывающие 45 тысяч человек, то к 1986 году их численность составляла уже 150 тысяч.

Противниками Апрельской революции велась мощная антиправительственная и антисоветская пропаганда. На ДРА вели вещание более 50 западных радиостанций, оппозиция издавала (по данным правительственного агентства «Бахтар») на языках народов Афганистана более 70 газет и журналов. Эффективность пропаганды усиливалась фактами неспособности руководства страны что-либо изменить. Случаи мародерства, часто бессмысленные бомбоштурмовые и ракетно-артиллерийские удары, приводившие к разрушению целых кишлаков и полей, — все это также работало против власти, не укрепляло авторитета наших войск.

Между тем в Афганистане и в СССР на рубеже 1986-1987 годов созрело понимание того, что так дальше продолжаться не может. Становилось все очевиднее: решить внутриафганскую проблему военным путем невозможно, нужны новые подходы и новые лидеры.

Коренные перемены наметились в октябре 1985 года после встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с руководством ДРА. Афганской стороне было указано на серьезные просчеты и перегибы в практике работы НДПА и рекомендовано пересмотреть свою внутреннюю политику. Одновременно СССР заявил о своем твердом намерении вывести войска из Афганистана.

Осенью 1986 года это намерение начало осуществляться. Из Афганистана были выведены шесть боевых частей (один танковый, два мотострел-

Всю Афганскую войну в Чирчике напряженно работала «кузница» военных кадров для спецназовских частей, воюющих «за речкой». Разведчики называли их «Курсы Героев Советского Союза».- Командование 467 учебного полка

спецназа. На фото: слева направо подполковники Тишаев Г.К., Шлаев Н.А.(начпо полка), Ниязалиев Б.А., полковник Крот И.М. (командир полка), Тарунтаев С.В., Иванов З.А. (впоследствии полковником ГРУ погиб в Чечне. Герой России (посмертно). г.Чирчик.1987 г.

ковых, три зенитных полка). Так было объявлено официально. На самом деле вывод не уменьшил общей численности ОКСВ, который продолжал участвовать в боевых действиях.

В феврале-апреле была проведена широкомасштабная боевая операция в округе Хост, в ходе которой уничтожена перевалочная база ИПА (Исламской партии Афганистана) «Джавара» («Волчья яма»).

В 1986 году погибло 1333 советских военнослужащих, в том числе 154 спецназовца (при этом 31 человек был из 154 ооСпН, из общего числа 3 разведчиков утонули 16 сентября); один пропал без вести.

НОВОГОДНИЙ РЕЗУЛЬТАТ¹

Новый год, он для нас и в Афгане Новый год. Обстановка праздничная. Для меня же 1986 год — особый повод радоваться — год замены. Но замена заменой, а воевать-то надо. Как назло, информации ноль. Приехал в ХАД и стал клянить, хоть какую-то информацию. Почесав затылок, они дали кишлак, где, по их словам, человек пятнадцать-двадцать всегда обитают. Не густо, но и то хлеб.

¹ Лютый Дмитрий Евгеньевич.

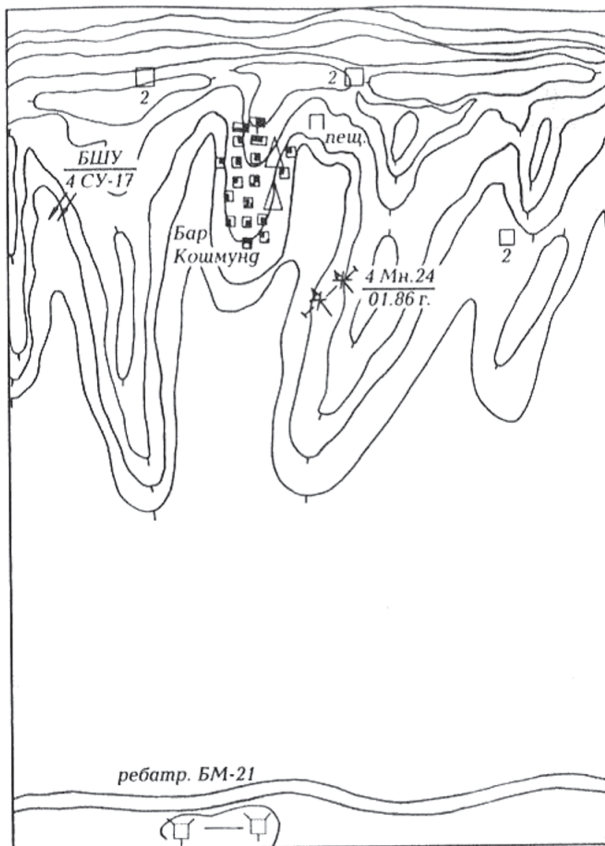

Схема 1. Операция у кишлака Бар Кошмунд

Чтобы огневое поражение было максимальным, подключили команды бригады подполковника Бабушкина. По его заявке в наше распоряжение были приданы батарея «Град» и 4 истребителя-бомбардировщика Су-17.

ПЛАН И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

По нашему плану рано утром 6 января начинала работать авиация. Сразу за ней подключался «Град». В это время мы должны были быть уже на подлете. Как только «Град» прекращал свою работу, начинали работать «двадцатьчетверки», а прямо на головы «духам» высаживались мы, силами

Чтобы не лезть на рожон, заказал аэрофотосъемку, поскольку кишлак горный и местность сложная, да и кишлак нужно изучить. Кишлак Бар Кошмунд (пров. Нангархар) находился в небольшом раздваивающемся ущелье, уходящем вглубь длинного горного хребта (см. схему 1). Он прилепился на выступе между двумя ущельцами в конце и террасами поднимается вверх. В конце правого рукава, на склоне, четко просматривался вход в пещеру. По моим предположениям, там был склад. Броне туда не добраться. Поэтому решили работать чисто, в аэромобильном варианте.

Группа спецназа перед выходом на боевые

примерно 60 человек и приступали к делу. Перетряхивали кишлак, брали склад и отваливали снова на вертушках.

Как обычно, гладко было на бумаге. Рано утром, в назначенное время «Сухари» добросовестно отбомбили аналогичное ущелье справа от назначенного. Как только они закончили, «боги войны» разгрузили свои пусковые установки тоже по соседнему ущелью, но только теперь оно находилось левее. Духи проснулись и заподозрили что-то недоброе. И тут по их кишлаку, куда не упало ни одной бомбы или снаряда, начинают работать «двадцатьчетверки». Первая вертушка зашла удачно, зацепившись левым колесом за крышу дома, высадил десант и отвалила. Следом стали заходить мы. Я уже встал с места борт-стрелка в кабине пилотов, как вдруг увидел духа с гранатометом. Он внезапно выскочил из-за угла и шархнул по нашей вертушке. Машина качнулась, но выровнялась. Что с ней было — неясно, да и времени выяснять не было.

Спрашиваю летчика: «Сядешь?». Тот кивнул утвердительно и, пролетев намеченную крышу, высадил нас на склон прямо по курсу. Мы выпалились в какую-то промоину, и я лично убедился, что у нас никто не пострадал. Вертушка отвалила и скрылась за горой, оставляя за собой в воздухе какой-то странный радужный след. В кишлаке уже вовсю шел бой. Третьей вертушке сесть не дали. Четвертая тоже ушла, высадив только часть десанта. В итоге у меня осталось человек 40-45. Огляделись. Взводные мне доложили и начали работать по плану. Я не вмешивался, поскольку им на месте виднее. К своему удивлению, в кишлаке я не обнаружил никаких

разрушений, свидетельствовавших о бомбардировке и артобстреле. Кроме того, надо сказать, что и дома, и заборы были сложены из дикого камня. Это вам не саманный дувал.

Едва не погибли Олег Мартъянов и Николай Жерелин. Колька успел упасть, а Олег как-то отшатнулся, и очередь, которую выпустил дух, появившись в двери, прошла мимо. Дух снова укрылся в домике. Гранатомет перед такими стенами оказался бессилён, стены были толщиной более полуметра. Вдобавок ко всему дом, а точнее, какой-то сарай, стоял очень неудобно. Ни гранату внутрь закатить, ни из автомата достать духа было никак невозможно. Авиация работать не могла, поскольку вокруг мы. Я попросил отвлечь на себя духа огнем, а сам залез на крышу. В дымоход я, не скупясь, положил три Ф-1 и пару американских трофейных гранат. Огонь сразу стих. Внутри мы нашли тела тринадцати человек, в том числе и гранатометчика, который стрелял по нашей вертушке. Не обошлось и без казусов. В кишлаке было две высокие башни. Из одной мы выбили духов. Наверх сразу поднялся наш пулеметчик. Во второй ожесточенно сопротивлялись. Я решил не мучиться и навел вертолеты. При этом конкретно указал, по какой из двух летчик должен отработать. Он сказал, что все понял. Даже для проверки стрельнул из пушки. Я дал подтверждение. Летчик отошел подальше и четко положил управляемую ракету «Штурм» в башню, где ...сидел наш боец. Насилу откопали бойца и его пулемет. Слава Богу, он отделался испугом и парой сломанных ребер. При таком ожесточенном сопротивлении и недостатке людей речи о том, чтобы идти к пещере, и быть не могло. Я навел туда «летунов», и они вогнали в пещеру подряд два «Штурма». Что там было, сказать трудно. В ходе боя погиб один солдат. Выбравшись на камень, он выцеливал душка, но сам подставился. Духи стали отходить в горы по тропе. Я навел на них артиллерию. В этот раз «боги войны» отработали точно.

Как потом выяснилось, в этот кишлак недавно пришел свежий отряд из Пакистана численностью 60 человек. Я сначала удивлялся. У духов абсолютно все новое — начиная с оружия, заканчивая снаряжением, одеждой и обувью. Своих духов там было пятьдесят. Итого в кишлаке на момент нашей высадки находился отряд 110 человек. Из них мы положили 53 человека. Для того, чтобы прикрыть заход «восьмерок» для эвакуации, я навел артиллерию, и она обработала окрестные склоны. Непосредственно перед посадкой поработали «двадцатьчетверки». Ушли без эксцессов. За тот бой Ахромеев приказал вернуть «Звезду», к которой меня представили, и наградить «Знаменем».

ЗАХВАТ УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА «ГОШТА»

В двадцатых числах января 1986 года наш отряд совместно с пехотой и Асадабадским отрядом проводил операцию по взятию укрепленного района около населенного пункта Гошта. Первоначально прошла какая-то невразумительная информация о том, что духи оборудуют укрепленный район в горном массиве близ этого населенного пункта. Чуть позднее это под-

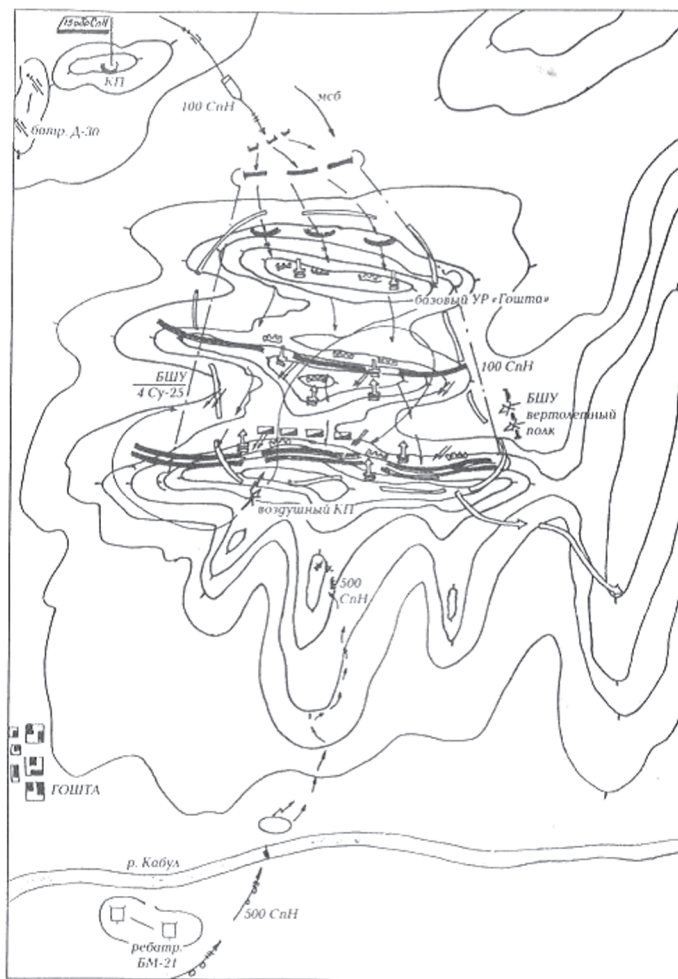

Схема 2. Взятие укрепрайона «Гошта»

твердилось. Как сообщила агентура ХАД, работы там велись в режиме чрезвычайной секретности. Все перемещения местных жителей в этом районе были прекращены. Такие меры не могли нас не заинтересовать. Но и интересоваться нужно было осторожно, чтобы не спугнуть противника. Поэтому в течение нескольких недель я заказывал пару МИ-24. Летал одним и тем же курсом через нужный мне укрепрайон,

никак не проявляя своего внимания к нему. Наведывался в один и тот же горный массив северо-восточнее Гошты, у границы с Пакистаном. Там вертолетчики снижались и изображали тщательный поиск.

Не знаю, что о нас думали духи, но тем не менее, они никак не демонстрировали своего присутствия в районе. Я же регулярно делал плановые снимки района, которые мы дешифровали в нашем штабе. Как показывали снимки, работы в районе шли полным ходом. Мы постоянно обнаруживали новые огневые точки ДШК и другие элементы укрепрайона. Духи даже вырубili в скале лестницу высотой метров сто. Иногда я пролетал левее или правее, делая перспективную съемку.

Как потом мы смогли убедиться, духи строили на славу. В скальной породе японскими перфораторами были вырублены пещеры, гнезда для ДШК, которые были обложены обломками гранита и забетонированы. Такую позицию можно было взять только прямым попаданием. Другие позиции находились в гротах и имели специальные амбразуры для стрельбы по наземным целям. Такая подготовка к операции дала свои беспорные результаты. Каждый офицер нашего отряда при подготовке имел аэрофотоснимок своего объекта, где были показаны позиции, нанесен безопасный маршрут движения.

Когда все было готово, Бабушкин запросил командование, и нам придали один из батальонов 66 бригады. Также участвовал и асадабадский отряд.

Согласно замыслу, мы на технике, вместе с артиллерией и пехотой, выдвигались вдоль реки Кунар, в объезд, с северо-запада. Примерно километрах в 5 поставили батарею гаубиц Д-30. На вершине одной из горок развернул свой КП подполковник Бабушкин. Как потом в одной песне пелось: «На верхушке той горушки комбриг Бабушкин сидит».

От нашего отряда вышло примерно две роты общей численностью человек 130. Пехотинцы шли за нами. Они должны были идти сзади и удерживать занятые нами позиции. Мы шли пешком с севера. Пятый отряд под командованием Г.Быкова должен был выдвигаться с юга. На автомобилях ночью они прибыли к переправе, где дружественное племя Маматхана их переправило на другой берег реки Кабул. Вторично форсировать ее вброд Григорий не рискнул. Они должны были выйти с юга к отрогам главного хребта укрепленного района и занять их к 4.00. Но сделать своевременно асадабадцы этого не смогли. За Кабулом в «зеленке», в тылу у асадабадцев развернули батарею «Град».

Рано утром со стороны солнца началась атака боевых вертолетов. Были задействованы все МИ-24 Джелалабадского вертолетного полка. У

каждого летчика были аэрофотоснимок и координаты цели, по которой он должен был работать.

Я летел в первой «двадцатьчетверке» и пальцем показывал, с чего начнем. Примерно в 4 ч. 15 мин. первый «Штурм» сошел с консолей и влетел на позицию ДШК. И началось. Сначала «гасили» средства ПВО, которые были обнаружены ранее, а затем выявленные в ходе атаки. Потом перешли и к другим целям. Последовательно обработали один за другим склоны главного хребта и ущелье. После этого вертушки отошли. Наша вертушка тоже полетела перезаряжаться, но как только я приземлился, меня ждала уже следующая машина. И снова в воздух. В первый день я налетал пятнадцать часов, во второй — часов десять. В конце дня, когда я приземлился, земля подо мной ходила ходуном.

В первый день операции отряд последовательно занимал хребет за хребтом. Но главное внимание было уделено подавлению огневых средств противника. Работали и вертолеты по наводке спецназа с земли, и реактивная, и ствольная артиллерия.

Пехота шла сзади, занимая оборону на захваченных нашими ротами высотках. Причем, что следует отметить, их почти не интересовали военные трофеи. В первую очередь они выворачивали карманы убитых борцов за веру. Вот так, увлекшись мародерством, погиб один из их солдат. Дух прикинулся мертвым, а когда к нему подошел пехотинец, чтобы обыскать, выстрелил в него. Неизвестно, чем бы это закончилось, поскольку и остальные не были готовы к противодействию, если бы не боец нашего отряда. Он снял духа сразу.

Неожиданность наших действий была полнейшая. Наши бойцы завтракали горячим пловом, который духи готовили себе. Но постепенно растерянность прошла. Духи стали довольно зло огрызаться. По моему воздушному КП был сделан пуск ПЗРК «Стрела-2» китайского производства. Мы уже выходили из пике. Вдруг я увидел, как мимо борта прошел серый дымовой шлейф. Чтобы не огорчать летчиков, я наврал им, что стреляли из РПГ. Позже, когда все закончилось, мне наши офицеры подарили пустой контейнер от этого ПЗРК с надписью: «Дембель в опасности!». Духов так достали вертушки, что они даже сделали пуск ПТУР (скорее всего, «Малютки») по вертолету. С земли тут же сообщили, что стреляли ПТУРОм, поскольку им на головы упали провода от снаряда, по которым он наводит-ся.

Летая со мной на воздушном КП, погиб борттехник, молоденький лейтенант. На выходе после атаки я стоял у пулемета у одной двери, а он у второй — и получил пулю в лоб.

Встреча через 25 лет полковников Д. Лютого и В. Целовальника (командиров 335 ОБВП). (Фото 2010 г.)

Когда об этом узнали летчики на аэродроме, они очень осерчали на духов. Командир полка, подполковник Целовальник передал мне: «Приготовься наводить «Грачи». Я передал на землю, что сейчас начнут работать штурмовики, для того чтобы наши на всякий случай укрылись и приготовились обозначить себя дымами. Отошли на «двадцатьчетверке» в сторону, связались с Су-25, узнали подлетное время. На всякий случай передал, чтобы с первого захода не работали, осмотрелись — где наши, где духи. Так и сделали.

Ведущий первой пары передал: «Замена», мы все поняли. Начинаем работать». Что тут началось! Для духов атака вертолетов, наверное, показалась поцелуем любимой на заре по сравнению с тем, что творили «Сухарь». Им тоже передали, что погиб летчик.

Когда вспоминаю, как «Сушка» заходит на позицию ДШК, а из его ствола трасса упирается в брюхо самолета, а пули отскакивают от брони — мурашки по коже.

Но штурмовики — они на то и штурмовики. Прибывшая четверка буквально утюжила позиции духов. Они ювелирно высыпали свой смертоносный груз на головы духам, буквально в сотне метров от позиций спецназа, не задевая при этом своих. Уходя, они мне передали: «Если что, зови!».

Дальше опять начали работать «двадцатьчетверки». Но вскоре стемнело, и авиация свою работу прекратила.

Пользуясь тем, что асадабадцы не смогли занять указанные им позиции, духи ночью отвели основные силы. Вместе с ними ушли и советники из Китая и Франции. Уходили в спешке, порой бросая даже оружие. Видимо, выносили раненых, и сил тащить всё не хватало.

На следующий день мы повторили воздушную атаку, но сопротивление уже было сломлено. К вечеру следующего дня укрепрайон был наш. После этого мы два дня вывозили захваченное оружие и часть боеприпасов. Часть была взорвана, а часть была заминирована спецзарядами с элементами неизвлекаемости. Все захваченные трофеи были выставлены на плацу и их сняло ТВ. Спустя день или два граждане СССР в программе «Время» могли их наблюдать. При этом на плацу не было ни единого человека. Секретность превыше всего.

В батальоне потери составили: один легко раненный в руку и один травмированный после падения со скалы с растяжением связок. В пехоте и у летчиков — по одному убитому. Это был самый значительный результат нашего отряда.

ПЕСНЯ О РАЗГРОМЕ БАЗОВОГО УКРЕПРАЙОНА «ГОШТА» 18 — 20 января 1986 г.

Посвящается офицерам спецназа

Жили мирно люди в Гоште, без нужды и без забот,
Но на ихнюю погибель полк Кандагари ведет.
Хоть мулла он, но паскудник, не дает здесь мирно жить...
И решили Гриша с Ромой того гада проучить.

Слева рать и справа рать,
И надо афганцев скорее спасать.
Слева рать и справа рать,
И надо афганцев скорее спасать...

Мазулла сработал четко, все разведаль, разузнал,
Маматхан с его отрядом в этот раз не оплошал.
Разузнали планы муллы, все на карту нанесли
И с уверенностью твердой батальоны в ночь пошли.

Слева рать и справа рать,
Надежно с друзьями в горах воевать.
Слева рать и справа рать,
Надежно с друзьями в горах воевать.

Вот обходит духов Гриша, бьет их Рома прямо в лоб,
И таким своим маневром загоняет муллу в гроб,
Не помог ему советник мистер Джон и Ли Суань,
А француз, так оказался не мужик, а просто дрянь.

Слева рать и справа рать,
И шкуру свою надо срочно спасать.
Слева рать и справа рать,
И шкуру свою надо срочно спасать.

Гордо реет в небе Кутный — славный Сталинский орел,
Помогает ему Лютый, радость новую нашел.
Вот идут они в атаку, прикрывает сзади хвост
И, спасая в небе друга, ДШК он слету снес.

Эх слева рать и справа рать,
И Димке приятно вверху воевать.
Слева рать и справа рать,
И Димке приятно вверху воевать.

И гремят повсюду пушки, бэтээрам не пройти,
На макушке той горушки комбриг Бабушкин сидит.
Правит он умело боем, шлет Кандагари «салам»,
У того от потрясения потекло, брат, по штанам.

Слева рать и справа рать,
Не хочется духам вот так помирать.
Слева рать и справа рать,
Не хочется духам вот так помирать.

Много было там трофеев, даже женские трусы,
Иностранное оружие и японские часы.
Возвращались все с победой, быстро в баню — и отбой,
А на утро в воскресенье пишем письма мы домой:

Мол, слева рать и справа рать,
Как трудно все это пером описать.
Слева рать и справа рать,
Грустно, друзья, батальон покидать!

ТРУШ Г.А.¹

¹ Полковник Труш Георгий Анатольевич, участник операции «Гошта». В Афганистане работал советником ПГУ КГБ СССР при 5 отделе ХАДА (по борьбе с бандитизмом) в провинции Нангархар. Награжден двумя орденами и Знаком «Почетный чекист СССР».

КОГДА НАЛЕТ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОПЕРАЦИЮ СПАСЕНИЯ

Девятого февраля 1986 года силами первой и второй рот мы проводили налет на кишлак Лой Термай. Он находился в глубокой седловине. И справа, и слева, и за кишлаком — крутые склоны. Авиации работать было довольно неудобно. Вместо Су-25 прислали «трубы» — Су-17. Естественно, что с высоты они попали только в один дом. Но и это для них довольно хорошо.

Вторая рота, которой командовал Валерка Кондратьев, села на горки и страховала первую роту Олега Мартьянова. Его рота тоже частично заняла горушки, а основная часть пошла в кишлак. Я высадился с двумя радистами и моим водителем, который перед «дембелем» напросился на войну, и организовал на одной из вершинок передовой КП для руководства налетом.

Командир 1 роты капитан Мартьянов Олег

Олег со своими бойцами сначала повыкуривал духов из пещерки, недалеко от места, где он приземлился (они вздумали его обстрелять). Закончив с ними, он перешел в кишлак. В центре кишлака находилась молельня, сложенная из камня. Когда 1 рота приблизилась к ней, ее встретили огнем. Выковырять духов из такого мощного строения Олег сам не мог. Я связался с «Воздухом», и когда Олег со своими отошел на безопасное расстояние, летчики загнали в дверь «Штурм». Здание слегка подпрыгнуло и осыпалось, похоронив под руинами защитников. Спустя минут десять Мартьянов передал, что здесь без экскаватора делать нечего. Постепенно они «зачистили» весь кишлак. Дело шло к вечеру.

Оставался один дувал, прилепившийся на террасе в стороне от всех строений. Работа прошла без потерь, и не хотелось попусту подставлять бойцов под пули. Я снова запросил «Воздух», чтобы они отработали, но в этот раз НУРСами, поскольку трофеи как показатель результативности нам тоже были нужны. Летчик, как договорились, сначала дал пристрелочный из пушки. Получив от меня подтверждение, отработал НУРСами С-8. Все получилось очень удачно, но я решил подстраховаться и попросил повторить. Лучше бы я этого не делал. Летчи-

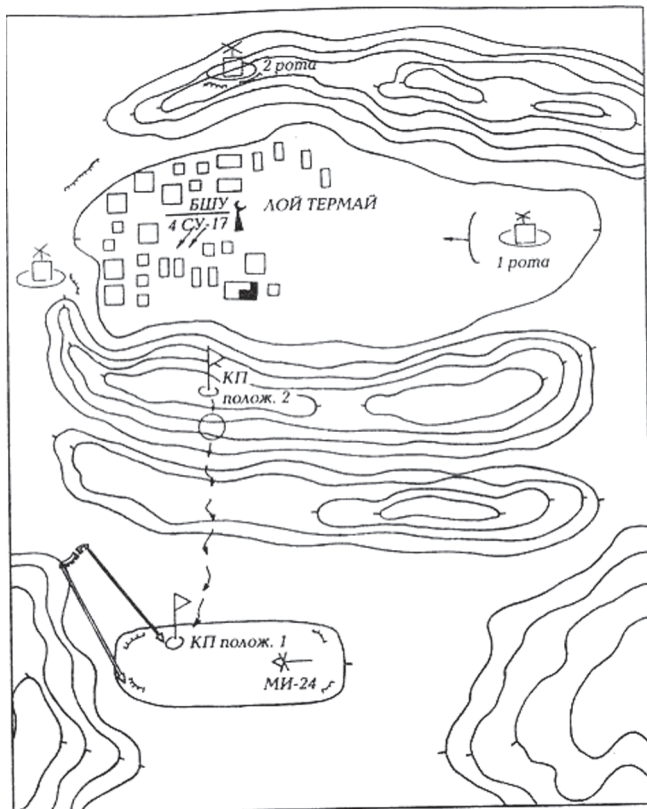

Схема 3. Налет на кишлак Лой Термай

Олег передал, что у него два «трехсотых» и один «двухсотый». Как потом выяснилось, Олег чудом остался жив. Он захотел попить и пошел к доктору хлебнуть глюкозы. В это время прямо на его место упал и разорвался реактивный снаряд. Связался с вертушками, сообщил новость. Они были в шоке. Пашка Остапенко, летавший на Ми-24, безо всяких позывных: «Дима, обозначь площадку! Я сяду — заберу раненых!» В сердцах я послал его и вызвал «восьмерки».

Погрузили труп и раненых. Летчики были не виноваты в том, что произошло. Как потом выяснилось, это был заводской брак. Некондиция.

Закончив работу, мы вызвали вертолеты для эвакуации. Трофеи собирали неплохие, даже умудрились взять пленных, но радость победы была смазана совершенно нелепой смертью одного из бойцов и ранением еще

ки развернулись и зашли на боевой, лежа в цепи перед террасой, обозначились дымами. Залп. Все нормально, но вдруг от общей «стаи» реактивных снарядов отделилось три и упали четко в нашей цепи. Разрывы — и сразу в эфире голос Олега: «Воздух!» «Замена!» Куда по своим?» Я тут же передал вертушкам, чтобы прекратили работать и запросил Олега о возможных потерях. Подтвердились мои самые мрачные предчувствия.

двоих. Опередив МИ-8, подошли «крокодилы». На одной из вертушек прилетел «Святая Инквизиция», замполит-начальник политотдела вертолетного полка, подполковник Владыкин — летчик, что называется, от Бога, летчик-ас, летчик-снайпер (это официальное звание), чувство страха у него атрофировалось еще в детстве. Мы уже все собрались для эвакуации, как вдруг я заметил, что одна из групп осталась на хребте. Начал выяснять, чья. Командиры рот докладывают, что у них все на месте. Понятно. Это душки пришли нас «проводить». Я тут же связываюсь с Владыкиным: «Семь двенадцать, я «Замена». Азимут — такой-то, удаление... Группа противника». Он начинает работать, и вдруг слышу: «Меня подбили! Иду на вынужденную». Я начинаю заводить его на площадку рядом со мной. Он тянет из последних сил. Разгружает машину от НУРСов, но не дотягивает и, перевалив через бугор, пропадает. Я с ужасом жду взрыва. Взрыва нет. Мне с моей горы не видно, куда он плюхнулся. Связываюсь с Валеркой Кондратьевым: «Гром, бери командование на себя. Я иду на выручку к летчикам».

Когда мы спустились с нашего хребта и перевалили еще один, нам открылась уникальная картина. Горы образовывали глубокую чашу, на дне которой был бугор, напомиавший перевернутый утюг. Вот на этом «утюге» и стояла «двадцатьчетверка». Когда мы начали спускаться, по нам от вертушки открыли огонь, приняв за духов. Хорошо, что летчики на земле стрелять не умеют. Вдобавок ко всему они сняли с машины ПКТ, а у него никаких приспособлений для прицеливания нет. Я запустил ракету, стрельба прекратилась. Подошли к ним.

В это время «восьмерки» уже взлетели с нашими. Я связался с ними и приказал 2 роте возвращаться в отряд, а 1 — садиться ко мне для обеспечения безопасности сбитого вертолета. Мартянов со своими людьми высадился, летчики с «двадцатьчетверки» погрузились и улетели. Кроме этого, я связался с комбатом и попросил Абзалимова прислать мне для усиления 3 роту? Вскоре прилетела «восьмерка» поисково-спасательной службы (ПСС) и доставила технарей. Те покопались и, выяснив все неисправности, запросили запасные части, пообещав отремонтировать вертолет своими силами. Это было удивительно. По их же словам, насколько я помню, был пробит масляный радиатор, и вытекло все масло, повреждена гидросистема и выведен из строя один из двигателей. Я связался с командиром полка Целовальником, которого в обиходе просто звал Петровичем, и уверил, что вертушку мы не отдадим. Пусть готовят запчасти. Ремонтные работы мы прикроем. На радостях Петрович пообещал поднять весь полк на наше прикрытие и осветить округу «люстрами». От этого я отказался,

особенно меня не устраивало быть подсвеченным для огня духов. На крайний случай я запросил пару «крокодилов», чтобы барражировала в пяти минутах лету. Но повторил, что никакой подсветки мне не надо. Вскоре прибыли необходимые запчасти и ремонтники. Когда вертушки отвалили, наступила ночь.

Духи решили проверить нашу бдительность и обстреляли мой КП, который выделялся и размерами, и торчащими антеннами, чем испортили мне ужин. Мы огрызнулись сами, навели вертушки. Этого хватило, чтобы ночь прошла спокойно. Я боялся только минометного обстрела. Это могло осложнить ремонт новыми повреждениями. Но то ли духи не рискнули, опасаясь вертолетов, то ли у них просто не было минометов.

Рассвело. И тут до меня дошло, что сегодня ровно два года, как я воюю «за ридну Афганщину». На радостях я дал очередь из пулемета, салютуя сам себе. Когда меня запросили по радио, что произошло, я поздравил всех с моей второй годовщиной. Что тут началось! Салютовали со всех горок, где сидели наши. К обеду технари закончили ремонт. Запустили двигатель — норма. Пробный подскок на проверку тяги — норма.

Вертушка взлетела и взяла курс на Джелалабад. Вскоре эвакуировали и нас.

В вертолетном полку по поводу нашего возвращения командир вместе со «Святой Инквизицией» накрыли «поляну». В подарок от летчиков я получил книгу Шукшина, на которой Владыкин надписал благодарственные слова за оказанную помощь. Вскоре мне на замену прибыл Василий Фрезе. Я улетал с войны, но со слезами на глазах, оставляя в батальоне кусок своей жизни. Может быть, самый яркий кусок.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ЛИЦАХ

«СВЯТАЯ ИНКВИЗИЦИЯ» — ЗАМКОМПОЛКА ВЛАДЫКИН¹

В 1985 году во главе большой группы летчиков на равную должность в 335 отдельный боевой вертолетный полк в ДРА прибыл Владыкин. Полк базировался на аэродроме города Джелалабад. Нагрузка там была сумасшедшая. Судите сами, только за один год он совершил 485 боевых вылетов на вертолете Ми-24. Сама цифра гражданскому человеку, не связанному с авиацией, ничего не говорит. Много ли это — 485 боевых вылетов? Такое количество боевых вылетов можно сравнить с 600 боевыми вылетами прославленного и удачливого летчика Великой Отечественной войны А.И. Покрышкина. Не принижая великой боевой славы лучшего летчика, все же хочу пояснить, что Покрышкин был на войне четыре года, а Владыкин совершил свои вылеты за один год! Можете представить, какие нагрузки перенес организм и психика летчика 80-х годов.

...За свой каторжный ратный труд на афганской войне Юрий Влади-

¹ Владыкин Юрий Иванович родился 7 сентября 1945 в Норильске в простой рабочей семье. Родители много ездили по Сибири, одно время жили в Кировской области, а затем вернулись на постоянное место жительства на родину матери в город Бийск Алтайского края. Это то удивительное по красоте место, откуда берет начало Чуйский тракт, а в 40 км находится родина Василия Шукшина. Только сказочный Алтай считал своей родиной и Юра. Отучившись 8 классов, в 15 лет Юра пошел работать. Был рабочим леспромхоза, работал в спаивной конторе. На тяжелой физической работе учился выдержке, степенности. С того периода своей биографии привык себя уважать. В 1965 году двадцатилетний парень был призван в армию и попал в танковые войска. Служил в Новосибирске в учебном танковом батальоне, а затем на ст.Крохаль неподалеку, в ремонтном танковом батальоне. Пути господни неисповедимы... В 1966 году солдат-танкист поступил в Сызранское высшее военное училище летчиков (Приволжский военный округ). Через четыре года, с отличием завершив обучение, был оставлен летчиком-инструктором в этом же училище. В 1977 году поступил на факультет ВВС Военно-политической академии им. Ленина. В 1980 году Юрий Иванович был назначен заместителем командира — начальником политдела 319 вертолетного полка им.Ленина, что дислоцировался в селе Черниговка Приморского края Дальневосточного военного округа. Умер в апреле 2000 г. в Днепропетровске.

кин был награжден орденом Красной Звезды и представлен к высшему ордену — ордену Ленина. Но не случилось...

В 1986 году, после возвращения из Афганистана, Владыкин сменил дальневосточный гарнизон на белорусскую Боровуху, где продолжил службу начальником политотдела отдельного боевого вертолетного полка Белорусского округа. С февраля 1990 года Юра с радостью вновь вернулся на командную должность заместителем начальника отдела авиации 6 гвардейской танковой армии. Его хороший друг, командующий армейской авиацией Дальневосточного военного округа, днепропетровчанин, генерал-майор авиации В.М. Олейник не раз пытался перетянуть Владыкина к себе на генеральскую должность, но шел необратимый развал Союза и армии и перевод не состоялся. Вскоре полковник Владыкин уволился в запас и жил в Днепропетровске, занимаясь любимой рыбалкой и ветеранскими делами Ленинского района...

23 апреля 2000 г. внезапно скончался на руках у друзей...

Для того, чтобы помнили, оставил Владыкин память — свои дневниковые записи, в которых он размышляет о сути авиационной службы в Афганистане и боевом взаимодействии с десантниками 15 бригады спецназа. Приведем некоторые фрагменты его размышлений о жизни. Думаем, их интересно прочитать.

«18.01.86 год, ДРА, провинция Нангархар, г.Джелалабад.

К каждому из нас приходит понимание ответственности за жизнь других людей. Вероятно, это накапливается с годами, дается опытом, а больше всего — узнаванием людей. Не по скучным строкам, изложенным в личном деле, а в процессе обыкновенной совместной жизни в одном большом и крепком военном мужском коллективе.

Это не расскажешь словами, а горе и слезы, если они будут, поскребут за сердце, все равно не такие горькие, как у близких и родных тех парней, которых уже нет.

...Высота эта, 1259 вблизи от Джелалабада, забудется для многих быстро, но для меня она останется тем перевалом, за которым оставлена лихость и решительность без точного расчета. Трудно все предусмотреть, но если цена высокая, то обязан.

...В первом заходе со стороны солнца тишина. Готовимся пустить ПТУРС по укреплению, в котором должен быть ДШК. Пуск удачный, обеспечиваю себе выход из атаки Нурсам, сзади ведомый — Костычев. Вот здесь все оцетинилось. Слева прошла белая дымная полоса — пуск ПЗРК, но прошла мимо, потом мы эту трубу нашли.

С земли передали: «Воздух, по тебе работают слева и справа, сзади

тоже работают». Пробит из ЗГУ левый блок, крыло, пробиты лопасти. Но тогда я еще об этом не знал.

Работаем, пока есть БК, пустили еще ПТУРС — забили ЗГУ, а внизу просят еще ударить, уже по другой цели. Справа внизу яркие вспышки — стреляет ДШК.

По нему из пулемета бьет спецназовец Дима Лютый. Разворачивая, стреляя из пушки, попал удачно. Костычев добавляет на выводе, подловили ведомого, доложил: убит бортовой техник. Отпустил его домой, а сам остался с парой Остапенко. Десант сидит в 300 метрах от духов.

В этот день 3 вылета по два часа. Сменил ведомый машину — много повреждений, а мне заменили блок, и снова туда же.

Высоту взяли только к исходу следующего дня. Михайлова отправляем с аэродрома, дали трехкратный залп...

Кто-то сказал, что победой потери не восполняются, они ею только лишь оправдываются.

Десант убитых не имел.

9.02.86.

Есть такое местечко Лоя-Термай. Два вылета — нормально, на третьем, когда уже собрались запустить десант, меня немного повредили — пробита лопасть, задрожал правый двигатель — расплавились лопатки, и заклинило свободную турбину.

Бахта потом сказал, что если бы не выключили, то двигатель должен был взорваться. На заходе сбросили блоки, левый не тянул. Садись — тянули через обрыв. Приземлились за два-три метра от обрыва, метров 10-15 пробежали, остановились. Кругом большие камни. Вертолет весь в масле, но целый, только срубили антенну. Заняли оборону, а пулеметы с борта кое-как с Витей Кутным достали, летали без борттехника, а он уже на земле, закрыл двери на ключ.

Через несколько минут прибежал, весь в мыле, опять Дима Лютый, — прикрывать нас. Покурили, прилетела «восьмерка». Паша Семенов нас забрал. Стреляли по нам из гранатомета, и командир сказал: «Это тебе второй звонок».

Но летать-то все равно надо. Без полетов, как без воды — бывают моменты, когда каждый глоток на вес самого дорогого металла.

Появилась возможность кое-что записать для памяти. Говоря о летчиках, техниках, мы часто забываем, для чего вообще нужен их труд. А все, начиная от пробы вертолета и заканчивая нажатием на боевую кнопку, предназначено в итоге для обеспечения боевых действий десанта.

Несколько первых месяцев я причислял себя к людям необычной про-

фессии, гордился, что принадлежу к особой группе — летчикам, о которых с давних пор ходит по земле добрая слава, которую они добыли в небе.

И все же, не очерняя летную рать, должен признаться, что те, кто десантируется, а потом бывает несколько суток под огнем, пробивается к рубежам, поставленным их командиром, должны обладать не меньшими, а лучшими, чем мы, качествами...»

СПРАВКА ПО АВИАЦИИ

За всю историю существования Советского Союза 40 армия оказалась единственной, которая имела в своем составе военно-воздушные силы.

***Боевой друг — Герой СССР
подполковник А.М. Райлян***

Причем достаточно мощные. Они насчитывали множество самолетов и вертолетов различного назначения. При этом армейская авиация сыграла ведущую роль среди других родов ВВС в период войны. Спецназовцы по специфике деятельности чаще пехоты общались с авиаторами. Прекрасные человеческие отношения и боевое взаимодействие сложилось с командованием 335 обвп и 239 овэ полковниками Нургулиевым Т., Целовальником В.П., Крушининым В.В., Петраченко А., Пыриным Н.И., подполковниками Буяшкиным В., Гауром В.Ф., Шмелевым И., Прохоровым С.В., Райляном А.М., Шарафеевым И., Демидовичем В., Нелиповичем Н., Истоминым, Леонтьевым Г., Парфиловым В., Очировым В.Н. и другими. Отдавая дань любви и уважения к летчикам, на территории военных городков спецназа выкладывали из камней хорошо видимые с воздуха лозунги «СЛАВА ВВС».

20 летчиков (из них 15 вертолетчиков), с честью выполнявшие свой интернациональный долг, проявившие при этом исключительное мужество и высокий профессионализм, были удостоены высших наград Родины. Четверо из них — Кучеренко, Майданов, Очиров, Райлян — за поддержку к бою подразделений спецназа ГРУ стали Героями Советского Союза. Сложены настоящие легенды о мужестве капитана Майданова, который дважды служил в Афганистане и постоянно летал на боевые вместе с разведчи-

ками двух отрядов нашей бригады. Впоследствии, 29 января 2000 года, будучи уже полковником, командиром полка, Николай Саинович Майданов погибнет на Северном Кавказе, спасая группу спецназа, попавшую в окружение. Посмертно он будет удостоен второй Золотой Звезды Героя РФ.

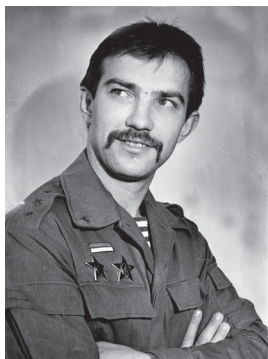
Ходили легенды и о майоре Стригине, который не оставил работающий на одном двигателе вертолет и сумел доставить его на базу. Вошел в историю случай, когда на одном вертолете ему удалось вывести с поля боя не десять, а двадцать четыре спецназовца... Очень часто спецназовцы бывали в таких переделках, где помочь могли только летчики, и они убедились, что те их в трудную минуту не бросят.

Но и потери за войну, работая со спецназом 15 обрСпН, вертолетчики понесли немалые — 84 летчика (20% от общих потерь армейской авиации) ушли в вечность. Слава героям!

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КУЛАЛА¹

На протяжении всей Афганской войны налет являлся основным и наиболее результативным способом выполнения разведывательно-боевых задач подразделениями специального назначения Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Если своих целей в среднем достигала каждая седьмая организованная спецназовцами засада, то результативность налета была близка к 100 процентам. И это неудивительно, ведь налет — это внезапное нападение на заранее выбранный и тщательно разведанный объект...

Старший прапорщик Дурнев (Сударкин) Юрий Петрович родился 19.09.1961 г. в пос.Глубокий Каменского района Ростовской области в семье рабочего. В 1979 году закончил Каменское педагогическое училище по специальности учитель физвоспитания, работал в Мечетновской школе (Ростовская обл.). С ноября 1979 по конец 1981 г. отслужил действительную срочную службу. Окончил ШМАС (школу младших авиационных специалистов по засекреченной аппаратуре связи) в г.Чорткове (Украина). С мая 1980 г., служил в полку военно-транспортной авиации (г. Тарту, Эстония), в комендатуре десантного обеспечения. После армии проработал два года на заводе химического волокна г. Каменска-Шахтинского. Вернулся в армию и окончил школу прапорщиков в г.Печеры. Был штатным снайпером. Получив воинское звание прапорщик направлен в 4 бригаду спецназа (г. Вильянди, Эстония) на должность: начальника склада ПДС-начальника мастерской по ремонту парашютов. Совершил 149 прыжков с парашютом. Через полтора года был направлен в Афганистан.

Прибыв 13 сентября 1985 г. в 154 ооСпН в Джелалабад заменил старшину 1 роты прапорщика Антипова С. Встретил сослуживца из Вильянди ст.лейтенанта О. Мартынова, впоследствии ставшего его командиром. Через неделю состоялся первый разведывод, который закончился трагически. Через два часа после начала марша группа попала в засаду, ротный командир Турков получил смертельное ранение, и Юрию пришлось перевязывать, а затем на плащ-палатке тащить командира с двумя бойцами к вертолету.

За период службы в 154 ооСпН с 19.9.1985 г. по 19.03.1986 г. совершил 27 боевых выходов, часто командовал группой спецназа. 1 декабря 1985 г., командуя экипажем БМП-2, замыкал колонну бронегруппы и подорвался на противотанковой mine английского производства МК-7. Из 3 человек экипажа только Ю.П.Дурнев отделался контузией, остальные были тяжело ранены. 19 марта 1986 г. был дважды тяжело ранен в бою у кишлака Кулала. Награжден двумя орденами Красной Звезды. Впоследствии старший прапорщик служил в Ленинском РВК г. Таллинна, занимался призывом молодежи в ВС СССР. В 1987 г. экстерном окончил МВОКУ им. Верховного совета РСФСР, служил на офицерских должностях. После развала СССР, уволился в запас. С 2000 года живет в Москве. Работает в Авиационном учебном центре авиакомпании «Сибирь», дочь учится в МАИ.

Если с первым все ясно, то со вторым определением сложнее — получить исчерпывающие разведывательные сведения об объекте налета в условиях сложившейся в Афганистане оперативно-боевой обстановки было довольно сложно. На практике разведывательная информация, по степени полноты и точности, поступала в ходе ведения разведывательно-поисковых действий (РПД) органами спецназа — разведки в интересах выполнения предстоящих боевых задач, из агентурных источников, данных воздушной разведки и радиоперехвата. В ходе ведения разведки «на себя» данные о противнике спецназ получал при ведении разведки поиском и наблюдением, допросом пленных и опросом задержанных местных жителей. Информация из агентурных источников бывала довольно точной по району или месту расположения объекта и общего режима его охраны, но в силу специфики работы с источниками информации командирам разведывательных подразделений спецназа не всегда представлялось возможным уточнить какие-либо важные моменты у источника. Эти моменты и являлись самой «солью». Ведь для скрытного проникновения к объекту разведчикам требовалось не только знание рельефа местности (определяется по карте и аэро-снимкам), но и характера грунта, растительного покрова (вряд ли удастся бесшумно подобраться к охране объекта по каменной осыпи или сухой траве), наличия сторожевых собак в кишлаках по маршруту выхода в район проведения налета, порядка функционирования системы связи и оповещения бандформирований, наличие минно-взрывных заграждений, а также много чего другого.

В силу невозможности получения исчерпывающей разведывательной информации об объекте налета, скрытное выдвижение к нему разведорганов спецназа не всегда представлялось возможным. Но советские войска в Афганистане использовали свой козырь внезапности — воздушный способ вывода в район выполнения боевой задачи. Аэромобильные действия спецназа обеспечивали не только внезапность, но и значительно экономили силы разведчиков. Проведение налета с десантированием разведывательных групп вертолетами посадочным способом непосредственно у объекта налета обеспечивали не только внезапность, но и огневое превосходство над противником. Не столько огнем боевых вертолетов, сколько применением десантируемыми разведорганами оружия поддержки: крупнокалиберных пулеметов, автоматических и противотанковых гранатометов, реактивных пехотных огнеметов и других систем тяжелого оружия, доставлявшихся на огневые позиции транспортно-боевыми вертолетами МИ-8. В этих условиях отсутствие полноценной разведывательной информации об объекте налета разведчики компенсировали огневым превосходством над противником.

В случае воздушного вывода разведгрупп в район проведения налета, уже в ходе боя они вели разведку целей и поражали их огнем стрелкового и тяжелого оружия, а при необходимости — наведением на цели авиации или огнем поддерживающей артиллерии. При определенном опыте проведения таких налетов, а он у спецназа бесспорно имелся, разведчикам без потерь удавалось захватывать не только отдельные огневые позиции, наблюдательные посты, склады или охраняемые тайники с оружием и боеприпасами, но и уничтожать крупные бандформирования в местах их отдыха (проживания) или укрепрайоны вооруженной афганской оппозиции («Гошта», «Висатичингай», «Хадигар» и др.).

Нередко объектами налета становились места дневного отдыха караванов с оружием и боеприпасами, выявленные досмотровыми разведывательными группами спецназа в ходе ведения воздушного патрулирования — облета.

Яркий тому пример: налет разведчиками 668 оо СпН в апреле 1987 года на караван моджахедов на дневке в окрестностях кишлака Абчакан (48 мятежников и 193 вьючных животных), провинции Логар, в ходе которого было захвачено 47(!) ПЗРК, 8 безоткатных орудий и более 50 единиц стрелкового оружия. Караван уничтожен полностью.

Но были налеты и с трагическими для спецназа последствиями, ведь налет — это не только наиболее результативный способ специальных действий, но и один из самых рискованных. Именно при проведении налетов разведчики больше всего теряли своих боевых друзей.

Во второй декаде марта 1986 года наш 154 отдельный отряд специального назначения с оживлением воспринял информацию о предстоящем проведении налета на перевалочную базу моджахедов. В целях конспирации ее место не оглашалось, но все знали, что действовать придется в горном кишлаке, и соответственно к этим действиям готовились. За несколько дней до самого налета, разведывательный отряд спецназа от 3 роты в ходе разведывательно-поисковых действий в южных предгорьях Хадигара (Черных гор) провел рекогносцировку района предстоящего налета. Истинные цели РПД — разведка района проведения налета и подбор площадок десантирования — знал только командир разведотряда.

Я являлся старшиной 1 роты спецназа, от меня требовалось своевременно, согласно поданными командирами групп заявкам, получить на роту боеприпасы (на подготовку к налету и сам налет), сухие пайки и различное мелкое, но необходимое имущество. В хозяйственной суматохе я все же не забыл пристрелять личный автомат и доукомплектовать боеприпасами трофейный китайский пояс для автоматных магазинов, а прощсе — «лифчик».

19 марта разведывательные группы отряда с первыми лучами солнца были уже на аэродроме взлета армейской авиации Джелалабад. Я попросился в 1 разведывательную группу лейтенанта Виктора Красильникова, в которой, кроме самого Виктора, служили несколько моих близких товарищей — надежных сержантов и бойцов срочной службы. Я ведь и сам был почти их сверстником, недавно окончившим школу прапорщиков воздушно-десантных войск в Прибалтике.

Полет от аэродрома взлета Джелалабад до площадки десантирования занял около 30 минут. О подходе к посадочной площадке мы догадались по противозенитному маневру вертолета — рыскающему движению несущейся на максимальной скорости машины, чуть ли не цепляющей винтами и колесами шасси пронносящую под нами землю. В этот момент наивысшего предбоевого нервного напряжения обычно все дружно начинали подкалывать друг друга, изо всех сил стараясь удержаться на «сидушках» салона вертолета. Вибрирую корпусом, наша «восьмерка» сбросила скорость и, пару раз подпрыгнув от контакта шасси с землей, присела на сопку. Покидали вертолет и занимали круговую оборону мы уже под грохот стрельбы — и нашей, и духов. Огневое воздействие противника на этапе десантирования ничего хорошего не предвещало. Мы потеряли свой основной козырь — внезапность, и противник на некоторое время перехватил инициативу.

Духи, предвидя последствия собственного окружения в кишлаке, зеленым оазисом примыкающего к горам Торгар, стали прорываться из блокируемого селения между тремя нашими посадочными площадками. Две площадки десантирования 1 и 2 роты разделял овраг, а площадку 3 роты от нас отделяла старая Кабульская дорога. Духи попытались отойти в горы по оврагу. Достать их в овраге мог только огонь подствольных гранатометов, так как огонь стрелкового оружия представлял серьезную опасность для соседей. Зато духи веером поливали огнем автоматов окружающие их сопки. Не имея возможности быстро укрыться от плотного огня противника, в первые мгновения десантирования получили ранения старшина и радист 2 роты. Несмотря на серьезное ранение, жизнь старшего прапорщика медикам удалось спасти. Радиотелеграфист получил пулевое ранение с повреждением паховой артерии. При таком ранении, если оперативно обильное кровотечение остановить не удастся, смерть наступает от потери крови в течение нескольких минут. Остановить кровотечение в области паховой артерии мог только медик, но его рядом не оказалось...

В течение десяти-пятнадцати минут нам удалось уничтожить отходящих мятежников огнем всех трех разведотрядов. Остальные были блокированы в нескольких домовладениях кишлака Кулала. С первых минут боя

стало ясно, что разведанные о нахождении на перевалочной базе духовских караванов бандгруппы численностью 15-20 человек явно устарели. В кишлаке и на прилегающих склонах гор мы насчитали около полусотни ослов и лошадей. Это указывало на то, что в Кулале остановился на дневку крупный вьючный караван. В последующем у захваченного 3 ротой пленного было установлено, что в Кулале находится около 80 мятежников. Таким образом, количественное соотношение личного состава нашего разведотряда, состоящего из шести разведывательных групп по 10-12 разведчиков в каждом из шести десантировавших нас вертолетов МИ-8МТ и бандгруппы было не в пользу нападавших.

Нашей группе и группе из 2 роты удалось захватить два домовладения, уничтожив укрывшихся в них боевиков. В одном из дворов лейтенант Красильников подобрал громкоговоритель, при помощи которого обычно управляли группой полевые командиры моджахедов. Вбежав в очередной двор, Витя стал подавать команды подчиненным, которые уже досматривали дворовые хозяйственные постройки. Всюду гремели разрывы гранат, слышались одиночные выстрелы и стрельба короткими очередями — духи не желали сдаваться без боя. В грохоте боя я все же услышал Витькины команды и побежал за ним. Забежав через ворота во двор, я увидел Красильникова уже лежащим на земле. Не обратив внимания на сержантов Коваленко, Рожновского и рядового Мочернюка, укрывшихся под навесом одной из дворовых построек, я бросился к командиру. В этот момент сильный удар в грудь отбросил меня на землю. Я стал задыхаться от острой боли в груди, в глазах поплыли черные круги, и на какое-то короткое время я потерял сознание. Дальше события развивались с поразительной быстротой, но описание их требует большего времени.

Духовский пулеметчик, вооруженный чешским 7,92-мм пулеметом ZB/VZ-26 Вто, тяжело ранивший лейтенанта Красильникова и меня, занял оборону на втором этаже глинобитного дома. Сержант Павел Рожновский, действуя в тройке с сержантом Коваленко и рядовым Мочернюком, решил уничтожить пулеметчика, но едва он ступил на лестницу, как был сражен очередью того же пулемета. От прострела пулей на Пашке загорелся «пирофакал» (наземный сигнальный патрон красного огня — НСП-КО), обжигая пламенем лицо уже мертвого разведчика... Санинструктор роты Миша Мочернюк бросился к товарищу, надеясь еще помочь своему другу, но, сраженный огнем пулемета, упал рядом с ним.

В это время разведчики соседних групп и подгрупп уже спешили к злополучному двору. Передвигаясь перебежками в нескольких десятках метров от спасительного глиняного забора — дувала, получил смертельное ранение

рядовой Анатолий Кушнеров. Когда Толика ранило, он вскрикнул и упал в перекопанный арык. На оклик товарищей он ответил, что у него все в порядке... Каково было их удивление, когда несколько минут спустя его обнаружили мертвым — пуля попала в печень и задела другие жизненно важные органы.

Через довольно короткое время я пришел в сознание, все еще оставаясь посреди двора. Витка Красильников лежал рядом без сознания. Дух, по всей видимости, считал нас мертвыми. Я кивнул сержанту Коваленко, и он бросил мне плащ-палатку, к углу которой была специально привязана веревка. Превозмогая боль, я накатился на развернувшуюся плащ-палатку, вцепившись в нее руками

Прощание с погибшим лейтенантом Красильниковым.

и зубами. Вася в одно мгновение волоком вытащил меня из зоны обстрела под навес. Здесь огонь укрывшегося сверху духа уже не представлял опасности. Вася быстро вколот мне раствор промедола (обезболивающее средство) и наспех перебинтовал поверх одежды живот, на котором выступила кровь. Вася использовал свой и мой индивидуальные перевязочные пакеты — ППИ. Свою ошибку он понял тогда, когда по моей просьбе он посадил меня, прислонив спиной к стене. Раны оказались выше повязки — две пули навывлет пробили грудь, и кровь, вытесняемая воздухом из пробитого правого легкого, хлынула из раны. Третьего перевязочного пакета у нас не было... Его по Васькиной просьбе бросил нам из-за калитки рядовой Саня Егоров (погиб десять дней спустя, 29 марта, при отражении контратаки моджахедов в ходе захвата укрепрайона «Карера»). Легкий матерчатый ППИ не долетел нескольких метров до навеса. Я не успел удержать Васю, как он в порыве, спасая мою жизнь, потянулся за ним. Пулеметная очередь над моей головой сменилась оглушительной тишиной. Вася неподвижно лежал, сжимая в руках перевязочный пакет. На земле, как в немой сцене кино, вокруг Васиной головы расплзлось кровавое пятно...

Подошедшие разведчики, определив, откуда бьет пулемет, прижали пулеметчика огнем и не давали ему высунуться в окно или дверь, но дух продолжал вести неприцельный огонь короткими очередями.

Последнюю точку в этой трагической истории поставил прибывший к нам на помощь заместитель командира 3 роты лейтенант Геннадий Удовиченко. Он, приказав нам всем отойти через пролом в дувале, решился на отчаянный шаг. Гена пробрался к помещению, где укрывался пулеметчик и, перекрикиваясь с ним, закрепил штурмовой заряд на опорном столбе под потолком первого этажа.

Меня и Красильникова уже эвакуировали на безопасное расстояние, и мы уже беспокоились за Генку. Со двора постоянно слышалась пулеметная и автоматная стрельба (Геннадий был вооружен автоматом). Как позже выяснилось, поджечь огнепроводный шнур зажигательной трубки Удовиченко смог только с третьей попытки. Ему, оставшемуся одному, то и дело приходилось постреливать из автомата, давая понять противнику, что разведчики все еще находятся во дворе.

Взрыв прогремел прямо под ногами духа, обрушив под ним пол и стены. Рискнул Гена здорово, но выбора не было. Он принял решение и поступил так, как диктовали условия обстановки — не рискуя жизнями своих подчиненных.

Старший сержант Коваленко Василий Владимирович погиб 19.03.1986, закрыв своим телом командира в бою. Представлялся к званию Героя Советского Союза. Награжден орденом Красного Знамени (посмертно) 9.09.1986 г.

Ежегодно боевые соратники приезжают в день гибели В.В.Коваленко на могилу героя. На фото: в центре ветераны отряда инвалиды войны Ю.П. Дурнев, В.В. Фрунза, справа — А.П. Гайдабура. (Фото 19 марта 2011 г.)

Когда бой окончательно затих, меня, лейтенанта Красильникова и других раненых эвакуировали в медицинскую роту 66 омсбр. Спустя три дня Витя Красильников умер на госпитальной кровати от полученных в бою ран.

Первое, что я сделал, поправившись после ранения, посетил мать Васи Коваленко в селе Лыповеньки Кировоградской области в Украине. До последних дней своей жизни Васина мать хранила военную форму и награды сына — медаль «За отвагу», орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды.

Позже неоднократно встречался с родными ребят, погибших в бою 19 марта 1986 года. Тех моих боевых друзей, которым я обязан жизнью. Огромное вам спасибо. Я помню вас. Мы вас помним...

ОПЕРАЦИЯ «КАРЕРА»¹

Базовый укрепленный район «Карера» был оборудован афганской вооруженной оппозицией в начале 80-х годов в двадцати километрах южнее административного центра провинции Кунар г. Асадабада на стыке границ Афганистана и Пакистана. По имеющимся разведанным, гарнизон укрепленного района насчитывал 80-100 боевиков, принадлежавших партии «Исламский союз освобождения Афганистана» (ИСОА), одной из семи оппозиционных наиболее непримиримых по отношению к кабульскому правительству партий.

Размещался укрепленный район в высокогорной местности на участке афгано-пакистанской границы. Высота гор составляла около 2000 м, северные склоны и долины ущелий которых поросли вечнозеленым кустарником (падубом), сосной и другими деревьями.

Основными боевыми порядками укрепленного района являлись опорные пункты, сторожевые посты предупреждения, располагавшиеся на вершинах и гребнях горных хребтов, связанные единой системой огня, радио- и телефонной связью. В ущелье Крер (местное название, видоизмененное советскими военнослужащими при наименовании укрепленного района) в строениях заброшенного кишлака Мамунда располагалась основная складская зона укрепленного района.

Один из подобных укрепленных базовых районов на северо-западе провинции Нангахар — Гошта был захвачен и полностью уничтожен подразделениями Спецназа в январе 1986 года. Операция по его захвату была настолько удачной, что разведчики 154 и 334 отдельных отрядов специального назначения (ооСПН) при поддержке вертолетов и артиллерии без потерь уничтожили около 60 мятежников, все склады с боеприпасами и снаряжением, захватили в качестве трофеев три 14,5-мм зенитные пулеметные установки ЗПУ-1, семь 12,7-мм пулеметов ДШК, два 82-мм безоткатных орудия DKZ-82, три 82-мм миномета (все оружие китайского производства) и свыше тридцати единиц стрелкового оружия, в том числе и американскую 7,62-мм снайперскую винтовку М-21 (всего афганским моджахедам было поставлено от 30 до 100 таких винтовок), а также один

¹ Александр Валентинович Мусиенко, выпускник КВКУ. Службу в Афганистане проходил командиром группы спецназ, заместителем командира роты в 154 ооСПН. Прошел через десятки боевых операций. Ранен и контужен. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР», «За заслуги перед Отечеством» 4 степени и многими другими. Выполнял ряд специальных заданий командования в горячих точках планеты. Полковник разведки.

ПЗРК «SA-7» (египетского производства, аналог отечественного «Стрела-2»).

После такого головокружительного успеха командованием 15 отдельной бригады специального назначения (в которую организационно входили 154 и 334 ооСпН) было принято решение на захват и уничтожение укрепленного базового района «Карера».

Согласно решению командира бригады, налет проводился силами двух отдельных отрядов (в Спецназе отряд приравнивается к батальону) при огневой поддержке приданной артиллерийской батарее 122-мм гаубиц Д-30 и огневого взвода РСЗО БМ-21 «Град».

Основной замысел операции заключался в скрытном выходе двух разведывательных отрядов (РО СпН №100 и РО СпН №500) по отдельным направлениям с задачей блокировать и уничтожить к рассвету 29 марта 1986 года опорные пункты моджахедов с последующим захватом складской зоны. С захватом укрепрайона планировалась эвакуация отрядов с захваченными трофеями, транспортно-боевыми вертолетами. Специальную операцию планировалось провести менее чем за сутки, включая время на выдвигание из пункта постоянной дислокации. Подразделения, привлекаемые для проведения операции, совершив из пунктов постоянной дислокации марш на бронетехнике, к 20.00 28 марта прибыли в исходные районы. С наступлением сумерек РО СпН №100, переправившись через реку Кунар на канатном пароме челночным способом и преодолев минное поле с помощью местных проводников — военнослужащих ВС Афганистана, начали выдвигание к пограничному хребту, обходя укрепрайон справа.

РО СпН №500 переправился через реку Кунар по Навабадскому мосту и, продвигаясь вдоль хребта Спина, ближе к полуночи был остановлен огнем крупнокалиберных пулеметов противника с занимаемых мятежниками на хребте позиций охранения и опорного пункта №1 (здесь и далее названия опорных пунктов условные). По имеющимся разведывательным данным, на хребте размещался лишь небольшой сторожевой пост, но разведчики 500 разведотряда встретили там ожесточенное сопротивление более значительных сил противника. Разведчикам РО СпН №500 в ходе ночного боя удалось сбить противника с хребта, но выйти в указанный срок на определенный решением командира бригады рубеж разведотряд не смог.

РО СпН №100 (126 человек, включая нескольких афганцев), немного отклонившись от определенного ранее маршрута, совершив пятнадцатикилометровый марш, к исходу ночи 29 марта вышел на указанный ему участок афгано-пакистанской границы. До рассвета оставалось не более 20-30 минут. В ходе выдвигания отряд отклонился от установленного ранее маршрута. На начальном этапе пути причиной изменения маршрута

явилась «ошибка» проводника афганца (он обходил известные ему посты охраны моджахедов). Когда моджахеды обнаружили себя огнем с ОП №1, командир отряда принял решение изменить намеченный маршрут, обходя противника по обратному склону хребта. Отряд выдвигался по наиболее безопасному, но более сложному маршруту, продираясь сквозь заросли кустарника и карабкаясь по скалам, стирая до крови ногти...

Командованием операции было принято решение силами РО СпН № 100 уничтожить противника в опорном пункте №1 и блокировать участок границы на высоте с отм. 2180 — 2182.

Противник, потеряв сторожевые посты восточнее отметки 1970, сдерживал продвижение РО СпН № 500 огнем ручного стрелкового оружия с вершины г. Спина и огнем крупнокалиберных пулеметов из опорного пункта № 1. Разведотряду удалось, не понеся потерь, закрепиться под огнем противника на западных и южных отрогах хребта Спиначука и даже продвинуться на один километр вперед, несмотря на огневое противодействие с самого хребта.

После короткого уточнения задач командиром 100 отряда между ним и командиром первой роты возник небольшой спор из-за порядка предстоящих действий, так как задержка 500 отряда вносила существенные изменения в расстановку сил. Теперь нашему отряду предстояло не только блокировать участок государственной границы протяженностью около четырех километров, но и захватить по меньшей мере два опорных пункта противника — «Мамунду» и «Основной», расположенные на высоте с отметкой 2180. Несмотря на настойчивый совет командира 1 роты капитана Олега Мартьянова не расплывать силы и без того некрупного отряда (менее 50% от штатной численности), командир батальона все же принял решение действовать отрядом по трем отдельным направлениям с задачами:

— 1 роте в количестве 26 человек занять оборону в районе высоты с отметкой 2182 с задачей: не допустить отхода противника в сторону Пакистана и подхода оттуда его резервов;

— 2 роте с группой управления отряда (всего около 40 человек) захватить опорный пункт «Основной»;

— 3 роте захватить опорный пункт «Мамунда» и обеспечить, при необходимости, огнем выход 500 отряда к пограничному хребту.

При подходе 1 роты к высоте 2182 артиллеристы, неизвестно по чьему указанию, начали пристреливать плановые цели, и нас в сотне метров от указанной высоты накрыло 122-мм зажигательно-дымовым (пристрелочным) снарядом. От разорвавшегося в двадцати метрах снаряда никто не пострадал, но спустя несколько секунд с «нашей» горки раздался усиленный громкоговорителем тревожный крик афганца — чего мы совсем не

***Начальник разведки капитан
Особенко Вадим Викторович.***

ожидали и чему были удивлены больше, чем разрыву снаряда. Командир роты, вызвав меня к себе, поставил задачу — занять 2 группой соседнюю высоту и быть в готовности поддержать огнем штурм 1 группы позиций моджахедов. На полпути до высоты к нам присоединились начальник разведки отряда лейтенант Вадим Особенко с четырьмя бойцами в качестве усиления моей группы (двое с 7,62-мм пулеметами ПКМ).

Наши передвижения под самым носом у духов скрывала предрассветная мгла и легкий туман, 1 группа заняла исходный для штурма рубеж в 40-50 метрах от противника. Две наши группы отделяло 200-250 метров, но благодаря такому размещению противник попадал под перекрестный огонь. Моя группа, рассредоточившись попарно, заняла круговую оборону, причем три четверти личного состава имели возможность вести огонь и в сторону Пакистана. С занимаемой 2 группой высоты просматривались все подступы к укрепленной на глубину до нескольких километров.

Проверив с помощью шомпола, не заминировано ли оборудованное кем-то на высоте вершины стрелково-пулеметное сооружение (СПС), я устроил в нем свой командно-наблюдательный пункт, где со мной находились снайпер и санинструктор.

Несмотря на все наши старания, моджахеды, скорее всего вычислили наши маневры и, услышав канонаду штурма опорного пункта «Мамунда», начали отходить в сторону Пакистана, незаметно обойдя 1 группу, но были остановлены огнем с моей стороны и засели за валунами в расщелине. Я вызвал по радиостанции 1 группу и попросил обработать духов подствольными гранатометами ГП-25 (мои не доставали — дальность более 400 метров). Указав азимут и дальность до цели, я около минуты ждал результатов огня в готовности его подкорректировать, так как противник со стороны 1-й группы не просматривался. Наблюдая точный разрыв гранаты подствольника, я испытывал радость, но она длилась ровно столько, сколько требуется гранате РПГ-7 для преодоления расстояния в 450 метров... Разорвалась граната в 10 метрах впереди моего СПС, но теперь точно

зная, где засел гранатометчик, я дал группе целеуказание трассирующими пулями. Дух-гранатометчик успел сделать еще один выстрел в нашу сторону, но совершил большую ошибку, забыв сменить огневую позицию — моя группа сосредоточенным огнем смела его.

Такая же участь постигла еще нескольких человек из отходящей группы, но все же двум или трем боевикам удалось прорваться в Пакистан, о чем немедленно было сообщено руководителю операции.

Убедившись, что противник оставил свой опорный пункт, 1 группе ничего не оставалось, как осмотреть брошенные позиции. Обнаружив готовые к бою 12,7-мм ДШК и 14,5-мм ЗПУ-1, а в трех пещерах с пристройками складированные для указанного выше оружия боеприпасы, 107-мм реактивные снаряды — РС и... полевой телефонный коммутатор. После захвата первой ротой узла связи, не считая перерезанных при выдвижении ночью телефонных кабелей, противник лишился телефонной связи между опорными пунктами и руководством базы в Пакистане.

В предрассветных сумерках 3 рота в ходе скоротечного налета штурмом овладела опорным пунктом «Мамунда», уничтожив около пятнадцати боевиков, захватив два крупнокалиберных пулемета ДШК, одну спаренную ЗПУ-2, 82-мм миномет, а в последующем и складскую зону базы в нежилом кишлаке Мамунда. Несколько моджахедов, контуженных в блиндаже разрывом ручной гранаты, были захвачены в плен. При штурме опорного пункта погиб один военнослужащий 3 роты.

Отсутствие запаса темного времени не позволило 2 роте захватить опорный пункт «Основной», поэтому сразу же после разделения отряда рота заняла оборону на пограничном хребте в районе перевала Гулпрай, расположившись значительно ниже высоты 2180, на которой находился опорный пункт противника, что является грубейшей ошибкой при ведении боевых действий в горах.

Подводя итоги первого основного этапа операции, следует отметить, что задача двух отрядов была выполнена почти полностью (не считая захвата пункта «Основной») лишь подразделениями 100 отряда. В ходе налета ранним утром 29 марта было уничтожено около 20 мятежников, захвачено две ЗПУ, три ДШК, миномет, пленные, а также арсеналы с боеприпасами и снаряжением — этого было более чем достаточно при проведении операции.

После успешных действий 1 и 3 рот 100 отряда наступило относительное затишье (самое неприятное в операциях подобного рода). Добросовестно выполняя команду готовиться к эвакуации, мы уничтожали консервы сухпайка, выданного с расчетом лишь завтрака, и ждали к 8.00 вертолеты, наспех закрепившись на достигнутых рубежах.

Моя группа, соорудив легкие СПС, пригодные разве что для ночной засады, отдыхала после ночного марша, а дежурные наблюдатели не без интереса рассматривали в бинокли и оптические прицелы территорию Пакистана. Укрывшись от холодного ветерка на дне СПС, сквозь легкую дрему я услышал сухой щелчок выстрела со стороны Пакистана в нашу сторону, а затем стон раненого. Ранило пулеметчика Шагарова — нужен промедол, а шприц-тюбики с обезболивающим только у меня. Позабыв второпях о лежащем рядом со мной санинструкторе отряда, прошу прикрыть меня огнем из соседних СПС и перебегаю двумя короткими перебежками к раненому. Едва успеваю упасть за камень рядом с Шагаровым, как тут же чуть позади шмякает пуля снайпера. Под огнем противника перевязываю рану, лежа на боку, предварительно разрезав ножом обмундирование — пуля вошла чуть выше ключицы и вышла, раздробив кости, через лопатку, к счастью, не задев легких и крупных кровеносных сосудов. Израсходовав два перевязочных пакета (свой и раненого), прошу снова прикрыть меня огнем и возвращаюсь обратно, но из-за плотного ответного огня — снайперу помогают несколько автоматчиков — залезаю в СПСе Кононенкова и Бузы. Их СПС сработано качественно, но духи бьют прицельно, одиночными выстрелами сбивая верхние камни укрытия, и мы, ведя ответный огонь, быстро окапываемся, орудуя лишь ножом и шомполами.

Под прикрытием огня 2-3 снайперов и нескольких автоматчиков, вынуждающих нас ослабить наблюдение за полем боя, противник подтягивает силы и небольшими группами обходит нас с флангов, в чем ему способствуют густой кустарник и горный лес, находящийся между нашими позициями и пакистанской долиной. Спустя некоторое время по всей долине и гребням хребтов появляются группы по 8-15 моджахедов, бегущих в колонне по одному в нашем направлении, но их существенно сдерживает вызванный и корректируемый нами огонь артиллерии.

Сзади и правее нас непрерывным потоком с дистанцией 20-30 м (с целью достижения минимальных потерь от разрывов наших артиллерийских снарядов) духи накапливаются на высоте 2180, откуда по 2 роте ведут огонь безоткатка и крупнокалиберные пулеметы. За весь последующий период пребывания в Афганистане (26 месяцев) мне ни разу не приходилось видеть такое большое количество моджахедов...

Противник, блокировав огнем 1 и 2 роты, подтянув с пакистанских лагерей резервы, просочился в глубь укрепрайона, отрезая нашим ротам путь отхода. Менее чем через 2 часа боя стала ощущаться катастрофическая нехватка боеприпасов к стрелковому оружию (мы брали в налет по 800-1200 патронов на ствол).

Объяснение такому «крупному нашествию» моджахедов дали радио-разведчики, перехватившие радиопереговоры о том, что в район боя из центра подготовки боевиков ИСОА был переброшен автотранспортом полк Саяфа — личная гвардия лидера оппозиционной партии — в количестве 360 человек, а боевым группам моджахедов, находящимся в приграничных районах, поставлена задача на блокирование командного пункта и бронегруппы.

Как и следовало ожидать, «духи» полностью окружили 2 роту и, связав огневым боем все остальные наши подразделения, пошли на штурм позиций роты сверху вниз при огневой поддержке атаки с опорным пунктом «Основной».

Какое-то время противника сдерживали огонь миномета и пулемета ДШК с позиций 3 и 1 рот, но запас мин был исчерпан, а в ДШК от перегрева разорвало ствол. На помощь роте вышла часть сил 3 роты, но пробиться ко 2 роте группа под командованием заместителя командира отряда капитана Василия Ф. смогла лишь ближе к вечеру,

Захватить позиции 2 роты моджахедам так и не удалось. Поняв тщетность своих усилий, они сосредоточили все основные силы на первой роте, понимая, откуда корректируется губительный огонь артиллерии и с захватом позиций которой все наши подразделения, находящиеся в УР, оказались бы в огневом мешке.

Надо отдать должное тактическому искусству противника — контратака проводилась им профессионально. Но моджахеды не учли одного — против них воевали профессионалы не хуже. Обладая значительным превосходством в живой силе, но неся огромные потери от артиллерийского огня, духи действовали по своей классической тактике «захватили нас за пояс» (сблизились на расстояние, не позволяющее нам в целях безопасности применять артиллерию), а затем применили способ разгрома противника, называемый мной «поеданием пирога» — расчленив наши боевые порядки, последовательным сосредоточением усилий уничтожали очаги сопротивления точно так же, как поедается предварительно разрезанный на маленькие кусочки пирог. Причем, когда духам не удалось проглотить первый кусок пирога — 2 роту, они принялись за второй — первую роту.

Мою группу от боевиков оппозиции отделяло чуть более пятидесяти метров, так как подойти ближе к противнику мешали разрывы наших ручных осколочных гранат. Интенсивность огня моджахедов была настолько высокой, что мы, находясь выше противника, не имели возможности даже на мгновение выглянуть из буквально тающих на глазах СПС (благо, достаточно укрепленных к этому времени) — именно такая интенсивность огня предшествует броску в атаку. Ожидая атаку противника, находясь под кин-

жальным перекрестным огнем, я пытался вызвать с началом атаки огонь артиллерии на себя, ведя радиопереговоры об этом с командиром артбата-рей, но командир отряда, выйдя в эфир, запретил это делать, после чего мы оставили по последней ручной гранате в каждом СПС на известный случай — попасть в лапы духов желающих среди нас не было. Именно в эти критические минуты в небе появились «сталинские соколы» — так окрестил вертолетчиков в эти минуты командир 500 отряда майор Григорий Б. «Кобра» — и это был самый лестный эпитет на данный момент...

Мы так и не узнали правду о более чем трехчасовой задержке вертолетов при двадцатиминутном времени полета с аэродрома базирования (а/п Джелалабад). Среди многих названных нам причин были и такие нелепости, как нелетная погода — при ясном погожем дне, а также запоздалое

Гордо реет в небе Кутный, славный сталинский орел

— для большинства из нас осталось загадкой.

Вертолеты появились на максимальной высоте полета, и вертолетчики, выслушав наши упреки, попросили нас обозначить себя сигнальными дымами и ракетами, но заметить их с высоты более чем 3000 метров они смогли не сразу, а спускаться на меньшую высоту категорически отказались.

На боевой курс вертолеты заходили почти вертикально и, сделав один-два залпа из пушек или НУРС (неуправляемые реактивные снаряды), снова взмывали на максимальную высоту. Как бы там ни было, но с появлением вертолетов «духи» прекратили интенсивный обстрел наших позиций.

Убедившись, что сегодня необходимой огневой поддержки с воздуха ждать не стоит, мы с начальником разведки отряда приняли решение на отход для воссоединения с 1 группой, так как противник уже вклинивался

приготовление завтрака в летной столовой — что у вертолетчиков иногда и случалось, но задержка в таких случаях не превышала одного часа. Вертолетчики выручали нас десятки раз, благодаря их снайперским ударам управляемыми ракетами «Штурм» был захвачен двумя месяцами ранее УР «Гошта», но что произошло 29 марта 1986 года

между нашими группами, и 2 группе грозило полное окружение.

К этому времени в моей группе были двое ранены, но они могли самостоятельно передвигаться. Мы прекрасно понимали: после того, как вертолеты улетят, духи расправятся с нами за несколько минут, хотя и на отход без потерь шансов не оставалось. Сделав переключку и определив порядок отхода, мы начали вытягивать на себя располагавшихся ниже всех по склону раненого Шагарова и Москвинова. Отход раненого мы прикрыли огнем и оранжевым сигнальным дымом, но с Москвиновым возникла задержка — отходить под огнем противника, несмотря на слова приказа и даже угрозы тех, чей отход он явно задерживал, Дмитрий категорически отказывался, его последние

Боевой соратник, славный вертолетчик Юрий Онипко

слова: «Отходите — я прикрою»... Медлить было опасно — каждая секунда решала судьбу всей группы. Отходя по одному и прикрывая друг друга, мы сосредоточились на непростреливаемом пятачке вершины, отсутствовали лишь рядовые Буза и Москвинов. Александр Буза был сражен автоматной очередью, едва поднявшись следом за мной из СПС, а длинная очередь из пулемета, оставшегося у Москвинова, оборвалась с разрывом гранаты...

Отправленный посмотреть, что с отсутствующими, младший сержант Войцеховский был встречен духовскими очередями с расстояния 20-30 метров, едва успев откатиться за камень.

Вся группа молча уставилась на меня: «Что будем делать, командир?» Как можно короче объясняю бойцам, что на прежние позиции нам не возвратиться, но, даже заняв их с боем, потеряем еще несколько человек, и, не имея достаточного количества боеприпасов, в конечном итоге погибнет вся группа, так как единственный путь отхода будет отрезан... «Бузу и Москвинова, кто останется жив, подберем ночью», — делаю в конце заключение. После моих слов у кого еще оставались ручные осколочные гранаты, метнули их по духам, крики команд которых были слышны в нескольких десятках метров, и по предварительной договоренности всей группой рассыпным строем бросились к узлу связи, куда к этому времени успели

отойти начальник разведки и рядовой Егоров и предупредить 1 группу о нашем отходе.

После разрыва наших гранат духи выскочили на вершину горки, когда мы преодолели большую половину пути. Их автоматные очереди лишь заставили нас петлять, так как укрыться от пуль на травянистом склоне хребта было негде. В нескольких десятках метрах от конечной точки маршрута отхода противник открывал по нам огонь справа — духи успели вклиниться между нашими группами, сбив часть 1 группы с горки, которую она заняла рано утром.

Все больше и больше «фонтанчиков» и «царапин» появляется на земле у меня перед ногами, начинает казаться, что бежишь слишком быстро. Рискую напороться на пули и... падаю, притворившись убитым. Мысль притвориться убитым пришла неожиданно, словно голос свыше, но проделывать подобный трюк лишний раз никому не рекомендую, т. к. в бою по сраженному противнику большинство делает контрольный выстрел. Чуть позади меня падает Войцеховский, умудряясь втиснуться в небольшую промоину, которую я даже не заметил, и шепотом спрашивает, жив ли я. Вместо ответа я вскакиваю и бегу к сараю, из-за которого нас прикрывает рядовой Кириллов. Взбежав на горку, я вваливаюсь в сарай и, запнувшись у входа, падаю руками на навозную подстилку, на меня налетают бегущие следом. Наша попытка выглянуть из сарая и прикрыть отход остальной части группы вызывает интенсивный огонь моджахедов по двери сарая. Выйти на связь с Войцеховским я не могу — радиостанцию с разрядившимися батареями он разбил и бросил в СПС перед отходом как лишний груз. На секунды выглядывая из сарая, мы никого обнаружить не можем, но по звукам боя слышно, что духи ведут огонь только по нам, а стрельба со стороны Войцеховского слышна значительно ниже по склону. Осматриваю сарай: стены более полуметровой толщины сложены из плоских колотых камней, выдержат не только попадание гранаты РПГ-7, но и безоткатного орудия, и вслух сообщаю в конце осмотра свои выводы. В подтверждение моих слов спустя несколько минут с наружной стороны раздаются один за другим четыре разрыва, после которых в стене появляются просветы, а на нас сыплется глиняная обмазка потолка. На этом обстрел сарая на некоторое время прекращается, и духи переносят огонь безоткатки по СПС, оборудованным первой группой вокруг узла связи. После прямого попадания снаряда в одно из сооружений погибают переводчик роты старший лейтенант Розиков и радиотелефонист рядовой Якута, а чуть позже получает смертельное осколочное ранение в живот рядовой Виктор Эйнорис. Не имея возможности противостоять огню безоткатных орудий, 1 группа час-

тью сил отходит к расположенному ниже по хребту скальнику. При отходе погибает рядовой Егоров, пытаясь прикрыть дымами отход товарищей...

Духовское СПС, которое я приспособил утром под свой КНП, скорее всего, был подготовленной позицией БО-82, а само орудие и боеприпасы, вероятно, находились в одной из построек, которые мы обнаружили с рассветом недалеко от своих позиций. После отхода части 1 группы к скальнику духи снова открыли огонь по нашему сараю, и я предлагаю сменить укрытие, перебежав в находящиеся выше по склону пещеры, от которых нас отделяет площадка-терраса высотой более одного метра. Решение мое рискованное, так как противник простреливает с 30-40 метров выход из сарая, который, не имея смотровых отверстий (бойниц), не позволяет определить точное местонахождение духов. А они, как оказалось позже, заняли часть оставленных первой группой укрытий. Первым на попытку прорваться к пещерам решаюсь сам. При преодолении уступа террасы облако вздымаемой пулями пыли и песка и грохот автомата над головой вызывают парализующий ужас — над входом в пещеру стоит в полный рост дух и расстреливает меня, ведя огонь из автомата от пояса. Выпустив непрерывной очередью 10—15 пуль, он резко садится, а я, оторвавшись всем телом от земли, буквально влетаю в пещеру. Позже я узнал, что вставшего в полный рост обнаглевшего духа снял метким выстрелом наш снайпер со стороны скальника. Оказавшись в пещере, кричу своим бойцам, чтобы остались в сарае и никуда не дергались, так как сверху над пещерами духи.

Мое новое убежище представляет собой узкую расширяющуюся в глубину до полутора метров и длиной до четырех метров пещеру, перегороденную железным шкафом-сейфом, имеющую высоту немногим более полутора метров. Пол пещеры застлан куполом парашюта авиабомбы, на котором разбросаны упаковки с медикаментами, мотки телефонного кабеля, небольшие аккумуляторные батареи, а в боковой нише уложены в штабель около тридцати 107-мм РС. Реактивные снаряды, имея аккумуляторы и провода, можно было бы с успехом применять по духам, подготовься мы к обороне, а не к эвакуации вертолетами.

Осмотрев себя с ног до головы, я обнаружил пропажу боевого ножа, сигнального пистолета и антенны радиостанции (вместо последней болтается кусок перебитого тросика), а также насчитал в обмундировании и снаряжении три пулевые рваные дырки. Вместо антенны вставляю отрезок подобранного на полу кабеля, заклинив его в антенном гнезде пуль калибра 5,45 мм (доставая пулю, насчитываю в единственном магазине лишь 14 патронов). Найденным в шкафу бинтом перевязываю слезящийся после попадания осколка пули глаз — тугая повязка снимает резко усиливающую-

юся в момент моргания боль. Роясь в шкафу, в поисках бинта, нашел несколько пачек 7, 62 мм автоматных патронов китайского производства и еще раз убедился в причине большой популярности 7,62-миллиметрового «Калашникова» среди военнослужащих боевых подразделений 40 армии. После этого боя «на войну» я ходил только с АКМС, применяя в основном трофейные патроны с бронебойно-зажигательными пулями, которые мы называли разрывными.

Реанимировав свою радиостанцию, прислушиваюсь к радиоэффиру, забитому несколькими более мощными, чем у меня, радиостанциями — пытаюсь связаться с командиром роты или отряда, но моя попытка сообщить о себе и группе даже с помощью выброшенного наружу конца «антенны» ни к чему не приводит — село питание радиостанции, но некоторое время она еще работает на прием.

Во второй половине дня моджахеды, не имея возможности захватить узел связи, подтянули тяжелое оружие и обрушили на наши позиции шквал огня безоткатных орудий и минометов, лишив нас возможности активного сопротивления. В это время в небе появились «Грачи» — штурмовики Су-25 и самолеты прикрытия ПВО МиГ-23 (после появления патрульного вертолета «Пума» не исключалось и появление авиации ПВО ВВС Пакистана в зоне боевых действий). Теперь к духовской канонаде прибавились разрывы авиабомб, которые пилоты мастерски клали в двух-трех сотнях метров от наших позиций. Воздушные налеты сменялись артиллерийским огнем дивизиона Д-30 и батареи «Град» 66 отдельной мотострелковой бригады, которые прибыли по тревоге в район боевых действий после радиоперехвата переговоров моджахедов об их решении «уничтожить всех неверных собак».

Постоянный грохот разрывов, ожидание штурма наших укрытий подошедшими на дальность броска гранаты моджахедами и отсутствие каких-либо шансов к активному противодействию вызывает леденящий душу страх, заставляющий думать лишь о легкой смерти (очередь в духов и...). Не знаю, что чувствуют в такие минуты другие люди, но я, устав от страха, стал испытывать чувства большие, чем страх, злость и обида одновременно, но это отдельная тема, касающаяся психологии экстремальных ситуаций.

Около 16.00 мое одиночество прервал прибежавший из соседней пещеры рядовой Алиев, а следом за ним ввалился смертельно раненый Сергей Косичкин. Оставшиеся в сарае бойцы, после того как духи стали монотонно долбить по нему из безоткатки, вчетвером (!) бросились к пещерам, но проскочил к ним лишь бегущий первым Кириллов, двое следовавших за ним (рядовые Подолян и Великий) были сражены автоматными очередями, а

четвертый, рядовой Реутов, вернулся обратно в сарай. Тела погибших ребят мы подобрали после наступления темноты, причем на СВД, принадлежавшей Подоляну, было пять пулевых пробоин — «духи» расстреляли винтовку, не имея возможности подобрать ее.

До самой ночи, не имея информации о гибели Егорова, Подоляна, Великого и о других наших потерях (радиостанция окончательно «затухла»), более всего меня беспокоила судьба той части моей группы, которая осталась с Войцеховским. Оказавшись под перекрестным огнем, командир отделения ползком по промоине вывел группу к расположенному ниже по склону кустарнику, после чего группа с боем пробилась к 3 роте. Наблюдая, как духи расстреливали из безоткатки сарай, Войцеховский пришел к выводу, что мы погибли, о чем и сообщил командиру 3 роты, после чего участь взятых утром в плен моджахедов была решена известным способом...

В течение более чем десятичасового боя моджахедам лишь незначительно удалось потеснить 1 и 2 роты. Не добившись тактического успеха, огонь их тяжелого, а затем и стрелкового оружия постепенно затих — на более решительные действия у боевиков оппозиции, видимо, не хватило ни сил, ни средств, ни времени.

С наступлением темноты, установив между собой звуковой контакт (пересвист), мы начали, соблюдая меры предосторожности, покидать свои укрытия. В этот момент из окопа, где стояла ЗПУ, небо прочертила длинная автоматная очередь трассирующих пуль — мы приготовились к отражению атаки, но, скорее всего, это был сигнал отхода. Моджахеды по религиозным и техническим причинам за очень редким исключением не воевали в ночное время.

Спустя несколько минут к нам подошла группа 3 роты, после чего командиром бригады было принято решение эвакуировать погибших (семь человек) и раненых 1 роты в кишлак Мамунда, куда к этому времени подошел 500 отряд, затем вместе с ним искать пропавших без вести.

Не имея достаточного количества личного состава для эвакуации раненых и убитых, последних пришлось тащить по склону волоком, пока навстречу нам не вышла одна из рот 500 отряда. Во время сбора и эвакуации погибших более всего меня поразил холод мертвых тел. При сравнительно теплой погоде у меня мерзли руки, когда мы поочередно одного за другим стаскивали погибших вниз. Выбываясь из сил, страдая от жажды, на пределе физических и психических возможностей, 1 и 2 роты к рассвету 30 марта эвакуировали всех раненых и погибших за пределы укрепрайона на площадку, безопасную для посадки вертолетов.

Офицеры Афиногенов и Зубков

вании. Мы поделились с офицерами ДШБ информацией о противнике, высказав ряд пожеланий и советов, как лучше организовать оборону, так как батальону была поставлена задача блокировать хребет Спинацука.

Нашу и вторую роты после эвакуации раненых и погибших перебросили вертолетами в район КП, где нам устроили что-то среднее между допросом и промыванием мозгов, из чего следовало, что мы и только мы несем ответственность за случившееся (?)..

Последующие двое суток операции противник активных действий не предпринимал. К исходу 30 марта были обнаружены считавшиеся пропавшими без вести тяжелораненый старший лейтенант Дмитрий Афиногенов и рядовой 3 роты, укрывшийся вместе с ним в расщелине скалы. Поиски пропавших без вести Москвинова и Бузы результатов не принесли — духи утащили их трупы.

Несколько месяцев спустя базовый укрепрайон «Карера» боевиками был полностью восстановлен. Через агентурный источник было установлено, что моджахеды потеряли убитыми и пропавшими без вести свыше ста человек — «трупы загрузили в три большие грузовика». Этот же источник сообщил, что мертвые тела Москвинова и Бузы духи унесли в ближайший пакистанский кишлак, куда приехал Расул Саяф с несколькими европей-

Личный состав десантно-штурмового батальона 66 ОМСБр, высадившись с вертолетов, с сочувствием и, кажется, со страхом смотрел на восьмерых укрытых окрощенными плащ-палатками погибших и на группу готовящихся к эвакуации раненых в оборванном и измазанном кровью обмундировании.

Подполковник Петунин А.А. умер через три года после ранения

цами. Из-за протеста местных жителей тела советских солдат якобы были отнесены на то место, где их подобрали, а затем присыпаны камнями. Решить проблему перезахоронения останков я попытался в 1991 году, но получил отказ на проведение такого мероприятия со стороны органов контрразведки.

При совершении налета на УР «Карера» 29 марта 1986 года наши общие потери составили: восемь человек погибших, двое пропавших без вести и около двадцати человек раненых, шесть из которых так и не вернулись в строй (подполковник Анатолий Петунин умер от старого ранения в 1989 году, во время очередной операции).

Потери такого масштаба для советского спецназа в Афганистане были крайне редки — в силу отличной подготовленности личного состава, тщательного планирования и умелого руководства боевыми действиями.

Как и следовало ожидать, оргвыводы последовали немедленно. Спецназу отныне запрещалось проводить налеты на укрепрайоны, вести боевые действия в пятнадцатикилометровой приграничной полосе, а все решения на налет утверждались только штабом 40 общевойсковой армии.

Итогом налета на УР «Карера» стало несправедливое, по мнению большинства офицеров, смещение с должности командира бригады Бабушкина В.М., а также наказание всех участвовавших в операции офицеров (за исключением погибших и раненых) в виде возврата представлений к правительственным наградам. Вертолетчиков, кажется, никто даже не пожурил — потерь у них не было.

Сотни раз анализируя описанную боевую операцию, я прихожу к выводу: знай мы заранее о задержке вертолетов, роты смогли бы хорошо подготовиться к обороне, используя захваченное оружие и боеприпасы, зная, что «кунарские духи», имея под боком Пакистан, обязательно пойдут в контратаку.

России, желающей иметь высокоэффективные части и подразделения специального назначения, а в идеале войска как самостоятельный вид ВС, следует по примеру большинства государств позаботиться об оснащении этих войск собственными вертолетами, чтобы исключить возможность повторения специальных операций,

Командир 15 обрСпН полковник Бабушкин В.М.

сорванных из-за «ведомственной» разобщенности, а таких примеров в нашей новейшей истории предостаточно.

«В результате наземно-воздушной операции в укрепрайоне Крер 28 марта советские войска в ходе пятнадцатичасового боя уничтожили 26 моджахедов, разрушили военные сооружения, но потеряли при этом 42 человека. 29-30 марта при деблокировании базы моджахеды уничтожили 70 афганских и 50 советских военнослужащих. 29-31 марта в течение двухдневного боя в ущелье Крер моджахеды нанесли советским войскам большой урон, потеряв при этом 42 человека, но выбили их из укрепрайона и захватили трех пленных».

Журнал «Pakistan Strategic Studies Review».

ИСТОРИЯ этой операции советского спецназа в начале 1986 года в Афганистане полна не только героических, но и трагических моментов. Ее результаты оцениваются как у нас, так и за рубежом неоднозначно. В силу высокой напряженности и многоплановости боя даже люди, участвовавшие в этой операции и находившиеся друг от друга в нескольких метрах, судят об одних и тех же событиях по-разному.

Мы предлагаем вам рассказ об этой операции, который был записан американским офицером морской пехоты со слов афганского моджахеда, непосредственного участника описываемых событий. Комментирует своего недавнего врага командир разведывательной группы отдельного отряда специального назначения Александр Мусиенко. Спустя четверть века читателям представляется возможность взглянуть на бой, развернувшийся в горах на афгано-пакистанской границе как бы с двух сторон.

Интервью полевого командира оппозиционной партии ИСОА (Исламский союз освобождения Афганистана) Ассадуллы впервые опубликовано в открытой печати командованием морской пехоты США в 1996 году.

По имеющимся сведениям, командир полка Ассадулла родился в кишлаке Чаркала провинции Кунар. Имеет высшее образование, в 1978 году эмигрировал в Пакистан, где поступил в военную академию ИСОА и прошел годичный курс обучения. После этого был назначен командиром полка, расположенного в афганском горном районе Крер (советские военнослужащие называли это место «Карера»). Формирование, которое возглавил Ассадулла, входило в группировку Асамы бен Зейда, крупного полевого командира и ярого приверженца ислама. Полк принадлежал обществу Саяфа (одна из семи непримиримых партий ИСОА, лидером которой был Абдул Раб Расул Саяф).

Ассадулла: «В конце марта 1986 года советские и афганские войска

предприняли решительное наступление на укрепленный район Керр. Этот укрепрайон был оборудован к востоку от уездного центра Саркани в провинции Кунар, на границе с Пакистаном. В горном районе моджахеды оборудовали две базы — «Шахид Абдул Латиф» и «Фатха». С обеих баз можно было выйти в Пакистан в район Баджар. Эти базы не только являлись опорными пунктами, но и выполняли роль крупных военных складов моджахедов в провинции Кунар. Гарнизон укрепрайона составлял полк, командиром которого я являлся. Близость к Пакистану способствовала быстрому наращиванию сил базы. В конце марта, к моменту начала операции, численность моего полка была неполной. К исходу боя она увеличилась до 400 человек за счет усиления, прибывшего из соседнего Пакистана».

Александр: «По имеющейся у советских войск информации, гарнизон укрепрайона «Карера» насчитывал 80-100 моджахедов. У них имелись 82-мм минометы и безоткатные орудия, пусковые установки 107-мм реактивных снарядов, 12,7 и 14,5-мм крупнокалиберные пулеметы.

Согласно решению командира 15 отдельной бригады специального назначения, захват укрепрайона «Карера» должен был проводиться силами пяти разведотрядов по 25-40 человек из 154 и 334 отдельных отрядов специального назначения (общий боевой численный состав 126 человек) при поддержке двух 122-мм гаубиц Д-30 и реактивной системы залпового огня БМ-21. Советский спецназ не обладал необходимым превосходством для ведения штурмовых (наступательных) действий, поэтому основной упор в его действиях был сделан на внезапность и высокий профессионализм офицеров и солдат».

Ассадулла: «Мы обладали некоторой информацией о готовящейся операции, но не знали точного срока ее начала».

Александр: «Необходимую разведывательную информацию моджахеды получали в результате постоянного наблюдения за гарнизонами советских войск. Приготовление к боевой задаче 334-го ооСПН, расположенного на окраине Асадабада, скрыть от наблюдателей моджахедов было тяжело. Дополнительную разведывательную информацию им предоставляло ЦРУ США, получавшее ее от агентурных источников. Кроме этого американцы вели постоянную радио— и космическую разведку советских войск в Афганистане».

Ассадулла: «Наконец в конце марта, когда погода оставалась еще достаточно холодной и вершины гор были покрыты снегом, мы обнаружили перемещение войск противника из Саркани через Навабадский мост. Противник не предпринимал никаких мер маскировки и явно хотел привлечь наше внимание. Как выяснилось позже, данный маневр являлся частью

плана, суть которого заключалась в том, чтобы отвлечь наше внимание от переброски советских войск из Пашата, расположенного примерно 20 км юго-западнее Саркани.

Александр: «С наступлением сумерек разведывательный отряд 334 ооСпН в пешем порядке переправился через реку Кунар по Навабадскому мосту. Отряд прибыл к мосту заранее, но разведчики построили колонну боевых машин вдоль реки, демонстрируя готовность начать движение в юго-западном направлении по автодороге Асадабад — Джелалабад. В этом и заключался основной замысел по дезинформации противника. До момента перехода моста через Кунар моджахеды находились в неведении, куда пойдут советские войска. Тем временем разведывательные группы 154 ооСпН на надувных плотках, взятых у местных жителей, переправились через реку Кунар в районе кишлака Пашат и стали выдвигаться, охватывая укрепрайон противника с юга. Маневр остался незамеченным для моджахедов, поскольку район переправы был скрыт находящимся юго-западнее «Кареры» хребтом».

Ассадулла: «Удара отсюда мы не ожидали. Мы были готовы к отражению наступления противника со стороны Саркани, и поэтому большую часть своих сил расположили именно здесь, на входе в ущелье, ведь это был основной путь подхода к укрепрайону. Я думал, что противник им и воспользуется».

Александр: «Ассадулла правильно думал — по этому пути разведчики 334 ооСпН не впервые проникали в укрепрайон «Карера», совершая налеты на его сторожевые посты и опорные пункты. Однако Ассадулла, несмотря на обучение в течение года у американских инструкторов, так и не усвоил, что наблюдение и оборона в горах должны иметь круговой характер».

Ассадулла: «Смешанная колонна советских и афганских войск с местным проводником перешла Навабадский мост северо-восточнее Саркани и ближе к вечеру достигла моих передовых позиций. Я ожидал их, и колонна встретила ожесточенное сопротивление. Обе стороны понесли большие потери».

Александр: «Афганские войска, за исключением нескольких оперативных сотрудников МГБ Афганистана, в захвате укрепрайона «Карера» участия не принимали. Разведчики 334 ооСпН выдвигались пешей колонной, глубиной чуть более 200 м. Известно, что афганцы, как многие жители Востока, склонны к преувеличению. Большие потери, о которых упоминает Ассадулла, понесли только моджахеды, когда штурмовые группы 334 ооСпН последовательно сбили два расположенных на хребте сторожевых поста

моджахедов. Разведчики уничтожили в общей сложности 25-30 боевиков. Кроме того, спецназовцам удалось захватить крупнокалиберный пулемет ДШК, 82-мм БО и ручное стрелковое оружие. Ассадудла пытается оправдать свои потери потерями советских войск, но это далеко от истины. У разведчиков не было даже раненых, несмотря на то, что они штурмовали позиции противника, двигаясь снизу вверх, а сопротивлялись мятежники действительно ожесточенно. Сказался высочайший профессионализм спецназовцев. Их подготовка была выше той, что обладали моджахеды, обучавшиеся в лагерях, расположенных в соседнем Пакистане».

Ассадудла: «В это время советская пехота (возможно, это были подразделения спецназа) начала продвижение вдоль хребта со стороны Пашата в тыл моим силам».

Александр: «Ассадудла, безусловно, лукавит, делая такое предположение. Если бы он имел опыт боевых действий, то, несомненно, смог бы без труда отличить спецназовца от обычного пехотинца или даже десантника. Конечно, он не мог не знать, против кого воевал в Карере».

Ассадудла: «Противник скрытно выдвинулся в тыл моей обороны и овладел одной из высот хребта Спинаука (опорный пункт № 1, отм. 2182. — Ред.). Ведя оттуда огонь, советские подразделения уничтожили обе базы, включая основную складскую зону (нежилой кишлак Мамунда, в 300 метрах восточнее опорного пункта № 2, отм. 1914. — Ред.). К следующему утру мы потеряли все укрепления и были окружены».

Александр: «Обойдя укрепрайон с левого фланга, разведчики 154 ооСпН вышли в тыл противника и овладели двумя его основными опорными пунктами, уничтожив и захватив в плен около тридцати моджахедов. К рассвету 29 марта 1986 года разведчики 154 и 334 отдельных отрядов специального назначения полностью и без единой потери захватили укрепрайон «Карера». После доклада руководству о результатах проведенной операции они получили указание ждать эвакуации вертолетами. В результате боя у мятежников удалось захватить 82-мм миномет, 82-мм безоткатное орудие, три 14,5-мм зенитные установки (одна спаренная), четыре 12,7-мм крупнокалиберных пулемета ДШК, около 20 единиц стрелкового оружия, свыше 10 тонн различных боеприпасов и снаряжения, а также телефонную станцию (коммутатор)».

Ассадудла: «Мне удалось вырваться из Крера, перейти через пакистанскую границу и добраться до лагеря в Баджаре, стоящего в 10 км восточнее укрепрайона. Оттуда на помощь моджахедам немедленно выдвинулось усиление. Рано утром мы пересекли границу и скрытно вышли к району Крер, так как противник блокировал только основную дорогу».

Александр: «Из-за ночного боя произошла небольшая задержка с выдвиганием на намеченные рубежи, поэтому разведподразделения 334 ооСпН не смогли к установленному времени выйти к границе. Прикрытие опасных направлений там осуществляли только две сводные разведывательные группы первой роты 154 ооСпН, всего 26 человек. Разведчики 2 разведгруппы (13 человек) открыли огонь по прорывающейся в Пакистан небольшой группе боевиков, уничтожив в бою пятерых моджахедов. Но духи все же прорвались в Пакистан, возможно, среди них был и полковой командир Ассадулла. Плохо было то, что моджахедам удалось вскрыть позиции нашей группы. Через полтора-два часа разведчики вступили в неравный бой с превосходящими их в 15-20 раз силами противника. До этого разведчики только корректировали огонь артиллерии, наводя его на выдвигающихся боевиков, и в течение нескольких часов совместно с первой группой роты удерживали самую высокую в системе обороны отряда высоту с отметкой 2182. Вряд ли можно сказать, что моджахедаы как-то пытались замаскировать свои действия. Духи приехали на грузовых автомобилях, потом спешили и двинулись колоннами по 10-15 человек на наши позиции. Интервал и дистанция между группами составляла 100-200 м. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого было убито не менее 30-40 боевиков. Только снайпер рядовой Александр Подольян уничтожил около десяти моджахедов. К полудню 29 марта у разведчиков 2 группы было всего двое раненых, но и те могли вести бой и передвигаться самостоятельно. Однако боеприпасы в группе быстро заканчивались, и пополнить их никак не удавалось. 2 группа 1 роты находилась в полукольце окружения. Ширина простреливаемого противником перешейка на голом травянистом склоне, соединяющем вторую группу с первой, составляла чуть более 100, а длина — около 150 метров.

Основная тропа моджахедов (перевал Гулпрай) была блокирована подгруппой управления отряда численностью 25 человек. Несмотря на настойчивый совет командира 1 роты командиру батальона занять соседнюю господствующую высоту (отметка 2180), подгруппа управления расположилась все же непосредственно на перевале...»

Ассадулла: «В полдень, двигаясь с группой из шести человек, мы наткнулись на советское подразделение. По всей видимости, это была подгруппа управления. Мы атаковали их. В ходе короткого, но ожесточенного ближнего боя, в котором обеими сторонами применялись ручные гранаты, мы убили старшего советского офицера. Возможно, это вынудило их к отступлению. Прибывшие на помощь моджахедаы атаковали позиции советских подразделений».

Александр: «Моджахедаы под прикрытием горного леса сумели с боем

Начмед отряда старший лейтенант Лапин А.Н. после госпиталя

фейного миномета разведчики 3 роты, а огнем из захваченного ДШК — разведчики 1 группы 1 роты. В ходе боя был израсходован весь боекомплект мин, а у китайского ДШК разорвало ствол. Запасной ствол в опорном пункте отсутствовал. Духи общей численностью около четырехсот человек наступали с разных направлений, и разведчики едва сдерживали их натиск. Для обеспечения отхода была задействована и вся артиллерия, огневые позиции которой размещались на северной окраине кишлака Пашата. Это позволило моджахедам беспрепятственно сорвать дистанцию и блокировать первую роту...

Подгруппа управления отошла на позиции 3-й роты, которая располагалась в захваченном опорном пункте моджахедов в двухстах метрах западнее кишлака Мамунда. Мятажники блокировали роту огнем, а все свои силы бросили на 1-ю роту 154-го отряда, занимавшую обе стороны господствующей высоты 2182 на пограничном хребте. Когда во 2 разведгруппе кончились боеприпасы, она стала отходить к 1 группе. Неся потери от огня минометов и безоткатных орудий, 1 группа была вынуждена оставить часть своих позиций на вершине высоты и отойти на ее южный склон, заняв огневую позицию в заросшем вечнозеленым падубом скальнике. При отходе второй группы моджахедам удалось отсечь огнем с расстояния 60-80 метров часть группы из 5 человек, которая с боем и без потерь пробилась к 3 роте.

подойти к подгруппе управления на близкое расстояние и сбить ее с перевала. Подгруппа состояла из командира отряда, его заместителя, начальника штаба, нескольких офицеров управления, трех-четырех радистов, группы охраны и восьми военнослужащих министерства государственной безопасности Афганистана — всего около 25-30 человек. При отходе тяжелое пулевое ранение в позвоночник получил начальник штаба отряда майор Анатолий Петунин (он умер через два года — сердце не выдержало очередной хирургической операции). Также были ранены врач отряда и еще два офицера из управления отряда и бригады. Отход группы управления прикрывали огнем из тро-

Капитан Лукьянов С.К. (в центре) среди раненых в военном госпитале

При отходе группы погибли рядовой Александр Буза и Дмитрий Москвинов. Чуть позже на высоте 2182 в ходе неравного боя сложили головы шестеро разведчиков 1 роты: рядовые Александр Егоров, Александр Подолян, Владимир Великий, Виктор Эйнорис, Сергей Косичкин, Александр Якута. Также погибли переводчик роты старший лейтенант Холмохамад Розиков и Михаил Разливаев. Семь военнослужащих 1 роты получили ранения. Но разведчики продолжали сдерживать натиск моджахедов — дрогни они, и участь 3-й роты и управления отряда была бы предрешена. Неизвестно, как долго могли бы удержаться на своих позициях 3 рота и управление 154 отряда, если бы моджахеды атаковали их со всех направлений...»

Ассадулла: «Уже к вечеру мы вновь овладели базами и обнаружили советских солдат в одной из пещер. В результате неудавшейся попытки захватить их несколько моджахедов были убиты и ранены огнем 5,45-мм автомата. В конце концов мы уничтожили советских солдат выстрелом из РПГ. После боя мы похоронили своих погибших и эвакуировали раненых».

Александр: «Ни один из своих опорных пунктов моджахеды не отбили. Все, что им удалось сделать, — сбить с перевала подгруппу управления отряда и несколько потеснить первую роту. Отбив у нее позицию 14,5-мм

зенитной горной установки ЗГУ-1, расположенной на самой вершине высоты 2182, моджахеды не смогли ею воспользоваться, так как она была выведена из строя, да и сама позиция обстреливалась со всех сторон. Единственная пещера, в которой держал оборону автор этих комментариев, действительно интенсивно обстреливалась из РПГ и безоткатных орудий. Вызван огонь артиллерии и вертолетов на себя, укрывшись в сооружениях опорного пункта моджахедов и среди скал, разведчики до темноты вели огневой бой со значительно превосходящим их противником. Отошли разведчики только ночью, эвакуировав раненых и погибших совместно с подошедшим разведотрядом 334 ооСпН. Но на следующий день разведотряд 334 ооСпН вернулся в укрепрайон, осуществляя совместно с военнослужащими 154 ооСпН поиск четверых пропавших без вести военнослужащих. Двоих — раненого офицера и прикрывавшего его солдата из группы управления — удалось обнаружить, найти же рядовых Москвинова и Бузу не удалось.

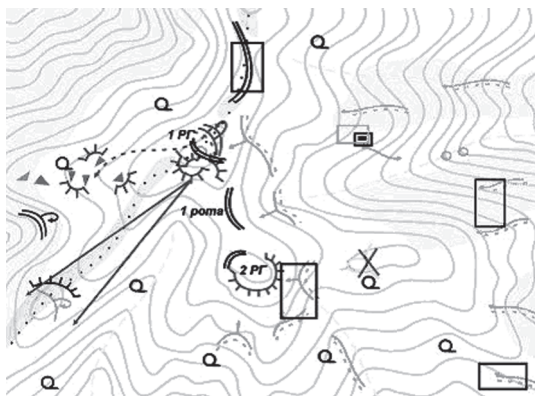
Ассадулла. Следующим утром в пещере были обнаружены трупы советских солдат. В результате сражения мы потеряли 25 процентов своих войск (32 человека было убито и 40 ранено). Я думаю, что потери противника были значительно больше, так как мы захватили около 60 единиц стрелкового оружия.

Александр. Как ни прискорбно, но моджахеды вынесли с поля боя погибших разведчиков Александра Бузу и Дмитрия Москвинова, но они погибли не в пещере, а в открытом бою на безымянной пакистанской высоте, с честью выполнив свой воинский долг. Оправдывая свои потери, Ассадулла явно зависил потери советских разведчиков.

В бою 29 марта 1986 года разведчики 154-го ооСпН потеряли убитыми десять человек, из них двое пропали без вести, 16 разведчиков получили ранения различной тяжести. Для спецназа в Афганистане такие крупные разовые потери были редки.

Командование ограниченного контингента советских войск в Афганистане, сделав поспешные выводы, в случившемся необоснованно обвинило командира бригады и... офицеров 154 ооСпН, в том числе и первой роты. Все представления к государственным наградам, за исключением тех, что были оформлены на раненых и погибших, были возвращены. Подвиг горстки разведчиков первой роты 154 ооСпН, в течение дня отражавшей массированные атаки моджахедов, был зачеркнут фразой, брошенной одним из генералов, прибывших в район командного пункта операции утром 30 марта: «Никакого героизма в этом нет, сами во всем виноваты, никто вас туда не посылал...»

Потери моджахедов составили 25 процентов от общей численности,

то есть около 100 человек были убиты и ранены. Эту цифру подтверждают и данные агентурных источников, согласно которым общие безвозвратные потери противника — более ста пятидесяти человек.

Захваченные моджахедами 60 единиц стрелкового оружия, о которых говорит Ассадулла, — просто бах-

вальство. В Советской армии с учетом оружия было очень строго. Насколько мне помнится, 1-я рота потеряла один 53-мм гранатомет РПГ-16, который был в бою пробит пулей и оставлен гранатометчиком при смене огневой позиции, один 5,45-мм автомат АКС-74, принадлежавший рядовому Бузе и один 7,62-мм автомат АКМС рядового Москвинова. Кроме того, разведчики утратили один 7,62-мм пулемет ПКМ, принадлежавший рядовому Шагарову, который получил тяжелейшее ранение. Пуля снайпера вошла в него чуть выше правой ключицы и вышла через правую лопатку, сильно ее раздробив... Свой пулемет при отходе он оставил Москвинову. Также были утрачены один подствольный гранатомет ГП-25 и один 26-мм сигнальный пистолет СП-81. В остальных подразделениях потерь оружия не было.

Разведчики 1 роты вынесли с поля боя все оружие раненых и погибших, даже снайперскую винтовку Александра Подоляна, в которой было пять пулевых пробоин. К дальнейшей эксплуатации она была полностью непригодной.

КОММЕНТАРИИ

Эксперт морской пехоты США

В результате тщательно спланированной операции советским войскам удалось отвлечь основные силы моджахедов и захватить военные базы. Но из-за того, что советское командование не предприняло мер к блокированию основных путей подходов, их войска понесли большие потери и вынуж-

дены были отступить с занятых позиций. Своевременно прибывшие резервы моджахедов решили исход боя. Потеряв инициативу в начале боя, моджахеды вновь овладели ею в результате грамотного использования резерва. Партизанская война ничем не отличается от ведения обычных боевых действий, резерв может коренным образом изменить исход сражения и нанести поражение противнику до того, как он сумеет закрепить свой тактический успех.

Прощание с группой погибших разведчиков

продержаться на прежнем месте не более 30-40 минут. В ходе боя моджахедам не удалось откинуть советские войска и деблокировать укрепрайон. Удачей можно назвать захват боевиками перевала Гулпрай, но развить успех на этом направлении им мешал огонь 1 роты».

Большие потери моджахедов признают и командир полка Ассадудла (32 человека убито и 40 ранено), и пакистанские военные (68 погибших за три дня). Несоответствие истинного количества потерь моджахедов — это лишнее доказательство того, что потери были действительно большими. Анализируя эти цифры, мы пришли к выводу, что только от огня наших разведывательных подразделений противник потерял убитыми не менее 80 — 100 человек. Более 40 человек уничтожила 1 рота, более 30 человек — 3 роты и управление 154-го отряда. Также более 20 человек уничтожил 334-й ооСПН.

Наши войска, уничтожив все оружие и другие материальные средства моджахедов, 31 марта оставили укрепрайон, полностью выполнив поставленную командованием задачу. Организованный 30 и 31 марта поиск пропавших без вести тел Александра Бузы и Дмитрия Москвинова успехом не увенчался.

Александр: «Ротам 154-го отряда была поставлена задача ждать к 8 утра 29 марта вертолеты для эвакуации, однако ее перенесли на 10.00, а затем... вертолеты смогли оказать только огневую поддержку. Не будь их, 2 разведгруппа 1 роты не смогла бы с минимальными потерями оторваться от моджахедов и вырваться из кольца окружения. Без появившихся к полудню вертолетов 2 группа смогла бы

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КАК Я ВПЕРВЫЕ «ЧУТЬ НЕ ПОГИБ»¹

«Урал», нагруженный вновь прибывшими в батальон, пересек КПП. Последовала команда «К машинам!». Мы выгрузились и, построившись, проследовали к штабу, не особо подбирая ногу, проходя мимо стола для чистки оружия первой роты. Естественно, пополнение вызвало к себе внимание и отдельные реплики типа: «О-о-о, духов привезли!» Духами у нас называли не только моджахедов, а и солдат первого полугодия службы в Афганистане. Особенно из «бывалых» выделился один коренастый парень с громким голосом и достаточно вызывающим выражением лица, явно желавший, чтобы слышно было именно его. Продолжая чистить оружие, бойцы в полоборота поглядывали на нас, то ли желая заранее запугать, то ли оценивая предварительно, кто же попадет к ним в подразделение. Вообще, очередное прибытие пополнения всегда вызывало оживление в батальоне. Кто шел на построение перед штабом по долгу службы — отбирать себе бойцов, кто — повыпендриваться перед еще мало ориентирующимися в обстановке вновь прибывшими, кто встретить предполагаемых знакомых, кто просто поглазеть. Пополнение состояло в основном из прослуживших полгода, которым предстояло еще полгода «тянуть духанку». То есть, от-

¹ Стокич Игорь Григорьевич родился 18 октября 1965 г. в Одессе в семье преподавателя и рабочего. Окончил Одесское республиканское медицинское училище в 1985 г. В апреле призван в ВС СССР. Прошел подготовку в Термезском учебном полку как санинструктор. Направлен в УПСпН в Чирчик, где прошел подготовку как разведчик-минер. Перенес инфекционную болезнь и лежал в госпитале. В апреле 1986 г. начал службу в Афганистане санинструктором батальонного медпункта 154 ооСпН в Джелалабаде. Принимал участие в боевых действиях. Перенес ранение и контузию. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Старший сержант. Уволен в запас в мае 1987 г. Окончил медицинский институт в 1993 г. Практикует в Одессе. Женат. Воспитывает дочь Анну, сына Артема и дочь Анастасию. Председатель городского правления Союза ветеранов Афганистана и вооруженных сил. Проводит большую патриотическую работу по воспитанию молодежи и сохранению памяти о погибших соратниках. Принимал участие в строительстве храма св. Георгия Победоносца на мемориале 411 батареи (Одесса).

счет срока службы в связи с прибытием на новое место начинался по-новому. Человек, попадая в непривычную обстановку, поневоле тушуетя, а тут еще и по закону старшинства нужно было поприжать гордость. Тем более, что прибыли мы в боевой батальон — подразделение, где служили выдавшие виды РЭКСы, многие из которых уже имели за плечами много боевых выходов, познали пули, жару, горечь потери боевых друзей, радость побед, получившие ранения и контузии, а, соответственно, и боевые награды. Так или иначе, а уважать это нужно.

Чтобы воевать, нужно быть не только смелым, но еще и дерзким.

И зачастую эта дерзость, помогавшая не столько достигать результата, а и преодолевать чувство страха, переносилась на повседневные взаимоотношения. Да уж, здесь совсем не институт благородных девиц, и крепкое слово звучит частенько, а если не доходит, и приложиться могут неслабо. Молодым как молодым, а тем, кто прибыл в батальон, прослужив уже год, предстояло пройти жесткий экзамен «на вшивость». Дело в том, что отсчет вроде как для всех одинаковый должен быть. А если ты уже год «отгарабанил», тут подчиняйся своему же призыву. Совсем это не дело. Дашь слабину, и тебе тут же напомнят о том, сколько ты здесь находишься — всего ничего, а они уже ветераны. Да и смотрели на нас, немногих годовалых, либо как на «залетчиков», отправленных за провинность из учебной части, где требовалась жесткая дисциплина, либо как на «косивших от службы» в Афгане, что тоже случалось. Вот и приходилось отстаивать себя, поскольку многих оставляли сержантами в учебке как показательно примерных. А ребята потом «залеты» устраивали, лишь бы их отправили «за речку». Вдвойне обидно было тем, кто еще в Союзе перед самой отправкой заболел желтухой и не попал со своим призывом. Доказывай потом, что ты еще с родного военкомата рапорта на Афган писал. Конечно, было обидным такое категоричное отношение и слова знакомившегося с нами комбата капитана Абзалимова. Но на войне либо черное, либо белое, иначе нельзя. Вдруг среди подошедших я узнал своего товарища по учебке Сайлау Смогулова. Он подошел ко мне, и мы обнялись по-братски. Потом подошел Султан Хакимов. Ребята рассказали, что из нашей роты минирования двух ребят уже отправили в Союз. Андрюху Григорьева, махачкалинца, доброжелательного и радужного парня, потерявшего от взрыва гранатометного выстрела руку и ногу, и Ермека Токбосынова из Казахстана, после тяжелого ранения в бедренную кость. После таких известий еще тяжелее переживаешь свое опоздание. В соответствии с моей профессией разведчика-минера ребята забрали меня в группу минирования. В небольшой казарме на тумбочке, между кроватей, стоял огромный японский магнитофон с выразительными динамиками.

...А по ночам мне снится конь,
Ко мне подходит рыжий конь,
Косит лиловым глазом, —
пел Михаил Боярский.

Уже через много лет, слушая эту песню, я вспоминаю 23 апреля 1986 года — мой день прибытия в Афганистан, как будто это было вчера. . . Еще не успев расположиться, я услышал от одного из старослужащих информацию, что якобы я должен вести себя как молодой солдат, то есть «летать». Но я достаточно доходчиво отпарировал, что через некоторое время догоню упущенное и буду таким же, как он. Но тут случилось совсем уж неожиданное. В расположение зашли два прапорщика — один высокий, статный, но с животиком, а второй — невысокий, плотный с хорошим животом. Они тут же заявили, что фельдшера забирают в медпункт. Такого поворота событий я не ожидал никак. Пройдя первую пехотную учебку под Термезом в роте санинструкторов, я все же воспользовался возможностью и перевелся в «спецназ» — другую учебку в Чирчике. Окончив ее минером, я, естественно, предполагал, что моя медицинская специальность никак не помешает. Именно из этих соображений и сообщил о своем медицинском образовании прапорщику — «покупателю» из джелалабадского батальона, набравшего нас в Кабульской пересылке. Уж очень хотелось именно в Джелалабад. Во-первых, выражение «Если хочешь видеть ад — приезжай в Джелалабад», — я слышал еще в Союзе. А во-вторых, туда уже отобрали моего хорошего приятеля Урмаса Вареса из Эстонии, который тоже задержался с отправкой из-за вирусного гепатита. Но никак я не мог предположить, что дела так обернутся. Уж «позорно» служить в санчасти никак не входило в мои планы. Было жутко стыдно перед ребятами. Разговаривать со мной никто не стал, и как под конвоем повели в другой конец расположения батальона. Уже в кабинете начмеда я заявил, что хочу воевать, а не клизмы делать, на что Дон Кихот, так я слету прозвал прапорщика Лазера, довольно резко оборвал меня, сказав, что в батальоне с Нового года 18 человек убиты, и что на войну я еще нахожусь со всеми ротами. И поскольку медиков в батальоне не хватает в связи с гибелью, ранением, увольнением в запас моих предшественников, со мной этот вопрос вообще не обсуждается. Я мало поверил в обещание, но делать было нечего. Обыденной жизнью в батальоне только казалась. Все шло по давно установленному распорядку, подчиняясь традициям, которые нужно соблюдать.

Санчо Панса (прапорщик пониже и помоложе, которого все называли Сан Санычем, что ему, похоже, очень нравилось), отвел меня в палатку, где располагалось небольшое подразделение медпункта, познакомил с ребятами

тами. Велел принять как родного, ввести в курс дела. Ко мне подошел худощавый парень и, хитро улыбаясь, представился:

— Саня, или просто Казах.

— Игорь, — ответил я, — или просто Одесса. Затем Сагидолла, так по-настоящему звали моего нового знакомого, отвел меня в баню, под горячий душ.

— Тащись сегодня, все-таки ты новенький, — по-стариковски заявил Казах.

— А экипировку мы тебе подберем. Снимай эту панаму чмошную, я тебе другую дам.

Дело в том, что крайние 8 суток в Союзе я провел на гауптвахте. Загребев туда, я уж точно знал, что в Афган отправят. Но, вернувшись на крайнюю ночевку в расположение стрельбища, где накапливали заштатников, я не обнаружил своей чистой формы, и в Афган пришлось ехать в старенькой «подменке». Это вызывало недоверие ко мне со стороны новых сослуживцев.

Нужно было самоутвердиться. Поэтому с первого же дня я стал вникать в курс дела, налаживать работу и даже несколько порадовал прапоров тем, что практически все и сам знаю, ведь санинструктором-медиком я был один. Конечно, пришлось многому доучиваться у строгого исполняющего обязанности начмеда старшего лейтенанта Куламова. Немногословный азербайджанец с огромными усами заставлял «врубаться» буквально на лету. «Вторичным объяснением» летела затрещина по моей стриженной голове. Посему сработались мы очень быстро, во время совместных перевязок корнцанги и зажимы только трещали, мы перехватывали друг у друга шарики, тампоны, салфетки. Куламов любил повторять: «Стокыч, твой любимый Пырогов был самый жестокий врач за все времэна медыцныны. Больной можэт кричать, ругаться матом, а ты должен делать свое дэло».

Если я вдруг щадил солдатика при перевязке пулевого ранения, то затрещина была моя.

— Шьто, хочэш до газовой гангрены его довести?!!!

Обижаться на него было нельзя, потому что он был абсолютно прав. Один раз я получил взбучку за «бардак» в перевязочной, когда он обнаружил в одном из ящичков штук 15 гранат от АГС. А мне даже в голову не пришло заглянуть туда. Вот такое наследство досталось мне от предшественников по службе. Но все же томило ожидание реальных боевых выходов. Вспоминалась глава из книги Фурманова «Чапаев», где описывалась ночь перед Сломихинским боем: крепко спали бывалые бойцы, и всю ночь ворочались еще необстрелянные новобранцы. Конечно же, хотелось на себе испытать это состояние, проверить реакцию собственной психики.

На удивление, волнение было. Но не до бессонницы. Наверное, за три недели, слушая рассказы о боях, иногда звучавшие даже в юмористической форме, и видя ребят с пулевыми ранениями, можно было сделать вывод, что в спецназе воюют не роботы, а самые обычные люди. И раз они привыкли относиться к войне как к работе, значит, привыкну и я.

Определили мне автомат, перешедший в мое распоряжение после уволившегося в запас санинструктора Сани Хвайко.

Куламов разрешил для начала взять свой медицинский рюкзак.

Наблюдая, как периодически роты уходят на задание, определяя место «работы» какими-то непонятными названиями, как: «Шахидан, Сурхуд и т.д.», — хотелось все это поскорей ощутить на себе, увидеть, испытать.

Настал день первого боевого выхода. Для окончательной экипировки, когда Ромка Волков уже отнес на меня в штаб какой-то непонятный БЧС, я пошел к Сан Саньчу в каптерку получить сухпай, магазины для автомата и прочие боеприпасы. Первый раз примерял «лифчик» (нагрудник с магазинами), набил гранат, пирофакелов, ракетниц.

— Может еще пояс возьмешь? — спросил наш старшина Сан Саньч, протягивая мне пояс на лямках с набитыми по всей его длине пачками патронов. — А то вдруг не хватит.

— Возьму, конечно, — не желая выглядеть дураком, сказал я.

— Одэс, а Одэс, да он же над тобой прикалывается, — сказал мне на ухо Казах, наблюдавший за всей этой картиной.

Я смекнул и быстро отказался от пояса. А Казах мне стал объяснять, что санинструктору, в принципе, стрелять и не особо положено. Вот если раненые, то хоть под пули, хоть на минное поле ползи — такая работа.

— На Кулале вон пять человек погибло. Ребята вытаскивали друг друга в одном дувале. У санинструктора Михи Мочернюка пружина от магазина вместе с духовской пулей в грудную клетку вошла. Так и торчала там — продолжил он, провожая меня на построение и постановку задачи.

Первым этот выход был не только для меня, а и для многих вновь прибывших. Командир 2 роты капитан Аракчеев довел до личного состава, что задача — ведение засадных действий. Напомнил о мерах предосторожности при передвижении и ведении боя.

На самом деле ничего особенного на этом выходе не было. Маршрут был относительно не сложный — так, для обкатки личного состава. Тяжело было только ночью вглядываться в темноту при встречном ветре. Интересной штукой был только ночной бинокль, а все остальное — вроде как в любой среднеазиатской республике.

По дороге назад лучше удалось разглядеть местность, пыльные сплошными волнами дороги и контрасты — рядом с трактором пахал вол обыкновенной сохой.

Через несколько дней в спортгородке во время зарядки я увидел Сайлоубека и подошел, поздороваться с ним, но наткнулся на его недоброжелательный взгляд. Когда я поинтересовался, в чем дело, он, будучи человеком сколь доброжелательным, столь же и резким, высказал мне свои упреки:

— Я тебя как человека в роту привел, а ты в санчасти спрятался! Почему на войну не ходишь?

Хоть Сайлау и знал, что санинструкторы тоже подчиняются приказам, все же хотел меня уколоть. И у него это получилось. А тут еще на днях заходил Саня Кириллов из 1 роты, тот самый, лицо которого бросилось в глаза по прибытии в батальон. Несколько по-хулигански он кинул мне в упрек позднее прибытие в батальон, мы столкнулись характерами, разошлись, не уступив друг другу и не испытывая симпатии тоже.

С зарядки я напрямик рванул к Куламову.

— Товарищ старший лейтенант! Вы обещали меня на войну посылать, а сами в санчасти держите! Мне своему призыву стыдно в глаза смотреть! — с обидой и слезами на глазах почти закричал я.

Куламов, по своему обыкновению, влепил мне в ухо пятерней так, что я ушел в легкой нокдаун, упрекнув в истеричности, однако сообщил, что уже записал меня на налет, который будет через несколько дней. Обрадованный этой вестью, я скрылся в перевязочной. Обиды особой не было, просто размеренного, иногда даже напевающего национальные песни во время перевязок Куламова лучше не гневить. Зато после этого раза я научился уворачиваться от его оплеух.

К налету я уж подготовился заранее, даже с помощью старшего по призыву санинструктора 3 роты Сани Черкасова раскрыл и сшил самодельный нагрудник для магазинов, поскольку трофейный пока взять было неоткуда, а советские экспериментальные только начали приходить в батальон в единичных экземплярах и распределялись, естественно, среди офицеров.

В этом «лифчике» я так до дембеля и доходил, еще и кому-то в наследство оставил. А вот РД (рюкзак десантника) взял опять куламовский. Тщательно проверил наличие всего необходимого: зажимов, ножниц, языкодержателей, дыхательных трубок, шприцов для ампул скорой помощи, жгутов. Наркотики для обезболивания получил у нашего аптекаря, дяди Гены, перед самым выходом на построение. Налеты в подавляющем большинстве проводились на рассвете, внезапно, поэтому построение проводилось еще затемно.

Из штаба буквально выломился через дверь на батальонный плац комбат Абзалимов. Коренастый с черными усами татарин просто искрил

Комбриг Старов Ю.Т. ставит задачу в ходе боя

энергией, которой умел зарядить всех: походка быстрая, уверенная, ноги ступают широко, будто он сидит в седле, упираясь в стремя — того и гляди поскачет на коне. Степняк, да и только!

— Ну что, орелики, поработаем!? — еще не дойдя до середины строя, громко сказал он. — Значит, так! Налет должен быть дерзким, чтобы духи даже опомниться не успели! Как возьмем склад, грузимся и быстро уходим, а то они там тысячами бродят. Если дадим время сообразить — то хрен вылезем! Группы прикрытия, свою задачу знаете! По машинам, и на аэродром!

Аэродром находился километрах в десяти от нашего батальона, которые мы перекрыли совсем незаметно. Я попал в группу лейтенанта Мусиенко, в задачу которой входило высадиться на скалы для прикрытия группы захвата. Конечно, вроде бы не на острие, но попасть можно в переплет и на периферии. Так что как разведчик-санинструктор я старался положительно зарекомендовать себя в глазах офицера, с которым иду в первый раз. Мой РД с демонстративно привязанной к нему сложенной втрое и обмотанной белым бинтом лестничной шиной обвязывал вдвойне — статус все-таки.

Разогнавшись на взлетке, вертушки потянули нас над реками, огородами, по долине Бог весть куда. Минут через пятнадцать лету две или три из них ушли на посадку в долине, недалеко от кишлачной зоны, а наша — потянула влево и вверх. Нас высадили на скалах так, чтобы склад, который

разместился в одном из глинобитных домов, был обозреваем, а главное — достигаем до огня в случае необходимости отсечь духов от группы захвата.

Сразу же после высадки Мусиенко приказал занять круговую оборону, а сам вместе с уже знакомым мне Кирилловым начал быстро устанавливать АГС на треногу. Я наблюдал за ними, сидя боком. Вдруг нагнувшийся над гранатометом Мусиенко резко повернул голову в мою сторону, затем обратно, и опять взглянув на меня, буквально потерял нижнюю челюсть.

— А это что еще за мишень у меня в группе!?! — рыкнул он.

Конечно, желая исправить ситуацию как можно быстрее, я подумал было, что как-то не так занял позицию. Вот те на, а ведь не хотелось ударить в грязь лицом ни перед ним, ни тем более перед Кирилловым — уже «борзым РЭКСом», который знал, что и как.

— Это кто тебя, доктор, научил белым бинтом маскироваться!?! — вне себя продолжал Мусиенко, перекрикивая шум вертолетных лопастей.

Вот те раз! Взяв рюкзак начмеда, я думал, что такой отличительный атрибут, как белая шина, просто норма вещей, что так положено. А тут такой казус!

— Прячь ее куда хочешь, иначе либо тебя душара замочит, либо я убью! — настойчиво продолжал взводный.

На счастье, со мной была плащ-палатка защитного цвета, в которую я и завернул злополучную шину. Будь она не ладна! И тут же про меня как-то забыли. Группа вела наблюдение, связист докладывал, что все идет по плану, склад взят успешно, духи даже не рискнули сопротивляться.

Примерно через час боеприпасы были вытащены на площадку приземления МИ-8, которые, приземлившись, загрузили десант и «результат». Над нами кружила пара «крокодилов», как называли боевые вертолеты МИ-24. Как только «восьмерки» поднялись в небо, весь караван ушел по долине в обратную сторону. И наступила тишина. После некоторой заминки вдруг встрепенулся Мусиенко:

— Стоп, а нас?!

И действительно, собрали все группы, боеприпасы и на радостях забыли, что наша вертушка уже была грузовиком, а дополнительную не послали.

Лейтенант по радиации запросил воздух и объявил:

— Через 15 минут за нами прилетят! Ни хрена себе, — выругался Мусиенко, — тут за 15 минут из нас такое могут сделать! Быстро собираем АГС!

Действительно, через четверть часа мы слышали гул вертолетов, и один из этих «птеродактилей» завис над нами, затеняя свет, оглушая шумом мотора и свистом лопастей, сбивая с ног потоком нагнетаемого воздуха.

Стокич И.Г. с боевым соратником полковником ГРУ Мусиенко А.В. на военно-патриотическом сборе в горах Тянь-Шаня

стался жив. И, кстати, припоминаю случай еще одного покушения Мусиенко на мою жизнь, когда в Черных Горах он сбрасывал нам с вертушки, проносящейся на всем ходу над нашими головами, цинки с патронами.

Когда через двадцать один год, сидя у костра на детско-юношеских военно-патриотических сборах, я задал ему вопрос:

— Сань, а тогда вы не боялись, что 12-килограммовый цинк когонибудь из нас убьет?

Мусиенко своим невозмутимым ответом «убил» меня наповал:

— Ну, от своих-то не обидно умереть!

— Медицина, помогай!
— закричал мне Кириллов.

Похоже, это был жест примирения. Я схватил ленту от АГС, взвалил ее на плечо и побежал загрузаться в десант. Вертушка взревела, оторвалась от скал и понесла нас на аэродром в сопровождении двух «крокодилов».

— Товарищ старший лейтенант, — едва перешагнув порог санчасти, обратился я к Куламову, — лейтенант меня чуть не убил за эту шину, а вас что, никто с ней не останавливал?

— Нэт, — невозмутимо ответил Куламов, глядя на меня то ли глазами, то ли бровями, то ли усами, и добавил: — Ну не убил же. И вообще, мойся, и пошли в перевязочную! Там уже целая очередь.

Да, на этот раз я ост-

ЗАСАДА НА КАРАВАН¹

Одним из классических примеров успешной организации засады на караван противника, по численности многократно превосходящего силы группы, можно считать выполнение задачи группой капитана Юрия Козлова 25-27 августа 1986 года.

Согласно полученной информации, в районе н.п. Санги-Сурах южнее Кабула (около шоссе Кабул-Газни) готовился к выходу в Пакистан караван примерно в 200 вьючных животных. Караван формировался в кишлаке на расстоянии около трех километров от советского поста. Маршрут его выдвигения был известен достаточно точно.

Вечером 25 августа группа вылетела на вертолете с площадки подскока у места постоянной дислокации около н.п. Бараки-Барак (провинция Логар) на пост в районе н.п. Санги-Сурах. Естественно, собственные средства связи не позволяли группе поддерживать связь непосредственно с частью. Поэтому командиру предстояло договариваться о взаимодействии с начальником поста. Условились о совместных действиях только в крайнем случае по тональным сигналам штатных индивидуальных средств связи. После открытия огня должны были перейти на голосовую связь.

На месте выяснилось, что командир имеет указание не ввязываться ни в какие боевые действия, не снимать технику с позиций и не открывать огонь без разрешения из Кабула. Командиры нашли общий язык только благодаря тому, что оказались с одного курса десантного училища. Но об этом ниже.

С наступлением полной темноты группа начала выдвигение в направлении седловины хребта, через которую проходила широкая горная тропа. Из-за сильно пересеченной местности группа вынуждена была тихо пройти настолько близко к кишлаку, что были видны огоньки сигарет собирающихся в поход боевиков, слышна была многоголосая речь, и ощущался запах готовящейся пищи и гашиша.

В условиях безлунной ночи (лишь на горизонте появилось зарево — начали рваться артиллерийские склады в Кабуле) группа благополучно вышла к месту засады, уточнила боевые позиции и места установки мин, а также избрала место дневки на плоской вершине холма, не просматрившейся снизу.

¹ Козлов Юрий Вячеславович, выпускник РВВДКУ. В Афганистане командовал ротами спецназ в 154 и 668 ооСпН, заместитель командира 154 ооСпН, кавалер орденов Красного Знамени и 2 Красной Звезды, а также медали «За отвагу». Полковник ГРУ. Живет в Москве.

С рассветом оказалось, что вершина холма все-таки просматривалась с двух соседних вершин, но голову или руку невозможно было приподнять. Примерно в километре открывался шикарный вид на кишлак, набитый боевиками. Пригодился перископ разведчика. Хуже было на жаре с естественными надобностями.

В течение светлого времени мимо холма сновали отдельные боевики, проверявшие местность по маршруту, звучали отдельные выстрелы. В двух местах с обеих сторон на удалении до полутора километров боевики оборудовали временные огневые позиции для прикрытия каравана. Это осложняло обстановку, так как подготовить засады надо было успеть до выхода каравана, а точное время этого момента было неизвестно.

Тем не менее, ночь наступила быстро, еще более темная из-за набравших туч. Противопехотные управляемые осколочные и сигнальные мины были установлены вовремя. Спецназовцы заняли позиции по ярусам по три человека. Вверху на площадке был установлен пулемет «Утес». Дополнительные сигнальные мины были подготовлены для установки по фронту снизу и сверху для контроля ситуации при отходе. Спустя десять минут с шумом пошел караван.

Мины сработали вдоль головы каравана. В его направлении были выпущены три мощные осветительные ракеты без парашютов, брошены гранаты и открыт огонь из всего оружия, кроме «Утеса». Спустя минуту боевики сопровождения начали карабкаться на противоположный склон горы и открывать беспорядочный огонь. Количество огневых точек быстро нарастало. В работу вступил «Утес». В свете еще одной осветительной ракеты было видно, как по фронту боевики разбегаются с криками «ДШК!.. ДШК!». Однако снизу часть боевиков стремилась окружить группу. Со стороны кишлака появились пикапы, с борта которых уже на расстоянии велся огонь. О досмотре места засады речи идти не могло.

Группа начала отходить по верху. После того, как внизу на первом рубеже вновь сработали противопехотные и сигнальные мины (следом полетели гранаты), желания подняться следом у преследователей убавилось. Группа скатилась с крутой, в полтора метра осыпи с обратной стороны горы и обнаружила, что метрах в трехстах в пыли и без габаритных огней остановились БТР и гаубица «Нона» с поста. Это было как раз вовремя, как как боевики вновь подняли в нашем направлении плотный огонь с противоположного склона горы. Помогли пулемет с БТР и шрапнель прямой наводкой с «Ноны». Было принято решение отложить досмотр до светлого времени. На борту техники группа прибыла на пост.

Спустя пару часов на пост из Кабула прилетел на вертолете проверя-

ющий подполковник (тоже десантник) и заявил, что отстраняет начальника поста от должности и будет ходатайствовать о лишении его «звездочки». На требование командира группы предоставить связь с «Экраном» «ревизор» согласился после долгих уговоров. А тем временем заместитель командира группы позвал проверяющего к стационарной бинокулярной установке и показал, как на месте засады боевики занимаются погрузкой раненых и убитых в несколько машин.

Выпросили ГАЗ-66, чтобы с поста добраться до афганского батальона (в двух км) и с ними досмотреть место засады. Это удалось, после обещания отдать все трофеи, кроме документов и половины оружия. Обрато два афганских военных грузовика возвращались с горой нагруженные тюками и баулами, по пути подбросив группу на пост. Заместитель командира группы доложил, что дорога на перевале вся усыпана пачками от медикаментов и окровавленными бинтами. Под откосами нашли лишь четыре не замеченные боевиками трупа. В нашем распоряжении оказались сумка с документами, четыре автомата египетского и китайского производства, английский бур и советский ТТ. Три трофейных знамени афганцы также забрали себе.

Не без неудовольствия проверяющего был проведен еще один сеанс связи с «Экраном» и заказан вертолет до пункта постоянной дислокации. Вечером 27 августа группа вернулась в пункт постоянной дислокации. Спустя два месяца стало известно, что лишь ходатайство с «Экрана» спасло боевого товарища от суда.

На фото: заместители командира 154 ооСпН офицеры Козлов Ю.В., Самсонов Ю.Н., Gladkov A.И., Никоненко В.Н.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ЗАСАДА, ПРОВЕДЕННАЯ СХОДУ¹

Отряду, который я возглавлял, была поставлена задача уничтожить караван душманов. По данным агентуры, его путь проходил через кишлаки Мангваль и Сарбанд.

С наступлением темноты отряд начал выдвижение на вероятное направление движения каравана. На пути лежала река Кунар. Подъехав, мы поняли, что переправиться на другой берег нам не удастся из-за того, что уровень воды в реке поднялся. Пришлось вызвать броню, которой командовал лейтенант А.Мусяенко, и организовать переправу на боевой технике по всем канонам военного искусства.

До «мертвого» кишлака Сарбанд оставалось не более километра, когда лейтенант Мусяенко доложил, что справа от дороги обнаружено несколько навьюченных верблюдов, которые шли со стороны населенного пункта Мангваль без погонщиков. Стало ясно, что, пока отряд форсировал реку, а затем пересекал кишлачную зону, идущий навстречу караван частично вышел к переправе. Обнаружив нас, духи развернули караван, а часть верблюдов бросили. Действуя на броне, мы разделились на две группы и прочесали местность севернее кишлака Сарбанд. В результате захватили четырех верблюдов, навьюченных 107-мм реактивными снарядами и 82-мм выстрелами к «безоткатке». Кроме этого, мы обнаружили несколько брошенных тюков с боеприпасами — моджахеды в критические минуты срезали выюки с лошадей и верблюдов и уходили из опасной зоны верхом.

¹Удовиченко Геннадий Викторович, в то время заместитель командира роты спецназа 154 ооСПН. Представлялся к званию Героя Советского Союза. Ныне генерал-майор. Живет в Москве.

***Яркий и удачливый разведчик
командир группы Виктор Аб-
рамов***

уже впереди справа угрожающе нависла скала, а слева проход ограничивался обрывистым берегом Кунара. Место — гиблое, здесь надо держать ухо востро. Шум реки перекрывает звуки движущегося отряда, но и скрывает шум движения противника. Все чаще дозор застывает на месте. Чтобы самим не нарваться на засаду духов, которая здесь может быть в любом месте, приходится «ловить тишину» — останавливаться, прислушиваясь, внимательно наблюдать по сторонам и проверять дозорами из группы Абрамова и афганскими проводниками наиболее опасные участки местности. Время тянется бесконечно, хотя от начала движения прошло не больше часа. Все сигналы управления передаются по радио в тоновом режиме, но вот Абрамов, немного волнуясь, докладывает голосом: «Зеленые сели. Вижу впереди на тропе четырех бородатых».

Соблюдая меры предосторожности, я выдвинулся к Абрамову. Здесь в прибор ночного видения я четко увидел фигуры четырех вооруженных моджахедов, которые крадучись шли вдоль крутого отвеса скалы. Метрах в двадцати за ними двигалась какая-то серо-зеленая масса¹. Присмотревшись, мы разглядели человек двадцать-тридцать, остальных за изгибом скалы не было видно. Обсудив ситуацию накоротке, мы с Виктором решили, что духи хотят возвратиться и напасть на нашу броню.

¹ Электронно-оптический преобразователь прибора выдаёт черно-зелёное изображение.

Медлить было нельзя — до столкновения оставались считанные минуты. Противостоящие силы были почти равны, если не считать того, что мы видели только часть противника. В такой ситуации главное оружие — внезапность. Дополнительное преимущество давала местность — небольшой изгиб реки позволял простреливать большую часть тропы, где сейчас находились боевики. Мгновенно оценив обстановку, я решил организовать засаду. С этой целью группа Абрамова с афганцами должна была занять позицию на сопке, что проходила справа от тропы, тем самым освободить дорогу для противника, дав ему возможность втянуться в огневой мешок, а с началом боя открыть огонь во флаг колонне моджахедов. Группе же лейтенанта С.Суковского следовало занять позицию на достигнутом рубеже и встретить противника кинжальным огнем из стрелкового оружия и АГС-17.

Поставленную задачу стали исполнять немедленно, а расчет АГС стал готовить позицию прямо на тропе, поскольку времени было в обрез.

Все ближе и ближе дозор противника. Вот он остановился, явно прислушиваясь. Я видел, как впереди идущий бородач вытянул шею и, словно принохиваясь, пытался определить, что там, на изгибе. Бурлящие потоки Кунара перекрывали своим рокотом тот шум, который невольно производили спецназовцы, готовясь к достойной встрече приближающегося противника. Ожидание доклада командиров групп о готовности превратилось в вечность. Вот поднялась рука Абрамова — его группа готова. До духов осталось метров тридцать. В приборы ночного видения уже можно различить даже лица моджахедов.

Как только противник подставил свой фланг, я нажал на спуск своего АКМС. Это был условный сигнал.

Почти одновременно с моей очередью тишину вспороли заработавшие автоматы и пулеметы группы. Гулко разнеслись над рекой разрывы реактивных противотанковых гранат РПГ-18 «Муха». Их разрывы яркой вспышкой на мгновение осветили оцепеневших от внезапного нападения духов.

Заработал АГС, но тут же замолчал — ответным огнем противника ранило гранатометчика. Расчет располагался открыто, поскольку времени на оборудование укрытия не было. Раненого сменил командир группы, лейтенант Сергей Суковатый. АГС снова залаял, выплевывая в душманов очередь за очередью 30-мм осколочные гранаты.

Во фланг духам с горы ударила группа Виктора Абрамова. Несмотря на то, что духи, придя в себя, отчаянно отстреливались, сержанты Александров и Яцковский¹ метнули в толпу осколочные гранаты Ф-1. А через пару

¹ В. Яцковский героически погиб спустя несколько месяцев.

секунд рядовые Пономарев и Тургунбаев метнули свои гранаты дальше по тропе, отрезая тем самым духам единственный путь отступления.

Среди разрывов и воплей раненых духов и тех, кто пытался спастись, отчетливо было слышно, как работают два пулемета, расположенные на вершине. Своим огнем они прикрывали правый фланг и тыл отряда. Духи начали пятиться, сбиваясь в кучу, бросая оружие и оставляя раненых.

Отход уцелевших превратился в паническое бегство. Изредка они давали короткие очереди по близлежащим вершинам — им всюду мерещились спецназовцы...

Выслушав доклады офицеров, я принял решение не преследовать противника, а отойти под прикрытие брони. В темноте мы легко могли поместиться ролями с нашим противником.

В результате засады, как позже сообщила агентура, мы в том бою потрепали бандформирование известного на востоке Афганистана полевого командира «инженера Гафура». Разведотрядом было уничтожено восемь моджахедов, захвачено шесть единиц стрелкового оружия, боеприпасы и две радиостанции. Одна из них, армейская американская «Motorola», впоследствии заинтересовала Центр и была направлена в Москву для изучения.

Цветы в январскую стужу на могилу сержанта Яцковского

НАМ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ...¹

Неординарно состоялось мое знакомство с заместителем командира третьей роты спецназа Геннадием Викторовичем Удовиченко.

В субтропиках Джелалабада к маю уже очень жарко. Специфика климата. Нужно отдать должное начальству в Туркестане и Афганистане, подталкивало само собой на послабление уставных норм, в том числе и формы одежды.

В расположении части большинство из нас в жару ходило с голым торсом, а то и вообще в солдатских трусах и тапочках. Это частично спасало от вездесущей и неизбежной потницы. Даже в столовую летом разрешалось ходить с голым торсом и полотенцем наперевес.

Как-то заработавшись в медпункте, вечером, я выскочил в офицерский модуль, зачем уж не помню. В коридоре, я столкнулся с офицером, внешне очень схожим с моим кумиром в фигурном катании Юрием Овчинниковым.

— Что Вы себе позволяете, товарищ солдат! — звучным командным голосом остановил меня он.

— В таком виде и в офицерском модуле!?

Опустив голову, я понял, что, сняв медицинский халат, забыл даже поменять штаны — так в трусах и поперся.

Естественно, попав на «войну» с 3 ротой, я несколько переживал, как сложатся мои дальнейшие взаимоотношения с «замкомроты», но похоже, этот эпизод канул в небытие.

На самом деле Удав, как за глаза называли Геннадия Викторовича солдаты, оказался очень интересным эрудированным человеком, увлекался спортом, на войне, в отличие от рассудительного Пархоменко, зачастую дерзил, иногда весьма нагло, заигрывая с судьбой и смертью.

Любил сидеть прямо возле двери вертолета, свесив правую ногу за порог; на высадку шел первым, хотя никого к этому не призывал. При необходимости мог строго требовать с подчиненного.

В свободное время Геннадий не покуривал в курилке, поскольку был некурящим, а повесив на бак кобуру с пистолетом, в спортивных трусах и кроссовках, выбегал на пробежку за территорию батальона, будто и не было войны.

¹ Стокич И.Г.

На нашей первой послепармейской встрече, сидя в джаз-кафе в центре Москвы, вместе с Александром Мусиенко, Юрием Дурневым и Андреем Соколовым, он и сам признавался, что с позиции лет, относится совершенно по-другому к своему тогдашнему поведению. Хоть рассудительности и не терял, но куражился.

Вообщем, настоящий волк советского спецназа. Многие из нас подражали, как у нас выражались, его «борзости». И лично для меня всегда было престижно выходить с таким командиром на «войну».

Что греха таить, были случаи и вступления в сговор, когда по моей просьбе, чтобы не засиживаться в медпункте, моем основном подразделении приписки, Удовиченко разрешал мне сходить с его ротой. Я докладывал начмеду, старшему лейтенанту Яковлеву, что нарвался на Удава, который в приказном порядке велел идти с ротой. Вранье на удивление проходило, и, несмотря на мое «фелонное» желание отказаться от боевого выхода, ведь вроде как «дембель» на носу, Яковлев возмущался моими сопротивлениями и уже сам отдавал приказ, хотя не любил отпускать меня из медпункта.

Естественно, для меня было честью, когда Удовиченко сам предлагал мне сходить с ним на задание. Одним из таких была «охота на живца» в горах Тора-Бора, располагающихся на границе Афганистана и Пакистана. Как выяснилось через много лет, там находился штаб Бен-Ладена.

Команда: «Приготовить гранаты, покажем, как умирают советские десантники!» — поданная Удовиченко в Черных Горах, стала где-то девизом, который помогает во многих сложных жизненных ситуациях и по сей день, когда думаешь о том, что все ерунда, и не такое проходили.

Во время прощания с увольняющимися в запас, Геннадий «дембелям», жал руку, и что-то говорил благодарственное.

— Ну, что, Игореха, нам с тобой есть, что вспомнить, — сказал он мне на прощание. И это было главной наградой за службу.

Ничто человеческое не чуждо и матерым разведчикам.

— Пусть знают, что мы тоже люди, — мог сказать Геннадий, и, взяв с собой меня и переводчика Андрея Соколова, пойти без оружия в стойбище кочевников, располагавшихся недалеко от нашей дневки, чтобы просто, по-человечески, оказать им посильную медицинскую помощь. А когда в один из трогательных моментов праздничного февральского концерта в Кремлевском дворце он прослезился, вытирая слезы платком, будто стесняясь своей сентиментальности, слезы ломанулись и у меня. Затем пел Газманов свою знаменитую песню «Офицеры». Через пятнадцать лет я с гордостью слушал ее с моим командиром и знал, что эта песня про таких как он.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КОМБАТ ГИЛУЧ

Майор, а вскоре подполковник Гилуч Владислав Петрович командовал 154 отрядом с октября 1986 по ноябрь 1987 года. Новый комбат был высок и статен. Глядя на него, невольно вспоминались героические «латышские стрелки» революционной поры и шутовское выражение современных юмористов «о горячих прибалтийских парнях». Он со своим темпераментом точно подходил под это определение. При всей своей внешней медлительности он был грамотным спецназовцем, смелым, решительным офицером. Часто имеющим собственное видение и от этого упрямым и несговорчивым командиром, но исключительно порядочным человеком в общении. Что для командира, пожалуй, самое главное. В облике вновь прибывшего командира окружающих прежде всего поражали его роскошные рыжие усы. Кончики которых он, как Чапай, крутил в минуты глубоких раздумий.

Командир 154 отдельного отряда спецназа 15 обрСпН подполковник Гилуч Владислав Петрович

Владислав Петрович родился 8 октября 1949 года в селе Гайли Прельского района Латвийской ССР в большой крестьянской семье. У его родителей Петра Язуповича и Вероники Теняевны Гилуч было семь детей. Владислав был последним ребенком и, как это обычно бывает, самым любимым. Он хорошо учился и после школы окончил Рижский строительный техникум по специальности техник-строитель. Два года до призыва в армию отработал прорабом на стройке, а в 1968 году был призван в войска специального назначения в город Вильянди. Довелось осваивать военную специальность рядовым разведчиком, а потом сержантом-командиром отделения. В 1970 году был направлен в РВВДКУ. Владислав был статный, красивый крепкий парень, основательно занимавшийся спортом. Особенно его привлекал бокс. Он умел держать удар и неоднократно принимал участие в соревнованиях за училище и на первенство ВДВ. Его побаивались соперни-

ки, ибо хорошо знали, что за внешним спокойствием этого медлительного увальня скрывается мощная энергия и недюженный характер. В 1974 году выпускник девятой роты РВВДКУ приехал по распределению в город Псков. С 1983 года служит в Забайкальской бригаде спецназа, а осенью 1986 года майор Гилуч откомандировывается в Афганистан. За личное мужество и героизм, успешное выполнение заданий командования Гилуч награжден двумя орденами Красной Звезды. В конце 1987 года его как наиболее подготовленного и волевого командира переводят на самый трудный Асабадский батальон — 334 ооСПН.

ДЖИГДАЛАЙ¹

Джигдалай, Джигдалик — голубые дали,
А мы этот Джигдалай на х... видали.

Из солдатского фольклора

Обычно спокойный и рассудительный командир 15 отдельной бригады спецназ полковник Юрий Старов на этот раз хлестких эпитетов в наш адрес не жалел. Переминаясь с ноги на ногу, мы, офицеры 1 и 2 роты 154 отдельного отряда специального назначения, стояли потупив головы. Особой личной вины за невыполнение боевой задачи мы не чувствовали, так как конечное решение на прекращение операции принимал заместитель командира отряда, на что у него была веская причина — заход луны за плотные облака... В горах Афганистана, весьма скудно электрифицированного, в ночное время только звездное небо да луна позволяли мало-мальски разглядеть окружающую местность, но когда они скрывались облаками, наступала темень, пробить которую не могли даже приборы ночного видения. Такая мгла и застигла наш разведывательный отряд в какой-то сотне метров от склада боеприпасов мятежников в Черных горах (Торгар) на западе провинции Нангархар у перевала Джигдалай. К складу, после десантирования отряда из вертолетов в 7 км от него, с наступлением ночи нас вывел высокопоставленный полевой командир моджахедов, решивший таким образом расчитаться с личными врагами из соседнего фронта. Наша задача заключалась в захвате склада боеприпасов вооруженной оппозиции, размещенного в ущелье одного из отрогов горного массива Торгар, в двух километрах восточнее кишлака Сари-Джигдалик. На этот склад и вывел нас показчик, но пока суть да дело, наступила темень. Мы даже слышали разговор охраны, но приближаться к складу в полной темноте было слишком рискованно. Командир отряда принял решение возвращаться на площадку эвакуации, что мы со всеми предосторожностями и сделали, выйдя к ней только под утро.

— Сегодня же готовьтесь к налету... С десантированием из вертолетов! — Как отрезал командир бригады.

Налет? Ну что ж, налет так налет. Вот только давненько отряд его не совершал. После череды трагических событий марта 1986 г., когда в ходе

¹ Мусиенко Александр Валентинович.

двух налетов 154 ооСпН потерял 13 человек убитыми, из них трое офицеров, весь весенне-летний период основной упор в боевой деятельности отряда был сделан на засадные действия. И вот опять в налет — самый результативный из всех способов действий советского спецназа в Афганистане. Еще бы, готовясь к нему, разведчики собирали всю информацию об объекте, тщательно оговаривали вопросы взаимодействия между авиацией и артиллерией, проводили занятия и тренировки, отработывая на них способы и приемы действий при десантировании, выдвигении к объекту, нанесении ему поражения, захвате и отходе. На все это времени у нас сегодня не было...

— Вон на ту горку! — перекрикиваю я шум вертолетных двигателей, указывая экипажу куда десантировать мою группу.

— Понял! — кивнул головой в шлеме командир вертолета.

Я еще не успел убрать руку, которой показывал на посадочную площадку моей РГСпН № 113, как над ней взмыл в воздух огромный султан огня, дыма и пыли. Это обработали площадку десантирования штурмовики. То ли мы торопились, то ли они запаздывали, но ракетный удар был произведен в 300-400 м от вертолета, что было рискованно близко.

Командир вертолета отвернул машину в сторону и запросил по радио «Грачей». Убедившись, что бомбоштурмовой удар завершен, экипаж направил вертолет прямо на площадку, сметая потоком воздуха еще не осевшую пыль разрыва. Позже этот прием нас здорово спас, так как десантирование группы произошло скрытно, под прикрытием пыли.

Оказавшись на площадке, мы сходу развернули крупнокалиберный пулемет НСВС-12,7, который загрузили в вертолет уже установленным на станке. Обычно тело пулемета, ствол и станок транспортировались отдельно. Я запретил бойцам какие-либо передвижения на площадке, и группа буквально растворилась среди камней на вершине горы. Правее меня приблизительно в 500, 1000 и 1500 м десантировалось еще 3 группы: одна из нашей первой роты с расчетом 30-мм АГС-17 (группа обеспечения) и две группы второй роты (захвата и обеспечения). Скрытность действий для моей группы была критичной, так как мы занимали левый фланг в боевом порядке разведотряда, примыкающем к Джигдалайской зеленке — киш-лачной зоне, вплотную примыкающей к Черным горам и кишевшей мятежниками. Из информации, полученной в беседе с показчиком, нам стало известно, что в зеленке у моджахедов, кроме обычных в системе тяжелого вооружения оппозиции крупнокалиберных пулеметов, безоткатных орудий и минометов имелась и 12-ствольная реактивная система залпового огня, а также переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК). Базирующаяся

в Джигдалае бандгруппа часто использовала реактивную установку для обстрела сторожевых застав, охраняющих ГЭС «Суруби» и автодорогу Кабул — Джелалабад. В случае обнаружения нас духам ничего не стоило смести нашу группу с высоты залпом РС. Наша же задача состояла в прикрытии действий группы захвата склада с зенитными ракетами и боеприпасами, недопущения подхода резервов противника и подавления огнем крупнокалиберного пулемета «Утес» выявляемых огневых точек моджахедов.

Едва группа захвата начала спуск с хребта в направлении расположенного в ущелье склада с боеприпасами, как противник прижал ее к земле огнем из пулемета. Если не считать простреленной радиостанции на спине залегшего радиста, группе захвата 2 роты удалось успешно и довольно быстро сбить охрану, вынудив ее к отходу.

— Товарищ лейтенант, духи! — слышу громкий шепот своего наблюдателя.

— Где?

— Внизу, два человека из ущелья бегут!

— Никому не стрелять! — громко даю общую команду для «забывчивых», так как строго предупредил бойцов — без моего приказа огонь не открывать.

До двух бегущих внизу моджахедов из охраны склада было около 600 метров. Даю им выйти из ущелья на плато, внося поправки в прицел пулемета. Оптический прицел СПП с изменяемой кратностью $\times 3$ и $\times 6$ ставлю на шестерку (максимальное увеличение), а регулятор дальности стрельбы — в положение «6» (600 м). Отчетливо вижу в руках у одного духа пулемет ПК, а у другого — карабин «Бур» (Ли Энфилд). В ленте моего пулемета патроны с разрывными пулями, а точнее — мгновенного действия зажигательными (МДЗ). Лапы станка пулемета надежно закреплены камнями. Короткая пристрелочная очередь. Вторая скорректированная упреждением в одну фигуру валит пулеметчика моджахедов на землю. Второй мятежник тут же прыгает за камень, но при угле стрельбы почти 30 градусов его укрытие ненадежно. Даю несколько одиночных выстрелов и короткую очередь по валуну с чернеющей за ним фигуркой. Дух не выдерживает и выскакивает из-за камня. Он, пригнувшись, бежит к метровой промоине на дне ущелья — единственному надежному укрытию в таких условиях. Разгадав маневр моджахеда, двумя короткими очередями поражаю и его. Вернее, заставляю... «присесть». Именно «сесть», так как 12,7-мм пуля МДЗ попала духу в поясницу, буквально переломив его пополам.

Вся моя группа молчит — приказа стрелять не было. Только тут заметил рядом с собой командира роты майора Александра Кухтина, тере-

бившего меня за плечо во время стрельбы: «Дай стрелнуть из пулемета!», посланного мною в горячке боя подальше...

— Следующий раз, Николаевич, извини, — пожимаю плечами с невинной улыбкой, отстранившись от прицела.

Связываюсь по радио с командиром группы захвата лейтенантом Виктором Тимощуком и предупреждаю его, что на выходе из ущелья лежат два «бородатых». Через несколько минут там появились наши разведчики, направившись к двум уничтоженным моджахедам. В этот момент мы и заметили еще одного духа, мелькнувшего на вершине склона хребта, прикрывающего нам вход в ущелье. Являясь незаметным для группы захвата, дух оказался практически в ее тылу, между нами, и мог спокойно со своей позиции расстрелять находящихся внизу разведчиков, а затем безнаказанно уйти за хребет... Безнаказанно? Да, если бы не занятая нами горка. Я снова у прицела пулемета, поспешная короткая очередь — и дух, дернувшись, заметно волоча ногу, скрывается за ближайшим крупным камнем. Даю по укрытию еще пару очередей и слышу возмущенный вопль в эфире:

— Прекратить огонь! Стреляешь по своим!

— Каким своим?

С оптическим прицелом на дальности 450-500 м ошибиться невозможно. Короткая перепалка в радиоэфире расставляет все по своим местам. Вскоре на хребте «зарисовались» три бойца из группы захвата. Досмотр показал, что этому духу действительно перебило ногу, и когда к нему подошли разведчики, он был уже без сознания.

12,7-мм пуля МДЗ обладает разрывным свойством за счет имеющегося внутри взрывчатого и воспламеняющего вещества и вызывает серьезный болевой шок даже при попадании в конечность. Мы же использовали в «Утесе» такие боеприпасы не из кровожадности, а из-за возможности корректировать огонь по вспышкам разрывов пуль, так как трассирующие пули демаскируют огневую позицию. Одно «но», — пулями МДЗ невозможно пробить СПС (скальные пулеметные сооружения, сложенные из камней в виде полукруглой стенки) или глиняные стены дувала, для чего в боекомплект пулемета НСВС-12,7 «Утес» обязательно включались патроны с бронебойно-зажигательными пулями Б-32 или бронебойно-зажигательными трассирующими БЗТ-44.

Уничтожив охрану склада (двоих моджахедов еще в начале боя нейтрализовала группа захвата), все внимание мы сосредоточили на Джигдалайской зеленке. Пока разведчики группы захвата возились у склада, доставая его содержимое, готовя его для погрузки в вертолет и подрыву, духи время зря не теряли. Прошло около получаса, первые реактивные снаряды разор-

вались в полутора километрах от нас. Моджахеды стали пристреливать вертолетную площадку на вершине хребта, где десантировалась группа захвата и группа обеспечения 2 роты, вынудив группу обеспечения укрыться за хребтом. Меня несколько успокоило то, что противник нашу группу пока не обнаружил, ведь мы располагались всего в трех километрах от огневой позиции РСЗО, а до 2 роты было около 4,5 км. Теперь действия группы захвата могли прикрывать только моя группа и располагавшаяся на правом фланге и группа старшего лейтенанта Николая Жерелина, который в этот момент заметил выдвигающуюся к складу из кишлака Мьярасульбаба группу моджахедов численностью 30-40 человек. Резерв мятежников он остановил огнем приданной нам артиллерии со сторожевой заставы № 17 (автодорога Кабул-Джелалабад).

Заметив в «зеленке» поднимающуюся над позицией 107-мм реактивной установки пыль, я задрал ствол пулемета выше прицельной линии и стал бить в том направлении короткими очередями. Дело в том, что прицел СПП имеет шкалу наведения на дальность до 2000 м, а до огневой позиции РСЗО было около 3 км. Вся надежда была на вызванные нами вертолеты, до подхода которых оставались считанные минут (мы уже слышали переговоры вертолетчиков в радиозфире). Подлетевшие вертолеты дали несколько залпов НУРС по «зеленке», не приближаясь к ней, так как была высокая вероятность применения духами ПЗРК.

На откапывание тайника с боеприпасами ушло слишком много времени. Показчик знал только место проживания охраны склада (сарай), а склад пришлось искать по косвенным признакам (боеприпасы были спрятаны в земле). Наступали сумерки. Командир отряда принял решение отправить наиболее ценные трофеи и наше тяжелое вооружение вертолетами. Отряд должен был подготовить к подрыву захваченные боеприпасы и по темноте уйти на площадку эвакуации. Благо, до темноты оставалось меньше часа, и моджахеды вряд ли уже могли организовать серьезное противодействие. Как только наш «Утес» улетел на вертолете, я предложил командиру роты сменить место, демаскированное подсевшим вертолетом. Ротный, лишь пару недель назад прибывший из Союза, категорически возразил, аргументируя наше пребывание на указанной высоте удобством позиции и... пунктом боевого приказа. Объясняю ему, что следующие реактивные снаряды разорвутся здесь через 5-7 минут. Не верит. Тихонько отхожу в сторону и, пользуясь отсутствием личной радиостанции у командира роты, запрашиваю у командира отряда разрешение на смену позиции, объясняя свое решение «активизацией духов в «зеленке», и необходимостью подтянуться к основным силам отряда». Получаю добро. Ротному сообщаю, что командир

отряда приказал выдвигаться к нему.

Скрытно, пригнувшись и на четвереньках покидаем свои позиции, спускаясь по противоположному от «зеленки» склону вниз. Сзади в ста метрах гремит взрыв пристрелочного РС. Ротный удивленно смотрит на меня, часто моргая глазами.

— Это пристрелочный, — спокойно комментирую разрыв. — Через минуту горку начнут ровнять остальные 11 «эрэсов».

— Думаешь? — еще сомневался командир.

Мы ускорили шаг, буквально сбежав с горы. Тут же вершина горы у нас за спиной покрылась султанами разрывов 107-мм реактивных снарядов, с воем и грохотом вонзающихся в землю.

— Один, два, три... десять, одиннадцать. — Поднимаюсь с земли и даю команду группе на выдвижение.

Все 11 реактивных снарядов, оставшихся в пристрелянной 12-ствольной пусковой установке, духи положили на вершину горы, где находилась моя группа 2 минуты тому назад...

— Ты был прав. Рули, Шурик, — признал авторитет более опытного командира группы догнавший меня командир роты, до этого пытавшийся все кроить на «союзный» лад.

С тех пор его фраза «Рули, Шурик» стала крылатой. Я и мои товарищи часто употребляли ее вплоть до 1993 г., когда наши с Александром Кухтиным служебные дороги разошлись по разным гарнизонам.

На хребет к основным силам отряда мы поднялись с наступлением сумерек, а по ночи ушли вверх по хребту на определенную нам площадку эвакуации. Оставшееся до рассвета время группа коротала, сбившись в плотную кучку, согревая друг друга теплом тел. Одеты мы были легко, так

Командир группы Александр Валентинович Муслиенко начинал службу в 154 ооспН, впоследствии прошел через многие войны и стал полковником ГРУ

как на ночевку в горах не рассчитывали, а налет планировали провести за 2 часа. Увы, на такие «грабли» за всю службу приходилось наступать еще не раз... Вертолеты мы благополучно встретили с первыми лучами солнца, неизвестно чему радуясь больше — солнечному теплу или самой эвакуации.

Итогом налета стали захваченные два китайских ПЗРК «Хуньинь-5» (аналог «Стрела-2», СССР), пулемет ПКМ, 4 РПГ, 2 автомата и 2 карабина, около двух тонн противотанковых мин, 107-мм реактивных снарядов, выстрелов к РПГ и минометных мин (все уничтожены подрывом, за исключением нескольких изъятых образцов).

На моей памяти это был последний налет, проводимый разведчиками 154 ооСпН с применением вертолетов. Вскоре на такой способ вывода разведорганов спецназа в район проведения налета был наложен запрет. Причиной тому стала возросшая насыщенность вооруженных формирований афганской оппозиции ПЗРК «Стингер» и другими зенитными системами оружия.

Эти самые «Стингеры» и стимулировали наше командование к принятию решения на проведение описанного налета 14 ноября 1986 г., так как, по имеющейся информации, на складе должны были находиться именно американские ПЗРК, захват которых тогда для всего ограниченного контингента советских войск в Афганистане был задачей № 1.

ДЕНЬ КАК ДЕНЬ (ЯРМОШ)¹

День как день. Утром — подъем в пять часов, роты выдвигаются на зарядку. Завтрак, подготовка техники, уборка территории, занятия, обед. После дневного отдыха 3 рота уходит на засады. В общем, обычный режим боевого батальона.

Жара в сентябре немного отпустила, и во время дневного отдыха в расположении наблюдаются даже какие-то движения, в отличие от летних месяцев, когда от несносной жары в самый солнцепек жизнь буквально вымирает. В этот период времени положен дневной сон.

Конечно, кто не успел что-то доделать или просто по сроку службы еще не позволял себе особенно расслабляться, мог во время дневного отдыха сбегать в медпункт по каким-то своим делам. Трудно было отказать молодым солдатикам в помощи, ведь у них и так на себя времени не хватало, и можно сказать, что перевязочная была открыта круглые сутки. В субтропическом климате Джелалабада, да и в Афганистане вообще, если вовремя не обработать и не перевязать даже маленькую ранку, а порой и просто укус комара, то вскорости обеспечена большая рана, зачастую нагноение или флегмона, переходящая в трофическую язву.

Подобный режим работы, конечно, совершенно не соответствовал каким-либо нормам дисциплины и распорядка, за что я регулярно и получал нагоняй начмеда — старшего лейтенанта Куламова.

Поэтому, когда прибежал в послеобеденное время на перевязку Вася Семенов — пулеметчик из 3 роты, ссылаясь на требования соблюдать дисциплину, я сказал приходить после отдыха. Я знал, что этот крепенький круглолицый парняга служил поваром в управлении нашей бригады, располагавшейся в километре-полутора, и добился перевода в боевой батальон, избрав тяжелую службу разведчика-пулеметчика. Никто не говорит, что стоять возле горячих котлов легко, но все же поспокойнее, мягко выражаясь. Из уважения к такой позиции Василия я все же быстро обработал ему фурункул на предплечье и наложил бинтовую повязку, дополнительно закрепив ее клеолом. Куламов нас не застукал, видать, использовал положенное время сна по назначению, и я отпустил солдата, наказав, после «войны» сразу же явиться на перевязку.

Но через день — тревожная информация, что у 3 роты трое двухсотых. Притом не огнестрельные, а утонувшие. Комбат Абзалымов буквально вышел из себя, криком отдавал команды 2 группам, выдвигавшимся по

¹ Стокич Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСпН, старший сержант.

тревоге на помощь. Нужно было взять сети, веревки и срочно вылетать к месту переправы.

В батальоне затаилось тревожное ожидание. То и дело посылали кого-нибудь на узел связи, чтобы узнать, что сообщила рота.

В очередной раз прибежал Вася Галушков — водитель санитарной машины, и сообщил, что утонул Вовка Ярмош.

Я в свою очередь сорвался на недоброго вестника, (такая уж выпала на этот раз Ваське судьба) с криками, что не мог Ярмош просто утонуть. Не мог я поверить в это и до того момента, когда ребят привезли в батальон и выгружали возле медпункта их тела.

Капюшон сетчатого маскхалата КЗС был надет на голову, а под ним — безжизненно-холодное лицо. Всегда активный Ярмош, остро переживавший всякую боевую неудачу, являвшийся, несомненно, одним из лидеров в батальоне, презирал трусость и всегда был на самом острие боя. А сейчас мы понимали, что его глаза никогда не откроются, а непривычно холодные пальцы с посиневшими ногтями уже никогда не сожмутся в дружеском рукопожатии.

Затем достали носилки с телом связиста Толика Мирошниченко и того самого пулеметчика Васи Семенюка. На руке у Васи, сбившись до запястья, мокрая от воды, была та самая повязка, которую я наложил ему днем раньше.

Сама река Кабул обмыла ребят перед уходом в последний путь. Ни слоя грязи и пыли, как обычно, ни крови — только белый речной песок, налипший на одежду и их лица.

На давно освоенной моджахедами и нашим спецназом переправе (броде) через реку Кабул в районе кишлака Шахидан обычно все проходило спокойно. Но из-за проливного дождя уровень реки поднялся, и потоком начало сносить разведчиков, несмотря на то, что они были нагружены боеприпасами.

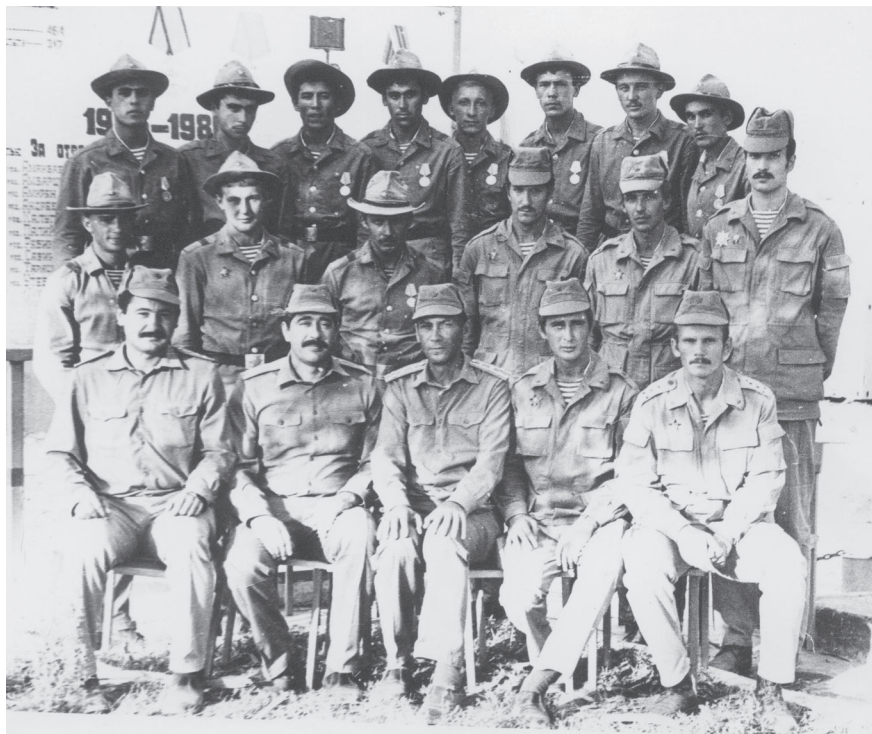
Сначала снесло командира группы лейтенанта Виктора Абрамова. Ярмош бросился ему на помощь и помог выбраться на берег. Миша Бондарев изловчился и отстегнул боекомплект, его понесло. Выбрался на берег сам. А когда утянуло потоком у поворота реки связиста Толика Мирошниченко и Васю Семенюка, Вова опять ринулся под воду на помощь. Толика тянула ко дну тяжелая рация, а Василия — пулемет и тяжелейший жилет с боекомплектom. Уже захлебываясь, один не сбрасывал рацию, а второй все держал над головой тяжелый пулемет. До последнего вдоха ребята остались настоящими разведчиками. Несколько часов продолжались поиски утонувших. В результате их нашли метрах в трехстах ниже по течению на

отмели, возле берега. У Ярмоша в области правого глаза был сильный кровоподтек. Нырнув за своим починенным, он еще и ударился головой о подводный камень, из-за чего не смог выплыть.

Прощался батальон с ребятами, как всегда, тяжело. Близкий друг и земляк Ярмоша Серега Яцковский не договорил прощальное слово перед строем и вернулся к роте, не скрывая, но пытаясь удержать слезы, стискивая зубы, чтобы не разрыдаться. Подобное состояние было у всех нас.

Еще трех бойцов вырвала война из наших рядов, еще трое усопших парней поехали домой к родителям в огромных цинковых посылках. Ровно через сто тридцать дней погиб в бою и Яцковский.

«Господи, слава Тебе, что надоумил не отказать Семенюку в той перевязке, в последней просьбе!» — думал я. Благодарю Бога за это вразумление и по прошествии четверти века.

*Командование бригады и отряда с награжденными разведчиками.
г. Джелалабад*

АВИАНАВОДЧИК¹

Недавно прибывший из Союза командир роты был немногословен. Уточнив, действительно ли я проходил сборы авианаводчиков и получив утвердительный ответ, отправил в штаб за получением боевой задачи.

— А куда собираемся? — поинтересовался я у командира.

— Не собираемся, а собираешься, — хитро прищурился ротный. — Главный вопрос должен звучать не куда, а с кем.

— Не понял...

— 66-й бригаде на войну авианаводчики нужны.

— А мы здесь причем?

— Вот комбату и задашь этот вопрос. Давай поторопись, он ждет.

В помещении ЦБУ отряда кроме меня комбата ждало еще два командира группы с 2 и 3 рот отряда. В мае 1986 г. мы вместе проходили сборы нештатных авианаводчиков частей спецназа в Кабуле на базе 50 смешанного авиационного полка. К ним привлекались по одному офицеру с каждой роты спецназа ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Основной акцент на сборах делался на наведение на цели и корректирование авиаударов фронтовой авиации, так как наводить вертолеты в спецназе мог даже сержант.

Вспомнили сегодня о нас, как выяснилось, после того, как штатные штурманы наведения авиации, (так правильно называется должность авианаводчика) не смогли прибыть в Джелалабад к началу общевойсковой операции. Операцию по захвату укрепленных базовых районов «Огз» и «Шполькай», расположенных в ущелье Кану на юге провинции Нангархар, проводила 66 отдельная мотострелковая бригада и афганские части Джелалабадского гарнизона. Наш 154 отдельный отряд специального назначения в ней участия не принимал, за исключением... Этим исключением и стали мы — нештатные авианаводчики.

Вечером 14 декабря 1986 г. с колонной подвоза боеприпасов 66 омсбр мы прибыли в район проведения операции. С каждым из нас было по одному бойцу. Я взял с собой рядового Назира Караева. На молодого немногословного бойца-таджика я обратил внимание несколько месяцев назад после одного боевого эпизода, когда он, возглавляя тройку, задержал моджахеда во время проведения группой дневки. Тогда Караев заставил меня порядком понервничать. Заметив в нескольких сотнях метров от груп-

¹ Мусиенко Александр Валентинович в то время был командиром группы 1 роты 154 ооспН (он же — авианаводчик, оператор ПТУР и сапер дшб 66 омсбр).

пы одинокого афганца, куда-то спешащего с тяжелой ношей, я отправил задержать его трех разведчиков. Заметивший их афганец бросился наутек. Караев догнал беглеца через... 1,5 км. Причем, преследуя афганца, Назир через каждые 400-500 м оставлял по одному разведчику для прикрытия. Взбучку за недопустимое удаление от группы он от меня, конечно, получил, но его готовность выполнить любую поставленную задачу я оценил.

На ЦБУ операции нам объяснили, что в Кабуле и Баграме, откуда должны были прибыть авианаводчики, который день нелетная погода. На наш вопрос — зачем нужны авианаводчики, если погода нелетная, подполковник ничего вразумительного не ответил.

На второй день операции к исходу 14 декабря, когда мы прибыли на КП, потери 66 бригады составили 7 человек убитыми. Причем несколько человек погибли непосредственно в районе размещения КП, позиций артиллерии и подразделений тыла бригады в результате артиллерийского обстрела. Прикрываясь туманом, моджахеды безнаказанно обстреливали позиции наших и афганских войск 107-мм реактивными снарядами. Их вой и редкие разрывы заглушались артиллерийской канонадой нашей и афганской артиллерии, но, в отличие от моджахедов, наши артиллеристы не знали, где находятся позиция духовской РСЗО. Обстрел прекратился только ночью.

Утром в установленное время мы прибыли на завтрак в полевую офицерскую столовую, размещавшуюся в палатке. Нас, познавших «прелесть быта» засад, когда вершиной блаженства являлась вскипяченная на сухом горячем кружка горячего чая, поразила не только белизна внутреннего подбоя палатки и скатертей, сервировка столов, но и взбучка, устроенная кем-то из штабных офицеров бойцу-официанту. Вся его вина была в том, что рукава белоснежного халата были не идеально чистыми. После завтрака мы явились на ЦБУ, где нам пояснили, что для выполнения задач по наводке авиации на цели требуется лишь один авианаводчик. Я согласился

Подполковник Кондратьев Валерий Фридрихович, службу проходил в должности начальника штаба 154 ооСпН

почти добровольно. «Почти» потому, что надо было отстаивать честь спецназа, видя, как у двоих моих коллег появилась в глазах, мягко говоря, нерешительность. Позже одного из них переведут на «перевоспитание» из третьей роты в нашу, первую, а позже и вовсе уберут из спецназа с формуровкой «за низкие морально-деловые качества»...

Первым же вертолетным бортом меня и Караева забросили в горы. Мне предстояло исполнять обязанности авианаводчика при десантно-штурмовом батальоне 66 омсбр. На высадивший нас борт тут же загрузили раненых, и он, нырнув с хребта в ущелье, взял курс на бригадную медроту. Нас провели на КП командира батальона майора Соловьева. Его командный пункт разместился в полуземлянке отвоеванного вчера десантниками опорного пункта моджахедов. Доложил комбату, кто я и зачем прибыл. Мне было предложено разместиться рядом с командиром в штабной полуземлянке. Больше всего десантников смутило то, что авианаводчик — из джелалабадского батальона спецназа.

— Спрячься и не высовывайся, — предупредил меня комбат, едва я приблизился к выходу.

В подтверждение его слов несколько пуль крупнокалиберного пулемета прожужжали где-то за стенами нашего укрытия. Комбат откинул полог плащ-палатки, прикрывавшей вход в полуземлянку, и окликнул кого-то. Через несколько секунд на КП прибыл капитан-артиллерист и доложил, что засек позицию крупнокалиберного пулемета.

— Где он? — устало, охрипшим голосом, поинтересовался комбат.

— На хребте напротив нас.

— Вызови туда артиллерию.

Спустя несколько минут после того как капитан определил и передал на КП артиллерийской группы бригады координаты целей, где-то вверху прошелестел пристрелочный снаряд. Выведя огонь артиллерии в нужную точку, после короткого огневого налета капитан доложил комбату, что цель накрыта. Каково же было, когда духовский крупнокалиберный пулемет опять дал о себе знать спустя некоторое время с появлением в воздухе наших вертолетов, доставивших десантникам боеприпасы и сухой паек.

— Может, его огнем ПТУР уничтожить? — предложил я, заметив по дороге к КП батальона пусковую установку.

— Наводчика раненого при минометном обстреле еще утром вертушкой эвакуировали, — отмахнулся от моего предложения комбат.

— А офицеры? — не унимался я.

— Это у вас в спецназе, — с некоторой издевкой в голосе ответил

комбат. — Офицеры и засады организывают, и самолеты наводят, и наверняка, с ПТУР стреляют. Давай, лейтенант, покажи.

Комбат явно рассчитывал на то, что я начну отнекиваться, но честь спецназа взяла верх. Сказав «А», нужно было говорить и «Б». Я, ничтоже сумняшеся, направился к выходу из полуземлянки, смутно представляя, как стрелять из противотанкового ракетного комплекса. Все познания о ПТРК «Фагот» заключались в беглом ознакомлении с ним еще в годы учебы в Киевском высшем общевойсковом командном училище. Дело в том, что ПТРК 9К111 «Фагот» входил в комплект вооружения БМП-2, а мы, выпускники Киевского ВОКУ 1985 г., изучали новую машину лишь факультативно — вне основной программы обучения.

«Ну вот, до...лся», — корил я себя, направляясь к укрытой плащ-палаткой пусковой установке с контейнером ПТУР «Конкурс». Да, более неловко я себя еще не чувствовал. Цена вопроса — не столько собственное самолюбие, сколько честь офицера спецназа, и ударить в грязь лицом мне было никак нельзя. Цена вопроса имела и материальную сторону. Стоимость одной противотанковой управляемой ракеты составляла несколько тысяч советских рублей, что приравнялось тогда к стоимости легкового автомобиля отечественного автопрома.

Пока я неспешно снимал плащ-палатку с ПТРК, укрытого от непогоды, глаза фиксировали все ее детали и надписи на корпусе. В это время с противоположного хребта снова огрызнулся огнем крупнокалиберный пулемет, и через несколько секунд воздух рассекло несколько пуль, прожужжавших над головой.

— Видел где, а? — поинтересовался капитан-артиллерист, отправленный со мной комбатом «для целеуказания и корректирования огня».

— Видел. Дальность какая?

— Две тысячи четыреста метров. Достанешь?

— Достанет. «Конкурс» на четыре тысячи летит.

— Тогда давай.

Я прильнул к окуляру прицела, подводя кольцо прицела на вновь блеснувший сваркой крупнокалиберный пулемет ДШК. То, что это была 14,5-мм зенитная горная установка, я узнал только на следующий день, но обо всем по порядку.

Наведя прицел, нажимаю на спусковой крючок. Но что это? Вместо ожидаемого выстрела слышу нарастающее жужжание где-то в чреве транспортно-пускового контейнера ПТУР. Отстранившись от прицела, ищу глазами ближайшее укрытие — а вдруг рванет? Рвануло. Хлопком пиропатронов сорвало крышки контейнера, и тут же из него с грохотом вылетела ракета. Снова заглядываю в прицел и вижу, что прицельная марка во время

выстрела сместилась относительно цели. Начинаю возобновлять наводку, лихорадочно вращая рукоятки наведения, и как итог получаю самоликвидацию ракеты, потерявшей обратную связь с пусковой установкой на траектории полета к цели.

— Блин, сколько раз говорил обезьянам, чтобы аккуратней обращались с ракетами, — в сердцах выпалил капитан-артиллерист, списав на бойцов мой конфуз.

— Да-да, — чуть слышно промямлил я, сгорая от стыда за поспешность.

Легко сказать. В Союзе, прежде чем допустить оператора к боевым пускам ПТУР, те проходят специальную подготовку на тренажерах и сдают уйму зачетов. Естественно, что все мои навыки обращения с ПТРК ограничились несколькими занятиями по его материальной части в стенах училища да показательным пуском ПТУР инструктором на училищном полигоне. ПТУР использовались в Афганистане довольно редко. Их, в силу относительной дороговизны, берегли для третьей мировой войны, в ожидании которой они покоятся на складах и по сегодняшний день...

Вспомнив, чему учили нас на занятиях по огневой подготовке в училище, заряжаю новую ракету, укрепляю камнями станок-треногу пусковой установки, навожу прицел в цель — огневую позицию ЗГУ в расщелине на лесистом склоне противоположного хребта и произвожу пуск. Жужжание гироскопа, хлопок пиропатронов, старт ракеты. Ярко-алая точка фары ПТУР в окуляре прицела, описывая в воздухе спираль, устремляется к цели. Когда ракета входит в габарит кольца сетки прицела, не спеша, вращая рукоятки наведения, вывожу кольцо прицела на цель. Ракета послушно следует на траектории полета за точкой наведения и через несколько секунд разрывается у цели.

— Есть! — торжествую я, вопросительно глядя на капитана-артиллериста.

Тот какое-то время молча наблюдает в бинокль Б-12, а затем комментирует, что цель не поражена.

— Давай чуть правее, метра два. Похоже, там пещера.

Легко сказать. У него бинокль с 12-кратным увеличением, а прицел ПТРК дает лишь 4-кратное увеличение. Более точной наводке ПТУР мешает дымка, размывающая очертания цели. Попросив у капитана бинокль, рассматриваю цель. Ничего особенного в бинокль не вижу. Покрытый снегом склон, поросший сосной и туей, узкая темная расщелина и рядом с ней темное пятно разрыва на заснеженном склоне. Где-то там, в этой расщелине, и находится позиция крупнокалиберного пулемета. Но где?

— Вижу! — вскрикиваю я, заметив в бинокль огрызнувшийся огнем крупнокалиберный пулемет.

Очередь прошла ниже нашей позиции, защелкав пулями по склону хребта в 10-15 метрах от нас. Я бросаюсь к выложенным на грунт чуть в стороне от огневой позиции ТПК с ракетами. Очередная ракета с шипением, раскручивая натянутый струной кабель управления, устремляется к цели. Секунды полета тянутся вечность. Хотя, при скорости полете ПТУР около 175 м/с от старта до поражения цели прошло всего 11-12 секунд.

— Цель поражена. Порядок, — комментирует капитан.

Я поднимаюсь с земли и только сейчас замечаю толпу зевак, обступившую огневую позицию ПТРК справа и слева. Наигранно отряхнув обмундирование, направляюсь к штабной платке, ловя на себе восторженно-завистливые взгляды десантников. Комбат Соловьев уже знает о поражении огневой позиции крупнокалиберного пулемета моджахедов и скромно поздравляет меня с маленькой победой. Теперь в глазах всех присутствующих на КП батальона офицеров, сержантов и солдат я превратился из путающегося между ног «летёхи» в «лейтенанта из спецназа».

К сожалению, мои «распушенные крылья» быстро опустились, когда спустя несколько десятков минут пулемет снова огрызнулся огнем. Комбат уставился на меня, а затем кивнул артиллеристу на дверь, вернее, полог палатки, прикрывающий вход. Капитан в очередной раз спас положение, доложив, что «ДШК работает уже с другой позиции». Так оно и оказалось. Я снова занял место у ПТРК, обнаружив цель у вершины противоположного хребта в 50-70 левее от предыдущей.

— Видать, душки позицию сменили, — прокомментировал я увиденное.

— Да, скорее всего, у них там опорный пункт с несколькими позициями крупнокалиберных пулеметов. Вот смотри, что бойцы отыскали, — протянул мне капитан искореженную от удара по камню 14,5-мм пулю зенитной горной установки.

— От «зэгэушки». Еще есть четыре ракеты. Попробуем? — предложил я, войдя во вкус. Еще бы, где и когда удастся стрельнуть из ПТРК!

— Давай, а затем для надежности артиллерией накроем, — согласился капитан.

Три ракеты накрыли цель, а четвертая прошла чуть выше расположенной у самого гребня огневой позиции противника. Спустя несколько минут по позициям моджахедов обрушили огонь 122-мм гаубицы Д-30 и боевые машины реактивной артиллерии «Град-1» артиллерийской группы бригады.

Капитан оказался прав. На противоположном хребте 800 м южнее отметки 2670 у духов был оборудован мощный опорный пункт. Десантники заняли его перед рассветом. Нашему вниманию была представлена живописная картина его подавления огнем ПТУР и артиллерией бригады. Две зенитные горные установки, располагавшиеся на флангах опорного пункта в нишах на склоне хребта, были уничтожены огнем ПТУР. Прямых попаданий в сами ЗГУ мы не обнаружили, но воронки от разрыва ракет рядом с позициями, иссеченные осколками зенитные установки, следы крови на снегу и окровавленная одежда свидетельствовали о том, что обе цели были подавлены огнем ПТРК. Артиллерийским огнем был буквально срезан установленный на треноге в центре опорного пункта пулемет ДШК, выведены из строя китайская 12-ствольная пусковая установка реактивных снарядов и 82-мм миномет. По всей видимости, именно с этой позиции духи вели огонь по КП и позициям артиллерии бригады реактивными снарядами, а огнем из 82-мм миномета были ранены вчера несколько бойцов десантно-штурмового батальона, в том числе и штатный оператор ПТРК.

После доклада комбата о захвате опорного пункта моджахедов, которые оставили его без боя, майор Соловьев попросил меня подготовить посадочные площадки для вертолетов. Ими планировалось вывезти захваченное оружие и образцы боеприпасов, захваченные в опорном пункте, а также нескольких обмороженных бойцов. Ночью в горах на высоте две с половиной тысячи температура при безоблачном небе опустилась ниже 20 градусов, и несколько бойцов, уснув на позициях боевого охранения, получили обморожения.

Их сон был «цветочками». «Ягодками» для меня и Караева были действия десантников в горах. Ни в какое сравнение с применяемыми спецназом приемами и способами действий они не шли. Ночью батальон менял позиции без какой-либо скрытности, устраивая на привалах перекуры и громкую переключку, периодически открывая огонь в темноту. «Чтобы духи знали, что мы здесь, и боялись», — объяснил мне кто-то из офицеров батальона. С утра, в занятом опорном пункте моджахедов десантники разложили костры, греясь и готовя горячую пищу из захваченных продуктов. Поживиться у духов было чем. Кроме привычных риса, муки и растительного масла, мы разжились картошкой, несколькими коробками печенья и тремя мешками фиников. Бойцы были представлены сами себе, снуя по каким-то делам в пределах занятой батальоном позиции, иногда даже без оружия.

Я, получив в распоряжение двух саперов, поставил им задачу на расчистку от деревьев посадочной площадки для вертолета. Старший сапер — боец-киргиз, выслушав мои указания, как разместить на дереве заряды ВВ, сделал все с точностью до наоборот. Моему взгляду предстала любопыт-

нейшая картина в виде огромной горы трофейных 82-мм выстрелов к безоткатному орудью и минометных мин, 107-мм реактивных снарядов и противотанковых мин, уложенных под могучей сосной на вершине хребта.

— Вы что, очумели? — возразил я.

— Нормально, товарищ лейтенант.

— Я же говорил закрепить на стволе две противотанковые мины, а вы тут полтонны ВВ заложили.

— Хватит, товарищ лейтенант.

— Так... Все в укрытие!

Времени на переустановку «заряда» не было — подход вертолетов ожидался через 10-15 минут. По моей просьбе и приказу комбата весь личный состав батальона, не больше сотни «штыков», укрылся во всевозможных фортификационных сооружениях опорного пункта моджахедов (блиндажи, окопы, траншеи, ниши для боеприпасов). Как выяснилось, из всех средств взрывания бригадные сапёры имели лишь две промышленные зажигательные трубки ЗТП-50, а из других средств инженерного вооружения лишь минный щуп. Как и положено, через 50 секунд после команды «Огонь» раздался мощный взрыв, потрясший под нашими ногами вековые горы. С потолка «продсклада» моджахедов, в котором укрылась группа управления батальона, за шиворот нам щедро посыпалась глина. Лучшего укрытия для КП отряда, чем сарай с продуктами и фуражом, мы не нашли, так как в крыше жилой полуземлянки моджахедов зияла огромная дыра от прямого попадания артиллерийского снаряда. После взрыва не землю посыпался дождь осколков боеприпасов и камней. Как только «атмосферные осадки» прекратились, я побежал к дереву. На его месте зияла воронка диаметром около пяти и глубиной около двух метров. В радиусе до 50 метров осколками и ударной волной срезало все деревья, что обеспечило идеальные условия для захода вертолета на посадку, но посадить вертолет было некуда. Не в яму же.

В образовавшуюся после взрыва воронку полетели камни, фрагменты стволов и веток сосны. При подходе вертолетов к площадке я уточнил ее координаты, зажег сигнальный патрон и сообщил экипажу направление и скорость ветра, хотя их и так было и видно по оранжевому дыму сигнального патрона.

Восьмерка присела на обозначенную мной площадку, забрала разобранные на части 107-мм реактивную систему залпового огня, две ЗГУ, безоткатное орудие, миномет, искореженный пулемет ДШК и нескольких обмороженных бойцов дшб. С борта выгрузили несколько десятков валенок и меховых тулупов. Двух крепких парней в летном меховом обмундировании я заметил только тогда, когда вертушка взмыла в воздух.

— Мужики, а вы кто?

— Авианаводчики, — гордо ответили, как потом выяснилось, старшие лейтенанты.

— Понятно. А чего заранее не сообщили, что летите?

— Нам откуда знать?

Знай я заранее, что в батальон придут авианаводчики, улетел бы с Караевым этим же бортом, а так ждать следующий.

— А еще борта будут? — поинтересовался я у авиаторов.

— Сегодня нет. И так в долине через туман еле пробились.

О том, что в Джелалабадской долине стоит туман, было хорошо видно с нашего хребта, над которым сияло яркое солнце.

Я проводил прибывших авианаводчиков к командиру батальона. Комбат как-то подозрительно смерил их взглядом и заявил, что они поступают в мое распоряжение. Когда прибывшие штурманы наведения узнали, кто я и откуда, на их лицах возникло не меньшее недоумение. Улучив момент, я коротко изложил им историю своего участия в этой операции. За обедом офицеры-авиаторы, спросив разрешения у комбата, предложили всем офицерам на КП отметить свое прибытие. Возражений не было. К всеобщему удивлению всех присутствующих на КП, авиаторы развязали свои огромные неподъемные альпинистские рюкзаки Абалакова, в коих размещалось... Короче, самое ценное — это около двадцати(!) банок стуженки и две бутылки водки. Зачем в горах офицерские сумки, несколько комплектов нательного белья, огромные банные полотенца, туалетные принадлежности с бутылкой шампуня, комнатные тапочки и электробритва, могли ответить только те, кто их туда укладывал. Скорее всего, авианаводчиков нацелили не на работу с передовыми подразделениями в горах, а где-то при штабе, чем и объяснялся «джентльменский» командировочный набор...

После обеда я вышел из полутемного сарая и устроился на мешках с фуражным зерном, выброшенным на улицу, подставив теплым солнечным лучам лицо. Мое блаженство продолжалось недолго. Злая автоматная очередь в нескольких десятках метров заставила меня упасть за мешки. Пули гулко били по мешкам с кукурузой, каменной стенке сарая, у меня за спиной. Дух бил совсем рядом, а у меня не было под руками не только автомата, но и нагрудника с гранатами. «Расслабился, блин...», — корил я себя за непредусмотрительность. В сарае вскрикнул раненый боец-радиот.

— Автомат мне! Нагрудник! — прокричал я в темный проем двери.

Из сарая вылетел нагрудник, а за ним и автомат. Я достал гранату М56 и, выдернув шнур запала, после небольшой задержки метнул ее вниз, в густой кустарник ниже по склону. Вслед за разрывом гранаты дал из автомата несколько очередей поверх мешков, не поднимая головы. Тут же

на занятом нами хребте заработали автоматы и пулеметы десантников. Я, высунувшись из-за своего укрытия, стал бить короткими очередями по поросшему густым лесом склону хребта, перемещаясь за мешками после каждой очереди вправо или влево.

Меня поддержал огнем выползший из сарая начальник штаба батальона. Духи молчали. Я предложил начштабу обработать склон из подствольных гранатометов, а затем посмотреть, откуда велся по мне огонь. Десантники выставили на флангах пулеметы и дополнительно обстреляли из них и подствольников хвойный лес вниз по склону хребта. Я, Караев и начальник штаба дшб, прикрывая друг друга, стали спускаться вниз. Через несколько десятков метров мы заметили лежащего на склоне убитого моджахеда. Приблизившись к нему, я убедился что дух пролежал здесь со вчерашнего дня. Его убило осколками артиллерийского снаряда, скорее всего, при отходе, и припорошило выброшенным разрывом снегом. Следы того, кто стрелял по мне, а затем ушел вниз, были намного ниже — 20-30 метров. По всей видимости, после мощного взрыва и посадки вертолета моджахеды решили, что мы, уничтожив трофеи, улетели на вертолете и решили проверить это. Здесь я и подвернулся косоглазому моджахеду, которого и по сей день благодарю за... плохую стрельбу. Дай Аллах ему крепкого здоровья (если он еще жив) и таких же «метких» врагов, не сумевших попасть в сидящего человека с 40-50 метров.

Досматривая с начальником штаба мертвого моджахеда, мы изъяли из его карманов несколько взаимоисключающих документов, удостоверяющих личность погибшего. Здесь были несколько паспортов старого и нового афганского образца, партийный билет члена правящей Народно-демократической партии Афганистана, исламская карточка моджахеда, таблицы стрельбы из миномета, безоткатного орудия и РСЗО, написанные шариковой ручкой на русском(!) языке на листах из русского(!) еженедельника. Судя по одежде (куртка-пуховик, ботинки «Bata», носки, свитер и новенький китайский нагрудник) и документам, моджахед был из не простых смертных. Пока я срезал с душка приглянувшийся мне нагрудник, начальник штаба ловко снял с руки убиенного часы «Seiko-5», а затем изъял пачку афгани из нагрудного кармана рубахи, едва я снял нагрудник. Впрочем, вторая пачка из соседнего кармана, чего греха таить, досталась мне. Десятью тысячами афгани (пятьсот рублей чеками Внешпосылторга) я по-честному поделился с офицерами десантно-штурмового батальона, с кем успел подружиться в горах, а на оставшиеся купил себе на память часы «Orient». Это был у меня единственный случай за двадцать шесть месяцев афганской войны, когда я полез в карман убитого. Хотя брать пайсу у убитого противника не было тогда зазорным, но личный кодекс чести больше не позволил мне это повторить...

Господствующие высоты и опорные пункты УР «Огз» и «Шполькай» к исходу 9 декабря были захвачены силами дшб и мотострелкового батальона, а разведчики бригадной разведроты обнаружили в ущелье складскую зону базового района. В какой-то момент внизу вспыхнул ожесточенный бой. Авианаводчики по требованию бригадных разведчиков вызвали штурмовики, которые нанесли удар разовыми бомбовыми кассетами по позициям моджахедов на склоне ущелья выше кишлака Кану.

Цели операции были достигнуты. К вечеру комбат получил приказ возвращаться к броне. При отходе батальона я остался с саперами и руководил уничтожением подрывом боеприпасов, захваченных в опорном пункте. Все боеприпасы были снесены в сарай и уничтожены единственной оставшейся у саперов зажигательной трубкой ЗТП-50. С момента ее воспламенения до подрыва в нашем распоряжении было всего 50 секунд. Около двух тонн боеприпасов рванули, когда мы едва успели отбежать по крутому обледенелому склону чуть больше 100 метров. Мощный взрыв взметнул в небо огромный столб дыма и железа. Я предусмотрительно спрятался со своими спутниками под кроной густой сосны. Несколько увесистых осколков искореженного взрывом металла упали совсем рядом с нами, плавя снег. Через несколько сот метров мы нагнали батальон.

Спуск в ущелье по обледенелым склонам занял больше часа. Смотреть на то, как передвигаются в горах аванаводчики, без слез было невозможно. Их лёгкие ботинки с толстой и гладкой подошвой никак не подходили для передвижения в горах, а мой совет снять меховые штаны авиаторы проигнорировали, о чем вскоре пожалели, так как на привале долго переодевались, сдирая с себя меховое обмундирование и насквозь промокшее теплое белье. Десантники и мы с Караевым вполне комфортно чувствовали себя в горном обмундировании и обычных юфтевых ботинках с высоким берцем — «деревяшках».

К полуночи мы вышли к бронегруппе, а к утру были уже в отряде. В течение двух предыдущих суток мне удалось побывать оператором ПТРК, авианаводчиком и сапером. В общем, универсальным солдатом, каких готовили в спецназе. И неплохо готовили.

На память о той операции у меня остался лишь трофейный бинокль Б-6, который выменял в отряде у старшины 2 роты на оптический прицел, снятый тогда с уничтоженной мной ЗГУ. Отходившие семь лет наручные часы «Orient», приобретенные на «боевые премиальные», сломались и пылятся в ящике, а китайский нагрудник, пройдя несколько горячих точек, к 2000 году превратился в лохмотья.

Да, теперь вот появился рассказ, написать который собирался не один год.

ЗАРАКАЛА, ИЛИ «ХОЛОД — НЕ ТЕТКА»¹

Зачастую, читая о разведывательных операциях, кто-то думает, что жизнь разведчика — это только стрельба, тактические действия, захват караванов и укрепленных районов, высадка с брони или скрытые перемещения. Просматривая фильм о войне, сидя при этом в уютном кресле, невозможно в полной мере прочувствовать всю обстановку и ощущения, реальных событий. Нужно уж очень сильно включить воображение, чтобы наполнить зрительное и звуковое восприятие запахами, вибрацией, телесными ощущениями и, наконец, глубокими душевными переживаниями каждого в отдельности и всех вместе.

Война может показаться или очень уж романтическим делом, или смертельно опасным. Одно не исключает другого, все сплетается в единую цепь событий: радостей и горя, удач и поражений, осознание смысла которых приходит лишь с годами.

На этот раз было все как обычно. Первую половину дня 3 рота посвятила подготовительным сборам техники, проверке оружия, пополнению боеприпасов, упаковке по рюкзакам полученного скудного, но такого ценного сухпайка («эталон №5» для разведчиков). По прошествии нескольких лет запомнился вкус содержимого этих маленьких баночек сгущенного молока (125 гр.), который воспринимался совершенно не так, как когда-то дома, когда одной ложки хватало, чтобы насытиться. Теперь это было великое лакомство, в иных случаях даже служившее разменной монетой, ставкой в споре или в партии шахмат. При этом баночка могла быть проиграна задолго до её получения гроссмейстером-неудачником. Стограммовая банка, заполненная массой докторской колбасы, была чем-то ностальгическим, напоминавшим о далекой родине и детстве, поэтому употреблялась не просто так, а с растягиванием удовольствия.

По возможности дополнялось это не сухими галетами, входившими в набор, а прихваченным из батальона дрожжевым хлебом. На него же хорошо намазывался и паштет, который «вкусно» располагался в третьей банке. Четвертая же банка содержала тушёнку, довольно сильно подсолённую и сдобренную специями, после которой жутко хотелось пить.

Также в «5-й эталон» входили 3 пачки галет, сахара-рафинада 3 пачки (как в поездах того времени), пачка супа, который, как правило,

¹ Стокич Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСпН, старший сержант.

сразу же сбрасывался в одну кучу и оставался на попечении бронегруппы. Готовить суп в условиях разведывательно-поисковых действий не представляло никакой возможности, разве что на скрытой дневке. Поэтому и сухой спирт, также входивший в список, оставался невостребованным. Разве что самые смекалистые умудрялись приспособить поддон от рации вместо котелка, рискуя нажить неприятности от командира. Зато при любой возможности бронегруппа готовила горячий суп прямо ко времени подхода спешившейся части роты, что было возможно только в том случае, если это была днёвка возле поста, охранявшего дорогу.

Концентрат, сдобренный какой-нибудь луковицей или прихваченной из батальона картошкой, в полевых условиях был чрезвычайно вкусен. А если самые лихие, такие как наш Василий Андрущенко, умудрялись почти на ходу спрыгнуть с брони и ободрать с близлежащего огорода зелень, вызывая причитания и яростную жестикуляцию декханина (местного крестьянина), то получалась просто пища Богов.

Ещё в набор входил очень простой консервный нож, который зачастую забирался даже в Союз как память ребятами, увольнявшимися в запас. И, наконец, изюминка сухпайка: три пятнадцатиграммовых плитки шоколада, пайка ВДВ, можно сказать. Обидно, конечно, было бойцу, не нашедшему их в коробке, вскрытой ещё на одном из продовольственных складов в Кабуле, потому что шоколад был величайшим лакомством и великим знаком уважения, если служил в качестве «бакшиша» — гостинца. А если паёк получался суток на четверо, то это же целый кондитерский склад — двенадцать плиток! Богатство, которым делился с товарищами либо человек широченной души, либо желавший подчеркнуть свою самодостаточность. Как правило, шоколадом делились с теми, кто оставался в батальоне — недомогавшими или стовшими в наряде.

Шоколад мог употребиться даже очень неплохо и всухомятку, с запаренным чаем, пачечка которого ненавязчиво сопровождала паек. Она же могла быть выкурена при отсутствии сигарет. Но верхом блаженства считалось сварить тёплый молочно-шоколадный напиток и наслаждаться им, сидя на горном хребте и вдыхая свежий горный воздух.

Нормальному человеку всегда не хватает чего-нибудь. Из уютной квартиры тянет к дикой природе, а в условиях первозданной природы хочется хоть какого-нибудь уюта. Правда, ощущается это во много раз острее. И для этого спецназовцам приходилось всячески изошряться, включая солдатскую смекалку. Кухня на выезде — дело нелегкое, а кухонную утварь приходилось «затаривать» прямо в столовой.

— Вай-вай, нычэво в столовой ны осталось, кружка, ложка, казаны. Трэтый рота война пошел, все забрал, — причитал начальник столовой, прапорщик Алиев. И действительно, все это прихватывалось с собой прямо с обеда, и далеко не всегда возвращалось «на родину». И Алиев, человек в возрасте, лет 35, а это по средневозрастным меркам батальона было очень много, да еще с огромным животом, делавшим его еще солиднее, вынужден был бегать по всему автопарку и выискивать ложки, казаны и кружки, «затаренные» по БТРа и БМП. Иначе ему было нельзя, пришлось бы наливать обед прямо в ладони солдатам.

На этот раз все было как обычно: прихвачены казаны, мука и комбижир для выпечки лепешек во время дневки, супы, сваленные в пустой цинк от патронов, и, на всякий случай, боеприпасы.

Чтобы не опоздать на построение роты перед выходом, я побыстрее свернул перевязки и уколы в медпункте и занялся упаковыванием своего РД. Что греха таить, вырваться на войну из рутины повседневной жизни санчасти — за счастье. Как бы там ни было, а это все-таки движение, экстрим и просто живое общение с мужиками. А лишение боевого выхода всегда было суровой карой. Причиной того мог служить какой-нибудь непорядок в санчасти или недисциплинированность выздоравливающих ребят.

Как обычно, грозясь всем подряд суровым наказанием за беспорядок во время отсутствия, я раздавал по плитке шоколада. Это было приятно не только молодому водителю Лешке Голосову, но и старикам по службе — Саньке Мурзалиеву, или просто Казаху, и Леньке Красулину.

Если бы я пожадничал, мне обязательно намекнул бы Казах: «Адэсс, Адэсс..., — тут же поправляясь, — ну хорошо, Одесса», — выразительно поменяв грубую «э», режущую ухо любому одесситу, на мягкую «е». При этом он хитро прищурил бы свои азиатские глаза, совершенно откровенно намекая мне на то, о чем забывать не следует. После этого он брал санитарно-инструкторский РД, набитый перевязочным материалом, капельницами, шприцами, ампулами, сухпаем, а также обвязанный сверху бушлатом, снизу — лестничной шиной и плащ-палаткой. Пришитая сзади фляга с запасом воды также добавляла увесистости. Несмотря на мое сопротивление, Сагидулла, таким было Санино полное имя, говорил: «Еще натягаешься», — и провожал на построение.

И в этом, на первый взгляд, маленьком знаке внимания крылась большая сила. Было не просто приятно, я чувствовал, что здесь ждут. А у Казаха был очередной повод пообщаться с ребятами, перекинуться парой подколов или просто обсудить жите-бытье.

Командир роты, Николай Васильевич Пархоменко, попросту «Гу-

сар», или дядя Коля, как он разрешал называть себя разведчиком, коротко объявив задачу выдвижения, добавил: «Если успеем доехать к месту высадки до темноты, то поужинаем. А если не успеем, — он делал короткую паузу, — все равно поужинаем». Слегка было напрягшаяся рота расслабилась, мы обменялись улыбками и подмигиваниями. До места высадки ехать часа два-три, и за это время успеешь проголодаться. В декабре по ночам прохладно и лежать в засаде с пустым брюхом — удовольствия мало. Да и ехать на прохладной броне тоже.

Поэтому усаживались быстро, кто что мог, подкладывал под пятую точку, закутывались в бушлаты. Прямо на выезде из батальона бронегруппа остановилась. Только что привезли долгожданную почту, которую заботливые товарищи тут же прибежали отдать тем, кто выезжал на засадные действия. Наспех перебрав свою пачку, я насчитал 13 конвертов.

Пархоменко, запрыгнув на свое место в командирском 301 БТРе, напялил «говорящую шапку», и мы выдвинулись. Дорога, как всегда: пыль, бетонка, волнообразная грунтовка, ставшая такой из-за огромного количества взорванных на ней мин.

Спешивались уже по темноте. Не включая освещения, поклевали консервов, запив водой из фляг. Получив взбучку от Гусара за небрежно брошенные под ноги консервные банки как свидетельство своего пребывания на месте, рота окончательно прервала пустые разговоры и ушла в тем-

Группа разведчиков во время выхода в район боевых. На фото слева направо офицеры: Соколов А. (переводчик), Пархоменко Н.В. (командир 3 роты), Николенко А. (особист КГБ), Удовиченко Г.В. (замкомроты) и др. Фото 1987 г.

ноту, то пересекая рощицы дикорастущих эвкалиптов, то выходя на голые пространства. Небо было чистое, без туч, но луна пряталась за горным хребтом. Тьма практически крошечная, идти приходилось, как зачастую это бывало, на звук и на ощупь.

Этой-то темнотой и пользовались умело караванщики, стараясь проскочить до восхода луны, форсируя реку Кабул на переправах. Ставя перед собой задачу уничтожить противника и захватить тайно проводимый караван с оружием, волей-неволей проникаешься уважением к людям, которые могут в зимний холод, в ледяной воде, сносимые течением, заведомо идти, рискуя нарваться на нашу засаду или быть расстрелянными артиллерией, все-таки после переправы продолжают дальнейшее движение по холоду. Но от уважения теплее не становилось. Пройдя сравнительно небольшое расстояние — 3-4 километра — устроили засаду на небольшой возвышенности, беспорядочно усыпанной камнями так, что строительству СПСов мешала только темнота. Но выработанная, благодаря первобытному инстинкту, привычка чувствовать, а не видеть, все же помогала, да и навык притирать камни друг к другу — дело не последнее. Круговую оборону выстроить, конечно, никто не смог, максимально старались использовать естественные рельефы местности — выступы или углубления, в которых можно залечь. А таких на сей раз было очень мало, и холодный ветер благополучно пронизывал со всех сторон. Помогало только то, что располагались по два-три человека в СПСе, прикрываясь плащ-палаткой. Не задействованные в наблюдении бойцы могли передремать, прижавшись, друг к другу, или прикурить сигарету и тайком потягивать ее, пряча в кулак. Нужно сказать, что вдали от освещения даже сигаретный огонек виден на очень большом расстоянии. Нерадивый вояка, не соблюдавший правил маскировки, вполне мог стать мишенью для гранатометчика или, как минимум, демаскировать группу. За это легко можно было схватить подзатыльник.

Позиция нами была занята очень удачно. Справа вдали возвышались еле заметные «Черные горы», слева протекал Кабул. Со стороны гор к Кабулу пролегло русло давным-давно высохшей реки. Оно было одним из многих, по которым духи проводили караваны, поскольку таким образом можно было лучше укрыться от наблюдения. Да и выючным животным идти по сглаженному руслу куда удобнее, чем ломать копыта по бугристым берегам. Хотя, с другой точки зрения, находиться в русле могло быть выгодно в случае заранее занятой боевой позиции, когда оно служило естественным окопом. Постоянно передвигаясь, караван находился в низине, в невыгодной позиции в случае засады.

Именно эти показатели и учитывал спецназ при выборе места засады.

А поскольку серьезный караван шел с солидным боевым сопровождением, как головным, так и боковым, разведчикам приходилось учитывать и это, разделяя группу на две для прикрытия сзади и сбоку.

Но на войне все мы все-таки остаемся просто людьми. Одну и ту же ситуацию каждый рассматривает по-своему, думает о своем. Кто-то азартно ждет противника, кто-то думает о доме или, подремывая, видит сны, кто-то с нетерпением поглядывает на часы, ожидая окончания всей этой тягомотины. До восхода луны нужно было пролежать часов пять или шесть, а потом сниматься с засады, разбросав ногами свои укрытия, чтобы не светить местоположение на будущее. На этот раз все прошло обыденно. Промерзнув до костей и не выждав ничего путевого, мы снялись уже при свете полной луны, упаковывая плащ-палатки. Кто был поближе к ротному, тот услышал, как громким шепотом Гусар неодобрительно высказывался о новом прорезиненном спальном мешке с надувным матрасом, совершенно не оправдавшим его надежды на комфортную ночевку.

Быстрое передвижение в сторону трассы несколько согрело нас, но руки у большинства оставались настолько озябшими, что трудно было не только снять автомат с предохранителя. Не получалось даже расстегнуть пуговицы на ширинке, чтобы справить малую нужду. Один из нас попросту разрезал штаны в области паха ножом — стесняться было тоже некого.

Возле дороги мы недолго подождали нашу бронегруппу, заранее вызванную по радиии, и не очень-то ловко залезли на холодное железо.

Было принято решение ночевать на находившемся в нескольких километрах от нас посту, охранявшем дорогу. Там и броню можно поставить в относительной безопасности, и, дай Бог, в земляночке погреться. Тем более что именно с эти постом у нас были скоординированы действия на случай необходимости поддержки артиллерийским огнем.

БТРы встали у подножия горки, на которой пушка и танк создавали обстановку относительного спокойствия, можно было просто расслабиться и перевалить ответственность по охране на братьев-пехотинцев. Водители и операторы-наводчики, а также часть разведчиков разместились в броне кто где, а остальные — в двух землянках. Помещения были вытянутые, и вдоль по обе стороны стояли двухъярусные кровати, на которых спали в тепле солдаты. Поскольку время было позднее, освещение обеспечивал только пробивавшийся из-за дверцы буржуйки свет.

В теплом воздухе этой мини-казармы было столько уюта и комфорта, так ласково потрескивало в печке, что сразу засыпать и не хотелось!

— Доктор, — обратился ко мне Гриша Загорулько, — а у тебя стуженка поблизости есть?

— Та шо, у тебя своей нет? — вопросительно «шокая» на хохляцкий манер вполголоса ответил за меня Миша Бондарев.

— Короче, доставайте, что есть, у меня вот галеты к сгущенке, — вмешался белорус Леха Ковзан.

Постелив на теплый глиняный пол бушлаты, стали открывать сухпай и не без удовольствия уплетать, что под руку в РД попало. Уже давно отдохавшие пехотинцы не стали себя особо утруждать знаками гостеприимства и только один из них, высунувшись из-под одеяла, сказал: «Вы, мужики, если че, то там, за буржуйкой, чайник с водой и кружки. Короче, сами разберетесь».

Пожинав, улеглись, позволив роскошь снять с себя нагрудники с магазинами и гранатами, которые, собственно, и не очень-то мешали, став некоторым образом частью тела. Спалось крепко и хорошо. Особенно добавило удовольствия ощущение возможности ещё подрыхнуть, когда сержант восточной внешности, явно старослужащий, расталкивал утром пехотинцев, стараясь не наступить на кого-нибудь из нас, передвигаясь от одной койки к другой. В этот момент думалось о том, что у каждого своя служба, — мы поработали, теперь можем и отдохнуть. Мы не замечали всей этой возни.

Часам к девяти утра начали высовываться из ночлежек. День был теплый, но не солнечный. Кое-как умывшись и утершись рукавом (полотенце и зубная щетка — непозволительная роскошь в разведке, а мыло бывало только на броне), мы стали кое-как оглядывать расположение поста, поскольку ночью его рассмотреть не удалось, да и не хотелось. Внизу особо сообразительные ребята из нашей бронегруппы уже развели костры и раскладывали нехитрую кухонную утварь. Ими руководил, как всегда активный, Вася Андриющенко.

Будучи старослужащим, он никогда не считал зазорным взять на себя роль заведующего выездной столовой и собственноручно жарить в казане лепешки или даже пирожки. Тесто замешивать он тоже не доверял никому. Вообще Хихил, как называли его в батальоне, удивительно сочетал в себе качества «борзого разведчика», классного водителя и организатора. Поэтому и ответственность он нес за командирский БТР, и даже сам ротный говорил, что на войне за Андриющенко, как за каменной стеной, с голоду не умрешь.

Так или иначе, вся рота потихоньку крутилась вокруг нескольких дымок, по одному на взвод, и даже соревновалась в каких-то кулинарных выходках. Если к сухпаю прихватить из батальона лучка, картошки да каких-нибудь овощных консервов и комбижира, то вполне можно было изобрести огромное количество походных блюд.

Пользуясь случаем, можно было еще и пожить на кухне поста какими-нибудь специями или забытой солью.

— Ты откуда, братуха? — спрашивал местного повара бульбаш Ковзан.

— Из Новосибира, — гордо отвечал тот, будучи готовым к ответной реакции.

— О-о-о!!! — радостно отвечал Леха, — так я ж тоже из Новосибирска. Ты где там живешь?

И после ответа о какой-то доселе неизвестной Лехе улице в совершенно неизвестном городе он продолжал:

— А, ну так это ж...! А я — на Ленина, — Леха точно знал, что улица Ленина есть даже в самом маленьком поселке Советского Союза.

Точно так же он ответил, если бы повар оказался родом из Ташкента или Оленегорска. Не давая обрадовавшемуся «земляку» опомниться, Ковзан наносил следующий удар: «А муки можешь дать?»

И вот так, побратавшись по-землячески, великий добытчик гордо спулся к броне с половиной мешка муки, предвкушая похвалу сослуживцев.

В таких заботах потихоньку и проходил день. Все же лучше, чем сидеть в горах и «хавать» в лучшем случае подогретую на сухом горячем тушенку, запивая ее холодной водой.

После приема пищи личный состав в большинстве своем отваливался на отдых. Перед бессонной ночью отдохнуть никогда не лишне, тем более что днем довольно тепло, и можно завалиться прямо на БТР или даже на каменистую землю. Кто-то считал нужным почистить оружие, водители уделяли внимание любимым «коням» под номерами 301,302. Периодически кто-то прятался в люке бронемшины, чтобы кимарнуть, а чья-то заспанная физиономия высывалась и полусонными глазами высматривала в округе подходящее местечко для опрвления естественной нужды. Благо, что вероятность минирования рядом с постом сведена практически к нулю, в отличие от любого другого места, где можно было потерять конечность в результате безобидного на первый взгляд желания отойти в сторону и уединиться.

Ближе к вечеру обошлись горячим чаем со сгущенкой и начали экипироваться: подвязывали друг другу нагрудники, попросту называвшиеся «лифчиками», служившие и боезапасом, и защитой в случае касательного попадания пули или осколка, загоняли патрон в патронник, подвязывали бушлаты к РД. Выдвинулись с наступлением темноты под нежные завывания КАМазовских движков наших БТРов. Все-таки любила третья рота свои БТРы — это не то, что у первой роты БМП. Рычит, как трактор, лязгает

гусеницами. Прет, конечно, почти как танк, но того гляди, каменюка в гусеницу залетит, расклинит звездочки и траки — БМП разулась, приехали.

А тут — аж восемь огромных колес, карабкается себе, выполняя рельеф местности, и шуму меньше. Огневая мощь его, конечно, не сравниться. КПВТ калибром 14,5 за 30-мм пушкой не потянет, зато автоматический гранатомет в подмогу установлен, и, если что, можно и навесом поработать прямо с брони. АГСчикам, таскавшим на себе эту 18-килограммовую дуру, оставалось только завидовать операторам-наводчикам и смиренно водружать на себя лямки с ценным грузом.

Но самое главное в БТРе — это то, что выхлопная труба сзади, а не сверху, как у БМП с вечно дребезжащими жалюзиями, из-под которых прямо на сидящую за башней пехоту вырывался черный солярный дым.

Оставив бронегруппу возле эвкалиптов, растущих неподалеку от трассы, мы выдвинулись в темноту. «Гусар» дал указание далеко не уезжать, чтобы в случае чего поддержать огнем. Но ничего примечательного этой ночью не произошло. Все так же собака-холод пробирался под одежду, и все мысли были о том, как бы побыстрее добраться до уютной землянки. Вот уж действительно, как у Джека Лондона: «Постель мягче после долгой дороги, а мясо вкуснее, когда проголодаешься». Один только шакал опрометчиво вынырнул из темноты прямо на нашу засаду, чем вызвал огонь красноречивых высказываний ротного. И без того тревожный передрем был бессовестно нарушен, безобразник спасся бегством.

Уже на дневке, зачерпывая суп из общего казана, Пархоменко высказал заместителю роты Геннадию Удовиченко свои соображения:

— Чувствую, Гена, пахнет «духами», но где они пролезают — не пойму.

— Угу, — ответил Удовиченко, дожевывая кусок зажаренной Хихилом лепешки, и не вдаваясь в подробности, искоса взглянув на командира, дал понять, что и сам озабочен этим вопросом, но имеет какие-то мысли на этот счет.

— Да не переживайте вы, Николай Васильевич, — заполнил молчание переводчик Андрей Соколов, — ни у кого стопроцентного успеха не бывает, — и зачерпнул очередную ложку похлебки.

— Но духи ж, наверное, тоже люди, — продолжил Удовиченко, — им, наверное, холодно по ночам ходить, вот и отсиживаются.

— Да нет, Ген, броню они нашу секут, место-то здесь проходное, — раздраженно откладывая ложку и закуривая, продолжил Пархоменко.

Пока отцы-командиры вели свой разговор, можно было спокойно перекуривать после сытного обеда.

На коротком построении перед выдвижением на засаду. Пархоменко объявил: «Высаживаться будем на ходу, не на полной скорости, конечно, но по-десантному. По машинам! Да смотрите, лентами не гремите!», — бросил он кому-то, шумнувшему лентой от АГС. Уже совсем стемнело, и бронегруппа выдвинулась.

Возле назначенного места БТР снизили скорость до минимума.

— Приготовиться к высадке, — дал по радиии на бронемашину ротный, — гусары, на высадку! — добавил, выдержав небольшую паузу.

Бедные АГСчики, связисты и пулеметчики, — подумал я, когда грохнулся на четыре кости, не рассчитав в темноте высоту приземления и просто скатился набок под весом своего боекомплекта, составлявшего не более пятнадцати килограммов. А ведь у них за спиной побольше будет. Не многим удалось спрыгнуть с боковых подножек и просто продолжить бег по ходу движения, так как это можно было бы сделать, высаживаясь на ходу из трамвая (опыт гражданских шалостей, оказывается, даже на войне может пригодиться). Не было возможности наблюдать за каждым, но, судя по количеству матюков, адресованных неизвестно кому, можно было судить о степени удачности соприкосновения с землей «борзых», как мы о себе думали, разведчиков.

В боевой порядок выстроились без особого труда и промедления. Как всегда, почти автоматически распределились прикрывающие командира роты. Нужно сказать, что наши офицеры никогда не прятались за солдат, а даже наоборот, в критических ситуациях проявляли отеческую заботу, особенно о молодых и малоопытных, приказывая аккуратнее высовываться. А солдаты негласно расставляли своего рода охрану, прикрывавшую командира.

Этой ночью нам повезло — место засады было выбрано на кладбище, и СПСы строить не пришлось. Улеглись прямо между могильными холмами, из которых торчали традиционные для тех мест ветки с повязанными на них тряпочками, обозначающими что-то, о чем многие даже и не задумывались. Холодный ветер и камни, вытягивавшие из тела тепло, как всегда делали свое гнусное дело, постепенно охватывая кисти и стопы, локти и колени. Когда холод добирается до паха и позвоночника, а нужно еще и поглядывать в темноту, вся эта чертова романтика куда-то девается, совсем не то что в палатке на Южном берегу Крыма. Жутко хочется в ту изнурительную жару, когда днем ели, не вылезая из морской воды. Но что странно, знойное лето Джелалабада совсем не вспоминалось, ничего комфортно в этой гудящей жаре не было.

Оставалось еще каких-то десять минут до спасительного восхода луны из-за гор Северного Шахидана, когда насквозь промерзший Пархоменко вылез из своего экспериментального прорезиненного спальника с надувным матрасом, красноречиво высказывая все, что думает по поводу этого гениального изобретения, и приказал сниматься с засады, поскольку ждать уже нечего.

По торопливым сборам роты можно было понять, что его мнение было более чем одобрено и разделяемо всеми. Желая хоть как-то согреться, мы, несолоно хлебавши, быстрым шагом выдвинулись к торопившейся за нами бронегруппе. Усевшись по машинам, мы думали уже не о караване с оружием и моджахедами в сопровождении, не о поощрениях за боевой результат и даже не об экстазе боя. Какая уж тут война, когда так промерзли. Скорее-скорее на пост, в уютную землянку. И перед глазами уже поблескивал спасительный огонек буржуйки. Когда сидишь, опершись спиной на башню БТРа, даже становится немного уютно и тепло на душе — романтика! Сейчас поесть после свежего воздуха — и в люлю. Вдруг что-то противно лязгнуло между коленями, звездануло снизу вверх прямо перед носом. И почти одновременно доселе уютная воображаемая печка выплюнула красный уголек, пронесшийся по прямой линии буквально в метре сзади нашего БТРа. Донесся звук пулеметной очереди и гранатометного выстрела, затем взрыв с другой стороны дороги. Взорвалась не попавшая в нас граната.

— Ни хрена себе — наглость! — крикнул, высунувшись из своего люка Пархоменко. — К машине!

По доносившемуся частому щелканью и ударам было понятно, что работают пулемет и гранатомет. Огонь велся из близлежащего мертвого кишлака Заракала. Ближайший дувал, где засели духи, находился от нас не более чем в шестидесяти метрах.

Моментально взбодрившись, мы поперепрыгивали на другую сторону от бронемшины. Благо, что водитель тормознул, но от холода и неожиданности колени подло задрожали и ослабли, а во рту неприятно пересохло. И когда колонна двинулась вперед, чтобы уйти из-под огня, а мы бежали по правому борту, прячась за броню и колеса, главным желанием было скрыть внезапно возникшее чувство страха, с которым никак не удавалось справиться. Казалось, что бегущий впереди Серега Яцковский совсем ничего подобного не ощущает. В чувство меня привел грохот очереди из автомата, которую из-за задней части БТРа дал связист, по-видимому, желая внести свою лепту в ситуацию. Не успев подумать, я сделал то же самое, а потом, мгновенно осознав, что мы засветились, отдернул его за шиворот к броне.

Тут же через место, на котором мы только что находились, просвистела очередь.

Со стороны кишлака, один за другим, посыпались гранатометные выстрелы. Красноогненные метеориты пролетали то выше, то между машинами, взрываясь по ту сторону дороги.

Наш БТР увеличил скорость и оторвался от нас. Но когда мы залегли в кювете, страшная мысль посетила меня:

— Товарищ капитан, — обратился я к Пархоменко, — я на БТРе свой РД забыл.

— Очень хреново, мужик! — резко отпарировал он.

Жуткое чувство страха за непростительную оплошность пронзило, как гвоздь, от макушки до самого копчика. Кто же знал, что БТР рванет вперед в темноту. Оставалось только молиться, чтобы духи продолжали «мазать». Как «заговорил» КПВТ замыкающего БТРа № 304, Серега Гуменюк и Наиль Нугаев решили без команды разобраться с духами и засветили тем самым себя. И тут же получили гранату под заднее колесо.

Я тут же бросился в их сторону, с ужасом осознавая, что, кроме ИПП, жгута и промедола у меня ничего с собой нет. К счастью, гранатометное попадание отрезвило ребят, и они, слегка оглушенные, выпрыгнули наружу. В чем я и убедился, подбежав к ним. За мной двинул сопровождающим Леха Ковзан. Убедившись, что все нормально и посодействовать работе санинструктора не удастся, он стал высказывать стратегические мысли:

— Братуха, а вдруг они нас с другой стороны обойдут?

— Да не должны, что ж они, друг в друга стрелять будут? Перекрестный огонь под углом ведется ими, если б мы в ущелье оказались, а они с обеих сторон сверху, — сумничал я. И над нашей головой пролетала очередная граната.

— Я все-таки поработаю на всякий случай, — не унимался Леха. И стал методично навесом укладывать за близлежащую сопку гранаты из своего подствольника.

А тем временем, разобравшись в ситуации, Пархоменко запрашивал пост: «Подкиньте по Заракале «огурцов». Я — «Гусар», подкиньте «огурцов». Через некоторый промежуток времени потянулся завывающий свист снаряда. Один, потом другой взрывы как-то совершенно беспорядочно ложились вокруг да около, только лишь наводя шороху.

— Броня, сдаем задом, цепляем четверку на буксир. Гена, командуй.

Пока броня откатилась на исходную позицию, Удовиченко, как ни в чем не бывало, завернувшись в афганский чадар (накидку), приказал роте залечь вдоль дороги. А сам, прохаживаясь взад и вперед, спокойно отдавал команды: «Автоматическими, одновременно, по За-ра-ка-ле... огонь!»

С превеликим удовольствием мы разряжали боекомплект в сторону нарушителей спокойствия. Трассирующие и бронебойно-зажигательные пули очередями разрезали темноту. Тут же подключились КПВТ на БТРах. Операторы-наводчики выкладывали очереди этажами, обеспечивая тем самым безопасность тех, кто цеплял подбитый БТР на буксир.

Отстреляв приличную порцию зарядов и налюбовавшись таким салютом, мы, уже забыв о холоде, повыпрыгивали на места и рванули на ночлег. Пархоменко пообещал, что досматривать кишлак будем утром.

— Э — э — э, спэцназ, — потянул с акцентом все тот же сержант, по-видимому, задействованный в артобстреле. — Все вам нэ спыца и людям покоя нэ даётэ.

Пархоменко подошел с фонариком к левому борту БТРа.

— Слышь, Ген, а я сижу внутри, вдруг: ни хрена себе, горох по броне посыпался... О, Стокич, а тут же ты сидел, — сказал он, рассматривая очередную вмятину. Вмятина была как раз от той пули, которая срикошетила между моими ногами и вылетела перед носом.

— Хорошо, граната не попала, а то нас как хреном с брони сдуло бы, — ответил я, придавая значимость ситуации и где-то желая искупить свою оплошность.

На часах была половина третьего.

— Ни хрена се — три часа пробежал, — возмутился Ковзан, — а вроде все за пятнадцать минут отвоевали.

От боевого возбуждения еще долго не хотелось спать. Раз уж побудили весь пост, чего ж теперь не побравировать перед хозяевами землянки, рассказывая, кто и что в какой момент делал. Боевых сто грамм никто не наливал, да и в голову такое никому не пришло.

Утром проснулись, как обычно, но спокойной дневки никто не обещал. Короткий чай и вперед — досматривать место ночных событий. Конечно, днем все и видится не так, как в темноте, да вроде поспокойнее. Перед Заракалой разделились на две группы. Первая, во главе с Пархоменко и Удовиченко, подъехала к мосту, находившемуся, как оказалось, перед самым кишлаком и при переезде через который мы и попали под обстрел. Другая группа выдвинулась к кишлаку досмотреть близлежащие дувалы, где, как следовало предполагать, и находились духовские позиции. К одному из ближайших дувалов подошли втроем: переводчик младший лейтенант Соколов, Леха Ковзан и я. Андрюша Соколов всегда являлся олицетворением самой интеллигентности и деликатности. В отличие от Ковзана, во всех движениях и выражении лица которого всегда угадывался боец от мозга костей и до рельефных мышц, Андрей даже в нагруднике и с

автоматом смотрелся очень подтянутым. Переодень его во фрак — и в образ входить не надо — маэстро. В отличие от бесшабашного потомка белорусских партизан, Андрей по-взрослому был рассудительно осторожен и внимателен.

Ворота в дувал слишком легко поддались одновременному удару наших ног и повалились внутрь двора. Наслышанные о гибели год назад пятерых наших братьев по батальону в одном дувале кишлака Кулала, забежали мы в дувал по одному, прикрывая друг друга. Архитектура восточного дувала полностью соответствует выражению: «Мой дом — моя крепость». Снаружи это глухая толстостенная глинобитная стена. А с внутренней стороны её пристроены помещения с плоскими крышами, между которыми образуется внутренний двор. Попадая внутрь дувала, оказываешься под перекрестным приделом внутренних окон и дверей, в каждом из которых может находиться стрелок. Поэтому и передвигаться нужно перебежками, сразу занимая скрытую позицию. И даже осмотрев все помещения, расслабляться не стоит.

Со двора на крышу одной из пристроек вела обыкновенная приставная лестница. Взобравшись по ней, мы увидели, как удобно просматривалась дорога и мост с этой позиции. Именно это место и облюбовали духи, о чем свидетельствовали беспорядочно валяющиеся куски одежды, окрашенные свежезапекшейся кровью, и пулеметные гильзы. По пучкам недоденной редиски, которая растет в Афганистане круглый год, было понятно — трапезу мы кому-то «наломали». Осознание этого вызвало некоторое внутреннее злорадство. Но тут же обратила на себя внимание неприхотливость наших противников. Только с годами постигаешь степень их самоотрешенности, осознания того, что и сама жизнь не принадлежит человеку. Их жизнь принадлежала какому-то долгу, по сути, неизвестному им самим, и просто той нужде, которая заставляла зарабатывать деньги войной.

На соседнем дувале крутилась еще одна группа наших ребят и по их телодвижениям можно было понять, что они обнаружили то же, что и мы.

Осмотрев крышу, мы спустились во двор, в центре которого находился не то колодезь, не то вход в кириз — подземный ход, емкость для накопления дождевой воды, наполовину прикрытый щитом. Осторожно приблизившись к нему, Соколов все-таки решил проверить содержимое методом закидывания гранаты «Ф-1», после разрыва которой мы уже решили покинуть дувал. Как вдруг на мосту раздался мощный взрыв.

— Ребята подорвались! — крикнул Леха, и лицо его исказила гримаса отчаяния. Не сговариваясь, мы рванули к выходу. Я бежал третьим и, несмотря на болтавшийся рюкзак и нагрудник с автоматом на груди, вдруг для ускорения вздумалось перепрыгнуть через валяющиеся ворота. Почему-

то не хотелось грохать по ним ботинками. Но прыжок я не рассчитал по высоте и со всего маху двинулся головой о верхнюю планку проема. Тут же по инерции взлетел вверх автомат, который я держал наготове перед грудью горизонтально, и догнал мою нижнюю челюсть, аж посыпались искры из глаз. В результате потерял управление и тупо приземлился на задницу, больно ударив копчик. Впереди мелькали пятки Андрея и Лехи. Зловеще взмывались вверх два черных дымовых гриба от взрыва. В груди сжалось от ожидания результата трагедии.

Но, подбежав к мосту, мы увидели улыбающихся ребят-минеров. Особенно доволен был Вася Кабанов. Он довел нам, что на мосту были заложены две противотанковые мины — фугас и «итальянка», которые должны были взорваться под передним колесом с одной стороны и задним с другой. Вот только провода духи вывели, а подключить не успели. Им не хватило для этого буквально десяти минут. А теперь Вася эти мины нашел.

Обсуждая и комментируя ситуацию, многие из нас были, конечно, одновременно разозлены, обескуражены и приятно обрадованы.

— А ну-ка, Витя, дай я за руль сяду, — сказал Вася Хихил Коровяеву, уже готовому тронуться на БТРе. — Теперь, 25 декабря, я буду день рождения праздновать!

И действительно, страшно было даже представить, что бы произошло, нарвись мы на подрыв.

Уж не знаю, о чем думал Пархоменко, втягивая дым сигареты вместе с дорожной пылью, но теперь, наверное, хвалил и холодный спальник, и свою не очень морозостойкую физиологию (офицерская отцовская ответственность).

На это раз духи нас обсчитали. Хотя, по сведениям разведки, впоследствии оказалось, что они ждали вовсе не нас, а какую-то афганскую колонну, которая должна была пройти утром, потому и не торопились особенно.

Вот уж не знаешь — где найдешь, где потеряешь.

А Вася Кабанов погиб через 23 дня, как истинный минер, от осколков мины. Это случилось 17 января. А 27 января погиб от пули снайпера во время операции в Черных горах Серега Яцковский. Светлая им память.

СУМКА¹

Раннее утро. Подъем. Суета в оружейной комнате. Построение и проверка готовности досмотровой разведгруппы спецназа к выполнению боевой задачи. Дорога на аэродром. 15 километров вдоль зеленки на остывшей за ночь броне БМП. Уточнение маршрута воздушной разведки со старшим вертолетной группы. Край солнечного диска над хребтом.

Субтропики. 7-8 месяцев в году жуткая жара. В августе этого года температура в тени достигла 56 градусов. По Цельсию. А на солнце? Вертолеты летают на воздушное патрулирование только рано утром. Иногда вечером. Сегодня утром. Неспешная посадка разведчиков в вертолеты. Все всё знают: кто и куда садится, сектора наблюдения, действия при десантировании и при возникновении нештатных ситуаций в воздухе. Все и всё знают. Работа такая.

Впереди корабельной группы — две «восьмерки». В ведущей группа досмотра, в ведомой — группа обеспечения досмотра. Два боевых вертолета МИ-24П в нескольких сотнях метров сзади и правее. Маршрут патрулирования — «Северный». Все знают: аэродром взлета Джелалабад — степь Гомберай — гора Табайкунджгар — кишлак Шахидан — северные предгорья Торгара (Черных гор).

На восточном склоне Табайкунджа вьючный караванчик из нескольких ослов. Разгруженный. Вьюки пустые. Сесть для его досмотра негде. Стрелять нельзя, а вдруг мирный?

Два прохода вертолетов над горной тропой. Глаза разведчиков и пилотов цепляются за каждые камень, куст или щель. Людей не видно. Духам или мирным афганцам сегодня повезло. «Душкам» — пока повезло.

Вертолеты ныряют со склона и берут курс на юг. Сухое русло Вархашталайхвар. Язык сломаешь — с непривычки. Всем разведчикам все местные названия местности известны. Летали-ходили — знаем. Высота полета — несколько десятков метров. Так надо — с внезапно налетевшего вертолета быстрее заметишь человека, чем он услышит шум приближающихся вертолетов.

Ведомая «восьмерка» проскакивает над руслом.

— Духи! Внизу, внизу! — лейтенант, командир группы спецназа, перекрикивая шум двигателя и винтов.

— Где командир? — бортмеханик, через левое плечо с откидного сидения кабины.

¹ Мусиенко Александр Валентинович, полковник. Ветеран 154 ооСпН.

Едва заметный бугор укрытых шерстяной накидкой людей на песке сухого русла. Песок светлее. Но не очень... Поздно — глаз зацепился. Майор, командир ведомого, утвердительно машет головой, глядя на карту куда тычет пальцем лейтенант.

— «Полста пятый», наблюдаю внизу людей. Разреши на второй круг?»

— Давай. Лево́й коробочкой!

Второй заход — людей не видно.

— Здесь они, здесь они, — уговаривает себя лейтенант, — меньше минуты были еще здесь. Едва заметные следы на песке сухого русла. Не заметишь с вертолета следы, если не знаешь, что они должны быть. Сухой песок в русле видишь? Да. А следы? Нет. А они должны быть...

Все всё знают.

— Командир, покажи куда садиться — старший дал добро.

Лейтенант, перегнувшись через спину бортмеханика, машет майору рукой — «заходи на круг».

— Дальше-дальше! Здесь давай!

Ведомый, а теперь уже ведущий вертолет, вибрируя корпусом, сбрасывает скорость. Колеса не успевают коснуться грунта, а пулеметчик уже на земле. Никаких команд давать не надо — их не услышишь за шумом вертолета.

Все и так всё знают.

Два моджахеда жмутся к обрыву русла. Куда деваться? Укрылись накидкой...

— Душки, товарищ лейтенант?

— По одежде не скажешь.

Национальные костюмы все афганцы носят, европейские пиджаки и туфли — состоятельные.

Туфли в горах? Откуда и куда в них идут два молодых 20-25-летних парня? Загадка.

— Юрка, прошманай их хорошо, и сумку!

— Витька, пройди со своей тройкой по руслу! Poiщи оружие.

— Душки, однозначно, на шмотки гляньте, товарищ лейтенант.

Шмотки как шмотки — лейтенант вторую неделю как в Афгане. Большая спортивная зеленая сумка, отороченная ярко-оранжевым кембриком — модная. В ней свитер, чалма, вышитый носовой платок, чай и конфеты-карамельки в пакетиках, безопасная бритва, лезвия... Все летит на землю. Сумка падает рядом.

— Карманы в сумке глянь.

Записная книжка и конверты с письмами в боковом кармане.

— Глянь блокнот.

— Посмотри под обложкой.

Момент истины — фотография фигурантов в учебном центре подготовки афганской вооруженной оппозиции в Пакистане. С оружием.

— А почтовые марки на конвертах пакистанские и иранские.

— Ну так из Пакистана же идут...

Задержанные на фарси не разговаривают. «Пуштуны мы». Так всегда. Когда духам сказать нечего на вопросы разведчиков-таджиков.

— Саня, давай в вертолет! — это командир роты, он был в ведущем вертолете.

Ротный здесь? Должен был прикрывать досмотр с первой группой? Все под контролем. Первая группа десантировалась на соседней сопке и заняла круговую оборону. Ротный с радистом прибежал сюда.

— Душков в вертушку!

«Надо забрать сумку, модная».

Бортмеханик энергично жестикулирует — «возьмем только одного человека».

— Одного!!! — перекрикивая шум двигателя.

Одного? Задача перед лейтенантом... Капитан ротный все понял — больше года в Афгане. Взгляд на сержанта, заместителя командира группы. Только взгляд.

— Товарищ лейтенант, нож разрешите? — Рука сержанта тянется к новенькому ножу разведчика образца 1940 года. Такими наши разведчики работали еще в годы Великой Отечественной войны. Лейтенант протягивает нож — надо, бери.

Надо. Нож мелькает в воздухе и втыкается в живот «лишнего» моджахеда. Того, что стоял ближе. Воткнулся как-то неудачно. Удар получился смазанным. Не снизу вверх, под ребра.

Моджахед резко сгибается от боли и дико кричит от испуга. Руку сержанта с ножом он прижимает к животу. Отпустит, и второй удар будет уже смертельным. Очередь из автомата. В упор. В голову. С нескольких сантиметров. Пули сносят полголовы. Веером... Безжизненное тело падает на землю. Головой на сумку. Из нее выплескиваются остатки мозга. Кто сказал, что мозг — это серое вещество?

«Сумка классная была».

— К вертолету!

Лейтенант садится последним. Так надо. Количество севших в вертолет на одного человека больше, чем при десантировании. В грузовой кабине вертолета все на своих местах. Пленного бортмеханик усадил на пол.

Вертолеты вновь на маршруте облета. Отклоняться от маршрута запрещено. Скорость полета крейсерская. Красться по маршруту нет необходимости — результат сегодня есть. Один задержанный — для облета это

хороший результат. На одиннадцать вылетов — результативный один. Статистика.

Под брюхом вертолета проносятся развалины Шахидана. По правому борту Черные горы. Внизу мелькает Джелалабадская зеленка. Вертолеты набирают безопасную высоту.

Все всё знают.

— Командир, давай душка припугнем? — неймется бортмеханику.

Лейтенанту не до шуток. Он наигранно равнодушно пожимает плечами. За две недели в Афгане у лейтенанта сегодня уже четвертая смерть. Какие шутки?

На первом боевом выходе лейтенанта погиб командир роты и командир соседней группы. Внизу. В зеленке. Их лейтенант увидит только в батальоне. Боль и слезы скорби. Немой вопрос — за что?

Третья — смерть моджахеда. Того, что стрелял в ротного и командира первой группы. От рук самого лейтенанта. Из пулемета. Далеко. Просто душок, срезанный пулеметной очередью, уткнулся в землю. Далеко, 350-400 метров.

А сегодня рядом. Но в глаза попала красивая спортивная сумка. Таковую в Союзе не купишь. Бортмеханик-прапорщик хватается за шиворот и за пояс брюк задержанного моджахеда и тащит его к открытой двери вертолета. Внизу, более 100 метров, земля. Высоко. Моджахед понял что с ним хотят сделать. Страшно. Руки мертвой хваткой сжимают стойку скамейки. Прапорщик дергает моджахеда со всей силой своего крупного телосложения. Хруст металла. Сломанная стойка. Разведчики падают со скамейки на пол. Никому не смешно.

Не смешно. Жалко душка, — под ним огромная лужа мочи.

Все видят и слышат запах. Но никто не злословит. Кто-то из разведчиков дружески хлопает душка по плечу: ничего мол, бывает, не держи зла... Завтра он мог убить этого разведчика или кого-то другого. И обязательно убьет в следующий раз. Следующий раз, скоро или не очень, ему представится.

Задержанного разведчика сдадут для допроса органам МГБ Афганистана. К тому времени как он начнет говорить, проверить им сказанное будет невозможно. Расстреливать его не за что.

Все всё знают? Да?

А зачем эта чужая своя война?

«А сумка классной была». Чтобы не думать о смерти...

Впереди лейтенанта ждут больше двух лет войны. В течение полугодия родители четырнадцати участников сегодняшних событий получают похоронки. Афганские семьи потеряют около сотни сыновей, братьев мужей. Один к семи. Око за семь... Статистика. Зеленая, с оранжевым кембриком...

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

НЕМНОГО ИЗ ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ МОЛОДОСТИ¹

Немного про свои подвиги. Сам не расскажешь, другие не напишут.

За давностью времён уже не помню, что был за кишлак, когда конкретно выходили на «войну», какая провинция или местность. Помню хорошо, что ехали по плато, а глина или песок были красные. Как ржавчина. А ночью, до этого, лил страшный ливень. Натуральный, тропический. Я со своими ребятами был на МТЛБ «Дозе». Таков был мой позывной. Не хотел, чтобы использовались уже затасканные наименования типа таблетка, шприц или иглы, скальпели и прочие набившие оскомину позывные. Вот мы и решили обозначиться как «Доза». Прижилось название сразу. И не посрамило себя. Так, в том бою, на кишлаке были ранены ст. лейтенант Валера Прохоренков, мл. сержант то ли Крылов, то ли Орлов (Он тогда получил практически второе ранение подряд. А в Афган только прибыл из учебки. Ну и я потом за него к командиру отряда Рамилю Каримовичу Абзолимову ходил просить, чтобы перевели парня в управление бригады, так как он уже стал бояться третьего рокового ранения. Командир всё понял и верно поступил. Сержант потом очень благодарил нас. А трусом он не был. Со мной, в том бою, под пулями раненых в МТЛБВ загружал, чуть ли не по колено в жидкой грязи. Когда мы тогда из боя вышли, все триплекса пулями расколоты были). В целом наших человека три или четы-

Лапин Александр Николаевич родился 19 января 1958 г. в г.Бакале Саткинского района Челябинской области на Южном Урале. Начмед 15400СпН. Участник боевых действий в Афганистане. Имеет тяжелое ранение в бою при уничтожении УР «Карера». Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Мужества. Принимал участие в боевых действиях в Приднестровье и Чечне. Стихи пишет с детства. Военный бард. Написал более 100 песен и две поэмы. Военный врач. Полковник. В 2006 г. удостоен диплома «Золотой лауреат» Российской национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Санитарный МТЛБВ «Доза» с экипажем на боевом выходе

лина за пулемёт и велел водить стволом. А сам взялся по спирали нарезать круги, вытаптывая площадку. Поначалу азарт был, потом что-то струхнул. Ноги стали становиться всё слабее и слабее. Ватные какие-то. И пот прошиб до пяток. Но бегал, пока с меня не сорвало кепку ветром от вертолётных лопастей. Поднял голову, слегка рефлекторно пригнулся и вижу — вертушка присела почти рядом со мной. Отрывается окно командира, и он кричит мне — мол, хватит, придурок, бегать. Мы уже сели. Верим! Давай, грузи раненых. И задорно как-то улыбнулся. Как сейчас помню эту его дружескую улыбку. Вот тут-то я совсем было обессилил и с ног свалился. А мои ребята натасканы были мною так, что всех раненых загрузили в вертолёт за какие-то секунды. С ними заскочил санинструктор сержант Турсунов, и они благополучно улетели. А я потом внутри себя стыдился своей слабости, что не смог грузить раненых. Хотя меня никто в этом не упрекал.

ре раненых было и пяток «зелёных». Так вот, выбрались мы из кишлага на плато, выхожу я на связь с вертушками, мол, раненых надо забирать, а они мне в ответ, что садиться не будут. Здесь всё минами нафаршировано. Я связываюсь с нашим сапёром-минёром и спрашиваю: так ли это? По моей карте мин там не было. Он мне подтверждает, что разминировано. А лётчики — нет, и всё тут! Что делать!? Ну и по своей молодой отчаянной наивности, со злости, я их очень сочно и забористо обматерил, обидно обозвал и заявил: мол, докажу что мин нет, своими ногами, а если они и тогда не сядут, открою по ним огонь из пулемёта из башенки на МТЛБВ. Посадил фельдшера отряда ст.прапорщика Саню Черто-

А какой-то заслугой это даже и думать не считал. И кроме наших, как мне казалось никто этой истории и не помнил. Однако через много лет, на Сахалине, в вертолётном полку я встретил лётчиков, которые служили вместе с нами в Джелалабаде. И кто-то из них на очередной встрече, за дружеским столом вспомнил этот сюжет про доктора из спецназёров. Я постеснялся сказать, что тот лейтенант — это я, и уже подполковник.

Медики 154 отряда слева направо: С.Куламов, Г.Лязер, А.Чертолин

Хотя в тот вечер много общих историй вспоминали, с именами и фамилиями. Вот так. А вообще, коллектив медицинской службы нашего отряда был очень дружный, крепкий и незаурядный. Практически о каждом можно написать книгу. И все нас уважали. К сожалению, и Саня Чертолин, и Гена Лязер (его все называли дядя Гена) уже ушли на вечный покой. С Садиром я общаюсь по Интернету. А вот с солдатами и сержантами-медиками связь всё реже и реже. Видно, стареем! Такова правда жизни.

ГЛАВА 9

ХРОНИКА 1987 ГОДА

На состоявшемся в мае 1986 года Пленуме ЦК НДПА на пост Генерального секретаря партии вместо Бабрака Кармаля был избран Наджибулла. Смена лидера обусловливалась попыткой вывести Афганистан из политического и военного тупика.

В декабре этого же года очередной Пленум ЦК НДПА провозгласил курс на национальное примирение и прекращение братоубийственной войны. Он объявил, что основной упор в решении проблем Афганистана будет сделан на политические методы. При этом нацио-

Советник ЦК КПСС в провинции Нангархар генерал-полковник Беков Сергей Мажитович (на фото в центре)

нальное примирение рассматривалось как этап развития национально-демократической революции, особый вид политического компромисса, с помощью которого решаются задачи установления демократического строя, пре-

кращения войны и ускорения социально-экономического развития в условиях многопартийности, коалиционных форм правления, многоукладности в хозяйственной жизни, сохранения статуса Афганистана как неприсоединившегося государства.

Политика национального примирения вначале была воспринята народом, уставшим от многолетней войны, с большим интересом. Изменились настроения и среди ряда полевых командиров оппозиции. Теперь уже мало кто в Афганистане сомневался, что советские войска будут рано или поздно выведены. Следствием таких ожиданий стало то, что многие руководители, органы государственной власти и подразделения вооруженных сил Афганистана, силы безопасности заметно снизили свою активность в борьбе с душманами. Были отмечены попытки войти в контакт с мятежниками.

Пассивность, а зачастую и нежелание партийного и государственного аппарата практически всех уровней вести активную борьбу по претворению в жизнь политики национального примирения фактически привели к ее срыву. Сфера влияния государственной власти не расширялась, коалиции с представителями оппозиции наладить не удалось. Афганские вооруженные силы не проявляли должной активности и настойчивости, стремясь избежать боевых столкновений с мятежниками. В этих условиях советским войскам снова приходилось принимать удары на себя. При этом героизму и самоотверженности наших воинов отдавали должное даже «духи» (вооруженные отряды оппозиции — так их стало принято называть с 1987 года).

Наиболее известной операцией 1987 года, да и всей афганской войны стала операция «Магистраль». Летом и осенью 1987 года особую озабоченность у афганского руководства и советского командования вызывала обстановка в провинции Пактия, а именно в округе Хост. Она была вызвана тем, что отряды оппозиции практически завершили блокирование города. В Хосте сложилась критическая ситуация с продовольствием, после вывода из Хоста гарнизона советских войск возникла реальная угроза потери города. К осени 1987 года моджахеды восстановили здесь свою базу «Джавара», разгромленную советскими войсками весной 1986 года. Положение осложнялось еще и тем, что именно здесь предполагалось разместить так называемое «афганское правительство» в противовес «правительству неверных».

После многократных просьб афганского руководства командованием ОКСВ было принято решение спланировать и провести крупную войсковую операцию по прорыву блокады для обеспечения населения Хоста продовольствием и необходимыми материальными средствами.

И такая операция была успешно проведена в ноябре 1987 — январе 1988 года.

После объявления политики национального примирения советские войска пытались прекратить активные боевые действия, сосредоточившись на охране коммуникаций и проведении спецпропагандистских мероприятий, однако это не удавалось, и по просьбам афганского руководства был проведен еще ряд операций против непримиримой контрреволюции — вокруг Кабула, в районе Кандагара. Приходилось вести постоянные боевые действия против караванов, доставлявших оружие и боеприпасы из Пакистана и Ирана для отрядов оппозиции.

В 1987 году погибли 1215 наших военнослужащих, в том числе 152 спецназовца (при этом 22 разведчика из 154 ооСПН).

МИННАЯ ВОЙНА¹

В ходе ведения боевых и разведывательных действий подразделениями 154 ООСПН был накоплен большой опыт применения минно-взрывных средств в условиях горной и горно-пустынной местности.

Так, в Черных горах (40-50 км западнее Джелалабада) в связи с хорошо развитой у противника системой наблюдения инженерное обеспечение играло с весны 1987 года решающую роль при выполнении поставленных задач. При этом широко использовалась накопленная ранее информация о маршрутах движения и местах базирования боевиков. В результате планового минирования местности в районах населенных пунктов Шеркундубаба, Шахидан, Заракала, Фарманхейль и Гирдайкач провинции Лагман отряду удалось предотвратить в этот период прохождение как минимум четырех караванов и двух бандгрупп.

Минно-взрывные средства (МВС) применялись в этом районе с целью перекрытия минными полями наиболее вероятных участков прохода караванов и бандформирований, минирования огневых позиций и возможных мест устройства засад моджахедов, прикрытия мест засад и маршрутов отхода разведывательных групп, подрыва захваченных боеприпасов, найденных взрывных устройств противника и т.д.

В частности, в марте 1987 года группе 154 ООСПН в составе 10 человек была поставлена задача на установку минно-взрывных заграждений (МВЗ) на маршрутах движения бандгрупп в 6-7 км южнее н.п. Заракала. Район установки МВЗ находился на территории, контролируемой моджахедами, в зоне видимости их наблюдательных постов, так как здесь группы противника сосредоточивались перед спуском в долину реки Кабул.

Группа имела с собой 38 осколочных заградительных мин ОЗМ-72, 15 осколочных мин направленного действия МОН-50, 10 комплектов взрывателей НВУ ВП-12 (13) системы «Охота-1(2)», по 2-5 кг боеприпасов на каждого человека, оружие, средства связи и питание к ним, средства наблюдения и маскировки, медикаменты, а также минимум воды и продовольствия. В среднем на каждого разведчика приходилось по 45-55 кг вооружения и экипировки.

С наступлением темноты группа была вывезена на боевых машинах к краю горного плато в семи км от района минирования. По пути бронегруппа

¹ Козлов Юрий Вячеславович, командир роты, заместитель командира 154 ооСПН, командир отряда. Впоследствии — полковник ГРУ.

1 рота под Джелалабадом

и установленным МВЗ. По истечении третьих суток группа вышла на пункт сбора для встречи с бронегруппой. В дальнейшем контроль за МВЗ осуществляли ближайшие посты наших войск. Огонь артиллерии привязывался к центральному передатчику, устанавливаемым на неизвлекаемость. Также МВЗ регулярно проверялись с воздуха облетными группами. Это лишь один из примеров использования МВС в зоне ответственности 154 ООСпН.

При этом следует отметить трудности, которые возникали при выполнении, казалось бы, такой простой задачи.

В первую очередь, сказывалось отсутствие специальных средств переноски МВС, которые позволяли бы равномерно распределять нагрузку по телу разведчика, ведь движение зачастую осуществлялось по узким карнизам с преодолением расщелин и почти отвесных стенок. Мины приходилось связывать в гирлянды, издававшие шум.

Определенную трудность представляла маскировка мин (штатных средств маскировки не было), так как толщина грунтовой подложки горных лугов не превышает 10-15 см, а высота мины ОЗМ-72 даже без взрывателя — 172 мм. Общий фон грунта в пустыне или в горах колебался от ярко-белого до коричневого, иногда черного, а мины и взрыватели были зеленого (часто яркого) или стального цвета.

Избирательность датчиков также оставляла желать лучшего. Так на третьи сутки пребывания группы в горах пошел дождь, что вызвало срабатывание шести кустов мин из десяти, установленных с комплектом «Охота». Вибрация от дождя и небольших осей и камнепадов вызвала срабатывание сейсмодатчиков, приводящих в действие взрывные устройства. Срабатывание такого комплекса во время дождя наблюдалось и в других районах. Наряду с этим, в большинстве случаев моджахеды заставляли местных жителей прогонять перед проходом караванов по тропам стада.

имитировала несколько ложных высадок десанта. После десантирования разведгруппа скрытно и в ускоренном темпе совершила восхождение в горы, провела доразведку местности, подготовила огневые позиции и место дневки. В оставшееся до рассвета время и в последующую ночь были установлены мины. В дневное время осуществлялось непрерывное наблюдение за подступами к месту дневки

Как правило, мины срабатывали. Также, если действия минеров попадали в поле зрения наблюдателей, заблаговременно выставившихся по высотам перед прохождением каравана или банды, то предпринимались попытки разминирования. Боевики, укрывшись за складкой местности, пытались вызвать вибрацию почвы, стуча камнями или кидая их на предполагаемое место установки мины.

Был случай срабатывания заряда под передатчиком и при попытке его разминирования вручную. Облетная группа застала около воронки лишь пару аккуратно снятых сандалий, а поблизости пять трупов боевиков, сидевших рядом и наблюдавших за работой «сапера».

В комплектах с взрывателями, поступавших с армейских складов, как правило, находились элементы питания, непригодные для боевого применения. При их использовании самоуничтожение комплексов происходило практически сразу после истечения времени замедления на установку. При переходе групп через пустыню даже хорошие элементы питания, по случаю закупленные в городе, также на жаре быстро выходили из строя. При отсутствии в группе штатных малогабаритных средств тестирования зачастую возникали случаи, когда группа не имела даже времени для скрытного выхода из района минирования. Также температурный диапазон применения комплектов «Охота» от -40 до $+50$ градусов, в то время как грунт в пустыне и на горных плато раскалялся до $+70$ градусов и выше. Линейный мост ЛМ-7 в таких условиях вообще не срабатывал.

При минировании троп в районах Шахидан и Фарманхейль весной 1988 года, мины приходилось ставить в зарослях тростника вдоль напротив переправ через реку Кабул. Грунт при регулярном повышении уровня воды сильно пропитывался влагой, что также сказывалось на работоспособности взрывателей типа НВУ-ВП-12 и ЛМ-7, применявшихся в минах-ловушках и минах-сюрпризах.

В этой связи наиболее часто при установке мин осколочного действия применялись взрыватели механического действия МУВ-1 (2, 3) и ВПФ с растяжками. Однако демаскирующие признаки, а также большое усилие для выдергивания чеки способствовали их обнаружению и обезвреживанию боевиками. Были случаи, когда попытки лишь наживить чеку в условиях боя или срочном отходе группы с места засады приводили к подрыву и неоправданным потерям.

Хорошо зарекомендовали себя в боевой обстановке мины МОН-50 и ПМН. Мины нажимного действия ПМН применялись в основном при минировании огневых позиций боевиков, при минировании кяризов и крепостей. При уничтожении боевиков в замкнутом пространстве, например, в

пещерах, применялись сосредоточенные заряды взрывчатых веществ (ВВ) с использованием механических взрывателей и ПМ-4 с электродетонаторами ЭДП(Р). Мины типа МОН-90(100), кумулятивные заряды КЗ-6(7), КЗУ-2 практически не применялись из-за больших размеров и веса. В отдельных случаях метательные заряды заблаговременно изготавливались из мин МОН-50 и ОЗМ-72. Так в ОЗМ-72 осуществлялось срабатывание вышибного заряда без капсюля-детонатора КД№8А. Затем в отверстие детонатора вставлялся запал от гранаты (УЗРГМ) или минный детонатор (МД-2, МД-5) с взрывателем МУВ. Таким образом, мина использовалась как граната повышенной мощности.

При установке МВЗ на дефиле, в узких местах, проходах, ущельях, не имеющих путей обхода, разведчики применяли комбинированное минирование с использованием различных типов мин. Как правило, мины устанавливались в неизвлекаемое положение. Комплекты «Охота» устанавливались в сочетании с минами «на растяжку» и нажимного действия. Однако в условиях степной зоны, севернее Джелалабада и до предгорий маршруты движения моджахедов было трудно определить, поэтому «кусты» ОЗМ-72 ставились зачастую в управляемом варианте и в извлекаемое положение, на удалении прямой видимости от места засады.

Группы 154 ООСпН также широко применяли и трофейные средства взрывания, мины и ВВ. Так мины ПМН китайского производства, в изобилии расставленные моджахедами на подступах к укрепленным районам, снимались и использовались для минирования дна окопов и укрытий боевиков. Зимой с 1987 на 1988 год в районе н.п. Шивукала провинции Лагман при проведении налета в переходах кя-

Десантирование

риза под крепостью был обнаружен склад боеприпасов. Для его уничтожения использовался взятый здесь же детонирующий шнур пакистанского производства в сочетании с отечественными КД№8А и иностранными зажигательными трубками заводского изготовления. В качестве промежуточных детонаторов использовались 82-мм мины американского производства и наши гранаты. В случае захвата ВВ оно также при возможности использовалось для изготовления мощных противопехотных фугасов. Наиболее часто встречалось пластичное ВВ светло-серого или зеленоватого цвета, по

плотности схожее с желеобразной клейкой массой, в полиэтиленовых пакетах без маркировки. Его мощность в 1,5-1,7 раза превышала мощность тротила. Весной 1988 года было захвачено большое количество пластичного ВВ черного цвета, с резким запахом, которое моджахеды переправляли через провинцию Нангархар на север. Оно также в 1,7-1,8 раза было мощнее тротила. Транспортировалось это ВВ в джутовых мешках в форме брикетов от 100 до 800 граммов.

Захваченные образцы также использовались при изготовлении мин-ловушек и мин-сюрпризов. На оставленных позициях оставались предметы амуниции или часть трофейного имущества, якобы брошенные, в т.ч. «снаряженные» ВВ ракетницы, подсумки, фляги, снаряды, мины и т.п. Практиковалась установка и ложных зарядов пониженной мощности на фоне тщательно замаскированных мощных фугасов. Применение трофейных противотанковых мин итальянского, китайского и английского производства, а также американских осколочных М-18 «Клеймор» облегчалось тем, что при установке их в качестве фугасов не требовалось промежуточных детонаторов, в то время как для подрыва трофейных минометных мин большого калибра использовались электродетонаторы немецкого происхождения, более мощные, чем ЭДП(Р).

Весной 1987 года группы 154 ООСПн выполняли задачи по воспрепятствованию передвижения караванов с оружием и боеприпасами из Пакистана, через территории провинций Нангархар и Лагман (часть афганского Нуристана) в направлении Чарикар и Пандшер.

В качестве основной перевалочной базы для караванов использовался горный массив Черные горы в 40-50 км западнее Джелалабада (горы Торгар и хребет Сиахкох — «Черные горы»), между долинами рек Сурхруд (рядом проходит старая Кабульская дорога) и Кабул (рядом — новое шоссе, связывающее Кабул с Джелалабадом).

После длительного ночного перехода через приграничные районы караваны разгружались в Черных горах в ущельях и многочисленных крупных пещерах, а вьючные животные выгонялись на пастбища в долине реки Сурхруд. Отсюда часть грузов отправлялась автомобильным транспортом в провинцию Кабул, а часть — по многочисленным горным тропам караванами далее на север. Все эти тропы сходились в долине реки Кабул к переправам у населенных пунктов Шеркундубаба, Шахидан, Заракала, Фарманхейль и Гирдайкач.

В обеспечении приема и обслуживания крупных караванов было задействовано много местного населения. Также боевики использовали горных пастухов и местную молодежь для проверки предполагаемых маршру-

тов дальнейшего движения караванов. Накануне выхода каравана боевики занимали тщательно оборудованные огневые позиции на господствующих высотах вдоль всей выбранной тропы. Перед спуском караванов с гор и переправой наблюдение за местностью осуществлялось местными жителями, занимавшими позиции на отрогах гор, нависающих над долиной. Здесь при необходимости караваны временно до темноты прятались под кронами эвкалиптов в густых зарослях высокого тростника или временно разгружались в многочисленных развалинах. Безопасность переправы и прием караванов под свою охрану также обеспечивали небольшие группы вооруженных проводников, прибывавшие с севера и занимавшие позиции в зарослях на противоположном берегу реки Кабул. После переправы караваны уходили по многочисленным оврагам через пустыню и степи далее на север.

Долгое время даже при наличии точной информации о прибытии в Черные горы нового каравана нашим группам не удавалось успешно организовать засаду, так как вывод групп, как на броне, так и на вертолетах, осуществлялся через густонаселенные и хорошо просматриваемые районы. Рейды и налеты, осуществлявшиеся в Черных горах и южнее, были чаще безрезультатными или вели к неоправданным потерям. По всей видимости, не последнюю роль в этом играл и широко применявшийся тогда противником перехват большинства радиопереговоров советских войск.

В долине реки Сурхруд у боевиков были подготовлены оборонительные линии с окопами в полный рост, применялось сплошное минирование подходов к ним, а в районе брошенного н.п. Шеркундубаба боевики старались даже ликвидировать советский пост. Дело доходило до прямых артиллерийских дуэлей. Все пространство вокруг этого поста как гравием было сплошь усыпано шрапнелью и осколками. Так в конце января 1987 года боевики выкатили над постом на прямую наводку несколько девятиствольных минометов китайского производства и открыли плотный огонь. В течение получаса пост представлял собой сплошной куст черных разрывов. Однако нашим артиллеристам удалось с помощью трех Д-30 заставить боевиков прекратить огонь. Находившаяся рядом бронегруппа первой роты, занимавшаяся сбором групп, поддержала артиллеристов огнем бортовых 2А-42.

Первый весомый результат был получен нами в феврале 1987 благодаря нетрадиционному решению. Первая рота (на БМП), находившаяся около нашей артиллерийской позиции в районе н.п. Гирдайкач, в ночь на 8 февраля вывела шесть групп, занявших позиции в предгорьях напротив вышеперечисленных селений (Шеркундубаба, Шахидан, Заракала, Фарманхейль и Гирдайкач). К вечеру 10 февраля пять групп были demonstra-

Бойцы первой роты спецназа

тивно сняты и выведены к месту базирования бронегруппы, где личный состав начал демонстрировать «отдых». По открытым каналам связи было доложено о готовности бронегруппы вернуться в пункт постоянной дислокации. Одновременно артиллеристам на постах был передан сигнал готовности действовать по целеуказанию (порядок связи и цели были согласованы накануне). Оставшаяся в засаде группа дважды меняла в ночное время позиции и тщательно маскировалась, сохраняя полное радиомолчание.

Спустя несколько часов после снятия групп, уже в сумерках, командир группы, находившейся в засаде, дал информацию о том, что в поле его зрения и на пределе досягаемости огня по направлению на Заракалу с гор спускается большой караван из более 80 вьючных верблюдов и лошадей. Одновременно группа открыла достаточно беспорядочный (из-за расстояния) огонь из всего оружия, включая АГС-17, с целью дезорганизовать движение каравана и предотвратить его отступление в горы.

По сигналу и практически на ходу была сформирована боевая колонна роты (8 БМП-2) с личным составом на борту, которая на максимальной скорости пошла на перехват каравана. При подходе к н.п. Заракала командир роты развернул четыре машины в линию и спешил личный состав в

цепи. Вторая половину брони и личного состава была отправлена по шоссе на рубеж н.п. Шахидан в распоряжение находившегося в районе командира группы, для действий на встречном направлении между горами и правым берегом реки (методом «молот и наковальня»). Одновременно была запрошена артиллерийская поддержка с наших застав в районах н.п. Шеркунду-баба, Фарманхейль и Гирдайкач.

Во время «прочесывания» местности (при полной темноте в безлунную ночь) противник не оказал существенного сопротивления. Во время одной из перестрелок легкое осколочное ранение получил один солдат. Его эвакуировал своевременно прибывший из Джелалабада вертолет. На рассвете 11 февраля выяснилось, что караван был рассеян. Лишь головной группе верховых удалось уйти в заросли тростника и к переправе, а тяжело груженным верблюдам из хвоста каравана вернуться в горы.

В результате рота ликвидировала 32 единицы вьючных животных, груженных реактивными снарядами, противотанковыми и противопехотными минами и боеприпасами. Среди трофеев оказался один миномет, миноискатель английского производства, несколько радиостанций и много американских медикаментов. В течение двух последующих суток (после ухода спецназа) десантники, прибывшие из Кабула, во взаимодействии с артиллерией постов, ликвидировали еще несколько десятков разбредшихся вьючных, появившихся в поле их видимости в горах и в пустыне за рекой.

Данный эпизод свидетельствует о том, что хорошая организация взаимодействия, дезинформация, соблюдение радиомолчания по отдельным каналам и ложный маневр (демонстративное снятие засадных групп и тщательная маскировка оставшихся в засаде спецназовцев) позволили ввести в заблуждение систему наблюдения противника.

Накопленная информация о маршрутах движения и местах базирования боевиков позволила в дальнейшем отряду реализовать другую тактику «охоты» на караваны в данном районе. В результате планового специального «кустового» минирования местности в нескольких дефиле после переправ через реку Кабул и «привязки» огня артиллерии к центральным передатчикам, установленным на неизвлекаемость, отряду удалось предотвратить прохождение еще трех караванов, двух бандгрупп и захватить в районе н.п. Шахидан в качестве трофеев ПЗРК «Стингер».

УЩЕЛЬЕ ДАРИНУР, ИЛИ КЛАССНАЯ ШТУКА — ЖИЗНЬ¹

*Мясо вкуснее, когда проголодаешься,
постель мягче после долгой дороги.*

Джек ЛОНДОН

Постигая жизнь в сравнении, начинаешь понимать, что постоянный комфорт и удовольствия ведут к пресыщению и ожирению. Животное, прожив несколько лет в зоопарке, уже не сможет выжить в естественных условиях природной среды.

В юности активно ищешь испытаний и проверок на прочность, а с годами уже осознанно благодаришь Бога за те пусть и слишком суровые уроки выживания, которые выпали на твою долю.

Новый год. Как и в детстве, трепетно подходишь к нему даже в армейских условиях. Все сочувствовали 1 роте, которая была отправлена на усиление постов по кабульской дороге. Война не спрашивает о настроении, всегда нужно быть готовым к «сюрпризам» и провокациям со стороны противника, рассчитывающего на нашу предпраздничную «расслабуху». Но несмотря ни на что, праздник должен был состояться, тем более что нам в медпункт совсем недавно выдали старенький, но еще рабочий черно-белый телевизор, вокруг которого теперь собирался народ на просмотр предновогодних передач.

Голь, как известно, на выдумку хитра. Из-за отсутствия магазина с кондитерскими изделиями нам приходилось заниматься кулинарным творчеством. Торт «варганился» в нескольких вариантах. За основу бралось печенье «Альберт», продававшееся в то время только в чековых магазинах и поэтому бывшее недоступным для большинства. Его использовали как сухим, так и смоченным в соке или перетертым в мелкую крошку, в зависимости от полета мысли кулинара. Укладывали слоями, пропитанными сгущенным молоком прямо из банки либо уваренным до коричневого цвета. Крошка же просто перемешивалась со сгущенкой. И на три вида торта, как минимум, можно было рассчитывать. Изделие украшалось вишенками из экзотического для нас джема, купленного в том же чековом магазине.

Мало кому из нас до армии приходилось заниматься подобного рода стряпней, а тут участие принимали практически все. Серега Груднин, раз-

¹ Стокяч Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСПН, старший сержант

девшись по пояс, энергично шуровал по мискам ложками, смешивая и пропитывая; Саня Казах бережно укладывал печенье слоями, раздавая всем ценные указания; водитель Вася Галушков то и дело прибегал с камими-то банками, выменянными в ротах или выпрошенными у нашего старшины Сан Саныча, который, будучи человеком весьма хозяйственным и экономным, все же на что-то раскошелывался, поскольку знал, что ему же и пировать.

Санитар Леня Красулин споро вскрывал одну банку за другой, а я взял на себя салаты и пирожки. Из консервированной морковки и свеклы, рыбы и еще чего-то можно было приготовить некоторое подобие праздничного салата, а уж тушенка шла и в пирожки, и в гуляш, и на бутерброды, а также, поджаренная в казане, подавалась как отдельное блюдо.

В общем, все предвкушали веселье! Работа кипела, лечащийся состав наводил чистоту и порядок в палатах, и никому не хотелось думать о том, что уносил с собой уходящий год и уготовливал грядущий. Конечно, все помнили, что прошедший год унес с собой жизни тридцати наших товарищей по батальону, а для многих наступающий 1987 мог стать последним.

А сейчас всех очаровала новогодняя ночь. По телевизору транслиро-

Личный состав медпункта 154 отряда. На фото: первый ряд — слева направо — Галушков Василий, сержанты Стокич Игорь, Красулин Леонид; второй ряд — Горденков Владимир, прапорщик Чертолин Александр, ИО начмеда старший лейтенант Куламов Садир, мл. с-нт Груднин Сергей, Мурзалиев Сагидолла

вался новогодний концерт: звучали песни Аллы Пугачевой и Владимира Кузьмина, Игоря Николаева. «Две звезды, две светлых повести...», — неслось во всю громкость, впечатываясь в наше сознание на всю оставшуюся жизнь, а на праздничном столе разрезался торт с надписью «1987-й. Дембельский». Компот, сваренный из джемового желе, разливался в изобилии и был невероятно вкусен. Никого не смущало, что налит он был в 20-литровую бутылку из-под дезаксона — средства для дезинфекции, с запахом которого мы на службе уже давно свыклись.

Нашу солдатскую трапезу разделяли прапорщик Чертолин, или попросту Сан Саныч, и симпатичный лейтенант медицинской службы Юра Сараханов. И хотя праздник обошелся без каких-либо горячительных напитков, мы все-таки устроили дискотеку сугубо мужским коллективом, а все заходившие к нам в гости присоединялись к нашим разухабистым гиканьям и скачкам.

— Ну вы и разошлись! — протяжно заорал вошедший начмед Яковлев, прозванный Чапаевым, благодаря закрученным кверху усам на манер героя гражданской войны.

— С Новым годом, — по-детски радостно орали мы, — товарищ старший лейтенант, — угостите сигаретой!

У нас к новогодней ночи были припасены «борзые» «ТУ» с фильтром, но у Яковлева имелись какие-то импортные, купленные в дукане, и он не очень охотно, но делился с нами.

Признаться, была задумка бросить курить после новогодней ночи. Скоро в Союз, к родителям, да и привычка эта, приклеившаяся ко многим из нас уже здесь, за речкой Аму-Дарьей, как будто сплывала, создавала видимость мнимого удовольствия, но здоровья не прибавляла. Поэтому традицию помахать на прощанье провожавшим нас на войну, зажав между вторым и третьим пальцами правой руки только что зажженной сигаретой, надо было изживать.

Праздничный разговор с начмедом как-то незаметно перешел в деловой. Он сообщил, что после новогодних праздников батальон весьма интенсивно возьмется за работу. Поскольку поход на укрепрайон Лоя-Тангой, несмотря на классически разработанную совместно с асадабадским батальоном и разведротой 66 бригады тактику, оказался практически малоэффективным, нужно было, что называлось, «давать результаты».

Высшее начальство требовало показателей, а простые солдаты и офицеры тянули свою нелегкую службу. В ущелье Лоя-Тангой оказался пустой укрепрайон, и только восемь навьюченных боеприпасами мулов без боя достались как трофей асадабадцам. Духи были предупреждены и ушли с

укрепа перед самым нашим приходом. Где-то нам это льстило — значит, испугались.

Разговор прервал Славик Деримарко из 2 роты.

— Во, стрелять им не дают! — возмущенно сказал он, показывая на очередь трассирующих пуль, улетевших в ночное небо из кишлака Самархейль, — это стреляло подразделение охраны советников из афганского госпиталя, располагавшегося неподалеку от нас.

— Давайте лучше ракетницу запустим, — сказал он, показывая большую трубу.

Я с радостью вызвался запустить ракету. Славик только посоветовал прижать чехол крепче к столбу, ракета вырвалась и взметнулась вверх, где расправился парашюттик, и, медленно спускаясь вниз, освещала все вокруг.

А все-таки праздничный салют не сравнить с боевым освещением.

Вслед за Деримарко пожаловали мои закадычные друзья Витька Пойманов из 3 роты, которого все называли просто Фиксой из-за золотой коронки на переднем зубе, и Колька Зубченок из 2 роты, попросту Зуб. С ребятами мы здорово сдружились уже после полугода совместной службы в батальоне и за время отлеживания с вездесущим вирусным гепатитом, косившим в Афгане всех без разбору. А теперь Фикса и Зуб стали внештатными членами нашего маленького подразделения не только благодаря нашей общей дружбе а и своим артистически-юмористическим способностям. Буквально с порога Зубченок, копируя до невозможности похоже, озвучил поздравление всех нас с Новым годом голосом незабвенного Леонида Ильича. Фикса поддержал его просто неумным и искренним смехом, за что оба были удостоены места у праздничного стола, куском пирога и, конечно, компотом. Растроганный нашим гостеприимством, Зуб поднял 20-литровый бокал с компотом и воззвал к Всевышнему с просьбой о скором и благополучном «дембеле», который был уже не за горами. Война войной, а жизнь идет своим чередом.

Первый день нового года выдался солнечным настолько, что можно было ходить с голым торсом, загорать и фотографироваться — вот, мол, какая зима у нас в Джалалабаде. Первый день года все-таки почти выходной — заходили друг к другу в гости, угощали и угощались.

Мы знали, что официальные власти Афганистана объявили с 15 января перемирие, надеясь на ответный шаг со стороны моджахедов, которых мы по старинке называли духами. Но, тем не менее, операции по разоружению их формирований и уничтожению складов для нас никто не отменял.

6 января 2 и 3 роты ни свет ни заря поднялись для налета на горный

кишлак в ущелье Даринур. Как обычно, в это время затягивал свою молитву мулла в Самархейле, вызывая неприятное ощущение у православных.

Это уже потом, много лет спустя, я узнал, что инициатором восстания мечети при госпитале был именно наш военный врач, советник Василий Семенович Довбенко, частенько заезжавший к нам в медпункт коллегиально пообщаться. Уже потом, помудрев с годами, многие из нас научились уважительно относиться как к другим вероисповеданиям, так и к религиозным обрядам вообще. А тогда, в эпоху атеизма, нас, познававших Афганистан через прицел автомата и ощущавших себя чьей-то мишенью, эти утренние завывания, честно говоря, просто бесили.

На БТРы погрузились очень быстро, еще по темноте. С собой брали только воду. Задание само по себе планировалось относительно несложное, и выполнить его надо было в полдня. Нечего обременять себя консервными банками.

На аэродроме нас ждали наготове вертолеты, в этот раз шли воздухом, а бронегруппа с сухпайками к обеду должна была встретить нас при выходе из ущелья, у реки Кунар.

С разбега одна за другой вертушки поднялись в воздух. Так легче было отрываться от земли, поскольку высоко в горах при разреженном воздухе приходилось переносить двух- и трехкратные перегрузки, особенно при необходимости отрываться вертикально при полной загрузке.

Проносились под нами одинокие и кучками стоявшие дувалы, окруженные ухоженными огородами, арыки и просто каменные пустыри. Лететь было недалеко, минут 15, но некоторые из нас даже умудрились прикорнуть. Но вот вертушки, преодолев расстояние в долине, подошли к горам и потянулись вверх, надрывно загудели лопасти. Дремавшие очнулись, как от команды к готовности, и только старший лейтенант Геннадий Удовиченко продолжал невозмутимо сидеть у двери, свесив по обыкновению одну ногу наружу, осматривая то ли пейзаж, то ли место высадки. Под нами потянулся горный хребет, и почти все искоса смотрели в иллюминаторы, предварительно оценивая ситуацию. Никто не знал, какой будет высадка. Некоторая вероятность быть сбитыми и рухнуть в горящем вертолете на камни вызывала леденящее напряжение внутри — адреналин накапливался.

— Приготовиться, — крикнул заглянувший в салон бортмеханик, что, конечно же, означало вскочить и подойти к выходу. Каждый принял положение готовности к броску, при этом мы умели делать это, не мешая друг другу. Удовиченко небрежно оттолкнул дверь вертолета ногой, когда мы пошли на сближение с горным хребтом, и первым десантировался, отбегая подальше, чтобы не мешать остальным и не попасть под лопасти.

Один за другим садились вертолеты на площадки и тут же уходили, высадив десант, а вокруг кружили «крокодилы», как мы называли МИ-24 — боевые машины прикрытия. Рассредоточившись и заняв оборону, мы ждали, когда нас покинут винтокрылые друзья, и с утихомирением звука лопастей как всегда наступала звенящая тишина. Убедившись, что вокруг на первый взгляд все спокойно, мы стали группироваться. Неподалеку от 3 роты, с которой прибыл я, приземлилась 2 рота. О скрытной высадке говорить не приходилось, но тактику прикрытия друг друга с разных сторон никто не отменял.

— Опять мы с тобой, Игорек, с одной ротой идем — улыбаясь, сказал Вася Кабанов, который тоже ходил от группы минирования с разными ротами.

— Даже не верится, что здесь воевать нужно, — такие пейзажи, — откликнулся я, — прямо как в Карпатах.

Уроженец Свердловска, Васька, наверное, слабо представлял себе пейзажи Карпат. По обыкновению пустынные, горы на сей раз были покрыты небольшими елочками, сосенками и кустарниками, кое-где лежал снег, который при кристальной прозрачности горного воздуха оставался совершенно белым несмотря на то, что за давностью превратился в лед. Невольно вспоминались картины мирной жизни: поездки во время учебы в медицинском училище в горы. Мгновенно пронеслись в голове ощущения, испытанные там, вспоминались друзья, с которыми были пережиты почти беззаботные радости жизни. Хотя уже тогда мы знали, что существует служба где-то в далеком Афганистане, к которой на всякий, или совершенно определенный случай, нужно быть готовым. Там мы упорно лазили по заснеженным горным тропам, выработывая сноровку. И вот он — Афган. Уже настоящий. Даже у многих уже порядком навоевавшихся бойцов с трудом укладывалось в голове то, что здесь нужно стрелять в кого-то, самому находиться под прицелом, беречь друг друга и волею судеб покушаться на жизнь людей, живущих здесь.

Невольно я поделился этой мыслью с Васей.

— Как-нибудь обойдется, Игорек, — доброжелательно ответил он, и мы присоединились каждый к своей группе. Рассредоточившись, взводы начали спуск по склону ущелья. То и дело приходилось давать команду «Срыв», поскольку камни то и дело вырывались из-под ног, катились, создавая угрозу нижестоящим, поэтому приходилось порой скатываться на корточках, притормаживая руками, а иногда и просто на пятой точке и рюкзаке, висевшем за спиной. Особенно тяжело было ребятам, нагруженным стрелковым оружием — АГС или ПКМ, которые, кроме приличного

собственного веса, предполагали запас боекомплекта. И если АГСщикам помогали нести ленты товарищи, то пулеметчики тащили свои ленты сами.

Посему и поругивался при каждом неудачном приземлении рядом идущий крепкий сибиряк Вовка Сидоренко, попросту Сидор. Но Сереге Узюкину и Витьке Свищу было никак не легче, а уж связистам с их чемоданами и подавно. На противоположном склоне горы, ближе к сухому руслу реки, располагался кишлак. Притертые друг к другу дувалы с толстенными непробиваемыми стенами и как-то удивительно вписывавшимися двориками внешне не внушали никакого опасения, хотя и выглядели эдакими фортификационными сооружениями. Несмотря на раннее утро, из кишлака доносились крики петухов, голоса детей и женщин. Слышимость в горах очень хорошая, это мы знали все, и даже после боевых действий уже в расположении по привычке иногда кашляли в панаму. Поэтому хорошо доносящиеся звуки зачастую создавали иллюзию близкого расстояния. На самом деле до подножья горы было достаточно далеко. Во время одной из остановок командир роты Пархоменко, в очередной раз взглянув в бинокль, увидел вооруженных людей, сидящих на плоских крышах дувалов. Они расположились двумя группами по 12-15 человек и, по-видимому, по кругу раскуривали сигареты с планом, широко употребляемым местным населением. Затем неспешно поднялись и двумя цепочками пошли по склону горы в стороны и вверх.

— Товарищ капитан, разрешите я по ним поработаю, — проявил инициативу Сидор. Поскольку расстояние не позволяло вести прицельную стрельбу, было понятно, что браво́ый пулеметчик хотел хоть немного облегчить свой РД от оттягивающего плечи боекомплекта. Но капитан Пархоменко предположил, что в связи с объявленным в Афганистане перемирием духи, может быть, уйдут без сопротивления, и запретил Сидору стрелять.

Рядом с управлением роты под бдительным присмотром Азима Махмаджанова шел наводчик-афганец. Похоже, эта прогулка была ему совершенно не по душе, поскольку он сам был командиром какой-то «банденки», но должен был показать место нахождения склада с оружием, а уж показаться на глаза своим собратьям, или того хуже, попасть под их пулю, ему совсем не хотелось. Его внешний вид был обычным для местного населения. Надетый поверх национальной афганской одежды затертый темно-серый пиджак, чалма, туфли грязно-желтого цвета, обутые прямо на босу ногу, выдавали в нем человека небогатого и непряхотливого. Про себя я отметил, что в такой обуви в горах далеко не уйдешь.

Азим достаточно четко объяснил нашему попутчику «политику партии», и тот послушно следовал за нами, отвечая на вопросы.

Таким образом, спуск продолжался примерно 1,5 часа. Крутой склон горы затруднял наблюдение за противником. Теперь мы с духами поменялись местами — они поднялись в горы, а мы спустились и в какой-то момент они исчезли из виду, но ждать долго не пришлось — автоматная очередь прошла прямо по месту расположения роты. Мгновенно рухнув на камни, я увидел, что пуля ударила в землю прямо у моего носа, другая легла между мной и Пархоменко, а остальные беспорядочно прощелкали по камням, срезав несколько веток кустарника, укрывавшего нас сверху.

«Прямо как в кино», — промелькнуло в голове, а душа в прямом смысле на мгновение ушла в область промежутиости. Встретившись взглядом с Пархоменко, я понял, что он также возмущен.

— Чах-бум, чах-бум, — раздавалось то там, то тут. Это был характерный звук щелчка от разрыва пули, догоняемый звуком от самого выстрела.

Чах-бум — началось. Никто примиряться не собирался. Снайперы-моджахеды уселись на свои насиженные места. И начали вести прицельный огонь по нам. Передвигаться стало сложнее. Нужно было соблюдать большую осторожность, заранее примечая места укрытия, перемещаться максимально быстро, чтобы не попадать на мушку, иначе очередное движение может стать последним. И даже легкораненый разведчик уже сковывает группу, усложняя выполнение задачи, даже ставит ее под угрозу срыва.

Наш моджахед, не нагруженный оружием и боеприпасами, как-то ловко усаживался за камни, складываясь вчетверо и укрывая ладонями втянутую в плечи голову. Ему можно было даже позавидовать. Хотя особого страха в его глазах не было, все меры предосторожности он соблюдал. Вспомнился мультфильм про кота Леопольда и мышат, которые кричали: «Рыбка, сделай нас маленькими и крохотными, чтобы не попал».

Похоже, проводнику страшнее было взглянуть в суровые глаза всегда невозмутимо спокойного начальника штаба майора Кондратьева, который, закуривая сигарету, всем своим видом показывал, что дурить не стоит.

Таким образом, спуск продолжался под аккомпанемент разрывных духовских пуль. Между собой ребята стали вспоминать, что точно так же было при операции на Гоште — укрепрайоне, удачно взятом без потерь со стороны нашего батальона год назад. На одном из коротких привалов Витя Травялко закурил сигарету, слегка запыхавшись, затянулся. Вспомнив, что нарушил традицию затягиваться сигаретой при выезде из батальона, я последовал его примеру.

Похоже, Витька меня и уважал, и недолюбливал одновременно после

очень болезненных промываний сквозного пулевого ранения предплечья, оставившего грубый шрам.

Возмущенный ограничением свободы передвижения, Удовиченко, чтобы приободрить ребят, завел разговор о том, что противник как-то и технического перерыва не дает. Потом, выкрикнув пару ласковых слов в сторону соседнего склона, потребовал хотя бы две минуты перемирия, за что был благополучно обстрелян. А сидящий метрах в пяти от меня переводчик Андрей Соколов как-то неудачно решил поменять диспозицию и чуть не получил разрывную пулю прямо в спину. Пуля разорвалась буквально у него перед носом и он, рывком бросившись за соседний камень, схватился за плечо.

Поскольку бежать к нему напрямик было опасно, пришлось карабкаться немного по дуге, рыть под собой каменистый склон, чтобы не съехать вниз и ощущать себя зайцем под выстрелами. До Андрея я добрался удачно, где, спрятавшись за кустом, смог перевязать ему плечо. К счастью, рана оказалась неопасной, осколок прошел насквозь мышечную ткань, и кровотечение было незначительным.

Итак, вторую половину горы мы преодолевали весь оставшийся день. Сначала пулеметчик Витька Свищ, заметив одного из снайперов, открыл огонь, за что получил в ответ.

— Свищ, поработай еще, чтобы мы их засекали, — крикнул Пархоменко.

И Свищ в прямом смысле слова вызывал огонь на себя. Но все это оказалось малоэффективным, и от выстрелов с нашей стороны из-за неудобной диспозиции было мало толку. Иногда духи лупили настолько точно, что невозможно было дальше продолжать движение.

Три раза прилетали наши винтокрылые братья и поливали НУРСами кишлак, поднимая клубы пыли. И даже в этот момент мы не всегда могли воспользоваться прикрытием с воздуха. Духи настолько рассредоточились, что авиаобстрела не хватало для нашего прикрытия. На данном рельефе местности можно двигаться только в одном направлении — вниз. И духи это знали.

Только к наступлению темноты, которая всегда была другом разведчика, мы спустились к ближайшим дувалам. Где-то короткими перебежками, а где-то даже ползком или на четвереньках мы один за другим передвигались то вдоль арыка, то вдоль улочек, прекрасно понимая, что несмотря на сумерки, мы все равно остаемся под прицелом.

Удивляло еще и то, что с началом перестрелки из кишлака исчезли все жители, и только петухи продолжали кричать, даже когда кишлак «полива-

ли» МИ-24. По-видимому, жители ушли в катакомбы, вырубленные при добыче каких-то полудрагоценных камешков типа лазурита. Таким образом выживали многие горные поселения в Афганистане.

Нам нужно было еще и соединиться со второй ротой, которая попала в подобную с нашей ситуацию, и, к счастью, судя по информации радиосвязи, отделалась тоже одним легкораненым. Каждого из нас волновало положение дел у соседей, поскольку там были такие же друзья, как и в своей роте. Я почему-то (как потом оказалось, не без причины) всегда переживал за Кольку Зубченка и при встрече рот первым делом в темноте узнавал у ребят, где же мой «корефан».

Выводя друг друга по рации, вторая рота, с которой пошел замкомбата капитан Василий Фрезе, все же вышла на нас. Обрадовавшись, мы пожимали друг другу руки. И тут из темноты вынырнул Зуб. Как всегда, мы грохнули друг об друга нагрудниками с автоматными магазинами, крепко обнялись.

— А у меня во! — сказал Зуб показывая мне красивое, украшенное узорами из заклепок старинное ружье. Оказывается, их взвод успел, несмотря на темноту, уже произвести досмотр дувала и взять несколько единиц оружия.

Но основной склад предстояло еще найти.

Двор дувала, где соединились управления двух рот, представлял собой удручающее зрелище. Раскиданные от взрывов утварь и тряпье, не разрушенные, но порядком подпорченные постройки, создававшиеся явно не одну сотню лет, даже в слабом свете луны, пробивавшейся сквозь тучи на ночном небе, создавали ощущение внутреннего неуютa. На дворе лежали на боку две коровы. Одна совершенно неподвижно, а вторая, по-видимому, с переломанным позвоночником и совершенно неестественно повернутой головой и шеей, периодически издавала глухое страдальческое мычание.

Уйди духи мирно — ничего этого не было бы, — подумалось тогда. Но, как видно, не тот народ эти гордые пуштуны, чтобы запросто без боя сдаваться. Живя в далеком отрыве от достижений технического прогресса, даже не в домиках, а на крупных склонах каменистых гор, они с детства становились стойкими и неприступными, как скалы и вся природа, окружавшая их.

Взяв наводчика и трех сопровождающих, майор Фрезе ушел в темноту искать склад, а остальные, осторожно передвигаясь между дувалами и ориентируясь просто на слух, передвигались в заданном направлении. Но через несколько минут впереди вдруг раздалось несколько выстрелов. Ожидать можно было всего, и, приготовившись к бою, уже в кишлаке перебеж-

ками мы потянулись к голове отряда. Подбежав к Фрезе, мы услышали, как он докладывал кому-то по радиции, что при попытке к бегству пришлось ликвидировать проводника-наводчика, который, воспользовавшись темнотой, оттолкнул Азима и резко рванул по склону горы в темноту, прячась за камни.

Все были в полном расстройстве: целый день войны ушел насмарку. Искать склад в ночном горном кишлаке — дело совершенно бессмысленное. Темнота, огромное количество сараев, подвалов создавали неразрешимую задачу. Тем более, что мы теперь оказались ниже противника, а по закону гор — это гибель. Посоветовавшись, отцы-командиры приняли решение выдвигаться вниз по ущелью, в долину реки Кунар.

В темноте я как мог посмотрел раненого из второй роты. У паренька-узбека правая щека была посечена множественными мелкими осколками. В перевязке особой нужды не было, но все же я обработал щеку перекисью и йодом, наложил салфетку с повязкой, а также дал ему понюхать нашатырного спирта, чтобы голова не кружилась.

Наученные опытом прошедшего дня, передвигались скрытно — от тени к тени, от дерева к дереву. На удивление, деревья внизу росли огромные и толстенные. Бойцы поопытнее подсказывали молодым, что ночью находящегося в тени не видно, и нужно использовать любую возможность укрыться от лунного света. Все понимали, что в любой момент можно нарваться на засаду, тем более что за нами явно шли моджахеды и внаглую разводили костры там, откуда только что ушли мы.

На многих участках пути по сухому руслу реки мы наблюдали большое количество терасс небольших и чуть побольше, с сооруженными из камней стенами и насыпанной, явно привезенной из далекой долины почвой. В очередной раз приходилось отдать должное трудолюбию и инженерной смекалке аборигенов. Ведь только вырубить в скалистых горах арык, ведущий воду из верховья речушки и протекающий вдоль склона по ущелью над маленькими терассами-огородиками, стоило огромного многолетнего труда. Невольно задумываешься о причинах, заставлявших людей поселиться и жить в тяжелейших условиях, где кроме чистейшего воздуха и нетронутой природы есть еще и мороз зимой, жара летом, отсутствие света, связи и всех остальных благ цивилизации. Судя по той собранности, с которой нас встретила эта в два раза меньшая по количеству группа бойцов, организованность сохранялась у них высокая. По-видимому, мудрости, присущей горцам, им тоже хватало.

На момент нашего появления в Даринурском ущелье русло реки было пересохшим, а многие из нас уже использовали запас воды и начали делить-

ся друг с другом. Желание пить еще усиливалось отсутствием сухпайка. Батальон, рассчитывая на скорые и уверенные действия, не завтракая, вышел на тропу войны, мол, «к обеду на броню вернемся». Не тут-то было — обедали водичкой.

— Хорошо, что прохладно, — сказал Пархоменко, отхлебывая глоток из фляги.

— А что хорошего, товарищ капитан, — с характерным ташкентским акцентом возразил ему уроженец столицы Узбекистана Дима Александров. Засиделся и уже примерзать начал. Жара — вот это комфорт.

— От холода есть спасение — это движение, — отпаривал Гусар, — так называл себя Пархоменко в эфире на радиосвязи. — А от жары ты куда денешься?! — вполголоса продолжил он.

Но привыкший к жаре Александров не унимался и приводил все новые и новые доводы командиру роты, уроженцу Украины.

Дуэль продолжалась минуты две-три, после чего Александров, уважив авторитет командира, несколько обиженно замолчал. Для компенсации я предложил ему закурить, укрывшись плащпалаткой, и мы затаились «Памиром», пряча огонек в полу накинутого поверх нагрудника бушлата.

Движение продолжалось. К рассвету мы начали выходить к долине. Справа и слева горные хребты постепенно расступались, и мы долго двигались, спотыкаясь о булыжники в сухом русле горного ручья к ожидавшей у подножия бронегруппе.

На сей раз броня не имела возможности приготовить нам горячий завтрак, и суточный сухпак был просто выдан на руки, каждому по коробке. Изголодавшиеся за сутки на горной прогулке, мы вскрывали подряд все банки, и кто ножом, кто ложкой закидывали в рот тушенку, сахар, паштет и сгущенку без разбора и учета вкусовой совместимости продуктов.

На этот раз за «столом» мы расположились четвером — с Сергеем Яцковским, Лехой Ковзаном и Мишей Бондаревым. Миха умудрился вскипятить в каком-то небольшом котелке, взятом с БТР-а, сгущенку с шоколадом.

— Утренний кофе, гаспада — чисто по-хохляцки объявил Миха. Холодным пасмурным утром после суток бодрствования и голодухи этот напиток был более чем кстати.

— А все-таки классное штука — жизнь, пацаны! — сказал Ковзан, доедая тушенку и оглядывая просторы Кунарской долины.

Сергея Яцковский, лежа на боку, затаился сигаретой и, слегка улыбаясь, думал о чем-то своем, глядя вдаль.

А ровно через три недели Серега погиб.

НЕДАРОМ ЭТИ ГОРЫ — «ЧЕРНЫЕ»!¹

По обыкновению, воскресным утром в коридоре медпункта собиралось много народа. Передача «В гостях у сказки» («Служу Советскому Союзу»), можно сказать, входила в видеорацион солдат и даже одобрялась. Но вовсе не она была причиной стечения народа и дележки немногочисленных стульев. Была и другая программа для солдат, заставлявшая их прикипать к телевизору — «Аэробика». На фоне красивых пейзажей — в спортзале, на поляне, у моря среди кипарисов — вытанцовывали гибкие, изящные девушки, каждым движением подчеркивая красоту и выразительность своих форм.

Для молодых мужчин, служащих далеко от дома, в жарком климате Афганистана, лишенных общения с женщинами, эта программа, несомненно, была отдушиной. Никому, конечно, даже в голову не приходило, что похоже это было на романтические мечты. Скорее, было это просто поддержанием психики солдат в надлежащей форме. Кто-то, каких было мало, вспоминал ожидавшую его из армии девушку, большинство из нас мечтали о большой любви в скором будущем и были абсолютно уверены в том, что достойны внимания самых красивых представительниц прекрасной половины человечества. Мало кто осмеливался нарушить эти грезы своими комментариями.

По окончании программы можно было посмотреть еще и «Утреннюю почту». И, о чудо, ведущий Юрий Николаев представил многоуважаемой публике мой родной город Одессу. Только человек, длительно пребывающий вдали от дома, может оценить, какой это подарок. На чужбине свойственно особенно трепетно воспринимать все, что помогает нам прикоснуться к Родине. Здесь уж я от комментариев не удержался. Активно жестикулируя и подскакивая на стуле, я рассказывал друзьям об улицах, по которым ходил, о трамвае №5, на котором всю жизнь ездил, о самой красивой улице Дерибасовской! По ней на экране телевизора прогуливались, опять-таки, самые красивые девушки мира, оборачиваясь на кинокамеру и посылая воздушные поцелуи, конечно же, нам! А вот миф о том, что «Гамбринус» — соковое «литературное» кафе, как его охарактеризовал ведущий, руководствуясь тем, что оно было описано А. Куприным в одном из рассказов, я развеял. Стоя за стойкой бара, уставленной графинами с соком,

¹ Стокич Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСпН, старший сержант

восточной внешности девушка пела песню о малиновом сиропе, а я объяснял друзьям, что «Гамбринус» — это пивной бар и авансом приглашал всех его посетить, коль случится погостить у меня в Одессе. И чего греха таить — есть чем гордиться, если ты родился в таком городе!

В общем, воскресный день начался. Хорошо, когда минимум построений и обязанностей. Можно немного оторваться от ежедневных армейских будней и дать душе отдохнуть.

Расхожее мнение о том, что армейская служба и война ожесточают людей, отчасти верно, но мы все же оставались молодыми задорными романтиками. Мы мечтали о завтрашнем дне, вспоминали юность, особенно допризывный период, надеясь продолжить такую жизнь по возвращении домой. Мы не понимали, что никому не дано войти в одну и ту же реку дважды. Все течет и все меняется. Особенно незаметно для человека его личное отношение к жизни. Это потом, на фоне эйфории возвращения домой, неизменно придет и недопонимание других, и нам будет многое непонятно, и в нас увидят коренные перемены. Кто-то отнесется с уважением, кто-то небрежно кинет обидное слово в наш адрес в силу собственной недалекости или бестактности. Это потом каждый будет разбираться с внутренними переживаниями по-своему — кто-то через работу, общественную деятельность, спорт, кто-то нырнет в бутылку. Но это будет потом...

Это потом мы будем встречаться год, десять, затем двадцать лет спустя, вспоминать прошлое, спорить, радоваться успехам друг друга и выручать в силу возможности.

А сейчас мы жили своими нормальными армейскими буднями, и никто не роптал, даже более того — никто не хотел покидать подразделение после ранения или болезни. Утренний просмотр телепрограммы перешел в спор о том, что лучше делать на гражданке. Серега Яцковский из 3 роты утверждал, что лучше футбола и фанатов нет ничего. Витька Пойманов доказывал, что интереснее женского пола нет ничего на свете. Их пытался примирить Вовка Степанов по прозвищу Кот, призывая сойтись на том, что жизнь должна быть разнообразной, и все в ней важно.

Глядя на такую дружескую перепалку, Саня Казах покрутил указательным пальцем возле виска, прищурился свои азиатские глаза, расплылся в улыбке и сказал:

— Вы, короче, придурки! Че спорите, каждому свое, да!

— О, смотрите, метутся, метутся! — заорал Вася Котлов из Архангельска, показывая на экран телевизора.

В мультфильме «Как я однажды ходил на охоту» волки гнались за охотником. Их передние и задние лапы крутились на 360 градусов, как

колеса. Этот момент, известный всем с детства, вызвал смех у великовозрастных парней, и о споре тут же забыли.

При выходе из медпункта располагалась курилка — беседка, обтянутая маскировочной сетью. Туда, по окончании воскресных программ, мы и вывалили на перекур. На дворе конец января. Днем просто замечательная погода, нет жары и жуткой пыли. Между разговорами, так или иначе, коснулись темы войны, вспоминали удачный выход на Кунар, где долбанули банду и взяли караван с оружием, упомянули ребят, недавно подорвавшихся на mine в районе Кунарской долины.

— Тут скоро большая война намечается, укрепрайон, — сказал Саня Куделевич, вынимая из пачки сигарету.

— Да, что-то слышать, — подтвердил Котлов. С целью нераспространения информации общие разговоры в батальоне конкретизировались в последний момент, задача доводилась сначала офицерскому составу, а уж потом сержантам и рядовым бойцам.

Полковник Гулевич Александр Дмитриевич, службу проходил в 154 ооСпН в должности заместителя командира отряда по политчасти. Окончил военную службу заместителем командующего Воздушно-десантными войсками России

И действительно, батальон шел готовиться к серьезному выходу на укрепрайон. Решено было идти двумя ротами, достаточно дерзко для подобного рода действий. А 1 рота оставалась в резерве.

Несмотря на выход, в укрепрайоне Лоя-Тангай, который оказался совершенно пустым, вопреки явным признакам недавнего присутствия духов, никто расслабляться не собирался. Живы были воспоминания о Гоште и Карере, и что такое укрепрайон — знали все.

Накануне выхода в медпункт зашел замполит батальона капитан Гулевич. Он поинтересовался как дела, как настроение, и попросил меня проверить пополнение медикаментами санитарных рюкзаков у санинструкторов, идущих завтра с ротами. Несмотря на то, что в каждой роте был свой «доктор», на серьезные операции их укрепляли дополнительным санинструкторским составом из личного состава медпункта.

Конечно же, мы с Сан Санычем взяли на контроль средний состав, обязывая взять побольше шприцев, бинтов, ампул и капельниц. Из врачей должны были идти в горы начмед капитан Яковлев и совсем недавно прибывший в медпункт молодой и очень симпатичный лейтенант Юрий Сарыханов.

Нужно сказать, что интеллигентный и эрудированный, Юра сразу снискал уважение и человеческую любовь личного состава своим внимательным отношением к людям. Политзанятия, проводимые им после официально-информационной части, переходили в уроки эстетики, лекции о последних новостях эстрады и просто поучительные разговоры о жизни. Поскольку Юра был только из Союза, где как раз во время нашей службы происходили изменения, мы слушали его рассказы, развесив уши. А уж ораторского таланта Сарыханову было не занимать.

Не стесняясь своих лейтенантских звездочек и специальности хирурга, он принял во внимание все подсказки и укомплектовал санинструкторский рюкзак с учетом всей специфики оказания помощи в горах. А вечером в курилке расспрашивал, что и как, ведь ему предстоял первый боевой выход. Рискованно, конечно, сразу соваться на такие задания, но ввиду того, что дядя Гена был в отпуске, Сан Саныч, очень опытный разведчик, должен был остаться в батальоне, «на хозяйстве», и заменить его было некем.

Ночь накануне выхода прошла спокойно, к этому времени многие из нас уже научились принимать войну как обычную работу. Изменив традиции, я решил надеть на войну не серо-зеленую горно-зимнюю форму, а светлую «песочку». Ее чаще надевали старослужащие или дерзкие офицеры, в том числе заместитель командира 3 роты старший лейтенант Удовиченко. «Песочка», спецназовская форма, на фоне темных камней, конечно же, демаскировала. Это был какой-то особенный вызов врагу, тем более что духи об этом знали и охотились на таких любителей испытать судьбу. Юношеский максимализм толкал и меня подражать такой неписаной традиции. И даже когда Хасан Турсунов, санинструктор, опыта которому не занимать, попытался одернуть меня, уличая в необдуманности выбора, я категорически настоял на своем решении.

На построении перед боевой задачей впереди, как обычно, стояли командиры групп и отделений. Уясняя суть задачи, разведчики старшего звена позволяли себе стойку «вольно». Повесив шапку на ствол автомата, может, из желания несколько успокоить в себе внутреннее нехорошее предчувствие, я наблюдал за бойцами. Кто-то был напряжен, кто-то, как Серега Яцковский, улыбался. С ним мы перекинулись парой каких-то шуток — ему тоже захотелось немного расслабиться. Все понимали, что идти

на укрепрайон в Черные горы двумя ротами — весьма непростая задача. Подходя то к одним, то к другим, Гулевич, напутствуя, подбадривал.

Рассевшись по БТРам, мы запылили по ухабистым дорогам провинции Нангархар. Дорога заняла часа три, на место прибыли уже в темноте. Спешившись с брони, разобрались в походном порядке. Вот только Серега Яцковский, по дороге потерявший свой бушлат, все пытался выяснить у Александра Петриги, куда же делась «душегрейка». До подножия гор нужно было пройти 7 км — БТРы с их огромными колесами из-за ухабов и камней дальше ехать не могли.

Еще с учебки каждый десантник знает, что только три минуты он орел, а дальше — ломовая лошадь. Колонной эти лошади и выдвинулись к месту начала восхождения. Нужно признать, что не всем хватило физической подготовки, и на подходе к горам минеры Саня Бычок и Витя Лисовский взяли РД одного из малоопытных горе-разведчиков.

Началось длительное восхождение. К рассвету нужно было оказаться на намеченных позициях, чтобы занять господствующие высоты еще по темноте, незамеченными. Оставалось порядка 10-12 часов нескончаемых подъемов с небольшими спусками и равнинами, переходящими в подъемы, преодолевать которые легче, когда немного отключаешься от самовосприятия действительности. Идешь, автоматически следя за дорогой, впереди идущими, периодически оборачиваешься назад, поправляя натирающие плечи лямки рюкзака. Особенно тяжело пулеметчикам и гранатометчикам, которые, кроме автомата, тащат еще и тяжеленное орудие или станок от него.

Короткие передышки, примерно через каждые час-полтора, давали немного перевести дух. По цепочке пошла информация, что мы не укладываемся по времени, и нужно прибавить темп. Кто-то из ребят посетовал, что, несмотря на ночную прохладу, взмок от пота. Но нашим проводникам-наводчикам — бывшему главарю банды, мужчине лет сорока с суровым выражением лица, покрытым густой черной бородой, и молодому симпатичному помощнику — было виднее, сколько еще тащиться по горным дорогам. На одном из переходов впереди колонны раздалась пулеметная очередь, и красные бронбойно-зажигательные пули, отрикошетив от камней, взметнулись в небо. Такого неожиданного разрыва тишины никто не ожидал. Вот тебе и на! Нарвались на полпути! Все, конечно, мгновенно залегли.

Оказалось, что кто-то из молодых разведчиков во 2 роте, не поставив на предохранитель пулемет, случайно нажал на курок. К счастью, все обошлось, под огонь никто не попал, но подзатыльников бедняге надавали. Особенно роптали тяжело груженные бойцы — когда экономишь силы на каждом шагу, такого рода «лечь-встать» совсем не к месту.

Уже рассвело, когда обе роты забрались на вершину горного массива. Осмотревшись, расселись перекурить. Справа, вдоль нагорья, ширина которого по карте составляла порядка 15-20 км, тянулся горный хребет, на который забралась одна из групп второй роты, чтобы двигаясь параллельно, прикрывать сверху движение основной группы. Ведь по закону гор сильнее тот, кто выше.

Но сейчас нужно было немного передохнуть и сориентироваться на местности. Некоторые ребята буквально рухнули на свои тяжеленные рюкзаки и, обнимаясь с автоматом, на пару минут прикрыли глаза. Юра Сараханов, совершенно непонятно каким образом выдержавший горное восхождение, которое из-за непривычки к гипоксии с трудом перенесет даже опытный спортсмен, буквально минут на пять потерял сознание, повалившись на большой валун.

Тем временем командиры выходили на связь. Пархоменко, не выдавая и тени усталости, как будто не он шел с нами все это время, что-то решал по радиии. Как оказалось, головная группа под командованием Удовиченко, ушла вперед, оторвавшись от основного отряда. С ним пошли лейтенант Виктор Абрамов и несколько разведчиков из его взвода. В их задачу входило захватить одну из ключевых огневых позиций базового района где-то на входе и закрепить на ней для обеспечения работы основного отряда. Проводником был тот самый молодой афганец. Сначала все вроде бы прошло удачно, но потом что-то случилось. Донимать командира вопросами никто не рещался.

Выше по склону горного хребта прошли два мула. Значит, случилось что-то экстраординарное, и животные отбились от своего стойла.

Командир батальона майор Гилуч вдруг поспешно приказал снять группу с хребта и бегом выдвигаться в сторону захоронения духовских складов. За ним в колонну уходила, немного левее, 2 рота, а 3 бегом, несмотря на экипировку и накопленную усталость, выдвинулась несколько правее, на помощь группе Удовиченко и Абрамова. Через несколько сотен метров мы увидели две или три лопасти от вертолетов, валявшихся на камнях. Было понятно, что место здесь гиблое, удивляло только то, что лопасти остались, а от корпуса вертолета — ни винтика.

Трудно сказать, сколько пробежала рота. Только из-за необходимости торопиться некогда было соблюдать нужную дистанцию между головным дозором, основной и замыкающей группами. Не останавливаясь и для ориентировки на местности, бежали по высокогорной караванной тропе, практически не соблюдая правил прикрытия с флангов. Этим и воспользовались моджахеды. Схоронившись в расщелинах, которых в афганских го-

рах немеряно, на местности, знакомой до каждого камня, они дали отряду зайти вглубь укрепрайона и закрыли каменный мешок. Из-за дерзости операции малочисленный отряд не имел возможности рассредоточиться на высоких прикрытиях. Расположившись ненадолго для выхода на связь с Удовиченко на территории примерно 30 на 40 метров, мы увидели сзади отряд моджахедов, который тут же скрылся в природном окопе, как будто заранее приготовленном для удерживания позиции. А мы в результате оказались ниже.

Не хуже нас, корректируя и координируя работу своих боевых групп, духи с двух сторон заняли огневые позиции и открыли прицельный огонь. Еще с одной стороны нас прижимал горный хребет, на котором тоже оказалась группа противника, а глубже в горы — пересе-

ченная местность, переходящая в ущелье, уходить дальше в которое означало загонять себя глубже «в жопу». Но где-то рядом была наша группа захвата, которую нужно было вытаскивать.

Периодически меняя позиции, разбившись по парам, мы вели пока что оборонительную войну, понимая, что нас зажали. По трофейной рации переводчик слушал разговоры духов, которые ставили задачу во что бы то ни стало удержать нас до подхода основных сил — трёх-четырёх отрядов общей численностью сто пятьдесят — двести бойцов, имевших на вооружении миномёты. Ничего хорошего такая перспектива не предвещала.

Два друга — командиры группы спецназа Александр Дидик и Михаил Абрамов на дневке

Необдуманные передвижения повлекли бы за собой неоправданные потери и более того — неминуемую гибель. Действовать нужно было слаженно и чётко. Снайперская дуэль продолжалась уже часа три или четыре. Нужно было экономить патроны, поэтому инициативу боя на себя взяли старослужащие, тут было не до обучения молодых.

Время от времени кто-то из нас умудрялся вскрыть какую-нибудь баночку из сухпайка, чтобы уплести содержимое не столько из чувства голода, сколько из желания немного снять внутреннее напряжение и избавиться от лишнего груза, выбрасывать который не поднималась рука. В такие минуты думаешь, что лучше бы вместо сухпайка прихватили побольше патронов. Ничто человеческое не чуждо и солдату — даже в критические минуты внушаешь себе спокойствие всеми возможными способами. Кто-то, скрывшись за валунами, справляет на всякий случай нужду, кто-то отпускает шуточки и вспоминает анекдоты, чтобы разрядить обстановку. В один из коротких моментов передышки я достал свежий номер «Комсомольской правды», свернутый в трубочку и вложенный в соответствующий газырь (карманчик) на лямке РД. Вообще-то газета, честно признаться, предназначалась, не в обиду будь сказано для идеологов Советского государства, для более прозаических целей. Но почему-то в данной ситуации я проассоциировал себя с врачом экипажа судна, сожженного пиратами — по сюжету фильма «Пираты XX века» — который совершенно не в то время, казалось бы, стал бриться, хотя в этом не было нужды. Развернув газету, я стал проводить политинформацию, но мой «выпендрей» продолжался недолго. Оказалось, я плохо замаскировался, и автоматная очередь легла буквально у моих ног. Поэтому пришлось перейти в другое место и газетную бумагу использовать по прямому ее назначению. А обернувшись, я увидел, что по месту моей прежней дислокации прошла еще одна автоматная очередь.

Тем временем душманы нас прижимали, стрельба время от времени ненадолго утихала. Согнувшись в три погибели или ползком мы перемещались с места на место, появились первые легкораненые. Молодых солдат, медливших с передвижением, «старика» подгоняли, особо не церемонясь.

Заняв позицию возле Пархоменко, я ожидал от него указаний, но он упорно сообщал по связи, что мы никак не можем соединиться с группой Удовиченко, чтобы помочь эвакуировать двух «трехсотых» и «двухсотого».

— Кто «двухсотый»? — невольно вырвалось у меня.

— Яцик, — обернулся ко мне Игорь Будяев. На его обычно улыбающемся и доброжелательном лице застыло выражение горечи. Оказалось, все обстояло гораздо хуже, чем можно было предположить.

— А вторая рота духам в тыл не зайдет? — уточнил я.

У них трое «двухсотых», — ответил Игорь, не спуская глаз с горы, которая нас «захлопнула».

Пока Пархоменко координировал действия со штабом, тактическое командование взял на себя капитан Николенко. Будучи батальонным «особистом», он частенько «ходил» на войну. И, несмотря на нелюбовь в армии к «чекистам», он пользовался уважением как грамотный офицер-разведчик и смелый хладнокровный боец.

Он приказал одиночными выстрелами прижать засевших на горке духов и пробовать менять стрелковые позиции, пытаясь выбить противников с господствующей высоты. Но они так хорошо засели, что мы могли только прижимать, но не поражать их. По трофейной радиации было слышно, что ведется постоянная корректировка между духовскими группами. Мы пытались сбить радиста, и только когда он в очередной раз высунул голову, чтобы посмотреть на нас, после нашей прицельной очереди скрылся вместе с антенной и больше не показывался. Но, тем не менее, время от времени высовывались, огрызаясь, духовские стволы и стреляли в нужном направлении.

Отстреляв очередные два магазина, я отполз от валуна, из-под откоса которого, мне казалось, было стрелять неудобно, но достаточно безопасно. Подумалось, что лучше будет обменять магазины на полные. Я бросил «молодому» Кольке Войту, моему земляку, два пустых магазина и три пачки патронов, попросив зарядить. На лету подхватывая пачки, Колька с ужасом выдал из себя:

— Игорь, тебе повезло! Там, где была твоя голова, попало две пули!

И такие случаи повторялись с другими. Лопнуло терпение и у Сереги Тараненко — высокого дерзкого парня нашего призыва. Усевшись на камень, как на табуретку и укрываясь за другим скалистым уступом, он выкрикивал обещания показать духам, как надо воевать, обильно сдабривая свою речь ругательствами. Тем самым он вызывал огонь на себя, давая возможность другим поменять позицию. Успокоил его сам Николенко в приказном порядке. Витька Свищ «работал» из подствольника. Не имея возможности прицеливаться напрямую, он, чтобы навешивать гранаты, засел в низине и, выбрав ориентир, попросил корректировать его стрельбу, что мы и делали. Гранаты ложились рядом, то выше, то ниже засевших на горе духов. Витя старался бить прицельнее. И где-то через восемь выстрелов ему удалось попасть точно в окоп, где засели духи, вызвав у нас бурю эмоций и похвалы в его адрес.

Однако переломить ситуацию нам не удалось из-за прицельного огня,

лишавшего свободы передвижения. Господствующие высоты занимали духи, причем чаще всего огонь велся с совершенно незаметных насиченных огневых позиций. Близился полдень — бой шел уже около пяти часов, и было понятно, что без помощи вертолетов не обойтись, как бы нам ни не хотелось лишней раз подставлять летчиков.

Подошедшие грозные воздушные машины, наводимые по радиции капитаном Пархоменко, обрабатывали высотки вокруг нас НУРСами, а мы обозначали себя оранжевыми сигнальными дымами. Вертушки проносились над нами, оглушая шумом двигателей и свистом лопастей, выбрасывая огненные стрелы, оставлявшие после себя длинные серые шлейфы дыма. Грохотали взрывы, поднимавшие каменную пыль, но, к сожалению, это не принесло большой пользы. Дальние позиции духов были хорошо рассредоточены, а по ближним «работать» было очень опасно. Когда улетают вертолеты, отстреляв свой боекомплект, наступает давящая на уши тишина, разрываемая звуками выстрелов.

Николенко объявил, что рядом с нами, метрах в семидесяти, на горе группа Удовиченко, и нужны два человека для эвакуации тела Сереги Яцковского. Он показал на гору, возвышавшуюся над ущельем позади нас. С самого начала не понимавший, почему Удовиченко меня не взял в группу захвата, я вызвался подняться к нему, тем более, что два бойца были ранены. Вторым вызвался Андрюха Глинин, который некоторое время был поваром на батальонной кухне, а в дальнейшем «по залету» отправлен в 3 роту, где и тянул службу разведчика. Похоже, что «залетел» он не случайно, а желая перейти в боевую роту. Всегда улыбчивый, он умел одним своим присутствием разрядить обстановку. Первое, что он сделал, когда мы спустились в ущелье, угостился у ХАДовцев — проводников, которые пошли с нами на задание, печеньем из только что открытой ими цветастой пачки. Как ни в чем не бывало, он съел два печеньца, которые афганцы и сами предложили нам. Потянувшись, было за угощением, я вдруг вспомнил о конфетах и печенье, которые раздают на поминках, и резко передумал. «Бородатые», не вступившие в бой, отсиживались между камнями, но не уходили, как не раз бывало. Незаметное исчезновение проводников в таких ситуациях уже никого не удивляло.

По ходу ущелья к нам пробирались Миша Бондарев и Леха Ковзан. Им удалось целыми и невредимыми спуститься с горки, где сидела группа Абрамова и Удовиченко. У Миши через шею на связанных шнурках болталась пара ботинок — «пакистанок», взятых в качестве трофея. Меня, конечно, удивило, что он даже в такой критической ситуации не расстался с добычей. Но солдат всегда думает наперед, а удобные ботинки могли со-

служить еще добрую службу. И мои комментарии по этому поводу Миxu не смутили. Парочка невозмутимо приблизилась к афганцам, угостилась по ходу дела их трапезой. При дальнейшем продвижении по направлению к основной группе они тут же попали под обстрел и крики предостережения, думая, что здесь спокойно, как на курорте.

Поравнявшись с местом, где сидели наши, мы с Андреем начали карабкаться по горе вверх, осторожно поглядывая на ущелье. Распихав по карманам только перевязочные пакеты и патроны, мы оставили РД ребятам внизу, поэтому подниматься было легче, хотя камни сыпались из-под ног. Все на удивление прошло весьма удачно. Но, поднявшись метров на 25 вверх, мы тут же попали под прицельный огонь снайперов, обрабатывавших горку разрывными пулями.

Когда мы добрались до группы Удовиченко, ориентироваться приходилось мгновенно. Андрюха перескочил через природный бруствер и залег за ним. Я увидел слева от себя Диму Шадрина и Витьку Свища, которые притаились за вертикально выступавшим из склона скалы камнем и прыгнул к ним, буквально прилипнув к Свищу. Им и самим там было тесно, а тут еще и я. Оказалось, что молодые разведчики заткнули за пояс нас, стариков, и взобрались на помощь раньше. Так, в небольшой расщелине между горой и этим камнем, пришлось усесться — времени на раздумья не было, щелчки от разрывных пуль свидетельствовали, что ребят уже хорошо пристреляли.

Немного сориентировавшись, мы заняли оборонительную позицию, практически не видя ребят из группы захвата. Справа простиралось небольшое ущелье, грозившее самыми непредсказуемыми ситуациями. Перекрикиваясь, мы координировали свои действия, будучи зажатыми на пятачке в нескольких квадратных метрах. Выяснилось, что за бруствером под нами, куда прыгнул Глинин, залег Сафар Хасанов. Высоты укрытия не хватало, чтобы спрятаться от прицельного огня, и ребята, пытаясь перекатить тело Сергея Яцковского поближе к нам, здорово рисковали своей жизнью. А Серега, уже мертвый, продолжая выполнять свой братский долг, прикрывал своим телом ребят. Периодически за ним наскоро высовывались головы Андрея и Сафара, подсказывая нам, когда попытаться тащить, но тут же над нашими головами пролетали «разрывухи» и ложились возле них. Поскольку в основном огонь велся со склона горного хребта, от которого нас отделяла ложбина, а уходить нужно было именно по ней, следовательно, пришлось бы спускаться, став неприкрытой мишенью. Ситуация сложилась весьма сложная. В такие моменты молишь Бога, чтобы тебя не ранили, не убили и ты не оказался обузой для товарищей.

Залегший сверху и левее нас пулеметчик Олег Зайчиков несколько сдерживал огонь духов. Не обращая внимания на предостережения, он упрямо высовывался и вел «диалог» со стрелками противника, зло ругаясь, когда осколки разрывных пуль свистели у самого носа. А мы с Витькой Свищом пару раз пробовали выскочить двумя метрами выше нашей позиции и попытаться стащить к себе тело Сереги, лежавшее ничком, с вытянутыми вдоль головы руками. Синяя спортивка и тельник сбились вверх, накрыв голову и оголив исцарапанное о камни туловище. Одежда сбилась, цепляясь за камни, когда Удовиченко вытаскивал его из-под пуль, привязав к своей ноге ремнем. Последнее дело для разведчика — оставить погибшего друга на поругание врагу, а в подавляющем большинстве случаев подобная эвакуация происходит далеко не деликатно. Уже потом, позже придет осознание, а в сложившейся ситуации порой и думать-то невозможно, ведь отвечаешь не только за себя.

После нескольких неудачных попыток перетащить Серегу стало понятно, что нужно переждать. Но настырный Свищ предлагал пытаться еще и еще раз. И только когда ему в ботинок попал осколок, он с воплем запрыгнул обратно в укрытие. Все это время ответственным за автоматы оставался Димка Шадрин, которого мы оберегали как молодого и еще не отвоевавшего свои полгода. Этот неписаный закон строго соблюдался в спецназе — воспитывали молодых солдат весьма жестко, но в критических ситуациях бой на себя принимали «старики». Поэтому Димка, согласно статусу «молодого», не лез «вперед батьки в пекло», ему хватило того, что вместе со Свищом они первыми поднялись на помощь Удовиченко. Умудрился он и напугать нас. Когда на мой оклик он не отозвался, внутри у меня что-то екнуло, но вскоре мы обнаружили, что он просто мирно посапывает.

— Шадрин, Шадрин! Жопа-то сползла, сейчас разрывуху в нее получишь! — дав ему немного подремать, позвал я.

Открыв удивленно глаза — «а где это я»? — Димка совершенно спокойно заявил, что надо бы перекурить.

— Вот, душара, — заметил Свищ. — Тут война, а ему все нипочем!

Правда, и мы успели на пару минут сомкнуть глаза — полтора суток бодрствования и нервное напряжение после 12-часового восхождения давали о себе знать.

День близился к вечеру. Периодически Удовиченко давал указания прикрыть ту или иную сторону, чтобы держать круговую оборону. Его и раненного в ногу лейтенанта Виктора Абрамова мы не видели, хотя они были рядом. Периодически мы перекрикивались с ребятами из основной роты. Роль глашатая взял на себя Миша Бондарев. От него мы узнали, что

вторая рота «хрен его знает где», то есть прикрыть наш отход она не сможет, и у них тоже есть убитые и раненые. Поэтому держимся до последнего.

— Патроны экономить, неприкосновенный запас — два магазина и две гранаты! — приказал Удовиченко.

А тут духи начали напирать достаточно нагло, у них был удобнее подход к нашим позициям. Но поскольку Удовиченко с Абрамовым не давали им разгуляться и грамотно вели позиционную оборону, этот фланг был прикрыт. С нашей же стороны все было как на ладони, но защищала от подхода вплотную ложбина, а огонь духов придерживали Зайчиков с Пекарским.

В какой-то момент Пекарский вскрикнул. Перед этим он менял позицию, поскольку никак не мог уместиться за камнем, ну и «засветился». Осколок от разрывухи попал в него.

Прижимаясь к камням, Зайчиков мне маякнул, что ранение легкое, в пятую точку. Я ответил, что все равно подобраться к нему не смогу, хотя между нами всего-то метра три, а кровь свернется и так.

Таким образом, мы провели несколько часов. По нужде приходилось ходить прямо на месте, тут уже не до биотуалетов.

Два раза прилетали для поддержки вертолеты, обрабатывали «нурсами» окружавшие нас сопки. Духи несли потери, но не прекращали огонь. Они так грамотно умели занять насиженные позиции, что могли и укрыться, и координировать свои действия.

Снизу периодически ребята доносили нам криками сведения о перехваченной по трофейной радиостанции информации. В район, где шел бой, выдвинулись несколько групп моджахедов численностью от 30 до 100 человек. В наличии у них были гранатометы и минометы. Ставилась задача продержаться нас до подхода основных духовских сил, вдвое превышавших нас по численности.

Было около 17 часов, когда со стороны основной группы послышался голос капитана Николенко.

— Приготовиться к отражению атаки, они сейчас ущельем попрут!

Атака сразу с двух сторон предполагала большой расход боекомплекта, его хватило бы максимум на 20-30 минут боя.

— Приготовить гранаты, покажем, как умирают советские десантники! — крикнул Удовиченко. — Отстреливаем все патроны, подпускаем вплотную и утаскиваем за собой.

Если кому-то когда-то покажется, что такие минуты романтичны, смею заверить — это большое заблуждение. Настрой командира может подбод-

рять, но жить хочется каждому нормальному человеку. Пожалуй, такая ситуация дается тебе для прозрения, для объективного взгляда на жизнь, для определения ее истинных ценностей. Жизнь пронесется перед глазами в одно мгновение. Вспоминается буквально все до мелочей: детство, юность, радостные события и горести, обиды кажутся никчемными занозами, сожалеешь о допущенных и неисправленных ошибках.

Каждый думает о своем.

Родник с ледяной водой, запомнившийся мне после поездок к бабушке в Орловскую область; фигурное катание — сборы, соревнования, тренер, партнерши, травмы, аплодисменты; школа, медучилище, друзья, родные и многое-многое другое одновременно всплыло из глубин памяти. Как-то совершенно несвоевременно, если так можно выразиться на войне, было умирать. Решительно не хотелось уходить из жизни, не оставив после себя ничего — детишек же очень хотелось! Незаметно для себя, глядя на черное от неприветливых туч небо, невольно обратился с этими мыслями к Богу, пожалуй, по-настоящему прочувствовал, что все мы под Ним ходим. Вспомнил, что накануне у брата Гены был день рождения, и, если что, то дня рождения у него уже никогда не будет как праздника. Перед глазами возникла картинка: комната в нашей квартире, посредине цинковый гроб и родители в черном.

Камни перед глазами вдруг поплыли, но, посмотрев на Ящика, подумал о том, что на карте не только наша жизнь, но и честь друга, вытащить которого кроме нас некому, и мы обязаны это сделать.

Стоп! — прозвучало в голове. — Не расслабляться, не в первый раз попадаем, выходили же с темнотой, как-нибудь продержимся. И без крестного знамения, но искренне, от души взмолился: «Господи, вытащи, помоги, и я проживу жизнь как человек, а после службы весь батальон приглашу в Одессу и закачу пир».

Желая скрыть секундную слабость от ребят, я достал завалывшуюся в кармане небольшую баночку сгущенки и предложил разделить ее на троих — дабы духам не досталось. Затем дал указание Свищу прятаться, если что, за меня, ну а Шадрину как младшему, вступать в бой последним, только когда нас убьют, а тем временем только передавать и заряжать за нашими спинами магазины.

Достав гранату «Ф-1» и отогнув усики у чеки, я доложил Удовиченко, что наш расчет к отражению атаки готов.

И вдруг послышался родной гул с небес. Это подлетало звено вертолетов. Пронесшись над нашими головами для ориентирования на местности, «крокодилы» вышли на второй круг и начали работу. Оглушая нас ревом и свистом, они обрабатывали горные склоны и сопки по наводке рации из

основной группы. Не всегда удачно, поскольку сверху было плохо видно расположение позиций духов, особенно засевших за нашей сопкой. Но с каждым заходом вертушки работали точнее. Гусар (Пархоменко) наводил их в основном на сопку, закрывшую нам выход из ущелья, и на духов, наседавших на нас. НУРСы рвались очень близко, огонь, по сути, вызывали почти на себя. Огромные стрелы вылетали из-под винтокрылых машин и разрывались, вздымая облака пыли. Пролетая прямо над нашими головами, летчики работали на предельно низкой высоте, невзирая на то, что сами становились мишенями.

Обычно в момент работы вертолетов мы старались, воспользовавшись их прикрытием, осуществлять передислокацию, но в данной ситуации это было невозможно. Отстреляв все кассеты с НУРСами, в ход пошли скорострельные пушки. Первый заход — и очередь снарядов легла неподалеку от нас, второй — совсем рядом, в третий раз, похоже, что уже не промажет. Дымовые шашки у нас закончились, и обозначить себя мы не могли. Боевая машина, напоминая Змея Горыныча, заходила точно на нас. Единственную белую ракету пришлось запустить навстречу ей. Опасался, конечно, что летуны примут ее за духовский выстрел, но делать было нечего, следующая очередь точно нас накрыла бы; попробуй увидеть на такой скорости, где там мы, а где духи. К счастью, летчики поняли сигнал, вертолет слегка накренился, пролетая над нами. Мы увидели, как второй пилот махнул нам рукой, дескать, понял — свои.

Следующие заходы пошли уже точно на опостылевшую за целый день сопку. Выстроившись по кругу, вертушки по очереди делали заход за заходом, куда эффективнее, чем Гриша Загорулько, поднимая пыль и камни стеной. Сквозь рев моторов, грохот выстрелов раздалась команда Удовиченко: «Уходим, быстро!» Он показался из-за камней с двумя автоматами в руках, по-пластунски перескочил на нашу сторону: «Они больше не прилетят!»

В этот момент все смешалось; под интенсивный обстрел духов, не желавших выпускать нас из пяточка, мы стремительно передвигались, подхватывая по очереди Серегу, стаскивая его вниз по каменистому склону, волоча его то за руки, то за ноги, оставляя за ним кровавый след на камнях. Незнамо откуда у меня в руках оказалась СВДшка, а Витька Свищ надел мне на голову продырявленную пулей шапку, которой я дразнил из-за камня снайперов, определяя точность их стрельбы. Капитан Николенко снизу бросил дымовую шашку, и завеса сыграла свою роль, сбивая с толку противника. Вдруг из дымового облака вынырнул Олег Безруков, без оружия, только в нагруднике, и с громкими криками стал перекидывать тело убитого

друга вниз по склону. Сверху, съезжая по камням на пятой точке, выставив вперёд раненую ногу, перевязанную грязным окровавленным бинтом, высочил лейтенант Виктор Абрамов. Кто как мог, кувыркаясь по склону, давал беспорядочные очереди по соседней горе, скорее, чтобы отвлечь внимание. Удары о камни вращающихся скорострельных больших гильз от вертолетных пушек, каждая из которых могла с легкостью пробить голову, создавали дополнительную опасность. Шум, дым, мат, разрывы, свист, рёв, возгласы, приказы, крики «Ящик, прости!», — всё смешалось в одной мясорубке! Тем не менее, мы благополучно спустились в относительно безопасную расщелину. Какие-то секунды для передышки, задерживаться нельзя было, сверху могли насесть духи. Подоспевшие на помощь Миша Бондарев и Гриша Загоруйко надели на тело Сереги штаны, которые слетели с него, когда мы его тащили. После спуска он остался в одном носке. Из рта текла кровь. Теперь мы смогли положить его тело на плащ-палатку и вшестером нести на руках. Тем временем, сразу же по окончании работы вертолетов, основная группа штурмовала высотку на выходе из ложбины, и мы начали выходить.

Очень осторожно, в основном быстрыми короткими перебежками, от валуна к валуну, от ложбины к ложбине, рота вышла из каменного мешка, не дождавшись темноты. Теперь главным было опережать противника и не просмотреть засаду духов. Наши опасения оправдались. Связываясь по радию, они координировали свои действия, обстреливая нас с горного хребта слева. Нам приходилось, продвигаясь вдоль него, использовать рельеф местности для укрытия, а духи, как всегда, стреляли из совершенно незаметных укрытий. Мы в ответ также огрызались, чтобы засечь их огневые точки. Но на одном из пролётов, 40-50 метров длиной, укрыться было решительно негде, да и обойти этот пролет было невозможно. По одному, по двое проскакивали его бегом, прикрывая друг друга.

Привалившись спиной к камню рядом с Удовиченко, ожидая своей очереди, я заметил, что на нём нет его привычного «борзого» берета, который он непременно надевал «на войну». На мой вопрос он, не стесняясь, признался, что снял, а не потерял его. Затем распорядился, что побежит первым, отвлекая на себя огонь, за ним группа, нёсшая Ящика, а следом я, на случай ранения — если что, подхватить и дотащить до укрытия. И с отрывом метров в двадцать он побежал, разряжая магазин автомата влево от себя, за ним рванули ребята. Казалось, что уж слишком долго они проходят этот песчаный плац, но, на счастье, магазины духи разрядили по Удовиченко, проводив его цепью фонтанчиков на песке, и ребята-носильщики прошли удачно. Чтобы отвлечь от них внимание, я рванул вперед,

выдержав дистанцию в 20 метров. Стреляя на бегу, я даже не заметил на своём пути остроконечный камень в полметра высотой, и только в последний момент как-то удалось, выкрутившись, перепрыгнуть, рискуя со всего маху наскочить на него и остаться на песке мишенью.

Удачно перебежав, мы поочередно занимали временную оборону, и только напоследок замполит группы минирования лейтенант Николай Бесонов споткнулся, не добежав метров 5-7. Пришлось выскочить из-за камня, выпалить полмагазина, отвлекая на себя внимание, чтобы дать ему возможность вскочить и бежать дальше. Удовиченко, следивший за прохождением роты, дал мне нагоняй за необдуманность действий, хотя и сам зачастую подавал подобный пример. Серега Кушнир тоже споткнулся и пополз. Но когда прямо возле него запрыгали фонтанчики из песка, пришлось вернуться к нему и за шиворот потащить к финишу. И всё-таки этот «пляжик» рота проскочила. Темнело, а темнота — друг разведчика. Насколько она таит в себе незримую опасность, настолько же делает и тебя малозаметным. Даже на гражданке, по возвращении домой, первое время ловишь себя на том, что вечером идешь по привычке в тени деревьев, скрываясь от света фонарей.

Продвигались медленно, соблюдая все меры предосторожности. Раненых несли. Кто мог, похрамывал сам, чтобы не быть обузой и не тормозить роту. Конечно, плечо товарища всегда было рядом, никто не отказывался помочь нести рюкзак или оружие. Не совсем понятной оставалась и судьба второй роты. Связь, конечно, поддерживалась, но в крошечной тьме, в горах определить с координатами нелегко. Шли к выходу в надежде пересечься с нашими.

В связи с тем, что многие бойцы, меняясь, несли неходячих, разрывая о камни одну за другой плащ-палатки, замыкающий дозор оставался почти условным. В один из периодов передвижения мы с прихрамывающим из-за легкого ранения Толиком Пекарским оказались в хвосте. Стараясь опекать раненого, держался рядом и заставлял перебегать открытые, хорошо освещенные полной луной участки. На одном из этапов, пропустив Толика вперед за группой и, осмотревшись, рванул через освещенную площадку в затемненное место. Бежал как можно быстрее — кто его знает, что там таится в темноте, и вдруг в какой-то момент под ногами не оказалось почвы, и я со всего маху рухнул в яму, налетев грудью на угол камня. На некоторое время перехватило дыхание, в глазах потемнело от боли, сильно болели ушибленные пальцы правой руки, налетевшей на камень с усилением за счет веса автомата, который я держал за цевье. Очухался! Мелькнула

мысль, что вот тут-то нагрудник с двумя слоями магазина и меня спас — мог бы проломить себе грудь. Пытаясь восстановить дыхание, выбрался из ямы, думая о том, что могло бы случиться, если бы я нарвался на камень лицом. Вот так нелепо мог бы остаться в темной яме, где и найти меня было бы нелегко. Сзади из темноты показался пулеметчик Слава Макарук. Оказалось, что он шел замыкающим и прикрывал нас. Все обошлось, и мы догоняли группу. Перебегая вдоль колонны, я уселся в укромное место, помогая боковым дозорным вести наблюдение по сторонам. Удовиченко, видя, как я прячусь в тень, сказал, что в светлой «песочке» меня и так не видно. Опытный командир был прав, и в очередной раз я уселся на большой светлый камень, уложив автомат на колени, наблюдая, как передо мной проходила рота. Вдруг один из солдат — то ли узбек, то ли таджик — остановился и вполголоса вскрикнул:

— Дух, смотрите, дух!

— Да это же я! — громким шепотом ответил ему я, рассчитывая, что меня услышат. Но, полный уверенности в своей правоте, тот направил на меня автомат, щелкнув предохранителем. И тут же в памяти всплыл эпизод из фильма «В бой идут одни старики», и я засыпал перепуганного бойца отборным армейским матом, тут же возымевшим действие.

— Ты че? Санинструктора моего убьешь! — кинул стоявший рядом Удовиченко. Без лишних слов разведчик поплелся дальше, а я присоединился к группе и уже с юмором воспринял все произошедшее. Видать, за день, полный передряг, мы уже привыкли ко всему.

Продвигаясь взводами, то есть не сбиваясь в кучу, рота обеспечивала себе возможность лучше осматриваться. Периодически присаживаясь, отдыхали, меняли друг друга, помогая нести импровизированные носилки из плащ-палаток.

Во время одной из коротких передышек в считанных метрах от меня кто-то заорал, и последовал взрыв. Я резко откинулся навзничь — хорошо, что за спиной был РД. Испытывая ощущение полета вверх и звон в левом ухе, подумал, что душа моя, наверное, уже летит на небеса. Однако, приземлившись, вскочил на ноги и понял, что перепутал смерть с перепадом, тут же стал узнавать, кого ранило — но никто не признавался. Вскоре выяснилось, что оглушило еще Васю Котлова и Удовиченко. Васе еще посекло мелкими камнями пол-лица, глаза, к счастью, не пострадали. Откуда прилетела граната, я так до сих пор и не пойму. Но, слава Богу, все обошлось!

Так за несколько часов мы вышли из мешка. Осмотревшись на участке, где можно было занять круговую оборону, используя скалы, отцы-

командиры собрались, чтобы определиться, как помочь одной из групп второй роты. С основной ее частью мы пересеклись, но приблизительно 17 человек еще где-то блукали. К тому же у них было трое убитых.

Оставив раненых на попечение основного отряда, небольшая группа во главе с Удовиченко отправилась искать потерявшихся. Честно признаюсь, не очень хотелось идти обратно, и не у меня одного эта мысль возникла, но было необходимо подстраховать ребят.

Трудно сказать, сколько времени ушло на поиски. Велика вероятность была нарваться на группу духов, преследовавших нас. И когда мы увидели впереди тени, осторожно двигавшиеся нам навстречу, мы и те неизвестные засели, будучи наготове. Удовиченко громким шепотом стал запрашивать пароль, в ответ мы слышали невнятную речь.

— Миша, Корнеев, — позвал командир, зная, что, среди наших должен быть младший лейтенант-переводчик.

Сдержанно радостной была встреча со своими. Не теряя ни секунды, коротко переговорив, выдвинулись к своей группе — к штабу, если можно так сказать, помогая ребятам нести раненых.

Благополучно добравшись, стали располагаться на ночлег, разбившись на небольшие группы. В нашей оказались Вася Котлов, Саня Тищенко, я и еще несколько ребят — годы стерли из памяти, к моему стыду, их имена. Кто-то вынул пару банок консервов, но воды не было, и я, на свой страх и риск, пожертвовал одной капельницей, пустив ее по кругу. Периодически мы поглядывали на плащ-палатку, в которой лежало тело Сереги, испытывая непонятное чувство вины — понимали, что ему уже не нужны ни вода, ни еда, а так хотелось бы с ним поделиться. Не верилось в то, что он уже не с нами, вместе с тем было понятно, что каждый из нас мог оказаться на его месте. Иногда кто-то по-дружески прикасался к нему ладонью, как будто не веря в то, что он действительно мертв и осознавая, что все могло обернуться большими потерями.

Может быть, по нашей наводке, а может, по заранее намеченным целям полночи «работали» бомбардировщики. Среди гула, доносящегося с неба, раздавались взрывы тяжелых бомб и коротко, словно молнией, освещались горные хребты и тучи над ними. У нас была короткая передышка среди холодных камней, но война продолжалась...

Как оказалось, зажатая духами группа второй роты, физически не в состоянии унести убитых, приняла решение спрятать тела среди камней. Три трупа — как в той песне «Опять тревога»...

Короткими пересыпами дотянули до рассвета. Опухшие от усталости, мы повывлезали из своих лежек и выдвинулись дальше, чтобы сменить место

и понадежнее обустроиться на дневку. Кто-то закурил, кто-то нашел укромное место и уединился, кто-то искал ручеек, чтобы напиться горной воды. Настроение было неважное. Вскоре прилетели вертолеты, привезли вдоволь боеприпасов, пирофакелов, дымов, сухпайков и большой резиновый мешок с водой. Пока «вертушки» разгружались, над нами кружили «крокодилы».

Улетая, летчики забрали на борт тело Ящика и всех раненых, в том числе Виктора Абрамова, Васю Котлова и получившего контузию Удовиченко.

А мы остались, ожидая дальнейших приказов. Убитых оставлять никто не собирался, но непонятно было, какой выбрать способ эвакуации.

— Дайте мне три «восьмерки» и несколько «двадцатьчетверок» для прикрытия, — кричал кому-то по радиии командир батальона капитан Гилуч. — Высадимся тремя группами под прикрытием, заберем ребят и уйдем. Да у меня люди еле на ногах стоят, а так отработаем, и все!

Как мы понимали, он предлагал высадиться на вертушках, а командование настаивало, чтобы мы шли забирать убитых ночью сами, считая большим риском воспользоваться вертолетами. Три группы захвата Пархоменко уже среди нас отобрал. Не скрою, возник ропот среди личного состава — даже бывалые разведчики не очень хотели идти в тот каменный мешок, откуда недавно вырвались. Многие считали, что лучше рискнуть и прорваться вертолетами.

Так прошел день. Дозорные сменяли друг друга. Кто как мог отдыхали, перекусывали, делились воспоминаниями о событиях вчерашнего дня. Вместе с лейтенантом-медиком Юрой Сарахановым мы тратили время на освоение трубки для очистки воды, в результате чего пришли к выводу, что проще напиться из обросшей мхом горной лужицы, чем возиться с трубочкой и пить воду по каплям. Наверное, для Юры эта вода была особенно вкусной, ведь это был его первый боевой выход, а тут такая война...

К закату стали экипироваться и готовиться к выдвигению. Честно говоря, не помню точно, сколько мы шли, тем более, что маршрут толком знала вторая рота. В результате вышли на какую-то горную поляну, если так можно назвать поверхность, испещренную канавами и усыпанную валунами различной величины, поросшую высокой сухой травой, напоминавшей наш ковыль. Около часа ожидали группу, которую повел к месту схрона погибших ребят старшина Пилипчук. Ему пришлось взять командование группой на себя, когда погиб взводный Олег Злуницын. Забрав тела, мы той же дорогой ушли. Под утро расположились на отдых и с рассветом вышли на площадку, удобную для посадки вертолетов. В период ожидания

подходили к завернутым палаткам и отворачивали полог, чтобы увидеть ребят. Трудно однозначно описать свои ощущения в такие минуты... Они втроем попали под одну пулеметную очередь, которая, судя по ранениям, прошла вдоль колонны — кучность расположения разведчиков оказалась высокой. Светловолосому молодому лейтенанту, который прослужил-то в Афгане пару месяцев, пуля попала прямо в рот, у Коли Овдиенко рана была на горле, под кадыком. Ребята умерли мгновенно. Дольше мучился Ибрахим Кучкинов от смертельного ранения в область таза — внутреннее кровотечение можно было остановить только на операционном столе.

Мы бережно погрузили тела ребят на вертолет. Сильные лопасти, оглушая нас прощальным свистом, утащили «черный тюльпан» в сторону Джелалабада, а пара вертолетов МИ-24 еще накручивала круги вокруг нас, прикрывая отход. Колону замыкала четвертая группа 3 роты под командованием Сергея Суковатого в качестве хвостового дозора. Как вдруг один из вертолетов, периодически пускавший стрелы по флангам от нас, сделал заход прямо над нами, приняв группу Суковатого за преследовавших нас духов.

— Сейчас по четвертой группе въе... — не успел договорить я, буквально вырвавшуюся из меня фразу, как из кассет вылетело несколько НУРСов. Вот и не верь своей интуиции... Обернувшись назад, мы увидели, как из пыли и дыма появляются ребята, размахивая кулаками и выкрикивая нелестные выражения в адрес летчиков. Я было рванул обратно к ним, благо подниматься всего-то метров 30, не больше, но все обошлось — ребят только несколько оглушило.

Однако на этом все не закончилось. Через некоторое время над нами просвистел снаряд, взорвавшись метрах в ста от нас. Мы насторожились. Второй снаряд просвистел и взорвался в два раза ближе. Присели. Услышав свист третьего, мы залегли. Он взорвался метрах в десяти.

Терпение Гусара лопнуло, он выхватил микрофон радики у радиста и, как говорят в Одессе, артиллеристы «имели-таки, что послушать».

— Это они проснулись! — победоносно объявил Пархоменко.

К обеду спустились в долину, где нас ожидала бронегруппа и ребята, поднявшиеся из батальона. Вереницей мы подходили к временному расположению и обнимались с встречающими. И это были не восторженные объятия, как после удачного взятия каравана или налета на кишлак. Они были сдержанными, но очень теплыми, родственными — мы вернулись с потерями и осознанием, что на этот раз все уже закончилось. Дорога домой, поворот на пшеничном поле, символизирующий возвращение, уже вырисовывались гораздо реальнее.

Первыми из встречающих ко мне подошли Саня Казах и Леша Колосов. Они взяли мой РД и нагрудник, порядком оттянувшие плечи за эти трое суток. Мы сели перекурить. Другие ребята, разбившись кучками, тоже перекуривали и кто как мог рассказывали о произошедшем. С устатку одной сигареты оказалось мало, и мы подкурили вторую от первой. По дороге назад, поднимаясь и спускаясь по изрытой взрывами и уже заезженной трассе, как всегда обильно осыпавшей нас пылью, мы продолжали вспоминать.

— Удовиченко плакал, я два раз плакал, когда они поперли, — рассказывал Сафар Хасанов, а я что-то уточнял, ведь находясь в двух метрах друг от друга, мы видели бой каждый со своей точки зрения.

Долгохранящиеся, запакованные в целлофан и проспиртованные батонны, которые нам раздавали в дорогу, где-то символизировали рюмку водки и хлеб на ней, поминальный стол и трапезу по возвращении. Ничего вкуснее я в жизни не ел, чем те белые буханки, надрезанные вдоль.

Проехав мимо Лагманской зеленки, через тоннель возле гидроэлектростанции, мимо Джелалабада и сказочного островка с тремя пальмами в реке Кабул, в очередной раз подумалось о том, какое же это счастье — видеть все своими глазами, вдыхать воздух и просто жить. Любые блага жизни — достаток, слава, счета в банках — были абсолютно ничем по сравнению с возможностью просто не оказаться страшной «посылкой» родителям, упакованной в цинковый ящик.

Прошло почти четверть века, а я до сих пор очень жалею, что когда колонна остановилась возле аэродрома и несколько офицеров говорили с кем-то из летных командиров, я постеснялся влезть в их разговор и попросить выйти из расположения летчиков, которые «работали» с нами в эти дни. Хотелось просто крепко обняться с ними и поблагодарить!

В батальоне нас встречали все — и военные, и гражданские. Официантка из офицерской столовой Тамара Кузнецова обнимала нас, пыльных и замученных, и все причитала, как бабулька: «Слава Богу, ты вернулся, и ты..., и ты...!»

Возле беседки медпункта стоял Сан Саныч и начмед бригады майор Вячеслав Смоленов. На этот раз статус неприкосновенности вернувшегося с боевых защитил меня от необходимости выслушивать замечания по медпункту. Майор просто по-дружески пожимал руку подходившим к курилке. А Сан Саныч не преминул для разрядки обстановки подколоть, мол, с голой задницей ходить — для вентиляции, или как? Оказалось, чего я сам и не заметил — на пятой точке была разорвана и песочка, и поддетые спортивные штаны. Надорванные солдатские трусы несколько прикрывали

наготу. Потом песочка еще долго висела в каптерке как напоминание об этих событиях.

Ужинали после общей помывки. В душевых, пренебрегая традиционной субординацией, мылись все вместе — от комбата до рядового разведчика.

Думалось, что по возвращении в батальон спрячусь в маленькой столовой и порыдаю так, чтобы никто не видел. Но что-то мне не плакалось, все эмоции ушли внутрь.

Несмотря на сильный недосып, еще долго ходили в гости друг к другу. К нам в медпункт зашел Леха Ковзан. Белобрысый, с красным от горячего душа лицом, он, закурив, рассказывал, как все было у группы захвата.

В конце концов усталость взяла верх и, разбредшись по казармам, батальон уснул.

ПРОСТОЙ САПЕР¹

*Светлой памяти
разведчика-сапера 15400СпН
Рядового Василия Анатольевича КАБАНОВА
(26.04.1967 — 17.02.1987 гг.)*

«Нас выбрал век и ветра воля,
Голов бездарных и седых,
Седым отцам, раздавшим горе,
И горечь в сердце молодым»

Вот и мы стали дембелями. Наши мысли все больше и больше приближали нас на гражданку.

Молодежь, которая пришла к нам в пополнение, оказалась очень дружная и грамотная. На тренировочном поле или вольере нам не раз приходилось их проверять в знании минно-подрывного дела. За каждую ошибку заставляли бегать по спортивному городку и отжиматься по 50-100 раз. Мы хотели, чтобы после нас осталась достойная смена, ведь минер ошибается один раз, и от него зависит жизнь других.

На задания мы стали выходить все меньше и меньше. Подготовленная нами молодежь достойно справлялась с поставленной задачей. Командиры групп, с которыми ходили минеры, были довольны, и многие уже проявили себя.

Мы, дембеля, проводив группы на задание, садились в курилке, закуривали сигареты и молились о благополучном их возвращении. Каждый раз по возвращении ребят мы их радостно встречали и обнимали, как родных братьев. Мы знали, в каком районе их высадят, потому что сами протопали там все тропы и знали каждый камушек. Мысленно мы были с ними.

Сон куда-то убежал, и чуть ли не до утра мы сидели за кружкой чая, вскипяченного в трехлитровом баллоне самодельным кипятильником, сделанным из двух лезвий. Ждали возвращения группы.

По рации в батальон передали, что группа в «Черных горах» попала в засаду. Дембеля, вопреки всем традициям, были готовы выдвинуться с резервной группой на выручку своим товарищам. Мы все сидели в курилке

¹ Хакимов Султанбек Тукунович, старший сержант.

и ждали приказа. Каптерщик Гога позаимствовал у прапорщика Миронова сигареты с фильтром «Ростов-на-Дону», угостив, присоединился к нам...

Утром несколько групп вернулось с задания. Мы всматривались в лица ребят. Они были грустными, волосы на головах от пыли и грязи были белыми, и от этого казались поседевшими. Подбежав к бронегруппе, мы из БТРов стали выгружать раненых, затем погибших...

За полтора года, пройдя все жестокости войны, мы это делали как обыкновенную солдатскую работу. И никто из нас не знал, кому судьбой предназначено жить, а кому умереть в этой чужой стране. Ребята из первой роты понесли своих погибших к себе в расположение, из третьей — в свою, а мы, минеры... Из нашей четвертой роты минирования погиб рядовой Василий Кабанов.

Очень тяжело, когда ребята моложе твоего призыва погибают. Тяжело потому, что в чем-то винишь себя, кажется что чего-то не доделал, чему-то не доучил. За все время службы столько погибло ребят, а дата 17 января 1987 года надолго отпечталось у меня в памяти... Погиб Васька Кабанов, хочется плакать, но нет слез. У нас, дембелей, он был любимчиком.

Получив очередное письмо из дома, он подходил к нам и читал письмо от своей девушки Наташи. Иногда она писала ему стихами.

Вот это любовь! Где-то внутри мы завидовали их отношениям. Нам тоже хотелось такой чистой и красивой любви.

А сейчас он лежит перед ротой.

Через полчаса построение батальона, прощание с погибшими...

«Восемнадцатилетние мальчики,
Смотревшие смерти в глаза,
Разведчики и автоматчики,
Мне слышатся их голоса...»

На следующий день в цинковом гробу в сопровождении старшего лейтенанта Евдокимова, рядового Василия Кабанова отправили на родину.

Сержант Смагулов Сайло выругался матом,

— Бл... эти сволочи, сидят в штабах, писари пишут себе наградные — ордена и медали, а нашему брату с грифом — посмертно. На глазах у него выступили слезы.

Василий Анатольевич был единственным сыном, и часто, по закону подлости, погибали именно они.

Прошло больше двух недель...

Все в роте ждали возвращения нашего взводного Евдокимова. Когда он приехал, вся рота вышла к нему навстречу. Он холодно поздоровался с нами и зашел к себе в комнату.

Спустя, какое-то время, сидя в курилке, он рассказал нам, как он привез сына к матери.

Оказалось, что друзья Василия — его знакомые. И многих из них он знает и близко знаком. Земляк... Свердловск... Как тесен мир...

— Короче, ребята, я там две недели пил водку, чтобы забыться, но не смог. До сих пор не помню, лучше бы я..., — и он заплакал.

Впервые мне пришлось стать свидетелем слез боевого офицера.

Закрываю глаза, перед моими глазами до сих пор Васькина кровать. Она аккуратно заправлена и отмечена наискосок красной лентой. На его тумбочке стакан с водкой и корочка хлеба.

Такая же кровать стояло и в 1-й роте. От подрыва духовского противопехотного фугаса в тот день погиб и командир группы, выпускник Рязанского воздушно-десантного училища лейтенант Игорь Семин. В ту ночь, в ходе выдвигения роты в район проведения засады подорвался на противопехотной mine рядовой Кузнецов, следовавший в головном дозоре 1 роты. Командир 3 группы лейтенант Мусиенко был от него в двух шагах и, не став рисковать подчиненными, сам вынес Кузнецова с минного поля.

Вперёд пошел Вася Кабанов, обходя опасный участок по дну сухого русла. Взрыв огромной силы буквально разбросал разведчиков, находящихся от саперов на безопасном расстоянии. Сработал фугас-каменьёт. Один из камней попал в голову командиру 1 группы лейтенанту Игорю Семину, получили серьезные ранения и контузию командир роты капитан Юрий Козлов и еще несколько разведчиков.

...Прошло больше 20 лет. Получил письма от Славика Сорокина и Сергея Репина. Написали, что съездили в Свердловск. В военкомате им быстро помогли найти, где похоронен наш любимчик, наш боевой друг.

— Его могила была чистой и убранной. К его матери домой мы не решились зайти, не знали, как посмотреть ей в глаза и что сказать...

Недавно получил письмо из Краснодарского края. Очень удивился, от кого это может быть? Ведь прошло столько времени. Вскрыл конверт, а в нем только фотографии и номер телефона. На фото я узнал всех ребят из нашей роты, из моего отделения. Ведьмедь Вадим — с доброй улыбкой, но поседевший, награжден орденом Красной Звезды. Фрунзе Валера — такой же спортивный и веселый, награжден орденом Красной Звезды. Бычков Саша — единственный рядовой солдат за все афганскую войну, на-

граждённый орденами «За службу Родине в ВС СССР», «Воинская доблесть». Шалашов Игорь — медаль «За Отвагу», «Воинская доблесть».

А также другие ребята, служившие у нас в Джелалабадском батальоне. На другом фото Мышко Андрей с командиром роты Кирилиным А. и комбригом Старовым Ю.

Очень был рад и тронут, что спустя более 20 лет ребята собрались и вспомнили. Набрал международный номер телефона Краснодарского края - Андрея Мышко. Я звонил и не верил, что спустя 20 лет услышу голос из прошлого, с кем прошел Афган... Трубку поднял сам Андрей.

— Ташкент, Ташкент, — кричал я в трубку. — Это я, Султан.

В ответ:

— Привет брат, наконец, мы тебя нашли...

Наш разговор длился очень долго, вспоминали всех, расспрашивали друг друга. Под конец разговора я спросил:

— Вы к Кабанову Ваське ездили ?

— Недавно я был в тех краях в командировке и заезжал к матери Василия. Потом я пошел к нему на кладбище, был на его могиле, его мать отказалась со мной пойти. Не ушел, пока не выпил бутылку водки — помянул за всех...

— Как мать держится? — спросил я.

Андрей молчал, я еще раз переспросил.

— Я недавно узнал, что она упала с балкона.

— Осталась ли она жива?!

— Ну, брат, она жила на 13 этаже. Разве можно остаться живым?!

Мы оба молчали.

— Все-таки не пережила мать смерть сына...

На этом наш разговор заканчивался, я дал свои координаты — домашний и рабочий телефон.

— Буду очень рад видеть вас в Ташкенте. Вышли мне все адреса и телефоны ребят...

Ту, ту, ту...

А перед моими глазами до сих пор живой наш ротный любимчик — Васька Кабанов и его мать, бросившая себя с 13 этажа — это Афган...

Из наградного листа: ... 17 января 1987 года во время боевой операции по блокированию банды мятежников при обезвреживании мины неизвестной конструкции рядовой Кабанов погиб.

Награжден орденом Красноц Звезды, посмертно.

ОТВЕТНЫЙ УДАР, ИЛИ ДУВАЛ ЛЕЙТЕНАНТА СУКОВАТОГО¹

Утро 30 января 1987 года. На зарядку не будили никого. Просыпался батальон спокойно, не по будильнику, зарядки хватило за прошедшие трое суток в Черных Горах.

По дороге на завтрак мы искали друг друга и при встрече по-братски обнимались и обменивались мужскими поцелуями. «Здравствуй, брат!», — говорили мы друг другу, пережив еще один воинский ритуал братания в бою. В этой операции мы потеряли четырех человек убитыми и до полутора десятка ранеными и контужеными. Многие из нас вернулись подранками, даже не обращаясь за медицинской помощью.

Траурный список этого года был открыт... И радость встречи омрачалась отпечатком скорби на наших лицах.

Накануне, вернувшись с операции, после которой, казалось, осталось только рухнуть на постель и мертвецки уснуть, мы все-таки нашли в себе силы раздеться и смыть с себя слой грязи и пота, деля душевые соски на троих-четверых. И, переодевшись в чистое, еще долго ходили друг к другу в гости, курили и вспоминали, что и как происходило. Во второй и третьей роте в очередной раз появились койки с траурной полосой поверх одеял.

— Вот же Ящика койка рядом с моей, — сказал, затягиваясь, Леха Ковзан. — Теперь не знаю, как уснуть.

Красное после горячего душа, гладко выбритое Ленькино лицо было растерянно-грустным.

Погибших ребят эвакуировали с гор вертолетами и еще до нашего возвращения их успели помыть и переодеть в чистое. На этот раз тем, кто еще оставался в горах, не довелось отдать последний долг своим товарищам.

А на утро мы выехали санитарной машиной забирать из госпиталя 66 бригады тела ребят. Ночевали они в том ужасном помещении, в которое никто из нас не хотел бы попасть.

Кунг от ГАЗ-66, переоборудованный под рефрижератор, со зловеющим скрипом открыл свои двери. Я поймал себя на мысли, что ребята могли замерзнуть — ведь мы еще относились к ним как к живым.

¹ Стокич Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСПН, старший сержант.

Траурный митинг ведет замполит отряда майор Гулевич А.Д.

А затем — построение батальона, на которое все пришли вольным шагом. Командиры дали послабление, и никто никого к строевому не призывал. Прибыл командир бригады Юрий Тимофеевич Старов — он со многими здоровался за руку. Нужно гордиться такими полковниками, которые вот так запросто общаются с солдатами и офицерами.

Прощальные слова, спущенное знамя, траурный залп. Зловещий скрежет БМП, вывозящих носилки в сторону КТП. Страшно осознавать, что это обычный ритуал в боевом подразделении. Сердце обливается кровью, мозги рвет на части, изображение расплывается из-за слез, застилающих глаза, зубы скрипят от желания скрыть все эти чувства от товарищей, а жизнь продолжается. Сколько ни закусывай губы до крови, а пополнения до весны не будет, и воевать нужно и за себя, и за ребят.

После прощания боевые группы собрались в столовой, одновременно являвшейся и клубом. На большой карте местности, где мы недавно «работали», велся «разбор полетов». В такие минуты некомфортно никому — ни комбригу, ни комбату, ни нам. Вновь проворачивается в голове все бывшее, кто-то вспоминает неизбежные ошибки, кто-то рвется в бой, кто-то просто наблюдает.

В завершение, для подъема боевого духа, Юрий Тимофеевич объявил, что, по данным агентурной разведки, по одному из множества караван-

ных маршрутов, пролежавших через Сурхрудскую долину, Черные Горы и выходивших на переправы по реке Кабул, должен пройти большой караван с оружием.

— Какой роте поручим его захватить?! — явно желая подзадорить нас, громко спросил Старов.

Тут же десятка два голосов из зала закричали о желании своей роты пойти на это задание, хотя никто точно не знал, по какой тропе и когда пройдет караван вьючных животных. Поэтому все боролись в общем-то за право испытать удачу, если можно так назвать столкновение с усиленной охраной каравана, состоящей из опытных, воюющих далеко не первый год моджахедов (кстати, моджахедами мы их там на называли, а было простое слово: дух).

Группа связи, минеры и наш медпункт переглянулись и отмолчались, улыбаясь — все равно без них не пойдут.

Вечером старослужащие бойцы собрались в казарме 2 роты отпраздновать наконец-то день рождения минчан — Кольки Зубченка и Андрюха Блинова. Хотя и с опозданием, но, слава Богу, Зуб, возвращаясь с Черных Гор, в прямом смысле отмечал свое второе рождение практически день в день. А этим вечером мы разрешили себе просто немного порадоваться жизни. Нехитрая армейская закуска, сладости, закупленные в небольшом армейском магазине на собранные ребятами деньги, тогда, казалось (а почему казалось?), были вершиной гастрономического удовольствия. Мы знали, что впереди еще много выходов, хотя «дембель» вроде как и не за горами, но всякое может случиться. Поэтому жизни нужно радоваться здесь и сейчас. Кто приносил с собой немудреные подарки — шариковые ручки или еще какую-нибудь мелочь, а кто приходил просто так — и ему были рады. С подарком всех переплюнул Андрюха Блинов, в простонародии — просто Блин: он вручил Зубу электронные часы, которые на то время очень ценились, но в Афганистане были более доступны, чем в Союзе. Растроганный Зуб восторженно принял подарок и крепко обнял земляка.

Кроме крепкого армейского чая в кружках появлялась еще и наскоро поставленная брага — совершенно запрещенный напиток. Но начальство, то ли вспоминая традиции Великой Отечественной, то ли понимая, что мы тоже люди, закрыло на это глаза. Мы немного захмелели, а старшина Пилипчук, или просто Пиля, выставил 40-литровый бак с брагой прямо на стол и, не прячась ни от кого, на правах хозяина каптёрки разливал согревающую жидкость по кружкам. Помещение постепенно наполнялось табач-

ным дымом и разговорами. Это не была веселая пьянка, и поминок не было — было просто мужское застолье.

— Ну вот, еще одну «жопу» пережили, — сказал, обняв меня, закадычный друг Фикса, где-то жалевший, что его оставили в батальоне дежурным по роте. Вообще прошедшие Кулалу, Гошту, а особенно Кареру считались уважаемыми ветеранами в батальоне и пользовались особым уважением товарищей. Теперь добавился еще один эталон — Черные Горы.

Как ни странно, в определенный момент грустные мысли отошли, и мне представилась моя будущая свадьба с еще неведомой мне девушкой и поздравления, не чьи-нибудь, а моей крестной. Благодаря этим грезам на душе стало теплее.

Земляк наших именинников, Саня Рыбин, Рыба в общем, встал сказать поздравительный тост, подняв перед собой кружку. С искренней улыбкой окинул взглядом сидящих за столом и то ли не смог собрать до кучи захмелевшие мысли, то ли понял, что его уже мало кто слушает, молча выпил брагу и сел на место.

Посидев еще немного, мы, обменявшись крепкими объятиями, разбрелись по подразделениям. Вечерней поверки в этот раз никто не устраивал.

На следующий день третья рота выходила на засадные действия ловить ожидаемый караван. После Черных Гор состав заметно сократился.

Удовиченко лежал в госпитале с контузией. Там же и Виктор Абрамов с простреленным голеностопом. Толик Пекарский лечил подраненную задницу на базе батальонного медпункта. Вася Котлов перехаживал свою контузию на ногах и только приходил смазывать побитое мелкими камнями лицо, получать витамины. Вторую роту пока не дергали — у них раненых было больше.

У меня на третий день звон в ухе прошел, и я вполне мог составить компанию группе «гусаров» — как называл своих бойцов капитан Пархоменко.

На сей раз для большей продуктивности Гусар принял решение разделиться на две подгруппы, чтобы контролировать больше территории вероятного проведения каравана, а в случае боя поддержать друг друга.

Одна группа во главе с Пархоменко ушла в темноту, а вторая, с которой пошел я, выдвинулись по своему маршруту. Связисты постоянно поддерживали связь между подгруппами. Командиром нашей группы был Виктор Суковатый, который с особой настырностью организовал разведывательно-поисковую работу с целью выявления духовских дозоров. Но, несмотря на соблюдение всех способов маскировки, на второй день на нас случайно вышли три пастуха с отарой овец. Уткнулись прямо в нас. Суко-

ватый был вне себя и тщательно пытался скрыть это. Он, смахивающий на цыгана, просто метал искры во все стороны. Но делать было нечего. Перепуганных чабанов мы просто забрали с собой.

Седой старик непонятного возраста, мужчина средних лет и пацаненок лет двенадцати наверняка даже и подумать не могли, что этот день так круто повернет их планы. Трудно было понять, за что они больше переживают — за отару или за собственную жизнь. По правилам разведподразделений ни один свидетель не должен оставаться в живых — сдаст. Наверное, и у духов законы были не мягче. Но негласно мы это правило нарушали на каждом шагу. Переводчики объяснили аборигенам, что все будет хорошо, просто пока им нужно следовать за нами. Уверенности в завтрашнем дне это объяснение не добавило, испуг в глазах сохранялся на протяжении всех последующих суток, особенно у баченка (мальчика), но делать было нечего.

Всеми своими действиями, взглядами, интонацией голоса, жестами мы старались убедить бедолаг в том, что им нечего опасаться, поскольку страх в их глазах психологически действовал на нас, где-то даже вызывая чувство вины.

В результате недолгих поисков очередным местом засады был выбран заброшенный дувал (к сожалению, очень много их, брошенных, появилось в этой и так истерзанной войнами стране).

Глинобитное сооружение находилось в очень выгодном с точки зрения тактики расположении. Сзади прикрывала невысокая горная гряда, на которую для тылового прикрытия выставили дозор с пулеметом. Внизу простиралось русло высохшей реки, устланное светлой галечкой и песком. Удобная дорога для проведения каравана, а главное — очень демаскирующая противника на этом участке.

Напрягало только одно — растущие эвкалипты по другую сторону русла, за которыми вполне можно было укрыться стрелкам и гранатометчикам. Но у медали одной стороны не бывает, всегда приходится действовать с какими-то допусками.

Для предупреждения этой неприятности позже была отправлена группа прикрытия из нескольких человек под командованием сержанта Безрукого Олега. Группа, имея на вооружении расчет АГС, пулеметчика и пару автоматчиков, прикрывала с горы (слева от нас) и могла простреливать как караванную тропу, так и возможные пути отхода охранения.

Расположившись в дувале, мы начали трапезничать. Естественно, поделились своей «изысканной закуской» и с пленниками, которые уплетали галеты и консервы, не задумываясь, разрешает ли Аллах употреблять это в

пищу, а ели, что Бог послал. Забившись в угол, они жестами выражали свою благодарность, стараясь быть выдержанными и спокойными.

Расставив «фишки», все занимались, чем нужно или чем придется. Связист Шурик, как его назвали, сокращая настоящее узбекское имя, лежа прослушивал наушник. Кто-то доедал незамысловатые консервы, пленники дремали в углу дувала, сидя на корточках и опершись спиной о стену. Зная их непредсказуемость, мы не спускали с них глаз — кто знает, как они себя поведут в случае перестрелки.

Время от времени бойцы парами отходили по естественной нужде.

— Э-э, потише там! — вполголоса сделал замечание Игорь Пирожников своему тезке Будяеву, увлекшемуся разговором о прошлой жизни на гражданке и мечтами вслух о предстоящем «дембеле».

И вот уже часть бойцов, уложив головы на рюкзаки, уснули беспокойным сном разведчика, обнимая автоматы и прижимаясь друг к другу. Дувал, в котором мы расположились, был достаточно цивилизным. Цементная стяжка на полу, которая, в отличие от глиняной, усиливала звук от задетых ногой лежащих на полу консервных банок. Это приводило в ярость старослужащих, и бойцы помоложе, чтобы не злить «стариков», подобрали, орудя на ощупь, все жестянки.

Группа Безрукого уже ушла на свою позицию, когда несколько разведчиков обсуждали, как лучше действовать на случай прохождения каравана. Вдруг связист сообщил, что лейтенанта Суковатого вызывает Гусар. Связь прерывалась, но какую-то информацию мы все же расслышали даже на расстоянии: речь шла об убитых. Все приготовились идти на подмогу, хотя никаких выстрелов мы не услышали.

Оказалось, что Пархоменко сообщил перехваченную информацию о том, что ожидается проход каравана с телами восемнадцати моджахедов, погибших несколько дней назад в Черных горах во время нашей операции. Их должны были сгрузить с грузовика и вьючными отправить в лагманскую «зеленку» — огромную кишлачную зону вокруг реки Лагман, простирающуюся по другую от Черных Гор сторону реки Кабул.

Информацию перехватили через трофейную радию, которую в этих же горах и взяли, вот только точное место нахождения похоронного эскорта неизвестно, да и, похоже, гоняться за ним особо в планы не входило.

Ночь была лунная. Все вокруг отлично просматривалось, и даже в темном дувале стало светлее. Рядом со мной мирно, с улыбкой на лице нес боевое дежурство связист Шурик — его восточного рисунка глаза были полузакрыты. И только когда я услышал в наушниках голос Безрукого,

который вызывал Суковатого, понял, что Шурик незаметно для себя, уснул. Не спрашивая, сорвал с него наушники и позвал лейтенанта, который, мгновенно подскочив, отдал команду приготовиться. Безруков сообщил, что в его сторону движутся два огонька. Поначалу мы не поняли — «2 конька» или «огонька», но вскоре увидели, как двое вооруженных людей, на ходу куривших сигареты, прошли мимо нашей «фишки» в сторону реки Кабул навстречу предполагаемому каравану. Сомнений не оставалось — это дозорные, следует ждать основной состав.

Если караван большой, то и охрана у него, как правило, серьезная — иной раз насчитывали до 100 человек, вооруженных не только автоматами, но и гранатометами. Огневой напор такого отряда мы в составе всего 20 человек вряд ли сдержали бы. Одной гранатой, пущенной в окно дувала, можно было нас всех положить. Суковатый приказал рассредоточиться вне помещения, прикрыв все пути подхода. Пришлось попереживать за Олежку Безрукова — он был в отдалении от нас, и ему, если что, пришлось бы туго.

Лежать в напряженном ожидании не за стенами дувала, а на открытых камнях было прохладно, но обстановка требовала того. В течение получаса не было слышно никаких звуков, кроме мерного шума листвы эвкалиптов, как вдруг тишину нарушил душераздирающий крик, доносившийся со стороны горки, где лежал Безруков. Мы замерли в напряжении.

— Что там у тебя, Олег, отвечай! — запрашивал по радиии лейтенант. И без объяснений распорядился:

— Все нормально, отбой. И опять воцарилась ночная тишина.

Впоследствии выяснилось, что кричал молодой солдатик-узбек, которому приснилось, будто его режут духи — напряжение и усталость давали себя знать. Демаскировка, конечно, но и наказывать его было не за что.

На удивление, так до утра и просидели. С рассветом мы снялись с места и выдвинулись навстречу основной роте.

Уставшие, с припухшими физиономиями, мы соединились с группой Пархоменко, бойцы которой провели такую же напряженную и безрезультатную ночь. После короткого обмена информацией с Суковатым он обернулся к афганцам и, махнув рукой, сказал:

— Буру, бача — в переводе с афганского — иди отсюда, мальчик.

Следует сказать, что в Афганистане к пожилому человеку следует обращаться «бобо» или хотя бы «кака», и зачастую афганские офицеры обижались на наше «бача», но простой советский солдат особо не заморачивался относительно этикета.

Переводчик Андрей Соколов продублировал команду. Пастухи за-

мешкались, испугались, а затем поняли, что их отпускают. Счастливый старик хотел было выразить свою признательность, потянувшись ладонями к лицу командира, но тот резко прервал эту трогательную сцену:

— Иди, пока я добрый!

Счастливые пастухи торопливо засемили на поиски своей отары. Без оглядки, дабы «шурави» не передумали. Их чалма, пакуль и куля быстро удалялись от нас.

Возвращаясь в батальон, мы встретились со 2 ротой, выезжавшей примерно в тот же район. Пока ротные, склонившись над картой эмоционально делились информацией, мы слезли с БТРов, чтобы обняться, пожелать ребятам удачи, перекурить.

КАРАВАН

СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА ЖЕРЕЛИНА¹

— Одэс..., а Одэс, ты че ворочаешься? Совсем в горах одичал, на нормальной кровати спать не можешь. Натаскай камней и спи крепким сном, — ворчал полусонный Саня Казах, явно желая подтрунить надо мной.

Сон действительно как-то не шел: то ли нагуливать его с рюкзаком за плечами уже вошло в привычку, то ли и вправду ощущение под боком гранат, пачки патронов и рюкзака десантника вместо подушки лучше нагоняет сон. И мысль о караване не давала покоя, вторая рота тоже в предыдущие три ночи пролежала в засаде безрезультатно. Завтра ее сменяет первая, под командованием замкомроты Николая Жерелина.

Высокий, крепкий с черными усами старлей обладал потрясающей харизмой. Его голос всегда вселял жажду деятельности, а главное — уверенность. Решения он принимал быстро и четко (а кто в спецназе их принимает медленно?), команды давал доходчиво. В свободное время, даже иногда во время марша колонны, он умудрялся почитать книгу, а уж на дневке и тем более. Солдаты ему подчинялись безоговорочно благодаря бескомпромиссному авторитету Николая Михайловича, как иногда осмеливались называть его старослужащие. Командиром он был строгим, но, как все сильные люди — доброжелательным. К тому же, как человек некурящий, он с иронией относился к вечно возникающей проблеме отсутствия курева.

Впоследствии, всего один раз, во время проведения долгих засад, по

сути блокирования троп, прочувствовав нежелание командира в очередной раз мокнуть бесцельно под проливным дождем, мне удалось уговорить его остаться в засаде на вторую ночь, используя один и тот же дувал — все же посуше, чем на голом месте. Тогда меня сильно удивило, что такой волк разведки, как Жирелин, не знает старую туристическую примету: если дым костра кружится — быть дождю. В этом явлении природы сомневаться и так не приходилось.

Командир, задумавшись, сидел, подгребая веткой головешки. Ему и самому явно не хотелось сниматься с места. Вольность разжечь костер не возле поста мы себе могли позволить по той причине, что, кроме засады, цель была играть роль своеобразного живца. Правда, за свою откровенную демаскировку через пару дней мы получили минометный обстрел точно по расположению засады, но все обошлось.

Тогда с другой стороны реки Кабул проходила армейская операция. Пехота и ДШБ ушли в наши дороги Черные Горы. Проводником пошел старший лейтенант Удовиченко, едва оправившийся от контузии.

Перемещающиеся банды должны были либо напороться на нас, либо попытаться напасть. В нашу задачу входило бить все перемещающиеся группы противника.

А сейчас был февраль с его откровенно холодными ночами, когда, лежа на камнях, думаешь об одном: «Когда же сниматься с места? С духами уж как-нибудь разберемся».

На первой дневке, недалеко от поста, охранявшего дорогу, было как-то скучновато. Два молодых лейтенанта, только что прибывшие на замену в роту, стараясь сохранять определенную субординацию, всячески использовали любую возможность проникнуться духом выдавшего виды боевого подразделения. Солдаты охотно рассказывали о боевых выходах, упоминая кроме успехов и ошибки, особенно что касалось случаев гибели ребят. Действительно, вникнуть в традиции батальона — первостепенная задача вновь прибывшего как залог выживания в коллективе, с которым ходить воевать.

Слово за слово, речь дошла до очень живой темы — Черных Гор. Дело в том, что в этой операции, за исключением нескольких человек, первая рота не участвовала, оставаясь в резерве. В самый тяжелый момент, 26 января, когда боеприпасы были на исходе, офицеры Николай Жерелин и Александр Мусиенко, взяв на себя два борта звена МИ-8 (под командованием Героя Советского Союза Александра Райяна), двух дерзких бойцов, в том числе Владимира Шелковникова, сбрасывали нам цинки с патронами. Рискуя жизнью, наши братья поддержали нас, как могли — шесть вертушкам не представлялось никакой возможности, поскольку и так навстречу простреливались пулями.

Расположившись в кружок, ребята и светловолосый лейтенант слушали мой рассказ о том, как все было.

— Двоечники они были! — вдруг ворвался в разговор непонятно откуда взявшийся Жерелин, когда я дошел до темы точной стрельбы духовских снайперов, клавших разрывные пули рядом с нашими головами, не давая выглянуть. И даже пробили мне шапку, когда я высунул ее на шомполе, проверяя их стрельбу на точность.

— Если бы стреляли как положено, то ты бы тут уже ничего не рассказывал, — добавил командир.

Спорить с ним я действительно не стал, понимая, что во многом высказывание справедливо: часто нам помогают чьи-то ошибки, хотя мазилами духов не назовешь.

С засады второй ночи вышли на дневку в заброшенный дувал. Перекусывали всухомятку. Группа старослужащих осмелилась сварить суп из пакетика на бездымном сухом горючем прямо в поддоне рации, за что получила от ошеломленного командира звание «вредители» и приказ немедленно отдрать запчасть и вернуть на законное место.

Во второй половине дня он, легко экипировавшись, взяв с собой связиста и пулеметчика, отправился «прогуляться» по окрестностям. Было приказано постоянно быть на связи. Честно говоря, осознавая возможность внезапного развития событий в данной ситуации, дерзость эту мало кто понял, но с командиром не поспоришь.

После возвращения, незадолго до темноты, Николай приказал выдвигаться. Обычно мы это делали под покровом ночи, а тут — такая поспешность. В дувале мы облюбовали старенькое ватное одеяло, на котором неплохо подремали днем. Расставаться со «спасительной» перинкой не хотелось, и я свернул ее в скатку. Ночью красный ватник никоем образом не выдал бы себя, благо и весил немного. А тут — такая демаскировка. Но рассчитывая на русский «авось» и выслушав предостережения Жерелина по поводу вшей, я не расстался с перспективой теплой подстилки, аргументировав свое решение заботой о мерзнувших боевых друзьях и наличием в медпункте ДДП (дезинфекционно-дезинсекционного прицепа).

Колонной, с дистанцией 2-3 метра, мы быстрым шагом выдвинулись в сторону возвышавшегося плато к предполагаемому месту засады. В это время бронегруппа находилась в двух-трех километрах от нас, как всегда, ожидая команды. На юге очень резко темнеет. Только мы взобрались на плато, как очутились под покровом совершенно безлунной ночи. Головной дозор ушел вперед метров на пятьдесят, буквально через несколько сотен

метров из темноты нам навстречу подбежал дозорный и, запыхавшись, сообщил, что впереди караван.

Жерелин резко скомандовал: «АГС!», — и рванул вперед. Рота — за ним. До склона плато было совсем недалеко. Взглянув в ночной бинокль, командир продублировал команду:

— АГС! Группа, на прикрытие!

Пулеметный расчет залег по направлению тыла, поскольку известно, что караваны идут с большой охраной, сопровождающей груз с флангов.

По команде мы открыли огонь в сторону проходящей колонны вьючных животных. Позиция для стрельбы была не очень удобной, поскольку мы стреляли сверху, и плотность огня, следовательно, создать было очень трудно. Большой вклад вносили два автоматических гранатомета, одним из которых орудовал Жерелин, предусмотрительно приказавший собрать их еще в дувале и нести прямо со станком.

Трудно было четко различать, что происходило внизу. Света от вспышек гранат и трассирующих пуль не хватало.

Зато «услужил» с подсветкой огнемечик, решив выстрелить по каравану из положения лежа. Пламя, вырвавшееся из заднего отверстия ствола, подожгло ему бушлат. Близлежащим стрелкам пришлось отвлечься и тушить огонь. Ощупав явно ошарашенного энтузиаста, я убедился в том, что ожогов нет, перезарядил магазин и продолжил стрельбу — совсем не хотелось оставаться в стороне от событий.

Выдав шквал огня, с подходом бронегруппы мы цепью, перепрыгивая через булыжники, стали быстро, но осторожно спускаться вниз, ожидая ответа группы охраны каравана. Но огонь последовал от своих. Пулеметчик, молодой солдат, сидевший на одной из подоспевших БМП, начал поливать броневойно-зажигательными пулями нас, перепутав с духами. Ночной бой этим и опасен. По счастливой случайности перед нами оказался естественный бруствер, за который мы и залегли. Очередь красных взрывов легла поперек буквально перед носом.

В ходе непонятной перепалки был ранен один боец, сидевший на броне. Пришлось пойти в темноте перевязывать ему простреленное бедро. Он мужественно держался, и после введения промедола даже закурил сигарету. Кровь была остановлена, и можно было присоединиться к прочесыванию рощицы. Между деревьями, за каждым из которых мог оказаться боевик, металась лошадь, груженная боеприпасами. Для поддержки рядом с пехотой двигалась бронегруппа, скрежежавшая гусеницами. Некоторых лошадей удавалось поймать за узду, правда, с риском попасть под их копыта. А некоторых, особо ретивых, приходилось валить из автоматов. Под

тяжелым грузом животные падали на землю, хрипели и ржали. Срезая реактивные заряды, ящики и тюки, мы загружали их на броню и продолжали прочесывание. Запахи крови, гусеничного масла, солярного дыма и пота перемешались, втягивая нас в азарт, помогая подавить чувство гиперосторожности.

Дело в том, что на этот раз, желая обмануть нас, духи повели караван не после наступления темноты, а до — рассчитывая на то, что мы немного опоздаем. Это-то и прочувствовал Жерелин. Высмотрев в бинокль во время прогулки духовскую «фишку», он вывел группу заранее. Но в момент обнаружения караван уже пересекал бетонную дорогу и головой заходил в расположенный возле нее кишлак Фарманхейль. Еще немного, и он бы полностью скрылся в темных улицах кишлака, ушел бы от преследования незамеченным.

Заходить в жилой кишлак среди ночи было нельзя — там мирные жители. Но для обнаружения остатков каравана или духовских групп нужно было осмотреть хотя бы окрестности. Через дорогу метрах в двухстах стоял большущий дувал, темный, как замок-привидение, подойти к которому можно было через огороды — совершенно открытое пространство. Мы выдвинулись цепью, перебегая метров по 15-20. Залегая в очередной раз, обнаружили морковную ботву и, несмотря на совсем не подходящую ситуацию, многие из нас стали выдергивать лакомство и, не прекращая наблюдения, лакомиться.. обтерев ее об рукав, не забывая, впрочем, засунуть пару морковин в карман в качестве гостинца для друзей в батальоне.

В результате, прочесав окрестности крепости, ничего мы не обнаружили и выдвинулись дальше вдоль «ниточки». На обочине лежала аккуратно сложенная стопка мешков. В них оказалась морковка, такая же крупная, как на огороде. С подъехавшей БМП предложили прихватить мешочек для приготовления плова. Дебатов по поводу того, заслуживает ли советский солдат немного свежего продукта и не обеднеет ли дехканин от подарка защитникам Апрельской революции, просто не возникало. Воришками, конечно, мы себя ощущали, и мешок был спрятан в десант, чтобы командир не увидел.

Вообще, приходилось для себя открывать некоторые очевидные вещи — вот так, без охраны лежит груз, и никто его не трогает. И это несмотря на повсеместные междоусобицы и мародерства со стороны банд. Значит, все же есть моральные устои у этих гордых афганцев!

А мы, подталкиваемые каким-то ребячьим азартом, все-таки их нарушили, оправдываясь трудностями солдатской жизни и опасностью своей службы.

Далее по дороге стояла «барбухайка» — грузовой автомобиль. Досматривая его на предмет скрывающихся духов или спрятанных боеприпасов, запрыгнув в кузов, Васька Васильев обнаружил ящики с яблоками, которые оказались тонкокожими пакистанскими мандаринами, что для нас было абсолютной невидалью. Это вызвало некоторое замешательство. Поскольку, если бы они оказались в караване, — трофей, святое дело. А вот так — мародерство.

Вдруг из темноты, как из преисподней, появился Жерелин.

— Чего тормозите? Бегом прочесывать, пока духи на переправу не ушли!

Второй раз повторять ему не пришлось.

Поскольку место возможной переправы оторвавшейся от нас части каравана располагалось за кишлаком, «работать» по нему из стволов БМП мы не могли. Связавшись с постом, находившимся в стороне, командир наводил его артиллерию на отмели реки Кабул. Снаряды разрывались за кишлаком и подожгли заросли камыша с той стороны реки. Огромное красное зарево залило прилегающие к берегу скалы. Зрелище было потрясающее! Огонь перекрыл все пути, шуму наделали по всей провинции, страху нагнали!

На удивление, у меня почему-то возникло желание вспомнить, что же со мной было раньше в такой же день. Я поделился с кем-то этой мыслью, и мы стали делиться воспоминаниями прямо на бегу. Я вспомнил, что два года назад мы с Димкой Косоглазенко бегали устраиваться на работу после окончания медучилища, дабы перед службой успеть набраться опыта на «Скорой помощи». А еще несколько лет назад я лежал в хирургическом отделении харьковской больницы, когда на сборах по фигурному катанию протаранил себе коньком ногу во время тренировки. Хотя и не в боевых условиях, но узнал, что такое фонтанирующее кровью ранение, оказание первой помощи. Вот именно тогда я и решил стать врачом, перестал бояться крови. Первый пример хладнокровного оперативного действия показали мои спортивные товарищи и тренеры.

Признаться, было очень интересно, что ждет тебя в этот день через год-два.

Завершив прочесывание, кое-как мы перекантовались до утра, многие почти не спали. С рассветом на броне выдвинулись досматривать местность. Одиночные лошадки разбежались по аккуратным возделанным огородам с красивыми грядками овощей, шикарными головками белокочанной капусты — всего того, что с таким трудом и любовью выращивали дехкане. Ситуация вынуждала нас бегать и ездить по всему этому, разрушая искус-

ственные террасы и давя капусту. На душе от этого было достаточно неуютно. Вспомнились рассказы бабушки о том, как во время войны танки шли по полям пшеницы.

Но не всегда мы хозяева обстоятельств. Красивые стройные лошади с трудом давали взять себя под узду. Но все же БМП наполнялись боеприпасами. Лошадей мы привязывали к бронемашинам, чтобы потом подарить крестьянам и ребятам на посту в знак благодарности за огневую поддержку. Но один красивый жеребец никак не давал даже подойти к себе. Пару раз ребята попробовали подстрелить его, целясь по корпусу одиночными калибра 5,45мм. Но животное только слегка подскакивало. На третий раз выстрелил Фарход из своего 7,62. Точно попав в область шеи, он заставил вьючное животное рухнуть.

— Фарход свое дело знает! — победоносно воскликнул стрелок, улыбаясь так, как будто хотел всем продемонстрировать отсутствие переднего зуба.

Спасти жизнь животному не удалось. Лошадь так и осталась лежать на огороде, может быть, на съедение даже жителям кишлака. Закончив играть в догонялки, мы выдвинулись к посту. Ребята были очень довольны подарком и сказали, что это будет их водовоз. Еще несколько лошадей мы подарили дехканам из совсем бедного кишлака.

У небольших населенных пунктов нам, как обычно, навстречу выбежали «бачата» и, протягивая руки, ждали «бакшиш». Прямо на ходу мы выбрасывали сахар, галеты, сгущенку, а они как воробушки налетали на гостинцы. Вокруг них поднималось облако пыли.

На подъезде к батальону мы традиционно остановились возле «Соловьиной рощи» и нарезали свежих эвкалиптовых веников. Радисты давно позвонили в батальон, чтобы банщик Витя Масловский топил парную — уж кто-кто, а мы ее заслужили! По крайней мере, сегодня.

Вот он — долгожданный поворот перед батальоном. Встречать нас вышли все. Даже комбриг, Юрий Тимофеевич Старов, прибыл с поздравлением. На удивление, никто нас не осматривал на предмет утаивания трофеев, что практиковалось особым отделом. И только взяв на проверку автомат у молодого связиста Чингиза Аталова, Старов лично передернул затворную раму. Патрон вылетел из патронника, что являлось нарушением безопасности, ведь разрядиться нужно было, не въезжая в батальон. Что сделаешь, эйфория победы. Солдат получил строгий нагоняй, вполне справедливый.

Что может быть приятнее, чем париться в бане с чувством выполненного долга! Делить, конечно, нечего. Но! Этот результат пошел в зачет и нашему небольшому медицинско-боевому подразделению.

«КУНАРСКИЙ ДУПЛЕТ»

О боевых выходах можно писать очень много. Ведь это не просто цепь сменяющих друг друга событий правильных или ошибочных с точки зрения военной тактики, это и переплетение человеческих переживаний, сливающихся в один конгломерат, являющийся такой энергией, которая определяет успешность действий, охраняет и вразумляет нас.

Расскажу об одном из наших выходов на реке Кунар.

Было это 11 января 1987 года. Нужно отметить, что этот период года в субтропическом климате Афганистана весьма обманчив. В ясную погоду днем можно даже позагорать, но только солнце за гору, как начинается холодина. Пока двигаешься, нагруженный как караванный мулл, да еще в гору — хорошо, свежо, но когда доходит дело до засады — тут-то вспоминаешь о горячей русской парной, печке и огромном самоваре с чаем, который стоял в буфете аэропорта Внуково в Москве.

Подстегнутые воспоминаниями о бое в Даринурском ущелье буквально 3-4 дня тому назад, мы подзатарились боеприпасами без поблажек для себя. У разведчика все должно быть компактно, но, к сожалению патроны, гранаты и средства минирования уж очень хорошо весят и с каждым километром хождения, особенно в горах, их ощущаешь все реальнее: на плечах тянут ляжки от РД¹, шея и затылок начинают ныть от напряжения, а ногам все тяжелее разгибаться выталкивая вверх все это добро. Надеяться на «комфортный» ночлег в заброшенном дувале или на кладбище, где во время засады еще и спрячешься среди могил от ветра, приходилось мало. А посему, кроме свернутых плащпалаток, к рюкзакам плотно привязывались бушлатки и даже зимние шапки. Холод — не тетка, особенно ночью на ледяных камнях, когда выискиваешь, будучи обтянутым нагрудником с магазинами и гранатами по бокам, положение тела, как-то сохраняющее тепло. Ведь даже ногу стараешься не сгибать, чтобы в штанах сохранялась мало-мальски воздушная подушка, изолирующая от нагло проникающего, в тебя ветра.

Командир роты, Николай Васильевич Пархоменко, не позарился на «теплый» спальный мешок разведчика — нового, экспериментального образца, с надувным матрасиком, в котором он две недели назад замерз почти до состояния сосульки (мешок изготовили из прорезиненной ткани). Гораздо роднее ему была трофейная пакистанская куртка с огромным карманом на половину спины. Нужно сказать, что, учитывая ситуацию полевых условий службы, к счастью позволялись довольно значительные отклонения от

¹ Рюкзак десантника

уставных стандартов обмундирования. Кроссовки, легкие ботинки (пакистанки) на каучуковой подошве, являющиеся особым показателем «борзости» и достатка, вязаные шерстяные носки-гетры до колена, одевавшиеся поверх горнозимних штанов, а порой и национальные афганские головные уборы, сотканые из шерстяной ткани — каждый, как мог, приспособился к жизни поудобнее.

Каждый народ столетиями адаптировал свой быт, одежду, питание, режим и характер поведения под климатогеографические условия проживания для обеспечения наибольшей их физиологичности. Этот опыт перенимали и многие из нас. Не избавлен был от этой преемственности и заместитель командира роты старший лейтенант Удовиченко. Наряду с несменной светло-песочной прыжковой и таким же светлым беретом, видом которых он, совершенно сознательно щекотал нервы духов и дразнил их снайперов, обращая на себя особенное внимание. Он носил национальную шерстяную накидку, которой укутывался, совершенно заправски, ограждая себя от ночного холода. При необходимости она могла служить и своего рода камуфляжем, сбивая с толку противника.

После постановки на плацу боевой задачи, рота расселась по БТРах, согласно заранее купленных «билетов»: кто в люк; кто на башню, уверенно расставив ноги по обе стороны КПВТ¹ и уложив на бедра «брат-автомат», ставший для нас в тот период неотъемлемой «третьей рукой»; кто на борт брони, облокотившись на башню боком и подложив под пятую точку подстежку от бушлата, спасающую от холодной брони зимой, и от неё же, только раскаленной как сковородка, летом; кто-то ненадолго в десант, пока проезжаем относительно безопасную зону по бетонке. Вообще-то во избежание перспективы быть размазанным по стенкам бронемашин при подрыве на mine или попадании из гранатомета все ездили на броне, но, надеясь на русский «авось» и Господа Бога мы, конечно же, иногда позволяли себе расслабухи, особенно при сильной усталости, когда чувство опасности несколько притуплялось.

Затянувшись сигаретой без фильтра, а «Смерть на болоте»² считалась сверхсигарой, и помахав рукой провожающим, мы выехали из родного батальона и, развернувшись через поворот, выведивший на трассу, ведущую на Джелалабад, недвусмысленно понимая, что это может быть и в последний раз, мы проводили взглядом наши казармы, медпункт и КПП, на всякий случай с юмором и дружескими «подкальваниями» от БТРа к БТРу. В этих шутках-прибаутках мы топили страх смерти и укрепляли до прочности

¹ Крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый.

² «Охотничьи».

булата наше боевое братство и, несмотря на внешнее показушное соперничество подразделений нашего относительно маленького боевого семейства, выработывали готовность положить жизнь свою за брата боевого. Быть может именно для этого, для понимания не генетического, а духовного родства нас Господь и собрал там.

В общем, вдыхая очередные килограммы пыли и ставших родными выхлопных газов от впереди идущих БТРов, рота унеслась. Слева по борту пролетела «Соловьиная роща» — сады цитрусовых гибридов (любим мы русские везде давать свои названия), затем аэродром и, как всегда, по дороге на Кунар въехали в центр Джелалабада.

Две основные улицы сходились к центральной площади, шумевшей не столько восточной речью, сколько национальной музыкой, лившейся из дорогих «дуканов», торговавших японской аудиоаппаратурой. «Дуканы¹» сменяли один другой, располагаясь впритирку и деля общую стенку, в очередной раз, подчеркивая контрастность восточного города: швейные изделия из Индии и Пакистана, а, порой, сшиваемые и прямо на месте на швейных машинках мастерами мужчинами, сидящими по-турецки, чеканные мастерские и полки с украшениями, мини-пекарни, пахнущие свежеспеченными лепешками. Они же, напичканные пачками печенья, орешков, бутылочками с напитками и, конечно, же, диковинными в то время жестяными баночками с пивом и водой «Фанта», «Кока-кола», «Сиси», всегда бывшие мечтой и символом престижности для солдата, увешанные вареными джинсами и ботинками, женскими платочками и всякой прочей всячиной. И чем ближе к центру, тем дуканы были богаче, тем дуканчики вальжаннее, тем больше блеска и красок. А вокруг шныряют люди, все что-то тащат, даже мало обращают внимания на ставшую довольно привычной военную технику. Мужчины иногда помахивают нам рукой, детвора при любой остановке подсказывает, чуть ли не под самые колеса, и удивляет знанием русского языка, выдуривая какой-нибудь бахшиш², а женщины, прикрывая нижнюю часть лица платком и отворачиваясь от нас, спешат в другую сторону. На удивление нашему стереотипному представлению о Востоке, женщины в парандже встречаются редко.

В общем, город жил своей жизнью, абсолютно ничего не напоминало в нем о продолжающейся уже который год войне, для погружения в которую нужно было удалиться совершенно недалеко.

После поворота направо от площади, броня довольно быстро оставляла позади пестроту и шум, проскочив скромные все больше серо-коричне-

¹ Магазины.

² Подарок.

вого цвета кварталы, выкатилась на бетонку, и только гул моторов и привычные пейзажи вокруг.

Командир роты Николай Васильевич Пархоменко, очень гордившийся своими густыми черными усами и поэтому взявший позывной в эфире «Гусар», надел свою «говорящую шапку» и чем дальше, тем серьезнее отдавал какие-то указания. Да, все «гусары» как-то постепенно начинали серьезнеть, выезжая на просторы знакомой Кунарской долины, обставленной по бокам высокими горами, которые наблюдали за нами и как бы себе говорили: «Сколько мы всего перевидали за свою жизнь! И до вас, сколько было, да и после вас все останется здесь по-прежнему».

На этот раз, что было достаточно редким явлением, сзади нашей небольшой колонны тянулись две МТЛБешки¹ с пушками Д-30 на прицепе, не даром прихваченные в эти места.

Съев положенную порцию пыли и припудрив лица ею же, мы благополучно приближались к предполагаемому месту стоянки брони и артиллерии на берегу реки. Сама же рота выдвинулась вниз по течению, чтобы, перебравшись на левый берег Кунара через мост опять подняться параллельно расположению брони для возможности обеспечения огневой поддержки. Выписывая зигзаги между разбросанными темными, видать безжизненными дувалами, броня в уже практически полной темноте направлялась к месту высадки, и мы были уже в полной боеготовности, ведь нужно было еще протопать немало километров для организации засады в месте предполагаемого передвижения караванов. Но вдруг, совершенно неожиданно шедший перед нами головной БТР остановился. К нам подбежал командир группы минирования капитан Александр Кирилин и быстро вполголоса рассказал, что впереди по дороге ускакали два всадника на верблюдах. Скрыться в темноте им не представлялось сложным, а капитан, кроме как из пистолета с глушителем ни из чего огонь открывать не стал, чтобы не демаскироваться. Зажечь фары не представлялось возможным.

«Верблюд, верблюд» — вдруг сказал Удовиченко, бросив взгляд в сторону. В свете луны, едва пробивавшейся через ночные тучи, действительно проглядывались очертания одногорбого верблюда. «Гусары, к броне» — громким шепотом скомандовал Пархоменко. Горохом простучали подошвы, лягнуло оружие у нерадивых. Две группы автоматически остались возле брони прикрывать тылы, поскольку никогда нельзя исключать возможность хитрой уловки противника, достаточно поднаторевшего в этом и хорошо знавшего тактику спецназа. Тем более что многие полевые командиры моджахедов выпускники советских военных училищ. Двумя же други-

¹ Многоцелевой тягач линейный, бронированный.

ми группами мы, полусогнувшись, быстрыми перебежками, рванули в сторону выючного животного. Несмотря на противное волнение, возникшее от внезапной ситуации, я, стараясь не спотыкаться о камни, держался параллельно Удовиченко, уследить за которым было очень сложно. Со стороны он напоминал незаметно подкрадывающегося змея. Наверное, именно поэтому, а не только в связи с созвучностью фамилии, за глаза его называли Удавом. Казалось, что глаза его блеснули в темноте, когда мы увидели, что верблюд навьючен РСами¹. Но верблюд был не одинок, рядом беспорядочно стояли еще несколько мулов, тоже нагруженные РСами и другими боеприпасами. Мы, стали хватать боевой «результат», растерявшийся без караванщиков, ускакавших на верблюдах в спешке сбросив с них багаж, который мы потом тоже обнаружили на дороге. Рядом Миша Бондарев, с каким-то ребячьим азартом пытался в темноте разгрузить мула, а мул которого прихватил я, вдруг упрямо куда-то побежал, зацепившись РСами за ремень моего автомата. Несколько растерявшись, я пытался тянуть его в обратную сторону, прекрасно понимая, что если не удержу оружие — придется гоняться за этим упрямым животным в темноте. Перспектива не устраивала, но по силе я явно уступал мулу в несколько раз и стал звать кого-нибудь с ПБСом².

Ситуацию спас командир роты. «Гусар» выпустил три пули в горло мулу. Тот остановился, с пол минуты громко хрипел, выплевывая кровь горлом, и рухнул на бок, как подкошенный.

Скажу честно, мне всегда было жалко животных, которых мы вынуждены были убивать. И с годами все меньше и меньше нахожу оправданий даже вынужденному убийству. Скорее всего поэтому я и не стал охотником.

Пока мы разбирались с трофеями, переводчик Андрей Соколов общался с почему-то не успевшим сбежать, проводником. Это был карлик лет сорока. К разговору еще подключился таджик Сафар, а командиры все подсказывали, что нужно выяснить у пленного. Но тот, сложив по-мусульмански ладони перед грудью, испуганно твердил «Дус, дус», что означало: «Мирный, мирный».

Похоже, ничего толком не выяснив, решили двигаться дальше, то ли в погоню, то ли на продолжение выполнения задачи. Но, проехав совсем немного, БТРы уперлись в подножье плато, возвышавшееся впереди. Дорога шла дальше между обрывом под плато справа, и молчаливо текшим Кунаром слева. Нужно было спешиваться. Как-то получилось, что техника сама себя подперла, и долго не могла развернуться и разъехаться, а нави-

¹ Реактивный снаряд.

² Прибор бесшумной стрельбы.

савший край обрыва не сулил ничего хорошего, потому что какая-нибудь боевая группа, вдруг оказавшаяся на нем, была бы для нас в практически полной недосыгаемости. Мы оказывались в весьма невыгодном положении снизу.

Но, слава Богу, водители разобрались с ситуацией, и мы снова запрыгнули на наших «коней». Вася Андриющенко, высокий крепкий винницкий парень по прозвищу «Хихил» (хохол), почти на вытянутых руках поднял пленного караванщика и протянул мне — я уже сидел на БТРе. Одной рукой взяв его за шиворот, я буквально закинул «соловья-разбойника» на броню, как-то автоматически вспомнив фильм-сказку знакомую с раннего детства.

Отъехав немного в сторону, мы опять спешили и после короткого обсуждения командирами плана действия в ситуации «засветки», все-таки выдвинулись по заранее намеченному маршруту.

Основная группа шла по дороге славшейся под крутым обрывом. Сверху на плато двигалась параллельно нам 4 группа прикрытия под командованием лейтенанта Сергея Суковатого. Эта группа была своего рода «тяжелой артиллерией» — в наличие имелись огнеметы «шмель», куда более авторитетные, чем какая-то там «Муха» (одноразовый гранатомет).

Шли очень быстро, едва поспевая за идущими налегке четырьмя ХАДовцами¹, изначально державшимися впереди на предпочтительном расстоянии так, что их в темноте не было и видно. Двигались относительно недолго, как вдруг Удовиченко приказал сделать остановку, видимо почувствовал что-то своим профессиональным чутьем. Присев, он посмотрел вперед в ночной бинокль, ожидая увидеть там ХАДовцев. Но даже в слабом освещении по его лицу можно было понять, что увиденное расходилось с ожидаемым. «Духи, духи!» — было одновременно и оповещением, и командой. В то время как хвост группы еще не успел понять к чему суета впереди, а шума нет, мы рассыпались кто куда, почти наощупь выбирая себе стрелковые позиции. Обычно на боевом выходе глаза как крутящиеся локаторы постоянно ищут укромные места на случай внезапного поворота событий. Эта привычка еще долго преследует даже после службы, но в данной ситуации все произошло настолько внезапно, что несколько секунд замешательства и неразберихи в группе все-таки были допущены.

— Четвертая группа огонь! Четвертая группа огонь! — командовал Удовиченко по радию. Но какие-то секунды нужны были и группе прикрытия. А лишнего времени не было ни для ожидания огня сверху, ни даже для

¹ Сотрудник афганских спецслужб.

лишних команд. Поэтому «огонь!» скомандовал АКС Геннадия Викторовича, несколько оглушая мое правое ухо, поскольку заняли стрелковые позиции мы за практически рядом торчащими на обочине дороги камнями. Вслед за первыми автоматными очередями головная часть отряда подключила за нескольких секунд всю огневую мощь и создала достаточно высокую плотность огня, а затем, хоть и с опозданием, прозвучала и «тяжелая артиллерия» группы Суковатого. На дороге взорвался напалмовый шар. Впереди меня особенно старался молодой пулеметчик Серега Узюкин. Парень так усердно выписывал стволом своего пулемета, что очереди уходили либо вверх «по самолетам», либо туда же, но отрекошетив от лежащих впереди камней. Войдя в раж, он слишком высоко поднимал голову, и мне пришлось стукнуть кулаком его по ноге и, перекрикивая грохот автоматных очередей приказать ему лечь. Я боялся зацепить его.

Из-за внезапности вся рота расположилась не как на засаде фронтом, а вдоль. Стрелять было неудобно, а тут еще и у меня самого вышла неполадка, на третьем магазине застрял патрон в патроннике. Пришлось выбивать крепко заклинившую затворную раму и практически наощупь производить неполную разборку и сборку автомата. Все бы ничего, если бы не вывалившийся на камни затвор. Слава Богу, затвор я нашел быстро.

Рота короткими перебежками передвигалась вперед, ожидая ответного огня моджахедов. Как оказалось, навстречу нам шла целая группа около тридцати человек, скорее всего, информированная усакавшими погонщиками.

Духи не рассчитывали на то, что спецназ после взятия каравана выдвинется дальше, и встреча с нами для них была полной неожиданностью. На том месте, где мы застали банду, оказалось несколько луж крови и несколько «выстрелов» от гранатометов, выроненных уходящими духами.

Нужно отдать им должное: ни одного убитого или раненого они не бросили. Ни выстрела в ответ. Ушли в темноту, буквально растворившись в камнях кювета дороги, достаточно грамотно оценив невыгодность своего стратегического положения.

На ум приходят стихи орденоносного командира-спецназовца Владимира Кошелева:

— Дай мне, Боже, достойных врагов...

Чтобы отрезать отход банды, расчет АТС обстреливал предположительные пути ее отхода. На темной горе я увидел мигающий в кодовом режиме фонарик (один из технических способов общения у духов) и указал

координаты Удовиченко, ребята со второй же попытки накрыли духовскую «фишку», находящуюся на более чем предпочтительном расстоянии от нас, проявив вершину стрелкового мастерства. Ведь в такой темноте стрелять можно только, что называется, с бедра — не прицеливаясь.

Пока Гусар по радию наводил оставшуюся на той стороне Кунара артиллерию, так, кстати, присоединенную к нам и заметно пощипавшую отходившую банду, Сафар внимательно осмотрел местность и, вынырнув из темноты, хитро улыбаясь и прищуриваясь своими восточными глазами, протянул Удовиченко уникальный трофей: телефон-рацию размером с современный мобильный.

Затем рота начала отходить назад по дороге для возвращения на броню, да и в целях безопасности. Обрадованные возможностью «поработать» артиллеристы так увлеклись, что кляли «огурцы», один за одним, уже прямо возле нас. Бронегруппа не могла поддерживать нас огнем, поскольку находилась не сбоку, а далеко сзади, зато быстро доставила нас на ту сторону реки, где стояла наша помощница артиллерия.

— Ну и войну вы там устроили! — восхищенно сказал невысокий парнишка-артиллерист.

— Ну, дак... — отвечали мы.

Мы действительно чувствовали себя победителями, волками спецназа. Это и связало нас на долгие годы. Именно чувство братства и через двадцать лет толкает искать друг друга, писать, звонить, встречаться по всему бывшему Советскому Союзу. И не имело значение, сколько РСов и цинков с патронами мы взяли и как разложили их утром на дневке для фотографирования. Мы уже знали, что в нас они не выстрелят, и небрежно резали на них картошку. И даже не то, что в батальон мы приехали героями недели с хорошим двойным результатом, а то, что чувствовали себя боевыми братьями.

Но!..

Вы славе нашей не завидуйте,
Пусть дарят девушки цветы порой,
Быть может завтра в темноте ночной
Заклинит автомат и магазин пустой...

Объединили нас и наши погибшие товарищи.

Оглядываясь назад, вспоминаю, что после того выхода минеру Васе Кабанову из Свердловска оставалось жить всего шесть дней. По нелепой случайности он погиб одновременно с офицером первой роты старшим лей-

тенантом Игорем Семенным. А еще два минера: Валера Фрунзе и Вадим Ведмедь, выполнив свой военно-профессиональный долг, закрыли ребят собой при подрыве той злосчастной мины. Серега Яцковский из Днепропетровской области погиб еще через десять дней в черных горах, когда группа обезвреживания огневых точек на укрепленном районе попала под огонь снайперов, и командир группы Удовиченко вытаскивал ползком Серегу из-под пуль, привязав ремнем к своей ноге. А потом еще целый день, после того, как мы с Андреем Глининым поднялись на высотку к группе для помощи в эвакуации Сереги и раненых, пришлось держаться вплоть до команды Удовиченко:

— Приготовить гранаты! Покажем, как умирают советские десантники! Подпускать вплотную!

Мы не имели права оставлять высотку, которая прикрывала «гусаров», тоже зажатых со всех сторон. А группа Александра Мусиенко, рискуя заживо сгореть в простреливаемых вертушках, проносясь над нашими головами, сбрасывала нам боеприпасы, подобрать которые под пулями было невозможно. А МИ-24 неоднократно прилетали поддерживать огнем, то, оглушая ревом моторов и свистом лопастей, то, забрасывая отстреливающимися из скорострельной пушки гильзами, каждая из которых, попав в голову, могла просто убить.

Дорогие наши «Пчелки» и «Шмели»! Дорогие «Коровы» и «Крокодилы»! Низкий поклон и светлая память всем кто не дожил. Вы даже себе не представляете, насколько легче становилось на душе только от мысли, что кто-то, совсем незнакомый, рискуя собой, спасает тебя. И как я ругал себя за нерешительность или ложную скромность, из-за которой во время возвращения батальона с Черных гор и остановки колонны возле аэродрома, не настоял на том, чтобы нарушить заслуженный отдых летчиков и отблагодарить их уже не в эфире, а обняв по-братски.

Всего за время моей службы батальон потерял тридцать одного человека убитыми. Каждая смерть заставила нас остановиться, о чем-то задуматься. Каждый раз что-то шевельнулось и дрогнуло в душе. Ведь каждый знал, что может быть следующим.

Афган не закончился в момент пересечения границы. Он будет продолжаться всю жизнь. Ведь мы обязаны прожить ее за ребят вдвойне: вдвойне любить, вдвойне прощать, вдвойне радоваться, служить Богу.

Время разбрасывать камни и время их собирать, время воевать и время строить храмы, время геройствовать и время смиренно молиться за спасение души и упокоение душ тех, кто не дошел.

ОХОТА НА «STINGER»

В 1986 году по всем боевым подразделениям ограниченного контингента прокатилась информация о необходимости захватить несколько образцов ПЗРК «Stinger» для расшифровки конструкции. Срочно нужно было найти «противоядие» от этой дьявольской ракеты, которая, в отличие от своих предшественниц, улавливала летательный объект не только по теплу от мотора, а и по звуку. Если до этого «СТРЕЛУ» можно было обмануть с помощью тепловых магниевых ракет, отстреливаемых из кассет, располагавшихся в хвостовой части самолета или вертолета, так называемых ловушек, то теперь все обстоит гораздо серьезнее. Чаще стали приходиться сведения о потерях у летчиков, больше стали сбивать самолеты с пассажирами и вертолеты с десантом. Летать стало еще опаснее. В Кандагаре, во время вылета на задание, погибли сразу две группы спецназа, а в декабре на маршруте перелета между Джелалабадом и Кабулом был сбит самолет Ан-26, в котором погиб лейтенант Валерий Бондарев из нашего батальона. Также в зоне нашей ответственности были сбиты два вертолета, на обратном пути на базу, после высадки десанта. Поэтому захват «Stinger» стал делом чести для разведчиков. Кроме того, командование пообещало за каждую трофейную ракету награждать высокими правительственными наградами. Особого ажиотажа не было, но между подразделениями развернулось негласное состязание — кто же первый? Естественно, что к захватам групп моджахедов, у которых, по сведениям разведки, были ПЗРК подходили с особой тщательностью. Все понимали, что руководили ими опытные полевые командиры, окончившие военные институты в Союзе и прекрасно знавшие тактику спецназа. Одним из таких специалистов, не побоюсь этого слова был, орудовавший в зоне ответственности нашего батальона некий инженер Гафар (Гафур), на счету банды которого была не одна наша «вертушка» и самолеты. Дорогостоящие «Stinger» себя действительно оправдывали. Именно по этой причине духи тоже с особой ответственностью относились к охране этих боеприпасов.

В один из зимних дней первая рота была на боевом выходе в районе Шахидана, где батальон вел почти постоянное боевое дежурство (засады, досмотры), 2 заступила в суточный наряд, 3 «Гусарская» занималась текущими делами, находясь в боевой готовности, что было обычным делом. Тревога ждать себя не заставила. Известие о срочном выходе принес в медпункт наш старшина — старший прапорщик Чертолин Сан Саных. Его

зычный голос был слышен через весь коридор. Открывая дверь своей каптерки, он крикнул:

— В Мангвальском ущелье афганскую вертушку сбили. Стокич, через 15 минут выдвигайтесь с 3 ротой!

Как обычно, водитель нашей МТЛБ Леша Голосов без предупреждения побежал в казарму группы связи, где в ружпарке хранились наши автоматы, получить мое табельное оружие. Быстро закончив текущую перевязку, я вылетел в коридор, где уже стоял санитар Леня Красулин с амуницией. Влезая в спортивки, свитер и горно-зимний костюм, мне приходилось слушать его вечные дружеские ворчания. А тут еще: «Канне-е-е-шна, в жопу военный на войну собирается! А старый прапорщик должен порядок в санчасти блюсти!» — раздался голос Сан Саныча из каптерки. Как всегда, с видом старшего наставника, имевшего за плечами десятки боевых выходов, он вынес нагрудник с магазинами, как бы давая свое старшинское благословление. Нагрудник на спине затянул Саня-Казах. Как надо, на выдохе, чтобы не болтался и не гремел. По ходу экипировки Вася Галушков заставлял меня запихиваться «на дорожку» куском хлеба и кофейным напитком со сгущенкой — так он выражал свой протест против несвоевременных оздоровительных голодных дней, которые я себе иногда устраивал. Не успев получить сухпай и не угостив заботливых товарищей традиционными шоколадками, я прыгнул на БТР управления ротой, которая полностью была готова выдвинуться на аэродром.

Десять километров пути до аэродрома промелькнули незаметно. А на месте произошла некоторая заминка. У летчиков хватало работы: нужно было успевать обслужить машины, заправиться, перезарядить боекомплект. Да и люди не двужилыны. Каждый вылет — героический подвиг, когда боевая машина является совершенно неприкрытой мишенью, и приходится зачастую уповать не только на удачу и мастерство пилотов, но, прежде всего на Господа Бога. Психическая нагрузка у «летунов» была запредельной. Никто не удивлялся тому, что частенько от них попахивало перегаром, особенно если в течение суток это был далеко не первый вылет.

Нужно признаться, что особого желания выдвигаться воздухом в ущелье, где только что сбили вертолет, мы тоже не испытывали. Тем более, все понимали, (хоть никто это и не говорил), что высадка группы играет роль своего рода приманки и провокации для моджахедов. Задача — «засветить» и уничтожить боевиков.

Последовала команда посадки в вертолеты. Нужно выло распределиться по трем МИ-8, каждый взвод в свою машину. Обычно старались распределяться не больше, чем по восемь человек, с целью безопасности.

На случай если вертолет подбьют, так больше шансов выскочить из горящей машины, если получится сесть. А если нет, то меньше гибелей. Такой уж расчет на войне! Но в этот раз десантников было немного больше и перед посадкой быстро решали, с кем и в какой вертолет садиться минерам, второму связисту и мне.

Распределились. В десантном отсеке нас оказалось девять. Чтобы скоротать ожидание и разрядить некоторое напряжение, шутили, кто-то рассказывал анекдот, Вовка Сидоренко что-то вспомнил из своей школьной жизни. Он вообще любитель шуток, а для комментирования их ему всегда хватало фактуры и голоса. Но, несмотря на все его усилия смеяться, как-то не получалось. Капитан Мельничук, замполит роты, давал указания по порядку высадки. Старший лейтенант Удовиченко ожидал летчиков на бетонке. Как командир группы, он всегда перед вылетом приветствовал экипаж.

Летчики залезли в вертолет, дыхнув в салон перегарчиком, поспешно надели парашюты и запрыгнули на свои места. Чуть замешкавшись, в кабину пилотов влез стрелок. Сухощавый, с черными усами и небольшой щетиной, он выглядел очень усталым. Было понятно, что это был далеко не первый вылет в течение дня. Работа на износ требовала «русского допинга», ситуация оправдывала средства и способы снятия напряжения. Крайним впрыгнул в вертолет Удовиченко и занял свою обычную позицию, закрыв дверь наполовину. Теперь нас стало тринадцать — счастливое число, охранявшее меня весь период службы в Армии. Загудел двигатель, засвистели винты и под: «...ь ту Люсю», донесшееся из кабины летчиков, с разбега вертушка оторвалась от земли.

На большой скорости винтокрылая группа барражировала над землей. Перелетев через реку Кабул, караван из трех «коров» и двух «крокодилов», по-джентельменски сопровождавших менее защищенных «дам», потянул вдоль долины Кунара, пересекая одно за другим ущелья, спускавшиеся поперек его русла от огромного многокилометрового хребта, тянувшегося от самого Асадабада вдоль реки.

Подлетев к долине, где располагался одноименный кишлак Мангваль, вертолеты начали облет, чтобы обнаружить сбитого «афганца». Удовиченко прикрыл дверь, что означало повышенную опасность и предполагало состояние нервного напряжения и боевой готовности. В этот совершенно не подходящий момент я вдруг вспомнил, что совершил просчет: забыл загнать патрон в патронник, а никто никогда не знал, какие ситуации поджидали в следующую секунду. Решил тут же, под прикрытием шума, передернуть затвор автомата, надеясь, что все заняты своими мыслями, и никто не заметит моей безалаберности. Не тут-то было! Тут же получил короткую

словесную оплеуху от Мельничука, естественно, вполне заслуженно. А ситуация ждать себя не заставила. Примерно за минуту до этого летчики с целью безопасности включили отстрел «ловушек», все-таки не на прогулку летели, а в гости к Гафару. Через иллюминаторы некоторым из нас были видны вылетающие из хвоста нашего и других вертолетов горящие белым пламенем и оставляющие за собой длинный шлейф шарики тепловых ракет. Вдруг мы услышали сильный хлопок за бортом. Звук двигателя резко затих, а наши задницы одновременно оторвались от сидений. По выражению лиц сидевших напротив ребят было件нятно, что все испытали одинаковое неприятное чувство, когда душа немножко опускается вниз, а внутренности подпирают к горлу. Кто-то закричал: «Пуски!» Несколько секунд падавшая в режиме инерционного вращения винтов вертушка опять резко подхватила нас и начала выделывать виражи, явно отклоняясь от чего-то. Как впоследствии оказалось, по нашим вертолетам было сделано 3 пуска ракетами. Одна из них, не попав в цель, самоликвидировалась в воздухе. Другая — врезалась в скалу, а третья поймала одну из тепловых ловушек. Благодаря этому вертолет остался цел.

Мы стали резко приближаться к каменистой поверхности земли. Из кабины летчиков, как черт из табакерки, выскочил стрелок со словами: «А теперь быстро на выход!» «На высадку!» — продублировал Удовиченко и первым выполнил свою же команду. Один за другим мы стали выпрыгивать. Высадка осуществлялась несколько сумбурно, и мы в прямом смысле, помогали друг другу вылетать в дверь. Из-за неровной посадочной поверхности и для сохранения состояния зависания в воздухе (так легче потом взлетать) вертолеты зависали над землей, выпрыгивать приходилось с достаточно большой высоты. По полной боевой загрузке это тяжело, особенно пулеметчикам и гранатометчикам. При попытке передать станковый гранатомет кому-то из ранее высадившихся ребят его чуть не уронили прямо на голову, а с высоты это ничем хорошим не закончилось бы. На самом деле все старались поскорей поки-

*Командир группы спецназа
старший лейтенант Дидык
Александр Александрович*

нуть вертушку, чтобы дать летчикам уйти. При высадке нужно было быстро отбежать на безопасное расстояние, ведь винты вращались с огромной скоростью в радиусе шести метров, да и если вертушку подбивали, то горела она — будь здоров. Помогало то, что ветер от винтов подгонял в спину. Отбежав на предпочтительное расстояние, мы падали на боевую изготовку, ногами в сторону вертолета. Недалеко от нас также десантировались группы Александра Дидыка и Юрия Бурлаки. Во время нашей высадки «двадцатьчетверки» обрабатывали НУРСами точки в горах, из которых были произведены пуски.

Стебли травы, пучками торчавшие между камней, пригибались волнообразно, создавая эффект морского наката. Высадив нас, вертушки, одна за другой на предельно низкой высоте ушли вниз по ущелью, в сторону долины Кунара. После рева моторов, свиста лопастей, песчаной пурги наступила

Командир 3 роты капитан Пархоменко Николай Васильевич с захваченным «Стингером»

давящая пронзительная тишина, и только отдаляющийся гул напоминал о произошедшей передрыге. Нужно было срочно уходить, поскольку группа была засвечена. Поле обзора вокруг нас было достаточно широким, и мы были не очень досягаемы для стрелков-моджахедов, которые находились на более выгодных позициях. В скорости, как бывает только на востоке и юге, мгновенно наступили короткие сумерки, и затем нас поглотила темнота. Всю ночь мы, как волки, бегали по ущелью, надеясь столкнуться с духами и уничтожить их группу.

Но Гафар затаился. Только под утро, забравшись на один из хребтов, мы пару часов вздремнули, засев между камнями. На рас свете долго спускались по

хребту горы вниз, осматривая окрестности вокруг себя в надежде обнаружить сбиту афганскую вертушку, судьба которой оставалась неизвестной. В долине нас ждала бронегруппа 3 роты. Можно ли считать выход безрезультатным — вопрос спорный. Духи выпустили три ракеты, которые уже никому не повредят. На нашу удачу это были не «Stinger». «двадцатьчетверки» пронурсировали огневые точки банды и, по-видимому, нанесли ей урон. Первыми два «Stinger» захватили разведчики шахчжойского батальона. Честь им и слава! Почти через год после нашего выхода 3 рота под командованием командира Николая Васильевича Пархоменко взяли седьмой и восьмой «Stinger». Многие из нас к этому моменту уже заменились или уволились в запас. Некоторые ребята погибли в боях. Светлая им память! В очередной раз мы убедились, что число 13 было для нас, вопреки сложившемуся мнению, счастливым. Уже потом, через несколько лет я узнал, что оно символизирует Иисуса Христа и 12 апостолов. В том выходе, я думаю, каждый из нас был под защитой Господа Бога и ангелов-хранителей. Ведь дома обо всех нас молились и ждали!

АЛИШАНГ¹

В ночь с 12 на 13 марта 1987г. разведотряд специального назначения в составе двух рот совершил двенадцатикилометровый пеший марш и, переправившись вброд через реку горную реку Алишанг, вышел к окраине одноименного с рекой кишлака. Всю ночь шел проливной дождь, закончившийся только перед рассветом, и нам удалось незаметно подойти к самому кишлаку. Разведывательный отряд в составе 1 и 2 роты 334 оо СпН блокировал кишлак, в котором располагалось бандформирование вооруженной оппозиции численностью около 30-40 человек, исламский комитет (штаб) и склад боеприпасов. Больше всего нас интересовал склад со 107-мм реактивными снарядами, которые, по имеющимся сведениям, были доставлены в Алишанг грузовиками накануне и предназначались для обстрела Мехтарлама — административного центра провинции Лагман.

Разведчики-минеры установили у брода (на путях вероятного отхода моджахедов) два комплекта неконтактного взрывного устройства НВУ-П «Охота» (10 осколочных заградительных мин ОЗМ-72). С рассветом духи, чьи наблюдательные посты находились по периметру кишлака, заподозрили неладное и выслали двух дозорных. Душки, не обнаружив нас, прошли мимо. Я, заместитель командира 1 роты, сообщил о них командиру 3 разведывательной группы специального назначения, которая располагалась на левом фланге 1 роты. Дозорных разведчики уничтожили бесшумно из 7,62-мм автомата АКМСЛ оснащенного прибором бесшумной и беспламенной стрельбы ПБС-1. Но моджахеды, следившие за действиями своих дозорных, открыли беспорядочную стрельбу.

Начался бой. Попытка моджахедов прорваться из кишлака к броду через реку закончилась подрывом их на «Охоте». Несколько тел так и остались лежать на поле озимой пшеницы, остальные же, пятясь, отползли в кишлак. Оставаться в заблокированном кишлаке в планы духов не входило. Они прекрасно знали, что все закончится штурмом и захватом населенного пункта. Моджахеды вызвали помощь для разблокирования кишлака. Во время вялого с нашей стороны огневого боя противник не мог установить, где и какими силами мы располагаем. Каждый раз, пытаясь прорваться из заблокированного Алишанга, духи натывались на прицельный огонь разведгрупп, а затем и артиллерии.

Через некоторое время их обходящая группа вышла и на мои две группы (в бою я руководил действиями двух РГСпН роты, и двумя управ-

¹Мусяенко Александр Валентинович, полковник

лял командир роты старший лейтенант Игорь Дикарев), расположенные в засаде на западной окраине Алишанга. Мы открыли внезапный огонь из стрелкового оружия и РПГ-16. Потеряв несколько человек, моджахеды заняли оборону в разрушенных строениях в 100 м от наших позиций.

Мои группы блокировали западную окраину кишлака, преграждая противнику отход вдоль левого берега реки вглубь ущелья и, соответственно, подход резервов извне. Расположившись в одном из жилых дворов на окраине кишлака, мы вовремя заметили выдвигающуюся группу деблокирования численностью около 40 человек. Пешая колонна духов была накрыта залпом «Град» за 800-1000 м от кишлака.

Строение с засевшими в нем духами мы обработали из танковой пушки (Т-62М бронегруппы мотострелкового батальона 66 омсбр). Для его досмотра я отправил группу разведчиков во главе с лейтенантом Вадимом Матюшиным (командир 4 группы 1 роты, выпускник Киевского ВОКУ 1985 года, погиб 27 ноября 1987 года на борту вертолета МИ-8, сбитого двумя ракетами «Стингер» 2,5 км восточнее Асадабада). Вадим имел задачу провести разведку подворья на предмет размещения в нем наблюдательного поста своей группы. Постоянно держа их в поле зрения, мы заметили, как Вадим и еще двое разведчиков зашли во двор. Дальнейшие события и меня, и Вадима заставили понервничать. Едва тройка Матюшина вошла внутрь двора, как разведчики услышали за углом афганскую речь. Заглянув во двор, Матюшин заметил троих духов, увлекшихся радиопереговорами. Вадим буквально в упор уничтожил из своего АКС-74 троих духов, остальные за стенкой (он их не видел) подняли крик и открыли беспорядочный огонь. Разведчики пробкой выскочили из двора. Мы прикрывали их, ведя огонь по двору с моджахедами «дружественным» огнем, поверх голов товарищей, а духи огрызались по нам. Досмотровая группа отходила 80-100 метров не менее 15 минут, когда в обычных условиях для этого потребовалось бы чуть более минуты. Разведчиков спасло то, что они оказались меж двух огней. Вадиму ничего не оставалось, как пахать по-пластунски и на четвереньках раскисшее после ночного дождя кукурузное поле с едва поднявшимися ростками.

Где-то через час-полтора в район боя с запада подтянулось уже более сотни боевиков. В общем итоге огнем стрелкового оружия и гранатометов, а также корректируемой артиллерией (2 реактивные системы залпового огня БМ-21 и огневой взвод 122-мм буксируемых гаубиц Д-30) мы уничтожили около 15-20 моджахедов. Разблокировать Алишанг противнику не удалось.

Досталось всем: и духам, и разведчикам, и бронегруппе. Вызванная в

район боя бронегруппа была сформирована из БМП-2Д 1 роты 334 оо СпН и бронетехники мотострелкового батальона 66 омсбр, базирующегося в Мехтарламе (4 км восточнее Алишанга). Огневую позицию безоткатного орудия, открывшего огонь по танку Т-62М сводной бронегруппы отряда и мотострелкового батальона, мы обнаружили в распадке между двух вершин. Ее накрыли огнем 82-мм автоматического миномета «Василек», установленного на МТ-ЛБ минометной батарее мотострелкового батальона. Удалось это сделать лишь после того, как безоткатка открыла огонь по танку, хотя мы ее наблюдали и пытались навести огонь миномета задолго до открытия ею огня. Как выяснилось позже — у минометчиков просто не было с собой карты, и давать им целеуказание пришлось буквально на пальцах: «Западнее от тебя 600-800 м горка, как горбы верблюда с седловиной, от седловины два пальца влево — скальник, вот в нем душки копошатся, похоже безоткатку ставят... Да не туда, левее 50 метров, дальше 200... Перелет, ближе 100...».

Несмотря на заградительный огонь артиллерии и наш огонь, духи подошли к Алишангу с запада на 40-60 метров. На таком расстоянии огонь нашей артиллерии представлял опасность для нас самих и был заменен на огонь прямой наводкой танка Т-62М и... даже боевой машины реактивной артиллерии «Град» (из состава бронегруппы, тогда как позиции гаубичного взвода располагалась в 7 км от места боя). Каждый осколочный снаряд танкисты кляли с филигранной точностью в 30-50 м от разведчиков.

Через 2 часа боя комбат майор Григорий Быков принял решение на штурм кишлака с целью захвата склада с боеприпасами силами разведгруппы лейтенанта Алексея Степанчука и двумя РГ СпН 2 роты. Остальные разведывательные подразделения и бронегруппа сдерживали подошедшие резервы противника. Алексей со своей группой стал продвигаться к зданию исламского комитета и складу с боеприпасами (дом с красным (?) знаменем на крыше в центре кишлака). Группа Степанчука стала перебежками выдвигаться объекту захвата. Пройдя несколько десятков метров, Алексей оказался напротив пролома в глинобитной стене (дувале) в створе огня моджахедов. Очередь из трех пуль прошла Алексея, и он упал под стену. Тяжело раненный, продолжая руководить действиями группы, он запросил разрешение на отход и вызвал «броню» для поддержки. Ему на помощь подполз боец-сибиряк из Новосибирска снайпер Иван Кащенко. Духи, видимо, держали раненого командира под прицелом — только Иван подполз к нему, прозвучал одиночный выстрел...

К группе Степанчука прорвалась БМП-2Д мотострелков во главе с начальником штаба батальона. В момент загрузки раненого Алексея и по-

гибшего Кашенко духи подбили ее из РПГ-7. Гранатометчик выскочил из-за угла и с расстояния 30-40 метров «положил» гранату в перегородку между кормовыми люками БМП (машина стояла кормой к противнику). Контуженный экипаж и врач отряда спецназа старший лейтенант Валерий Шкуратов покинули заглохшую машину. Осколками разорвавшейся гранаты ранило еще семерых бойцов разведгруппы.

Разведчики 2 роты и еще одна разведгруппа 1 роты стали с запозданием зачищать прилегающие к улочке дворы. Ситуацию спас разведчик 1 роты рядовой Капелюшный. Под автоматным огнем противника он занял место механика-водителя и завел двигатель БМП воздухом, т.к. кумулятивной струей противотанковой гранаты разбило аккумуляторы машины. На смену подбитой БМП подошла БМП-2Д, возглавляемая заместителем командира 1 роты по политической части старшим лейтенантом Игорем Семеновым и стала ровнять дувалы огнем 30-мм автоматической пушки. Отход группы захвата комбат приказал прикрывать огнем прямой наводкой БМ-21 «Град». Причем с присущим Грише сарказмом он приказал приданным артиллеристам сделать из Алишанга «маленькое Сонгми» (так и прозвучало в радиоэфире), с одной лишь разницей, что мирное население из афганского кишлака, в отличие от вьетнамского селения Сонгми, было выведено еще в начале боя. «Мирняку» объявили из агитационной звуковещательной установки место сбора, куда и последовали женщины с детьми и старики.

К чести афганцев, они не прятались за бабскими юбками и не прикрывались детьми, как новоиспеченные «моджахеды Кавказа». Те — настоящие Воины, дали возможность своим семьям выйти из кишлака и приняли бой... Боевики, прибывшие для деблокирования Алишанга, предприняли очередную попытку пробить брешь в боевых порядках спецназа, когда отряд уже практически начал отход из «зеленки». Тащить у себя на плечах духов мы не планировали, и дело дошло до ручных осколочных гранат. Их у моих двух групп оказалось больше... Отходили мы ползком и на четвереньках по полю с молодой кукурузой, минировав пути отхода.

Алексей Степанчук умер от ран, когда его едва доставили к бронегруппе. До последнего момента своей жизни он находился в сознании, не подавая всем своим видом смертельного ранения. Его мужественное сердце остановилось внезапно, когда, казалось, смерть была уже позади и Валера Шкуратов оказал ему первую медицинскую помощь...

Лейтенант Алексей Степанчук в 1985 году окончил Дальневосточное ВОКУ, командиром группы СпН он прослужил в Афганистане более года. Это был настоящий Офицер, честный и открытый. Несмотря на равный со

своими сверстниками-лейтенантами отряда возраст, держал он себя как-то по-взрослому, был серьезней. Это нам, недавним выпускникам училищ, не всегда хватало. Бойцы его просто обожали, особенно переживал смерть взводного его заместитель сержант Алексей Двирнык и земляк Степанчука рядовой Евгений Заднипрный.

Как офицер спецназа лейтенант Алексей Степанчук состоялся не в один день. 4 марта 1987 года, когда разведчики пошли на захват склада с боеприпасами в Сурхрудской «зеленке» 25 км юго-западнее Джелалабада, духи прижали 1 роту к земле фланговым огнем РПГ и автоматов. Группа Степанчука оказалась на левом фланге под шквальным огнем противника посреди поля опиумного мака. Единственная БМП, прикрываемая разведчиками от огня РПГ попыталась за укрытие... «Москва-3» (позывной Степанчука), я «Москва», прикрой левый фланг!». Мне, командиру разведотряда, тогда больше ничего Алексею объяснять не надо было... Он перестроил группу и стал теснить духов к оврагу, занял развалины глинобитных построек, прикрыл маневр БМП на выгодную огневую позицию и обеспечил нашей и 2 роте прикрытие левого фланга. Задачу тогда, за девять дней до гибели Алексея Степанчука и Ивана Кашенко, мы выполнили без потерь.

Жизнь еще одного бойца 1 роты медикам удалось спасти чудом. Не обращая серьезного внимания на боль слева в груди, Эдуард «подумал, что это от контузии», но когда товарищи заметили кровь на левом боку, а позже и входное отверстие пули, застрявшей в нескольких миллиметрах от сердца, диагноз «контузия» не подтвердился. В горячке боя из-за выброса адреналина у человека притупляется порог чувствительности, но организм не обманешь...

Комсомольский билет рядового Щеголева Леонида Юрьевича, убитого в бою 7 декабря 1981 г.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ГУСАР¹

(ПАРХОМЕНКО НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ)

В тусклом свете слабенькой лампочки трудно было разглядеть зеленые звездочки на погонах зашедшего в батальонный медицинский пункт для оформления медицинской книжки военнослужащего, вновь прибывшего в батальон. По колоритным черным большим усам и глухому произношению буквы «г» можно было сделать вывод, что родом он из Украины. Сидя на стуле за столом в приемном кабинете, я увидел две звездочки вдоль погон и обратился к нему как к прапорщику.

— Генерал! — передернул меня в ответ зашедший, как бы посмеиваясь над своим званием.

Возник какой-то вопрос, для решения которого я предложил подойти в каптерку к нашему старшине— прапорщику Чертолину, Сан Санычу. Когда же я сказал ему, что нужно помочь товарищу прапорщику, глаза Сан Саныча округлились, по выражению его лица я понял, что сморозил что-то не то. Его кулак оказался у меня перед носом.

— Генерал! — снова шутливо поправил стоящий за мной человек.

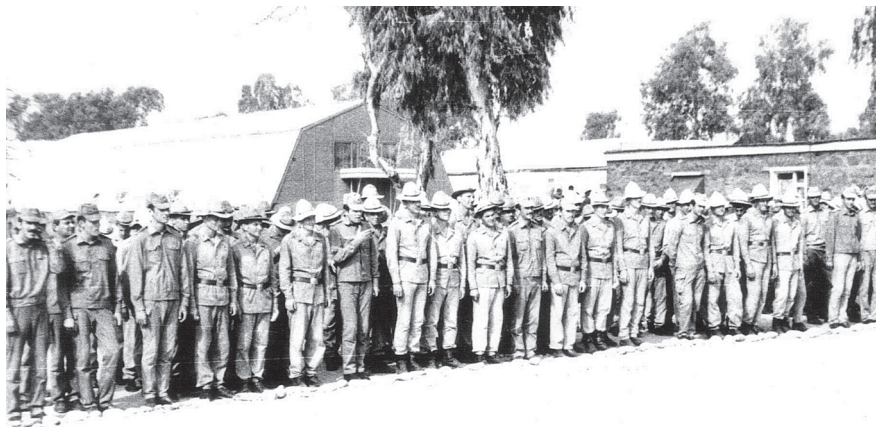
Можно себе представить, каково было мое состояние, когда, обернувшись, я увидел перед собой капитанские погоны. Слабое освещение и мое пониженное зрение, которое приходилось скрывать на всех медкомиссиях, сыграли злую шутку.

Получив консультацию Сан Саныча, капитан Пархоменко развернулся и пошел к выходу из медпункта. На выходе я его догнал и стал извиняться за эту нелепую оплошность, было действительно очень неудобно.

Но вновь прибывший командир 3 роты все великодушно перевел в шутку, хотя мог бы и взыскать. Так я познакомился с Николаем Васильевичем, и, честно сказать, проникся к нему огромным уважением.

Впоследствии, выходя на «войну» с 3 ротой, мне не раз приходилось убеждаться в его профессионализме и человечности. На просьбу ходатайствовать перед начальством о моем переводе из медпункта в боевую роту Пархоменко отреагировал положительно, и, сдержав слово, переговорил с

¹ Стоич Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСпН, старший сержант.

«Гусарская» рота на построении в отряде

исполняющим обязанности начальника медицинской службы батальона Куламовым.

Нагоняй я, конечно, получил, в роту не отпустили, но на «войну» стали отправлять чаще.

Пархоменко был одним из самых взрослых офицеров батальона. На тот момент ему было уже тридцать лет. Обладая определенным жизненным опытом, он действительно вел себя как взрослый человек.

Будучи эмоциональным по характеру, «Гусар» (такой позывной в эфире был только в исключительных случаях) позволял себе крепкое командирское словцо в адрес явно провинившегося военнослужащего. Мог внимательно выслушать каждого, дать совет, как настоящий отец-командир. Имея арсенал спецназовских знаний, накопленных за годы доафганской службы, Николай Васильевич очень быстро адаптировался к специфической обстановке ближневосточной войны и проявлял себя как незаурядный знаток-разведчик, все время выдумывая какие-нибудь уловки для противника.

Образцовое проявление человечности было не только по отношению к нам, но и к пленным моджахедам, а тем более — к мирным пастухам или декханам.

Трудно себе представить Пархоменко, срывающего злость на ком-либо, даже в самых напряженных ситуациях.

Вместе с тем ротный был прост и доступен в общении, в рамках здоровой субординации, конечно. Обладал потрясающим чувством юмора, мог развеселить анекдотом уставшую до полусмерти и изрядно подувыв-

Полковник Пархоменко Николай Васильевич с женой Еленой

где он гулял с женой и дочерью. Семнадцать лет как будто и не было.

шую от недосыпа роту. А шлемофон он попросту называл «говорящей шапкой».

Сочетание качеств грамотного военного человека с широкой человеческой душой, по-видимому, впоследствии и помогло достичь Пархоменко высокой воинской должности — начальника спецназа Украины.

И очень приятно было встретить его, на первый взгляд совершенно случайно, на одной из улиц Одессы,

ДОРОГА ЖИЗНИ И СМЕРТИ¹

Колонна бронетехники с разведчиками возвращалась с задания. Во главе колонны, как всегда, первыми шла группа минеров на своем БТРе. Мыслями мы все были уже в батальоне, бдительность притуплялась, казалось, опасность позади. Жара стояла невыносимая, на раскаленной броне можно жарить яичницу. Наш механик-водитель — парень опытный, едет строго по колею, наезженной колесами «бурбухаек». Не раз он подрывался на минах и прекрасно знает, что такое отъехать хотя бы на 5 см влево или вправо.

Вдоль обочины слева и справа нас сопровождала обычная картина войны. Вот лежит перевернутый и сгоревший бензовоз. Рядом — сгоревший БТР с оторванной башней. В стороне, как палица, валяется башня танка. Следующий — грузовик, искореженный и сгоревший. Дорога... Дорога жизни и дорога смерти, сколько ребят здесь погибло, а сколько изувеченных? А вот впритык к дороге поставлен новый памятник — рядовому водителю из 66 отдельной мотострелковой бригады. Красную звезду на его пьедестале кто-то из духов уже согнул. Дорога, по которой мы ехали, была «тяжелой», где-то покрыта куском асфальта, где-то глиной, песком или гравием. Но она была для нас родной, поскольку минеры знали на ней каждый бугорок, каждый камушек. Но несмотря на это, она не становилась мирной — каждый раз судьба преподносила нам все новые и новые испытания. Мы чувствовали за собой большую ответственность за жизнь товарищей...

А тем временем БТР кивал носом, как корабль в морскую пучину, поднимая за собой завесой серую пыль. Наши же взоры были сосредоточены на дорогу впереди. Начали притормаживать, приближаясь к небольшому мосту. Сержант Сергей Репин не торопясь закурил «Охотничьи» сигареты и молча угостил нас.

— Не нравится мне это место, — сказал сержант Вячеслав Сорокин. Остановившуюся колонну разведчики приняли под охрану. Заняв оборону и оцетинившись стволами. Справа — черная гора, слева — «зеленка». Обычно в таких местах духи устраивают засады. Вооружившись щупами, мы медленно пошли вперед просматривая и прощупывая дорожное полотно. Напряглись и сосредоточились, интуитивно ощущая еще одно испытание судьбы. Приближаясь к мосту, я заметил консервную крышку и какой-то провод. Позвал Славика и Сергея. Они оценили ситуацию — «итальянка». Две консервные крышки служат замыкателем сети. При наезде колесом БТРа или траком БМП по консервной крышке происходит замыкание, и

¹ Хакимов Султан Тукунович, ветеран 154 ооСпн, старший сержант.

мина срабатывает.

Мысленно представили последствия в случае подрыва, чем это грозило нам и ехавшей за нами колонне. Уничтожить мину на месте

Подрыв на mine бэтээра отряда

невозможно — повредим мост. Броню попросили отъехать на безопасное расстояние.

Не знаешь, что сегодня тебе приготовили духи. Бывало, что они минировали подходы к основной mine-фугасу противопехотными минами, т.е. минами-сюрпризами. За многие годы войны инженерная подготовка духов возросла. Они профессионально знали и выполняли свою работу. За годы войны выросло новое поколение афганцев, основным средством существования которых была война, а также неразрывно связанное с ней выращивание и торговля наркотиками. Все это хорошо финансировалось и поощрялось. За каждого убитого нашего солдата, прапорщика, офицера или подбитую бронетехнику, сбитый вертолет, захваченное вооружение их ждало большое вознаграждение. У них были свои ставки. Может, именно в этот момент духи наблюдали и снимали работу минеров. Страшно было подходить к mine. Сержант Сергей Репин медленно и осторожно перерезал провода. У всех у нас на лбу выступил холодный пот. Одно неправильное движение, и мы взлетим... Все это мы прекрасно понимали. Первый этап выполнен. Мы закурили.

Сергея смачно выругался матом. — «Если подорвемся, то все вместе».

Зацепив «кошкой» мину, мы стали ее тянуть из укрытия. Иногда, духи делали сюрпризы — под основной миной ставили мину-ловушку. Выдернули «итальянку» из грунта. Все чисто, без сюрпризов. Мы чувствовали, что вся колонна наблюдает за нашей работой. Оттащив мину на безопасное расстояние, мы уничтожили ее накладным зарядом — тротиловой пашкой. Прогремел страшный взрыв, клубы дыма и пыли поднялись в небо.

Со стороны колонны послышались голоса одобрения и аплодисменты. В тот момент это была самая большая награда в нашей жизни. Еще одна уцелевшая броня, а самое главное, оставшиеся в живых наши товарищи. Мы взобрались на броню, закурили по сигарете и продолжили путь в батальон, внимательно следя за дорогой...

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ...

Памяти журналиста Артема БОРОВИКА

Брезгливо отбросив от себя газету «Литературная Россия» полковник Старов Ю.Т. на несколько минут задумался. Затем повернулся к своим заместителям: «Ну, как вам это читиво?» Офицеры зашумели эмоционально выражая свое возмущение... Наверное, если бы раскаленным летом 1987 года не появилась эта подленькая статейка-донос «Преданная армия», не так быстро бы состоялось признание журналиста «Огонька» Артема Боровика. А волна нападок, сплетен, зависти к его творению «Встретимся у трех журавлей» только привлекла общественное внимание и была воспринята как глоток свежего воздуха в душный день. Артем первый откровенно и талантливо рассказал об афганской войне. В тот же день принципиальный Юрий Тимофеевич Старов лично своим размашистым командирским почерком написал опровержение в редакцию «Литературной России»: «...Все перечисленное в этой статье не соответствует действительности. Это самая откровенная ложь... К джелалабадским спецназовцам приезжало много прославленных корреспондентов и известных писателей, но ни один из них не рвался побывать в бою вместе с нашими парнями. А для того, чтобы писать даже близко к истине, надо хотя бы один раз почувствовать на своей шкуре, что это такое. Боровик это почувствовал. Я не знаю, кто этот старший офицер-спецназовец, который воскликнул: «Что Боровик?! На него же тогда напялили и каску и бронезилет...» Могу вас заверить, что Артем Боровик¹ был экипирован и вооружен так же, как и все другие участники боя... Вы, как специалисты, имеете право критиковать литературные недостатки того или иного произведения, но нельзя искажать и подтасовывать факты... В заключение хочу вас спросить: почему все стрелы сейчас летят в тех журналистов, которые рисковали жизнью в Афганистане, а не в тех, кто так никогда и не осмелился побывать на той войне? Настоятельно прошу опубликовать мое письмо в вашей газете. С уважением, командир Джелалабадского спецназа полковник Ю.Старов».

¹ Боровик Артем Генрихович, родился 13 сентября 1962 г., погиб в авиакатастрофе 9 марта 2000 г. Журналист, телеведущий, президент холдинга «Совершенно секретно». Работал репортером в горячих точках планеты. Автор нескольких книг. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Нечего и говорить, что «Л.Р.» не опубликовала этого письма. Его опубликовал журнал «Огонек». На дворе стояла гласность перестройки и, к счастью, в печати уже можно было высказывать неодинаковые точки зрения на различные события.

«Афганская война» шла своим чередом, и перспектив ее окончания еще никто не знал. Весеннее солнце еще не успело прогреть утренний воздух, как колонна бронетехники с бойцами на запыленной броне медленно втянулась через ворота КПП части в пункт постоянной дислокации 154 отдельного отряда специального назначения ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Судя по медлительным движениям пехоты, неохотно прыгающей с бронетранспортеров и тут же строящейся в одношеренож-

Артем БОРОВИК

ный строй для разряжания оружия, было ясно, что прошедшие трое суток в засаде на караванной тропе моджахедов были безрезультатны. Совсем другое дело, когда новость о результативной засаде облетала весь отряд, и навстречу запыленной колонне выбегал почти весь личный состав части. Да и «победители» вели себя куда бойчее, не задирая нос, но всем своим видом показывая — «да завалили тут случаем караванчик, чего тут такого...». Отдельный отряд спецназа (отряд в спецназе приравнивается к батальону) в Афганистане насчитывал более пяти сотен человек, знающих друг о друге практически все, и приехавшим с «войны» разведчикам новые люди сразу бросились в глаза. От цепкого солдатского взгляда не ускользнули детали военной одежды, прическа и многие другие мелочи, выдающие в одном из присутствующих сугубо гражданского человека, хотя и облаченного в новую «эксперименталку» (полевое хлопчатобумажное обмундирование нового образца), а во втором — кадрового военного. Встречавшие разведчиков товарищи, кивнув в сторону незнакомца, сообщили, что в часть приехал корреспондент какой-то центральной газеты, вот только какая у него фамилия, сообщавший новость не знал. Услышавший разговор старший лейтенант медицинской службы Александр Сурначев, протерев с очков пыль, сооб-

шил: «Зема, это корреспондент «Комсомольской правды», — хлопнув любопытного разведчика по плечу. Лучше бы он этого не делал, в смысле не хлопал по плечу, так как взметнувшееся облако пыли снова запылило очки врача-анестезиолога отряда. Если бы не интеллигентного вида очки и рюкзак десантника с нашитым красным крестом, доктор вполне мог сойти за обыкновенного сержанта разведчика с грубоватыми манерами. С его легкой руки Артема Боровика приняли в отряде за корреспондента «Комсомольской правды», пока месяц спустя в журнале «Огонек» не появился репортаж Артема об Афганистане.

— Да ну, из «Комсомолки», — недоверчиво шепнул на ухо товарищу, отмахиваясь от облака пыли, разведчик.

— Сурначеву верить — себя обманывать, — заключил второй разведчик, зная доктора как мастера всевозможных розыгрышей и автора многих небылиц, все же, имеющих в основе реальные истории. — В расположение отряда муха не залетит, как ее тут же дезинфектор дихлофосом потчует, а тут гражданский журналист. Точно Сурначев завернул, — рассудил первый разведчик.

На том товарищи и сошлись, занявшись своими солдатскими делами.

Тем не менее, это был Артем Боровик, один из первых журналистов, допущенных к освещению деятельности советского спецназа в Афганистане. Наличие в Афганистане частей специального назначения военно-политическим руководством СССР тщательно скрывалось. Даже в боевых документах части спецназа именовались мотострелковыми батальонами с присвоением им условной нумерации. 154 отдельный отряд специального назначения, с 1984 года располагавшийся в Джелалабадской долине на востоке Афганистана, официально именовался 1 отдельным мотострелковым батальоном. Как известно, шила в мешке не утаишь, и отряд вошел в историю Афганской войны как «Джелалабадский батальон спецназа», или просто «первый батальон». Первым — в прямом смысле, так как с него и начиналась эпопея Афганской войны.

Как позже выяснилось из разговора с Артемом, именно в тот момент, когда он увидел возвратившихся с выполнения боевой задачи разведчиков, он еще больше укрепился в желании обязательно сходить с ними на задание. «Коль удалось уговорить высокое военное начальство в Москве и Кабуле попасть в качестве корреспондента в часть специального назначения, то уговорить ее командира сходить «на войну», как выражались сами разведчики, он постарается любой ценой» — рассуждал Артем, глядя на выверенные неторопливые движения членов экипажей боевых машин и десанта.

Командира 15 отдельной бригады специального назначения, в состав которой входил Джелалабадский батальон спецназа полковника Юрия Тимофеевича Старова долго уговаривать не пришлось. В шифротелеграмме по случаю приезда корреспондента из Москвы было ясно сказано — «оказать содействие...», вот он и оказывает, тем более, что сопровождавший Артема офицер Генерального штаба, просивший называть себя Валерием Петровичем, не возражал.

Ждать очередной войны долго не пришлось, так как в частях спецназа ОКСВА существовал жесткий ритм жизнедеятельности, обеспечивающий практически ежедневное выполнение разведывательными органами боевых задач в том или ином районе Афганистана. Разведывательные группы и отряды специального назначения каждую ночь организовывали засады на вероятных маршрутах передвижения бандгрупп и смело вступали в бой даже со значительно превосходящими силами противника. Постоянная угроза засад на путях передвижения бандформирований вынуждала руководство вооруженной оппозиции постоянно менять караванные маршруты, тактику проводки караванов, выделять значительные силы и средства для организации контрзасадной борьбы, или вовсе свертывать на отдельных направлениях военно-техническую помощь бандгруппам. Но не только засадами славился советский спецназ — только ему удавалось без единой потери захватывать целые укрепленные моджахедов, такие как Васатичингай (провинция Кандагар) и Гошта (провинция Нангархар) или с удивительной точностью проводить дерзкие и стремительные налеты на склады бандформирований, караваны на дневках, исламские комитеты (штабы) и отдельные элементы базовых районов вооруженной оппозиции, патрулировать на вертолетах обширные пространства пустынь и степей, превращая их в зону смерти моджахедов. Обо всем этом хотел и поведал в своих очерках Артем Боровик. Поведал в том объеме, который допускала на то время цензура, и что он сумел выхватить профессиональным взглядом журналиста за короткий период «командировки на войну».

Комбат представил Артема молодому высокому и широкоплечему офицеру в спецназовской одежде без знаков различия (ношение погон на ней не предусмотрено).

— Коля, ставь корреспондента «Комсомолки» в боевой строй роты, — загадочно улыбнулся в пшеничные усы комбат.

— Это как, товарищ подполковник?

— Твои сегодня на засаду уходят?

— Мои...

— Вот и товарища корреспондента бери в усиление, позже подой-

дешь с ротным, получишь боевую задачу, а сейчас экипируй Артема и его сопровождающего по полной боевой.

— По полной? — недоверчиво покосился на Артема замкомроты.

— Ну без фанатизма, конечно, но оружие, боекомплект, сухой паек, вода и все остальное должны быть.

— Есть! Так это и есть фанатизм, — ответил шуткой на шутку Николай, и направился к выходу из кабинета комбата.

— За корреспондента головой отвечаешь! — бросил вдогонку комбат.

— Как за всех, — спокойно ответил Николай.

Придя в роту, Николай представил корреспондента командиру роты Юрию Козлову, объяснив цель его прибытия. Юрий вызвал ротного каптера Джабарова, объяснив, что и к какому времени должно быть у корреспондента готово к выполнению боевой задачи. Ко всему привыкший каптерщик на этот раз ротному не поверил. Где это видано, чтобы в Афганистане на войну гражданские корреспонденты ходили, да еще со спецназом. Ладно там, военные репортажи «с места боя» снимают, а затем по телевизору под дружный хохот всего «контингента» показывают. От зорких солдатских глаз не ускользали детали заднего плана съемки, многие и сами участвовали в массовках подобных «репортажей с передовой», а тут гражданский человек на войну, с группой, в горы, пешком, на трое суток...

— Джабаров, что не понятно? — заметил недоверчивый прищур каптера Николай.

— Все понятно, товарищ старший лейтенант. Можно идти?

— Разрешаю, — уколол взглядом подчиненного командир роты в чине капитана.

— Потом на калабаху подойдешь, — дополнил ротного Николай.

Джабаров, зная тяжелый кулак с виду миролюбивого «Кольки», как называли бойцы между собой замкомроты, потер шею в предвкушении предстоящей калабахи и резво бросился в кладовую, желая хоть этим искупить свою вину за вальяжность. «Ну захотелось дембелю показать свою независимость перед офицерами, а тут сразу на калабаху. По сроку службы не положено, да только заикнись об этом», — рассуждал Джабаров, готовя для корреспондента все необходимое для боя. Даже свой трофейный китайский нагрудник для магазинов, а проще — «лифчик», достал из «затарки».

Ближе к полудню к КПП части подъехал зашторенный УАЗ — «таблетка». Из машины вышел гражданский советник, предъявил дежурному по КПП пропуск и попросил связать его по телефону с комбатом. Обменявшись с командиром приветствиями, советник передал телефонную

трубку дежурному. Сержант дал команду дневальным пропустить машину без досмотра.

Высокая результативность действий многих отрядов спецназа в Афганистане объяснялась не только высоким профессионализмом самих спецназовцев, но и их коллег-разведчиков, чей труд незаметен для посторонних глаз. Спустя некоторое время гости уехали. Комбат вызвал командира 1 роты и его заместителя, пригласил их к карте и довел полученную несколько минут назад срочную разведывательную информацию.

Суть ее заключалась в том, что «духи», зная виновников всех своих бед в провинции Нангархар и соседних с ней Кунар и Лагман, решили наказать шурави в их же расположении, планируя обстрел военного аэродрома и частей Джелалабадского гарнизона ОКСВА. Оказывается, с этой целью они уже несколько ночей осуществляют ротацию своих боевых групп и подготовку огневых позиций с целью подготовки и проведения огневого налета с использованием 107-мм реактивных снарядов. Одна из бандгрупп, на вооружении которой находится китайская двенадцатиствольная 107-мм реактивная система залпового огня Тип «67», расположена в Кандибагской «зеленке» 6-8 км южнее аэродрома. Для корректирования огня РСЗО кандибагские духи обратились за помощью к бандгруппе, действующей в окрестностях кишлаков Бару и Сангар. Сангарские духи хорошо знали подступы к ППД 154 оо СпН и 66 отдельной мотострелковой бригады, чьи военные городки планировались для обстрела. Кишлаки Бару и Сангар находились в нескольких километрах юго-восточнее гарнизона советских войск, от которых их отделял небольшой горный массив Тангигар и шоссе Кабул — Пешавар. На горах Тангигар были выставлены сторожевые заставы 66 омсбр, и для безопасного расположения на этих горах корректировщиков огня кандибагским духам без сангарских нельзя было обойтись, так как те хорошо знали ближайшие окрестности занятые советскими войсками. Сегодня ночью и планировалась встреча представителей двух боевых групп вооруженной оппозиции для обсуждения деталей предстоящей вооруженной акции. Более простым языком — одни духи должны прийти в гости к другим, пересекая при этом степь Чорагалай. Другие маршруты более опасны, так как «братья по вере», имея общего врага в лице советских и афганских правительственных войск, нередко вступали в ожесточенные схватки друг с другом.

— Степь — не горы, тут в любом направлении можно передвигаться, — заключил комбат. Что думаешь, командир? — обратился комбат к Юрию.

— Товарищ подполковник, степь необходимо перекрывать вот здесь и здесь, — ротный, взяв со стола карандаш, ткнул им дважды в карту, — на выходах из «зеленки» со стороны Сангара и Бару.

— Рота будет действовать двумя отрядами. Затем и вызвал вас двоих, — улыбнулся в пышные усы комбат, после слов ротного подтверждающих правильность его решения. — Постарайтесь результат сделать, мужики, а то опять скажут, что мы «крупу даром жрем».

Эта фраза о крупе стала крылатой после посещения отряда генерал-майором С. Узнав о том, что в отряде более месяца нет результатов, тот так и сказал, словно отрезал — «крупу даром жрете!». Попробуй объясни генералу, что зимой перевалы с Пакистана снегом заметает, душки на зимовку в кишлаки уходят, становясь мирными дехканами (крестьянами — перс.), тех моджахедов, что в высокогорных базовых районах засели, без авиации и артиллерии не возьмешь, а на них с 15 января 1987 года ограничение — «одностороннее примирение» называется.

— Не зря, товарищ подполковник, — словно подытожил мысли комбата Николай. — На броне выйдем в сторону Газибадской зеленки, спешимся и по своим районам. Если первая ночь вхолостую пройдет, на дневку в сухое русло уйдем, это на карте местность степью называется, а так — типичное афганское плоскогорье, изрезанное неглубокими сухими руслами. «Зеленые» (военнослужащие афганской армии) не зацепили бы, у них сторожевой пост на перекрестке, — Николай взял у ротного карандаш и показал точку на карте.

— Тут я помочь ничем не могу. Сам знаешь — «зеленых» в известность ставить все равно, что на месте засады указатель с подсветкой ставить: «Засада здесь». Ты постарайся потихому сработать — из бесшумного, а не получится — пускай сигнальные ракеты. Решение оформить к 18.00, готовность двух отрядов — к 19.30 сегодня. Смотр готовности и доведение приказа проведу лично, но может и комбриг подъехать. Да, Коля, корреспондента с собой возьми. Где чей отряд работать будет, решите сами.

Получив у комбата задачу, Юрий и Николай занялись подготовкой подчиненных к боевому выходу, отдавая необходимые указания командирам групп, старшине роты и сержантам.

Николай успел перекинуться несколькими словами с Артемом, отвечая на его многочисленные вопросы. Вопросов действительно было много. Человек, занимающийся своей привычной деятельностью, даже войной, которую назвать привычным делом язык не поворачивается, получив определенные навыки и опыт, не сильно задумывается о сути тех или иных процессов своей деятельности. Он просто «делает дело и работу работает». У человека со стороны, если он занял позицию равнодушного наблюдателя и пассивного участника какого-либо незнакомого ему процесса возникает

естественное желание вникнуть в суть происходящих действий. Николай поначалу списывал все на профессиональный интерес Артема, но быстро понял, что задаваемые вопросы выходят за рамки банального журналистского любопытства. Приоткрывая собеседнику некоторые детали своего профессионального опыта он вызывал у Артема еще больший интерес, но сжатые сроки подготовки к новой задаче требовали от Николая постоянного регулирования подготовки подразделения к боевому выходу, не оставляя времени для общения с Артемом. Понимал это и Артем, находя себе менее занятых собеседников.

Николая, в свою очередь, заинтересовала новость, которую он узнал от Артема. Оказывается, его командировка в Джелалабад не была какой-то случайностью, а явилась результатом общения с одним западным журналистом, побывавшим в провинциях Нангархар (провинциальный центр — город Джелалабад) и Кунар, так сказать, «по ту сторону войны». Журналист, чье имя уже забылось, прошел с «афганскими повстанцами», как именовала моджахедов западная пресса, не один десяток километров, собрав обширный журналистский материал. Сообщив об этом при случае Артему, он вызвал у молодого журналиста неподдельный интерес к такой форме сбора журналистского материала. Остальное — дело техники. Сколько кабинетов пришлось оббегать Артему Боровику, знал только он сам, но своего добился. Главным пропуском было волшебное слово «гласность». Многие партийные функционеры и военные чиновники того времени, боясь уличения «в зажиме гласности», иногда сдавали даже государственные тайны, но в случае с «командировкой на войну» Артема, поступили как никогда правильно.

Колонна из девяти БМП-2Д с десантом на броне медленно выползла из ворот КПП. Роту никто не провожал — не принято, так же, как и не принято у разведчиков пожимать руку на прощанье перед «войной», фотографироваться и бриться... спецназ, как и все представители племени военных разведчиков, жил в Афганистане по писаным правилам и неписанным традициям, порой не зная им объяснения. Необычность (возможно только для Артема) этой колонны состояла в том, что все машины двигались с выключенными фарами, из-за чего скорость колонны немногим превышала скорость пешехода. Водители угадывали направление движения по едва заметной полосе дороги, чутко реагируя на любые изменения положения корпуса четырнадцатитонной боевой машины педалью подачи топлива или поворотом штурвала. Выйдя на асфальтовую автодорогу Кабул — Пешавар, водители увеличили скорость и дистанцию между машинами. В условленном месте головная машина притормозила, и десант словно ветром

сдуло на правую обочину дороги, после чего машина резко набрала скорость и, громыхая по асфальту траками, стала удаляться от места высадки. Вторая машина, третья и четвертая проделали то же. Увеличенная дистанция между БМП позволяла последовательно десантировать разведчиков в одном условленном месте. Будь у духов где то рядом «уши», вряд ли они смогли по ровному шуму движущейся колонны определить место спешивания разведчиков. Этот наработанный долгими тренировками прием вывода разведорганов действовал в Афганистане безотказно. Из отряда броня выходила с десантом, а в конечную точку прибывала уже без него. На этот раз конечной точкой маршрута был парк боевых машин отряда, куда бронегруппа прибыла спустя более часа, отмотав по ночному шоссе несколько десятков километров.

При совершении пешего марша в район организации засады Николай определил Артему место в замыкании колонны основных сил, строго наказав одному из бойцов лично отвечать за безопасность корреспондента. Проинструктированный не покидать свое место в боевом порядке Артем вначале попытался обогнать впереди идущего, но корректно был возвращен обратно в строй. Попытка Артема отойти в сторону, чтобы видеть не спину впереди идущего разведчика, а весь боевой порядок уходящего на задание разведывательного отряда, ожидаемого отпора не получила, и он мог воочию наблюдать, что хотел. Вероятность минирования местности на данном маршруте движения была низкой, и строгого следования в колонну по одному не требовалось. Было полнолуние, и в растянувшемся более чем на двести метров боевом порядке отряда отчетливо просматривалась тройка разведчиков головного дозора, колонна основных сил, боковой дозор, прикрывающий колонну со стороны сопок, а также тыльный дозор, следовавший позади Артема на удалении 30-50 шагов. Отряд двигался не спеша, останавливаясь каждый раз, когда останавливался головной дозор, изучая местность в ночной бинокль БН-2 «Реликвия» или оставленные людьми следы. Вот и характерная «зебра» итальянских ботинок «Batta», поступавших только моджахедам, о чем командир отряда получил от «головняка» немедленное сообщение. Дальше отряд двигался еще медленнее, словно ощупывающий дорогу слепой, но несмотря на это Артем дышал довольно громко. Николай даже оглянулся на это пыхтение, но, заметив в лунном свете Артема с ночным биноклем, успокоился. «Еще б не хватало, чтобы кто-то из разведчиков дышалку сорвал», — подумал Николай. По всей видимости, сказывалась не физическая усталость, а вполне объяснимое нервное напряжение Артема, но разведчики с пониманием отнеслись к этому, так как он держался молодцом, никого не обременяя своим присутствием и не мешая

работе разведывательного отряда на марше. Он сам попросил взять с собой ночной бинокль, и когда получил добро, обрадовался полуторакилограммовой «игрушке» как ребенок, не скрывая восторга. В ночной бинокль в лунную ночь в степи разглядеть человека или лошадь можно было за километр, собаку или шакала — за несколько сотен метров. Разведчики быстро научили Артема премудростям работы с этим простым прибором, имеющим лишь одну кнопку управления, но легко демаскирующим разведчика при неумелом обращении с ним, посвятив Артема в такие премудрости о которых он даже не догадывался.

Колонна отряда двигалась вдоль незаметной степной тропы со следами «духовских бачат» в направлении чуть возвышающейся над местностью лысой сопки. По условному сигналу командира отряда разведчики остановилась и присели, наблюдая каждый свою сторону. Николай, подойдя к головному дозору, осмотрел прилегающую местность, вызвал командиров двух групп, из которых состоял разведотряд, и поставил им задачу на засаду. Артему и Валерию Петровичу в засаде определили место в подгруппе управления, куда входили сам Николай, два радиотелеграфиста и доктор, известный уже нам врач-анестезиолог отряда.

Не успел Александр привести себя в порядок после трехсуточных бдений в засаде на Шахидане, как посыльный пролетел ему «радостную» весть — снова собираться на «войну». В каждой роте спецназа был свой санинструктор, но их опыт и мастерство не шли ни в какое сравнение с профессионализмом врача, а из врачей в это время в отряде был «живой» лишь Сурначев. Санинструктор роты сержант Алексей Пих ушел с разведотрядом возглавляемым командиром роты, а Александра определили к Николаю, с которым, несмотря на абсолютную разность характеров сложились дружественные отношения. Насытившись за трое суток сухпайком, на этот раз Сурначев решил побаловать себя в засаде хоть компотом из персиков, купленным в батальонном военторге.

Расположив подчиненных в засаде и уточнив им задачи, Николай не скоро вернулся на командно-наблюдательный пункт. Александр в отсутствие Николая на правах старшего «рулил» связистами, Валерием Петровичем и Артемом. К приходу Николая был выложен круговой СПС (скальное пулеметное сооружение).

— Шу-ра, за-чем та-кой боль-шой эС-Пэ-эС? — прошептал Николай, обращаясь к доктору. — От кого отстреливаться собрался?

— От духов тех и тех. — указал Александр в сторону сторожевого поста «зеленых» и «духовской зеленки».

— Так их ДШК (12,7-мм крупнокалиберный пулемет Дегтярева-

Шпагина — прим. ред.) твой СПС в клочья разнесет, — парировал Николай.

— Командир, все понял. А кого здесь «засаживать» будем?

— На постановке задач надо присутствовать, а не прыгать в последний вагон поезда.

— Я такой дурак, что лучше бы на него опоздал, чем сидеть ночь в дежурной засаде.

— Дежурная, говоришь? Посмотрим.

— А то какая же, в семи километрах от батальона, — не мог уговориться Александр.

Николай промолчал, жестом приказав собеседнику «поймать тишину». Бойцы отряда прекратили строить свои СПС, и теперь стих даже легкий шорох передвигаемых ими камней. Теперь, когда все стихло, любой неосторожный шум мог демаскировать засаду, если духи где-то рядом. Но внешне все было спокойно. Где-то далеко в кишлаке лениво лаяли собаки, залаяла собака и в Сангаре, до которого было меньше километра, но быстро смолкла. Опасаться того, что собаки услышат группу, сегодня не приходилось, так как ночной ветер с гор относил шум и запах отряда в сторону от кишлачка. Будь все наоборот, афганские собаки не дали бы незаметно приблизиться к кишлачку ближе километра.

Потянулись долгие минуты ожидания. Камни и сухая глинистая почва, быстро отдав дневное тепло, стали забирать его у людей. Несмотря на дневную жару, доходящую в Джелелабадской долине в апреле до тридцати градусов, ночи летом в резко-континентальном климате Афганистана довольно прохладны. В этой ситуации разведчиков выручали зимние куртки, солдатские плащ-палатки да трофейные синтепоновые спальники. Отечественная легкая промышленность выпускала для армии в то время лишь ватные спальные мешки, не отличавшиеся по своим габаритам и весу от обычного солдатского ватного матраца. Нашелся спальный мешок и для Артема, и для его сопровождающего — гостей разведчики встречать умеют. От куртки Артем отказался, несмотря на настойчивые советы разведчиков, о чем утром крепко пожалел, но пожалели и его... После полуночи, когда вероятность появления непрошенных, но желанных гостей (оказывается, бывают и такие) снизилась почти до нуля, Сурначев вспомнил о компоте в своем рюкзаке, предложив соседям подкрепиться. Еще при подготовке к боевому выходу, распаковывая спецназовский сухой паек «Эталон № 5», Артем немало удивился, увидев в нем три 15-граммовых плитки натурального горького шоколада, баночку сгущенки размером чуть меньше хоккей-

ной шайбы и такие же баночки с сосисочным фаршем, печеночным паштетом и тушенкой. Остальные продукты сухпайка были вполне обычными: галеты, сахар, чай и... пакет супа-концентрата, который под понятие «обычный» для армейского пайка не подпадал.

— А что, и компот в спецназе на войну дают? — поинтересовался Артем.

— Дают, — подтвердил Сурначев, когда Николай лишь успел набрать воздуха в легкие, чтобы дать отрицательный ответ.

Как говорят классики — тут Остапа понесло... Александр нашел «дежурные уши». Шепотом, на самое ухо Артему он стал рассказывать ему о «паке-прапорщике из продсклада», который объедает разведчиков, продавая положенный им «боевой компот» в местные дуканы (лавки). Расширить перечень продуктов, положенных разведчикам-спецназовцам до ассортимента столичного гастронома «периода застоя», Александру помешал Николай, показав условный знак «внимание, противник».

Выбирая место для засады, Николай мысленно ставил себя на место противника, с учетом его менталитета и способов передвижения. Если духи действительно пойдут, то именно здесь, — рассуждал мысленно Николай, определяя, где ему разместить огневую подгруппу, наблюдателей, подгруппы обеспечения и захвата (досмотра).

Ниже всех по склону сопки и чуть в стороне от основных сил засады Николай разместил боевую тройку из самых опытных разведчиков, строго наказав им сидеть как мыши и открывать огонь только по явно наблюдаемым целям, пропустив противника в зону поражения засады. Двоих-троих духов наблюдатели могли уничтожить и сами, если это головной дозор бандгруппы или каравана, — заблаговременно заметить его в лунную ночь, труда не составляет. Определяя боевой порядок засады, Николай учел и человеческий фактор. Находясь на некотором удалении от основных сил наблюдатели все глаза проглядят, чтобы не подпустить противника незамеченным к засаде...

На дневке со спецназом

В засаде в первые минуты внимание всегда обострено, но постепенно напряжение спадает. В этом достаточно убедиться, присмотревшись к действиям наблюдателей. Первое время ночной бинокль практически не убирается от глаз, передаваясь из рук в руки; это еще объясняется и изучением прилегающей местности, но затем он подносится к глазам все реже и реже. В ночной тишине зрение заменяет обостренный слух, но тенденция к постепенной потере внимания наблюдается во всех без исключения случаях. Так произошло и на этот раз. Разведчиков-наблюдателей насторожил легкий шорох камней, когда духи, а это несомненно были они, подошли к наблюдательному посту на 30-40 метров, вынырнув из тени обрыва сухого русла. Шли они по руслу открыто и довольно быстро, не опасаясь кого-либо. Наверняка они слышали, что бронетехника шурави проехала вечером по шоссе куда-то далеко на восток, а затем, спустя какое-то время, вернулась обратно.

Заметив противника на близком расстоянии, наблюдатели уже не могли предупредить командира о его приближении голосом по радио, и сделали это тоновым сигналом радиостанции. Его и услышал Николай, не снимающий головной телефон с уха, несмотря на наличие рядом двух бойцов-радиотелеграфистов. Так уж повелось в отряде, что каждый командир обязан иметь радиостанцию и лично управлять подчиненными, а станции радиотелеграфистов использовать для связи с командованием отряда, соседними разведорганами и поддерживающими средствами.

Не прошло и десятка секунд после сигнала «внимание, противник», как автоматные очереди разорвали тишину. Интенсивный огонь продолжался несколько минут и был прекращен по условному сигналу — зеленой сигнальной ракете, продублированной голосами сержантов и старшими боевых троек. Затем еще несколько сигнальных ракет было запущено в сторону сторожевого поста «зеленых». Хотя до него было около трех километров, имевшийся у них пулемет ДШК мог серьезно осложнить ситуацию. Сейчас некогда было разбираться, почему огонь велся из обычного, а не из бесшумного оружия, но по его интенсивности было понятно, что велся он по конкретным целям.

Николай, управляя боем, четко видел, что огонь велся из всех огневых позиций засады, в указанных им секторах, но наибольшая плотность огня наблюдалась на правом фланге. Отработала и засада, возглавляемая командиром роты. Как выяснилось, с окончанием огневого поражения противника группой Николая, соседи своим огнем отрезали путь противнику в «зе-

ленку», но из-за значительного расстояния духам из основной части банды все же удалось просочиться туда, возможно, даже понеся какие-то потери...

Николай, прижав головной телефон радиостанции к уху, слушал доклад старшего наблюдательного поста. «Принял, жди», — коротко бросил он невидимому радиокорреспонденту, и, пригнувшись, бесшумно, словно тень, исчез в тревожной темноте. А она была непроглядной, несмотря на луну. Так всегда бывает, когда погаснет осветительная или сигнальная ракета. Человеческому глазу требуется несколько минут, чтобы снова различать в темноте хоть что-то.

Время тянулось как никогда медленно. Артем теребил Александра, рассказывая, что успел заметить духов в ночной бинокль и даже дать в их сторону несколько очередей. Сейчас, сколько он ни смотрел в «ночник», степь и «зеленка» словно вымерли, молчали даже собаки, напуганные ночной стрельбой. Возможно, Артем представлял в своем сознании абсолютно другую картину ночной засады. Но они все разные, как не бывает абсолютно одинакового боя или боя, проходящего так, как было спланировано заранее. Противник и боевая обстановка всегда вносят свои коррективы, и задача командира — вовремя реагировать на них, а еще учить своих подчиненных самим гибко реагировать и грамотно действовать, не дожидаясь конкретных указаний по каждой мелочи.

На этот раз подчиненные Николая не подвели и самостоятельно решились открыть огонь из всех имеющихся огневых средств, как только первые трое вооруженных людей вошли в зону поражения засады. Основная группа моджахедов вышла из «зеленки» чуть в стороне и явно направлялась не к засаде, а следовала параллельно головному дозору, и в стороне от засады, устроенной соседней группой. У наблюдателей на троих было лишь два бесшумных автомата, духов было трое. Даже при условии поражения двоих в первые мгновения боя третий имел теоретическую возможность открыть ответный огонь... Старший наблюдателей не мог уточнить, слышали ли его сигнал об обнаружении противника соседями, у которых имелся третий бесшумный автомат, и принял решение долбить духов самостоятельно, из всех трех стволов. К счастью, соседняя тройка услышав сигнал, приготовилась к бою и четко наблюдала три силуэта, открыв по ним огонь на поражение при первом громком выстреле. Зеленую ракету как сигнал прекращения огня дал один из командиров групп, наблюдая, как двое «душков» повалились на землю, где их застал огонь засады, а третий успел лишь на несколько метров отбежать в сторону, прежде чем его скосил плотный огонь пяти автоматов и пулемета.

— Духов добивают, — прокомментировал Сурначев, — одиночные бесшумные выстрелы, различимые по едва слышимым хлопкам.

— Как добивают, а пленные? — удивился Артем.

— Пленных берут, когда те поднимаются в полный рост с поднятыми руками или кричат «Дуст!» — «друг» по-афгански, а не лежат затаившись. Так и пулю в живот можно схлопотать, если не сделать предварительно контрольный выстрел.

Артем понимающе кивнул. Позже он расскажет Николаю, как поразился этому практицизму разведчиков. Так и сказал — «практицизм». Хотя это лишь следствие омытого кровью боевого опыта...

Спустя еще несколько минут Николай вновь появился на своем командном пункте. Сопровождавший его боец, словно охотник, подстреливший дичь, с некоторой небрежностью положил к ногам три автомата и нагрудники с магазинами уничтоженного противника. Артем сразу потянулся к автомату.

— Разряжены, — спокойно предупредил Артема боец. — Осторожно, в крови не вымажьтесь.

— Да-а, — протянул Артем, чувствуя на ладонях липкую жидкость, но оружие не бросил, а подержал, осматривая в руках, китайский автомат Калашникова с откидным трехгранным штыком положил его обратно.

Руки он вытер украдкой о лежащий рядом камень, Сурначев заметил это, не подав вида. Война — грязная работа...

Просьбе Артема посмотреть на убитых духов никто не удивился. Пока Артем осматривал уничтоженных бандитов, разведывательная группа, быстро собрав свои «пожитки», уже была готова к отходу. Медлить было нельзя, так как, очухавшись, духи могли обстрелять засаду из безоткатного орудия, а оно у них здесь имелось. Причем, не по разведывательным сводкам, а по реальному обстрелу в этом районе бронегруппы 2 роты отряда несколькими месяцами ранее.

В отряд возвращались пешком до шоссе, вдыхая аромат увядающей степной травы и цветов, а затем — десантом на подошедшей бронетехнике, глотая пыль и гарь афганских военных дорог. «Зеленым» на посту приветливо помахали трофейными китайскими автоматами, но те лишь кивнули.

— Можно быть уверенным, что в ближайшие сорок дней духи им покоя не дадут, — прокомментировал сдержанные эмоции афганцев Сурначев.

Артем уже знал почему.

— Ты, зема, про компот не пиши, я его в магазине купил, и «прапора» у нас в спецназе нормальные, — просто сообщил Артему Александр, когда тот кутался в зимнюю куртку эксперементалки, предоставленную ему экипажем БМП.

Обратная дорога, а тем более дорога к дому всегда короче. Все повторялось, как сутками ранее — КПП, запыленная колонна, редкие встречающие... Ранним утром 1 роту встречали лишь командование отряда да несколько бойцов роты, не задействованных на боевой выход.

Все повторяется. Все возвращаются, кроме тех, кого нет больше рядом...

Фото после награждения в Кремле. А. Боровик в верхнем ряду справа

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ВИКТОР ПОЙМАНОВ —

«ФИКСА»¹

Пшеничное поле примыкало прямо к границе расположения нашего батальона. Оно тайло в себе целый ряд сюрпризов, не считая местных крестьян, декхан, работавших на нем. То между колосьев проползет какая-нибудь змея, то весьма нагло выйдет на дорогу огромный варан. Хорошо, если днем, а то ночью зашуршит, и не знаешь, кого ожидать из темноты.

Как раз на окраине батальона располагался модуль медицинского пункта и палатка личного состава. А совсем рядом — КПП батальона, откуда ночью периодически наряд запускал осветительные ракеты, дававшие своим светом возможность осмотреть местность. Вот в одни из летних вечеров очередная пущенная нарядом ракета, не успев догореть в воздухе, упала на уже совсем желтое поле и вызвала возгорание. Огонь распространялся очень быстро, освещая все вокруг и поднимая клубы дыма. Батальон был поднят по тревоге, выгнали даже несколько БМП, чтобы они своими гусеницами вспахивали землю и мешали распространению огня. Кто лопатами, кто палками воевал с языками пламени — развернулась своего рода битва. В памяти всплыли воспоминания о рассказах бабушки, пережившей на Орловщине немецкую оккупацию, о том, как фашистские танки шли через пшеничные поля. А тут наши солдаты и офицеры отвоевывали поле в этой далекой и почти чужой стране. Гоняясь, как и все, с тем, что попало под руку, за огнем, я наткнулся на уже знакомого мне бойца из 3 роты, который, сняв китель, размахивал им — то в одну, то в другую сторону, чтобы забивать пламя, наседавшее со всех сторон. Он, окутанный клубами дыма, одержал победу над очередным участком пожара. Между тем успевал на кого-то прикрикивать, отдавая указания.

Этим мускулистым парнем был Витя Пойманов. Внешне он напоминал мне актера, игравшего Бубликова в фильме «Служебный роман». После случая с тушением поля я проникся к Фиксе, так называли его в батальоне из-за золотой коронки на переднем зубе большим уважением. Скоро мы здорово сдружились и стали закадычными друзьями. Что-то родственное нас объединило. Несмотря на внешнюю простоту общения, Витька

¹ Стокич Игорь Григорьевич, ветеран 154 ооСПН, старший сержант.

На могиле сержанта В.В. Ярмош

оказался достаточно неординарной личностью. Не заморачиваясь на каких-то сентиментальных вопросах, он помогал проще смотреть на жизнь. В то же время мог с восторгом вспоминать, какие-то случаи из своей жизни. Эмоционально вступая в спор, засыпая оппонента аргументами. На войне вел себя уверенно, и, казалось, ничего не боялся. Любил юморить. Мог напялить солдатскую шапку на самые уши, свести глаза в одну точку, пустив слюни и скорчив гримасу, при этом изобразить несуразную походку. Всеобщий хохот был обеспечен. А то вдруг мог заорать что-нибудь на ухо товарищу, и, перепугав его, ржать от восторга.

Но самого Фиксу поддевать можно было только до определенного предела, и это знали все. На самом деле он, при всей своей бронепробиваемости, сентиментален, с трогательной бережностью относится к памяти погибших ребят. А когда я, сам не свой, 4 марта 1987 года сообщил ему ошибочную информацию о гибели нашего друга Кольки Зубченко из 2 роты, казалось, он меня убьет за эту весть. Он не справился с нервами, накинулся на меня с самыми нелицеприятными эпитетами. Слава Богу, все обошлось.

Уже потом, через много лет, после службы в мирной жизни, в душев-

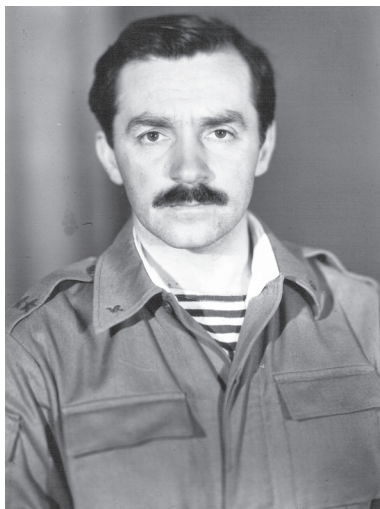
ной беседе, Фикса признался мне, что, как все нормальные люди, боялся попасть в беседку возле входа. В ней мы обмывали и переодевали в парадную форму погибших ребят. Тяжелая обязанность проведения этого траурного ритуала лежала на служащих медпункта, но всегда на помощь приходили ребята из рот. В глубине души каждый понимал, что может быть следующим.

Четверть века прошло после окончания нашей службы, много воды утекло, но мы, по-прежнему, крепко дружим. Витя Пойманов — один из главных инициаторов и организаторов регулярного посещения могил наших погибших в Украине и России. Может там, на небесах, нашим ребятам немножечко теплее, может, радостнее на душе их родных. Раны, конечно, не залечить, но прожить жизнь за ребят — это в наших силах.

ЗВЕЗДЫ НАД ШАХИДАНОМ¹

(ПЕРВАЯ ЗАСАДА)

Первый бой, как первая любовь, не забывается никогда. Потому что трепещет в ожидании его живая душа. Потому что бой этот ставит на карту случая и будущее, и жизнь, и судьбу. Подробности, приметы, голоса, цвета и запахи этого боя вьедаются в память прочно, вплоть до незначительных мелочей и каких-то пустяков, и станут потом заслонять собой все последующие события, быть может, и более опасные батальные события. Такова мужская, воинская природа. Мое участие в боевых действиях нельзя равнять с солдатом или командиром группы. Я выходил в засады всего семь раз. Пожалуй, цифра не имеет значения. Для кого-то и один бой — первый и последний — невозможно ничем измерить. Для других, родившихся в рубашке, пять или десять схваток с врагом не имеют особого значения. Хотя всем одинаково хочется жить. И страшно тоже каждому, — один раз живем. Вспоминаю строчки: «Смелого

*Заместитель командира
15 обрСпН-начальник политотдела полковник Кривоपालов Олег Владимирович. Впоследствии заместитель начальника политотдела 40 ОА в Кабуле. Фото 1987 г.*

¹ Кривоपालов Олег Владимирович, ветеран 15 обрСпН, полковник. Начинал офицерскую службу в 15 обрСпН замполитом 6 роты спецназа. Звание старший лейтенант присвоено МО СССР досрочно. 6 лет прослужил замкомандира полка — начальником политотдела в системе спецслужбы ГРУ «Звезда» на Дальнем Востоке. Замкомандира-начальник политотдела 2 и 15 обрСпн. В Афганистане с мая 1987г. Последняя должность в армии — заместитель ЧВС-начальника политотдела 40 общевойсковой армии в Кабуле. Награжден 2 советскими орденами и афганским орденом Красного Знамени. Кавалер советской медали «За боевые заслуги» и ордена СДР генерала армии Маргелова. Командующим ВДВ РФ награжден знаком «За заслуги». После развала ВС СССР двадцать лет проработал уполномоченным Кабинета министров Украины. Живет в Днепрпетровске. Женат. С женой Галиной Александровной вырастил дочь Марию и сына Георгия.

пуля боится, смелого штык не берет». Так ли это на самом деле? Трудно сказать. Может, этой фразой — призывом поэт хотел выдать желаемое за действительное?

В действительности же и смелых, и решительных настигает смерть. Вспоминаю дерзких и смелых ребят, погибших в боях: П.Бекоева, Х. Нафикова, О.Злуницына, Е.Овсянникова, А.Педько, Ю.Хамалко, А.Чихирева, О. Севальнева, В.Матюшина и других.

Командир группы лейтенант Овсянников Евгений Иванович погиб в бою 19.09.1985 г.

У меня не было выбора. Как замкомбрига, я должен был не на словах знать боевую деятельность подразделений. Существует конкретное понятие — личный пример. Я считал и считаю — плох тот руководитель, который не разделит тяжелый труд своих подчиненных. В противном случае он не имеет морального права командовать людьми и давать распоряжения. А когда сам с командиром группы, разведчиками полaziшь по горам, — у подчиненного отношение к тебе не как к начальнику, а как к соратнику, боевому товарищу. Он начинает тебя уважать и распоряжения принимает как законные.

Командир бригады в первые недели службы противился моим попыткам выйти на боевые. В тот период мы много объехали с ним провинций, побывали во всех отрядах. Но каждый раз, когда я

заикался о желании выйти с группами, говорил:

— Подожди, Олег Владимирович, еще не время. Приглядывайся, адаптируйся. Мы лейтенантов-то через месяц вводим в боевой строй, а ты подполковник.

Юрий Тимофеевич побывал со мной на стрельбище, как бы ненароком оказываясь там, где я в этот момент стрелял из автомата или гранатомета, огнемета или из АГС-17.

А потом наступило время, когда он мне просто сказал:

— С богом. — И не стал провожать при отъезде в 154 ооСПН. Подчеркнув этим обыденность моего первого выхода.

Любое участие руководителя в боевых действиях с подразделением

немедленно обрастает подробностями и передается по солдатскому телефону из роты в роту, из батальона в батальон. Это создает, особенно в спецназе и десантных войсках, необходимый авторитет. Я был удивлен, узнав однажды, что мой первый вылет на воздушную разведку с досмотровой группой лейтенанта Зуева (3 рота) по маршруту Дарунта-Льязхель — Шевунала оказался в центре внимания большого района. Мотострелки соседней 66-мотострелковой бригады передали по радиосвязи в группы наших разведчиков, сидящих в засадах: «... в воздухе ваш начпо бригады». Как я потом узнал от них, им в этот момент было приятно это слышать. Но как им об этом стало известно, для меня навсегда осталось загадкой. Память большинства людей обладает избирательной способностью запоминать отдельные события и факты. Особенно острые впечатления до сих пор, которые я переживаю с волнением и сейчас, — о первом участии в боевом выходе в засаду. Расскажу об этом подробнее.

Мой первый боевой выход состоялся с разведчиками первой роты 154 ооСпН. После 16 часов, когда жара стала спадать, все участники разведывочного и провожающие от подразделения сосредоточились в автопарке части. С помощью офицеров роты я начал собирать все необходимое для боя, стремясь унять неожиданно появившуюся мелкую противную дрожь в руках. Она появлялась каждый раз, когда принимался за рискованное дело, как у спортсмена перед стартом, а тут не старт — первый бой. И чем он закончится — никому не ведомо. В ящике с боеприпасами я взял пулеметные рожки. Они хотя и тяжелее, зато патронов больше. Уложил в рюкзак все что положено: гранаты, распотрошенный сухпай, ракеты и т.д. Мои старлеи стояли и молчали, а когда я закончил, один из них взял у меня рюкзак и бесцеремонно высыпал содержимое на землю.

— Вы, товарищ подполковник, сдохнете со всем этим, — сказал он. — Начинаем по новой. — И отбросив часть сухпая, оставил самый минимум консервов, сохранив при этом полностью боеприпасы.

Замполит роты старший лейтенант Майоров надел на меня трофейный китайский нагрудник и распихал пластмассовые магазины и четыре гранаты по его карманам. Второй боекомплект уложил мне в десантный рюкзак. Ощувив тяжесть металла, я успокоился. Ненасытность к боеприпасам характерна для всех новичков. Собираясь на войну, они мыслят верно: чем больше прихватил патронов, тем выше вероятность вернуться живым. Хотя в афганской войне, без передовой и тыла, действовали свои законы, и можно было погибнуть, даже не выходя за территорию части, от разрыва снаряда или пули снайпера. Война шла в самой гуще народа. Кто друг, а кто враг — понять и разобраться было трудно.

— Напрасно вы, товарищ подполковник, сразу идете в засаду. Сходили бы первый раз с бронегруппой, — сказал мне Майоров, закрепляя парашютной резинкой к рюкзаку теплую меховую куртку (судя по подкладке воротника, это была десантная куртка для полярного спецназа, серого цвета, какие выдавались только во псковской бригаде) и «духовский» легкий трофейный спальный мешок.

— Ничего не напрасно, я боевой офицер и прошел десятки учений в мирное время.

Рядом со мной экипировался высокий худой солдат Олег Попов, уроженец Днепропетровской области. Он ловко упаковал свой рюкзак, спрятал боекомплект для снайперской винтовки, любовно смазал и спрятал прицел.

— Попов, ко мне! — командовал Майоров. Снайпер не спеша встал и, повесив винтовку на плечо, подошел к замполиту. — Слушай боевой приказ... — дальнейших слов я не расслышал, так как старлей отвел Попова за угол здания и о чем-то долго инструктировал. Только через несколько часов неусыпного контроля за мной я понял, что бойцу поставили задачу — опекать новичка.

Группа построилась в две шеренги. Подошел комбат Владислав Гилуч, уточнил позывные, кодировку на карте и коротко объявил боевой приказ.

Ровно в 18 часов 30 минут, взглянув на часы, комбат дал команду:

— По машинам! Желаю боевой удачи!

Моторы одновременно взревели, из выхлопных труб и решеток пыхнули блестящие искрами клубы сизого дыма, и колонна начала вытягиваться из городка отряда, напоминая сцепленные вагоны железнодорожного состава.

— Неплохо, — подумал я. — У каждого сколоченного боевого коллектива есть тонкости, которые характеризуют его сплоченность и слаженность. Из таких тонкостей складывается главное — ритм. Он либо есть, либо его нет. В роте капитана Козлова он был. Вдоль дороги стояли свободные от службы военнослужащие и с серьезными лицами молча махали нам руками. В их глазах читалось: возвращайтесь живыми!

Смеркалось. Возле КПП белая стена сверкала огнем, будто пламя пробегало по ней. Я посмотрел на казармы, на горы и удивился — они тоже стали красными. Уж не предостережение ли мне? Прощальные солнечные лучи наполнили все вокруг огненным светом, прорываясь в узкую полозку между плотно нависшими над горами тучами. Все окружающее в этот миг казалось призрачным, нереальным, словно окунулся в сказочный мир.

— Неужели все это со мной? — подумал я.

Еще стояли густые сумерки, когда наши машины мы шли по узким окраинным улицам Джелалабада. На дороге в это время было много взрослых и детей.

— Шурави, дай бакшиш, — кричали дети. По сложившейся традиции наши бойцы щедро бросали детям галеты и сахар из своих скудных сухпайков.

Когда колонна выехали за город, одним махом опустился занавес чернильной темени. БМП, нещадно чадя, увеличив скорость, приближались к предгорью. В темноте рассмотрел, что голова колонны повернула к дамбе электростанции Дарунта, где пустынные горы вплотную подступали к самому водохранилищу. Впереди и несколько сбоку мы увидели огненные сполохи, беспорядочные росчерки трассирующих пуль, а затем по ушам ударила какофония канонады, перекрывшая даже рокот двигателей БМП. Как мне пояснили бойцы, мы проезжаем митерламскую «зеленку», где идет бой между вечно враждующими племенами.

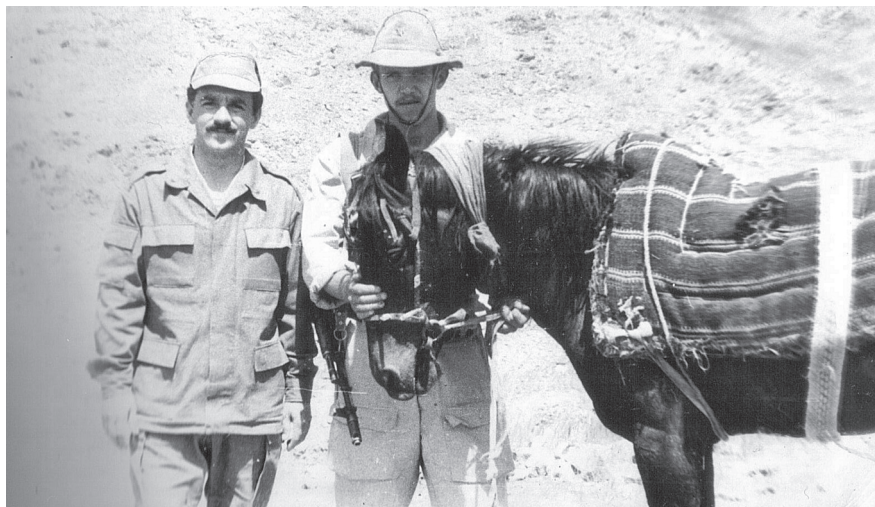
Незамеченными, под шумок боя, мы проскочили эту рискованную зону межплеменного конфликта аборигенов.

Наконец передние машины остановились. Разведчики прыгнули на землю, и бронегруппа под командованием замполита роты без дополнительных команд организованно развернулась и ушла в ночь, оставив нас наедине со своими чувствами и страхами. Мы окунулись в кромешную темноту, остро почувствовав пугающую тишину и духоту ночи.

Ловкий и выносливый командир группы (РГрСпН №111) лейтенант Федорченко Валерий Петрович негромко довел боевой порядок. Мое место определено в голове группы, рядом с командиром. Психологическое напряжение росло и, казалось, достигло своего пика.

Иду строго в затылок, не видно ни зги, всматриваюсь в пятки впереди идущего и стараюсь ступать след в след... Дышу ему в спину, стараюсь рассмотреть камни и землю, на которую ступаем. А вдруг мины! Хорошо помню старшего лейтенанта Валерия Радчикова, подорвавшегося на противопехотной мине. Тяжелое увечье на минном поле получил Карен Таривердиев, командир группы Газнийского отряда. Кстати сказать, он, пожалуй, единственный из детей элиты служил здесь. Узнав об этом, я теперь с особым чувством слушаю музыку М. Таривердиева.

Через несколько минут быстрой ходьбы группа подошла к безлюдному темному кишлаку. У меня, как и у всех, патрон в патроннике. Рука на предохранителе, палец на спусковом крючке. Готов в любую секунду от-

Отважный командир группы спецназа Валерий Петрович Федорченко с захваченным выючным животным из разбитого каравана мятежников

крыть огонь. Не останавливаясь, прошли мимо дувалов и вновь вышли в предгорье. Специфический запах афганского жилья сменила прохлада горной долины. Возбуждение боевого настроения помогало двигаться, я долго не ощущал усталости. Затем для бодрости сунул под язык таблетку сиднокарба, снимающего усталость. Спина к тому моменту уже была мокрая от пота.

И хотя в моем достаточно тренированном 37-летнем теле не было лишних жировых накоплений, и марш шел уверенно, я волновался за свою выносливость. Так как знал изнурительные трудности длительных пеших переходов, — больше всего боялся устать на марше. Уж мне-то в лейтенанскую пору пришлось много походить! Но в те годы при своем бараньем весе я ходил командиром группы и определял темп движения. А сейчас, имея 69 килограммов, я начинал потихоньку плавиться и боялся показать надвигающуюся усталость перед солдатами.

Обратной дороги нет! В эти минуты я отчетливо ощутил, что переступаю ту невидимую черту, за которой расплывчатое определение «боевая и политическая подготовка» наполняется реальным содержанием. Именно для этого я учился в училище и служил в армии, чтобы идти на огневой рубеж не с безответными мишенями, а с настоящим врагом, ждущим меня в горах. Мы в группе по сути были все одинаковые: в однообразном обмундирова-

Выход разведгруппы в район организации засады на мятежников

Неожиданно под ногами стал попадаться песок, и я сообразил, что мы пересекаем дно пересохшего ручья.

Первое время я пытался самостоятельно ориентироваться по звездам, но петлянье по горным складкам мешало этому. Некоторые участки пути были особенно сложными. Как мне показалось, никогда еще у меня не было так обострено зрение и насторожен слух. Отчетливо воспринимался каждый блик, каждый звук в горах, освещенных мертво-серебристым светом крупных звезд. С первых минут нашего марша я начал ощущать таинственный шепот невидимых насекомых, сливаясь с учащенным дыханием моим и рядом идущих разведчиков, он создавал ощущение нереальности происходящего. В темноте, подав условный сигнал, подошли несколько солдат с командиром группы, десантировавшейся в другом районе и вышедшей в район разведки рядом с нами. Обменялись шепотом краткой информацией и разошлись.

Остановились на отдых в 2.30 ночи 19 октября, преодолев последнее препятствие — ущелье шириной около 2 метров. Я уже сильно устал, ноги не держали, а когда оттолкнулся и прыгнул, падая вперед, ухватился руками за выступ скалы. Солдаты, несшие боеприпасы, тоже были на грани физического срыва. Пока приходили в себя, я услышал, как один солдат, ругаясь матом, сказал другому, что не рад жизни... Но на сегодня все для нас кончилось.

Распределились на отдых. Командир группы, я с радистом и двумя переводчиками остались в расщелине на вершине горы, а остальной личный состав с лейтенантом Марковым спустился вниз и укрылся на дневку в пещере.

Мы с лейтенантом В. П. Федорченко, сменяя друг друга, немного

нии без знаков различия, с одинаковым штатным вооружением, с трепетным чувством опасности в груди. Я был обут в китайские кроссовки. Как показал опыт афганской войны, это была самая удобная обувь, легкая и прочная. Земля под ногами неровная, каменная. Ступать трудно, но поскольку, боясь мин, шли осторожно, то особых проблем не было.

поспали. Днем, несмотря на октябрь, было довольно жарко. Из укрытия в бинокль мы осматривали местность, поддерживали радиосвязь со сторожевой заставой (СЗ№17) 66 бригады на дороге Кабул — Джелалабад. Несмотря на все усилия радистов, связь с «Розой» (нашим ретрансляционным пунктом) отсутствовала. Это напрягало.

К 18 часам в складку горной гряды поднялась вся группа, отдохнувшая внизу. Как стемнело, двинулись в путь. Сначала, пока видимость позволяла, шли очень быстро, почти бежали. Как только опустилась темнота, темп движения замедлился. Наше передвижение в горах и преодоление препятствий на пути показались более сложными, чем в предыдущую ночь.

Внимательно осматривая окрестности, мы не могли не заметить сполохи огня костров на горных вершинах и хребтах, выдававших расположение постов мятежников, их явное присутствие вокруг нас заставляло идти еще осторожнее и более тщательно соблюдать маскировку. Два десятка людей молча шли друг другу в затылок, стараясь бесшумно преодолевать россыпи камней и перепрыгивать расщелины. Хотя на марше соблюдалась строжайшая дисциплина, абсолютной тишины не было, — слышно было тяжелое дыхание людей и шорох падающей земли, хруст камней, а часто — звуки падения и стук оружия. Один раз наш разведчик потерял равновесие и упал головой вниз со склона достаточно глубокого оврага, но не произнес ни звука. Так же молча бедолагу достали обратно.

В начале одиннадцатого вечера горный ветерок донес до нас запахи человеческого жилья. Группа присела в ожидании команд командира.

— Олег Владимирович, видите крайний дувал, — прошептал мне на ухо комгруппы, — это наш кишлак. — Мы вышли в район самого кровопролитного маршрута из Пакистана, во владения Ахмад Шаха Масуда.

Действительно, при свете звезд в серой ночной мгле среди деревьев просматривались светлые строения кишлака. С облегчением вздохнули. Наконец-то вышли к Шахидану, за которым на караванных тропах нам предстояло ждать в засаде душманов. Кишлак казался заброшенным. Разведчики осмотрели несколько домов и выбрали два разрушенных, без крыш, дверей и окон, но примыкающих друг к другу. Группа разделилась на две части и расположилась на отдых. Назначенные часовые заняли позиции для обороны, остальные забылись тяжелым сном.

— Бывало, к месту засады добирались и двое-трое суток, — вспоминал Федорченко.

— Представьте, чего это стоило при полной экипировке, да еще в местах, где зимой мороз под сорок, а летом под сорок жара. Плюс высокогорье с разреженным воздухом.

Сидеть в засаде — испытание особое. Днем, замаскировавшись, должен «умереть», чтобы себя ничем не выдать. Все передвижения исключительно ночью. И так столько времени, сколько нужно. А сколько — никто не знает. Пока враг не появится. Более половины всех засад оказывались безрезультатными. А что значит — результативные?

Старов учил так: «Если захвачен лишь один автомат и у нас все живы и здоровы — это хороший результат, если захватили много оружия и техники, имея при этом хоть одного раненого, — это плохой результат».

Мне, как обычно, в нервной обстановке не спалось, я вместе с ближайшим часовым лежал в разломе дувала и вслушивался, всматривался в темноту. Взглянув в ночное бездонное небо, замороженный, наблюдал за звездопадом.

Мог ли я знать в ту минуту, что одной из этих звезд летел к земле белорусский экипаж АН-26, сбитый пулеметом ДШК мятежников при заходе на посадку на аэродром Джелалабада. В то мгновение вместе с летчиками летел в вечность голубой звездочкой и наш товарищ, особист 668 отряда майор Романов Владимир Ильич.

...Что-то настораживало нас. Ощущалось какое-то колебание воздуха.

Вскоре нашу интуицию подтвердили звуки движения нескольких человек, шорох и треск веток. Вся группа бесшумно заняла места для стрельбы. Но мы не имели права открывать огонь первыми. Наша главная боевая задача — караван с оружием и снаряжением, а это мог быть простой разведдозор.

Поэтому, когда в нос ударил тяжелый запах немых тел, мы проводили проходящую группу исламских партизан только движением автоматных стволов, ни единым звуком не выдав себя... Только сердце колотилось так сильно, что казалось, его гулкие удары слышат все.

Пропустив группу боевого обеспечения каравана с миром, мы быстро заняли главные высоты при выходе из кишлака. Другой удобной тропы,

*Командир группы лейтенант
Семина Игорь Львович погиб в
бою 17.01.1987 г.*

кроме как по руслу высохшей реки, здесь не было. Я был в правой подгруппе. Приготовился к стрельбе прямо на голом склоне. Как только представил, что в этом положении по мне будут стрелять, сразу стало страшно и неудобно. Но искать в темноте другое место было невозможно. Вскоре мы услышали сначала непонятный гул, а затем — стук копыт, шорох камней, ржание лошадей. Шум приближался, затем я отчетливо увидел длинную вереницу каравана.

Мы должны были начать стрельбу по команде. Вероятно, командир группы дал ее пулеметчикам, которые одновременно открыли огонь с флан-

Разведчики 154 ооспН в засаде

гов. Я тоже нажал на спусковой курок и посылал очередь за очередью в гущу каравана. Душманы открыли ответную стрельбу. В разных местах ложины вспыхивали огоньки автоматов. Захлебывался пулемет. Несколько раз ухнули гранатометы, и все слилось в бешеный грохот. Казалось, время остановилось.

Неожиданно я почувствовал — кто-то приближается ко мне справа. Оказалось, это рядовой Олег Попов, закрепленный за мной командиром группы для страховки в бою. Он передал приказ командира:

— Товарищ подполковник, нашей подгруппе надо через ручей двигаться к основным силам.

Побежали — я впереди, Попов сзади. Вокруг свистели пули.

Неожиданно, уже перебежав русло и поднимаясь по склону, я ощутил мощный толчок в грудь, и неведомая сила попыталась вырвать из моих рук автомат. Я еще крепче сжал его в ладонях и упал рядом с рядовым Поповым. Вскинул автомат, начал стрелять, но очереди не последовало, как будто оружие захлебнулось. Судорожно я передернул затворную раму, но АКМ не стрелял. Я почувствовал полную беспомощность и страх от необычности ситуации.

— Может быть, закончились патроны? — подумал я и, повернувшись на бок, стал доставать из трофейного китайского «лифчика» очередной магазин. И только в тот момент, когда я отстегивал пустой, я нащупал рваное железо. Оказалось, что пуля, выпущенная в меня, попала в магазин. И он спас меня. Эта мысль только на миг промелькнула в голове.

К реальности вернули пули, бьющие по земле недалеко от меня. Слышен был их цокот, и мелкие камешки брызгали в лицо. Я прильнул к цевью и начал стрелять. Очень быстро кончились патроны. Доставая очередной магазин, я решил метнуть гранату. Вырвал кольцо эргэдэшки и, приподнявшись, метнул ее, как мне казалось, метко и далеко. На голову в очередной раз посыпалась земля вперемешку с камнями...

Пристегивая магазин, я обратил внимание на полусогнутую фигуру справа от меня, — это был недавно прибывший в бригаду врач, старший лейтенант Ильдус Шайхутдинов из Ташкента. Он, несмотря на свист пуль и риск быть убитым, перевязывал раненого разведчика. Очень ярко видны были алая кровь и белый бинт. В эту минуту я осознал, что начинает светать... Бой продолжался еще некоторое время, затем стал стихать. Все реже слышался пронзительный свист пуль. И мы пере-

Встреча земляков: справа полковник медслужбы Ильдус Шайхутдинов (выпускник Свердловского мединститута) и депутат Госдумы РФ лидер РСВА Франц Клинецвич (выпускник СВВПАУ)

стали стрелять, посмотрев с Поповым друг на друга. Немногословный боец широко улыбнулся и поднял большой палец вверх — мол, все хорошо!

Прямо передо мной лежали вниз лицом два душмана. С того мгновения они останутся в моей памяти навсегда. Один молод (около 30 лет). В его карманах мы нашли партийный билет исламской партии и пакет с фотографиями. На одной из них он был снят с оружием на горной тропе. Я взял его фотографию. Она хранится в моем фотоальбоме до сих пор. В автомате убитого оставалось четыре патрона. Этот человек мог бы убить меня, но судьба распорядилась иначе, и здесь нет моей вины. А его автомат китайского производства я взял в качестве боевого трофея. Он исправно служил мне до 15 февраля 1989 года. Покидая Афганистан в районе Кушки, я бросил его в общую кучу вооружения, что собирали у нас на границе.

Второй убитый был в возрасте около 50 лет.

Остальных раненых или убитых, судя по кровавым следам, моджахедамы забрали с собой при отступлении.

На востоке загорался рассвет, и в легкой утренней дымке уже просматривался весь кишлак, склоны хребтов, окружающие его. Всюду виднелись следы запустения и разрухи. Обвалившиеся стены дувалов обросли распускающейся акацией. В брошенных садах буйно разрослись гранатовые деревья. Природа медленно пожирала следы небогатой цивилизации. Для Шахидана же продолжалось десятилетие безвременья...

Вышли в эфир. На этот раз «Роза» ответила с первого запроса. Сообщили об итогах и выходе в район эвакуации к берегу. Подошла бронегруппа старшего лейтенанта Майорова. Мы загрузили трофеи на БМП, сами запрыгнули на броню и пересекли по броду реку Кабул, показавшую свой бешеный нрав на наших машинах, и вышли на дорогу Джелалабад-Кабул. Мотострелки сторожевой заставы 66 бригады, как всегда с восторгом, приветствовали нас с победой. Настроение у всех было радостное. Убитых среди нас не было, а двое раненых были не тяжелые.

Открывая для себя войну, я особенно поразился будничности человеческих потерь. Нельзя сказать, что люди очерствели к потерям, нет, все в минуты прощания переживали, кое-кто смахивал набежавшую слезу, у каждого в эти минуты болью сжимало сердце, а в голове мелкала мысль, — а не будешь ли ты следующим? Будничность просматривалась в том, что, попрощавшись, вывезли тело для отправки на родину и навсегда вычеркнули его из окружающего мира живых. Мира, полного красок и запахов, полного человеческих раздумий и мечтаний. Некоторое время ощущали его нехватку и незаменимость, а потом начинали привыкать к его полному отсутствию в этом мире...

В моей памяти отчетливо сохранилось воспоминание о прощании с первым убитым солдатом. 2 июля 1987 года в районе н.п. Сурхруда в 40 км юго-восточнее Асадабада погиб механик-водитель БТРа 2 роты спецназа

Комбриг Старов Ю.Т. с офицерами политотдела бригады. Слева направо: Яремко Н.И., Глова А.Н., Черепанов С.П., Кривопапов О.В. (начпобриг), Ипатьев В.С. и Гончар А.Н., г. Джелалабад, (Фото 1987 г.)

154 ооСпН рядовой Говенько Михаил Алексеевич¹. В тот день группа лейтенанта Игоря Довбня при выходе в район разведки столкнулась с бандой мятежников. Под огнем вынуждены были отступить и укрыться в развалинах дома. Моджахеды вели по разведчикам сильный ружейно-пулеметный огонь и накрывали реактивными снарядами. Командир сообщил по радио о своем критическом положении и попросил

поддержки. Комбат подполковник Гилуч Владислав Петрович в этой ситуации лично возглавил бронегруппу. При выдвижении в район боя, под идущим следом за Гилучем БТРом взорвался фугас. Всех, кто был на броне, разбросало, а Михаил Говенько погиб за рычагами. Ему оторвало ногу по колено, и от минно-взрывной травмы он вскоре умер. Ранения получили шесть разведчиков, которых разбросало взрывом, среди них особенно тяжелыми оказались Новосад Н.В. и Сенчук Н.Н.

В результате скоротечного и стремительного боя противник разбежался, а группа разведчиков была спасена ценою потери товарища.

Утром следующего дня состоялся траурный митинг прощания с погибшим. Мы с командиром бригады тоже приехали в отряд отдать последние

¹ Говенько Михаил Алексеевич родился восьмым ребенком в многодетной семье колхозников в Брянской области. До армии работал шофером. Призван в Вооруженные Силы в октябре 1985 года. В ДРА с 22 февраля 1986 года. Прошел через горнила многих боев и показал себя смелым воином.... Награжден медалями «За Отвагу», «За боевые заслуги», а также орденом Красной Звезды (посмертно).

Прощание с погибшими в бою

почести. На небольшом плацу под могучими эвкалиптами по фронту построились все подразделения батальона. Перед строем стояла боевая машина пехоты, на ней на носилках лежало завернутое в фольгу тело погибшего. Склоненное Красное Знамя части кровью алено рядом с неживым серебром погребального мешка. Одним мгновением прошел траурный митинг. В момент прощания с погибшим бойцом, когда сослуживцы, сняв головные уборы, преклонили колени, в прозрачно-голубом небе над джелалабадской низменностью тоскливо прозвенели три длинных пулеметных очереди. Таким образом связисты поста «Роза» и охранение отряда, наблюдавшие с горы в бинокль за расположением батальона, продемонстрировали свою скорбь и участие в траурной процедуре.

Вскоре случились и другие потери, — за первый месяц моей службы в ДРА бригада потеряла убитыми 9 человек (из них 3 офицера), ранеными 29 человек. Но из этого печального списка Мишу я вспоминал особенно часто. Не только потому, что он являлся первым, а еще и потому что в трех выписках из Указов Верховного Совета СССР о награждении наших воинов, на глаза попадалась его фамилия. Как жаль, что при жизни он не успел получить ни одной своей награды. Как бы они порадовали его — внука партизана Великой Отечественной войны.

Он был мужественным солдатом и насмотрелся на смерти товарищей достаточно. Первым на его глазах геройски погиб 19 марта 1986 года

сержант Василий Коваленко, закрывший своим телом командира. Василия представляли к званию Героя, но не сложилось. Михаил видел самоотверженность офицеров, не жалевших себя и рвущихся в бой. На его руках умер сбежавший раньше срока из госпиталя лейтенант В.И.Красильников. Три дня пожил в родной роте и ушел в вечность...

34 раза стоял Михаил Говенько под сводами эвкалиптовых деревьев — прощаясь с ушедшими, — и не мог предполагать, что его номер по списку будет 35!

В те горячие месяцы большая часть караванов шла через зону боевой ответственности Газнийского и Баракинского батальонов. Основным местом пересечения границы с Афганистаном был Парачинарский выступ. К этому времени в связи с крупными поставками новых средств борьбы с нашими летательными аппаратами — ПЗРК «Стингер» ситуация в военном противостоянии резко изменилась. Превосходство советской авиации в воздухе закончилось. Только за полгода моджахедами было сбито более ста самолетов и вертолетов ВВС 40 армии...

Правда, не обошлось и без курьезов, — по данным агентурной разведки, Раббани продал 11 «стингеров» из поставок США в Иран за 14 млн. долларов. Контроль за использованием этих ПЗРК был утерян, в результате чего «стингерами» в Персидском заливе сбили два самолета и один вертолет. Американцы оказались в неудобном положении, но свою помощь моджахедам не прекратили. Для сопровождения караванов мятежники стали использовать сторожевых псов, которые издали чувствовали наших воинов. Широко использовалась душманами японская радиосвязь...

Когда наша боевая колонна втянулась в ППД отряда, нас встретил первым комбат Гилуч. Попрощавшись и пожав руки Федорченко, Маркову и разведчикам группы, собирающимся в баню, я уехал в штаб бригады, который вдруг сразил меня своей пустотой. Как пояснил дежурный на ЦБУ, еще с ночи комбриг и большая часть личного состава убыли на блокирование района гибели советского самолета. Живых из 22 человек, находящихся на борту, не обнаружено¹.

Взяв БТР, я выехал к месту катастрофы. Самолет не долетел до ВПП двести метров и упал в овраг за внешним ограждением аэродрома. Оглядев мелкие останки разорванных человеческих тел, согласился с заключением судмедэкспертов о невозможности идентификации погибших. Однако по обрывкам тельняшки на туловище без головы и конечностей да

¹ Экипаж самолета Ан-26 в составе: командир капитан Мельников М.М., помощник командира лейтенант Симонян Г.В., штурман лейтенант Литвонов Б.А., борттехник капитан Зинченко К.Т., бортрадист прапорщик Курило А.И., бортмеханик Русак С.Н. посмертно награжден орденами Красной Звезды.

чудом сохранившемся ремне с кобурой от пистолета ТТ, решили с комбригом, что это наш Володя Романов. Его кровавые кусочки сложили в отдельную сумку, которые как «груз 200» вскоре улетел к семье то ли в Алитус, то ли в Калварию, где он служил до этого.

Вот так начался и закончился тот памятный для меня день боевого крещения.

А всего за 9 месяцев 1987 года разведчики нашей бригады совершили 861 боевой выход. Результативность держалась на уровне примерно 18,8%. Всего же за тот год в засадах и в ходе досмотровых действиях военнослужащими бригады уничтожено 1479 мятежников, 996 выючных животных, 25 автомобилей, 6 тракторов, 5 пусковых установок реактивных снарядов, 12 пулеметов ДШК, 16 минометов. Захвачено 167 пленных, 256 выючных животных, 6 автомобилей, 1 трактор, 12 пусковых установок реактивных снарядов, 9 пулеметов ДШК, 62 ПЗРК и многое другое.

Эти цифры сами по себе и сейчас свидетельствуют о напряженном ратном труде разведчиков-спецназовцев. Потери бригады за текущий год на тот период составляли 54 человека убитыми и около трехсот ранеными. По сравнению с таким же периодом в 1986 году мы имели более 70 убитых. Небоевые потери за 10 месяцев 1987 года составили 7 человек (из них один погибший офицер). На минных полях и во время обстрелов наших колонн мы потеряли 25 единиц техники.

Война продолжала безжалостно писать свой мартиролог...

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КОМБАТ ВОРОБЬЕВ

Осенью 1987 года должность комбата в Джелалабаде принял капитан Воробьев Владимир Федорович, опытный и боевой замкомбата из 668 отряда, где прекрасно себя зарекомендовал. Это был человек незаурядных способностей, среднего роста, спортивный, очень подвижный и быстрый в решениях, с хорошей командирской интуицией. Не лишенный харизмы руководителя, он оживлял коллектив, ибо где бы он ни появлялся, вокруг него закипала жизнь. Непременным предметом его гардероба был берет война интернационалиста периода войны в республиканской Испании. Во многом Владимир был оригинальным и творческим человеком.

Владимир Федорович Воробьев родился 20 февраля 1958 года в селе Емантаево Абдулинского района Оренбургской области в семье фронтовика. Окончил 8 классов и поступил в Калининское СВУ. В 1975 г. поступил в РВВДКУ на факультет спецназа. Училище окончил в 1979 году с золотой медалью. Офицерскую службу начинал в 1701 отдельном учебном полку спецназа командиром взвода минирования. Затем командир группы СпН и командир учебного взвода учебной роты в 3 гв.обрСпН (ГСВГ). Усердие офицера отмечают и выдвигают на должность заместителя командира — начальника ПДС 792 орСпН 3 гв.УОА (г.Дассау), а через год — начальника штаба разведывательного батальона 47 тд 3 УОА. По возвращении в Союз командиром в Афганистан на равную должность — начальником штаба 781 разведбата 108 мсд 40 армии. Вскоре добивается перевода на должность заместителя командира 668 ооСпН 15 обрСпН. На этой должности раскрывается военный талант боевого офицера, практически не выходящего из боев. За мужество и героизм в марте 1987 года капитан Воробьев

Командир 154 отдельного отряда спецназа 15 обрСпН подполковник Воробьев Владимир Федорович

ев награжден орденом Красной Звезды. В ноябре его выдвигают на самый престижный пост в бригаде 154 ооСпН. Под влиянием неумоимого командира еще более совершенствуется тактика действий подразделений отряда, проводятся десятки удачных боевых операций, складывается тщательно продуманная система спецминирования на основных караванных тропах в полосе ответственности отряда. Выдающимся достижением разведчиков под командованием Воробьева стали два захвата зимой 1988 г. новых образцов вооружения противника — четырех ПЗРК «Стингер». За успешное командование отрядом, личное мужество и героизм в феврале и октябре 1988 г. майор Воробьев В.Ф. награждается двумя орденами Красного Знамени. После успешного вывода отряда с территории Афганистана в Чирчик начинает учебу в Военной академии им. М.В.Фрунзе. Осенью 1991 г. командирится в Чечню для выполнения ряда специальных заданий командования. Затем переводится в Белорусский военный округ. После развала Вооруженных Сил СССР служит начальником разведки дивизии МВД в Белоруссии. Как перспективный оперативный офицер приглашается для работы с организованной преступностью в Интерпол. Однако в конце 1993 г. в связи с резким ухудшением здоровья оформляет инвалидность и уходит в отставку. С 2003 г. — начальник службы безопасности различных структур в Минске и Москве. Женат. Имеет дочь и сына.

НЕСТАНДАРТНАЯ ЗАСАДА¹

В Боевых уставах под понятие «особые условия выполнения боевой задачи» подпадают лес, горы, пустыня, ночь, населенные пункты и даже районы крайнего Севера. Можно подумать, что в «обычных» условиях боевые действия ведутся на специально расчищенных полигонах... Местность в районе выполнения боевой задачи редко когда соответствует полигонным условиям боя, тем более горная.

Существуют известные истины, вроде таких, как правило №1: «В горах кто выше — тот сильнее», но у спецназа свои правила, и главное из них золотое правило: «В каждом правиле есть исключения», или «Никаких правил». Основным способом действий спецназа в Афганистане по борьбе с формированиями вооруженной оппозиции являлась засада. Успех ее проведения во многом определялся умелым выбором места засады и способа огневого поражения противника. В горно-пустынной местности идеальных мест для проведения засады не так уж много. Вернее их достаточно, но о них прекрасно осведомлен и противник. Моджахеды из числа местных жителей, контролирующих караванные маршруты и обеспечивающие безопасность проводки караванов, прекрасно знали местность в своем районе и вероятные районы (места) действия своего противника, т.е. советских войск.

Практика показала: чем дольше длится вооруженное противостояние, тем осторожней становятся члены иррегулярных вооруженных формирований. Это объясняется прежде всего естественным отбором, в ходе которого выживают более осторожные и опытные боевики. Во второй половине 80-х годов в Афганистане это уже были не «вчерашние дехкане, взявшие в руки кремневые ружья», как их изображала западная пропаганда, а обученные в учебных лагерях и имеющие многолетний практический опыт вооруженной борьбы бойцы. Извлекая уроки из боестолкновений с советскими и афганскими войсками, они научились премудростям противозасадных мероприятий. Выжив после боя в засаде, в следующий раз опытные «старички» проходили по печально известным им местам, с принимая необходимые меры предосторожности. Среди них и разведка мест возможного проведения спецназом засад на караванных маршрутах, которая велась моджахедами сначала на дальних подступах (наблюдением за передвижением войск вблизи гарнизонов, изучением следов передвижения на маршруте выхода к засаде и опросом местных жителей), а уже затем наблюдением за возмож-

¹ Мусяенко Александр Валентинович, ветеран 15 обрСпН, полковник.

ными местами устройства засады и их разведки местными жителями или специальными патрулями (дозорными).

Таким образом, в районах активных действий спецназа идеальные места для устройства разведчиками засады, как правило, находились у противника под контролем. Выход оставался один — организовывать засады там, где их противник менее всего прогнозирует.

Подполковник Самсонов Юрий Николаевич, службу проходил в должности начальника штаба 154 ооСпН. Впоследствии командовал 177 ооСпН. Уволился с должности замкомбрига 2 обрСпН

не обязательно располагаться выше противника, и не обязательно поражать его одновременно всеми огневыми средствами подразделения, и еще много чего не обязательного, исключающего шаблоны и штампы, но обеспечивающего успешное выполнение боевой задачи. Таким путем и пошли мы — разведчики СпН, организовывая засаду на южном участке Панджшерского ущелья в одном из примыкающих к нему сухих русел. Дело было в октябре 1987 г. и мне, заместителю командира 1 роты, мотавшему в Афгане уже третий год в ожидании замены, пришлось придумывать, как перехитрить «душков», а самому все же дож-

Возьмите карту горно-пустынной местности, поставьте себя на место противника и отметьте идеальные места для засады и маршруты выхода к ней противоположной стороны. Сюда попадут все канонизированные участки местности с учетом правила № 1. Это правило едино для тех, кто в засаде и кто не желает в нее попасть. Засада сама по себе предполагает определенную пассивность действий подразделения. В отличие от рейда, поиска или налета, это своего рода лишь ответная реакция на действия противника. Он передвигается, где хочет — войска «сидят» в засадах, где удобно сидеть... Но где удобно для засады, там неудобно для противника, и он там не пойдет. Но засаду можно организовать и там, где по логике (чьей?) «сидеть неудобно» — в самом ущелье, сухом русле, внизу. Главное при этом грамотно организовать засаду, а не сидеть в ней. Потому, что в засаде не сидят, а ее организуют, в ней размещаются, и ее проводят. И

ВЗВЕШИВАЯ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Обсудив подробности предстоящих действий в офицерском коллективе роты, мы решили проводить засаду отрядом в составе двух разведгрупп. Прибыв засветло на сторожевую заставу у развалин кишлака Гогамунда на участке автодороги Суруби — Джелалабад, мы организовали взаимодействие с командиром артиллерийского взвода 122-мм самоходных гаубиц 2С1 «Гвоздика» и с наступлением сумерек переправились вброд через реку Кабул, мелководную в этот период года, но, тем не менее, достающую до этих самых... Надо добавить, что в октябре вода уже достаточно холодная.

Где-то к полуночи, пройдя около 5 км, мы благополучно вышли к намеченной точке. Здесь осталась подгруппа обеспечения засады, а огневая подгруппа после уточнения мной задачи на местности лейтенанту Игорю Матвейчуку ушла непосредственно к месту устройства засады. Здесь и начинается та самая нестандартность. Во первых: удаление огневой подгруппы от подгруппы обеспечения составило около 1 км. Для засады в горах это слишком много, но, находясь ближе, мы бы не смогли контролировать местность, соблюдая правило №1. Исходя из этого, подгруппа обеспечения имела несколько нестандартный для афганской войны комплект вооружения. Кроме штатного стрелкового оружия и расчета АГС-17, мы прихватили с собой противотанковый ракетный комплекс (ПТРК) 9К111 с тремя противотанковыми управляемыми ракетами (ПТУР) 9М111 «Фাগот». Не на всякий случай, а четко зная, что в районе кишлаков Котагай, Дахани-Кох и Синджилай (1-1,5 км северо-западнее места засады) на вооружении бандгруппы численностью 25-30 человек имеются безоткатное орудие и несколько крупнокалиберных пулеметов ДШКМ (китайский 12,7-мм станковый пулемет тип «54»). Для подавления их и брался ПТРК, так как дальности стрельбы АГС-17 могло не хватить. Определяя состав подгруппы обеспечения, мы включили в нее 4 пулемета ПКМ и двух снайперов, что также способствовало увеличению дальности действительного огня. Таким образом, мы могли подавлять цели противника огнем стрелкового оружия на дальности чуть больше километра (ПКМ и СВД) и поражать цели гранатометом АГС-17 на дальности до 1750 м и огнем ПТУР — до 2000 м.

Нашему РО СпН №501 была поставлена задача на проведение засады с целью уничтожения группы или вьючного каравана моджахедов, осуществляющих передвижение на участке горной тропы Дахани-Кох — Дальвазикалай. Местность на этом участке тропы была больше горно-пустынной, чем горной. Покрытые чахлой выгоревшей травой сопки были абсо-

лютно лысыми, и скрытно расположиться на них мы не могли. Лишь вершина горы, на которой расположилась подгруппа обеспечения в количестве 16-18 человек, имела выходы скальной породы. Ее высота над уровнем моря составляла 1600 м, но западнее нас в километре тянулся горный хребет высотой более 2000 м и то, что на нем нет позиций ДШК, никто не гарантировал. Поэтому, ставя задачу на оборудование огневых позиций, я не поленился обойти всех бойцов и предупредить каждого(!), что если какая-то «редиска» высунет голову, то если ее не снесу я — снесут духи, а их командир не дожидется замены. В подтверждение нагнетаемых мною страстей кто-то из бойцов продемонстрировал «хвостовик» (стабилизатор) от разорвавшейся ранее 82-мм мины. Затем, уже по дню, я заметил еще несколько «хвостовиков», валяющихся между камней. С нашей сторожевой заставы они никак прилететь не могли — и миномета на ней не было, и дальность стрельбы не позволила бы. Вывод один: миномет духовский, и горка пристреляна. Узнав такую новость, бойцы пригорюнились, но свои позиции замаскировали так, что с десяти метров не заметишь. Платой за маскировку была возможность находиться на них только лежа. Кто лежал часами в засаде или на дневке в забитом гранатами, снаряженными магазинами и прочим боевым скарбом нагруднике, знает, как это «комфортно». Уже через пару часов чувствуешь каждое ребро гранаты или магазина, а лежать нам предполагалось не менее 12 часов (с утра и до темноты).

Группе Игоря Матвейчука в этом смысле повезло чуть больше. В сухом русле в месте пересечения его тропой имелись огромные вымытые водой валуны, с растущими кустами чия (травянистое растение высотой 1,5-3 м, напоминающее тростник). Огневая подгруппа оборудовала позиции в нескольких десятках метров от тропы непосредственно в сухом русле, ширина которого составляла не более 40 м. Находясь в сухом русле, разведчики могли нанести поражение малочисленной пешей группе противника или небольшому каравану. Средняя высота обрыва на южном склоне русла составляла 8-12 м, а местами и до 40 м. Противника с юга мы не ждали, предполагая, что во второй половине дня (по данным агентурной группы «Суруби») моджахеды начнут выдвижение из Дахани-Кох в южном направлении. То есть, будут спускаться в русло с северного склона, хорошо просматриваемого моей подгруппой и подгруппой Матвейчука. Мы прекрасно понимали, что передвижение боевиков и местного населения по тропе можно ожидать в любом направлении. Условия наблюдения со стороны подгруппы обеспечения позволяли заблаговременно заметить противника, выдвигавшегося по тропе с юга, и предупредить о нем Матвейчука по радио.

К рассвету боевой порядок нашей засады состоял из:

— огневой подгруппы (личного состава — 8 чел., 7,62-мм АКМС с ПБС — 3 ед., 5,45-мм автоматы АК-74 — 3 ед., 40-мм подствольный гранатомет ГП-25 — 1 ед., 7,62-мм пулемет ПКМ — 2 ед., мины МОН-50 (в управляемом по проводам варианте) — 2 ед., один комплект НВУ-П «Охота» с пятью минами ОЗМ-72 (установлен на 250 м севернее на вершине сопки с противоположной от подгруппы стороны);

— подгруппы обеспечения № 1 (личного состава — 16-18 чел., ПТРК «Фагот» (3 ПТУР), 30-мм автоматический гранатомет АГС-17, ПКМ — 4 ед., СВД. — 2 ед., автоматы АКС-74 и АКМС);

— подгруппы огневой поддержки (огневой взвод 122-мм самоходных гаубиц 2С1 «Гвоздика» (боекомплект ок. 200 снарядов), удаление огневой позиции 7 км, готовность к открытию огня по запланированной цели 1,5 — 2 минуты, по внеплановой — 3-4 минуты).

Учитывая то, что ближайшие резервы противника располагались в 1,5 км северо-западнее места устройства засады, а на вооружении моджахедов состоял 82-мм миномет, безоткатное орудие и крупнокалиберные пулеметы, от разведчиков требовались не только скрытность, но и скоротечность боя. Расчетное время подхода крупных резервов противника (80 — 100 чел.) с глубины Панджшерского ущелья составляло не более 1,5 — 2 часа, поэтому мы планировали в первой половине дня беспрепятственно пропускать мирное население и моджахедов. Зная, что духи имеют в районе разветвленную сеть наблюдательных постов и подготовленных позиций тяжелого вооружения (боеприпасы заложены в тайники), светиться раньше времени в районе в наши планы не входило. Печальный опыт ведения РГ СпН оборонительного боя в отряде имелся, и не один... Все понимали, что в случае обнаружения нас «душки» постараются блокировать наши группы огнем стрелкового оружия, а затем нанести основное поражение огнем крупнокалиберных пулеметов, минометов и безоткатных орудий. ПВО афганских бандформирований в Панджшере в случае завязки боя не позволяла применение вертолетов армейской авиации для нашей поддержки, а надеяться на эффективную, а главное продолжительную по времени авиационную поддержку штурмовиков не приходилось.

МЫ ПРЕДПОЛАГАЕМ, А АЛЛАХ...

И все же, чего и как ни планируй, всего не предусмотреть. Наблюдение за подступами к месту устройства засады осуществлялось подгруппой обеспечения (две третьих ее личного состава), как уже отмечалось, удален-

ной от огневой подгруппы на 1000 м. Появление в районе устройства огневой подгруппой засады двух боевиков около 13.00 подгруппой обеспечения осталось незамеченным. Душки шли по дну русла с севера и, дойдя до тропы, заметили посторонние следы. Изучая их под пристальным вниманием разведчиков, духи обнаружили плохо замаскированную мину МОН-50 и побежали в обратном от нее направлении. лейтенант Матвейчук принял решение уничтожить их подрывом той самой мины МОН-50. Прогремел взрыв. одного духа срезало осколками, а второго, видимо, раненого, разведчики уничтожили огнем из АКМС с ПБС. Услышав разрыв, я лишь заметил облако черного дыма и двух или трех бегающих разведчиков огневой подгруппы, высочивших для осмотра тел уничтоженных боевиков.

— «Москва-3», я «Москва», доложи, что у тебя?

— Два бородатых вышло! Уничтожил! — после короткой паузы, запыхавшись сообщил мне Игорь.

— Спрячь их и ко мне бегом! Бегом, говорю!

Как я и определил при организации взаимодействия, группа Матвейчука в дневное время после боестолкновения или обнаружения ее противником должна была отходить по руслу к подножию занятой мной высоты, у которого располагались развалины сарая. Наспех замаскировав трупы боевиков в сухом русле, огневая подгруппа скрытно отошла к подножию высоты и укрылась за стенами глиняного сарая.

Я вооружился биноклем. Все без исключения разведчики подгруппы обеспечения «рубил фишку», фиксируя любое движение. Потекли напряженные минуты ожидания. Если духи вычислили маневр группы Матвейчука, ждать ему минометного обстрела... Я связался с артиллерией и попросил артиллеристов находиться в готовности к открытию огня, не уточняя цель.

Через 10-15 минут прозвучал первый доклад наблюдателя.

— Товарищ старший лейтенант, два духа в русле, где засада была! — Тревожным громким шепотом сообщил мне наблюдатель из соседнего СПС.

— Принял, вижу.

К месту проведения засады по сухому руслу вышли два боевика. В бинокль Б-12 хорошо было видно их зеленые китайские «лифчики» и удерживаемые за цевье автоматы. Духи едва вышли из-за поворота русла и, остановившись за 80-100 от тропы, наблюдали за местностью, оглядываясь по сторонам. Вряд ли духи подозревали о нашем присутствии, ведь услышанный ими одиночный взрыв можно было принять за разрыв снаряда, ручной гранаты, инженерной или минометной мины. Я вызвал по ним огонь 122-мм гаубиц. Цель была накрыта первыми разрывами, так как тропа в

русле артиллеристами была уже давно пристреляна. После небольшой корректуры по дальности залп из 3 снарядов размазал духов, и те остались лежать двумя темными пятнами на песке, едва успев отбежать, услышав шорох приближающегося снаряда.

Спустя еще 20-30 минут в распадке между сопками восточнее от нас 2,5 км наблюдатели заметили группу боевиков из 8 человек. И их постигла та же участь, что и тех двоих, попавших под огонь артиллерии. На этот раз артиллеристы накрыли цель после пристрелки только с третьего снаряда. Скольких человек уничтожила артиллерия, сказать трудно, так как духи скрылись в распадке, где их и накрыли снаряды...

Около 14.00 произошел подрыв одной, а затем еще двух мин ОЗМ-72 из комплекта неконтактного взрывного устройства НВУ-П «Охота». По всей видимости, боевики пытались занять заминированную разведчиками высоту. Сейсмодатчик «Охоты» уловил колебания почвы, и блок аппаратуры выдал команду на подрыв одной из пяти мин. Два других подрыва — свидетельство того, что духи пытались или вытащить своего подорвавшегося товарища, или обойти место подрыва стороной. Когда они третий раз наступили на грабли, «Охота» отбила у них охоту наступать на грабли еще раз.

Наши опасения насчет минометного обстрела со стороны духов не оправдались. Они были в неведении, что произошло и происходит, но, скорее всего, догадались, что к ним пожаловали «в гости» шурави. Вопрос — где мы и сколько нас, духов волновал не меньше, чем нас вопрос — долго ли еще будет длиться игра в кошки-мышки?

Приблизительно еще через час (подтянулись резервы) противоположную вершину заняли три моджахеда с 7,62-мм пулеметом РПД и автоматами АК. «Душки» скрытно заняли высоту, расположенную 900 м севернее нас. Желая спровоцировать огневой бой, пулеметчик стал обстреливать короткими очередями все подозрительные с его точки зрения места, в том числе и высоту, где находилась подгруппа обеспечения. Несколько пуль прожужжало над нашими головами. Мы промолчали.

Какое совпадение! Духи заняли высоту, обозначенную целью для артиллерии № 103.

— «Гроза», я «Москва», цель 103, три осколочных, огонь!

— Принял, цель 103, три осколочных. Наблюдай.

Пока артиллеристы колдовали у орудий, духи стали осторожно спускаться в направлении места проведения засады.

— «Гроза», я «Москва», отставить! «Гроза», цель 103 ближе 50, три осколочных, огонь! Побыстрее, мужики! — торопил я артиллеристов.

— Принял, цель 103 ближе 50, три осколочных. Наблюдай. — Артиллерист, в отличие от меня, был невозмутим.

У нас над головой, чуть не сбивая антенну радиостанции Р-159, один за другим прошелестело три снаряда. Духи на мгновение остановились, но поздно. Двоих моджахедов разорвало в клочья первым снарядом. Разрывы и пыль накрыли третьего. Подхваченные ветром дым и пыль унесло в сторону, а третий моджахед, видимо, серьезно раненный, полз обратно на гору.

— «Гроза», я «Москва», цель поражена. Давай еще, по цели 103, три осколочных.

— Принял, цель 103, три осколочных. Наблюдай.

Без комментариев...

Точнейший огонь артиллерии окончательно убедил духов, что они под пронизательным взглядом шурави. Рисковать людьми и тяжелыми системами вооружения моджахеды не стали. Мы благополучно дождались темноты и организовали осмотр мест поражения противника. Не стали только подниматься на гору, где накрыли артиллерией троих моджахедов. Мы предположили, что именно там, вероятнее всего, находился их наблюдательный пост, который духи не успели занять вовремя днем.

Как показывает анализ ситуации, головной дозор моджахедов передвигался в светлое время суток не по тропе, а параллельно ей, используя складки местности. Два духа, появившиеся спустя 15 минут после подрыва мины, следовали за головным дозором и составляли так называемый промежуточный дозор, понятие которого у нас появится только со «второй чеченской войны». Действия моджахедов после проведения засады объясняются их желанием установить наше местонахождение, а также разыскать и эвакуировать тела погибших.

Основными нашими ошибками было то, что наблюдатели подгруппы обеспечения не обнаружили своевременно первых двух духов и не предупредили о их приближении засаду. Здесь плохую шутку с нами сыграла уже нестандартность действий противника. Смазали план и плохо замаскированные следы передвижения разведчиков в сухом русле у тропы при установке мины МОН-50 и сама мина. Позже мы стали маскировать мины, оборачивая их мокрой тряпкой и затем обмазывая ее песком и глиной.

В случае заблаговременного предупреждения огневой подгруппы и тщательной маскировки своих следов следовало бы беспрепятственно пропустить головной дозор противника, а в случае обнаружения им группы

уничтожить огнем из бесшумного оружия. В дальнейшем действовать по обстановке.

Прибыв к утру в базовый лагерь отряда в окрестностях ГЭС «Суруби», я доложил исполняющему обязанности командира отряда майору Виктору Дмитруку о результатах засады, сообщив об уничтожении пяти боевиков. Комбат скептически и даже как-то легкомысленно отнесся к моему рапорту, сказав, что в «результат идут два автомата, и, соответственно, два «духа». Спустя несколько дней, хоть и нехотя, но он все же поправился, когда офицеры оперативной агентурной группы доложили ему об уничтожении нашей засадой восьми моджахедов и ранении семерых.

Сценарий подобной засады в этом же районе спустя несколько месяцев был повторен моими сменщиками. Они решили работать по уже обыгранному сценарию, забыв о золотом правиле спецназа «Никаких правил»... Духи вычислили нашу РГ СпН где-то на дальних подходах и целый день вели беспокоящий минометный огонь по всему району, так и не зная, где конкретно находятся разведчики. К чести спецназовцев, позиции они все же сменили, о чем не пожалели, ведь минометный обстрел начался с тех мест, на которых располагались моя подгруппа и подгруппа Матвейчука.

МОЯ ВОЙНА¹

После Чирчика я служил в знаменитом 154 отряде спецназа. Сказать, что служба была трудная, значит ничего не сказать. Нашим солдатам и офицерам приходилось непрерывно быть в боях. А это непрерывный калейдоскоп событий и прежде всего тяжелый труд. Больше всего мне запомнились бои, в которых мы несли потери. Одиннадцать моих земляков служили в нашей бригаде и погибли в боях, все их имена есть на памятнике «Взрыв памяти» в центре Днепропетровска.

27 января 1987 года мы вышли на боевые — от постов охранения у дороги Кабул-Джелалабад в Черные горы. Стояла поздняя ночь, шли в колонну по одному, а мы с сержантом Павлом Телешом замыкали отряд в тыловом дозоре. Вместе с нами шел молодой лейтенант-медик, что недавно прибыл из военно-медицинской академии. Это был первый его боевой выход. С ним мы несколько замешкались и отстали от колонны. Очень испугались и еле нагнали свою роту уже при подъеме в гору. Свалились отдыхать, а наш лейтенант жадно стал пить воду из фляжки. Мы ему говорим: «Этого делать нельзя на марше...», но он не послушался. И нам стал предлагать свою фляжку. Конечно, мы отказались. Когда после короткого отдыха мы быстро пошли вперед, то наш медик «умер» и начал отставать. Передали об этом по радиостанции в голову колонны. Движение остановилось, а нам приказали тащить его на себе. Из-за этой непредвиденной задержки мы не успели в темноте выйти к укрепленному району, который должны были разгромить. Светало, и при последних наших приготовлениях к бою противник обнаружил нас и стал стрелять... В момент перебежки рядом со мной в ногу ранило минера. Стрельба усиливалась. Мы лежали на господствующей высоте и вели оборону, а бойцы из трех рот спецназа ворвались в крепость и вели там рукопашный бой. В том скоротечном бою разведчики захватили пулемет ДШК, большое количество боеприпасов и японские радиостанции. Противник вел себя очень активно и нас окружил. Спасало только, что мы были выше. А в горах — кто выше, тот и прав. Комбат, майор В.Гилуч, с рассветом вызвал авиацию и вертолетчики били

¹ Попов Олег Андреевич родился 12 октября 1967 года в Березноватовке Солонянского района Днепропетровской области. В 1985 года призван в ВС СССР. После Чирчикского учебного полка спецназа службу проходил в 154 ооСПН в городе Джелалабаде (провинция Нангархар). Разведчик, рядовой. За проявленное мужество и героизм награжден медалью «За отвагу». Уволен в запас 9 ноября 1987 года. В настоящее время работает социальным работником в Солонянском райотделе труда и социальной защиты населения. Женат. Воспитал двух сыновей.

духов вокруг нас. По нашим целеуказаниям. Мы дымами показывали свое расположение на местности. Весь день шел непрерывный бой, стрельба не прекращалась и глубокой ночью. По приказу командира начали отходить. Скатились с гор под прикрытие постов охранения 66 мотострелковой бригады и пересчитали личный состав. В районе боя остались тела четырех наших товарищей. В разведке не принято бросать тела погибших — поэтому, как стемнело, опять полезли в горы. Нашли всех убитых и вынесли с собой. Во время штурма были убиты в 3 роте мой земляк, днепропетровец сержант Сергей Яцковский, во 2 роте — днепродзержинец лейтенант Олег Злуницын, рядовые Овдиенко Н.Н., Кучинов И. У. Утром вызвали вертолеты, и летчики вывезли «груз 200» на «Сеялку»¹. Общее время операции составило двое суток.

Вспоминаю, кровавое 4 марта 1987 года. В районе кишлака Шахидан мы должны были в засаде ждать караван духов. Шли своим ходом с большим грузом на плечах. Только вышли в определенный нам район, как неожиданно обнаружили духовскую группу обеспечения каравана. Мы рассеялись для стрельбы с двух сторон от русла высохшей реки. Прямо на меня шли и стреляли два духа. Я начал стрелять из СВД (снайперская винтовка), но сразу не попал, только после 3-4 выстрела одного снял, а второй успел укрыться от огня. Шла интенсивная перестрелка. По команде командира группы наша подгруппа перебежала к основным силам. Противник был силен и, вероятно, решил нас уничтожить. Рядом со мной дважды

Командиры 1 и 2 рот капитаны Мартьянов и Аракчеев

вскрикнул и упал лейтенант Семенюк. Я добежал до расщелины, прыгнул вниз и оглянулся. Лейтенант полз за мной. Грохотал бой. Вокруг щелкали пули. Семенюк сполз ко мне — он был ранен в руку, и я его перевязал. Начало светать, и на помощь пришли вертушки, которые сделали боевой разворот и нанесли удар НУРСАМи. Поддержка летчиков спасла нам жизнь. Однако в том бою мы потеряли убитыми старшего лейтенанта Чихирева А.В. (командира 4 группы 2 роты) и молодого лейтенанта Хамалко Юру из роты минирования. Перед выходом на боевые он стал отцом, и мы

¹«Сеялка» — позывной Дзержалабадского госпиталя в месте дислокации 66-й ОМСБР.

его все поздравляли с рождением ребенка. Тяжелое ранение получил мой приятель Димка Белых, он 14 мая умер в госпитале. Ранения получили рядовые Киргизов и один из братьев-близнецов Жураев (то ли Хасан, то ли Хусейн). В итоге — караван моджахедов мы пощипали, но остатки его ушли в горы, мы не смогли его добить.

Нашей роте под командованием хорошего мужика, капитана Аракчева, которого мы в солдатской среде любили, не везло на минных полях. За короткое время мы потеряли на подрывах 4 бронетранспортера. Из них два потрескались по швам, один был насквозь прожжен в днище от кумулятивного заряда, а последний разнесло вдребезги на фугасе. Кроме того, один бронетранспортер утонул при форсировании реки Кабул. Технику не жалко, но при подрывах всегда гибли люди.

В июле 1987г. при выходе в район боя подорвался на фугасе БТР, где механиком-водителем был рядовой Михаил Говенько, скончавшийся от полученных ран

рим, и вылетели наружу в один лок. Увиденное представляло страшную картину. Все, кто сидел на броне, лежали разбросанными по сторонам от БТРа. Оператор-наводчик был в сознании, но сильно контужен и ничего не понимал. Водителя Мишу Говенько вытащили из машины. Показалось, что он будет жить. Сделали ему укол промидола. Мне стало страшно от вида его левой ноги — она была вся обтрепана, а пятки не было вообще. Парень умирал на глазах, но нога еще дергалась, обильно текла кровь. Подбежал замполит, посмотрел в глаза раненому и говорит: «Эх Миша, Миша...» И накрыл его плащпалаткой.

Примерно через месяц 8.08.87 года мы шли в колонне с 3 ротой спецназа, которой командовал капитан Пархоменко Н.В. Вся рота прошла, а первый БТР нашей колонны, двигаясь по сухому руслу реки, наскочил на

На память приходит такой эпизод: мы были на боевых под Сурхрудом. Вечером нас забрали на броню, и мы возвращались в ППД (пункт постоянной дислокации). Очень устали, было уже под утро. Несмотря на запрет, мы со Шлыковым и Петровым залезли в БТР и дремали. Колонна шла след в след. Я проснулся от мощного толчка, а затем взрыва, все на меня повалилось. Пошли удушливые газы. Мы думали, что гор-

мину. Может, духи ее перед самым носом поставили в пыли, я не знаю. Сам момент подрыва БТР я не видел — он был в низине... Но куски резины от колес и осколки долетели даже до нас. От взрыва БТР перевернулся. Башню сорвало, и она улетела вместе с оператором. Парень чудом остался жив. А на куски посекло моего земляка младшего сержанта Солдатенко А.Н., рядовых Новикова Ю. и узбека Яхьясь Ф. Помню страшную деталь — Саше Солдатенко придавило руку люком, и когда мы доставали его тело, то пришлось эту руку отрубить.

Хотя Афганистан горная страна, почему-то запомнилось, что всегда сложно было преодолевать водные преграды. При мне 16 сентября 1986 года, утонули при переправе через реку Кабул три разведчика. Неожиданно пошла волна, и она накрыла радиста рядового Мирошниченко Анатолия и пулеметчика рядового Семинока Василия, наш земляк из Межевой сержант Ярмош Владимир бросился их спасать, но так как сам был в боевом лифчике, утонул вместе с ними.

И все-таки вспоминаем то время с теплотой. Что вспоминается доброе об Афгане?

Во-первых, дружба. Сколько лет прошло, а мы встречаемся, независимо от званий: полковники Стодеревский И.Ю., Кривопапов О.В., Ершов С.Н., Ахметов Р.М., майоры Дидик А.А., Почтовик И.А., капитаны Степушенко А.А., Войтенко Н.Н., сержанты Петрига А.А., Стокич И.Г., рядовые Малинский В.Ю., Макарук В.А., Степченко В.А., Кривулин А.Ю., Шустов В.Н., Листопад В.С., Чубковцов В.П., Пивненко А.М. и другие. Во-вторых, вспоминаю быт — баню с эвкалиптовым веником, бассейн перед штабом отряда, в котором купались, ледяную воду реки Кабул. Солдатское застолье с печеньем и с газировкой «Сиси» при проводах увольняющихся в запас. Мы тогда мальчишки совсем были, но помню — очень гордились службой в десанте. Мой брат Сергей тоже служил срочную

В момент подрыва чудом остался жив находящийся внутри бэтэра, рядовой Виктор Шлыкoв, в настоящее время продолжающий достойно служить Отчеству в звании офицера

в спецназе, но ему довелось служить в центре России — во Пскове. А нам выпало быть воинами-интернационалистами.

Героический образ Советской Армии разрушили средства массовой информации, а в замен дать ничего не смогли. Им же, этим средствам, надо и возрождать любовь к своей армии в народе. Это необходимо для будущего. Молодежь воспитывается на традициях. Я редко достаю и одеваю свою боевую медаль. Сейчас мало в жизни праздников, разве что 15 февраля, в день вывода войск из Афганистана, на день ВДВ, да на день советской военной разведки надеваю. И всякий раз с необыкновенным чувством держу ее в руках. У каждой награды своя цена. И даже одни и те же ордена и медали на разных войнах стоят разной крови. И что моя медаль похожа на ту, которую получил мой отец, освобождая от фашистских оккупантов нашу Украину. И я считаю, что наше поколение было достойно своих отцов и дедов. Как писал наш днепродзержинский поэт Александр Стомба: «Мы отцов не забыли традиции — в нас живет их отвага и честь!» Надеюсь, мои сыновья будут не хуже нас — мальчишек 80-х годов.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ОН ПРЕДСТАВЛЯЛСЯ К ГЕРОЮ¹

(ГЕННАДИЙ УДОВИЧЕНКО)

*«Никогда не любил войн, но у меня,
по-видимому, есть к ним некоторые
способности»
Эрнест ХЭМИНГУЭЙ*

Легендой Джелалабадского батальона, без преувеличения, стал Геннадий Удовиченко. Он являлся одним из самых смелых и результативных командиров подразделений спецназа.

Удовиченко Геннадий Викторович, 1962 года рождения. В 1984 году с отличием окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище им. С. М.

Удовиченко и Шабалкин во время воздушной разведки

Кирова. С мая 1985 по май 1987 года проходил службу в составе 154 ооСпН 15 обрСпН в г. Джелалабаде. Принимал непосредственное участие в проведении более 150 специальных операций (засады, налеты, разведывательно-поисковые действия, обеспечение действий агентурно-оперативных групп ГРУ, КГБ и МВД СССР «Дельта-1», «Дельта-2», «Кобальт» и реализация их разведанных в зоне ответственности) в качестве командира группы и командира разведывательного отряда специального назначения.

Командир соединения полковник Старов Ю.Т. оценивал его так: «Удо-

¹ Старов Юрий Тимофеевич. Полковник. Командовал 3, 10 и 15 бригадами спецназа ГРУ ГШ ВС СССР, впоследствии сотрудник ГРУ.

виченко обладая особыми организаторскими способностями и чувством предвидения, соизмеряя степень опасности с необходимостью выполнения поставленных задач, нередко в критических ситуациях находил наиболее целесообразные решения. Командуя вверенными ему подразделениями, принимал участие в рукопашных схватках с бандитами, при этом лично захватил в плен 10 боевиков высокого ранга. За успешное выполнение специальных заданий командования, умелую и четкую организацию взаимодействия приданных сил и средств, приведших к крупным боевым успехам, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Боевая деятельность Удовиченко Г. В. свидетельствует, что его личные качества (природная смекалка, находчивость, хладнокровие, изобретательность, аналитический ум, храбрость и смелость), а также глубокие профессиональные знания и мастерство позволили ему успешно решать поставленные командованием задачи в сложной боевой обстановке. Неоднократно эти качества спасали жизнь ему самому, его подчиненным и всему отряду, в составе которого он действовал. Ярким подтверждением тому являются операции, в которых он принимал непосредственное участие и которые принесли ему славу, любовь и уважение товарищей. Чаще всего при проведении боевых операций по уничтожению укрепрайонов, базовых складов, центров подготовки, экстремистских исламских комитетов в провинциях Нангархар и Кунар Удовиченко Г. В. действовал в составе усиленной группы или разведотряда спецназа. В ходе армейских операций в районе населенных пунктов Баграм и Нукурхейль привлекался для выполнения специальных заданий. В труднодоступном горном районе Торгар лично обеспечивал разведывательно-поисковые действия подразделений 350 полка 103 дивизии ВДВ.

В июле 1985 года 154 отряд участвовал в армейской операции по оказанию помощи правительственным войскам ДРА с целью установления контроля над горным районом Пандшерского ущелья. В ходе проведения разведывательно-поисковых действий отрядом под командованием Удовиченко Г. (в составе роты спецназа) был ликвидирован исламский комитет, обнаружено и уничтожено антенное поле, обеспечивавшее связь группировки Ахмад Шаха Масуда с руководителями оппозиции в странах, поддерживавших и финансировавших экстремистское исламское движение в ДРА. По докладам агентурной разведки, бандформирования Ахмад Шаха Масуда в ходе боевых действий со спецназом понесли значительные потери — около 50 человек убитыми, что заставило их отказаться от планов проведения диверсий в тылу наших войск.

В январе 1986 года отряд в составе двух рот под командованием

Удовиченко Г. В. успешно выполнил задачу по уничтожению укрепленного базового района мятежников на северо-западе провинции Нангархар в непосредственной близости от населенного пункта Гошта. Были уничтожены более 40 мятежников, склады с боеприпасами и снаряжением, захвачены в качестве трофеев два ПЗРК китайского производства, три зенитные пулеметные установки ЗПУ-1 калибра 14,5 мм, пять крупнокалиберных пулеметов ДШК калибра 12,7 мм, два безоткатных орудия БО-82, два 82 мм миномета и свыше тридцати единиц стрелкового оружия.

Спустя два месяца 3 рота под командованием Удовиченко Г. В. принимала участие в налете на базовый укрепленный район Карера, (провинция Кунар). Скрытно выдвигаясь в район объекта, находясь в тридцати метрах от противника и оценив изменения в оперативной обстановке (на опорном пункте, состоящем из пяти жилых сооружений и четырех оборудованных позиций ДШК, ЗГУ, 82-мм миномета, в этот момент оборонялось более 20 мятежников), а также возможности своей роты (насчитывавшей 24 человека), Удовиченко Г. В. принял решение на дерзкий налет. В ходе которого задача по уничтожению укрепрайона была выполнена полностью, при этом — уничтожено шестнадцать моджахедов, двое взяты в плен. Трофеи составили: два крупнокалиберных пулемета 12,7 мм ДШК, 82-мм миномет, 14,5 мм зенитная установка, более двадцати единиц стрелкового оружия, большое количество боеприпасов к пулеметам, противопехотные мины, взрывчатые вещества, снаряжение и средства связи.

В мае 1986 года подразделение под командованием Удовиченко Г. В. осуществляло засаду на пути следования каравана, путь которого, по данным агентурной разведки, пролегал через населенные пункты Мангвель и Сарбанд (провинция Кунар). В результате ночного боя отрядом было уничтожено восемь боевиков, захвачено более ста реактивных снарядов, около двадцати противотанковых и противопехотных мин, два переносных зенитно-ракетных комплекса (ПЗРК), шесть единиц стрелкового оружия, два гранатомета РПГ-7 и несколько УКВ-радиостанций американского производства.

В январе 1987 года, по имеющимся у руководства бригады агентурным данным, в горном районе Торгар (провинция Нангархар) был создан диверсионный центр подготовки душманов. Там же были размещены базовые склады со снаряжением и боеприпасами, перевалочная база, где отдыхали бандитские группы после переходов из Афганистана в Пакистан и обратно. Уничтожить действующий укрепрайон мятежников и обеспечить безопасность стратегических наземных и воздушных коридоров для наших войск от центральной провинции к востоку Афганистана было приказано 154 отряду СПН. Отряд состоял из трех подразделений, общей численно-

Президент России поздравляет Удовиченко Г.В. с присвоением звания генерала (фото 2012 г. Москва, Кремль)

стью около 110 человек. В ходе операции дозор потерял ориентировку на местности, и Удовиченко Г. В. во главе усиленной группы из 12 человек получил задачу скрытно выдвинуться в район проведения операции, обнаружить и уничтожить опорные пункты противника и обеспечить прикрытие выхода основных сил отряда в район операции. При выполнении задачи личный состав группы был обнаружен и вступил в бой с превосходящим по численности противником (около 200 боевиков), который продолжался несколько часов. Когда бандиты приблизились на расстояние 20-25 метров и бросили гранаты в наших солдат, последние по команде Удовиченко Г. В. поднялись в полный рост и, несмотря на опасность быть убитыми, вели прицельный огонь по противнику. Когда кончились боеприпасы, разведчики под огнем душманов добывали трофейное оружие и боеприпасы, неоднократно вступая при этом в ожесточенные рукопашные схватки. Несмотря на полученную контузию, Удовиченко Г. В. продолжал руководить боем, оказывать помощь раненым и вдохновлять личным примером подчиненных. Ситуация складывалась драматическая, долгое время основным силам отряда не удавалось пробиться к ведущей бой группе. Положение казалось безвыходным, когда в воздухе появились наши вертолеты и под их прикры-

тием подошли подразделения отряда. Итогом операции явилось уничтожение более 40 мятежников, в том числе командующего исламским фронтом Каюма, подчиненного группировке Гульбедина Хикматиара, а также захват тяжелого вооружения, большого количества боеприпасов и различного снаряжения».

За успешное выполнение специальных заданий командования, личное мужество и героизм старший лейтенант Удовиченко Г.В. в январе 1987 года представлялся к званию Героя Советского Союза, однако представление реализовано не было. Повторные представления его к орденам, а впоследствии к высшему званию «Герой России» также не реализованы. В 1992 года Удовиченко Г.В. с отличием окончил Военную академию в Москве. В настоящее время он генерал-майор запаса, член редакционного совета ежемесячного информационно-аналитического журнала «Солдаты России».

ГЛАВА 10

ХРОНИКА. 1988-1989 ГОДЫ

Последствия теракта. Одна из воронок на месте взрыва 1200 кг.

Обстановка в провинции Нангархар с каждым днем становилась все более напряженной. Пик пришелся на 23 января 1988 г. Тогда, несмотря на принятые меры безопасности советскими и афганскими частями, во время траурной церемонии похорон лидера пуштунов Абдул Гафар Хана в Джелалабаде моджахедами были подорваны два мощных взрывных устройства. В месиве огня и паники 150-тысячной манифестации безвинными жертвами стали мирные жители, студенты, школьники, паломники прибывшие из Индии и Пакистана. В январе 1988 г. 154 отряд потерял убитыми четыре человека.

Несмотря на небольшие практические результаты, политика национального примирения все-таки дала импульс афгано-пакистанским переговорам по вопросу урегулирования отношений между этими странами. 14 апреля 1988 года при посредничестве ООН в Женеве министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана были подписаны соглашения по

На могиле лидера Пуштунов справа налево комбриг Старов Ю.Т., начальник РУ ТУРКВО, замкомбрига Безручко А.И., начальник РЦ МО ДРА Мирр Абдулла. Январь 1988 г. г. Джелалабад

урегулированию конфликта. Гарантами выполнения этих соглашений выступили СССР и США.

Самым существенным в этих соглашениях было то, что они давали принципиальную возможность решить самый главный вопрос афганской ситуации — прекратить вооруженное вмешательство в дела Афганистана со стороны сопредельного государства. В соответствии с договоренностями Советский Союз взял обязательства вывести свои войска из Афганистана в девятимесячный срок, начиная с 15 мая 1988 года. При этом в трехмесячный срок подлежала выводу половина всех наших войск. Пакистан и США должны были прекратить всякое вмешательство в дела Афганистана.

Советские войска выводились по двум направлениям — через Кушку и Термез. В период с 15 мая по 15 августа 1988 года на Родину было выведено 50,2 тысячи человек личного состава из Джелалабада, Газни, Гардеза, Файзабада, Кундуза, Лашкаргаха и Кандагара.

Заранее предусмотренными мерами удалось обеспечить организованное совершение марша и исключить происшествия и провокации со стороны оппозиции.

Советский Союз и Афганистан полностью выполнили взятые на себя обязательства. В то же время Пакистан и США их практически растопта-

Успешную специальную операцию по освобождению из плена советского солдата рядового Я., провели чекисты 154 ооСпН на границе с Пакистаном. На фото: момент обмена советского военнопленного из 668 ооСпН (обведен кружком) на бандглаваря моджахедов. Январь 1988 г.

ли. Недооценка противника и благодушие, проявленные афганским правительством, местными органами власти, многочисленные предательства привели к тому, что после вывода советских гарнизонов Кундуз, Талукан и Ханабанд были сданы мятежникам фактически без боя. Президент Наджибулла обратился к нашему командованию с просьбой оказать помощь в освобождении Кундуза. В короткие сроки городом удалось овладеть. Но постепенно под контроль оппозиции перешли четыре провинции — Кунар, Пактика, Тахар и Бамиан. Были блокированы центры провинций Кандагар, Газни, Урузган, Бадахшан. Усилились ракетно-артиллерийские обстрелы Кабула и многих провинциальных центров страны.

Вместе с тем по мере вывода советских войск из Афганистана обострились разногласия между вооруженными формированиями различных партий оппозиции. Это обуславливалось стремлением главарей оппозиции установить свое господство в тех или иных районах. Наиболее остро эти противоречия проявились между вооруженными отрядами двух крупных оппозиционных партий — Исламское общество Афганистана (Б. Раббани, Ахмад-шах Масуд) и Исламская партия Афганистана (Г. Хекматъяр). В ожидании окончательного вывода советских войск каждый из лидеров надеялся первым войти в «освобожденный» Кабул.

Для придания афганскому урегулированию нового импульса М.С. Горбачев на 43 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988

года выступил с инициативами, обращенными к США и Пакистану, предложив заключить соглашение о прекращении с 1 января 1989 года огня между всеми противоборствующими сторонами и об одновременном прекращении с этого же времени поставок вооружения и техники оппозиции и правительственным войскам. Однако предложение не было поддержано, что давало возможность афганскому правительству обращаться к советскому руководству с просьбой прекратить вывод войск.

Но наши военные докладывали в Москву, что задержка с выводом войск даже на год не изменит к лучшему военно-политическую обстановку в Афганистане, а Советскому Союзу будет нанесен огромный ущерб.

Вывод войск продолжался. Последние подразделения Советской Армии покинули Кабул 4 февраля 1989 года. Практически все войска вернулись на Родину чуть позднее — 14 февраля 1989 года. Последний солдат покинул афганскую землю утром 15 февраля 1989 года. Тогда мы считали, что закончили войну. Но и после окончания войны афганская трагедия продолжается. Она — в горе матерей, сирот, вдов. Она — во многих и многих проблемах инвалидов и молодых ветеранов. Она — в так до конца и не решенной задаче возвращения домой всех военнопленных.

За 1988 год в Афганистане погибли 759 военнослужащих, в том числе 35 спецназовцев (4 человека из 154 ооСПН). В 1989 году потери составили 53 человека, в т.ч. 2 спецназовца (1 человек из 154 ооСПН).

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ОТВАЖНЫЙ СЕРГЕЙ ЛАФАЗАН!¹

Отважный лейтенант Лафазан С.В.

Несмотря на свою молодость и небольшой опыт офицерской службы, лейтенант Лафазан С.В. был очень грамотным командиром группы спецназа. Его отличали интуитивная командирская мудрость, талант и чутье разведчика, забота о подчиненных, беспримерное мужество, отвага и личная смелость. Сами за себя говорят его три боевых награды: ордена Красного Знамени, Красной Звезды и медаль «За отвагу», полученные за четырнадцать ме-

сяцев службы в Афганистане в составе 2 роты 154 отряда спецназа.

В его жилах течет греческая кровь. В родном поселке Сартана, основанном потомками из Эллады, под Мариуполем, есть улица полковника Лафазана, названная именем его дяди, командира авиаполка, участника Великой Отечественной войны. Офицером спецназа, а позднее ВДВ был и его отец Владимир Георгиевич, принимавший участие во всемирно известной операции «Дунай» в 1968 году. За это из рук Маргелова, получил свой боевой орден. Впоследствии, после травм, полученных на прыжках, отец майором-политработником дослуживал в военно-транспортной авиации. Культ офицерских традиций и боевой доблести поддерживала в двух своих сыновьях, Сергее и Юрии, их мать Людмила Георгиевна. Короче говоря, после окончания средней школы №34 в г. Запорожье Сергей совершенно осознанно поступил и успешно окончил КВКУ в 1986 году. Его однокашники Артур Деревянко, Олег Злунецын, Вадим Матюшин сразу получили на-

¹ Кривопапов Олег Владимирович, ветеран 15 обрСпН, полковник

Командир группы ст.лейтенант Чихирев А.В.погиб в бою 4 марта 1987 г.

значение в 40 армию, а Сергея отправили в резерв офицеров-спецназовцев ТуркВО в Чирчик. На именуемые в народном творчестве не иначе как «курсы героев Советского Союза». Сергея ждало свое время, своя боевая судьба и свои подвиги. Через полгода, в конце марта 1987 года, наступил его час. Сергея откомандировали в Афган, на место погибшего командира группы старшего лейтенанта Чихирева А.В. Так он стал командиром 124 разведывательной группы спецназа.

Командир роты капитан Юрий Аракчеев тепло и сердечно отнесся к молодому лейтенанту. Познавая премудрости и особенности боевых действий, лейтенант Лафазан учился у боевых товарищей. Первый наиболее крупный личный боевой результат он показал 27 ноября, когда, действуя в засаде, захватил 8 мятежников и 44 РС, 39 взрывателей к ним, более 1000 боеприпасов к стрелковому оружию, 94 кг взрывчатых веществ, 10 химических взрывателей, около пуда пропагандистской литературы. За мужество и героизм лейтенант был представлен к ордену Красной Звезды. Но радость первой победу омрачила гибель в Асадабаде друга по училищу Вадима Матюшина. «Если б я знал об этом раньше, — говорил Сергей, — ни один из взятых мной пленных живым не остался бы...»

С началом 1988 года ситуация в зоне ответственности отряда усложнялась. На юге, под Хостом, громыхла армейская операция «Магистраль», а в провинцию Нангархар мятежниками усиленно завозилось оружие.

5 января в районе Зирани (ближе к СЗ№18) в результате проведения спецминирования спецназом был разбит крупный караван мятежников. Разведчики Лафазана захватили большое количество оружия, боеприпасов, но в ходе досмотра произошел подрыв мины, отчего на месте боя погибли младшие сержанты Пряхов Игорь и Синякаев Заур. Командир роты капитан Черемискин, удрученный не менее взводного потерями, тщательно подбирал слова при разборе действий группы и ее командира. За боевой результат лейтенант Лафазан С.В. был награжден медалью «За отвагу» и стал «отважным».

19 февраля 1988 г., возглавляя досмотровую группу, лейтенант Лафазан совершал воздушную разведку по маршруту севернее Шахидана. Его внимание привлекло большое количество птиц на вершинах сопок. Изменив направление облета, он увидел караван мятежников, остановленный накануне «Охотой» отряда. Имея печальный опыт подрывов, Лафазан грамотно десантировал личный состав, выставив группу прикрытия во главе с лейтенантом Верецким. Сам лично возглавил группу досмотра. Несколько в стороне от основного каравана разведчики обнаружили замаскированные контейнеры ПЗРК «Стингер». Удача! Так его имя оказалось связано с четвертым в истории Афганской войны захватом «Стингеров».

Разведчик 154 ооСпн Сергей Скрыбин вспоминал: «Скажу точно, это произошло на облете буквально за неделю до вручения личному составу медалей «70 лет ВС СССР». Это были наш и третий взвод 2 роты».

Вертолетчик 335 обвп Евгений Абрамов:

«Да, правильно, а 26.02 мы заплатили за эти взятые «Стингеры» экипажем Коли Захарова (МИ-24) в Асадабаде...»

«Ребята, всё было веселее: мы ночью отработали вариант ночного досмотра каравана, который отрабатывали в Джелалабаде на аэродроме, но без вас, — чисто лётную часть темы, и в ту ночь накануне удачи со «Стингерами» просто отбомбили этот район (по факелам)... Ну, а на утро — дело техники: без шума и пыли полдня таскали бакшиши, меняя вертушки!».

Командир орср 15 обрСпН майор Александр Стряпчев:

«Поправочка небольшая. Ночью бомбежки у вертолетчиков не получилось. Хотя две вертушки с бомбами ночью работали. Летчик уже был на боевом, когда отказался от бомбежки, опасаясь ударить по своим. В том районе в горах сидели в засадах две группы спецназовцев, по которым охрана каравана вела плотный огонь. А фонари для подсветки повесили артиллеристы с ближней сторожевой заставы. Все переговоры с летчиками, спецназовцами и артиллеристами мне пришлось слышать в эфире самому на «Чайке», которая находилась в 5-6 км. Утром, только рассвело, на высоте около 50 метров над нашими головами пеленгом в сторону ночного боя прошло 12 МИ-8 и МИ-24, и тут началось... Это было в районе кишлака Шахидан. Поэтому и караван шахиданский».

Вертолетчик 335 обвп майор Евгений Абрамов поправляет:

«Это было в другой раз, и тема там была совсем другая: ночью духи прижали группы Сергея Лафазана и Сергея Верецкого. И мы, их выручая, вслепую отбомбиться и поддержать огнём не смогли, отложили всё до утра, а вот по утречку, только светать начало, рванули на выручку. И все, слава

Богу, обошлось, но ребята были злые, как черти, на духов и на нас за задержку. Вот... А по «Стингерам» я в курсе потому, что ночью бомбил этот район, а с утра работал по этой теме, и вертушек было ровно две «восьмёрки» и четыре МИ-24...»

Разведчик 154 ооСпН Максим Зезюлин:

«Бывало, МИ-24 по нам хорошо отработывали! Если из осторожно-сти дымы не бросил — получи! До сих пор помню звон осколков по броне и по камням! А Шахидан, хотя и гиблое место, имел преимущество по сравнению с другими местами. Мы шутили, что он для нас стал, как дом отдыха — река Кабул рядом, арбузные поля и прочее... Ночью посты с пехотой спят, а мы в темноте как волки бегаем. Однажды человек 80 духов мимо нас прошли, хорошо, что мы не ввязались. Ждали караван, а то бы нас потрепали, и были бы потери».

Разведчики-радисты 154 ооСпН Станислав Мелега и Рустам Петров вспоминали:

«Этот случай до вас был в Черных горах. Ближе к границе с Пакистаном вертолетчики нас с караваном попутали. Ну и дали пару залпов по броне. Ох, мы тогда и побегали... Не знаю, кто стрелял и бомбил...

А тот день мы действительно полетели на облет и в ущелье заметили остатки каравана, а дальше — дело техники, группа досмотра — и вперед... и взяли такие трофеи...Мы к вертушке все трофеи привязали, у нее лебедка не тянула, пришлось частями поднимать. Сначала «Стингеры» загрузили, а потом эрэсы».

Вертолетчик 335 обвп майор Евгений Абрамов:

«Да, а вам, братки, тогда досталось: и побегать, и потаскать пришлось... Точно не помню, но, по-моему, три или четыре КАМАЗа с трофеями загрузили и всё вывезли...»

Историческая справка

КТО В ИСТОРИИ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ ЗАХВАТЫВАЛ ПЗРК «СТИНГЕР»?

В 1986 году многие советские разведорганы за рубежом получили приказ: добыть образец новейшего американского переносного зенитного ракетного комплекса (ПЗРК) «Стингер». Моджахеды начали активно применять это эффективное оружие против наших вертолетов и самолетов. Авиация 40 армии несла серьезные потери. Если в 1981 году с помощью «Стингера» была сбита лишь одна машина, то в 1986 году таких было уже

двадцать три. Необходимо было найти «противоядие». Увы, сколько ни бились наши резидентуры, задача оказалась невыполнимой. Тогда ее поручили спецназу, для которого, как известно, нет задач невыполнимых.

Командование советских войск получило информацию о том, что на территорию Афганистана ЦРУ планирует поставить около 500 ПЗРК «Стингер». Безусловно, полное господство советской авиации в воздухе в случае попадания такого количества ракет в зону боевых действий ставилось бы под большое сомнение. Поэтому в начале 1986 года циркулярно, по всем частям спецназа, действовавшим на территории ДРА, была разослана шифротелеграмма, подписанная Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Сергеем Леонидовичем Соколовым. В ней сообщалось о готовящейся поставке, а также о том, что захватившего первый «Стингер» ждет высокая награда — Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Данное обещание министра оказалось выполненным через четверть века. В другой стране и другими людьми. Однако спецназ сделал свое дело. Но произошло это совершенно неожиданно и буднично. 5 января 1987 года досмотровая группа 186 ооСпН 22 обрСпН из Шахджоя под командованием майора Сергеева вылетела по намеченному им маршруту с целью рекогносцировки местности предстоящих засадных действий. Войдя на предельно малой высоте двумя вертолетами в Мельтанайское ущелье, где душманы чувствовали себя как дома, т.к. советские солдаты показывались там крайне редко, они внезапно столкнулись с тремя мотоциклистами, которые стали удирать в «зеленку». Сидевший на месте бортового стрелка Сергеев открыл огонь, а командир вертолета запустил ракеты и пошел на посадку. На земле были обнаружены разбитые мотоциклы и трупы, к одному из которых была привязана странная труба, обмотанная одеялом. Один из моджахедов бросился от спецназовцев наутек, но был уничтожен автоматной очередью. Рядом с мертвым душманом лежали такая же странная непонятная труба и дипломат, в котором, как выяснилось позже в вертолете, находились инструкции по использованию «Стингера».

Таким образом, американские ПЗРК в количестве трех штук, за которыми охотились советские разведчики различных ведомств, первым взял советский спецназ ГРУ. И лично замкомбата майор Сергеев Евгений Георгиевич с подчиненными ему офицерами (заместителем командира 2 роты спецназа старшим лейтенантом Ковтуном Владимиром Павловичем, командиром группы лейтенантом Чебоксаровым Василием Агафоновичем, лейтенантом Антонюком Валерием и младшим лейтенантом Скоробогатым Константином) и 16 бойцами досмотровой группы.

После этой операции Евгений Сергеев был направлен в Кабул, где

лично докладывал командующему 40 армией генералу Борису Громову о происшедшем. Внимательно выслушав майора, Громов тепло поблагодарил его и других военнослужащих за удачно проведенную операцию и дал команду готовить представления на награждение. Представление на Золотую Звезду направили на четверых, но... ни один ее не получил. Все — по разным причинам. Самую высокую награду, орден Красного Знамени, получил тогда только сержант Айтбаев, остальные офицеры и солдаты дотроторовой группы — ордена Красной Звезды. А Героем стал многозвездный генерал из оперативной группы МО СССР.¹

Комбат Воробьев на могиле Героя России Е.Г. Сергеева

минирования. Под влиянием офицеров в 1981 году поступил в КВСКУ, после успешного окончания которого вернулся в свою часть, где с 1985 по 1986 гг. командовал группой спецназа. В августе 1986 года командирован в Афганистан — командиром 3 группы 1 роты 668 ооСпН. Через год войны выдвигается заместителем командира своей же роты. К этому времени Похвоцев Г.В. полностью сформировался как боевик-спецназовец, на счету которого более 100 боевых выходов, 47 из которых оказались результативными. Проявляя мужество и отвагу в бою, перенес две контузии. Как состоялся его подвиг?

18 июля 1987 в районе перевала Девальги-Кандав в провинции Логар старший лейтенант Похвоцев с группой, находясь в засаде в ночное время, заметив караван противника, не выдавая себя, пропустив охранение, уничтожил его основной состав, захватив при этом многочисленные трофеи, в числе которых оказалось 4 ПЗРК «Стингер» и 2 ПЗРК «Блоупайп». Правильная организация засады, умелое руководство огневым боем приве-

Через полгода удача улыбнулась спецназовцам 15 обрСпН в провинции Логар. Героем захвата стал заместитель командира роты спецназа старший лейтенант Похвоцев Герман Владиславович преданно и честно служивший в Забайкальской бригаде спецназа с мая 1980 года сапером-разведчиком и командиром отделения роты

¹ Сергеев Евгений Георгиевич стал Героем России 6 мая 2012 г. (посмертно). Награда вручена вдове подполковника Сергеева начальником ГРУ ГШ России генерал-майором Игорем Сергуном.

Первым в бригаде захватил 4 ПЗРК «Стингер» и 2 «Блоупайпа» старший лейтенант Похвоцев Герман Владиславович В. На фото: комбриг полковник Старов Ю.Т. вручает ему орден Ленина. (апрель 1988 г.)

тельно, группа старшего лейтенанта Похвоцева Г.В. в количестве 20 человек рассеяла охранение каравана численностью до 100 человек, и 2 часа вела бой до подхода бронегруппы, поддерживая четкую радиосвязь с батальоном. Действия разведчиков группы старшего лейтенанта Похвоцева Г.В. являются примером и гордостью для всего личного состава бригады, образцом для подражания в боевой выучке».

Последующие третий и четвертый случаи захвата «Стингеров» состоялись в феврале 1988 года в зоне ответственности 154 отряда в условиях досмотра местности после спецминирования караванных маршрутов. Начальник штаба 154 ооСпН майор Ю.Н. Самсонов вспоминал: «Да, действительно, на заключительном этапе нашего пребывания в Афганистане мы активно занимались минированием караванных путей духов. Результаты были неплохие. И «Стингеры», тоже были результатом нашего минирования».

15 февраля 1988 года заместителем командира 3 роты старшим лейтенантом Борозинцем Виктором Викторовичем при досмотре «забитого» каравана под огнем противника были захвачены контейнеры с двумя «Стин-

ло к выдающемуся боевому успеху, и, главное — в ходе боя среди личного состава Похвоцева, не было потерь. За взятие ПЗРК Похвоцев Г.В. был награжден орденом Ленина.

Комбриг Старов, вручавший Герману высшую награду СССР, сказал: «Действуя по-суворовски стремительно и решительно и реши-

Захват в бою ПЗРК «Стингер». В центре — Игорь Довбня, слева — Анатолий Безручко и Владимир Жаров. На фото 1988 г. — разведчики 3 и 4 группы 2 роты спецназа

герами». Отважный выпускник КВКУ 1985 года был награжден орденом Красного Знамени и получил второе досрочное звание — капитана.

«Через четыре дня, — вспоминает замкомбата майор В.Р. Фрезе, — новый результат. Помню хорошо, что группа от 2 роты вечером совершала воздушную разведку, зацепила караван духов, нанесла огневое поражение. Караван был частично уничтожен, частично рассеян. При досмотре был неплохой результат. Однако наступившая темнота помешала полностью досмотреть разогнанный караван. Поэтому на следующее утро в этом районе повторно проводилась воздушная разведка с последующим досмотром места «забивки» каравана. В результате тщательного осмотра местности были еще обнаружены тюки с оружием и боеприпасами. При этом в двух тюках были обнаружены ящики-контейнеры странной формы. Через оперативного дежурного отряда мне доложили (я оставался за командира отряда, т.к. В.Ф. Воробьев находился в командировке), что досмотровая группа взяла хороший «результат» и возвращается на Джелалабадский аэродром. При этом упомянули о подозрительных контейнерах. Я выехал на аэродром для встречи группы. Приехал как раз к моменту выгрузки трофеев. Оружия и

боеприпасов было довольно много: 2 ДШК, 3 БО, несколько станковых пулеметов, реактивные снаряды, гранатометы, стрелковое оружие, боеприпасы и т.д. Мы сразу же стали осматривать подозрительные контейнеры. Содержимое было тщательно упаковано, все части были в заводской упаковке. Было такое ощущение, как будто мы распаковываем дорогой импортный видеомаягнитофон типа «Шарп» или «Национал». По габаритам контейнеров мы уже догадывались, что это должны быть ПЗРК. Но как-то не верилось в такую удачу. Наконец мы полностью распаковали содержимое одного контейнера, и перед нашим взором предстали изящные формы ПЗРК «Стингер». Всего

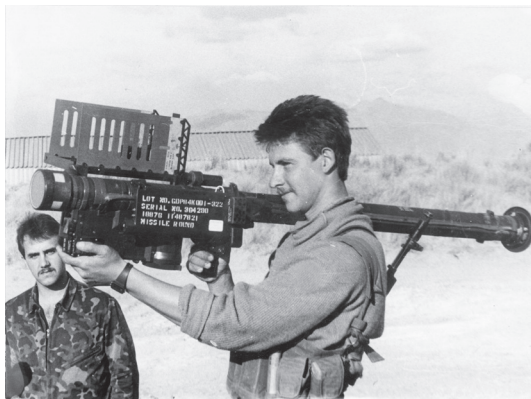
Командир группы лейтенант Сергей Лафазан с захваченным ПЗРК «Стингер». Февраль 1988 г.

было захвачено два «Стингера». По радиосвязи я сразу же сообщил об этом комбригу Ю.Т. Старову. Он приказал срочно доставить оба «Стингера» в бригаду. В дальнейшем они были переправлены в Москву».

Это произошло 19 февраля 1988 года, героем захвата стал командир досмотровой группы лейтенант Сергей Лафазан с лейтенантом Сергеем Верецким и пятнадцатью разведчиками 2 роты. Исполняющим обязанности командира роты Игорем Довбней все отличившиеся военнослужащие были представлены к правительственным наградам. Лафазан был награжден орденом Красного Знамени. Замполит роты Евгений Соколов предложил ротному представить Лафазана, как это было с Борозинцем, к досрочному званию старший лейтенант. На что тот ответил: «Нет! Еще зазнается».

А зазнаваться было некогда. В конце апреля, за несколько дней до полного запрета полетов авиации в провинции, командир досмотровой груп-

пы Лафазан обнаружил и, десантировавшись, с боем захватил огневую позицию ПУРС на грунте, нацеленную на Джелалабад. Сорентировавшись в обстановке, разведчики сняли первую партию РС за 5 минут до пуска, и вторую — за 8 минут до пуска. Разъяренные моджахеды обрушили море огня на горстку бесстрашных разведчиков. Силы явно были неравные, но с воздуха спецназовцев поддержали вертолетчики. В тот день,

Командир группы лейтенант Сергей Веретский с захваченным ПЗРК «Стингер». Фото 1988 г.

20 апреля, ценою собственной жизни экипаж МИ-24 Павла Щипанова спас разведчиков группы С.Лафазана от неминуемой гибели. Разведчиков, которые, в свою очередь, своей самоотверженностью спасли жизни многим мирным жителям провинциального центра, на головы которых готовился реактивно-артиллерийский удар обнаглевших мятежников.

За последний боевой выход, 21 апреля, командир РГСПН№124 лейтенант Лафазан с разведчиками уничтожил группу из 7 моджахедов и две зенитные горные установки (ЗГУ)...

А потом состоялся исторический марш на Родину, где, оказалось, уже

Лейтенант Лафазан С.В. докладывает командующему ВВС 40 армии генералу Романюку об обстоятельствах гибели 2 вертолетов

не нужна была армия. А вскоре не стало и страны, которой служил и выполнял интернациональный долг. Впереди ждала новая и, как оказалось, совсем не мирная жизнь.

Наверняка, покидая Афганистан, он не мог себе представить, что в них снова будут стрелять, и что до ушей вновь долетит клич джихада. А вскоре старший лейтенант С.В. Лафазан будет уволен в запас, как и многие его боевые соратники. Так и не успев «зазнаться»...

Он вправе гордиться своей боевой лейтенантской юностью и тем, что в истории Афганской войны его имя вписано золотом.

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ¹

В связи с ограничением командованием 40 ОА боевых действий спецназа с моджахедами, в январе-апреле 1988 года наблюдалось значительное увеличение бандформирований в приграничных провинциях, увеличение количества перебросок караванов с оружием, использование пакистанских военных вертолетов для выброски посадочным способом боевых отрядов в провинциях Нангархар, Кунар и Лагман. Об этом красноречиво свидетельствуют документы радиоперехвата, осуществлявшегося разведчиками-переводчиками разведотдела 15 обрСпН в полосе ответственности 154 ооСпН в ночное время с вертолетов МИ-8МТЯ в районе режимной зоны аэродрома Джелалабад, а в течение суток в ходе наблюдения на наиболее важных сторожевых заставах (далее СЗ№30 и СЗ№31) вдоль дороги Джелалабад-Кабул.

ОТЧЕТ

о результатах ведения радиоразведки в период с 4 апреля по 12 апреля 1988г. со сторожевых застав СЗ№30 и СЗ№31

Наблюдение начал вести с СЗ№31 на дороге Джелалабад-Кабул. Работа началась с 5.04, радиостанция мятежников из н.п. Льязхейль с неустановленным позывным передала в эфир: «Люди добрались благополучно, остановились на отдых, после чего придут к вам на беседу».

Вывод: Прибыла группа проводки караванов.

6.04. мятежники предприняли обстрел СЗ№30 с высоты с отметкой

¹ Коркишко Михаил Васильевич, начальник разведки бригады, ветеран 15 обрСпН, подполковник. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., афганским орденом Боевого Красного Знамени.

1041 (3823700-12589400). Радиостанция мятежников передала: «Вели обстрел поста «шурави». Результаты неизвестны».

7.04. наблюдение перенес на СЗ№30.

8.04. начало ведения контроля за радиообменом мятежников открытым текстом со сторожевой заставы №30 в 17.30 (кабульского времени) на частоте 22100 из н.п. Шахидан (3821700-12592800) неустановленная радиостанция передала: «Сардар, я все понял. Все в порядке. Яснее скажи мне, 5 или 50 штук? Да. Ты успел взять деньги? Обратите внимание на посты «шурави». Если Аллах нам поможет — все будет в порядке...»

Вывод: Предпринята попытка проводки каравана, однако мятежников спугнули разведгруппы 154 ооСПН.

Помимо языка пушту, в эфире работали радиостанции на языке ургу. Гора Манугар (3823900-12587900); берег реки Згехвар (3818-12586).

9.04. в 10.30(кабульского времени) радиостанция НУ на частоте 22090 передала в эфир: «Сообщаем, что наш человек благополучно достиг нашего селения. Со стороны Джелалабада пока изменений нет. Какие новости? Все считают, что все будет так как есть. Тот человек должен прийти в наше селение к 8 часам вечера. У нас для него все готово. Н.п. Камдерги (3816300-12585650).

Дальнейшее наблюдение в этот вечер показало, что в 20.38 (кабульского времени) из н.п. Шахидан на частоте 27070 радиостанция НУ длительное время вызывала на связь корреспондента с позывным «Вахед». Корреспондент на связь не вышел.

10.04. на частоте 27120 в 7.30 (кабульского времени) перехвачен радиообмен между корреспондентами «Дзай» и «Дзайлар».

«Дзай»: «Здесь мои люди передают вам привет. Брат, мои дела в порядке, все спокойно, ты куда ходил? Моя новость — прибыли. Другие товарищи беспокоились за вас, но все в порядке... у меня к вам вопрос, — вы можете разместить или переставить 560 штук единиц. Нас просили их доставить. Других сведений пока нет. Товарищи прибыли к нам благополучно. Они спрашивали о вас. Старший ожидает человека из Джелалабада. Для тебя, брат, есть бакшиш — 4 ствола. Алло, брат, сейчас к нам придут люди, будем решать, когда начнем движение. Если ты спрашиваешь о нем, то его вопрос остается нерешенным, он ведь у нас должник. Конец связи. 7.50 (кабульского времени) (3821950-12593600), на пушту.

На частоте 22070 в 9.50(кабульского времени) из н.п. Гадайхель (3817050-12586950) работала радиостанция на языке урду. На частоте 27120 в 19.40(кабульского времени) работала радиостанция на языке пушту, корреспондент не вышел на связь, н.п. Шахидан.

В 20.35 (кабульского времени) на частоте 144850 на языке дари

вышел корреспондент НУ и передал в эфир: «Совещание прошло. Встречайте караван, 11.04. двинется из н.п. Хорвале.

Это сообщение передано по спецсвязи в 15обрСПН.

11.04. в 7.30(кабульского времени) на частоте 27100 НУ-«Ламбаркот»: «Товарищи передают, что 560 штук еще ожидаюи, тем более не успели подготовить места для них, в целом все нормально. Жду связи.

Вывод: Идет подготовка огневых позиций к запуску РС.

В 14.00(кабульского времени) получили радиogramму о готовности к передислокации поста и прекращения наблюдения.

Дальнейшее наблюдение показало, что в начале движения всех караванов в этой местности из района 3 км севернее поста размещен пост наблюдения мятежников за прохождением каравана и поведением на СЗ№30. В случае начала обстрела каравана со СЗ№30, со своего НП мятежники ведут ответный огонь из ПУРС.

В 20.30 (кабульского времени) наблюдатель СЗ№30 заметил, и на частоте 27035 мятежники передали о подходе каравана к переправе в районе Шахидана.

В 20.35 (кабульского времени) был открыт артиллерийский огонь для поражения каравана. После первых выстрелов мятежники из района 3 км севернее произвели два пуска РС по заставе. Одним орудием СЗ№30 перенес огонь по позиции ПУРС мятежников.

В это время заработала радиостанция НУ на частоте 27035 и сообщила: «по нам «шурави» открыли огонь, но продолжают стрелять и по каравану» В 20.40 (кабульского времени) таже радиостанция: «Алло, брат, они ведут огонь и обстреливают караван. Мы в большой опасности. Вероятно, шурави опять устроили нам засаду. Нужны люди, чтобы спасти караван.

В 20.56(кабульского времени)-мятежники усилили обстрел СЗ№30 реактивными снарядами. В это время в эфир вышла радиостанция на языке дари: « Даю целеуказания для стрельбы...», «Дайте прицельный фосфорный снаряд...»

В 21.10 «9 человек с радиостанцией ушли в кишлак Камдерги для того, чтобы взять людей и отправить их для спасения каравана. Часть людей отправьте к нам, приготовьте все средства для ответного обстрела поста «шурави» на горе, желательно с трех огневых позиций. К 5 часам, с рассветом, как «шурави» закончат обстрел каравана, завершить сбор и спасение груза».

В 21.25 (кабульского времени) на связь вышел артиллерийский корректировщик: «Алло, дайте пробный выстрел! Левее 8 делений, выше 50. Залп 8 снарядами...»

В 21.45 (кабульского времени) из кишлака Камдерги передали: «Ислам собрал людей и отправил их на сбор лошадей и ишаков с грузом каравана».

21.52 (кабульского времени) радиостанция из района 3 км севернее СЗ№30 передала: «Собирайте отовсюду людей. Если Аллах даст, устроим «шурави» джихат. Передайте нам сведения о потерях в караване. Хотя он и не весь вошел в зону обстрела. Стрелять по «шурави» в темноте сложно».

Вывод: В районе Шахидана регулярно проходят караваны мятежников. Очень часто его обнаруживают и обстреливают огнем артиллерии с СЗ№30, но досмотр производится с опозданием бронегруппами соседних сторожевых застав. У мотострелков отсутствуют связи и контакты с разведгруппами 154 ооСпН. При переходе караванами дороги Джелалабад-Кабул с горы севернее 3 км от СЗ№30 наблюдатели подают сигналы фонарями и факелами. При обстреле караванов артиллерией мятежников из указанного района ведется постоянный ответный обстрел мотострелков из ПУРС.

Предложения: В связи с увеличением количества караванов мятежников активизировать работу в данном районе. Улучшить сотрудничество и взаимодействие с командованием СЗ№30. Обеспечивать скрытность выхода разведгрупп 154 ооСпН в указанный район с использованием национальной формы одежды для переодевания разведчиков и их подвозке на любом виде транспорта. Желательно не сворачивать и иметь на посту маневренную группу радиоперехвата 15 обрСпН с переводчиком пуштунистом.

12 апреля 1988г.

*Старший переводчик разведотдела 15 обрСпН
младший лейтенант С.КАЗАНБАЕВ¹*

Примечание: Вместо этого в министерстве обороны СССР было принято решение о выводе 15обрСпН в Союз в первую очередь в первой колонне ОКСВА 15 мая 1988 г.

*Документ представлен комбригу начальником разведки бригады
подполковником КОРКИШКО М.В.*

¹ Автобиография: «Я, Казанбаев Султанбек Мирзагалиевич, родился 13 апреля 1967 года в г. Джекказгане Казахской ССР в семье рабочего. В мае 1985 году был призван Джекказганским городским военкоматом в ряды Вооруженных Сил СССР на срочную службу.

Бывший переводчик разведотделения штаба 15 обрСпН Казанбаев Султан Мирзагалиевич. Подполковник Казанбаев до сих пор работает в тех горячих местах

Службу проходил на должностях рядового и сержантского состава в в/ч 63966 пос. Спутник Печенгского района Мурманской области на Краснознаменном Северном флоте.

С августа 1986 г. по июль 1987 г. был курсантом Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР. Приказом Министра обороны СССР от 03 июля 1987 года мне было присвоено первое офицерское звание «младший лейтенант».

С июля 1987 года по май 1988 года проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане на должности старшего переводчика разведотделения в/ч ПП 71351 15 ОБрСПН. В апреле 1988 года мне было присвоено звание «лейтенант» досрочно. С мая по сентябрь 1988 года я находился в распоряжении начальника Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР. С 09 по 26 сентября 1988 г. был слушателем Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР. С 26 сентября 1988 г. по 07 марта 1989 г. был старшим переводчиком в/ч 83449 — 3 батальона 22 ОБрСПН пос. Перекишкюль Апшеронского района Азербайджанской ССР.

С марта 1989 по июнь 1992 года был слушателем Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР. Закончил в 1992 году с отличием Военный Краснознаменный институт Министерства обороны СССР и получил высшее военное специальное образование по специальности иностранный язык (пушту, английский).

С 22 июня 1992 г по 22 апреля 1993 г. проходил службу на должности переводчика роты в/ч 43427 пос. Романцево Московской области. В период с августа 1992 года по март 1993 года проходил службу в Анголе по линии ООН в составе вертолетной группы авиации Сухопутных Войск. В сентябре 1992 года был сбит, получил тяжелые ранения и находился на лечении в г. Виндук, Намибия.

С апреля по июль 1993 г. проходил службу в той же войсковой части на должности преподавателя. С июля по декабрь 1993 г. проходил службу на должности референта-переводчика отделения переводов Военной академии экономики, финансов и права МО РФ.

С декабря 1993 по февраль 1999 г. проходил службу на должности преподавателя кафедры Военного университета МО РФ. В период с ноября 1996 года по август 1998 года проходил службу в Малайзии по линии ГК «Росвооружение» на базе королевских ВВС Малайзии в г. Куантан. С 11 февраля 1999 г. был уволен в запас в связи с переводом на службу в таможенные органы Российской Федерации. С 16 февраля 1999 г. поступил на работу в Центральную акцизную таможню на должность ведущего инспектора-стажера. В апреле 1999 г. был переведен на службу в таможенные органы РФ и назначен на должность ведущего инспектора с присвоением специального звания «майор таможенной службы».

В апреле 2000 года был освобожден от занимаемой должности в порядке перевода по службе в Центральный аппарат ГТК России и назначен на должность ведущего инспектора Управления таможенной инспекции ГТК России. В апреле 2002 г. был назначен на должность главного инспектора того же управления с присвоением специального звания «подполковник таможенной службы» досрочно. В январе 2004 г. был освобожден от занимаемой должности и, в порядке перевода по службе, был назначен на должность начальника таможенного поста МАПП Бурачки Себежской таможни Северо-Западного таможенного управления ГТК России в г. Себеж Псковской области.

14 октября 2004 г. вышел на пенсию по выслуге срока службы, дающего такое право. В 2001 году окончил Московский государственный открытый университет по специальности юриспруденция. Обучался по системе дополнительного образования и закончил в 2007 году курс по программе «Бухгалтерский учет и налогообложение» в учебном центре «А.Ф. Конто» НОУ «Академия профессионального управления».

В августе 2005 г. поступил на работу в ЗАО «Обухов Автоцентр» на должность работника склада. В ноябре 2006 г. уволился по собственному желанию. В марте 2007 г. был принят на работу в ООО «Кемпи» на должность руководителя отдела по логистике, где и работал по июнь 2009 г.

В июне 2009 года я приглашен на работу в ОАО «Железобетон» на должность исполнительного директора завода по производству железобетонных изделий. В связи с экономическим кризисом и нежеланием собственников предприятия внедрить новые технологические проекты в ноябре 2009 г. я прекратил свой трудовой контракт с ОАО «Железобетон» по соглашению сторон.

В январе 2010 мне предложена была работа в ООО «ИМП», дочерней фирме шведской компании International Masters Publishers, в качестве коммерческого директора по странам СНГ. В ноябре того же года я прекратил трудовые отношения с этой компанией и перешел на работу в Международный Комитет Красного Креста, где и работаю по настоящее время.

Мое пребывание за границей: в Демократической Республике Афганистан в 1987 — 1988 гг. в служебной командировке; Анголе в 1992 г. — в служебной командировке; Намибии в 1992 г. — на лечении после ранения; Малайзии в 1996-1998 гг. — в служебной командировке; Малайзии в 1999-2004 гг. и в 2008 г. — в отпуске; Финляндии в 2006 г. — в отпуске и в 2007-2008 гг. — в краткосрочных служебных командировках; США в 2006 г. — на учебе; Индии в 2008 г. — в отпуске; Пакистане с 2010 года — по н/вр.

За успешное выполнение служебного задания советского правительства Указами Президиума Верховного Совета от 20.06.1988 г. награжден медалью «За Отвагу» и от 13.10.1988 орденом Красной Звезды.

За выполнение заданий правительства Российской Федерации и ГТК России награжден Почетной грамотой и ценным подарком председателя ГТК России. Подполковник.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

О ТЕХ, КТО КОМАНДОВАЛ РОТАМИ¹

*Командир роты Черемискин
Андрей Николаевич, фото
2010 г.*

«В марте 1986 года, — вспоминал Андрей, — я был откомандирован к новому месту службы в Афганистан, в Джелалабад, где последовательно командовал разведвзводом, разведротой в составе 66 отд. мотострелковой бригады. В августе 1987 года ушел на повышение и принял должность командира роты спецназа 154 ООСпН, здесь же, в Джелалабаде, в составе 15 бригады спецназа.

В новый коллектив пришел я не новичком. Будучи командиром разведроты 66 бригады, прошел боевые действия, получил два ранения (одно тяжелое) и одну контузию. Разведрота ходила на войну в составе 14-18 человек, (а в роте спец. назначения это отдельная группа) и не вылезала из боевых. Мне приятно, что даже американский журнал «Newsweek» от 22.02.1999 года признал по эффек-

тивности боевых действий и малым потерям мое подразделение одним из лучших подразделений в Афганистане.

Один из эпизодов войны в разведроте 66 бригады запомнился навсегда, поскольку говорили, что те, кто возьмут первыми «Стингеры», получат звание Героя СССР, но увы...

Произошло это с 23 декабря 1986 года по 28 декабря 1986 года в районе кишлака Милава провинции Нангархар. Моей ротой ночью был захвачен укрепленный район духов, восемь духов взято в плен, а также были захвачены 1 ПЗРК «Блоу Пайп» и 2 пусковых устройства для ПЗРК «Стингер» без ракет, а также много стрелкового оружия, боеприпасов, имущества и продовольствия. Наличие ПУ ПЗРК подтвердило, что США поставляют новейшее оружие духам.

¹ Черемискин Андрей Николаевич родился 26 января 1963 года в г. Воткинске Удмуртской АССР. Окончил Свердловское СВУ в 1980 году, Ленинградское ВОКУ в 1984 году. До Афганистана служил на Дальнем Востоке, командовал взводом специальной разведки. Командир 2 роты спецназа 154 ооспн (1986 — 1988 гг.).

В мою бытность командиром роты СпН нашему отряду и моей роте довелось дважды брать «Стингеры». Служба командиром роты спецназа в 154 ООСнП была интересна, и я благодарен судьбе, что меня взяли служить в войска спецназначения.

Все командиры групп, которые служили со мной, на всю жизнь остались в памяти — это Юра Рыбаков, Женя Леонтьев, Сергей Вередкий и, конечно же, Серега Лафазан — самый шустрый и бесстрашный командир взвода. Не могу не вспомнить командира взвода Рюмцева Игоря Алексеевича, постоянно ходившего со мной в разведдозоре, кстати сказать писавшего дневник воспоминаний. Вот бы почитать!

Мы вели ротой (группами) разведывательно-поисковые действия по обнаружению духов, складов боеприпасов, по уничтожению караванов мятежников.

Остался в памяти такой драматический случай. На очередном облете воздушной разведки мы засекали караван духов, но они нас опередили и сбили вертушку. Я помню, когда уже керосин хлестал изо всех дыр, мы продолжали стрелять из всех иллюминаторов. Я сидел около дверного отверстия (сама дверь была снята), когда летчики вышли из кабины и закричали: «Прыгай!», мы заколебались...

— Высота была около десяти метров — страшно.

В итоге мы все же выпрыгнули, но два летчика сгорели, и вместе с ними погиб один наш солдат... Вертушка не успела коснуться земли — вспыхнула, загорелась и взорвалась... Спасти мы их не смогли. Из тех же, кто успел выпрыгнуть, никто не пострадал, даже не полопались, отделались легким ушибами.

На земле завязался бой с духами, которые пытались взять нас в плен. Бой длился несколько часов, пока, к нашей радости и нашему спасению, не прилетели наши вертушки с десантом, вызванные мной.

Награжден я за Афган двумя орденами Красной Звезды и орденом Красного Знамени. Вышел в Союз с отрядом 18 мая 1988 года.

Прошло уже не одно десятилетие, а всё вспоминается, как будто это было вчера. Смотрю наши фотки: вот комбриг — Старов Юрий Тимофеевич, комбат — Воробьев Владимир, мой заместитель Игорь Довбня и замполит Женя Соколов. Лучших офицеров, которые воевали со мной в Афгане, я не встречал в Союзе. Это ощущение боевого братства осталось со мной на всю жизнь.

После Афгана служил в Прибалтике в войсках спецназначения. Уволился в запас в звании подполковник. Живу сейчас в г. Калининграде, военный пенсионер. Женат. Воспитываю двоих сыновей и двух дочерей.

СТРАНИЦЫ БОЕВОЙ ИСТОРИИ

ОПЕРАЦИЯ «ВОСТОК-88»

К середине апреля 1988 года духи взяли в блокаду пехотный полк 9 пехотной дивизии афганской армии, что дислоцировался в отдаленном населенном пункте Асмар провинции Кунар. К тому времени от полка осталось около двух сотен солдат и офицеров, и их призыв о помощи не остался не услышанным в Кабуле.

Поскольку боеспособность афганских соединений 9 дивизии (штаб в Асадабаде) и 11 дивизии (штаб в Джелалабаде) были невысокими, то командование 40 армии спланировало операцию по деблокированию окруженных силами советских войск. В состав группы входили: мотострелковый полк 201 дивизии (возглавлял начальник штаба дивизии полковник Егоров Б.В.), два батальона 66 мотострелковой бригады (под командованием подполковника Авласенко) и два отряда (154 и 334 ооСПН) нашей бригады под командованием комбрига полковника Старова Ю.Т.

Руководителем операции являлся недавно прибывший из Союза на должность замкомандарма генерал-майор. Это был высокий белобрысый мужчина, с заметным брюшком (поэтому сильно потел), с толстыми выступающими губами и овальным узким и скошенным подбородком. На его лице неестественно смотрелся добродушный курносый нос, который не соответствовал свирепому взгляду и зловредному характеру хозяина. Для генерала это была первая самостоятельная боевая операция, и поэтому он старался не показывать своей неопытности. Что давалось с трудом.

Пожалуй, спецназовцы и мотострелки 66 бригады лучше других знали эти места. Здесь часто бывали наши разведгруппы. Асмар и Барикот являлись самыми отдаленными в провинции гарнизонами, находившимися в двух километрах от границы с Пакистаном. К ним вела единственная дорога, пробитая в отвесных скалах на высоте от 30 до 100 метров над рекой Кунар. Подобная блокада уже имела место в истории тех афганских частей. Припоминается лето 1985 года, когда там сложилась безвыходная обстановка. Попытка войск Афганистана пройти без помощи Советской Армии закончилась трагически. У кишлака Джалала в 12 км от Асмара республиканцы потеряли 86 машин, из них 12 БТР-60П и шесть орудий, предназначенных для усиления гарнизона. Вторая попытка провести колонну с продовольствием и боеприпасами вновь оказалась неудачной. У кишлака Шаль, в 6 км от Асмара, было встречено такое сопротивление душманов, что

войска вынуждены были повернуть назад. Так и в 1988 году вокруг Асмара удавкой все туже сжималось кольцо, обстрелы становились все интенсивнее и точнее. Гарнизон держался, и в этом была большая заслуга пяти наших офицеров-советников. Душманы захватили все господствующие высоты в округе. Снайперы били без разбора по первому показавшемуся человеку из-за дувала. Все попрятались и ждали помощи, работы проводилась только в ночное время. На исходе у окруженных было все: и боеприпасы, и продовольствие, и терпение. Кончилась даже соль.

Армейская операция началась в намеченные сроки. Путь от Джелалабада до Асадабада, где был развернут командный пункт руководителя операцией, прошли без помех за один день, вышли за город, а дальше дорога стала намного сложнее, и темп движения снизился. Колонну из 110 машин с личным составом, боеприпасами и артиллерией возглавлял саперный взвод и дорожный батальон 45 инженерно-саперного полка из Чарикара. По горам слева и справа прикрывали колонну группы спецназа и сторожевые посты 40 армии.

Около 18 часов на ровной площадке в предгорьях остановились на ночевку. С востока ее обрамляла высокая длинная гряда отвесных гор. Стало прохладно, и у всех враз разыгрался аппетит. Забрэнчали консервными банками, зашелестели пакетами сухпайков, задымил походный чай...

А наши бойцы приступали к своей работе. Почти по вертикальной стене поднялась на гребень группа лейтенанта Павла Маркова из первого батальона. Марков ничем особым не выделялся: невысокого роста, худенький, подвижный, спортивный. Однако пользовался в отряде репутацией боевого и результативного офицера. Мне он, выпускник КВОКУ, запомнился своей неординарностью и душевной простотой. Как-то после совместного выхода на боевые, во время служебного совещания при большом количестве личного состава он подошел ко мне и запросто протянул руку для приветствия.

— Здравствуйте, Олег Владимирович!

Я заворчал на него за нарушение субординации:

— Товарищ лейтенант, военнослужащие, согласно уставу, при встрече отдают друг другу честь. При этом младшие это делают первыми. А вот руку первым должен подать старший.

— А меня, товарищ подполковник, родители учили подавать руку тому, кого я уважаю! — отпарировал он.

— Надо же, как он меня отбрил! — подумал я, — молодец!

Марков остался в моей памяти замечательным разведчиком и челове-

ком. За войну получил два ордена, а в Союзе, в разваливающейся армии, адаптироваться не смог и уволился старлеем в запас. Окончил юридический вуз и успешно работает в столице. Но это случилось потом. А сейчас была война.

... Через несколько минут после восхождения на вершину Марков по радио передал:

— Вижу группу вооруженных людей,двигающихся по хребту в нашу сторону. По внешнему виду духи. Буду атаковать!

— Ни в коем случае, — вскричал генерал, — пусть разведчики обозначат себя, но в бой не вступать!

— Как не вступать? — опешил комбриг Старов, — их надо уничтожить! За ними идут основные силы. Ночью противник начнет бить нас сверху!

— Старов, никаких стычек с противником, вы меня поняли?

— Я понял, но не совсем. Моя группа должна обеспечить безопасность основной группировки. Значит, она должна владеть инициативой. Я поднимаю наверх дополнительные силы.

— Юра, — с гневом в голосе произнес обладатель генеральских погон, — не надо паниковать. Не гони волну. Наша задача — Асмар, и не к чему ввязываться в бой здесь, под Асадабадом. Предупреди своих разведчиков, чтобы были корректны. Лишний шум нам не нужен.

Юрий Тимофеевич не стал объяснять несмышленому новичку, замкомандующего, прописные истины горной войны. По которой — кто выше, тот и прав. Он отошел к начальнику связи, вызвал комбатов Воробьева и Гилуча. Подавив отрицательные эмоции от разговора с генералом, комбриг спокойно и дружески объяснил каждому, что надо сделать.

Тихо и мирно все разошлись. Около девятнадцати часов, когда окончательно стемнело, и в жаркой южной ночи застрекотали цикады и ядерной тыквой выползла в небо луна, обеспечившая черноте ночи удивительную прозрачность, три наши группы уже цепко держали господствующие вершины.

Время от времени где-то там, наверху, вспыхивали перестрелки, но по походному лагерю никто не стрелял. В эфир выходили командиры групп и толково рассказывали оперативному дежурному на ЦБУ о своем противодействии противнику. Мы со Старовым слушали переговоры и не спали всю ночь.

Перед рассветом на КП бригады пришел руководитель операции. Кстати сказать, однокашник Старова по свердловской кадетке. Но, в отличие от Юрия Тимофеевича, тактом не обладавший. Не стесняясь постороннего присутствия, обращаясь к комбригу, с ехидцей сказал:

— Вот и утро, а ты, милая, боялась. А это, оказывается, и не больно.

— Валера, ты напрасно иронизируешь,— ответил ему Старов,— у меня на высотах в эту ночь сидело 60 человек! Три усиленных группы. И всю ночь они били духов! А ты спокойно спал.

— Так ты что, не выполнил мой приказ? Юра, я тебе этого не прощу! — с обидой в голосе прорычал генерал.

— Валерий Григорьевич! Есть такая поговорка, — поздно, батенька, пить «Боржоми», когда почки отпали! Не нарывайся на комплимент, я в Афгане уже три года, а ты — считанные дни. Плевать я хотел на твои генеральские амбиции! Ночь прошла штатно, потерь нет. Как руководитель операции ты должен радоваться, ведь в этом твоя заслуга.

— Ну, Старов, смотри — я тебе твоего хамства не забуду!

На этом они недружески и разошлись в разные стороны.

Как только начало светать, колонна двинулась в горы. Поднимаясь все выше и выше, я удивлялся грозной красоте, окружавшей нас. Слева движение войск ограничивала отвесная скала, справа внизу, под дорогой, зажатый меж отвесных скал, мчался бешеный Кунар. Машины едва умещались на полотне дороги. Впереди двигался саперный взвод, обнаруживающий мины и уничтожающий их накладными зарядами. От саперов зависело многое.

Надо отметить, что миноискатели не обнаруживали эти мины, и одна надежда у саперов была на щупы (палка с шилом на конце) и на свое чутье. Опытные командиры, воспитанники полковника Тараса Поварчука, учили саперов не мину искать щупом (это в каменистом грунте было бесполезно), а, втыкая щуп в каменистый грунт, чувствовать его состояние. Если плотность грунта отличалась от окружающего, значит, здесь копали, значит, здесь что-то было. Но это чутье приходило с боевым опытом.

Внезапно голова колонны подверглась мощному обстрелу из ДШК и минометов, а также стрелкового оружия. Прятаться было негде. Часть личного состава юркнула в броню. Часть бойцов спешила и, укрывшись за камнями, вела ответный огонь.

Куда стрелять, никто не знал. Эхо в горах и яркое солнце в глаза сбивало ориентировку. Но все куда-то стреляли... командиры прокричали секторы огня и ориентиры. В перестрелку включились танки, БТРы, артиллерия.

Бессмысленная стрельба через некоторое время все-таки начала стихать...

Все звуки погасил знакомый рев движков. Прямо над колонной прохлопала лопастью и ушла куда-то в сторону гор вертушка. За ней еще три. Медленно дернулась и пошла вперед колонна.

Скалы раздвинулись, и моему взору открылась живописная панорама.

Слева на горочке одиноко стоял дом, его огораживал дувал, побитый снарядами, террасами от него вниз спускались обработанные участки плодородной земли. Склон как ножом разрезал овраг, на дне которого по мелководью текла прозрачная как слеза горная речка или, точнее, ручеек. Пересекая дорогу, она стекала в грязный и мутный Кунар. Наша дорога, петляя, бежала по дну длинного ущелья, а потом круто поворачивала вправо. Там, в голове колонны, началась беспорядочная стрельба, затем раздался мощный взрыв, и в воздух полетели какие-то доски и бревна.

Как оказалось, духи взорвали мост через реку, и все движение прекратилось до подхода саперного подразделения 45 полка.

Без особых команд личный состав бросился выполнять повседневные задачи. Побежали артиллеристы с приборами, на солнце блеснули лопаты... Техника расплзлась от дороги, ища естественные укрытия.

За несколько минут местность преобразилась. Под десятком одиноких, но раскидистых деревьев выросли палатки. На площадках развернули огневые позиции батареи гаубиц М-30 и Д-30. Чуть в низине, поворачивая направляющими в сторону гор, разместилась батарея реактивной артиллерии. Вскоре вдоль дороги появились небольшие свежеврытые окопы и укрытия.

Выполнив инженерные работы по укрытию от огня противника, солдаты и офицеры группами и поодиночке потянулись к ручью. На ходу раздеваясь догола, прыгали в ледяную воду. Стирали пропотевшую и пыльную одежду и белье. Разбрасывали ее на раскаленные сковородки прибрежных камней. Показалось, что вода закипела от разгоряченных тел. Жарища стояла страшная. Воспользовавшись паузой, я тоже привел себя в порядок. Пока мы купались, наши прополосканные маскхалаты, брошенные на камни, высохли под солнцем. От этого омовения поднялось настроение. Но это библейское купание было прекращено начинающимся артобстрелом.

— В укрытие!

Разрывы одиночных снарядов взяли в вилку часть дороги, и залпом ударили реактивные снаряды. Дым и пыль скрыли все с глаз. В ответ наши артиллеристы начали пристрелочную стрельбу. В небе, проскочив «горкой» хребет на крейсерской скорости, появились восемь МИ-24. Еще несколько минут, и они уже перемахнули невидимую линию фронта. Теперь под ними лежала чужая, враждебная земля. Вертушки зарыскали змейкой, уклоняясь от невидимых прицелов, и ухнули нурсами. Заложив крутой вираж, они уже повернули на обратный курс, а там, куда они ударили — вздыбилась земля, взметнулись в небо камни, какие-то искореженные железки и куски досок. Но обстрел нашей колонны не ослабевал...

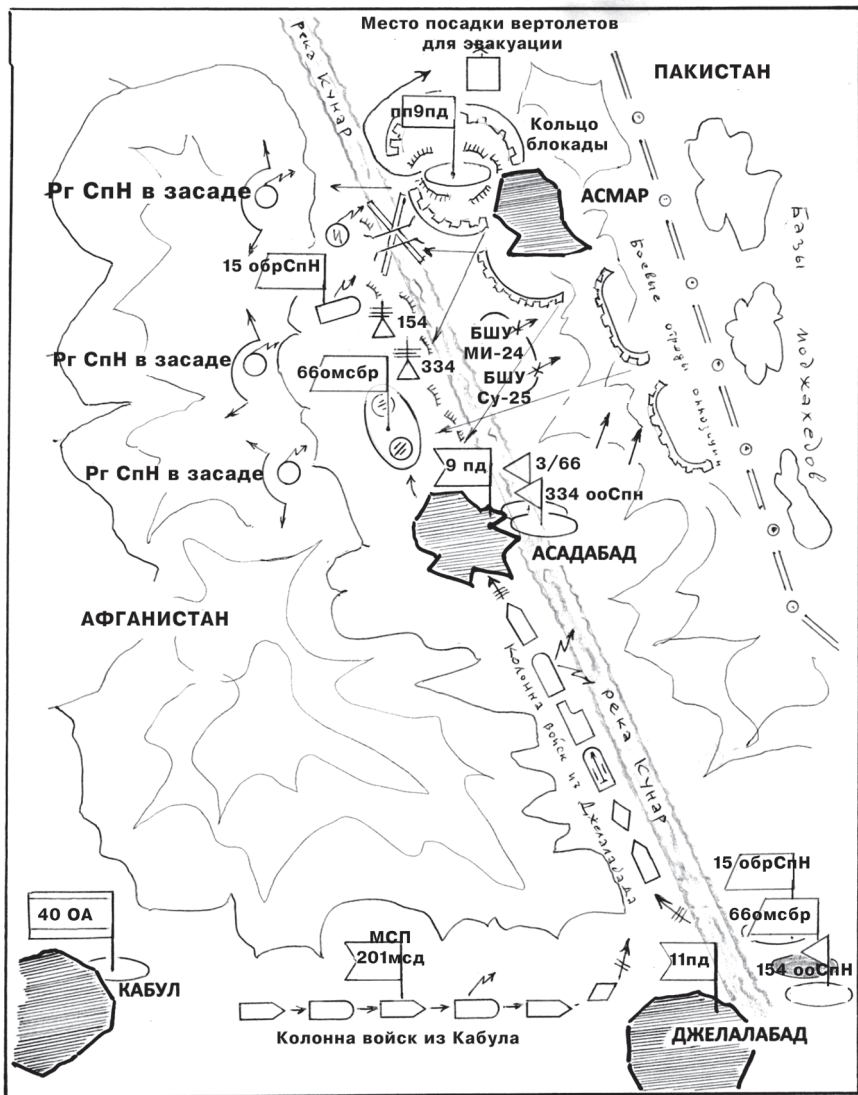

Схема проведения армейской операции «Восток-88» (с 17 по 21 апреля 1988 г.) по деблокированию афганского полка 9 пехотной дивизии ДРА в населенном пункте Асмар провинции Кунар

В момент этого интенсивного обстрела колонны реактивными снарядами в полукилометре от нас приземлился вертолет. Из него вышел командарм Б.Громов, одетый в простую солдатскую форму без знаков различия. Мы с полковником Старовым оказались к нему ближе других, потому подбежали и представились первыми. Командарм поздоровался с нами за руку и удалился на КП.

Мы продолжили заниматься своими делами, но вскоре прибежал посылный и передал команду: всем командирам и замполитам частей прибыть на командный пункт. Командир уже был там.

Когда я пришел к полуразрушенному дувалу, где стояла прикрытая масксетью кашээмка (КШМ — штабная машина) руководителя операции, Громов уже начал заслушивать генерала П. и других командиров частей. Старов призывно махнул мне рукой, и я протиснулся к нему. Мы только уютно пристроились рядом в тени, как вдруг земная твердь разверзлась, и мы все, потеряв равновесие, упали друг на друга и ударились о стену. Нас поглотило густое облако желтой пыли, которое противно пахло тротилом. В эти мгновения все стали едины — и командиры, и подчиненные. Командарм протирал глаза и кашлял вместе с нами.

Сначала я подумал, что недалеко от нас упал снаряд, и его взрывная волна пронеслась над нами. Но оказалось, мы чуть не погибли под собственными бомбами. Для поддержки войск с воздуха и уничтожения артиллерии моджахедов была вызвана родная фронтовая авиация ТуркВО, которая с высоты 10 тысяч метров небрежно сбросила свой бомбозапас. Сбросила раньше времени, и по своим войскам. Фугаски упали очень кучно, всего в каких-то 200 метрах от КП группировки, на излучине реки, где проходило наше совещание. Просто чудо, что нас не заделали эти разрывы.

— Передайте этим разгильдяям, — спокойно сказал начальнику связи и дежурному по авиации Б.Громов, — что они безобразно работают. Штурману — двойка! Пусть не попадают мне на глаза.

— Командующего авиацией ко мне на связь...

— Товарищи командиры, разберитесь с потерями...

Вскоре сообщили первые итоги: убитых нет, несколько машин дымили, получив повреждения, одна бээмпешка лежала вверх гусеницами. Бежали военные медики, оказывая первую помощь пострадавшим.

В этот момент общий драматизм ситуации сгладила комичность обстановки: от дувала к небольшому ровчику полз на животе руководитель операции. Первый раз попав в подобную обстановку, генерал сильно испугался и еще не пришел в себя. Увидев его, все дружно, как по команде, засмеялись. Не смог погасить улыбки и суровый командарм.

— Куда это вы ползете? — спросил он у своего заместителя, — вставайте, товарищ генерал, лучше продолжим совещание!

Громов буднично продолжал давать текущие распоряжения, неожиданно, как будто что-то вспомнив, повернулся ко мне и, ткнув вперед указательный палец, резко сказал:

— Подполковнику Кривопалову приказываю выйти из боя, взять два бронетранспортера и прорываться на Асадабад, а затем совершить марш по маршруту Асадабад — Джелалабад. О прибытии доложить мне лично по радио, для постановки специальной задачи!

Через двадцать минут все было готово к выезду. Я взял с собой троих: проверенного и надежного товарища, помощника по комсомольской работе старшего лейтенанта Яремко¹ и экипаж бэтэ-эра в составе двух бойцов. Второго бэтэ-эра просто не было под рукой.

— Олег Владимирович, заедешь в 5 батальон, возьми второй БТР. На одном не иди! — хлопнув меня по плечу и пожав руку, коротко проинструктировал комбриг.

— Хорошо, Юрий Тимофеевич, — ответил я.

В это момент посмотрел на часы.

Стрелки показывали 15.05.

— Все нормально. Успеваем. Светлого времени — три с половиной часа.

Но во времени я ошибся. Пока было светло, мы долго и с большим трудом пробирались по серпантину горной дороги, занятой войсками, порой движение шло прямо по станинам развернутых для ведения огня гаубиц и по нашим тылам. Я сидел на броне рядом с водителем, с опаской поглядывал в обрыв, командовал ему:

— Правее, левее, прямо!

Коля Яремко шел впереди БТРа с палкой и орал матом, разгоняя ревнителей порядка, пытающихся помешать нашему движению.

Наконец-то колонна закончилась, и мы, прибавив газу, полетели к центру провинции Кунар — городу Асадабаду. Я смотрел и не узнавал

¹ Яремко Николай Иванович ветеран 15 обрСпН, полковник. Служил замполитом роты, секретарем комсомольской организации 334 ооСпН, помощником начполитотдела 15 бригады по комсомолу. Кавалер 3 орденов и медали «За отличие в военной службе»

недавно пройденные места — то в одном кювете, то в другом, то в пропасти под дорогой лежали наши автомобили и бронетехника. Особенно меня поразила одна транспортно-заряжающая машина для «Урагана» — ее переломило посередине, и грозные длинные ракеты оказались сломаны, как сигареты.

— Живы ли люди, которые сидели за рычагами этой техники? — подумал я.

Так еще и не вступив в бой с противником, мы понесли первые потери от неприступных афганских гор. На сердце было тревожно... Мы не разговаривали между собой, только иногда я кричал водителю отдельные команды.

Проезжая центральную торговую площадь Асадабада, я принял решение не делать остановку в батальоне спецназа, а ехать дальше. Вспомнив слова комбата В.Гилуча о том, что на операцию он забрал все исправные БТР и БМП. Значит, мой поиск второго бэтэера затянулся бы на часы. Все равно я бы выехал в ночь один, а чем бы это закончилось, не знает никто. Скорее всего, нас бы недолго выслеживали, ведь агенты моджахедов вели непрерывное наблюдение за ППД батальона. Одинокое транспортное средство — лакомый кусочек для духов. И они бы нас уничтожили. А тут неожиданно для всех, в сумраке наступающей ночи, город проехал какой-то одинокий ошалелый БТР с горсткой «шурави» и покатил в неизвестном направлении...

С другой стороны, выполняя приказ Старова, я бы не выполнил приказ Громова. Размышлять было некогда. Командир обязан проявлять инициативу для точного выполнения поставленного приказа. На войне часто сталкиваешься с подобными парадоксами...

К тому времени уже стемнело, а впереди лежала дорога, полностью контролируемая духами, вплоть до самого Джелалабада. Сердце замирало от необъяснимого волнения, которое всегда бывает при сближении с опасностью независимо от того, труслив ты или смел: я убежден, что спокойных нет в бою под огнем. Можно держаться с достоинством и не спешить поддаваться воздействию внешних обстоятельств, но на душе у меня бушевала буря. Мне кажется, моим солдатам в психологическом плане было проще — они не осознавали, в какую опасную ситуацию мы попали. За них думал старший машины — начальник политотдела.

Все поняли опасность момента только тогда, когда по нам стали стрелять на поражение. Мы не слышали звуков выстрелов и сначала не осознали, что за горох настойчиво застучал по нашей броне. А потом Коля Яремко наклонился ко мне и прокричал в ухо:

— Кажется, по нам стреляют? — Я кивнул в ответ, — ты прав.

Первый раз нас обстреляли с вершины горы несколько автоматчиков. Мы хорошо разглядели вспышки огня справа, но не ответили — до противника было метров 200, и поворот дороги вскоре закрыл нас горной складкой.

А вот второй и третий обстрелы мы встречали организованным огнем, автоматы в руках раскалились. Мы расстреляли по два магазина. Надо сказать, что не было ни времени, ни желания обсуждать происходящее.

Гудел двигатель, свистел ветер в ушах. Я стоял по пояс в люке командира. Между мной и водителем, опустив ноги в люк, сидел на броне Коля Яремко, а оператор стоял в заднем левом люке.

Скажу честно, что после третьей перестрелки с душманами я уже не думал, что мы останемся живыми. Мне много приходилось слышать о том, что перед смертью человек мысленно вспоминает прожитое. Честно скажу, — не было у меня видений о всей прошедшей жизни. С грустью про себя одной короткой фразой попрощался с родными и близкими и ждал развязки. Вероятно, в тот момент все мои чувства были так обострены, что я, будто через прибор ночного видения, заметил в темноте перебегающего от зарослей к дереву у дороги душмана с гранатометом, а следом другого...

Вскинув автомат, я дал короткую очередь по гранатометчику, и мой трассер пронзил его тело. Порция адреналина и радость от собственной меткости налили мое тело боевым азартом. Время как будто остановилось. Рядом загрохотали автоматы моих товарищей. На меня посыпались горячие отстрелянные гильзы. В эти секунды наш водитель испугался выстрелов и непроизвольно нажал на тормоз, БТР плавно остановился. Не контролируя себя, я заорал на солдата нечеловеческим голосом, отборным матом, — Вперед!! — Ведь эти секунды могли стоить нам жизни...

Мы с Яремко стреляли по мечущимся теньям до тех пор, пока БТР не унес нас прочь от места засады. Нам показалось, прошло минут 20, а на деле все произошло в считанные минуты. Мы прекратили стрельбу только для смены магазинов. Вот только тогда нам вслед стали стрелять, но мы были уже далеко. Грохнул выстрел гранатомета. По броне отчетливо процокали пули. Над нашими головами уходили по курсу нашего движения автоматные трассеры, как бы указывая нам дорогу, и гасли в темноте...

Примерно через час мы подъезжали к центру провинции Нангархар городу Джелалабаду. На пустынных улицах этого населенного пункта наш одинокий бронетранспортер вызвал удивление и оживление афганских часовых, стоявших на переездах. Ведь в том году уже никто не имел права так ездить. Это рассматривалось в высшей степени безрассудством.

Однако наперекор всему мы благополучно добрались до дому.

По приезде в штаб бригады к нашему БТРу подошел мой друг, подполковник И.Серзин и сказал:

— Олег, мы тебя уже похоронили.

— По радио выходил Старов и передал, что ты погиб на маршруте Асадабад-Джелалабад.

— У нас сегодня уже три трупа. Погиб Витя Головки. Тяжело ранен Саввин.

— Игорь, так ведь я выполнял приказ командарма!

— Куда ты полез? Кому нужно твое геройство?

И крепко при этом прошелся по матушке, как умел делать только наш начальник тыла бригады. В адрес кого он ругнулся, я так и не понял.

Зайдя в штаб на ЦБУ, я связался по телефону с командующим армией, — он уже был в своем кабинете в Кабуле. Доложил о благополучном прибытии в Джелалабад и готовности исполнить его приказ. И вы не представляете, что он мне сказал.

— Кривопалов, завтра в Джелалабад прилетает член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мироненко.

— Приказываю вам лично встретить его на аэродроме, разместить в гостинице и познакомить с частями гарнизона. Вы, товарищ подполковник, в этом деле — старший воинский начальник! Но смотри, чтобы не осрамился, чтобы не стыдно было перед Москвой. Понял?

— Так точно. Есть, товарищ командующий! Понял, — ответил я.

Положив телефонную трубку, я подумал, — и ради этого стоило рисковать жизнями? Ну и дела.

— Неужели нельзя было это поручить замполиту 66 бригады подполковнику Рашидову, который на боевые не ходил? Что тут скажешь. Спасибо за доверие!?

Мы с Яремко покормили солдат бронетранспортера, устроили их на ночлег, помылись под душем, но никак не могли успокоиться от перенесенных переживаний и стресса. Очень кстати я вспомнил, что в комнате у меня стоит «НЗ»: 400-граммовый флакон медицинского спирта, и пригласил своего молодого коллегу к себе.

— Пойдем, Коля, поужинаем!

Полночи мы сидели, разговаривали с Яремко о жизни, вспоминали пережитые эпизоды боевого марша и пили спирт, не пьянея. Под утро на полчаса прикорнули.

После завтрака приказал Яремко подготовить наградные листы к ме-

20 апреля 1988г. в городе Джелалабаде состоялась торжественная церемония награждения 15 й отдельной бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР орденом Боевого Красного Знамени Республики Афганистан (Указ президента РА № 136 от 3.02.1988г.).

На построении по случаю награждения орденом присутствовали командующий 40-й общевойсковой армии генерал-лейтенант Громов Борис Всеволодович (в центре) и ЧВС-начальник политотдела 400А генерал-майор Захаров Александр Иванович. На фото слева направо капитан Потоня Е., начпобриг подполковник Кривопапов О., заместитель командира роты спецназ кавалер ордена Ленина старший лейтенант Похвоцев Г.

далям «За боевые заслуги» на рядовых Игоря Александровича Коблова и Ильясa Робертовича Гиниядова. Когда они были отпечатаны, подписал их и лично сдал в штаб бригады.

Вытащил из сейфа два Почетных Знака ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» и прикрутил на пропыленные гимнастерки ставших мне близкими солдат уважаемые боевые награды.

Обнял каждого и сказал:

— Спасибо, ребята. Спасибо, что живы! Это все, что могу!

Этот день — 17 апреля — я считаю вторым днем своего рождения.

А на второй день в Джелалабадский гарнизон прилетела московская свита молодых чиновников, которые долго парились в бане, пили водку и к личному составу воинов-интернационалистов особого внимания не проявляли... 20 апреля сопровождать высокого гостя прилетели сам командующий армией и член военного совета.

Только тогда я понял, какого большого «шишку» мне поручено было встречать... Но почему-то уважения к члену ЦК это не добавило.

И в качестве заключения следует сказать, что наша операция под Асмаром закончилась благополучно, но по иному варианту. Наша тактическая группа войск, оттянув на себя большие силы духов, создала благоприятные условия для вывоза афганского полка на вертолетах. Что и было сделано в течение следующей ночи. Через двое суток потрепанные колонны наших частей возвращались в пункты постоянной дислокации для того, чтобы начать подготовку к выводу в СССР. Общие затраты и наши потери за время операции мне, к сожалению, неизвестны, но советские войска своими действиями спасли афганских республиканцев, с честью выполнив в очередной раз свой, действительно интернациональный долг.

Однако эта война, политическое участие в которой для СССР было обречено на неудачу, не могла быть выиграна даже при целом десятке блестяще проведенных армейских операций.

А на той дороге, под Асмаром и Асадабадом, помимо ржавых останков советской боевой техники, навсегда осталась часть моей души.

СТРАНИЦЫ БОЕВОЙ ИСТОРИИ

ОПЕРАЦИЯ «ПАМИР». НАЧАЛО ВЫВОДА ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА¹

Не власть имущих чтит народ.
Народ боготворит поэтов.
Солдат, увлекших полк вперед.
Круговорот добра и света,
Их восхождение и уход.

Михаил СЕЛЕЗНЕВ

Вопреки бытующему мнению, выводить отдельные части советских войск из Афганистана начали еще в январе 1980 года. Хочу напомнить вам точную дату — 9 января 1980г., когда в полном составе был выведен «мусульманский» батальон 15 обрСпН. Его возвращение домой было весьма скандальным. Перед вылетом солдаты и офицеры передали все оружие и боевую технику соответствующим службам 40 армии. Перед посадкой в самолет контрразведчики подвергли обыску личный состав и изъяли два пистолета, несколько образцов холодного оружия, транзисторный приемник и магнитофон. На фоне этого скандала офицеры батальона опасались, что они могут не долететь до Чирчика, поскольку они все являлись носителями большого государственного секрета. Как рассказывали ветераны, все два часа полета домой они были в невероятном напряжении. К счастью, все обошлось. Однако этот факт породил слухи о том, что спецназовцы якобы вывезли огромное количество ценностей, захваченных при штурме дворца Амина.

В том же году, как говорят, под руководством Л.Брежнева серьезно обсуждался вопрос о выводе наших войск, но некоторые события послужили причиной переноса срока. А именно — в Кабуле подверглось обстрелу советское посольство, в результате которого несколько наших специалистов были убиты. Одновременно по стране прошло несколько массовых демонстраций протеста и даже военных мятежей, в т.ч. наиболее известный — в Герате. Афганская армия в это время была еще слаба и не могла самостоятельно справиться с беспорядками. В связи с этим было принято решение — советские войска пока не выводить, оказать разностороннюю помощь в формировании афганской армии, а потом вернуться к вопросу о выводе. С

приходом Ю.Андропова было заявлено о непременном выводе советских войск, о чем начались даже переговоры с ООН. Но только в 1985 году удалось сдвинуть все с мертвой точки. Этот период мне хорошо известен.

Мне лично довелось выходить из Афганистана дважды: в первой колонне 18 мая 1988 г. и 15 февраля 1989 г. в последней колонне советских войск. Впечатления об этом были очень яркими и в принципе отличающимися друг от друга. В чем отличие, думаю, вам будет интересно узнать.

...Май месяц в 1988 году показался нам очень жарким. В условиях стопроцентной влажности в районе Джелалабада в 8 утра температура в тени уже была плюс пятьдесят градусов.

Даже нашим ребятам, привыкшим к экстремальным условиям и высоким температурам, грозили тепловые удары. Особенно тяжело им приходи-

Тяжкий труд водителя и горькие дороги войны. Подрыв бэмпнэ на фугасе севернее Джелалабада (фото июнь 1987г.)

лось на боевых. А откуда взяться тени в голых горах, когда солнце в зените, а ты на вершине? Поэтому тепловые удары и даже смерть от солнечных лучей были не единичны. И это было серьезной проблемой выживания. Человеку не просто надо было оказывать немедленную медицинскую помощь, а спасать жизнь. В таких случаях, если позволяли обстоятельства, пострадавшего спускали вниз. Почти бездыханное тело передавали из рук в руки, подхватывая ношу так, чтобы не упустить ее в пропасть,

да и самому не свалиться. Внизу его раздевали, укладывали на плащ-палатку в тени и отливали водой. А если этого не могли сделать, то в часть возвращалось безжизненное тело.

Как правило, жертвой солнца становились физически слабо развитые, неупитанные солдаты, а десантники упитанными не бывали. Все спецназовцы нашей бригады были поджарыми, как волки, без лишнего грамма веса.

В конце апреля — начале мая боевая деятельность спецназа сворачивалась. Однако результаты боестолкновений подтверждали данные разведки о повышении активности мятежников. Так, 20 апреля разведчики РГСПН № 513 завязали тяжелый бой с противником. При отходе подорвались на минном поле и получили ранения мл.сержант Заднепрянский Евгений Васильевич из Днепропетровска и рядовые Вашкеба и Цховребов. 21 апреля командиры РГСПН №№124 и 121 лейтенанты Лафазан и Рыбаков уничтожили группу из 7 моджахедов и две зенитные горные установки (ЗГУ). 21 апреля РГСПН №431 (командир ст.лейтенант Полозов) обнаружила караван и завязала тяжелый бой, в ходе которого с нашей стороны были убиты рядовые Лукица Ю.В. и Грибов В.П., а Николай Булатов ранен. 22 апреля вышедшая им на помощь бронегруппа №435 (командир майор Пимонов) подорвалась на минах. Разведчик рядовой Черников С.В., входивший в РГСПН № 512, подорвался на ППМ и потерял правую ногу. 23 апреля бронегруппа №505 под командованием капитана Дикарева обнаружила и уничтожила караван мятежников из 10 вьючных животных. Захвачено большое количество боеприпасов, мин, стрелковое оружие, 10 реактивных снарядов, 200 выстрелов к пулемету ДШК, 12 к РПГ. В ходе боя убиты 7 мятежников. 24 апреля РГСПН №433 (командир ст.лейтенант Дуброва) вела двухчасовой бой с охранением каравана, предположительно до 100 вьючных животных. Геройски погиб чирчикский паренек рядовой Дымов Анатолий Иванович. И так каждый день...

Вот ведь какая сложилась противоречивая ситуация, — наглюющего противника надо бить, а спецназу уже не до него. Сознательно, согласно приказу, все меньше спланированных групп выходило в засады и вылетало на боевое патрулирование. Все больше времени бойцы и офицеры проводили в парках боевой техники. Полным ходом шла подготовка к выводу частей бригады на территорию СССР.

Первыми движение к границе Родины начали асадабадцы. 23 апреля, в третью годовщину гибели в Мараварском ущелье роты капитана Цебрука, однодневным переходом пришла потрепанная колонна под командованием подполковника Гилуча. Прибывшие расположились лагерем на одной из

После боя. Караван не прошел

и 74 автомобиля. В строю числилось 485 человек личного состава, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Отсутствовали 18 военнослужащих, находящихся в госпиталях по причине ранений и болезней. Их эвакуацией централизованно занималась медслужба 40 армии. К этому моменту все служащие СА уже были отправлены в Союз самолетами.

Особенно тяжелое время пришлось пережить разведчикам за последние три месяца до вывода войск. Непрерывные обстрелы изматывали психику и увеличивали количество пострадавших. Городок отряда спецназа, оставленный в Асадабаде, был весь перепахан снарядами и минами. Сиротливо торчали в небо сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским властям. В автопарке навсегда остался ржавый металлолом из сгоревших автомобилей и боевых машин. Только 14 апреля в полдень при обстреле ППД было зарегистрировано 11 прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В итоге — сгорели два Зил-131, а у шести бэтээров осколками искрошило колеса. Но самое страшное произошло в районе казарм. В одно из укрытий, в котором прятался от обстрела личный состав, влетел и разорвался реактивный снаряд. Его осколками были ранены шестеро разведчиков: рядовые Коржаков И.И., Левшук В.И., Дорофеев Э.Д., Камбуров В.В., Домилов Н.Н., Абрамян Т.И. При этом двое из пострадавших потеряли нижние конечности и находились в тяжелейшем состоянии. Один из бойцов лишился глаз. Несмотря на сложную противовоздушную обстановку, вертолетчики вылетели в Асадабад и вывезли всех раненых в госпиталь 66 омсбр на «Сеялку».

С каждым днем действия противника становились более наглыми, масштабными и скоординированными по месту и времени. На плечах уходя-

площадок в предгорье, за городком 154 отряда. В ходе марша, который шел очень медленно, вскрылись технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию батальона предстояло до 15 мая сделать невероятное — отремонтировать всю матчасть. В батальоне на тот момент осталось 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2)

шего из Асадабада спецназа в ночь с 23 на 24 апреля моджахеды перенесли свою диверсионную деятельность из Кунара в провинцию Нангархар, совершив нападения на объекты советских и афганских частей в Джелалабаде...

В 2.20 ночи была предпринята попытка налета на территорию штаба бригады. Группа моджахедов обстреляла часового 5 поста рядового Белова. В стену рядом с солдатом одновременно попали четыре пули и трассер. Но Белов чудом не пострадал в этой ситуации. Оставшись живым, часовой сумел победить страх, занять позицию для стрельбы из окопа и расстрелял 24 патрона... тем самым успешно отразив нападение — рассеяв нападающих. Примерно в это же время в районе Соловьиной рощи, на дороге, ведущей с аэродрома в городок штаба бригады, подверглась обстрелу из засады наша колонна. К великому счастью, в обстрелянной колонне никто не пострадал. Все закончилось только нервной встряской... Среди пострелянной техники оказался и мой служебный автомобиль Уаз-469, получивший серьезные повреждения. Утром, после технического осмотра, автомобилисты сделали заключение, что он не подлежит восстановлению. В итоге автомобиль разобрали на запчасти.

Десантирование роты для выхода в район боя

Спустили в 154 отряд раненого и обгоревшего солдата.

Синхронно в самом Джелалабаде ночную тишину разрезали автоматные очереди. Там моджахеды совершили нападение на несколько постов караула афганской 11 пехотной дивизии. В ходе перестрелки один часовой погиб, а трое «сарбозов» получили ранения различной тяжести.

Вот на таком фоне готовился вывод наших войск, в соответствии с

Неспокойно было и в горах. С началом боя в районе Соловьиной рощи и кишлака Шамархель была обстреляна и дежурная смена станции тропосферной связи Р412(А) отряда спецрадиосвязи бригады, находящаяся на господствующей высоте выносного поста «Роза». После успешного отражения нападения бойцы прапорщика Неупокоя потушили возникший пожар и с рассветом

подписанными 14 апреля 1988 года в Женеве документами по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана...

Министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США решили, что ограниченный контингент советских войск должен покинуть территорию Афганистана через девять месяцев.

— Что за особый смысл у этого срока? Не знаю.

Что касается состава выводимой группировки, то целесообразность ее у нас тогда вызывала большие сомнения. Возникали вопросы:

— А почему в первую очередь выводятся боевые части?

Ведь восемь батальонов спецназа твердо контролировали обстановку на границах с Пакистаном и Ираном. И вдруг враз все оголяется, и бандитам открывается дорога вглубь Афганистана. Тогда вразумительного ответа мы не получили. Только через шестнадцать лет в книге воспоминаний генерала армии Варенникова «Неповторимое», т. 5, «Советский писатель», 2001 г., стр. 294 — 295, я получил ответ на этот вопрос. Валентин Иванович описал это так:

«Я прозондировал настроение Наджибуллы — как он посмотрит на то, что мы выведем несколько боевых полков из Афганистана в Советский Союз. При этом было сказано, что с его, Наджибуллы, приходом к руководству страной внутренняя и внешняя политика должна быть изменена коренным образом, в частности, в области стабилизации ситуации. Наджибулла колебался недолго. Мало того, что согласился с нашим предложением, он заглянул еще дальше и сказал: «Вывод советских войск будет полностью соответствовать интересам и Афганистана, и Советского Союза. Афганистан продемонстрирует свою готовность мирным путем разрешить все проблемы с оппозицией. А СССР еще раз докажет миру, что никаких захватнических целей он не преследует, как это ему приписывают, и что он готов вывести войска так же, как и вводил».

Я переговорил по телефону с начальником Генштаба С. Ф. Ахромеевым и подробно рассказал о нашей беседе. Он сразу ухватился за эту идею и начал с вопросов:

— А вы уверены, что Наджибулла действительно воспринимает такой акт положительно? А не получится ли так, что накануне вывода он позвонит нашему руководству и скажет, что не хотел бы, чтобы наши части уходили? Не может ли он сказать, что поторопился со своим согласием?

Я успокоил Сергея Федоровича, сказав, что Наджибулла, в отличие от других, не станет отказываться от своих слов и свое решение не изменит. Затем последовали другие вопросы, касающиеся непосредственно вывода наших войск: Какие части вы предполагаете выводить? На каких направле-

ниях? Как это отразится на общей обстановке? Думаю, что это будет пять-шесть боевых частей. Именно боевых — другие не прозвучат».

В этом месте я считаю необходимым сделать небольшое отступление для пояснения отдельных деталей.

Практический опыт у командования по выводу наших войск из этой горной страны уже был. За полтора года до этого, в сентябре 1986 года, вышли на территорию СССР несколько мотострелковых, танковых и зенитно-артиллерийских полков 5, 108 и 201 дивизий. Они дислоцировались в гарнизонах, где достаточно сильны были афганские войска и присутствовали наши части и подразделения.

Однако тот вывод растянулся на несколько этапов. Из которых первые были приостановлены в связи с большим скоплением банд мятежников у дорог, готовых выдвинуться и массированным огнем бить наши колонны.

Войскам была дана команда: «Отбой!». Артиллерийские части и особенно авиация получили команду нанести массированные удары по скоплениям душманов. Первые два часа удары наносились фактически непрерывно. Огневые налеты артиллерии чередовались с бомбоштурмовыми действиями авиации. Затем авиация повторяла свои удары через каждые два-три часа. Остальное время методическим огнем артиллерии огневыми налетами уничтожались отдельные цели.

Об этом времени генерал армии Варенников рассказывал:

«Через сутки в афганских средствах массовой информации по нашему требованию появились подробные сообщения о том, что, несмотря на просьбы и предупреждения не мешать советским войскам возвращаться на свою Родину, не провоцировать боевые действия, во многих местах банды изготавлялись к нападению на колонны частей 40 армии, предназначенные для вывода. В таких условиях вместо нормального движения войска вынуждены были вести боевые действия. И все это — только по вине главарей «Аль-янса семи», в ущерб афганскому и советскому народу. В итоге все подтянутые к магистралям банды были разгромлены. Гульбетдин Хекматиар хотел «баню»?! Он ее получил. И мы постарались это разъяснить народу не только во всех средствах массовой информации, но и традиционными каналами — на базарах, через караваны, просто через ходоков в кишлаки. При этом оппозиция строго предупреждалась о том, что если кто-то еще раз посмеет перейти к нападению, то последуют наши удары, и будут во много крат мощнее предыдущих».

После такой «чистки» в сентябре 1986 г. войска вышли без потерь.

И вот новое «масштабное» испытание. Как-то оно пройдет в 1988 году?

...В начале года, как только закончилась операция «Магистраль», в 40 армии в рабочем порядке фактически были согласованы все вопросы по выводу. В принципе, вся группировка армии делилась ориентировочно на две равные части, каждая из которых составляла около 50 тысяч личного состава.

Боевым распоряжением командующего 40 ОА №01 от 13.03.1988 г. нашей бригаде вывод был определен своим ходом в три этапа.

1 из Джелалабада — 15 мая — 228 единиц техники одной колонной; 2 из Газни — 28 мая — 139 машин 177 ооСпН; 3 из Бараклов (Суфла) — 10 июня — последней колонной 668 ооСпН из 127 машин. Предстояло своими силами этими колоннами вывести весь личный состав и грузы: 72 тонн боеприпасов, 236 тонн ГСМ, 60 тонн продовольствия, а также 365 тонн прочего имущества.

В апреле 1988г. министр обороны СССР генерал армии Д. Ф. Язов прислал директиву, в которой определялись все вопросы, связанные с организацией и обеспечением вывода войск. В том числе указывалось, что все войска выводятся за 9 месяцев.

Первый этап вывода — с 15 мая по 15 августа 1988 года, второй — с 15 ноября 1988 года по 15 февраля 1989 года. То есть на каждый из этапов давалось по три месяца и на перерыв между ними еще три месяца. Практика же показала, что мы способны были решить эту задачу и в более сжатые сроки, а время, определенное на январь-февраль (самые снегопады в горах и морозы), было ошибочным.

Министр обороны СССР определил и направления вывода. Это были те же маршруты, по которым 40 армия вошла в Афганистан в 1979 году. На западе: Кандагар — Шинданд — Кушка. На востоке: объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада. Далее войскам этого направления предстояло преодолеть перевал Саланг высотой более 3000 метров, выйти в район Пули-Хумри и завершить марш в Термезе. Более пятидесяти тысяч солдат и офицеров из 15 и 22 бригад спецназа, 56 десантно-штурмовой бригады, 66 и 70 мотострелковых бригад, а также частей 201 мотострелковой дивизии, покидали Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад, Кундуз на первом этапе.

Вареников вспоминал о вроде бы второстепенных, но важных моментах:

«В середине апреля 1988 года меня вызвали на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС, где я докладывал готовность войск 40 армии к выводу и способность армии Афганистана защитить независимость страны. Заседание вел председатель комиссии Шеварднадзе. Он же, и особенно Яковлев, проявляли исключительную активность в обсуждении проблем.

Но в итоге все улеглось. Однако по двум вопросам решение было принято в сложных условиях.

Шла речь о способности афганской армии защитить власть и народ от агрессивных действий банд оппозиции. Вполне естественно, что под давлением Наджибуллы и его соратников в нашем Политбюро сложилось впечатление, что мы, советские воины, нанесли недостаточное поражение мятежникам, а поэтому возможности правительственных войск защищаться сомнительны. Отсюда вывод: в оставшееся время пребывания частей 40 армии в Афганистане постараться нанести поражение наиболее опасным группировкам противника (и в первую очередь Ахмад Шаху Масуду). Мне совершенно ни к чему было разжигать эту дискуссию, к примеру, таким заявлением: «Правительственные войска способны защищать власть, а если кто-то думает иначе, то заблуждается».

Вполне понятно, что это взорвало бы ситуацию, хотя соответствовало действительности и было подтверждено жизнью (почти три года афганцы держались без наших войск).

«Поэтому я говорил уклончиво: «Будут приняты меры».

«Второй вопрос — об участии корреспондентов средств массовой информации СССР и всех представленных в Афганистане государств. Причем вопрос не стоял: участвовать им или не участвовать, ибо всем было ясно, что такое событие должно широко освещаться. Но проблема состояла в обеспечении их безопасности. Если в пунктах дислокации, которые покидались нашими частями, а также в районах ночевки или у государственной границы безопасность обеспечивалась с высокой гарантией, то во время движения колонн — а все журналисты хотели следовать с колоннами — сделать это было сложно. Журналисты, не имея оружия и средств защиты, при первом же нападении любой банды станут первыми жертвами. Тем более, что мы уже имели в этом плане не один горький опыт.

Когда дебаты подходили к концу, обратились с вопросом ко мне: а как вы считаете? Я ответил: «Дело добровольное. Все будут предупреждены о возможной опасности. В случае нападения банды каждый должен выполнить команды командира подразделения, с которым следуют корреспонденты. За свою жизнь каждый отвечает лично. Кто опасается — может попроситься при проходах и на госгранице, куда мы постараемся перебросить желающих. Я высказался за такой вариант, чувствуя, что вывод войск будет все-таки безопасным. Кроме того, имел в виду, что почти всем корреспондентам мы все-таки сможем выдать бронезилеты. Со мной согласились».

Вернувшись из Москвы, генерал армии В.Варенников прилетел в Джелалабад, где инспектировал нашу бригаду. Заслушал командира и заместителей, осмотрел части и в целом остался доволен состоянием дел, а перед вылетом вдруг неожиданно приказал:

— Силами бригады в течение недели соорудить бункер для остаю-

Трофеи группы Лафазана

щихся советников на территории Джелалабадского аэродрома.

Прямо скажу, приказ был шокирующим, — ну какие из наших разведчиков строители? Но обсуждению он не подлежал, тем более что к руководству были сразу приставлены специалисты-строители инженерной службы штаба 40 армии. Строящемуся объекту было присвоено кодированное название «Саркофаг». Основная тяжесть работ легла на плечи личного состава 154 отряда нашей бригады. 334 ооСПН не привлекался, так как он занимался восстановлением своей материальной части и боеспособности.

В этой ситуации мы с командиром бригады нервничали необычайно, ведь проблем с подготовкой к выводу было «выше крыши», а приходилось отвлекаться на совершенно ненужную нам работу. Не скрою, у нас с первой минуты твердо укрепилось мнение об этом строительстве как об очередной авантюре. Основным строительным материалом были избраны

бетонные «хумы» из периметра ограждения военного городка штаба бригады, расположенного на территории бывшего оливкового завода. «Хумы» представляли собой полые бетонные кубы со сторонами в полтора метра. Было решено этими блоками прикрыть по бокам и сверху стандартный жилой модуль, в котором до того жили летчики.

Сооружение должно было полностью обеспечить безопасность, т.к. не имело окон, а у выхода блоки были выложены изгибом, чтобы пуля или осколок не залетели в помещение. Наши разведроты работали по-стахановски круглые сутки, в темное время на площадке включались прожектора для подсветки. Мы с командиром, меняя друг друга, круглосуточно контролировали стройку — мотаясь между аэродромом и штабом бригады. Все наши усилия объять необъятное были оправданы, и, несмотря на ряд сложностей, задача была выполнена полностью. Благодарности за работу над объектом мы не дождалась, так как завершили строительство с некоторым опозданием по времени, за что получили разнос вышестоящего командования.

Объект получился далеким от совершенства. Бетонные блоки выглядели угрюмо, тяжеловесно и устрашающе. Жилое помещение советников было обнесено монументальной стеной — огромными металлическими сетками, заполненными валунами, в два ряда. Вдоль стены шли минные поля: осколочные гранаты подвешены на туго натянутых проволоках, мины вкопаны в землю. Все было продумано. Это сооружение предназначалось для последнего смертного боя, и инженерная служба армии вместе с нашими солдатами потрудились на славу. Стоять «Саркофаг» будет вечно как монумент «шурави». Наши друзья советники, так же, как и мы, отзывались очень скептически о новом фортификационном сооружении. Всем было понятно, что это решение принималось в Москве, в удобном кабинете какого-то начальника, не ведавшего, что такое Афганистан.

Остающаяся группа советников была убеждена, что долго здесь не задержится. Так оно и получилось. На другой день после августовского выхода последнего подразделения 66 бригады в Кабул поступила тревожная радиোগрамма о неотвратимости наступления мятежников и срочной эвакуации советников. В тот же вечер прибывшие из Кабула самолеты забрали группу.

В середине лета к нам в Чирчик заезжали двое наших друзей-чекистов (Ардыков В.Д. и Микадзе В.) из той группы советников. И с возмущением рассказывали нам свои впечатления о разграбленных военных гарнизонах, переданных Царандою, о выброшенных на ветер материальных средствах, и о том, что они (советники) и не думали задерживаться в

Джелалабаде. Технические неисправности в подаче электроэнергии и воды делали невозможным их пребывание в «саркофаге». Боевого контакта с противником не было, но в двухстах метрах разорвалась одна мина, что оценили как «подготовку противника к штурму».

Задумка начальников не получилась. Важно было показать, что мы остаемся с защитниками города, не бросаем его на произвол судьбы. Нужен был символ нашей стойкости. На деле вышло другое. Два чувства — страх перед противником и недоверие к союзнику — превращались в решающие факторы поведения наших советников. Аппарат советников в Кабуле знал, что делается на местах, но их информация в Москве оценивалась иначе.

А мы во всем этом безобразии винили В.Варенникова... Несмотря на «строительный бум», нарушающий ход подготовки подразделений к выводу, как и было решено ранее, нашей бригаде была оказана честь покинуть территорию Афганистана самой первой. А учитывая показательность и сложность вывода авангарда войск армии, ее организацией занимался лично командарм Б.Громов, который часто бывал в эти дни в Джелалабаде. Он же лично проводил строевой смотр готовности походных колонн и личного состава частей.

Стремительно пролетели две недели мая. Джелалабад, представлявший особую значимость, заблаговременно (т. е. до вывода советских войск) максимально усиливали. Перебросили дополнительно армейские части правительственных войск, боевую авиацию, направили пополнение для доукомплектования частей гарнизонов, боевую технику и вооружение (особенно БТР, БМП, артиллерию). Шла большая организаторская работа наших советников, не прекращаясь ни днем, ни ночью, — строилась оборона, проводились тренировки. К тому времени в Джелалабадском гарнизоне были сконцентрированы неприкосновенные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия на три месяца.

Военные городки, в которых жили части бригады, — казармы, столовые, бани — остались в таком образцовом состоянии, что складывалось впечатление, будто солдаты лишь на минуту покинули его. Кровати были аккуратно заправлены новыми постельными принадлежностями, которые накануне вывода завез из Союза неутомимый заместитель командира бригады по тылу Игорь Серзин. На установленных местах лежали даже прикроватные коврики, а под тумбочками — тапочки. Казармы усилиями нескольких поколений военнослужащих выглядели обжитыми и были оборудованы всем необходимым. Без перебоя работал водопровод. Объединенной комиссией советских и афганских тыловых служб были подписаны акты

Личный состав автовзвода 15 обрСпН с заместителем командира соединения по вооружению подполковником Якубой Василием Ивановичем. Май 1987 г.

ратно. Афганские водители призывно сигналили нам клаксонами, их пассажиры дружелюбно махали руками: «Счастливо, шурави!»

Вечером того же дня, возвращаясь после совещания у Громова из военного городка 66 мотострелковой бригады, мы заехали на территорию бывшего штаба бригады. Полковник Старов, обуреваемый чувствами ностальгии к месту, где он прожил два года, решил на прощание заглянуть в свой модуль — в свою комнату. Лучше бы он этого не делал, так как увиденное шокировало его. К этому времени (за один день!) военный городок практически уже полностью был разграблен. Все более или менее ценное имущество — телевизоры, радиоаппаратура, кондиционеры, мебель, кровати, постельные принадлежности — были похищены и проданы через локаны города. В большинстве помещений не осталось даже ни дверей, ни оконных рам. Последние, кстати, пользовались особым спросом у населения. Увиденное разграбление вызвало очень горькие мысли у нас:

— К чему все наши усилия? Нужны ли были мы здесь?

Парадокс! Мы загружали в машины и вывозили на Родину ржавые пустые сейфы, а новую бытовую технику оставляли афганцам. А ведь тогда в Союзе кондиционеры были диковинкой, да и телевизоры, холодильники тоже не были бы лишними.

Совершенно понятно, что банальным воровством в массовом масштабе занимались не простые афганские солдаты или гражданские лица со стороны, — это могли сделать только власть имущие. Те, на кого оставля-

о приеме и передаче имущества. Афганцы, подписав соответствующие документы, выставили в гарнизонах свою охрану. Утром 14 мая мы полностью освободили военные городки. И остановились лагерем в роще на берегу мелкого ручья, недалеко от места постоянной дислокации 154 ооСпН. В сотне метров от нас проходило стратегическое шоссе Кабул — Джелалабад — Пешавар, по которому буднично катились бурбухайки в Пакистан и об-

ли мы наш гарнизон. За всем этим отчетливо чувствовалось, что все эти командующие и губернаторы — временщики, люди без будущего...

Уже тогда они предвидели, что кабульское правительство продержится без советской военной поддержки считанные недели-месяцы-годы. Так и получилось.

Но вернемся к нашему повествованию. И вот наступило то историческое утро — 15 мая. День начала вывода советских войск. С первыми утренними лучами, наскоро перекусив, наша колонна с личным составом на борту вернулась на территорию 66 бригады. Спешилась.

Последнее построение личного состава соединения на земле провинции Нангархар. 15 мая 1988 г. 6.30 утра по Кабульскому времени.

Управление, штаб бригады, два отряда спецназначения, отряд спецрадиосвязи и подразделения обеспечения построились на строевом плацу. От командования армии на трибуне находился член военного совета армии генерал-майор Захаров. Все представители местной афганской власти и общественности прибыли в бригаду для личного участия в церемонии прощания. Надо отдать им должное, руководство провинции Нангархар организовало сердечные проводы выводимых частей. Быстро пролетел митинг, завершившийся торжественным прохождением войск, и колонна неотвратимо пошла на север. И хотя на часах было только 7 утра, расплавленный солнечный диск уже обливал своим безжалостным жаром. В движении лица обжигала просто мартеиновская духота...

За проявленное мужество и героизм самоотверженный механик-водитель БТР № 113 рядовой Кононыхин Константин Юрьевич награжден медалью «За боевые заслуги». Фото 1988 г.

тьев.

Для обеспечения охраны документов партийного учета в ходе марша на привалах назначать комендантский взвод, командир взвода лейтенант Головин А.Н.».

Естественно, я чувствовал личную ответственность за перевозку этого груза на территорию СССР и весь марш до границы находился в люке старшего. По рекомендации начальника ОО КГБ бригады для экстренного уничтожения ящиков с партийными документами были предусмотрены средства уничтожения, состоящие из 3 кг тротила снизу и по бокам — двух МОН-50, а сверху — одной МОН-90. От этого соседства все члены экипажа испытывали психологическое неудобство и порой покрикивали друг на друга:

Мой БТР был «особого назначения», так как имел на борту ящики с партийными документами. Согласно приказу командира в/ч пп 71351 №49 от 7 мая 1988г за партучет отвечал секретарь парткомиссии политотдела бригады майор Глова:

«В соответствии с боевым распоряжением командующего армией в период с 15 по 19 мая часть совершает марш по маршруту: «Джелалабад — Кабул — Пули-Хумри — Хайратон — Термез». В целях обеспечения качественной подготовки техники к маршу и организованного движения машин приказываю:

Закрепить бронетанковую и автомобильную технику управления соединения за водителями и старшими машин:

БТР-80, № 113 (партучет) — водитель рядовой Кононыхин К.Ю.¹, старший — майор Глова А.Н., состав экипажа А.Червинский (радист), О.Лаврентьев (пулеметчик), стрелки рядовые Ю.Скурилин, В.Непогодин, В.Кондра-

¹ Кононыхин Константин Юрьевич родился 31 марта 1968 г. в Симферополе в семье рабочих. Окончил среднюю школу № 27. Призван 8 апреля 1986г., ветеран 15 обрСпН, механик водитель БТР 113, награжден медалью «За боевые заслуги». Уволен в запас 28 мая 1988г.. Воспитывает двух дочерей Екатерину и Олю. Работает в судоходной компании «Эллада». Живет в Симферополе.

— Эй, ты, поаккуратнее там возись, а то полетаем...

Прощание афганцев с нашими воинами было просто трогательным. При прохождении колонны через Джелалабад с солдатами, сержантами и офицерами вышли проститься более двенадцати тысяч местных жителей. Стоя плотной стеной на обочине шоссе, простые декхане бросали на броню проходящей техники цветы и бумажные венки, открытки с приветствиями и пожеланиями, написанными на русском языке, флажки с выдержками из Корана. Думали ли они в тот момент, в какое тревожное время вступают после выхода советских войск? Совсем скоро провинциальный центр будет разбит огнем артиллерии талибов. Тысячи людей бросят свой кров и уйдут в безопасные места. Кто-то откровенно радовался выводу, кто-то мечтал о возмездии, но тем не менее при прохождении нашей колонны провокаций отмечено не было.

Командование армии провело огромную работу по организации боевого охранения войсковых колонн в ходе марша и в местах отдыха. Все используемые коммуникации были основательно заблокированы войсками. На маршруте Джелалабад-Кабул на блоках находились десантники 103 ввд. На участке Кабул-Джабаль-Уссарадж подразделения 108 мсд, на перевале Саланг и далее до Чаугани — силами 345 опдп. Далее до Хайратона ротами 395, 149 и 122 полков 201 мсд. Были тщательно спланированы действия артиллерии и всей авиации ВВС армии. На весь личный состав выходящих частей из Афганистана были доставлены каски и бронежилеты. Провоевав девять лет, разведчики спецназа только перед началом последнего марша получили средства индивидуальной защиты. Кстати, деньги на эти цели были потрачены немалые, например, только один бронежилет типа 6-Б-2 стоил 960 рублей! Это тогда были очень приличные деньги. А бронежилетами обеспечили всех военнослужащих — от комбрига до последнего солдата-повара... Принятые меры безопасности не были лишними, — благодаря им наши колонны вышли без царапины и погибших.

Об этом памятном дне написал и генерал армии Варенников:

«В первый день выхода войск из своих гарнизонов я был в Джелалабаде. Там располагались 66 отдельная мотострелковая бригада и первая бригада специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба. Кроме того, здесь же, на аэродроме, располагался и небольшой авиационный гарнизон. Он включал в себя не только самолеты и вертолеты, перелет которых был спланирован отдельно, но и значительную часть наземного эшелона, куда входили различные подразделения обслуживания. Все они, конечно, шли с общей колонной под прикрытием боевых частей. Все, что было в Джелалабаде (и, естественно, по соседству — в Асадаба-

де), — переходило в Кабул и располагалось там в специально отведенном районе неподалеку от кабульского аэродрома. Имелось в виду, что с утра 16 мая часть войск кабульского гарнизона и все те, кто подошел 15 мая в Кабул, тронутся на Термез. Набиралось несколько тысяч.

Первая ночевка в Кабуле

Вообще церемония вывода наших войск приобрела не просто торжественный, а величественный характер. В Джелалабаде в военных городках только населения собралось более 15 тысяч человек. Были здесь и военные, и местные авторитеты, и местные власти. Проводились митинги. Теплые речи с обеих сторон: мы клялись, что в беде Афганистан не оставим, а афганцы клялись, что будут дружбе вечно верны и с помощью Советского Союза укрепят демократические свободы. К сожалению, ни того, ни другого не получилось: с 1992 года по решению Ельцина мы Афганистан вообще бросили, а «демократией» стали заниматься фундаменталисты — с помощью талибов они вообще разрушили страну».

Добавлю, что на маршруте движения колонн до Кабула во всех кишлаках устраивались теплые встречи и сердечные проводы «шурави». На окраине Кабула первые машины колонны встречал сам командарм Громов и при

подходе всей массы машин возглавил ее марш при прохождении по городу. При этом колнна была поделена на две части. Первая боевая из 114 БТР-80 шла за машиной командарма через Кабул, а вторая тыловая пошла вокруг города на отстойник «Теплого Стана». В столице в этот момент творилось что-то необыкновенное. Далеко не в каждый праздник на улицах бывало так много разряженной публики. По оценкам службы безопасности, на проходящую колонну смотрели более ста тысяч человек. Повсюду море цветов, кругом лозунги на русском и афганском языках, флаги и флажки, музыка. По-моему, этот праздничный настрой свидетельствовал о многом.

С наступлением ночи разместились на отдых на стоянках Теплого Стана — в отстойнике. По-походному перекусили сухими пайками, укутались в теплые куртки и шинели, и, как смогли, переночевали, устроившись прямо на броне своих машин... Да и что той ночи-то — в три легли, в пять часов встали.

Короткая и беспокойная ночь кончилась. Как только рассвело, на часах было 4.30 местного времени, начали вытягивать колонну к месту построения. В 7.15 16 мая колонна вошла в столицу.

Все волновались. Командарм на вечернем совещании предупредил, что выход из города советских воинов будут провожать лично президент Мохаммад Наджибулла Ахмадзай, или коротко Наджибулла, все члены Политбюро ЦК НДПА, все афганское правительство, многие общественные организации. На выходе из города нашли удобную площадку, где построили огромную трибуну-шатер для руководства страны, там же разместили большой оркестр и несколько тысяч горожан. К 9 утра приехал Наджибулла. Все его ждали у трибуны. В числе приглашенных находились чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, руководящий состав посольства, командующий 40 армией, члены военного совета, начальники служб армии, представители — от ЦК КПСС, Минобороны, КГБ, МВД и др., главный советский военный советник, представители общественных организаций СССР в Афганистане. Кроме того, на трибуне присутствовало много иностранцев, а также всё представительство ООН во главе с генерал-майором Раули Хельминым — руководителем комиссии ООН, осуществляющей наблюдение за выводом советских войск, и Беноном Севаном — помощником Генерального секретаря ООН Диего Кордовеса. Гостевые трибуны примыкали к центральной, где располагались руководители Афганистана.

Торжественность обстановки достигла такого уровня, что описать ее невозможно.

— Да, хоть мы разной веры, — думал я, — но за эти годы мы

породнились с афганцами, а дружба наша скреплена кровью. И какие бы испытания наши народы ни прошли в последующем, эта дружба не будет забыта никогда.

Хотя, забегая вперед, можно сказать, что вместе с лидерами наших

Митинг в Кабуле 16 мая 1988 г.

стран менялись и отношения, что, конечно, бросало тень на наши народы. По крайней мере, нас сильно изменить не удалось. Мы до сих пор сохранили добрые чувства к афганскому народу.

Когда все было готово, прозвучали фанфары. Начиная митинг командующий войсками ТуркВо генерал армии Н.И.Попов, зачитавший обращение ЦК КПСС к советским воинам — интернационалистам, возвращающимся из Афганистана. После этого было четко объявлено — перед народом Афганистана и перед советскими воинами в Афганистане выступает президент Республики Афганистан Наджибулла!

Наджибулла выступал в свойственной ему манере — страстно и ярко, часто не дожидаясь полного перевода своих слов. Говорил о том, почему советские войска пришли в Афганистан, что у них не было других целей, кроме примирения афганцев, которые затеяли борьбу за власть. А для СССР не безразлично, что творится у его соседей. Что только по неоднократной и настоятельной просьбе Советский Союз согласился ввести свои войска, но при условии, что он не будет вести боевых действий в Афганистане, и афганский народ благодарен Советскому Союзу за то, что он откликнулся на эти просьбы. Однако оппозиция спровоцировала боевые действия, в результате чего погибло много афганцев и русских, а этого могло и не быть, если бы мира хотели США, Пакистан и оппозиция — «Альянс семи». Именно на их совести сотни тысяч погибших людей и миллионы беженцев, которые скитаются сегодня по земле и не могут вернуться к своему очагу. «Политика национального примирения» внесла коренные изменения в нашу позицию — мы за мир на любых условиях и, в первую очередь, с проведением всеобщих открытых выборов под наблюдением ООН, — говорил Наджибулла. — Сейчас советские войска уходят. Кое-кто старался обвинить их в дестабилизации обстановки. Сегодня советский солдат уходит к себе домой. Ему ничего от Афганистана и афганского народа не нужно. Он сделал все, чтобы помирить нас. И не он виноват, что не все получилось. Теперь он будет смотреть из Советского Союза, как мы это сделаем сами во имя народа. Мы, мусульмане.

— В эту минуту, — говорил Наджибулла, — мы обращаемся к советским матерям. Ваши доблестные сыновья возвращаются домой. Низкий вам поклон за воспитание настоящих интернационалистов. Наш народ никогда не забудет имена тех, кто отдал свою жизнь. Прошу почтить их память минутой молчания. Мы выражаем свою сердечную благодарность всему советскому народу за всестороннюю бескорыстную помощь. Советские воины уходят, но дружба с Советским Союзом остается.

В таком духе Наджибулла выступал минут сорок с переводом. Речь

16 мая 1988г. г.Кабул. Президент Наджибулла награждает 1 особую бригаду советских войск Почетным Красным Знаменем НДПА. На фото: момент вручения Президентом Афганистана Знамени командиру Старову Ю.Т.

его прерывалась аплодисментами. Мне довелось несколько раз встречаться с ним в штабе 40 ОА и бывать в его президентском дворце в центре Кабула, при вручении мне афганского ордена Боевого Красного Знамени. Он был приятным в общении человеком и красивым мужчиной. Его любили советские военнослужащие. В его внешности и поведении чувствовалась какая-то внутренняя надежность. Он до последнего дня был верен СССР. Забегая вперед, скажу, что 13 апреля 1992 года последние семь военных советников под руководством генерала Перфильева Б.С. отбывали из Афганистана, но когда администрация кабульского аэродрома стала чинить им препятствия, позвонили Наджибулле. Он лично приехал на аэродром и обеспечил их отправку в Ташкент, сказав на прощание, что в ближайшее время к власти придет оппозиция, ему самому на посту президента осталось находиться 5 дней, и, хотя советские и предатели, он считает своим долгом отправить их домой целыми и невредимыми. К нему же в трагические минуты жизни благородства проявлено не было. Его бросили на растерзание.

Гвардии полковник Старов Юрий Тимофеевич командовал 15 обрСпН с 1986 по 1990гг. Впоследствии сотрудник ГРУ ГШ ВС СССР. (Фото 1988 г.)

От имени афганского руководства Наджибулла вручил бригаде спецназа памятное Почетное Красное знамя ЦК НДПА.

Ответное слово было представлено командиру «1 специальной бригады советских войск» полковнику Старову. Наш Юрий Тимофеевич был прекрасным оратором и сразу приковал к себе внимание аудитории. Своими яркими простыми фразами он как бы говорил за нас о том, что было на сердце у каждого советского военнослужащего.

— Мы гордимся тем, — сказал комбриг, — что с честью выполнили свой интернациональный долг. Нас радует высокая оценка, которую дало правительство дружественной республики всему личному составу, награждение части высшим афганским военным орденом Красного Знамени. В нашей памяти навсегда останутся не только совместные бои против врагов афганского народа, но и помощь,

которую мы вместе оказывали жителям кишлаков и городов. Мы внимательно будем следить за жизнью республики, будем радоваться вашим успехам в решении задач экономического и социального развития, претворения в жизнь политики национального примирения...

В этот момент произошел трагикомический случай. Фотографируя Старова, между собой повздорили два иностранных журналиста, судя по внешности, один англичанин, а другой азиат. Отталкивая друг друга плечами, они долго боролись за самый лучший ракурс для кадра, а затем, опустив на асфальт фотоаппаратуру, бросились в рукопашную — обмениваясь тумакми и пинками. После чего, громко ругаясь на разных языках, разошлись в стороны. Солдаты и офицеры, перед строем которых это происходило, приглушенно смеялись:

— Вот она — капиталистическая сущность конкуренции...

А в это время на трибуну поднимается Биби Гамар — вдова, мать солдата, член общества жен и матерей павших борцов революции. От имени афганской армии советских воинов поблагодарил Герой Республики Афга-

нистан военный летчик полковник Барата. Президент республики, другие афганские руководители спускаются с трибуны, подходят к строю и вручают советским воинам медали «Воину — интернационалисту от благодарного афганского народа».

Раздается команда: «По машинам!» Под звуки военного оркестра колонна, растянувшаяся на несколько километров по всему городу, медленно вытягивается по дороге, ведущей к перевалу Саланг. А поскольку все машины шли в колонне по одной дороге, то выход войск из Кабула занял около пяти часов. Машины нашей бригады шли первыми.

Надо отметить, что за ночь, проведенную в Кабуле, бойцы по-неуставному «украсили» свою технику. На башнях танков и БТРов, на солнцезащитных щитках в кабинах автомобилей появились большими буквами написанные наименования населенных пунктов, откуда были родом водители и механики-водители. Таким способом бойцы славили свою малую родину и отыскивали земляков и друзей, обменивались новостями. Над штабным БТРом асабадского батальона неугомонный майор Качура опять закрепил военно-морской флаг. Но изменить что-то уже было нельзя, и грозный командарм просто раздраженно махнул рукой...

Момент прощания с первой колонной советских войск описал В.Варенников:

«Первой пошла колонна 1 бригады спецназа полковника Старова. Я прекрасно знал его солдат и офицеров в бою. Уставшие, даже изнеможенные, всегда настороженные, гимнастерка мокрая, по лицу бегут ручейки пота с грязью, как правило, все в пыли и, конечно, небритые. Такими я их видел во время боя. А сейчас на БТРах сидели красавцы бойцы-молодцы, чистые, румяные. Все улыбаются. Одежда выглажена. Белоснежные подворотнички, у всех на груди награды — залюбуешься. Все без исключения машины (боевые или транспортные) были в цветах. Вообще, прощание с советскими солдатами было трогательным, а с такими героями — тем более. Я искоса поглядывал на Наджибуллу. Он, как и другие, постоянно помахивал рукой и говорил: «Какие солдаты, какие солдаты!» Явно было видно, что он переживал. Это заметил и Юлий Михайлович Воронцов, наш посол».

На обочине в тысячной толпе провожающих бросались в глаза милые славянские лица русских женщин, которые вышли замуж за афганцев и проживали в Кабуле. Многие из них, обливаясь слезами, кричали нам: «Мальчики, на кого вы нас бросаете!», «Ребята, заберите нас на Родину!», «Что же мы без вас будем делать?». Эти эмоции запали мне в душу. Еще тогда, в горячке вывода, я подумал, а действительно что же будет с не-

сколькими тысячами русских женщин, создавших смешанные семьи, нарождавших детей и остающихся один на один с мусульманским средневековым? Будущего у них не было. Эту надвигающуюся катастрофу не ощутил тогда никто, кроме них. Как показала жизнь, к марту 1996 года в Афганистане

Начало службы в спецназе. Рядовые Сергей Матвеев, Александр Шубин и Геннадий Гончаров. У всех впереди — Афганистан. Фото в г. Чирчике

Я молчу, потому что такую же «красоту» уже видел под Хостом, когда ходили на операцию «Магистраль». Становится холодно. Надеваем теплые вещи, что попадет под руку. Мне из чрева бэтэера дают шинель с майорскими погонами, — откуда она? Неважно. Облачаюсь. Становится уютнее. Облака — вот они, рукой подать. Это самый трудный участок дороги Чарикар — Доши, на котором расположен перевал Саланг. Местность в полосе прохода высокогорная, сильно пересеченная, непроходимая вне дорог для всех видов транспорта. Шоссе с асфальто-бетонным покрытием и шириной проезжей части 6-7 метров. Саланг — это система тоннелей с принудительной вентиляцией, расположенных на высоте 4100 метров. Здесь постоянно фиксируются сходы снежных лавин. Вот они — тоннели, протяженность самого большого из них 2 километра 675 метров.

осталось в живых всего семь русских женщин. Остальные были безжалостно вырезаны поголовно вместе с детьми и мужьями как пособники Наджибулы.

...Шоссе втягивается в ущелье. Мы вышли на маршрут Кабул — Хайратон протяженностью 530 км. Изредка под откосами — сгоревшие наливники и бэтэеры. Чем выше мы поднимаемся, чем ближе Саланг, тем этих кладбищ техники больше и больше. За кюветом, словно верстовые столбы — обелиски водителям и бойцам: где поставлен камень, где на плиту положили руль, и имена наших ребят под красной звездой. Это памятники погибшим. Сидящий рядом со мной на броне майор Глоба вздыхает:

— Печальное зрелище, следы войны...

Глоба всматривается в заснеженные горы и замечает:

— А красота-то какая!

Эти крытые галереи стали в 1979 году братской могилой для 12 бойцов, весной 1980 — для 2, в ноябре 1982 — для 64, в 1985 — для 16 наших солдат и офицеров. Все погибшие умерли от отравления угарным газом от работающих дизелей двигателей. Опасное место!

Наконец, дорога выкручивается вниз. Веселее побежали машины. Вырываемся на равнину.

— Слава богу, самый трудный участок прошли.

К вечеру дошли до Пули-Хумри. Городок дислоцируется на равнине, среди полукружья гор. Нас встречают тыловики подполковника А.Рыбакова. Очень быстро, образцово — показательно сотни боевых машин были заправлены горючим, а затем расставлены на ночлег. Лагерь этот без преувеличения можно отнести к вершинам творчества тыловой службы, возглавляемой заместителем командующего полковником В.А.Васениным. В Пули-Хумри для нас есть все: баня, столовые и казармы для ночного отдыха. Нас с командиром встречает и размещает для отдыха лично начальник разведки армии:

— Как прошли маршрут, Юрий Тимофеевич?

— Колонна обстреливалась дважды. Техника выдержала, потерь и отставших нет, — спокойно, с достоинством отвечает Старов.

— Полковник Чуркин докладывал командующему, что вас крепко обстреляли.

— В 13.40 из района Дахи-Нау по колонне были выпущены эрэсы, накрыли дорогу вблизи Дакай-Бала, но мы проскочили без потерь... Повторного обстрела не было, так как авиация и артиллерия нанесли ответный удар.

— Как же вы проскочили без потерь? Докладывали, что зарегистрировано сорок шесть разрывов снарядов. Мы думали, все, конец — дым, пыль!

— Значит, повезло! Не так страшен черт, как его малюют.

Разговор прервал дежурный по связи:

— «Бронза» (позывной комбрига), вас вызывает на связь генерал-лейтенант Кочкин!

— Юрий Тимофеевич, здравствуйте, слышал, «западные голоса» твердят сейчас, что первая советская колонна «пробивается к границе с боями»? Доложите обстановку!

— Товарищ член военного совета, потерь не имею. При выходе из Кабула отличился отряд обеспечения движения под командованием капитана Мальцева. Быстро заставил замолчать огневые точки духов. В районе кишлака Дакай-Бала грамотно сработал «Барсук», увеличил дистанцию между

машинами и взял на прицеп поврежденный осколками грузовик. Так что все штатно! Сказки все это. Попытка выдать желаемое за действительное. Интересно, а что скажут по поводу марша иностранные журналисты, что идут у меня на броне? Дайте им возможность сбросить в свои агентства информацию о ходе марша!

Проходя вдоль колонны для инструктажа командиров и политработников, я разговорился с командиром роты минирования капитаном Колесником, волнуется: нет на собаку — полуторагодовалую овчарку Шейха, документов. Бойтся, что не удастся перейти с ним границу.

— А ведь пес замечательный — с жаром убеждал меня он, — может запросто отыскать духовский схрон с оружием и снаряжением, успешно искал мины. Был дважды ранен. Одним словом, проверенный боевой товарищ! Что делать?

— Верить в справедливость, но думать самому! Смекай, — отвечаю Колеснику.

Несмотря на общую загруженность маршрута, по словам офицеров диспетчерской службы, по 25-30 колонн в день, нашей колонне отдан приоритет. Нас не останавливают для подтягивания колонны на диспетчерских контрольно-пропускных пунктах, а бойцы только машут на прощание руками. Идем на хорошей скорости.

Внезапно нормальный рокот двигателя начинает меняться на хлопки, а наша машина дрожит всем корпусом и, наконец, замирает при въезде в ущелье Александра Македонского под Таш-Курганом. Вот так на последнем этапе движения к границе наш БТР-80 № 113 продемонстрировал своенравный характер. Практически это началось с раннего утра последнего дня марша, 17 мая, — мы то и дело останавливались и подолгу чинили технику: полетел блок шинных кранов, в итоге сгорели три колеса, барахла система подачи масла, электропроводка и др. В итоге трудная дорога к дому показалась на последних километрах непреодолимой. Мне не хотелось расписываться в слабости перед подчиненными, и несколько раз, когда останавливались наши машины и добровольные помощники бросались нам помогать, я отправлял их в надежде на собственные силы. И действительно, механики-водители рядовые Кононыхин и Чучин справились с задачей, поменяв в очередной раз сгоревшую резину и наладив забарахлившую систему подкачки.

После устранения неисправности ко мне на броню залезает грязный по самые плечи мой земляк Игорь Чучин и с улыбкой говорит:

— Товарищ подполковник, сейчас бы пельменей наших, уральских!

— Живы будем, не помрем, — отвечаю я ему, — будут и уральские пельмени со сметаной, и с холодной водочкой.

Командую — вперед, ребята, поехали потихоньку!

— О чем мы говорим, товарищ подполковник, — включился в наш разговор Давид Бахтадзе, — всех приглашаю к себе. Лучше Кавказа нет ничего. Сядем на самой высокой вершине, будем жарить шашлык, пить вино и петь песни. У нас такие красивые места!

— Рановато размечтались о жратве, — оживились Саша Червинский, Виталик Харьков и Слава Непогодин из комендантского взвода, — до дому еще дойти надо...

— Дойдем, двадцать километров всего до Хайратона осталось, — отвечает Костя Кононыхин. — А там прошу всех в гости на крымскую землю.

Через двадцать лет судьбе было угодно, чтобы мы выполнили свое обещание и встретились с героем того перехода кавалером медали «За боевые заслуги», солидным сорокалетним мужчиной Константином Юрьевичем Кононыхином. Эта радостная встреча первый раз состоялась на его родине, в столице Крыма, в конце бархатного сезона 2009 года. В братской обстановке мы душевно тогда посидели: вспоминали войну, товарищей, смотрели пожелтевшие военные фотографии и пили коктебельский коньяк семилетней давности, закусывая его черным шоколадом...

А в тот угасающий майский день, когда в небе боролись дневные и ночные краски, мы медленно ехали по шоссе, въезжая в мрачноватое ущелье названное именем Великого Александра. Повернув в правую сторону пулемет и сняв автоматы с предохранителей, мы все настороженно вглядывались в трещины и расщелины громоздящихся вдоль дороги монолитных горных вершин. Однако горы, остановившие в свое время слонов завоевателя, сохраняли мрачное спокойствие. Наш одинокий бэтээр, на броне которого краснел кумач с надписью «Родина, мы выполнили свой долг!», гордо замыкал ушедшую вперед колонну.

— Что такое долг? — думал я. В словаре Ожегова это слово трактуется как «то же, что и обязанности», т.е. определенный круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловный для выполнения.

— А ведь совсем не звучит «...мы выполнили свои обязанности»?!

Странное словосочетание. А мой долг сейчас — добраться с ребятами к месту сбора колонны, в противном случае — стыд и позор. Кто угодно может отстать, но не заместитель же командира бригады.

К сумеркам, уже после 18 часов, догоняем колонну. Ищу командира. Докладываю о прибытии. Он очень удивлен поломками:

— У тебя же новый БТР-80? Ну, дела! Скажи, пусть зампотех посмотрит. Сам не отвлекайся. Журналисты замучили. Возьми их, Олег

Владимирович, на себя. И поработай, пожалуйста, с таможенной. Я ушел на доклад к командарму.

Да уж, действительно, в пограничный город-порт Хайратон на встречу первой колонны прибыло рекордное количество корреспондентов (117 советских и 135 зарубежных). На голом пустынном пяточке, между машинами, я провел с ними подробную пресс-конференцию. Позади восьмисоткилометровый марш.

Впереди ночевка. Бойцы приводят себя в порядок прямо на броне. Таможня и пограничники с особистами частей «шерстят» подразделения. Мгновением пролетела бессонная ночь. Когда рассвело, всех охватило необычное волнение. Мы с командиром тоже привели себя в порядок: помогая друг другу, из кружки помылись, побрились, подшили свежие подворотнички, закрепили награды. По команде комбрига подразделения начали вытягивать колонну. На нашем командирском бэтээре разместили Боевое Знамя бригады. Открытое наименование предусмотрительно зашито куском материи. Хотя скрывать было совершенно излишним, так как «духи» были информированы о многом.

На последнем митинге в Хайратоне попрощались с афганскими товарищами. От советской стороны опять ярко выступил Ю.Т. Старов. И вот, наконец, тронулись — уже видим ажурные контуры моста через Амударью. Когда наши войска входили в Афганистан этого моста не было. Да и город узбекский Термез благодаря только последнему десятилетию получил известность во всем мире. Хотя давным-давно здесь проходил «Великий шелковый путь». Как писали исторические хроники, караваны с большими трудностями перебирались через Амударью, которую в народе называли Джейхун, что значит «бешеная». Караванбаши, перебравшись на другой берег, подавали голос спутникам, не успевшим форсировать реку:

«Тырк мыз!» — «Мы живы!»

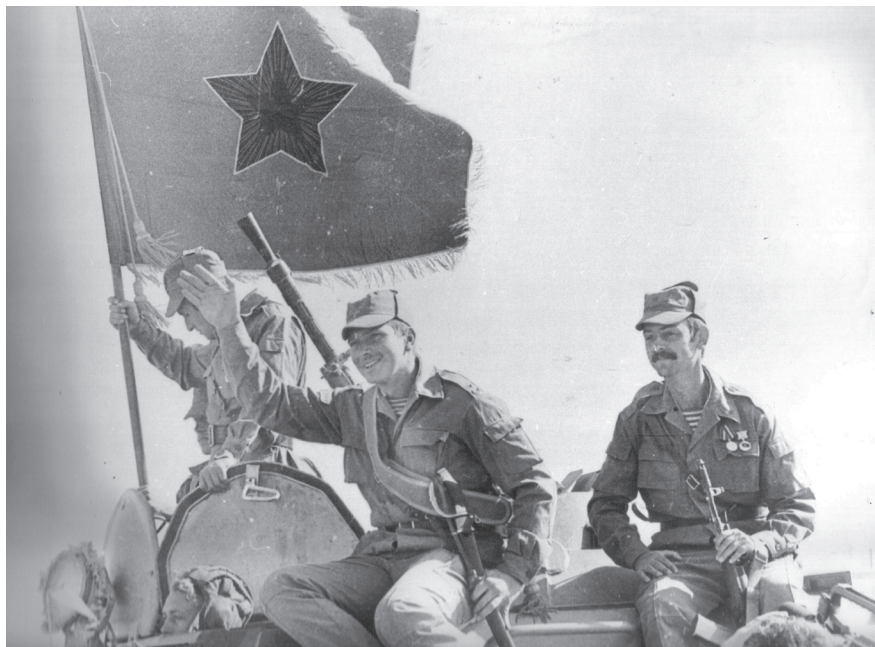
Может быть, спустя века «тырк мыз» трансформировалось в сегодняшний Термез? Наверняка, наши парни, возвращающиеся домой, не знали этой легенды, но многие на своих боевых машинах написали на кумаче: «Мы живы!».

Газета «Правда» 19 мая 1988г. об этом моменте написала так:

«Туда, на мост дружбы, внимание множества людей — жителей Термеза и многочисленных гостей. И вот на серо-стальной вязи моста пламенем забилось под ветром развернутое знамя: движется головной БТР колонны — командирская машина полковника Ю. Старова. Бесконечной вереницей идут к советскому берегу боевые машины. Здравствуй, родная земля! Звуки маршей, приветствия, рев моторов сливаются в мощный гул.

Вглядываемся в лица возвращающихся: радость и волнение. Дорогие наши бойцы в объятиях Родины. С честью вернулись они домой. Интернациональный свой долг, задачи, которые поставила перед ними страна, они выполнили. Подходим к командирскому бронетранспортеру.

— С возвращением, комбат! — обмениваемся рукопожатием с майором Владимиром Воробьевым. — Как дошли?

На фото — комбат Воробьев и замполит Клоков

— Все нормально. Безмерно рады возвращению домой.

В люке боевой машины видим рядового Виктора Набоху. — Как самочувствие? — знаем, что водителю-механику, сидящему за рулем, пожалуй, труднее всего дался марш. Виктор улыбается, машет рукой: мол, рад. Видим, многим бойцам волнение мешает выразить словами все то, что нахлынуло на них сейчас среди улыбок и цветов родной земли.

Замер строй на высоком берегу Амударьи напротив пограничной стены и портретов Политбюро. Звучит величественный гимн родной страны. Начинается митинг.

— Это событие войдет в историю как свидетельство миролюбия, стремления решать сложные международные вопросы на основе уважения наци-

онального суверенитета государств и народов, — сказал Председатель Верховного Совета Узбекской ССР П.Хабибуллаев. Узбекский народ встречает и приветствует воинов-интернационалистов как самых дорогих и славных своих сынов.

Слушая оратора, я думал о своем:

— Почему на митинге нет ни одного представителя союзной власти? Такое исторически важное событие мог бы отметить и президент СССР! Ведь он — главный организатор вывода войск. Ведь есть примеры: лидер кубинской революции Фидель Кастро лично встречал у трапа самолета или на причале каждого воина — интернационалиста, возвращавшегося на Родину.

Это невнимание тогда задевало самолюбие и солдат, и офицеров. Во многих курилках и казармах потом обсуждалась эта тема.

Через десятилетия другой человек, боевой генерал, участник той войны, написал созвучные нам слова:

«Первый этап вывода наших войск прошел выразительно, был под всеобщим контролем и освещался всесторонне. И был он знаменательным — никаких потерь! Но знаменательным было и другое: провожал народ Афганистана, местные и центральные органы власти до президента РА включительно, а в СССР наших ребят встречал наш народ и местные органы власти. Правда, московских начальников не было, как всегда, они были заняты. А ведь полно членов Политбюро ЦК, в аппарате ЦК — целая дивизия работников, а еще руководство Президиума Верховного Совета, руководство правительства... Конечно, если всех их посчитать, наверное, столько не наберется, сколько выводилось войск. Для встречи наших воинов после почти 9-летней войны можно было бы найти человек пять, которые встретили бы наши части на Термезском и Кушкинском направлениях. Но этого не произошло. Конечно, солдату обидно и стыдно за таких предводителей».

У трибуны стояло множество родственников, приехавших со всего Союза. В толпе увидели Надежду Петровну Старову — жену нашего комбрига. Рядом с ней утирает слезы Нугазама Фарвазова, — она приехала из Челябинска встречать сына Виталия, водителя бэтэера нашей бригады.

Мы стоим лицом к Амударье. За ней — афганская земля. Думаю: — Неужели это момент истины!

Вспоминаются слова философа Николая Бердяева: «Прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет!»

Какое будет у нас будущее?

Митинг окончен. Первый секретарь Сурхандарьинского обкома партии С.Мамарасулов приглашает воинов на обед. В роще на берегу реки развернули праздничные скатерти-самобранки двенадцать районов области. И у каждого — свой фирменный дастархан. Солдат и офицеров потчевали золотистым пловом и прелестной бараниной, свежими овощами, сухофруктами и зеленым чаем.

У меня на всю оставшуюся жизнь осталось сожаление, что не успел попробовать эти лакомства. Как и положено начальнику, я рассказывал своих голодных бойцов, а там уж и команда прозвучала: «По машинам!».

Глубокой ночью четырьмя воинскими эшелонами мы начали движение от станции погрузки Уч-Кизыл, что под Термезом в сторону столицы Узбекистана. Шли, как говорится, под фанфары. На каждой железнодорож-

Последнее фото «фронтового» офицерского коллектива бригады. 23 февраля 1989 г.

ной станции нас встречали местные власти с приветствиями. Труднее всех пришлось первым двум эшелонам — им вообще не давали спать. В ночь-полночь при подходе к населенным пунктам и станциям, блокированным ликующей толпой народа, им объявлялось построение. И проводились соответствующие торжественные ритуалы: митинги, вручение хлеба-соли, цветов и т.д.

Уже рассвело, когда на одной остановке меня нашел мой однокурсник по училищу, а теперь заместитель областного военного комиссара области подполковник Юрий Чезганов.

Он извинялся:

— Олечка, прости, с первыми эшелонами тебя встречал. Уже и надежду потерял, что увижу. Приготовил на встречу с тобой ящик шампанского, да выпили с вашими офицерами из первых эшелонов, и тебе не сохранил ни бутылки...

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЧИРЧИК

И вот ранним утром 20 мая родной для меня город лейтенантской юности Чирчик встречал нас музыкой военного оркестра. Такого радушия простого населения ни до того, ни после я не видел нигде. По накалу добрых чувств это можно сравнить с легендарной хроникой встречи первого эшелона из Германии в 1945 году.

В газете «Социалистический Чирчик» 21 мая 1988 г. был опубликован репортаж, довольно точно описавший это событие:

«Солнечным и ярким было утро 20 мая в Чирчике. Тысячи и тысячи чирчикцев вышли на центральную улицу Ленина встречать воинов-интернационалистов, следующих в район постоянной дислокации. Мужественные лица, на гимнастерках — ордена и медали, светятся радостью глаза. За плечами трудные дороги Афганистана, холодные камни перевала Саланг, барханы с высохшей колючкой. Цветами и улыбками встречают чирчикцы воинов-интернационалистов. На площади им.Ленина состоялся городской митинг, посвященный возвращению их на родную землю. Строевым маршем идут воины-десантники по площади, со всех сторон несутся приветственные возгласы чирчикцев. Девушки в национальных нарядах угощают воинов хлебом-солью.

Митинг открывает председатель горисполкома Н.Ф.Шарипов:

— 15 мая 1988 г. вступили в силу женевские соглашения по политическому урегулированию внешних аспектов афганской проблемы, — сказал он, — вы возвратились на Родину. Приветствуем вас, честно и мужественно выполнивших свой воинский долг, проявивших на деле высокие чувства интернационализма. Все мы сейчас внимательно всматриваемся в ваши лица. Вы молоды и красивы, полны энергии. Рядом с вами боевые командиры, прошедшие вместе с вами огненные дороги Афганистана. За это всем вам великая благодарность и земной поклон. Разрешите от имени горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, всех чирчикцев приветствовать вас в нашем городе, пожелать здоровья, счастья, свершения всех ваших желаний и больших успехов в деле созидания светлого будущего!

Торжественный митинг объявлен открытым. Звучит Гимн СССР. Слово представляется Р.А.Попову, второму секретарю обкома партии.

— Вы с честью выполнили свой интернациональный долг, — сказал он, обращаясь к воинам-десантникам, — За вашими плечами остались

трудные дни суровых испытаний. Одни из вас возвратятся к мирным профессиям, другие останутся в боевом строю. Вас ждут большие и трудные дела, и ваша энергия нужна сегодня нашему делу перестройки, защите завоеваний социализма. От имени бюро обкома партии, облисполкома поздравляю вас с возвращением на нашу землю и желаю новых успехов в труде, боевой и политической подготовке. Воинов-интернационалистов приветствует председатель совета ветеранов войны и труда ПО «Электрохимпром» Х.М.Мирзаянов. — Мы, ваши отцы, участники Великой Отечественной войны, горды за ваш ратный подвиг. У нас нет сомнений, что нынешняя наша молодежь в вашем лице еще раз доказала, что защита социалистических завоеваний находится в надежных руках. — Долго мы ждали этого дня, — говорит председатель городского совета женщин, учительница школы № 12 К.М. Мурадова. — Сегодня мы встречаем вас, своих сыновей. И вот вы стоите перед нами, немало повидавшие, не по годам возмужавшие наши мальчишки. Это вы, не боясь пуль, выносили под свинцовым дождем с поля боя раненых товарищей, щедро делились своим армейским пайком с афганской детворой, восстанавливали взорванные мосты, сожженные школы и больницы. Нам, матерям и вашим учителям, есть чем гордиться. Мы верим вам, ждем вас и рады приветствовать на родной земле.

Под аплодисменты и приветствия участников митинга дети вручают воинам — интернационалистам цветы и подарки.

— Дорогие матери и отцы, братья и сестры, дорогие наши соотечественники, — говорит участник боев в Афганистане офицер О.В.Кривопапов. — Трудно передать словами наши чувства, которые мы испытываем в эти счастливые часы пребывания на родной земле. Нам оказан радушный родительский прием. Спасибо вам за это. Воины нашей части, действуя самоотверженно и мужественно, вписали немало страниц в летопись Туркестанского военного округа. Но не все наши товарищи дожили до счастливой минуты возвращения на Родину. Они навсегда останутся в нашей памяти молодыми. Вечная им память. От имени воинов нашей части заверяю Коммунистическую партию, советский народ, военный совет округа, что готовы выполнить любое задание Родины.

Обращаясь к воинам-десантникам, председатель городского совета воинов-интернационалистов М.А.Островский сказал: — Вы возвратились на Родину. Дни суровых испытаний и потерь остались позади. Пройдя через огонь сражений, вы научились крепче любить нашу Родину. Мы, воины-интернационалисты запаса, можем с уверенностью сказать, что та моральная и физическая закалка, которую вы получили, очень пригодится.

И мы хотим пожелать вам быть непримиримыми к тем, кто мешает нам жить и работать, к тем недостаткам, которые у нас еще есть. Н.Ф.Шарипов предлагает направить делегацию из числа прибывших воинов — интернационалистов и представителей общественности города для возложения цветов к могилам воинов-интернационалистов. На машинах делегация отбывает для возложения цветов. Митинг объявляется закрытым. Звучит Гимн Узбекской ССР. Снова звучат приветствия в адрес воинов-десантников. По площади Ленина проходят парадные расчеты полка. На несколько минут замирает площадь, а затем оглашается ревом моторов — это десантники в походном строю на своих боевых машинах двинулись к месту дислокации. Чирчики радостными возгласами и цветами провожают колонну боевых машин. Цветы в руках у воинов, на броне машин. Через людское море и половодье цветов медленно идут машины. И не скрыть слез счастья, улыбок, радости возвращения на Родину».

После эйфории встречи командование учебного полка полковник Крот и подполковник Шлаев разместили нас в полевом лагере за аэродромом, где был заблаговременно обустроен палаточный городок. Вот в нем-то и начался процесс сокращения частей и откомандирования офицеров и прапорщиков, чьи должности в результате сокращения ликвидировались. Это был малоприятный бестолковый ритм работ, растянувшийся на месяц. Командиры и начальники вызывали на беседы подчиненных, уточняли их планы и личные желания, после чего оформляли проекты приказов и характеристики. Передавали в строевую часть штаба личные дела и документы. По мере накопления материалов кадровики везли все бумаги в Ташкент, в штаб округа, и сдавали их для принятия решений. Как правило, приказы не задерживались, и большая часть офицеров и прапорщиков разъехалась по тем округам, откуда их командировали в Афганистан.

Хотя полевой лагерь специально был размещен на удалении от города, жизнь вокруг него кипела и днем и ночью. Заинтересованных лиц расстояние не пугало. Тут же появились продавцы, из-под полы и втридорога предлагавшие спиртное, перекупщики имеющихся заграничных товаров, смазливые девицы и женщины постарше, предлагавшие свои древние как мир услуги. Это общение с населением приносило дополнительные хлопоты и проблемы командованию. Через полтора десятка дней наши медики доложили о первых пациентах кожно-венерологического отделения военного госпиталя, среди которых значились молодые офицеры и солдаты. Ежедневно головную боль доставляли лихие самовольщики, которых удержать в палатке было очень сложно. Дисциплинирует дело, а пустое ожидание, даже одобренное политзанятиями, беседами, массовыми мероприятиями и просмотрами кинофильмов, всегда демобилизует.

Радость возвращения в Союз. Чирчик (фото 20 мая 1988 г.)

А за всеми этими военными маневрами и митингами в городе продолжалась большая организационная и политическая работа актива крымских татар (Мустафа Джемилев, Рефат Чубаров), начатая 5 сентября 1967 г. под влиянием Указа «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». Этим решением, как помнится, их реабилитировали, простили предательство и сотрудничество с немцами в годы войны. В те «застойные годы» впервые прозвучали от них требования о возвращении на историческую родину, прошли массовые выступления на митингах и стычки с милицией. А потом движение под влиянием спецслужб затихло и ушло в подполье. Необоснованные утверждения реваншистов об уничтожении татар опровергала сама жизнь. Основная их часть была расселена в крупных промышленных центрах, где можно было найти работу. Так, в Ташкентской области 10 тысяч семей расселили в Чирчике, 8 тысяч семей в Беговате, 1 тысячу семей в Алмалыке. Все имели возможность работать и жить. Однако через два десятилетия, в конце 80-х с хаосом «перестройки» «джин вновь вышел из кувшина». На улицах индустриального города нельзя было не заметить, особенно на площадях перед горкомом и райкомами партии, горсовета ежедневные многотысячные митинги, нельзя было не слышать решительные призывы о пересмотре законодательных актов об упразднении

Крымской АССР, сопровождающиеся беспорядками. В тот год первые татары-разведчики самостоятельно целыми семьями начали переезжать в Крым. К концу 1990 г. из Узбекистана уже выбыло 19,7 тысяч крымских татар, что тогда пока составляло 9,2% от общего числа проживавших в республике¹. С распадом СССР этот процесс приобрел массовый характер, почти все татары устремились на свою историческую родину. В тот смутный период передела собственности крымские татары нужны были только для создания беспорядков, и они внесли свою лепту в тот хаос, который творился в России, в Азии и в Украине. С 1992 по 1995 гг. начались массовые самозахваты земель, столкновения с русским населением и милицией Крыма. Турция активно поддерживала крымско-татарское население: финансировала строительство жилья и школ. После достижения татарским населением 20% барьера обещает поддержать на международном уровне — требование об автономии.

Тогда еще никто не мог и предполагать, что вскоре и русские, и украинцы, и немцы поднимутся с насиженных мест, навсегда покидая гостеприимный Чирчик. Но уже по другим причинам.

Однажды малопривытный сумбурный ритм работы командира бригады и его заместителей неожиданно был прерван докладом дежурного по части начальником химслужбы майором Анатолием Федоровичем Коробкой, который после уставного обращения вдруг вплотную подошел к Старову и как-то очень торжественно, как это делает вновь прибывший посол, предъявляющий свою верительную грамоту главе государства, протянул газету «Правда».

— Посмотрите, товарищ полковник!

На первой странице газеты под рубрикой «Награды — героям» официально сообщалось о вручении орденов Ленина и медали «Золотая Звезда» группе награжденных. Среди которых были: капитан Я.П. Горошко, генерал-майор П.С. Грачев, сержант Н.И. Крениш, сержант Ю.Н. Миролюбов, младший сержант В.П. Синицкий. Как сейчас помню бурный всплеск эмоций, захлестнувший нас всех. Мы смеялись и обнимались, били друг друга по плечам, как будто произошло событие неординарное. Газету вырывали и по очереди громко читали:

«А.Громыко заявил: «Сегодня в этом зале стоят воины. Двое из них — офицер и генерал — на действительной службе. Трое — совсем недавно уволены в запас. Вам вручены награды в то время, когда начался вывод контингента советских войск, и наши солдаты возвращаются на Родину. А она высоко оценивает ваши подвиги, совершенные во имя мира.

¹ В.Скорухов «Депортация», аналитический бюллетень «Контрольный выстрел» Фонда социального развития №7 (14), 2012, Киев.

— Дорогие товарищи! Все вы молодые люди — от сержанта до генерала — в возрасте от двадцати до сорока лет. Можно сказать с уверенностью, что впереди у вас вся жизнь. А живем мы сейчас в замечательное время великой перестройки», — убежденно говорил А.А.Громыко.

Единственный солдат — рядовой Бычок А.Н., награжденный офицерским орденом

Наш однополчанин Юрий Миролюбов, мечтавший стать офицером, вынужден был вернуться в разрушенное «перестройкой» сельское хозяйство и в один трагический вечер погиб на окраине своего села. Ярослав Горошко на волне квасного малороссийского национализма и бурных политических страстей повел себя таким свободолобивым «мазепой» и потерял доверие у подчиненных офицеров Изяславской бригады спецназа. В связи с чем по требованию офицерской общественности был переведен разведуправлением Украины начальником учебного центра ВМС и тоже трагически погиб в водах Днепра в 1993 году.

Но мы не могли тогда знать о своем будущем, поскольку простому смертному этого не дано. Мы от души радовались за наших ребят, которые, как поется в песне, прославили десант! Надо сказать, что волна награждений только начиналась, и сотни солдат и офицеров вскоре получили свои ордена и медали перед строем бригады прямо здесь — на благодатной узбекской земле.

В этот период у нас с командиром состоялось много памятных и приятных встреч и знакомств. Из этой серии оказался приезд в гости бывшего командира Джелалабадского вертолетного полка полковника Валерия Васильевича Крушинина. Он стал старшим инспектором отдела боевой под-

Чувствовал ли Андрей Андреевич, что ошибается в этот момент?!

Как оказалась, для многих из этих награжденных лучшая часть жизни осталась в Афганистане. Грачев стал министром обороны, погряз в мздоимстве и преступной войне с собственным народом. К нему намертво приклеилась позорная кличка «Паша-мерседес». А сколько матерей и вдов проклинают его как одного из главных виновников начала кровопролитной чеченской войны...

готовки авиации сухопутных войск, и, попав в ТуркВО, не забыл своих боевых товарищей. Состоялось доброе товарищеское застолье, сопровождаемое обилием воспоминаний и выпивки.

На рассвете предпоследнего майского дня на станцию разгрузки пришел 7 батальона спецназа. Возвращение очередной части также не осталось незамеченным местными газетами:

«В день, когда очередная воинская часть следовала через наш город в район дислокации, было пасмурно. Колонна боевых машин на медленной скорости шла через город, и цветы, подарки передавались чирчикцами из рук в руки, раздавались приветственные возгласы. На бортах машин надписи — «Здравствуй, Родина!», «Мы выполнили свой интернациональный долг!», а сама броня машин испещрена вмятинами и царапинами от пуль. У многих солдат и офицеров боевые ордена и медали».

Вот так, в предпоследний день мая, нас догнали два эшелона 186 Шахджойского ооСпН 22 бригады под командованием майора А.Е. Борисова. Алексей был моим сослуживцем по Пскову, и поэтому наша встреча была вдвойне радостной и полной воспоминаний. Как оказалось, судьба отмерила ему очень короткую жизнь. Вернувшись домой, он скоропостижно умер от обширного сердечного приступа. Его дело продолжил сын, окончивший Новосибирский военный институт.

Но встречи встречами, а где же наши два отряда? — задавали мы вопрос себе и командованию ТуркВО.

— Ведь наша бригада уже не вписывается во временные графики, и вышла не полностью!

Командование ТуркВО больше месяца держало от нас в секрете решение МО СССР о приостановке вывода двух отрядов спецназа. Как позже выяснилось, резко изменившаяся обстановка в провинциях, покинутых частями спецназа, заставила командарма изменить первоначальное решение и остановить выход 668 и 177 отрядов нашей бригады в районе Кабула. Без них безопасность наших войск оказалась под угрозой.

В это же время, в середине июля, часть представителей от СССР и ООН находилась на Гератском направлении, через которое продолжали выводить группировку войск: 70 омсбр и 22 обрСпН из Кандагара и Лашкаргаха. Хотя к этому времени в МИД и миссию ООН в Кабуле съпались многочисленные жалобы о фактах нарушения Пакистаном международных соглашений. Основными из них являлись: оказание Пакистаном помощи афганской оппозиции в подготовке мятежников в учебных центрах и лагерях, их формирование и снаряжение, а иногда и прямое участие пакистан-

ких военнослужащих в переброске вооружения и боеприпасов на территорию Афганистана.

После оголения афганской границы резко увеличилось количество перебрасываемых в Афганистан караванов с военными грузами. Только в сентябре — октябре 1988г. на территорию Афганистана прибыли 172 крупных каравана с оружием, предназначенных для активизации боевых действий против госвласти. Характерно, что переброски караванов и отрядов мятежников осуществлялись с разрешения пакистанских властей, которые выдавали специальные пропуска на автотранспорт и утверждали списки личного состава направляемых в Афганистан. Для пополнения запасов стрелкового оружия и боеприпасов оппозиция переправляла в Пакистан захваченное у афганских частей тяжелое вооружение, которое она обменивала или продавала пакистанским властям.

По данным советских спецслужб, неоднократно отмечалась переброска мятежников, оружия и боеприпасов к афганской границе на автомашинах ВС Пакистана. Так, в конце сентября пакистанские военные доставили в район Парачинар из Пешавара около четырех тысяч реактивных снарядов, которые впоследствии были переброшены в провинции Кабул, Логар, Пактия.

После подписания Женевских соглашений руководство оппозиции при помощи властей Исламабада взяло курс на всяческое воспрепятствование процессу возвращения афганских беженцев на родину, привлекая для этого пограничников, отряды малишей и мятежников. Особенно частыми были случаи насильственных действий по отношению к беженцам в районах пограничных пунктов Ланди — Котал, Тери — Мангал и Чаман. Кроме того, в лагерях беженцев в Пакистане с ведома и при участии властей Исламабада была развернута активная пропагандистская деятельность по пресечению переселенческих настроений, вплоть до запугивания и публичных расправ. Поэтому, несмотря на усилия Афганистана по приему беженцев (развертывание сети палаточных городков, подготовку гостиниц, организацию медицинского обслуживания и питания, выделение крупных финансовых средств в основном за счет безвозмездной помощи СССР), количество семей, возвращающихся из Пакистана, практически не увеличилось. При этом необходимо отметить, что около 80 процентов беженцев вернулись в Афганистан, минуя пограничные пункты.

НАШИ ДОКТОРА¹

«Врач — это единственная категория людей, которая никогда не мучается вопросом о смысле жизни»

Э.М. РЕМАРК

«Докторами» разведчики и в шутку и всерьез (какие шутки, когда речь идет о жизни и здоровье...) называли всех медиков от рядового санитаря до начальника госпиталя. В организационной структуре 15 бригады военные медики занимали свою скромную, но очень существенную нишу. Начальником медицинской службы бригады в 1986-1988 гг. служили майоры мед.сл. Смоленов Вячеслав Иванович, Лученко Леонид Петрович, начальником медпункта Астапович Игорь Леонидович, врачами И.К. Шайхудинов, Н.Г. Репетий, А.И. Сергеев.

Яркий след в истории 154 отряда оставили медработники — начальники медслужбы отряда лейтенант мед.сл. Лапин А.Н., старший лейтенант мед.сл. Яковлев В.В., хирург старший лейтенант мед.сл. Куламов С.А., врач-анестезиолог Сурначев А.В., начальник аптеки старший прапорщик Лязер Г.Н., фельдшер прапорщик Черталин А.А. Все они награждены орденами Красной Звезды.

Коротко о каждом.

Лапин Александр Николаевич, родился в 1958г. На Южном Урале. Лейтенант медицинской службы выпуска 1985 года. Приходил службу в должности начальника мед.службы — начальника мед. пункта 154 отряда спецназа в 1985 — 1986 г.г. Убыл в связи с тяжёлым ранением, полученным при взятии укрепрайона (операция «Карера»). Принимал активное участие в боевых действиях. Оказал помощь на поле боя более 29 раненым, самолично вынес с поля боя 9 человек. Снизил инфекционную заболеваемость в отряде в 20 раз (обзор по 400А). Впервые на Афганской войне приспособил МТЛБ для оказания врачебной помощи, а не только для эвакуации раненых (данный факт утверждён инспекцией ЦВМУМОСССР), что способствовало выживанию тяжелораненых. По окончании лечения продолжил военную службу. Закончил ВМА им С.М.Кирова. В дальнейшем принимал участие в боевых действиях Приднестровского конфликта, в первой Чеченской войне. В 2004 г. в связи с ухудшением здоровья с должности начальника медслужбы армейского корпуса ДВО перевёлся в госпитальное звено начмедом базового госпиталя, откуда в 2009 году уволился по болезни. Врач высшей категории. Награжден орденами Красного Зна-

мени, Красной Звезды, «Мужества». «Золотой лауреат» международного конкурса «Золотое перо Руси» 2006 г.

Он дал следующие характеристики своим боевым побратимам:

«Старший лейтенант медицинской службы КУЛАМОВ Садир Алибаевич-Оглы был хирургом медпункта отряда. Подготовленный профессионал, смело брался за любые хирургические вмешательства, особенно по неотложным показаниям. Мы с ним были в моём последнем бою, он оказал мне врачебную помощь, благодаря чему я, вероятнее всего, и остался в живых. Он дослужил полный срок. Последний раз я виделся с ним в Саратове в 1989 г.

Фельдшер, прапорщик Чертолин Александр, 1957 г.р. Выслужил свой срок в Афганистане полностью. Боевой медик, который со мной практически был всегда. Смелый, хорошо подготовленный профессионал. Надежный товарищ. Для меня он был опорой и практически наставником по многим вопросам. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Последнее место службы — Ленинградский военный округ, пгт Сертолово, танковый батальон. Там же имел жилую площадь. Умер внезапной смертью в возрасте пятидесяти лет.

Не менее заслуженным и авторитетным как для меня лично, так и в отряде был начальник аптеки медпункта ст. прапорщик Лязер Геннадий. Он был старше нас всех. Ему тогда было 36 лет. Он обладал большим опытом работы в войсковой медицине, поэтому в прямом смысле являлся нашим учителем, наставником и даже где-то старшим братом. Практически весь отряд называл его: «Дядя Гена». На боевые действия он ходил редко — по должности ему это было не положено, Но когда, бывало, требовала необходимость, выходил с группами и разведотрядами. Медицинский пункт всегда оставался на нем, и он всегда встречал нас с боевых выходов накрытым столом с жареной картошкой и элеутерокковой настойкой. Продолжил службу Геннадий на Среднем Урале в городе Камышлов. Награждён орденом Красной Звезды. Умер от хронической сердечной недостаточности два года назад (2010 г.).

О них редко говорили, о них, так же, как и в обычной жизни, вспоминали только тогда, когда возникала острая необходимость. По-настоящему здоровые люди не посещают медучреждения и относятся к эскулапам снисходительно или равнодушно. А вот когда жизнь бросает на госпитальную койку, то с нее как раз и хорошо виден самоотверженный труд врачей и медсестер. Несмотря на тщательный отбор по здоровью солдат и офицеров в части спецназа, на войне люди всё равно болели. У них от невероятных физических нагрузок и высокой температуры резко поднималось давле-

ние, доставляя адские страдания, разрушались зубы, возникали ситуации, требующие немедленного хирургического вмешательства. Традиции качественного подбора штатного медперсонала сохранялись все годы существования соединения.

Врачи и медработники на регулярных практических занятиях обучали нештатных санитаров подразделений основным навыкам оказания первой помощи при ранениях, травмах. Командиры подразделений трепетали перед проверками безжалостных медицинских комиссий по соблюдению мер санитарной гигиены в местах жизнедеятельности личного состава в казармах, в военном городке. Медики три раза в сутки проверяли качество приготовления пищи в столовой, что становилось особенно актуально в жарких азиатских условиях. Ну и, естественно, оказывали квалифицированную медицинскую помощь при травмах, потертостях, воспалениях, иных заболеваниях.

Это позволило эффективно работать в крайне сложной санитарно-эпидемической обстановке в Афганистане. С чем столкнулись спецназовцы в период пребывания в чужой стране? Отсутствие воды, убийственный климат горно-пустынной местности. Ни казарм, ни колодцев в местах дислокации. Посуду приходилось чистить чуть ли не песком. Ни оборудованных кухонь, ни бань... Словом, идеальные предпосылки для массовых инфекций брюшного тифа, дизентерии, вирусного гепатита.

Особенностью повальных инфекционных заболеваний в боевых условиях ДРА являлось их злокачественное тяжелое течение, сопровождающееся высокой смертностью и сочетание нескольких инфекций сразу, так называемый «афганский букет». Ответов по сути два: чудовищная антисанитария, царившая в ДРА, и недостатки в обустройстве войск. Две трети 40 армии в течение года подверглись тяжёлому инфекционному заболеванию и не одному. Вводя войска, всерьез никто о такой опасности не думал. То ли потому, что жалеть нашего солдата не принято (он ведь самый выносливый, терпеливый, мужественный), то ли потому, что политики не брали его — солдата — в расчет. Эпидемия холеры в бригаде в 1985 г. стала серьезным испытанием для военных врачей. Англичане, когда-то державшие свои войска в Афганистане, признавались, что теряли здесь от болезней в несколько раз больше людей, чем в боях. Наши люди проверили это на себе. Полностью исключить заболевания было невозможно. Но то, что вспышки инфекций были своевременно погашены, — это заслуга военных врачей.

При 40 армии действовало несколько госпиталей. Надо прямо сказать, что формирование медучреждений в армии запаздывало, так только в

1986 году, на седьмой год войны, была создана госпитальная база для лечения инфекционных больных. Насчитывала она 1670 коек. Крупные стационары и инфекционные госпитали были развернуты в Джелалабаде, Кандагаре, Пули-Хумри, Кундузе, Шиндане. Сеть стационаров дополняли медбатальоны и медроты частей, где оказывалась как первая, так и врачебная, в том числе квалифицированная медицинская помощь. К четырем инфекционным госпиталям добавились также отделения в трех многопрофильных госпиталях. Копаюсь в архивных материалах, пытаюсь проанализировать истинное положение на так называемом «втором фронте» борьбы за жизни наших солдат и офицеров в ДРА, мне открылось такое, что превзошло все ожидания. Оказывается, из 620 тысяч солдат и офицеров, прошедших службу в рядах ОКСВ за девять лет войны в Афганистане, почти 470 тысяч лечились в госпиталях. Вдумайтесь! Это 75% личного состава! Из них вернулись в строй — 455071, стали инвалидами — 10751. Болезней оказалось больше ранений! Эпидемии имели определенную цикличность, обычно развивались с июня по декабрь месяц. Тогда число коек в госпиталях увеличивалось до 6 тысяч. К сожалению, профилактика всю войну оставалась самым слабым звеном в организации боевого, тылового и медицинского обеспечения. До 85% заболевших поступали в лечебное заведение только на 4-12 сутки. Естественно, смертность была высокой. Взять хотя бы амебные процессы в желудочно-кишечном тракте. Их не могли диагностировать четко и быстро. Иногда просто не видели их, а люди умирали. В первые годы войны больных вывозили в Союз для лечения и реабилитации в Ташкент, Ашхабад, и Душанбе... Но в дальнейшем эту систему отменили. Было заявлено: «Из-за «афганцев» в Средней Азии началась малярия, которой раньше не было, стал процветать гепатит в тяжелых формах, появился амебиаз»... Но воины-то в чем виноваты? Однако приказ есть приказ. Был создан специальный реабилитационный центр в Баграме и отделения при госпиталях. Организовать на месте лечение и реабилитацию оказалось непросто. Врачей винить трудно — очень тяжелыми были условия армейского быта. На одну медсестру приходилось порой по 200 зараженных гепатитом. В модулях устраивали палаты, койки ставили в два яруса. Капельница — у нижнего больного, прокапают ему, он лезет наверх, а его место занимает верхний. Так и лечили. Да и лекарств не хватало. От всех болезней лечили хиной, тинидазолом, трихополом. Как незабвенный Василий Иванович все лечил одной таблеткой, так и здесь... Не все, прошедшие лечение, по-настоящему выздоровели. Чем они питались? Теми же консервами, о диетической пище можно было только мечтать. Здоровых среди них нет... Переболели многие. А сколько наших боевых товарищей умерло на Родине в расцвете лет от невидимых послед-

ствий перенесенных инфекционных заболеваний. Их число никто и никогда не узнает, потому что их никто и никогда не считал... Однако то, что сейчас количество инвалидов Афганской войны растет с каждым годом, является ярким признаком отдаленных последствий ран, травм и заболеваний, перенесенных в ДРА.

Достаточно однобокой являлась и статистика учета санитарных и безвозвратных потерь в частях. Прежде всего вышестоящие штабы запрашивали данные по всевозможным ранениям и травмам, а не попадающие под учет инфекционные болезни, в это время бывало, просто выкашивало ряды личного состава рот и взводов. Только в статистических данных госпиталей просматривалось количество сраженных коварными инфекциями. Например, по докладу тыла 40 армии, в 1986 году в госпиталях лечилось 52820 человек. Из них:

- с боевыми ранениями и травмами — 2028 человек;
- с небоевыми ранениями и травмами — 2391 человек;
- с хирургическими заболеваниями — 3460;
- с соматическими заболеваниями — 5404;
- с инфекционными заболеваниями — 39537.

Как видно из этих цифр, в общем числе санитарных потерь значительное место занимают заболевшие. Всего же за годы войны переболело: инфекционным гепатитом — 115308 человек; брюшным тифом — 31080 человек; другими инфекционными заболеваниями (малярия, дизентерия, амебиаз, тиф А) — 140665 человек. Таким образом, потери, обусловленные болезнями, в пять раз превышали боевые.

Сколько среди них было наших разведчиков, мне установить не удалось, но сохранившиеся данные по боевым и не боевым потерям наглядно демонстрируют напряженность службы медиков в спецназе и риск боевых буден, когда ежедневно более десятка наших разведорганов вели разведывательно-боевые действия.

Согласно официальным отчетам медслужбы бригады в медслужбу 40-й общевойсковой армии за период с 25 марта 1985 по 1 мая 1988 года, медиками 15 обрСпН (медпункта штаба и четырех отдельных отрядов) была выполнена следующая работа:

1. Ликвидирована одна эпидемия (холера).
2. Оказана первичная медицинская помощь и эвакуированы в госпиталь 1241 раненый военнослужащий. А это ни много ни мало составляет от штатной численности бригады — каждый второй военнослужащий соединения! Очень страшная цифра! Что это? Чьи-то промахи или недоработки? Попробуем разобраться вместе.

Конкретные цифры по 154 ооСпН см. ниже:

Ранения + боевые травмы, полученные в период боевых действий
154 ооСпН по годам:

1985	1986	1987	1988 (данные до 1.5)
32+55=87	72+15=87	85	7

Возьмем для анализа 1987 год, когда боевые ранения и травмы 15 обрСпН составили 332 человека. Боевые травмы (понимай в этом числе и минно-взрывные травмы (МВТ) характеризовались возрастающим числом повреждений носящих тяжелый и особо тяжелый характер. Этот вид боевой травмы отличался особой тяжестью, поскольку подрыв на mine, как правило, сопровождался не только повреждением или утратой ног, рук, глаз, но и кровоизлияниями в легких, повреждением внутренних органов, разрушением тонких структур головного мозга. А ведь были и контузии — повреждение головного мозга, при котором человек не в состоянии вести себя адекватно во времени и пространстве. Они характеризовались оглушенностью, спутанностью сознания, дезориентацией, нелепыми (иногда агрессивными) формами поведения. Эти больные нуждались в строгом надзоре врачей и кропотливом лечении. «Мир подвешен на тонкой нити, и эта нить — душа человеческая», — эти слова великого психолога Альфреда Адлера вспоминаются, когда сталкиваешься с судьбами людей, перенесших контузии.

По степени локализации и тяжести полученных поражений статистика дает представление следующее:

Черепно-мозговые травмы — 17%

Лицевой череп — 4%

Грудь — 9,6%

Верхние конечности — 18%

Живот — 3,2%

Таз — 3,2%

Нижние конечности 45%

Как убедительно видно по данным таблицы, основные причины ранений — это минирование местности. Но, кроме риска быть раненым или убитым в бою, повседневная служба разведчиков предполагала постоянный экстрим: пешее передвижение личного состава в составе подразделений или на бронетехнике в колоннах в сложных горно-пустынных условиях или в тропиках джелалабадской низменности. Практически круглосуточно у личного состава под рукой находились оружие и боеприпасы, различные взрывчатые вещества, что притупляло чувство самосохранения и осторожности. А, как верно отметил классик, — если на стене висит ружье, значит, оно

когда-то выстрелит. Военнослужащие ремонтных подразделений круглые сутки самоотверженно трудились, оживляя подорванную и пострелянную боевую технику. В ходе этих рутинных работ, в условиях высоких температур отмечались случаи нарушения мер безопасности, что порой приводило к трагедиям, досадным ранениям и травмам.

Наши люди подвергались и иным поражениям, к которым относятся солнечные и тепловые удары. К этому явлению незаслуженно долго относились скептически. Впервые о них заговорили официально и серьезно без умалчивания только во второй половине 80 годов, когда в приказе командующего войсками ТуркВО № 050 от 3.07.87 г. «О тяжелых случаях тепловых поражений военнослужащих» было заявлено, что «тяжелые случаи тепловых поражений военнослужащих считать травмами». Приказывалось «при температуре 35 градусов и выше с 12 до 16 часов запретить использовать личный состав на открытых территориях».

К тому времени в боевой обстановке уже сотни солдат и офицеров 40 армии стали жертвами солнца.

Спецназовцы, в отличие от других, не имели возможности покинуть свои места дневок или засад. В результате тепловые удары в горах или пустыне наступали у них и не на открытом солнце. Эти потери личного состава считали небоевыми. Статистические данные по санитарным потерям в ВС СССР имели различные цензурные запреты для открытых видов информации (по количеству случаев, массовости любых санитарных потерь, по воинским частям, по указанию боеспособности и других), что делало их секретными.

Тем не менее, в отчетах медицинской службы бригады просматривается следующая статистика по небоевым ранениям и травмам:

Не боевой травматизм (ранения + травмы) 154 обрСпН

1985 год 1986 год 1987 год (данные за полгода)

10+97 = 107 1+70 = 71 13+13 = 26

Автором более детально изучены данные 15 обрСпН за первую половину 1987 г. Анализ показал, что общее количество получивших небоевые травмы в первой половине года составило всего 116 человек. В том числе, по обстоятельствам получения:

По личной неосторожности — 56;

В результате нарушения техники безопасности — 31;

Неуставные отношения — 16;

Неосторожное обращение с оружием и ВВ — 10.

Эвакуация раненых и больных из районов боевых действий и пунктов

дислокации частей осуществлялась вертолетами. Врачи медпунктов частей и разведчики-санитары буквально вытаскивали людей с того света после тяжелейших ранений, травм и увечий, оказывали первую помощь и готовили раненых к эвакуации с поля боя на этап квалифицированной медпомощи. Эвакуация в условиях горно-пустынной местности имела исключительное значение и, по оценке медиков, в 86% случаев была единственным средством доставки раненых и больных. При необходимости для этого привлекались необорудованные летательные аппараты с установкой носилок непосредственно на полу грузовых кабин. В наших частях с начала боевых действий в ДРА это было обычным явлением, так только в 1986-1987 годах в 95% случаев эвакуация осуществлялась боевыми вертолетами. Каждый из вертолетов, в зависимости от типа, обеспечивал одновременную эвакуацию от 5 до 9 раненых. Столь широкое применение вертолетов объясняется сложностью передвижения в горах автотранспорта, большой вероятностью обстрела машин и подрыва их на минах. Да и по воздуху значительно сокращались сроки эвакуации раненых. Благодаря такому способу быстрой эвакуации были спасены жизни командира 459 отдельной роты спецназа капитана Рафиса Латыпова, тяжело раненного снайпером в область таза, старшего лейтенанта Сергея Лукьянова, лейтенанта Александра Лапина и многих других.

В тех случаях, когда из мест, вблизи которых не было подходящих посадочных площадок, эвакуация осуществлялась непосредственно из боевых порядков вертолетами поисково-спасательных групп на режиме «зависания» с использованием механической лебедки.

Но медицинская служба армии располагала небольшим парком собственных аппаратов, состоящим из двух самолетов Ан-26 «Спасатель» и десяти специальными вертолетами МИ-8МТ, которые для эвакуации с поля боя не использовались из-за отсутствия собственных огневых средств и большого полетного веса. Надежным и быстрым транспортом для эвакуации раненых и больных являлся вертолет МИ-8МТ «Биссектриса», оборудованный парой носилок, комплектом шин, набором перевязочного материала, аптечками и жгутами. Этими вертолетами осуществлялась эвакуация почти половины раненых и больных из лечебных учреждений в пределах армии. Кроме того, для эвакуации раненых и больных в лечебные учреждения СССР использовались Ил-18 «Санитар», а с конца 1986 года — Ту-154. Но их коэффициент использования был невысок, так как мало аэродромов могли быть использованы для приема указанных типов самолетов.

Эскалация боевых действий диктовала и необходимость по доставке на родину всех умерших и погибших. Это в истории страны осуществлялось

впервые! Сначала в Кабуле был создан нештатный морг, а в крупных гарнизонах временные полевые морги. Первый штатный стационарный пункт приема, обработки и отправки пораженных (ППООП), появился в мае 1984г. в Кабуле, а затем в Кундузе, Баграме, Шинданде. Нештатные (помещения подвального типа) созданы в Джелалабаде, Газни, Гардезе, Герате, Кандагаре и Файзабаде. Медслужбой ТуркВО осуществлялась подготовка их персонала, так называемой службы «Черный тюльпан», для простейшего бальзамирования и фотографирования погибших. Своих погибших (умерших) военнослужащих спецназовцы сдавали в «Черный тюльпан» для подготовки тел к отправке, а затем с сопровождающими отправляли в Союз по месту жительства.

Как свидетельствует анализ безвозвратных и санитарных потерь за период с 1985 по 1988 годы, основная нагрузка по интенсивности в бригаде лежала на медперсонале отрядов спецназа. Все отряды были укомплектованы одинаково, но особенности боевой дислокации и интенсивность разведывательно-боевой деятельности были разными, что сказывалось на количестве боевых потерь от воздействия всех видов оружия противника и сопутствующих поражающих факторов. В приведенных ниже цифрах не учтены потери 154 ооСпН с 1979 года по март 1985 года.

Погибшие в боях (1985 — 1988 гг.)	— 77 человек
Раненые	— 266 человек
Не боевые потери	— 204 человек
Всего:	— 470 человек

Огромный опыт приобрели на войне все медики нашей бригады. Сохранились записи о мужестве в бою медицинских работников 154 отряда, начавшего воевать в декабре 1979 года:

«Первым из медиков боевое крещение в Афганистане и высокий орден Красного Знамени получил начальник медслужбы 154 ооСпН капитан Артыков Абдыресул Бехбитович. Выпускник 2 московского медицинского института, до призыва в армию работал хирургом-травматологом областной больницы г.Чарджоу. Вечером 27 декабря 1979 года через полчаса после штурма дворца Тадж-Бек, на отрядный медпункт буквально обрушился поток раненых, 67 разведчиков получили ранения различной тяжести. Среди них пятеро военнослужащих оказались очень тяжелыми. Их немедленно начали оперировать своими силами, и тем самым спасли им жизни. При этом гвардии рядовому Виктору Барышникову (9 рота 345 пдп) ампутировали нижние конечности. Только на другой день 36 тяжелораненых разведчиков удалось на БМП вывезти на аэродром и на специально вызванном

самолете ИЛ-18 отправить в Ташкентский госпиталь. Тяжелое ранение, несовместимое с жизнью, 6 января 1980 г. получил разведчик рядовой З.Мадияров, но спасти его капитану медслужбы Артыкову не удалось.

Кроме этого, в течение первых суток через медпункт отряда прошло более ста раненых афганских солдат и офицеров. После оказания первой медицинской и врачебной помощи их отправляли в Кабульский военный госпиталь. До сих пор не совсем ясно, какие дополнительные силы и откуда привлек капитан Артыков для медицинской помощи такому количеству раненых? По воспоминаниям замполита отряда Саттарова, когда его, раненого в живот привезли в медпункт, то первую помощь ему оказывала незнакомая женщина врач афганской национальности. Профессионально работал начальник аптеки медпункта старший прапорщик Карим Асроров, который был высокого роста и физически очень крепким человеком. Ветераны рассказывали: «В его руках шприц казался спичкой. В ходе боя он хватал по двое раненых под мышки и вместе с оружием выносил из-под огня. В медпункте сортировал всех их по срочности, оказывая медицинскую помощь легкораненым».

Впоследствии А.Б.Артыков окончил Ленинградскую Военно-Медицинскую академию, стал полковником медицинской службы, дослужился до начальника медицинской службы общевойсковой армии. После развала страны возглавлял медслужбу пограничных войск Туркмении. Живет в Ашхабаде. Женат. Имеет 4 детей».

Ветеран 154 ооСпН полковник И.Ю.Стодеревский, рассказывая о становлении медслужбы отряда в Афганистане, поведал: «К нам из Ташкента как-то приехала комиссия разбираться, на каком основании в отряде делаются полостные операции, так как подобного рода хирургические вмешательства разрешены только в медбате дивизии. Но когда они посмотрели нашу материальную базу и увидели наш штат врачей, то были приятно удивлены. Они считали, что мы — обыкновенный мотострелковый батальон. А у нас по штату были врач-хирург, врач-анестезиолог и все необходимое оборудование. Не было только операционной сестры. Сколько я ни пытался ее «выбить», ничего не вышло. Наши медики подготовили себе двух солдат, помогавших при проведении операции. В одном из вагончиков мы оборудовали реанимационную палату, а один из тягачей МТЛБ был переоборудован для проведения операций прямо на поле боя. Хирургом был старший лейтенант Бегишев Э.Ф., безусловно одаренный человек. Сколько он солдат спас, а вот сам не уцелел, погиб на последней операции перед отъездом в Союз».

Это произошло 7 сентября 1983 г., когда при подрыве МТЛБ одно-

временно погибли сразу два медика отряда — старший лейтенант Э.Ф.Бегишев и младший лейтенант И.Н.Крышталь.

Далее читаем в историческом формуляре отряда: «Прекрасным специалистом зарекомендовал себя врач-анестезиолог отряда лейтенант Александр Сурначев». «Геройски погиб, спасая раненого прапорщика Юрия Дурнева, санинструктор сержант Михаил Мочернюк. Его имя присвоено МТЛБ медпункта отряда». «Во время боя по уничтожению укрепрайона «Карера» в марте 1986 года особо отличился хирург старший лейтенант Юдин, которому в ходе боя осколком оторвало полуха. Наскоро оказав себе первую помощь, он продолжал драться, как лев. Спецназовцы, вспоминая его поведение в бою, отмечали: «мочил он «духов» здорово, молодец, ничего не скажешь, медик — герой!». «25 октября 1987 года при выходе в район засады разведотряда 3 роты 154 отряда произошло столкновение с бандой мятежников. В ходе скоротечного боя получили ранение командир роты капитан Пархоменко и командир группы старший лейтенант Смирнов. В этой обстановке мужественно действовал впервые принимавший участие в боевых действиях врач медпункта бригады старший лейтенант медслужбы Ильдус Шайхутдинов (за этот бой награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени). Смело и профессионально действовал вместе с ним санитар 3 роты рядовой Мурад Абдухаликович Усканбаев (награжден медалью «За отвагу»). Это был его восемнадцатый боевой выход».

Добрым словом вспоминал своих медиков ветеран бригады майор К.Таривердиев: «Когда было надо, они ходили с нами на войну и оказывали первую хирургическую помощь прямо в горах. Это очень важно, какую ты помощь получил сразу. Квалифицированную, врачебную или доврачебную. От этого зависело, довезут тебя до пункта постоянной дислокации или не довезут. Они оказывали нам помощь прямо под пулями, а потом, когда отряд или разведгруппа возвращались, сдавали оружие, чистились, мылись, пили водку, отходя от пережитого, они, не отдыхая, с ходу шли в операционную долечивать тех, кому оказали помощь еще в горах».

Обобщая положительный опыт работы коллектива медпункта 154 ооСПН, в обзоре медслужбы 40 армии отмечалось, что благодаря усилиям врачей отряда количество инфекционных заболеваний в части снизилось в 20 раз. Впервые в практике медслужбы ограниченного контингента советских войск в Афганистане врачи спецназа широко практиковали использование МТ-ЛБ для оказания врачебной помощи в районах выполнения отрядом боевых задач, а не только для эвакуации на нем раненых с поля боя.

Первичное звено медиков — санинструкторы и разведчики-санитары — обязательно присутствовали в штате отряда. Так в каждой роте спецна-

за имелось десять младших медицинских работников. Один санинструктор в управлении роты в категории старший сержант и девять рядовых санитаров в группах спецназа (по одному в каждом отделении). Совершенно очевидно, что в учебках за короткий период обучения солдат в системе военно-медицинской подготовки простейшим, но жизненно необходимым способам оказания само- и взаимопомощи проводилось недостаточно эффективно. Приобретенные навыки закреплялись непосредственно в отрядах врачами медпунктов в ходе систематических тренировок. Перед выходом на боевые проверялись наличие и комплектность индивидуальных средств защиты. Только в результате такой кропотливой работы число летальных исходов, связанных с дефектами оказания первой помощи, в последующем снижалось. Анализ летальных исходов погибших в бою в горно-пустынной местности в бригаде показал, что в 55% случаев первая медпомощь оказывалась не в полном объеме, а в 15-20% такая помощь отсутствовала вообще. Иногда раненые находились с наложенными жгутами на кровоточащих конечностях до 4 часов. Такая «помощь» приводила впоследствии к осложнениям, ампутациям конечностей. Часто санинструкторы, накладывавшие жгуты, плохо представляли себе последствия длительного пережатия сосудов. Бывали случаи, что они накладывались неправильно, не вводились обезболивающие средства. Неграмотно использовались индивидуальные перевязочные пакеты. Но война сурово учила ответственности и профессионализму на крови и на жертвах...

О каждом из наших санинструкторов можно говорить особо, но формат книги позволяет только напомнить фамилии в длинном списке санинструкторов, которые достойно выполняли свои обязанности. Назову тех, кого помню:

Разведчики-санинструкторы старшие сержанты Стокич И.Г., Федоркив И.И., Красулин Л.И., сержанты Гаврилов Ю.Е., Пих А., Пригодич Н., Турсунов Х., Обидин В., мл.сержант Груднев С.И., рядовые Андрущенко В.А., Белый Н.И., Мочернюк М.И.(убит в бою), Усканбаев М.А., Герасимов Б.П., Ценев С.А., Лищук Н.Н., Будзан А.Г., Логачев В.Н., Кражан К.И., Кочетков В.А., Замушинский Г.И., Куцай О.П., Борматаев А.Н., Жакожбаев А., Ишбердин Ф.Х. Самоотверженно помогали медикам в ходе боя водители МТ-ЛБВ «Доза» и автомашин рядовые Горденков Владимир, Мурзалиев Сагидола, Галушков Василий и другие.

Все медработники были достойны государственных наград и награждались в отряде наравне с разведчиками по результатам боевых действий. Медиков высоко ценили и уважали в отряде и знали их по именам, хотя в большинстве случаев обращались уважительно просто — доктор.

САН САНЫЧУ¹

*Посвящается
Александру Александровичу Чертолину,
кавалеру ордена Красной Звезды и медали «За отвагу»,
прапорщику-фельдшеру 154 отряда спецназа.
12.11.2008*

Мы с тобой закровили пятками
Много скальных пород гор Афгана.
Не однажды барахтались в бремени
Тучной пыли кишлачных дорог.
Мы с тобой от войны не прятались.
Мы служили с тобой без обмана.
Увезён я был раньше времени,
Ты же стойко свой выдюжил срок.

Мы с тобой не стремились в герои.
Да не в этом и наше призвание.
Мы боролись за жизни солдатские
С алчной смертью везде и всегда.
Но Герои гордились тобою,
Несмотря на награды и звания.
Нам светила тогда залихватская
Путеводная наша звезда!

Расставались мы лишь расстоянием.
Расстоянье — помеха слабая
Для того, кто душевно и сильно
Породнился, как мы с тобой.
Твои письма, открытки, послания
По глухим гарнизонным ухабам
Необъятной любимой России
Я хранил и возил с собой.

¹ Лапин Александр Николаевич, полковник медицинской службы, ветеран 154 ооСпН.

Но однажды к какой-то дате
Я отправил тебе поздравление.
Ждал ответа и даже ругался
На тебя то, что весточки нет.
Только возраст уже на закате.
Ты не мог же молчать из-за лени.
И не стал я писать, я боялся
Получить нехороший ответ.

Больно мне. Мы совсем расстались!
Ты ушел теперь раньше срока.
И по-своему каждый место
Зарабатывает в Раю.
Знаем мы — все, кто жить остались,
Места там для тебя аж хоть сколько!
Ты его заработал честно!
Это я, брат, для всех говорю!

«БЕЛЫЕ ВОРОНЫ»¹

(КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О НЕОБЫЧНЫХ ЛЮДЯХ ОБЫЧНЫХ «ТЫЛОВЫХ» ПРОФЕССИЙ)

За последние годы завеса секретности частично упала, книги и фильмы о войнах конца XX века (в т.ч. об Афганистане) стали обычным делом. И это очень хорошо. Этапы нашей новейшей истории должны быть изучены, общеизвестны и доступны. Это и славная, и трагическая память поколений. Уходят последние ветераны Отечественной, стареют «афганцы», повзрослели «таджики» и «чеченцы». На мой взгляд должна происходить преемственность поколений и передача лучших традиций нашей армии молодежи: любви к Родине, мужества, долга и чести. Именно поэтому я решил попробовать написать эти заметки о людях незаметных военных специальностей, про которые обычно не очень часто вспоминают в мемуарах, художественной литературе и фильмах. Любые боевые действия не могут вестись без надлежащего обеспечения. Работа тыловиков тиха и внешне неэффектна, часто образ их бывает негативным (иногда вполне заслуженно). Хотя я, боевой офицер спецназа ГРУ, честно говорил в Афгане, что лучше несколько раз сходить на свою войну, чем один раз с колонной от Кушки до Кандагара или от Термеза до Желалабада. Не знаю, как там в братской десантуре или пехоте, но у нас в спецназе встречались очень достойные офицеры подразделений обеспечения, что-то вроде «белых ворон» среди этих, в общем-то полугражданских людей. Вот о них и пойдет мой рассказ.

НАЧФИН

Вторым моим местом службы в Афгане после Кандагара стал 154 отдельный отряд спецназначения под Желалабадом. Там я познакомился, а потом и подружился с начфином отряда старшим лейтенантом Александром Первунинским (в народе просто Фином). Кроме него в разные годы на этой должности в отряде служили старшие лейтенанты Михаил Графов и Алексей Салов. Казалось бы, чего проще. Сиди считай, пиши бумаги, выдавай командирам подразделений раз в месяц денежку для личного состава, потом «денежное удовольствие» отцам-командирам и граж-

¹ Лютый Дмитрий Евгеньевич, полковник ГРУ, ветеран 154 ооСпН.

данским спецам. А самый «страшный» подвиг — раз в месяц сгонять в Кабул на самолете за этой самой денежкой. Но не зря у нас говорили, что «спецназ — это не профессия, а состояние души» (или диагноз — на выбор).

Распорядок жизни Фина из месяца в месяц был примерно такой. Фин забивался в свою «нору» дня на три и зарывался в свои бумаги, выползая из неё на горшок и иногда в душ (пайку ему таскали из столовой). Затем брал кейс, ствол и гнал в Кабул. После чего радовал нас всех «презренным металлом» и заявлял о том, что вся эта хрень его достала, и теперь надо заняться делом. Под «занияться делом» подразумевалось ходить на войну (в основном с моей ротой). Первый раз я отнесся к такой идее несколько настороженно. Меня не грело брать с собой балластом «пиджака» и, не дай бог что, за него ещё и отвечать. Я культурненько, дабы не сильно обидеть, подкидывал ему разные аргументы против. Но это был не тот случай. Я плюнул, но выставил категорическое условие — идет бойцом, всегда рядом, а вздумает командовать — убью его сам. На что Фин, улыбнувшись своей фирменной улыбкой, сказал, что он талантливый итальянский ребенок, и проблем с ним не будет. Врал, змей! Так и норовил куда-нибудь влезть! А раз чуть не сделал меня инвалидом. Накрыли мы как-то отряд, основой которого были бывшие офицеры афганской армии, а с ними парочка инструкторов из «дружественного» Пакистана. «Снятие их с довольствия» шло своим чередом, но несколько несогласных с такой трактовкой событий духов пошли на прорыв в сторону гор на грузовике. Я и несколько моих бойцов, возмущённых такой наглостью, из автоматов это ралли прекратили, благо были метрах в ста. Под прикрытием бойцов я рванул к машине, чтобы убедиться, что все гонщики признали свою неправоту, но заметил одного шустрого, который ужом заполз под кузов. Дав с ходу очередь в его сторону, я только начал опускаться на колено, чтобы прекратить страдания этого духа, как с противоположной стороны машины длинная очередь и по духу, и в неприятной близости от моего колена. Ну откуда взялся этот Фин? Ведь и близко вроде не было. Хотел его догнать и настучать по голове (по спине бить нельзя — там ум), но где там. Спринтер хренов. Бежит и орет, что больше не будет и 0,5 литра выставит. Я плюнул и согласился.

А Фин выставил. Но это из случающихся на войне недоразумений. А в целом Фин был бойцом нормальным, смелым и, даже где-то бесшабашным. А один раз он просто здорово мне помог. Как-то ночью мы тормознули передохнуть и ещё раз сориентироваться (ночь была безлунная, соответственно, очень темная). Я сам отошел чуть вперед к дороге, разглядел

темнеющий в стороне хребетик, у подножия которого был нужный нам кишлак. Поле чего присел в стороне от дороги, положил рядом свой АКМС и начал доставать карту. Верный Фин в этот раз никуда не сдернул. И в этот торжественный момент замечаю в темноте две фигуры на дороге. Вроде одна из них у меня что-то спросила. Я начал тихонько нащупывать автомат, но никак не мог его найти. Одно тело подошло ко мне, наклонилось и что-то стало говорить. А автомат я так и не нашел! В голове одна мысль — видит ли все это Фин или кемарит перед следующим переходом. Но Фин не спал! Я хватаю духа за ворот, роняю на себя и беру его на удушающий прием с одновременной растяжкой. Дух очень не хотел так умирать (по Корану удушение не есть хорошо — душа не отлетает). Душара бьется, я его душу, а сам еще и думаю, как там второй-то. Но бальзам на душу — слышу работу бесшумного АО-44 (Стечкин). Кто-то из бойцов был начеку. Мой душара еще слабо хрипел и подергивался, но тут Фин со своим тесаком выпустил все-таки его душу на волю. На мой вопрос, почему он так долго думал, Фин сказал, что он хоть и талантливый итальянский ребенок, но не видел боевого самбо в действии и немного посмотрел, а потом долго целился тесаком, чтобы не проткнуть заодно и своего друга. Ну что я ему мог сказать!

За работу Финна на многих выходах мы представляли его к Красной Звезде, получили сверху по мозгам за то, что у нас начфин воюет, но пробыли ему орден «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени.

НАЧПРОД/НАЧВЕЩЬ

Еще в Союзе, служа в 12 Отдельной бригаде спецназа (Закавказский округ), я был очень высокого мнения о начальнике вещевого и продовольственной службы лейтенанте Сергее Лемешко. Он не смог поступить на факультет спецназа в Рязанское десантное училище из-за небольшого роста, закончил училище тыла, но в спецназ все-таки попал. Отличный спортсмен, классный рукопашник, отменный специалист (я лично у него учился премудростям ведения ротного хозяйства) и очень хороший парень. Это был настоящий спецназёр, только с тыловым дипломом. Война это показала. Наш отдельный 173 отряд спецназа 10 февраля 1984 года пересек границу у Кушки, и через четыре дня мы и были под Кандагаром. Начался период благоустройства и одновременно подготовки к началу боевых выходов. Серега очень здорово помогал нам, ротным, в благоустройстве, чтобы мы имели больше возможности готовиться к войне. Да и потом, когда уже началась боевая работа, помощь нам по его профилю была очень кстати. Но

ему этого было явно недостаточно. Он хотел воевать! И он своего добился. Его прапора были им вышколены, построены и заинструктированы (иногда и не очень уставным, но весьма действенным методом). А Серега брал пулемёт, до полутора тысяч патронов и в составе разведгруппы или отряда шел воевать. И делал это, как и все остальное, очень достойно. Служа в Кандагаре, он на некоторых выходах вместе с нашими мужиками был в нескольких таких передрягах, что не все офицеры за свою службу в такие попадали.

Но судьбы наши нам не ведомы. Ещё в Закавказье Сергей на почве спорта, я так полагаю, близко сошелся Владимиром Портиягиным. Я точно не помню, как это произошло, но Серега из Кандагара перевелся в 154 Джелалабадский отряд, которым тогда командовал Владимир Павлович Портиягин. Я к этому времени тоже оказался в Джелалабаде, т.к. мою роту в Кандагаре по новому штату сократили, и я заменил погибшего Валеру Бабко, приняв 1 роту 154 отряда. В Джелалабаде Серега остался верен себе. Он круто принял должность (кое-кто икал и потел от страха), нарыв там много бязи, т.к. с учетом там было, мягко говоря, не очень. После чего твердой рукой (иногда в прямом смысле) начал наводить в своей службе порядок на радость нам всем. Да и нам, как всегда, сильно помогал. Я тоже помучился сначала, приводя свое хозяйство в порядок.

Но и в Джелалабаде Серега остался верен себе. Порядок наведен, служба отлажена — вперед, на войну. Местный народ часто у меня спрашивал, мол, что у вас там, в Кандагаре, климат такой, что все на войне подвинуты? А вся разница, на мой взгляд, была в том, что в Кандагар пришел обученный, сплоченный отряд, который создавался под Афган, четыре года готовился, да ещё, как в процессе боевой подготовки, так и перед отправкой в Афган был усилен именно офицерами-спецназовцами 12 бригады (Сергей Козлов, Алексей Рожков, Михаил Вороницкий, Константин Невзоров, ваш покорный слуга и др.).

А 154 отряд уже не первый год был в Афгане, но замены офицеров не всегда были из числа спецназеров. А дух спецназа, рейнджеризма (в хорошем смысле) все-таки был более присущ там, где выпускников спецназа было больше. Хотя, надо быть справедливым, подавляющее большинство попавших в спецназ офицеров заражались этим духом навсегда и очень достойно выполняли свою тяжелую работу. Как и в Кандагаре, Серега постоянно искал возможность «сходить на войну». И уже никто не спрашивал, зачем ему это нужно. У него в это время родился сын, которого он ещё не видел, но уже очень любил. Я хочу, говорил Серега, чтобы мой сын мог

мною гордиться. И ещё он хотел воспитать из сына настоящего воина. Но к нашему общему горю, Сергей никогда не увидит сына, не воспитает ещё одного спецназера. В начале февраля 1985 года Сергей Лемешко прыгнул на БТР и уехал не на крайнюю, как у нас говорили, а на последнюю свою войну. Гриша Быков (в то время НШ отряда) решил в очередной раз махнуть шашкой и послал ночью неподготовленную колонну 3 роты через непроверенный брод на реке Кабул. А в тех краях Кабул — это не ручеек, это широкая и местами бурная река с очень неровным, как многие горные реки, дном. А с водохранилища под Джелалабадом был сброс воды. Глубина и скорость течения реки резко увеличились. Гриша реку проверить не удосужился, хотя в 154 отряде уже был случай утопления БМП и нескольких человек года за два до этого. Короче, в итоге 11 утонувших солдат и офицеров, утопленный БТР и подмоченная репутация спецназа. Серега, как всегда навьюченный боеприпасами более чем кто-то другой, с оружием и в зимней форме, выплыть не смог. Я прилетел из госпиталя через день после этой трагедии и не могу наверняка что-то утверждать, но кто-то из спасшихся бойцов третьей роты говорил мне, что в последний момент его кто-то подтолкнул, и он смог выбраться на крутой скользкий берег. И этот кто-то был Сергей Лемешко! ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

КОНТРАЗВЕДЧИК

К военным контрразведчикам (в просторечии особистам, или «молчи-молчи») в армии отношение было, скажем прямо, настороженное, хотя для чего они нужны, нам в принципе было известно. Мне в моей армейской жизни в основном почему-то везло на хороших замполитов рот и особистов. За небольшим исключением это были нормальные офицеры без комплексов гнусности и нездорового карьеризма. У них, кстати, можно было даже кое-чему и научиться. Об одном из таких мужиков я и хочу вам поведать в своих заметках.

В отдельных отрядах спецназа в Афгане по штату полагались аж два особиста. Уж чего там опасался тогдашний КГБ, сие мне не ведомо. Для сравнения — в Союзе на бригаду был один, да и тот еще курировал какую-либо другую часть или соединение. Но в Джелалабаде при мне сначала был только один. Когда ему пришла замена, то по инерции весь негатив от предыдущего, казалось бы, автоматом должен был перейти на нового. Но, надо отдать должное, этого, к счастью, не произошло. Тогда ещё капитан Александр Николенко оказался не таким, как его предшественник. Ника-

кой заносчивости, общительный, с юмором. Увидев у меня во всю стену картину псковского монастыря на берегу реки в окружении дубравы и поверху надписи из березовых чурочек «А я в Россию, домой хочу», он не топал ногами и не верещал, что немедленно отправит меня Союз как врага народа (этот эпизод реальный). Конечно, это был не показатель. Типа, мягко стелет...

Но стали замечать искреннее уважение к боевым офицерам. Да и вопросы были не из категории «на какие шиши водку пьете». Его интересовали тактика духов, наша тактика и как лучше перехитрить духов. А когда он начал просить меня брать его на войну — вот тут у многих глаза слегка округлились. Меня это тоже слегка напрягло. Война ведь дело специфическое. Убить могут. И не обязательно меня, могут и его. Ведь сгноят потом его начальники. Потом — опять

же загадка, что он там потом в своих отчетах нарисует. Чего греха таить, много чего было такого, что в других войнах, наверное, и не было. Никто же всерьез не думает, что тяжелораненым духам кто-то будет делать перевязки. Облегчить страдания — это не вопрос. А «момент истины»? Когда в бою срочно потрошишь пленного, и от того, что ты из него вынешь, может зависеть не только твоя жизнь, но и твоих бойцов или, того хуже, мирных жителей! Нарвешься на особиста-пацифиста, так потом всю жизнь локти кусать будешь. Короче, сомнения были. Подумали с моими офицерами и решили — берем. Если человек на своей шкуре испытает, что война — это не только парад победы, а ещё пот, кровь и слезы, то есть шанс, что не скурвится уже никогда. А лажанется, так никому он больше не авторитет.

НЕ ЛАЖАНУЛСЯ! Хотя условия, на каких я могу взять на войну, уже читателю известны, возражений не было. Оказалось, что Николенко не только нормальный мужик, но и на войне не лишний. Правда, каюсь, слегка злоупотребил я раз своим, условно говоря, командным преимуществом. Дело в том, что у каждого из нас были какие-то свои хорошие и не очень

Уважаемый за справедливость к воинам и смелость в бою уполномоченный 154 ооСпН ОО КГБ бригады капитан Николенко Александр

приметы или суеверия. Некоторые были очень распространенные, другие — сугубо личные. Так вот, один раз на очередной войне в какой-то момент стало немножко скучно. По возвращении я устроил Саше небольшой «бэмс» по поводу бритья с одеколончиком перед выходом. Смотрю — проникся! Ну а когда человек с тобой рядом под одними пулями, когда он с тобой в одной вертушке, которую подбивают из гранатомета, то и уважение к человеку не по его должности, а по существу!

КОНТРАСТ

Где-то летом 1985-го я на своей шкуре испытал разницу в мировоззрении и методах работы особистов. Если наши оба контрразведчика были порядочные мужики, выполняли свои задачи и кретинизмом не страдали, то ниже описанный мною случай, наверное, уникальный, но от этого не менее (извини, читатель, но цензурного слова не подобрал)...

Появился (или был раньше) в штабе 15 бригады, в состав которой наш отряд к тому времени вошел, один «молчи-молчи». Фамилию не называю, чтобы не позорить его ещё раз. Но обо всем по порядку.

Подходит как-то ко мне незнакомый офицер, по виду — крыса штабная, представляется, что он особист такой-то. Отвечаю, что готов помочь, чем могу. А он начинает меня грузить, что у меня, видите ли, слишком много контактов с иностранцами. Я, честно говоря, загрустил больше, чем когда пытался объяснить одному очень большому чину из политрабочих, что специфика проведения засады не позволяет вывешивать стенгазету, а при налете не удастся выпустать боевые листки.

Я обычно к людям, хотя бы сначала, отношусь доброжелательно. Вижу, что этот явно в спецназе новичок, специфика разведки не знает, нормативных документов не читал никогда, а спросить кого-нибудь из коллег или командования бригады гонор не позволяет. Делаю вдох-выдох, считаю про себя до десяти и начинаю читать ему краткую лекцию. Что такое спецназ, особенности контрпартизанской деятельности, источники информации. Не проникается товарищ. Делаю вторую попытку. На память излагаю кое-что из инструкции ГРУ по спецназу, толкую о том, что более половины удачных реализаций у нас по информации ХАД, что ХАД — это местный КГБ, которым руководят советники из нашего родного КГБ, что у нас даже есть официальная статья расходов на агентуру. И что допрос пленных — это тоже контакт с иностранцами. Товарищ не понимает (или не хочет понять). Сдерживаясь из последних сил, чтобы не послать его или не дать в лоб, с издевкой спрашиваю, а когда я и дух стреляем друг в друга

— это считается контактом с иностранцем? В ответ слышу, что мне вынесено предупреждение. На этой оптимистической ноте мы с ним расстались. Хотел было пойти проконсультироваться к Николенко. Потом решил, что Сашка примет меня за идиота, плюнул и забыл. Оказалось, что зря!

Где-то через месяц бригадный особист опять появляется у нас (вежливый, к себе не вызывал) и радостно мне заявляет, что я ни фиги не сделал выводов из его прошлой профилактической беседы. Что я враг народа, что он «теперь» примет ко мне меры, при перечислении которых мое настроение всерьез испортилось, и послал я его «в даль темную». Но настроение моё от этого не улучшилось. Вот это я попал! Мое начальство за труды мои орденами награждает, а этот «орёл» мне

дело шьет. Может быть, думаю, он выговорешник получил за недопоимку шпионов? Смех смехом, а надо что-то делать. Тут меня осенило. Прыгаю в машину и мчусь в Шамархейль — городок советников. Забыв о приличиях, врываюсь к главному советнику КГБ в зоне Восток (назовем его просто Фомич). В дверях сразу замолкаю, увидев у него в доме незнакомца (джедлабадских чекистов знал всех). Фомич говорит, что это его проверяющий из Москвы, при котором можно говорить все. Ну, я все вышеизложенное им и рассказал. Закончил свой рассказ оптимистически — что теперь пусть их действительно ценную информацию реализует бригадный особист, а меня теперь до замены (или тюрьмы) танком с койки не сдернешь. Оба генерала

Порядочностью отличался и начальник ОО КГБ 15 обрСпН подполковник Варивода Виктор Семенович. На фото справа — начпобриг Кривопалов О.В.

дружно упомянули чью-то мать и метнулись на улицу (еле увернулся от них). Смотрю — они в машину, я — в свою. Мчим в штаб бригады. Бросаем машины и напрямиком в особый отдел. В дверях Фомич подумал и сказал мне, что мне туда не надо. Иди, говорит, воюй и спи спокойно. Пришлось уйти. А так хотелось хоть одним глазком... Через пару недель тот особист с вещами убыл из бригады в неизвестном направлении. А мы и дальше радовали свое руководство и Фомича (которому я по сей день благодарен за реальную помощь) успешными реализациями ХАДовской информации. А ещё нам говорили, что Нью-Йорк — город контрастов! Джелалабад не хуже.

ФИНАЛЬНЫЕ АККОРДЫ АФГАНСКОЙ КАМПАНИИ

К началу лета 1988 г. стало очевидным, что оставшиеся два отдельных отряда 15 бригады задержаны командующим армией на территории Афганистана для обеспечения безопасности штаба объединения и проведения специальных операций в борьбе с бандформированиями в районе афганской столицы.

На последнем этапе войны, 668 ооСпН наконец-то вышел из землянок и получил добротный военный городок, расположенный у подножья холма Дворца Амина, а 177 ооСпН, впервые за войну разместился в уютном модульном военном городке недалеко от ВПП Кабульского аэродрома.

Последние восемь месяцев прошли в напряженном ритме боевой деятельности подразделений спецназа по поиску и уничтожению групп моджахедов, подтягивавших тяжелое вооружение из Пакистана и Ирана для обстрелов Кабула и провокаций в отношении советских войск.

Для координации действий командиров отрядов Блажко А.А. и Горатенкова В.А. со службами штаба армии и разведотделом армии в Афганистан из Чирчика был откомандирован заместитель командира бригады подполковник Кириллов Н.Ф.

За этот период отряды выполняли ряд важных заданий командующего и понесли последние потери убитыми и ранеными. В начале января 1989г. советские части окончательно покинули Кабульский гарнизон и начали тяжелый марш в зимних условиях высокогорья в сторону Хайратона.

Неожиданно по просьбе афганской стороны и по решению советского правительства командующему 40 армией поступило распоряжение об оказании помощи афганскому корпусу, дислоцировавшемуся в Кандагаре, завозом боеприпасов и имуществом. Поскольку советские войска покинули эти места еще в августе 1988 г., Громов отдал предварительное распоряжение о подготовке к десантированию на Кандагарский аэродром подразделений 15 обрСпН общей численностью до 800 человек, двух десятков единиц бронетехники и батареи Д-30.

Однако стремительно меняющаяся обстановка вокруг Кандагара изменила этот план. Подразделения 15 обрСпН решили не привлекать. В ночь на 20 января 1989 г. на аэродром Кандагара были десантированы первые 52 разведчика 650 орб 5 мсд под командованием подполковника

Мауренко Н.Н., а также оперативная группа штаба 400А под командованием офицера оперативного отдела подполковника А.Чесакова. Последующими авиарейсами численность десантников была увеличена до сотни человек.

Однако, подтянув значительные силы, моджахеды не допустили дальнейшего усиления группировки советских войск на аэродроме. И ограничившись уже имеющимся контингентом советских солдат и офицеров и подразделений 2 армейского корпуса ВС Афганистана, командованием 400А была успешно проведена операция «Воздушный мост» по завозу боеприпасов военно-транспортной авиацией ТурКВО. К утру 5 февраля операция завершилась. Несмотря на огневое противодействие противника и потери авиации, советские разведчики без потерь благополучно вернулись на аэродром Шинданда. В это время на север к госгранице шла основная группировка войск. 6 февраля 1989г. на территорию СССР в районе Термеза в полном составе вышел 668 ооСпН. Последним, прикрывая выход командарма генерал-лейтенанта Громова Б.В., вышел 177 ооСпн 15 обрСпН. Через несколько суток, согласно приказу, командир 15 обрСпН полковник Старов Ю.Т. проконтролировал и отправил эшелонами на Украину в г.Кировоград 668 ооСпН, который вошел в состав 9 обрСпН (Киевский военный округ), а на Кольский полуостров — 177 ооСпН, вошедший в штат 2 обрСпН (г. Псков, ЛенВО).

В исторический день окончания войны, 15 февраля 1989 г., бригада потеряла убитым своего последнего военнослужащего. Им оказался двадцатидвухлетний командир группы спецназа лейтенант Олег Матаков.

ВОЙНА НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ

ЗАКАВКАЗЬЕ. БАКУ-1990

С выводом 15 обрСпН из Афганистана война для нее не закончилась. В хаосе горбачевского разрушения страны на территории Советского Союза вспыхивали одна «горячая точка» за другой.

Первой полыхнула настоящая война в Закавказье, в Нагорном Карабахе. В ночь с 18 на 19 января 1990 г. бригаду поднимают по боевой тревоге. Что такое боевая тревога, офицерам и прапорщикам бригады долго разъяснять не пришлось — большинство из них прошло Афганистан. Практически все командиры рот, большая половина командиров групп, половина офицеров штаба и управления бригады лишь недавно, чуть более года, вернулись с Афганской войны, полагая что она осталась «за речкой», и вот она уже на пороге родного отечества. Перекрывая все мыслимые и немыслимые

Ветераны отряда офицеры-спецназовцы Рыбаков, Попов, Перелыгин, Лукьянчиков и Шлыков на встрече в Москве. (Фото 2010 г.)

вошла в Баку для стабилизации обстановки в столице Азербайджанской ССР, охваченной массовыми беспорядками.

В Баку 15 бригада выполняла оперативные задачи совместно со спецподразделением КГБ СССР «Альфа». За три неполных месяца спецназовцы провели несколько успешных операций по задержанию особо опасных преступников, захвату комитетов так называемого Народного фронта Азербайджана в самой столице, южных и западных районах республики. Здесь, как и в Афганистане, снова отличились боевые офицеры — подполковники

личным состав бригады в полной боевой экипировке, с боеприпасами, техникой и вооружением к 11.00 19 января был уже на аэродроме Тузель (Ташкент), а к исходу дня был переброшен военно-транспортной авиацией на аэродром Кала (Баку).

С рассветом следующего дня 15 обр СпН в составе двух отрядов спецназа с приданными десятью БТР-80

Александр Кухтин и Михаил Коркишко, капитаны Олег Голыбин, Сергей Гончаренко, Сергей Клименко, Юрий Коваленко и Александр Мусиенко, старшие лейтенанты Сергей Верецкий и Юрий Рыбаков, вчерашние выпускники военных училищ, для которых Баку стал первым испытанием на зрелость — лейтенанты Олег Барсуков, Олег Соколов, Александр Чорба и др.

Настоящей школой мужества стали непростые события в Закавказье для солдат и сержантов бригады.

Вернувшись в родной Азадбаш (предместье г. Чирчика), личный состав бригады продолжил боевую учебу, с тревогой следя за разрушительными процессами в стране. Что могли сделать кавалеры боевых медалей и орденов, за плечами которых десятки уничтоженных караванов и бандформирований, колоссальный опыт контрпартизанской войны? Наверное, могли бы многое, если бы поступил приказ... Привыкшие подчиняться и действовать по приказу, разведчики не понимали, почему разрушается Великая страна, и до этого нет никому никакого дела.

Что могли в этой ситуации сделать лейтенанты, капитаны, полковники, если генералы и маршалы опустили руки?

Наступил «парад суверенинитетов», а по сути — развал страны. Не стало страны, которую веками собирали наши предки в единое мощное государство. Это произошло не «случайно», и не «в силу объективных причин» — СССР разрушили конкретные люди. Целенаправленно. Цинично. Грубо пройдясь по судьбам всех без исключения народов многонациональной страны.

В этом хаосе разрушения страны оказались и ее Вооруженные Силы. Их делили по территориальному признаку и «по понятиям». Кому что, кому ничто.

15 отдельная ордена Красного Знамени НРА бригада специального назначения России как правопреемница Совет-

Командир 15 обрСпН полковник Квачков Владимир Васильевич, в 1984г. командовал 177 отрядом спецназа. Перенес ранение. В послевоенное время занимался наукой и подготовил докторскую диссертацию. (Фото 1990 г.)

ского Союза оказалась не нужна. Важные чины Генерального штаба, посетившие бригаду весной 1992 г., прямо так и заявили. Страсти кипели нешуточные. Рассматривался даже вариант бунта с совершением бригадой марша на технику в Россию, ту самую «правопреемницу СССР». Надо отдать должное командиру бригады полковнику Владимиру Квачкову, сумевшему урезонить особо пылких подчиненных. Да и представители Генштаба заверили, что всем желающим будет предоставлена возможность перевестись в Вооруженные Силы России. Так позже и случилось. Генеральный штаб слово сдержал, и желание всех офицеров и прапорщиков служить в Вооруженных Силах РФ к 1995 г. было удовлетворено.

К чести тогдашнего руководства Министерства обороны Республики Узбекистан, оно окружило бригаду реальной заботой. Офицеры и прапорщики продолжали служить Отчеству, как и прежде. Никаких «перепринятий» военной присяги, которая дается раз, но на всю жизнь — не было.

Жизнь продолжается. Ветераны бригады Мишустины Владимир Николаевич и Ольга Семеновна с дочкой Константиной Кононыхина Ольгой. Фото 2004 г., г. Симферополь

Более того, в бригаду стали поступать новое вооружение и техника. Несколько изменился ее штат. Для этого периода в истории бригады благодаря ее командиру был характерен подъем роли и значения Офицерского собрания. Все вопросы прохождения службы офицерами и прапорщиками, распределения жилья и дефицитных товаров в магазине Военторга (вспомните дефицит начала 90-х годов) и даже предложения по изменению штата выносились на Офицерское собрание.

Так офицерский коллектив принял единодушное решение о включении

в штат бригады бронетранспортеров, а вскоре на стоянке в парке части красовалась рота БТР-80.

Началась настоящая боевая учеба с парашютными прыжками, многодневными тактико-специальными учениями, итоговыми проверками и т.п., о чем офицеры в самой России только мечтали. К этому времени практически все офицеры и прапорщики бригады имели комфортное жилье. Служить бы да радоваться, но многие предпочли хоть и беспокойную, но малую родину.

Начался отток офицеров в Россию, Украину, Беларусь и другие страны СНГ. Старый коллектив редел, но ему на смену приходили новые люди. В бригаду прибывали те, для кого Узбекистан был малой родиной. И не только узбеки, но и представители славянских национальностей, и других, родившихся в многонациональной союзной республике 20, 30, 40 лет назад, у кого здесь жили или были похоронены родственники.

АРАЛ ПАЙ ГАМБАР

Напряженная боевая учеба даром не прошла. Уже в годовщину независимости Узбекистана бригада получила первое боевое распоряжение — очистить от афганцев захваченный ими остров Арал-Пай-Гамбар на реке Амударья в семи км западнее Термеза. С этой задачей успешно справился личный состав 1 и 2 рот спецназа. Разведчики провели уникальную операцию, десантировавшись на остров воздушным путем с вертолетов посадочным способом и водным путем — из катеров пограничной флотилии.

Досмотрев остров площадью около 15 квадратных километров разведчики задержали семерых граждан Афганистана, проникших на территорию Узбекистана и занимавшихся на ней незаконной хозяйственной деятельностью (варварской рубкой леса, охотой на редчайшего представителя среднеазиатской фауны тугайного оленя, заготовкой корня солодки и пр.). Примечательно, что остров афганцы захватили вскоре после вывода советских войск из Афганистана. Попытка пограничников восстановить территориальную целостность потерпела поражение — афганцы были вооружены... Предупрежденные об этом, разведчики действовали решительно. Руководил операцией сам командир бригады полковник В.Квачков, обязанности начальника штаба и оперативного офицера исполнял капитан А.Мусиенко, командовал отрядом из двух рот подполковник А.Кухтин.

Операция по деблокированию острова была спланирована и проведена менее чем за сутки — вот где сказался боевой опыт, ведь за плечами всех перечисленных офицеров был Афган. Это была настоящая специальная операция, на проведение которой пограничники смотрели с завистью — «рабо-

тять так дерзко им не позволял статус защитника рубежей», как выразился кто-то из командования термезского погранотряда.

В итоге, кроме семерых задержанных нарушителей в результате ночного поиска, проведенного всего четырьмя военнослужащими, к трофеям спецназовцев прибавился трактор с прицепом, в котором находился внушительный арсенал браконьерских орудий и 7,62-мм автоматных патронов. В ночной поиск офицеры решили идти втроем, но командир отряда настаивал, чтобы разведчики действовали группой. В конце концов «высокодоговаривающиеся стороны» пришли к компромиссному решению — взять одного пулеметчика, рядового срочной службы. С темнотой к «духовской» переправе ушли капитаны О.Голыбин и А.Мусиенко, лейтенант А.Боклан и пулеметчик, чуть не проваливший всю операцию, а возможно, своим случайным выстрелом спасший жизни всем остальным ее участникам... Приняв тень от прожектора с пограничной заставы за противника, боец вопреки строжайшему приказу самостоятельно открыл огонь в самый напряженный момент. Офицеры у границы высокого камыша на дороге к переправе заметили на песке совсем свежие человеческие следы. При их осмотре и произошел выстрел. Одиночный, так как неопытный солдат забыл размотать обкрученную вокруг пулемета заряженную ленту...

Идти в камыши после этого офицеры не рискнули и устроили засаду чуть в стороне, где утром и был обнаружен замаскированный в кустах трактор. Следы явно принадлежали тем, кто за ним пришел, а патроны и магазины АК в прицепе лишней раз убеждали, что афганец без оружия — все равно что современная женщина без помады в сумочке. Бывает. Редко.

На следующий день — очередная боевая задача — сопровождение колонны с гуманитарным грузом в охваченной гражданской войной соседний Таджикистан. Разведчиков подсаживают вертолетами к колонне на подходе к Курган-Тюбе.

Из воспоминаний оперативного офицера капитана А. Мусиенко:

«Работали мы по-боевому — разгрузки, бронежилеты, автоматы и гранатометы. Старший колонны предложил рассадить бойцов по машинам (около 20 ЗиЛ-131 и ГАЗ-53), но мы с Олегом Голыбиным категорически отказались, разместив группу на двух БТР-70 Термезской дивизии (108 мед). Как мы были правы. На въезде в город — вооруженные люди в белых повязках на голове, тычущие указательным пальцем в небо (жест — Аллах Акбар) и кричащие, что они моджахеды. Возле здания облисполкома — долгие переговоры о передаче груза с командованием 191 мсп 201 дивизии, входившей тогда еще в Объединенные вооруженные силы СНГ, непонятный нейтралитет душанбинского ОМОНа, запуганно не покидавшего автобус (позже мы узнали, что это было условием новоиспеченных

моджахедов), наглые выкрики «вовчиков», как сами себя называли представители Исламской партии возрождения Таджикистана. В общем, по настоянию представителя администрации Сурхандарьинской области (Узбекистан), отвечавшего за гуманитарный груз, он достался тем, кому достаться не должен быть — таджикским «моджахедам». Мы же ограничились с последними взаимными любезностями, самыми мягкими из которых были слова Олега Голыбина: «Слышь, ты моджахед драный, я вас еще 4 года назад видел...»

Хотя целью «вовчиков» и был груз, который они все же заполучили, но наша решительность и барражирующие над нами вертолеты остановили их тогда от применения оружия.

Дальше, после разгрузки колонны, мы отправились на БТР в Термез, сопроводив порожние грузовики до узбекской границы. Кто знал, что через несколько недель мы уже будем воевать с «моджахедами» в Курган-Тюбе бок о бок с 191 мсп и «юрчиками», но это отдельная история».

ТАДЖИКИСТАН

Обострившийся в начале девяностых годов XX века внутривосточный конфликт в Республике Таджикистан в августе-сентябре 1992 г. перерос в открытое вооруженное противостояние основных политических сил получившего независимость молодого государства. Правительство первого президента страны Набиева в сложившейся ситуации не смогло предотвратить гражданскую войну и под давлением «демоисламистской» оппозиции в конце лета 1992 г. вынуждено было уйти в отставку.

Власть в стране де-факто перешла в руки Демократической партии Таджикистана (ДПТ) и Исламской партии возрождения Таджикистана (ИПВТ), объединившихся для «борьбы с коммунистическим режимом». В связи с отсутствием легитимного правительства в стране наступил паралич власти. Гражданская война в условиях «нейтралитета» государственных силовых структур, после заявления руководителей МВД и КНБ (комитета национальной безопасности) Республики о нейтралитете подчиненных им ведомств полностью охватила центральные, юго-западные и южные районы республики.

Основными противоборствующими сторонами во внутреннем вооруженном конфликте в Республике Таджикистан к осени 1992 г. выступали иррегулярные вооруженные формирования ИПВТ и ДПТ с одной стороны и Народного фронта Таджикистана (НФТ) — с другой.

СПЕЦНАЗ УШЕЛ В ПАРТИЗАНЫ...

Интересна и уникальна история создания Народного фронта Таджикистана. До сих пор в официальных СМИ умалчивается факт активного участия военнослужащих армейских частей и подразделений специального назначения (15 обрСпН) в гражданской войне в Таджикистане.

Не время или нежелание?

Скорее второе, потому что не было бы трагедии первой чеченской войны, если бы был учтен таджикский опыт...

Во всем мире, одной из главных задач сил специального назначения (разведывательно-диверсионных подразделений различных государственных силовых ведомств) является ведение вооруженной борьбы «нетрадиционными» методами. Одним из таких методов и является партизанская война. Формирование и руководство партизанским движением на оккупированной территории, как правило, возлагается на спецназ вооруженных сил или государственных органов безопасности.

Такая задача стоит и перед спецназом России, способы действий которого в тылу противника не отличаются от партизанской тактики вооруженной борьбы. Сейчас даже американцы употребляют русскоязычную версию аббревиатуры — спецназ, относя это понятие к разведывательно-диверсионным подразделениям, а не к «спецназу» на пригородном железнодорожном транспорте и прочим, коих в современной России расплодилось несчетное количество. Никким образом не умаляются заслуги сотрудников линейных отделов внутренних дел, выполняющих нелегкую работу по поддержанию общественного порядка на вокзалах и в поездах пригородного сообщения, но называть их спецназом... К сожалению, захлестнувшая Россию в начале 90 годов мода на всевозможные «спецназы», не имеющиеся разве что у Пенсионного фонда, одним именем обозначила и разведчиков, и тех, кто в своем тылу обязан бороться с разведкой противника (спецназ ВВ МВД), ракетчиков (командование специального назначения...) и спасателей МЧС, милицию и медиков, сотрудников силовых подразделений Минюста и частных охранных предприятий, и т. д., и т. п.

Но народ Таджикистана именно военнослужащим армейского спецназа, а конкретно 15 отдельной ордена Красного Знамени Республики Афганистан бригады специального назначения Министерства обороны Республики Узбекистан обязан прекращением хаоса безвластия. Однако это не мешает отдельным таджикским СМИ (проправительственным и оппозиционным) исказить факты участия военнослужащих спецназа дружественных Таджикистану государств (3 гв. обрСпН и 16 обрСпН МО России) в прекраще-

нии братоубийственной гражданской войны, обвиняя их в... ее разжигании.

В сентябре 1992 г., в самый активный и ожесточенный период гражданской войны (война уже шла и без спецназа), спецназовцы только что разрушенных единых Вооруженных сил Советского Союза волей судьбы и приказа оказались в Таджикистане. Именно им, офицерам среднего командного звена, после изучения и анализа внутривнутриполитической обстановки в Курган-Тюбинской области принадлежала инициатива объединения разрозненных вооруженных формирований, выступавших против создания в Таджикистане исламского государства, в единый Народный фронт.

Основу Народного фронта Таджикистана (НФТ) составили разрозненные вооруженные формирования «юрчиков», взявших в руки оружие для защиты своих семей и жизненного уклада от религиозного мракобесия «вовчиков» («вовчики» и «юрчики» — по аналогии «белые» и «красные»).

Выбор руководителя Народного фронта безоговорочно был остановлен на Сангаке Сафарове — пожилым уже человеке с огромными организаторскими и ораторскими способностями, но с уголовным прошлым, которое не помешало ему до трагического конца своей жизни оставаться патриотом и гражданином своей родины.

Оперативные офицеры, не имея практического опыта ведения партизанской войны, но хорошо усвоившие преподанные им уроки афганскими моджахедами в Афганистане, с энтузиазмом взялись за новое дело. Офицеры-разведчики, как никто другой, хорошо знали слабые и сильные стороны «афганского сопротивления» и ту роль, которую играли западные спецслужбы в организации «борьбы с коммунизмом». За один вечер было придумано название движения — Народный фронт Таджикистана и выработана общая программа его действий. Четкая работа штаба НФТ путем проб и ошибок в выборе должностных лиц была налажена спустя две недели, когда его работу возглавил Нурали Шералиев.

Признание и авторитет к офицерам 15 обрСпН майору Олегу Голыбину., капитанам Александру Мусиенко и Игорю Довбне, лейтенантам Кудрату Ибрагимову и Юлдашу Бекчанову пришли быстро. Равнодушно наблюдать, как первое время шли боевые действия, было невозможно. На вопрос «Кто вас этому научил?» — ответ прозвучал обескураживающий: «Смотрим вечерами боевики по видику, а утром идем воевать...». Пришлось ломать «киношные» стереотипы и много чего такого, без чего нормальной боевой работы не получится. Позже, когда авторитет советников станет непререкаемым, даже старшие будут обращаться к ним уважительно — «ака».

Какими бы политическими лозунгами ни прикрывались все противо-

борствующие стороны гражданской войны за власть в Таджикистане, по своей сути они преследовали клановые интересы.

В условиях безвластия и беззакония противоборствующие стороны жестоко расправлялись со своими врагами — такими же таджиками, лишь на основании того, что одни являлись кулябцами, другие — памирцами, третьи — гармцами и т. д. Жестокость одних порождала ответную жестокость других, абсолютно повторяя события начала века, когда на белый террор большевики вынуждены были отвечать красным.

Резня, устроенная ваххабитами в ургутской махале (поселке этнических узбеков — уругтов) в Курган-Тюбе, массовые казни, устроенные ими в бане совхоза «Туркменистон», где были зверски замучены и расстреляны сотни кулябцев, чья вина объяснялась лишь отметкой в паспорте о месте рождения или прописке. Вполне объяснима, но не оправдана ответная волна стихийных репрессий, но, к чести кулябцев, «красный террор» в большей степени касался лишь непосредственных участников вооруженного противостояния, в чем немалая заслуга лично руководителя НФТ Сангака Сафарова и военных специалистов, имевших свои рычаги воздействия на проявление жестокости отдельными бойцами НФТ. Когда укротить жестокость одного из полевых командиров НФТ Файзали Саидова, вызванную болезненным состоянием его психики, убеждением не удастся, Сангак остановит его выстрелом из личного пистолета АПС, после чего сам падет под пулями его охраны... Но произойдет это лишь в марте 1993 г., и большинству населения Таджикистана будет рассказано, что оба лидера НФТ «пали от бандитской пули».

Действия Файзали Саидова, сыгравшего важную роль в разгроме вооруженных отрядов оппозиции в Курган-Тюбинской области, заслуживают неоднозначной оценки. Спецназовцы в шутку называли Файзали «Батькой Махно» за его анархизм и прочие «добродетели», присущие и Нестору. Даже тактика рейдовых действий бачои (парней — тадж.) Файзали была сродни тактике налетов махновских тачанок. Рейдовый отряд «механизированной бригады» имени его самого на нескольких БТР, десятке грузовых и легковых автомобилях (включая кустарно бронированные МАЗы и КамАЗы), при поддержке одного-двух танков или БТР с ходу сбивал боевое охранение противника (пост прикрытия) и врвался в контролируемый «вовчниками» населенный пункт. В ходе очистки (термин «зачистка» появился в Чечне) бачои Файзали захватывали технику, вооружение и «пленных». Последние доставлялись на допрос лично «Нестору», прошу прощения — Файзали. Место и время очередного рейда «механизированной бригады» для противника всегда оставались неизвестными. В свои планы Саидов не

посвящал даже ближайшее окружение. Но если люди Файзали приходили в кишлак оппозиции (сам «Махно» участия в боевых действиях не принимал...), от него оставались одни головешки. Приказ об уничтожении домовладений сторонников оппозиции бачои Файзали выполняли безоговорочно. За малейшее неповиновение «батька» мог и расстрелять... Свой приказ сжигать дома Саидов объяснял отсутствием мотивации у противника к контрнаступательным действиям — «если дома «вовчиков» огнем уничтожены — отвоевывать им нечего». Лишившись крыши над головой, население Курган-Тюбинской области, поддерживающее сторонников насильственного захвата власти в лице Казиколона Тураджонзода и лидера таджикских ваххабитов мулло Абдулло, к концу 1992г. оказалось в ...Афганистане (соседний Узбекистан к себе их, по понятным причинам, не пустил). К сожалению, поддавшись пропаганде, на территории Исламского Государства Афганистан оказались не только те, кто мечтал об «Исламской Республике Таджикистан», но и тысячи простых обывателей. К лету следующего года незаконные вооруженные формирования Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), отобилизованные в Афганистане среди нескольких тысяч беженцев, разбавленные афганскими и арабскими наемниками, совершат нападение на 12 погранзаставу Московского погранотряда. В последующем боевики ОТО будут устраивать прорывы через таджикско-афганскую границу на участках Хорогского погранотряда и совершать теракты в отношении пограничников и членов их семей. А после роспуска ОТО пополнят ряды международной наркомафии, станут рекрутами «Талибана» и «Аль-Каиды». Проще было не пустить их в Афганистан, но попытки лидера НФТ Сангака Сафарова и военных советников офицеров-спецназовцев Александра Мусиенко и Олега Голыбина установить конструктивное сотрудничество с командованием Пянджского погран отряда успехом не увенчались, их проигнорировали...

ТАДЖИКИСТАН — ОТ ПАРТИЗАН К РЕГУЛЯРНЫМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ

К началу зимы 1992 г. благодаря перелому военно-политической обстановки в пользу демократического развития Республики Таджикистан возникли благоприятные условия для формирования нового правительства. В процессе его формирования решающую роль сыграл лидер НФТ Сангак Сафаров. Какую бы тонкую игру ни вел Сангак, но свой отказ от чиновничьего кресла он аргументировал желанием «спокойно встретить старость».

В октябре 1992 г., после ряда проведенных мероприятий и консульта-

ций он лично выдвинул на пост главы администрации Кулябской области мало кому в то время известного председателя колхоза из Тавильдарьинского района Имомали Рахмонова, заменив им прежнего райса (председателя) Ризоева. Столица республики была в это время во власти «вовчиков», ставших уже оппозицией (до сессии парламента в Ленинабаде оппозицией считались «юрчики»).

По настоятельной просьбе военных советников НФТ, хорошо знакомых с «махновщиной» отдельных полевых командиров Фронта, к захвату ключевых объектов в Душанбе привлекались только вновь сформированные штатные подразделения МВД и КНБ Таджикистана.

Согласно классике жанра, в любой гражданской войне под личиной «борца за справедливость» нередко прячутся разные темные, нередко уголовные элементы. Именно в беспощадной борьбе с ними, а не с вооруженным противником нажили себе врагов Сангак Сафаров и первый министр МВД Якуб Салимов. Именно «махновского» беспредела в столице они и спецназовцы опасались больше всего, поручая ее захват нескольким сотням наспех обученных военнослужащих правительственных войск (рота спецназа КНБ, мотострелковая бригада и батальон спецназа МВД).

Вооруженным отрядам НФТ в операции по захвату столицы отводилась своя задача — отвлечение на себя основных сил двухтысячной душанбинской группировки противника. Офицерам 15 обрСпН Олегу Голыбину и Александру Мусиенко пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать Ф.Саидова от «захвата» столицы и убедить его в необходимости проведения отвлекающего рейда. Когда все аргументы были исчерпаны, офицеры-спеназовцы предложили Файзали вместе с ними лично возглавить рейдовый отряд. Психологическая уловка сработала — Файзали остался на базе, а рейдовый отряд выполнил поставленную задачу, выйдя с боями через Орджоникидзеабад к восточной окраине Душанбе. На обратном пути отряд попал в засаду, когда до условной линии фронта оставалось чуть более 10 километров. Положение было настолько сложным, что пришлось прибегнуть к помощи вертолетов армейской авиации, дислоцируемых на аэродроме Кокайты в соседнем Узбекистане (эскадрилья Чирчикского вертолетного полка). Цена полетов «на запугивание» — без применения вооружения — раненный в голову борттехник.

Несмотря на понесенные отрядом потери, замысел операции удался. Опасаясь возобновления «наступления», противник перебросил на восток с запада и юга Душанбе значительные свои силы. Сработала и дезинформация, запущенная в ходе общения бойцов «бригады имени Файзали» с жителями восточной окраины столицы — «ждите, мы через несколько дней вернем-

ся...». Впервые за всю войну бригада Файзали не вернулась на базу под Курган-Тюбе, а осталась в «прифронтовом» кишлаке, что окончательно убедило противника в ее намерении повторить попытку «захвата» Душанбе. К этому времени отряды НФТ Гисарского района Республики, также возглавляемые офицерами-спецназовцами Игорем Довня и Александром Матросовым, очистили от «вовчиков» Гисарскую долину и подошли к столице с запада и юга.

Утром 5 декабря 1992 г. подразделения 1 отдельной мотострелковой бригады особого назначения и батальона специального назначения МВД, а также роты спецназа КНБ Республики Таджикистан фактически без боя сходу заняли все ключевые объекты в столице Республики — городе Душанбе, войдя в него с северо-запада. Ощутимые потери понесла лишь 1 омсброн, минометная рота которой, заблудившись в узких улочках старого города, вышла на восточную окраину столицы...

Следует напомнить, что попытка отдельных политических сил во главе с Сафарали Кенжаевым захватить столицу республики и власть в свои руки в октябре 1992 г., завершилась провалом. Участники «военного переворота» пренебрегли не только реалиями военно-политической обстановки (не поставив в известность лидера НФТ — основной военной силы), но и сделали ставку на порядочность облеченного высокими полномочиями российского генерала, проявившего, впрочем, малодушие и в 1994 г. в Чечне...

Вооруженные формирования ИПВТ, вытесненные из столицы, отошли на восток. Оттесняя отряды вооруженной оппозиции от столицы республики, передовые подразделения 1 омсброн МВД РТ и отряды НФТ в первых числах января 1993 г. вышли к населенному пункту Чуянгарон, расположенному у входа в Ромитское ущелье.

Попытка подразделений бригады с ходу захватить ущелье привела к трагическим последствиям. В ходе боя за населенный пункт в неравном бою погиб командир и несколько военнослужащих бригады. В Ромитское ущелье вооруженные формирования ИПВТ оборудовали укрепленный район, который препятствовал обходу правительственными войсками глубоко эшелонированной обороны противника созданной вооруженной оппозицией вдоль Гармского ущелья (Каферниганская долина) в 40 километрах восточнее столицы. Контроль оппозицией Ромитского ущелья обеспечивал ей быстрый выход вооруженных отрядов к столице государства с северо-востока.

Командование бригадой принял в ту пору заместитель командира бригады майор Гафур Мирзоев, в последующем экс-командующий Президентской гвардией и экс-руководитель республиканской службы по борьбе

с незаконным оборотом наркотиков, а ныне заключенный таджикской тюрьмы... Забегая вперед сообщу, что судьбу опального генерал-лейтенанта разделили и десятки других активных участников Народного фронта Таджикистана, когда во властные госструктуры «не мытьем так катаньем» пришли их бывшие противники по гражданской войне — представители ОТО... В новом «демократическом» правительстве оказались и те, кто в тревожное лихолетье отсиживался в соседних странах, размышляя, к какому лагерю примкнуть.

Перед новым командиром 1 омсброн МВД РТ была поставлена задача по освобождению от вооруженных отрядов оппозиции Ромитского ущелья, но сроки ее выполнения установлены не были. Неоднократные попытки захвата Ромитского ущелья к успеху не привели.

По просьбе вновь назначенного министра МВД РТ Якуба Салимова офицеры армейского спецназа советники лидера НФТ Александр Мусиенко и Олег Голыбин поступили в его распоряжение. Деловое сотрудничество спецназовцев и нового министра внутренних дел позволило оперативно решать многие вопросы борьбы с незаконными вооруженными формированиями весной-летом 1993 г.

В середине февраля в распоряжение 1 омсброн МВД РТ прибыла оперативная группа 15 отдельной бригады специального назначения МО Республики Узбекистан во главе с комбригом полковником Владимиром Квачковым. В короткие сроки с помощью уже работающих в бригаде офицеров — советников бригады была подготовлена операция по захвату Ромитского укрепрайона.

22-23 февраля 1993 года совместными действиями тактического воздушного десанта и тактической группы 1 омсброн МВД РТ. Ромитский район обороны был захвачен.

В последних числах февраля министерством обороны Республики Узбекистан и Республики Таджикистан была подготовлена и проведена крупномасштабная операция по захвату и освобождению от вооруженной оппозиции Каратегинской долины, большинство населения которой (гармцы) всесторонне поддерживало боевиков ИПВТ. Совместная работа привела к выработке необычного способа разгрома противника — «выдавливания», описания которого нет ни в одном боевом уставе.

Суть этого способа заключалась в том, что на глубину более 150 км последовательно высаживался тактический воздушный десант общей численностью более 2000 человек.

Десантируемые подразделения, сформированные из запасников, имели на вооружении лишь стрелковое оружие и гранатометы. Штурмовые

группы численностью 40-60 человек десантировались на горы посадочным способом из вертолетов вблизи населенных пунктов, занятых противником. Практически на каждую площадку десантирования высаживались оперативные группы из двух-трех военнослужащих 15 обрСпН (офицеры, прапорщики, рядовые радиотелеграфисты), осуществлявшие общую координацию действий десанта и взаимодействие с вертолетами.

Аналогичная практика направления военнослужащих спецназа в иррегулярные вооруженные отряды Северного альянса широко использовалась ССО США в операции «Несгибаемая свобода» в 2002 г. в Афганистане. Оказавшись в заснеженном высокогорье один на один с врагом, тактический воздушный десант был вынужден рано или поздно спускаться с гор, чтобы... выдавить противника из теплых домов.

Если противник оказывал серьезное сопротивление, выявленные цели уничтожались огнем наводимых спецназовцами вертолетов, а количество десанта наращивалось. Взятые под контроль населенные пункты связывала единственная автомобильная дорога, по которой десант соединялся с соседями, устанавливая контроль над всей дорогой и долиной в целом.

Активное участие в этой операции принял вновь назначенный заместитель министра обороны РТ полковник Александр Чубаров (прибыл с должности заместителя командира 15 обрСпН), прапорщики Александр Никифоров (получил тяжелое ранение в бою) и Владимир К.

Какой бы сумасбродной с точки зрения классического общевойскового боя не выглядела эта операция, но благодаря мужеству вертолетчиков, спецназовцев и сотням неизвестных таджикских ополченцев она удалась. Общие потери десанта составили 70-80 человек, из них около 40 оппозиция заманила в мечеть на переговоры и коварно расстреляли...

Не будь «гармского десанта», к лету 1993 г. почти двухтысячная группировка таджикских НВФ с помощью афганских моджахедов превратила бы контролируемые ими районы в неприступную крепость, ставшую оплотом международного терроризма. Чем бы это обернулось для самого Таджикистана, соседнего Узбекистана и Кыргызстана в условиях, когда Афганистан постепенно переходил под контроль талибов, можно только догадываться.

После установления контроля правительственными войсками над большей частью территории республики необходимость в существовании Народного фронта отпала. Сангак Сафаров объявил о снятии с себя полномочий руководителя вооруженными формированиями НФТ, отряды которого были трансформированы в части министерства обороны и подразделения Мини-

стерства внутренних дел республики. Но «спокойно встретить старость» Сангаку было не суждено.

Конец гражданской войны в Таджикистане был положен с расформированием Народного фронта, так как дальнейшие боевые действия по уничтожению незаконных вооруженных формирований вели только регулярные части МО и МВД Республики.

Ряд должностей в оборонном ведомстве Таджикистана долгое время занимали офицеры, прибывшие из 15 обрСпН — заместитель министра обороны генерал-майор Александр Чубаров, заместитель министра обороны по вооружению генерал-майор Алишер Бегматов (прибыл с должности заместителя командира 15 обрСпН по вооружению), командир 1 омсбр полковник Юрий Исаков (прибыл с должности начальника штаба 15 обрСпН) и др.

В ходе внутреннего вооруженного конфликта в Республике Таджикистан в первой половине 90-х гг. XX века удалось нанести сокрушительное поражение вооруженным формированиям сторонников создания в Таджикистане теократического исламского государства и создать выгодные условия для политического урегулирования внутреннего вооруженного конфликта.

Успешные действия подразделений Народного фронта Таджикистана были обусловлены решительностью и высокой активностью боевых действий, отступлением от классических методов вооруженной борьбы, одновременным воздействием на противника на нескольких оперативных направлениях, наличием социальной базы партизанского движения и ее ликвидации у противника (Курган-Тюбинская область), активной внешней поддержкой НФТ.

Все это стало возможным и благодаря привлечению профессионалов «нетрадиционных методов боевых действий», имевших реальный опыт ведения вооруженной борьбы с иррегулярными вооруженными формированиями, а затем получивших такой опыт в составе подобных формирований — офицеров 15 бригады спецназа.

Именно благодаря их усилиям в течение нескольких месяцев удалось прекратить бессмысленную братоубийственную бойню и установить на земле древней Согдианы пусть хрупкий, но мир, укреплять который должны были уже политики.

К сожалению, многие высокие военные чиновники, заболевшие «звездной болезнью», редко прислушиваются к советам специалистов, стоящим на низшей ступеньке военной иерархии или уволенным в запас.

Не будь так, не было бы кровавых событий «наведения конституци-

**Последний комбриг
Сергей Кондратьевич
Золотарев**

онного порядка» в Чечне в 1994-1996 годах, «просчетов» (а просчетов ли?) российской дипломатии в Югославии, урегулирования внутренних конфликтов в соседних кавказских республиках и в других районах мира, до которых было дело Советскому Союзу, сейчас есть дело США, но почему-то нет дела России...

История не приемлет сослагательного наклонения «если бы». Но если бы ктонибудь в России обратил внимание на таджикский опыт осенью 1994 г., события в уже упомянутой Чечне можно было бы повернуть совершенно в другом направлении, сохранив тем самым жизни тысяч наших соотечественников, в том числе и чеченцев.

Жаль, но этого не поняли и в Узбекистане.

После ухода с поста министра обороны Рустама Ахмедова, поднявшего армейский спецназ на высшую ступень профессионализма, 15 обрСпН была расформирована, а легендарный «мусульманский батальон» — 154 ооСпН выведен из штата бригады и расформирован. К сожалению, до конца не осознает роли разведывательно-диверсионных формирований спецназа в современных условиях и специальных операций

высшее военно-политическое руководство и в России, ведь спецназ — острый скальпель для ювелирной работы, но только в руках грамотного хирурга.

Офицеры бригады и 154 ооСпН после войны у новостройки жилого дома для офицерского состава. В центре — подполковник Хутько М.Ю. (начкомбриг), майоры Козлов Ю.В. (командир 154 ооспн), Куфтин А.Н., п.Азадбаш, (фото 1989 г.)

ЭПИЛОГ

ЛОВУШКА «АФГАНСКОГО СИНДРОМА»¹

Это не мистика тянет на дно
Тех кто мечен афганской войной.
Это статистика, та, что давно
Затянула нас мертвой петлей.
В той ловушке мы все, как один,
Только номер у каждого свой,
Тех, кого этот «синдром» не добил,
добивают любую ценой.

Владимир МАЗУР.

Время неумолимо. Вот уже стоят в армейском строю те, чьи отцы 27 декабря 1979 года безусыми мальчишками начинали эпопею Афганской войны. 29 лет тому назад части и соединения 40 общевойсковой армии и другие формирования Вооруженных сил Советского Союза пересекли советско-афганскую границу и по просьбе афганского правительства вошли в Афганистан. «Афганская война», а не официально признанный — вооруженный конфликт, заставила поколение внуков солдат Великой Отечественной войны вновь окунуться в горнило сражений, познать горечь побед и радость маленьких побед, потерю боевых товарищей и приобретение настоящих друзей, добрую зависть сверстников, не удосужившихся побывать на «настоящей войне» и наплевательское отношение чиновников к искалеченным телам «афганцев».

Именно телам, израненным и покалеченным той войной, а не закалившимся в ней душам. Это позже, не вписывающимся в «нормы мирной жизни» солдатам и офицерам той войны чиновники-партократы повесили ярлык «афганский синдром». И если Афганская война унесла жизни почти четырнадцати тысяч советских граждан, то косвенные ее потери исчисляются десятками, а то и сотнями тысяч наших соотечественников. Кто их считает? Тех, не рожденных от погибших и искалеченных в боях мужчин, ушед-

¹ Мусиенко Александр Валентинович, полковник ГРУ, ветеран 15 обрСпН.

ших из жизни вследствие полученных ранений, инфекционных, нервно-психических и других заболеваний.

Официально длившаяся 9 лет и 51 день Афганская война болью невосполнимых утрат прошла через души нескольких поколений наших соотечественников. Сейчас ее ветераны, некогда служившие под общим Красным знаменем, разделены границами вновь образовавшихся государств, но их судьбы по-прежнему связывает боевое братство. Ветераны-афганцы государств участников Организации Договора о коллективной безопасности и сейчас служат под общим знаменем, возглавляя полки, бригады, дивизии и даже целые силовые структуры своих стран. Неудивительно, что при встрече военнослужащих государств-участников ОДКБ, при взгляде на планки орденов и медалей, афганцы сразу узнают своих братьев по оружию по голубой ленте медали «От благодарного афганского народа». Тогда, уже в далеком 1988 году, когда проводилось награждение этой медалью всех без исключения участников боевых действий в Афганистане, и эта награда воспринималась совсем иначе, чем сейчас. Тогда в хаосе горбачевского разрушения страны с разнузданным очернением всей нашей новой и новейшей истории название этой медали звучало неестественно пафосно. О какой благодарности можно было говорить, если, уничтожая караваны с оружием советские военнослужащие «не жалели даже осликов», а собственные вертолеты «расстреливали свои подразделения, не желая захвата их в плен». Именно так трактовала события Афганской войны доморощенная «демократическая» пресса. Что можно было говорить о простом афганском народе, если моджахеды представлялись «крестьянами с кремневыми ружьями», противостоящими «советской машине убийства афганского народа»? Но именно простой афганский народ и его интеллигенция сохранили о пребывании ограниченного контингента советских войск в Афганистане самые теплые чувства. Подтверждение тому — те немногие встречи ветеранов боевых действий в Афганистане, ставшие возможными благодаря действиям ряда общественных ветеранских организаций государств Содружества независимых государств после свержения режима Талибов. В ходе этих встреч простые афганцы не скрывают своих суждений, называя время пребывания советских войск в Афганистане «периодом наибольшей стабильности», а бывшие моджахеды и их полевые командиры высказывают искреннее сожаление в том, что им пришлось воевать не с теми, с кем следовало бы...

За примерами ходить далеко не надо. Наверное, у многих военнослужащих на памяти моменты их боевой деятельности в Афганистане, никак не вписывающиеся в теорию «агрессии Советского Союза против Афганистана». Лично я с таким примером столкнулся на второй недели пребывания в Афганистане, успев познать горечь потери своего первого командира роты

капитана Алексея Туркова и командира соседней группы лейтенанта Евгения Овсянникова. В тот день я на нескольких БМП-2Д обеспечивал прикрытие действий группы специалистов-советников, осуществляющих осмотр каналов, арыков и других сооружений джелалабадской ирригационной системы. По двухсторонней согласованности на встречу нашей колонне выходили вчерашние моджахеды, заботливо извлекая из земли установленные ими же противотанковые мины. Когда механик-водитель БМП армянин Гроник Амирян не справился с управлением и машина упала в канал, те же моджахеды помогли освободить придавленную многотонной броней ногу таджика рядового Олениезова, притащив мощный домкрат, а затем угощали нас горячими лепешками и жарким с мясом, картошкой и бобами. В знак благодарности мы угощали их рыбными консервами. А назавтра была война, и мы вновь были непримиримыми врагами...

В далеком горном кишлаке, захватив склад с боеприпасами, кто-то из наших батальонных шутников указал простым афганцам на нашего врача лейтенанта Александра Сурначева. Афганцы буквально засыпали его жалобами на здоровье, переводить которые еле успевал наш переводчик младший лейтенант Андрей Соколов. Медицинская сумка Александра опустела в мгновение ока, а афганские женщины, презрев все законы шариата, открывали свои лица с просьбой помочь больным детям. Все это было.

Это ли не свидетельство того, что мы воевали не со всем народом Афганистана, а лишь с той его частью, которая в силу религиозных убеждений, образовательного уровня и родовых традиций оказалась по другую сторону баррикад? Не были мы агрессорами, как пыталась это представить западная пресса и, хуже того, опьяненная гласностью отечественная «демократическая» общественность.

Разве мог оккупант спокойно «гулять» по дукам в Кабуле, Джелалабаде или Асадабаде, зазываемый купцами и торгуясь с ними за какую-то безделушку на смешанном фарси языке. Ныне торговцы сетуют, что военнослужащие контингента НАТО, посещая торговые лавки под прикрытием ошестинившихся стволами броневедомств, не торгуясь, надменно швыряют на прилавок названную дуканциком сумму, считая его недостойными своего внимания.

— С вами было проще, — сетуют афганцы. — Вы такие же, как и мы.

Если сражались, то в открытом бою. Проявляли беспощадность к врагу в бою и милосердие к пленным. Не всегда и не везде, но такова была тенденция. Это сейчас американский патруль может открыть огонь по человеку с фотоаппаратом, приняв его за снайпера, или разбомбить «высокоин-

теллектуальным» управляемым оружием свадьбу, увидев в ней электронным оком собрание талибов.

Это наша с вами беда, что за весь послеафганский период мы так и не успели извлечь из той войны необходимые политические и военные уроки. В этой войне мы не понесли военного поражения и не победили. Мы просто заплатили за ошибки политических деятелей, своих и афганских, десятками тысячами человеческих жизней народов обоих государств.

Отличным офицером являлся замполит 3 роты Ермаков Александр Михайлович

Время разбрасывать камни и время их собирать. Нам давно пора понять, что только вместе, в дружной семье мы — сила. Та сила, с которой вынуждены считаться наши враги. Как считалось с ней руководство вооруженной афганской оппозиции и его заокеанские покровители, день ото дня наращивая военно-техническую помощь афганским бандформированиям. Далеко не кремневыми ружьями боролись с советскими войсками афганские моджахеды. В их распоряжении были переносные зенитно-ракетные комплексы и реактивные системы залпового огня, минометы и современные противотанковые средства, автоматическое стрелковое оружие, противотанковые и противопехотные мины. Всем этим афганцев щедро снабжали западные покровители и экстремистские исламские организации.

Не жалеют наши заклятые друзья смертоносного металла и в наши дни, «заботливо» снабжавшие им режим Саакашвили. А ведь и в Грузии живут сотни ветеранов-афганцев, не желающих смотреть на своих бывших однополчан через прорезь прицела. Есть среди них и мои бывшие сослуживцы, разделяющие горечь трагизма той военно-политической ситуации, в которой мы оказались на сегодняшний день. И не приведи господь повторения трагических событий августа 2008 года, где нибудь в другом уголке когда-то единой страны с общей историей и единой судьбой. Судьбой, предписывающей нам быть вместе. В одном едином боевом строю, защищая свою землю, а не разевая рот на чужую.

ГОРЬКИЕ ГРОЗДЬЯ ОПЫТА

ЦЕНА РЕШЕНИЙ

Все люди грешники с рождения,
Солдат?.. Он грешником вдвойне:
Суть моего предназначенья —
Погибнуть славно на войне.

Владимир КОШЕЛЕВ

Каждый год в первых числах марта вот уже на протяжении четверти века в небольшой городок центра европейской части России съезжаются однополчане. Их собирает вместе мама старшего лейтенанта Александра Т., чей сын, именем которого названа местная школа, похоронен на поселковом кладбище. Их, уже взрослых людей, чьи дети стали старше, чем были они в далеком Афганистане 1987 года, собирает вместе память о боевом друге и однокашнике по Рязанскому воздушно-десантному командному училищу. Приезжают они сюда не только со всех бескрайних просторов некогда великого Советского Союза — России, Украины, Узбекистана, но и далекой Германии, гражданами которой оказались волею судьбы.

В одну из таких традиционных встреч мне, человеку имеющему какое-то отношение к журналистике, захотелось написать об Александре, о том его последнем бое, в котором он героически погиб и за который награжден орденом Боевого Красного Знамени посмертно. Я высказал свое желание, но почему-то не встретил обычного в таких случаях одобрения. В перерыве поминального застолья ко мне подошел один из свидетелей того боя и откровенно сказал, что правду я все равно не напишу.

— Не нужна она никому, — как отрезал сержант запаса на мое «почему?».

— Как не нужна? А память о настоящем Офицере? А боевой опыт, пусть и отрицательный?

— Не напишешь...

И действительно не написал. Вернее, не стал писать, когда через несколько дней после этой беседы узнал всю страшную правду о том бое. Прошло еще 3 года. В этом году мы опять были на могиле боевого друга. В первых числах марта... Сегодня июль. Я решил написать Правду. Не спрашивайте, зачем. Прошло еще полгода, прежде чем я решился опубликовать написанное...

Рано утром пара десантно-транспортных вертолетов МИ-8 под прикрытием пары боевых «вертушек» МИ-24 совершала обычное воздушное патрулирование горно-пустынного района на востоке Афганистана. «Пчелки» последовательно через 2-3 км совершили несколько посадок и ушли на аэродром базирования под прикрытием «шмелей». Обычная в этих местах картина второй половины 80-х годов прошлого века. Откуда знать мятежникам, что во время одной из таких посадок разведывательный отряд специального назначения (РО СпН) скрытно покинул вертолеты.

До караванной тропы моджахедов было около пяти километров. Обычно спецназовцы отлеживались в светлое время суток на дневке, а передвижения осуществляли ночью, но командир отряда на этот раз принял «нестандартное решение». Первое.

Через два часа отряд был у караванной тропы, проходящей по дну сухого русла. Его противоположный берег круто уходил вверх, ощерившись черными базальтовыми скалами. Хребет возвышался над плато из песчаника, пересеченного лабиринтом оврагов и сухих русел. В одном из таких оврагов в нескольких десятках метров от сухого русла и расположился отряд. Его командир поставил задачу разведчикам-минерам на установку в сухом русле управляемых по радио противопехотных осколочных мин. Днем, под высоченным хребтом? Это второе «нестандартное решение».

Действия минеров прикрыла разведывательная группа специального назначения (РГ СпН) старшего лейтенанта Александра Т., заняв огневые позиции на невысоком песчаном обрыве по левому берегу русла. Умудренные опытом, разведчики сразу же оборудовали свои огневые позиции, прикрыв их от огня и наблюдателей противника кусками песчаника и крупным галечником, устроив 2-3-местные СПС (скальные пулеметные сооружения).

Еще одну РГ СпН под командованием лейтенанта Владимира С., командир отряда расположил непосредственно в сухом русле на поросшем чием (многолетним травянистым кустарником, внешне напоминавшем камыш) островке. Третье «нестандартное решение» командира отряда объяснить трудно по сей день...

По всей вероятности, дневные передвижения спецназовцев не остались незамеченными противником. Чтобы убедиться в их намерении, после того как саперы скрылись в овраге, моджахеды отправляют на разведку пожилого местного жителя.

— Наблюдаю, на ленточке 500 метров «бача» (парень — дари, здесь — мирный афганец) и двое пустых вьючных двигаются в восточном направлении, по-военному четко доложил по радио командиру отряда старший лейтенант Т.

— Пропусти их.

— Они меня заменят, я лежу на голом месте.
— Подпусти старика и удержи.
— Бородатые (мятежники — сленг) вычислят, наверняка они его пасут. Разрешите минами.

— Здержи! — в голосе командира отряда прозвучали нотки металла.

— Принял...

Через десять минут пытавшийся убежать пожилой афганец был задержан разведчиками. Четвертое «нестандартное решение» позволило мятежникам определить точное местонахождение спецназовцев старшего лейтенанта Т.

— А где вычные? — уточнил командир отряда, когда ему доложили, что «бачу» задержали.

— В русле.

— Поймать.

— Зачем?

— Я приказываю...

Ишаков ловили обе группы. И Александра Т., и Владимира С. Животные пугались чужаков и убежали, а приказ надо было выполнять... Пятое «нестандартное решение» позволило наблюдателям мятежников определить местонахождение обеих РГ СпН и установить их приблизительную численность...

Пленного допрашивали с пристрастием. Единственная улика, косвенно указывающая на его принадлежность к бандформированиям, — клочок бумаги с записями, где упоминались какие-то патроны. Добиться чего-то от задержанного в ходе допроса командир отряда не смог и как отрезал:

— Убрать его.

— Товарищ майор, зачем? — заступился переводчик.

В таких случаях спецназовцы задерживали подозреваемых до конца выполнения задачи и передавали органам ХАД (госбезопасности Афганистана). Те умели выколачивать из пленных правду, прибегая к средневековым методам пыток...

— Товарищ лейтенант, — подозвал к себе командир отряда недавно прибывшего из Союза командира группы.

— Убери этого «духа». Только без шума.

Без шума — это когда ножом или выстрелом из бесшумного оружия. Было исполнено. Ножом. Лейтенанту надо было зарабатывать очки. Шестое решение унесло жизнь, возможно(!), ни в чем не повинного человека, не имевшего выбора при отправке его мятежниками в разведку. Возможно,

невинного? Поэтому судить строго не стоит, зная, чем порой оборачивалась нам «гуманность»...

Время потекло, как песок сквозь пальцы. Горный воздух пропитался тревогой. До спасительной в таких случаях темноты было еще несколько часов. Старший лейтенант Т., один из самых опытных офицеров действующего разведотряда предложил командиру занять горный хребет, но получил отказ. Согласно замыслу действий и принятому на карте решению, утвержденному вышестоящим начальником, отряд должен был располагаться в засаде на левой стороне сухого русла, чтобы «не оставить следов его пересечения». Бумажки командир отряда читл... И это после задержания афганца и ловли ишаков!? Шестое «нестандартное решение», выразившееся в отказе от занятия господствующей высоты, грозило серьезными последствиями. Так как был нарушен основной закон войны в горах — кто выше — тот сильнее, они не заставили себя долго ждать.

— Наблюдаю, на ленточке западнее 500 метров — пять бородатых. Двигаются на восток, — доложил старший лейтенант Т.

Но в эфире звучит почти такой же диалог, что и при обнаружении одиночного афганца с ишаками...

— Они прошли рубеж минирования и кому-то машут. Разрешите открыть огонь?

— Пропускай их!

— Бородатые вооружены автоматами и забираются на хребет напротив. Расстояние около 200 метров. Разрешите открыть огонь? — немного нервничает Александр.

Он понимает, что если «душки» поднимутся хотя бы на 30 метров вверх (высота девятиэтажного дома), обе разведгруппы в сухом русле будут у них как на ладони. Кажись, это начинает понимать и командир отряда, но он решает, что это группа проводки каравана, занимающая позиции по маршруту его предстоящего движения. Перспектива лавров героя, забившего караван моджахедов, не дает майору покоя, и он принимает очередное (седьмое), более чем нестандартное, решение — окликнуть духов с помощью переводчика и сказать им, что мы, дескать, свои.

Абсурдность ситуации поймут даже не воевавшие... Переводчик пытается отговорить командира отряда, но тот уличает его в трусости. Повинуясь приказанию старшего начальника, одетый в национальную одежду переводчик, серьезно рискуя жизнью, поднимается в полный рост и окликает афганцев на языке дари и пушту, но те только ускоряют подъем в гору.

Поднявшись на 25-30 метров выше русла, они растворяются среди скал. Их первые выстрелы не заставили себя долго ждать. «Чак-чак», «чак-чак», — противно дуют пять автоматов мятежников, сливаясь в не-

прерывный грохот стрельбы. Разведчики открывают ответный огонь по невидимому противнику. В группе старшего лейтенанта Т. появляются первые раненые. Его группу начинает прикрывать разведгруппа лейтенанта С., отвлекая часть огня противника на себя. Прошло несколько минут боя, а в отряде имеется погибший рядовой Ж. и трое раненых разведчиков. Вот еще двое ранены.

Старший лейтенант Т. принимает решение на отход группы. Он лично организывает отход, пытаясь укрыть подчиненных от губительного огня противника за обратными скатами занимаемой ею сопки. Саня погиб, прикрывая отход группы и эвакуацию раненых, едва поднялся со своей позиции, когда большая часть его подчиненных уже укрылась от огня противника. Связь с группой прервалась, так как были убиты или тяжело ранены все, кто имел при себе радиостанции.

Командир второй РГ СпН лейтенант Владимир С. получил тяжелое ранение предплечья (пуля перебила кость, и рука болталась на одной коже и мышцах). У него тоже раненые, и так же, как и в соседней группе, те, кто имел радиостанции...

По логике боевых действий в горах, находящаяся в овраге часть отряда должна была занять прилегающие высоты или хотя бы занять оборону по верхнему его краю, а командир — удобное место для наблюдения за полем боя. Тем не менее, командир отряда продолжает принимать «нестандартные» решения, находясь в овраге, по сути в яме. Не имея представления о противнике, он отправляет на усиление группы старшего лейтенанта Т., с которой утеряна радиосвязь, шестерых разведчиков во главе с... сержантом, хотя рядом с ним находятся четыре офицера, в том числе командир роты и командир группы (восьмое «нестандартное» решение).

Едва разведчики приблизились к группе старшего лейтенанта Ч., как противник прижимает их огнем к земле. Они укрываются в русле оврага за валунами. Однако командир отряда гонит разведчиков под огонь противника, требуя занять позиции поредевшей группы старшего лейтенанта Т. Сержант не желает выполнять абсурдный приказ и просто не отвечает по радиостанции на вызов командира отряда. Тогда тот отправляет к нему... старшего переводчика отряда, приказывая занять с шестью бойцами позицию группы старшего лейтенанта Т. Едва младший лейтенант приблизился перебежками к разведчикам, как те замахали руками:

— Ложитесь! Товарищ младший лейтенант, сюда! Духи сзади!

— Как сзади? — недоумевает переводчик, прячась между камней.

Приказ командира отряда он выполнить не может, противник взял их «в клещи». Остается только отстреливаться в двух направлениях, ведя неприцельный огонь в сторону предполагаемого нахождения противника.

Командир отряда, желая добиться выполнения своего приказа, отправляет к группе разведчиков 2 роты... замполита роты минирования лейтенанта Юрия М. Юра в Афганистане только первый месяц. Он не придает значения информации о противнике в их тылу. Очередное «нестандартное» решение отправить одного, а затем другого офицера управлять солдатами из чужого подразделения сыграло свою трагическую роль.

Желание помочь попавшим под огонь противника боевым товарищам, притупляет страх, и, презрев опасность, он с криком «За мной!» бежит на позицию группы старшего лейтенанта Ч. Юра преодолевает половину пути и своим примером убеждает залегших разведчиков в безопасности маневра, но едва те поднимаются с земли, как две трассирующие пули, одна за другой, попадают лейтенанту в спину и голову...

Так стрелять из 7,62-мм автомата Калашникова, основного оружия афганских моджахедов, можно только с очень близкого расстояния. Вот кто расстреливал обе группы в спину, поражая командный состав с радиостанциями под грохот отвлекающего огня с хребта. Это тот, кому моджахеды махали рукой, кто обошел отряд с тыла и занял огневую позицию, на которой обязана была находиться подгруппа обеспечения или хотя бы наблюдатели разведотряда. Будь у этого духа ручные гранаты, он смог бы забросать ими «командный пункт» командира отряда, от которого был несколькими десятками метров выше.

Разведчики открыли по обнаружившему себя автоматчику огонь, и он отошел. Возможно раненый, но живой. Ушел, сделав свою черную работу. При этом подал сигнал отхода — очередь вверх трассирующими пулями...

Бой закончился. Его цена — трое убитых и семеро раненых разведчиков, несколько из которых тяжело.

Рассказ читается не дольше, чем проходил сам бой. Это уже после его окончания был вызван огонь артиллерии по давно оставившим свои позициям пятерым отвлекающим автоматчикам противника, разыгран радиосценарий «боя с блокировавшими разведотряд превосходящими силами противника», прибыли вертолеты для эвакуации убитых и раненых.

Во время этого «боя» в нескольких километрах юго-восточнее находилась бронегруппа 1 роты отряда, которой командовал однокашник Александра по училищу — Николай. Он слышал переговоры в эфире, но от его помощи командир отряда отказался...

О том, что действительно произошло в первых числах марта 1987 г. Николай узнал на год позже меня...

Таких как я и Николай в отряде большинство, ведь официальная

версия происшедшего была тщательно скрыта даже от офицеров. Нашлись способы спрятать правду на многие годы. Одного офицера назначили на вышестоящую должность, другого (лейтенанта Владимира С.) перевели после лечения в госпитале в другую часть, хотя раненые всегда возвращались в свои подразделения, остальных заставили молчать другими способами...

Нельзя было закрыть рот только солдатам. «Солдатское радио» быстро разнесло правду о том бое. Вот почему на встречах однополчан рядовые и сержанты по-прежнему, крайне негативно отзываются об офицере, руководившем тем боем. Ветеранские встречи он не посещает, хотя за Афганистан получил такие же награды, как и Александр Т., в том числе и орден Красного Знамени «за умелое руководство подчиненными в бою».

К очередной годовщине мы снова соберемся у Сани. И, как всегда, солдат будет больше, чем офицеров. Они любили своего командира за честность. Будем же и мы честны.

Сержант! Я написал правду.

P.S. Всем, кто знает, о ком из погибших офицеров и солдат идет речь, огромная просьба не показывать этот материал их родственникам. Им такая правда не нужна...

Трогательной получилась встреча ветеранов 154 отряда в Днепрпетровске на 20-летие вывода отряда в Союз 18 мая 2008 г.

О ТРЕХ МАЙОРАХ¹

Не любят нынче португею,
Из моды вышли сапоги.
Кто ж постоит за мать-Расею,
Когда кругом опять враги?
Теперь в умах одни доллары,
И доживают коммунары
Свой скоротечный бурный век:
Увы, мельчает человек.

Владимир КОШЕЛЕВ.

ПАМЯТИ БЕССОНОВА НИКОЛАЯ АНАТОЛЬЕВИЧА, ЗАМПОЛИТА 4 РОТЫ 154 ООСПН

Жизнь протекает так быстро, что в суете своих забот не замечаешь, как медленно и незаметно уходят из жизни твои боевые товарищи.

Прошло более двадцати лет, но мы так и не можем смириться с этой жизнью, не можем или не хотим понять ее суеты. И когда нам тяжело, мы в мыслях возвращаемся в прошлое — в Афган. Самые тяжелые годы и самые чистые. Здесь мы нашли настоящих друзей, здесь мы доверяли боевым товарищам свои жизни и готовы были их отдать в любой момент... Такова была действительность афганской дружбы, здесь служили ребята со всего Советского Союза, здесь не было национальностей, здесь были только — шурави.

Годы проходят, нет больше той большой страны, которой мы давали присягу на верность и готовы были за нее отдать свои жизни, как это делали наши деды, прошедшие вторую мировую войну и высоко несшие имя Советского солдата.

Нет той большой страны, теперь все самостоятельные и суверенные государства. Политику делают политики, а нам делить нечего, для нас нет границ. Афган нас скрепил — мы больше чем родные.

Хорошо, что есть такая связь, как интернет, где мы, пусть через много лет, нашли друг друга, общаемся, вспоминаем погибших товарищей и командиров.

Все на связи, каждый занят своими мирскими заботами — семья,

¹ Хакимов Султанбек Тукунович, ветеран 154 ооСПН, старший сержант

дети, а у многих уже и внуки. Но это хорошие заботы — жизнь идет своим чередом.

В 2009 году в Москве состоялась встреча ветеранов 154 ооСпН. Со всех республик СНГ приехали ребята на тридцатилетней юбилей. В Химках, где поставили памятник спецназовцам, на черном граните выбиты все имена погибших ребят и командиров, с честью и достоинством выполнивших свой интернациональный долг перед Родиной, защищая ее южные рубежи.

Так же, как и 20 лет назад, состоялось построение батальона. Командир батальона Абзалимов Р. построил по ротам и доложил командиру 15 бригады полковнику Старову Ю.Т. о сборе. Торжественно внесено Знамя отряда и Знамя ВДВ. Состоялись выступления командиров и торжественное возложение цветов...

4 рота минирования замерла в строю почти в полном составе. Командир роты Кирилин А. был очень взволнован — ведь это его солдаты, и у каждого жизнь сложилась по-разному.

— Что-то в нашем ряду, — спрашивает, — не видно нашего замполита Николая Бессонова?

На фото: старший лейтенант Бессонов Н.А. (Стоит слева четвертый), а также Тукманбетов М.А., Щепелев С.П., Майоров В.Ю., Почтовик И.А.. Сидят справа замполит 154 ооСпН Клоков В.И., в центре — начпобриг Кривопапов О.В. Джелалабад, май 1988 г.

— Ну, наверное, служит где-нибудь в Украине или на родине, в Белоруссии — значит, не смог приехать, служба есть служба, — отвечаю я, хотя ребята пытались его найти, но не смогли.

Через два года сидим в офисе в Ташкенте с подполковником Мирджапаров

вым и пьем чай, заходит Игорь Ищенко, хитро улыбаясь, смотрит нам в глаза.

— Заходи, Игорь, присаживайся.

Игорь не спеша садится в кресло поудобнее и из своей большой сумки достает ксерокопированную фотографию. Подает мне.

Взглянув, я обалдел, — это была фотография нашего замполита Бессонова Николая в офицерской форме, в звании майора и с двумя боевыми орденами.

— Ты где его нашел? — спросил я.

Для меня это было неожиданным подарком, я наконец-то он нашелся.

Игорь помрачнел и тихо сказал: «Бессонов умер 22 марта 1998 года от менингита и похоронен на мусульманско-русском кладбище в Азадбаше, где и служил».

— Как, он же совсем молодой, и мог умереть? — не поверил я.

— Вот, смотри, Игорь, у меня в блокноте написано его рукой: «Сможешь — приезжай!» и адрес ...

Игорь мне в ответ: «Съезди на кладбище, убедишься сам...»

В воскресенье я поехал в Азадбаш. Кладбище расположено у дороги.

Где же я буду его искать?

Не знаю, как это объяснить, но мои ноги сами меня повели прямо. Мне не понятны были эти чувства, ну я им не сопротивлялся.

Могилы, могилы, очень много заросших и просто брошенных могил...

Как же я найду Николая?

А ноги вели меня сами... Перепрыгнул через возникшую ограду, повернулся направо и увидел могилу Николая Бессонова. Я застыл на месте...

На его могиле поставлена черная гранитная плита, где выгравирована его фотография и надпись: «майор Бессонов Николай Анатольевич, 15.IV.1963 — 22.III.1998 г.»

Мои ноги и интуиция сами привели меня к нему. До сих пор не верил, что он умер. Я протянул руки, дотронулся до плиты, сел на колени и никак не мог понять, что со мной происходит. Не верил, что Бессонова Николая нет в живых...

Могила заросла травой, стал её чистить. Горький ком застрял у меня в горле.

— Николай, привет. В моём блокноте в 1987 году в Афгане ты написал мне: «Сможешь — приезжай!», приглашал домой в гости. А я приехал к тебе на могилу, мы же так не договаривались...

Из глаз непроизвольно покатились слезы.

— Это ты меня сюда пригласил? Лучше бы не приглашал...

Долго не мог прийти в себя, сидел возле его могилки и разговаривал с ним:

— Николай, я привез фотографии ребят, мы встречались в Москве, все о тебе спрашивали, а ты здесь лежишь...

Я положил фотографию на каменную плиту, и сверху камешек приложил, чтобы ветром не сдуло.

Слезы не прекращались, мне не хватало кого-то для общения. Набрал номер подполковника Мирджапарова:

— Дядя Миша, это я — Султан. Я нашел могилу Бессонова, сижу и плачу...

— Ты поплачь, поплачь — полегчает... — ответил он.

Наверное, это были не просто слезы. В этом было проявление солдатской любви к командиру.

Потрясенный, я вернулся домой и долго не мог уснуть. В душе была нестерпимая боль, что нет больше хорошего человека. Вечная ему память!

Прошло более недели. А меня все терзали мысли об умершем. Почему 35-летний майор спецназа похоронен здесь, в Азадбаше, в узбекской земле, а не на Родине?

Начал обзванивать сослуживцев и узнал через них, что родные майора Бессонова живут в Белоруссии, отец уже 8 лет как умер, остались мать и братишка Николая Володя.

Я измучился от мыслей, внутренний голос не давал мне покоя, ни днем, ни ночью: «Ты должен найти его мать и родных».

Как только представилась возможность, в середине июля поехал в посольство Белоруссии в Узбекистане. Там встретился с помощником посла, который представился Николаем Михайловичем. Он встретил меня с доброй улыбкой и серьезно внимательно выслушал.

— Я тебе обязательно помогу, — сказал он и записав мои телефоны и координаты, попрощался со мной.

Не успел я доехать до офиса, звонит телефон. Поднимаю трубку и слышу:

— Алло, алло — это Василенко Владимир Николаевич из Могилева, председатель ОО БВВА. Ай да белорусы, какая реакция!

— Мы нашли мать Бессонова Николая, съездили и поговорили с ней... У матери есть просьба, если можно, вышлите фотографии могилки сына и горсть земли с места захоронения.

— Владимир Николаевич, я, наверное, приеду в Могилев сам, — отвечаю я, — хочу увидеть мать Бессонова. Ведь мать командира — это и моя мать.

— Будем рады видеть тебя на белорусской земле, — отвечает Василенко, — приезжай, заодно и 2 августа встретим у нас.

Обращаюсь к шефу:

— Дядя Миша, я должен лететь в Белоруссию, повидаться с матерью, не то я буду чувствовать себя всю жизнь виноватым. «Никто, кроме нас», ведь Коля меня приглашал к себе еще живой.

— Хорошее дело ты задумал, Султан, езжай...

Взял билет на 29 июля. Какое-то странное ощущение было у меня: правильно ли я поступаю, не будет ли больно матери... Сразу вспомнил мать Василия Кабанова, которая спустя 20 лет бросилась с 13 этажа. Эти мысли не покидали меня...

И вот утро. 29 июля 2011 года 5.00. Сегодня вечером я улетаю в Белоруссию. Мой внутренний голос говорит мне: «Сходи на могилу Николая Бессонова».

Вместе со мной поехала жена Сураё. На могилке чисто.

— Ну вот мы и приехали... Коля, привет! Сегодня я лечу к тебе на родину, завтра повидаюсь с твоей матерью. Что ей сказать, я не знаю, просто обниму...

Как просили белорусы, взял горсть земли и положил ее в глиняный горшочек. Сураё прочитала молитву. Аминь — спи спокойно...

К вечеру ко мне приехал дядя Миша Мирджапаров:

— Привет, Султанчик, я тебя сам провожу. — С этими словами он вытащил из своей сумки узбекские тубетейки, — вот, передашь подарки братьям-белорусам. Пусть помнят солнечный Узбекистан. А эта косточка, где вырезан Иисус Христос и на обратной стороне крестик, передашь матери — лично от меня в подарок.

Долго мы сидели во дворе на топчане, вспоминали Афган, Николая и многих ребят, не вернувшихся с той войны.

И вот я на борту самолета Боинг-767. На таком самолете я еще не летал — класс-люкс. «Узбек хаво йуллари». В ручной клади бережно держу горшок с горстью земли и фотографии.

— Вот и взлетели, — мысленно разговариваю с Николаем. — Скоро будем в Москве, а там поездом в Белоруссию. Меня терзали мысли, как я встречу с матерью ...

Второй час полета, кто-то спит, кто-то смотрит фильмы, кто-то решает кроссворды. И вдруг голос командира экипажа: «По техническим причинам самолет возвращается в Ташкент». Суета пассажиров, масса вопросов и нет на них ответов. А у меня в мыслях: ну вот, Николай, тяжелая мне выпадает миссия, даже самолет возвращается...

Однако, благополучно приземлившись в Ташкенте, мы пересели в другой самолет, Боинг-757, и к утру следующего дня приземлились в Москве.

— Здравствуй, утренняя Москва! Как поживаешь, Россия?

В аэропорту меня встретил однополчанин — афганец Обид. После обмена приветствиями говорю:

— Мне надо ехать на железнодорожный вокзал, а там в Белоруссию в город Могилев.

— Подожди, Султан-ака, — он тут же набирает номер и передает мне телефон.

— Привет, Султан, привет! Я ничего не знаю и слушать ничего не хочу, я вас с Обидом жду у себя дома в Можайске. Вперед, на поезд, и через полтора часа вы у меня.

И мы поехали к Диме Александрову. Эх, приятно встретится с друзьями, с которыми провел самые тяжелые и, как оказалось, самые лучшие дни своей жизни.

Можайск, тишина, красивая подмосковная природа. Дмитрий. Мы обнялись

— Брат, ты сильно поседел, — всматриваясь в мои седые волосы, сказал Дима.

— А ты всё такой же, — отвечаю, — совсем не изменился.

Вошли в дом, поздоровались с матерью и детьми Димы. Они нас ждали. Накрыли стол, и мы сели пить чай. Александровы родом из Ташкента — земляки. Мать все расспрашивала о Ташкенте и по-доброму вспоминала его гостеприимный народ, потом мы вспоминали Афган, своих ребят и командиров.

— Ты на моих глазах разминировал две мины. Спасибо тебе, брат, — говорит Дима.

— Да что ты, каждый из нас делал свою работу.

— Это хорошо, что ты едешь к матери Николая Бессонова... Святое дело...

— А пока давайте я вам сделаю узбекскую дымляму. — Обид, ты не мешивайся, — я буду готовить сам.

— Не вопрос! — ответил с улыбкой Обид. Так по-братски и посидели.

Когда же мы приехали на вокзал, Дима Александров сделал мне сюрприз, — оказывается, заранее купил билет на Могилев.

— Хочу, чтоб в твое благое дело и моя лепта тоже была внесена. — пояснил он.

Я был тронут. Спасибо вам, мальчишки!

Поезд тронулся. Когда за окном исчезли фигуры моих соратников, я в мыслях опять вернулся к тем же вопросам: «Как меня встретят?»

Утренний поезд доставил меня в Могилев. На привокзальной площади стоял одинокий человек в костюме с боевыми наградами. Судя по возрасту — афганец.

Мы пошли друг другу на встречу.

— Султан? — мы обнялись. — Меня зовут Дима, мы тебя ждали, только не знали, когда ты приедешь, вот и одел костюм с наградами, подумал: если не лох, здогадается ...

— Догадался!

Мы сели на поджидавшую нас машину и поехали в офис Могилевского ОО БВВА. На часах было 5 утра ...

В 11 часов мы поехали к матери. Подъехали к дому, и в это время пошел сильный ливень. Будто природа заплакала. Взяв букет гвоздик, мы пошли в квартиру Бессоновых. Двери были приоткрыты, мы спросили, можно ли войти.

К нам навстречу вышла пожилая женщина с седой головой — я почему-то именно так ее себе и представлял. Подходя к ней ближе, я пристально смотрел ей в глаза, а в голове что-то происходило, и сам не мог понять, очень переживал. Это мать моего командира. Почему-то до этой минуты я все думал о плохом, перед моими глазами была мать Василия Кабанова, которая не пережила кончину сына...

Я протянул ей букет гвоздик и сильно обнял, она обняла меня.

— Ты, сынок, с моим Коленькой вместе служил?! — спросила она, и из глаз её потекли слезы. Я держал ее в своих объятиях долго, не отпуская, на душе было больно, в горле стоял комок. На время я будто потерял дар речи и ничего не мог говорить, а просто молчал.

Паузу прервал Владимир Николаевич:

— Мать, вот Султан приехал из Узбекистана, да, он служил с вашим сыном...

— Что вы стоите в коридоре, проходите в дом, — наконец спохватилась мать...

Мы прошли в комнату, все сели, кто на диван, кто в кресло. А у матери из-под очков катились и катились слезы, все долго молчали.

Я прервал тишину:

— Конечно, я хотел приехать к Николаю просто в гости, но... моя миссия сегодня — передать горсть земли с могилы моего командира, майора спецназа Николая Бессонова.

Открыл сумку, вытащил глиняный горшок и протянул его матери. Слезы еще более потекли у нее из глаз.

— Коленька, Коленька, мой добрый, милый Коленька..., — беззвучно шептала женщина, крепко прижав к груди глиняный горшок.

— А вот это фотографии, где мы с ним в Афгане и фотографии его могилки... Там ребята поставили ему памятник.

Мать смотрела фотографии и тихо-тихо плакала, продолжая шептать, будто разговаривая с сыном.

— Мой сыночек Коленька очень любил своих солдат...

Я выложил на стол узбекскую тибетейку. — Это на память из Узбекистана.

— А вот еще для вас лично, — аккуратно развернув тряпицу, протянул ей косточку, — это подполковник Мирджапаров Михаил вырезал для вас: на одной стороне Иисус, на другой крест ...

— Спасибо, сынок, спасибо! — поблагодарила она.

Еще раз порывисто поднявшись, я обнял мать и, долго не отпуская так стоял.

— Я тоже ваш сын, ведь Николай в наших сердцах.

Потом мы очень долго разговаривали, я рассказывал ей о сыне, вспоминая разные случаи из нашей солдатской службы, и как, бывало, ее сын отдавал нам свой офицерский паек.

— Да, мой сынок был очень добрый и любил солдат... — повторяла мать.

— Мать, он был правильным офицером, солдаты его очень уважали. — ответил я.

— За Афганистан ваш сын был награжден орденом Красной Звезды и орденом «За службу родине в ВС СССР III степени».

— В нашей роте минирования он стал профессионалом-минером. Изучив мины, как и мы, простые саперы и минеры, не раз ходил выполнять боевые задачи по минированию караванных троп и уничтожению бандформирований, идущих из Пакистана. Он был смелым и выносливым командиром, сердечным и отзывчивым человеком. Ваш сын — наш командир, будет вечно жить в наших сердцах.

Было видно, как из материнских глаз из-под очков лились и лились слезы. Мать беззвучно плакала и гладила дрожащими руками фотографии сына и все шептала при этом: «Сыночек мой, сыночек...»

Очень больно видеть слезы матерей.

— У Коленьки, — наконец сказала она, — дед прошел всю войну и в звании майора в майских боях штурма Берлина, получив 14 ранений, умер. Там и похоронен, на чужбине, в Берлине. Отец Коленьки, мой муж

Толик, тоже был майором Советской Армии, все свою жизнь отдал служению отечеству и умер от болезни. Мой сынок, Коленька, тоже удался и был майором великой армии, после Афганистана прошел Азербайджан, Таджикистан. Почему его не похоронили дома? Неужели командиры не смогли организовать отправку и привести моего сыночка на родину, похоронить здесь?! — и она опять горько заплакала.

Я молчал, мне сказать было нечего. Ведь мать была права. Боевого офицера оставили на чужбине. Мне стыдно за этих его последних командиров.

Опустилась неприятная тишина. Каждый присутствовавший в комнате думал о своем.

Паузу прервал Владимир Николаевич.

— Мы, наверное, поедem, мать...

— Нет, сынки, я тут наготовила, и, пока вас не накормлю, не отпущу.

Быстро накрылся поминальный стол. Третьим тостом помянули Николая и всех, кто не вернулся с той войны, выполняя интернациональный долг.

Так, за разговорами мы и не заметили, как на улице уже потемнело — пора идти.

— Мать, я не прощаюсь, я обязательно еще приеду, вы для меня как родная.

Мы крепко обнялись.

— Ты, сынок приезжай, мой дом для тебя всегда открыт, ты мой сынок...

— Спасибо, мать.

На этом мы и попрощались. На душе как-то полегчало, — я выполнил просьбу матери, передал фотографии и горсть земли с могилы сына.

А в голове, как гвозди, рвали мозг слова матери: «Почему, почему командиры не смогли привезти мне сына и похоронить его на Родине...»

...А на другое утро белорусы отмечали День ВДВ. Набережную Днепра по-праздничному раскрасили флаги ВДВ, голубые береты и тельняшки. Среди десантуры были люди всех возрастов. После ритуальных почестей, все собрались у памятника Афганцам. Ко мне подошел Владимир Николаевич:

— Султанчик, выступишь?

— Выступлю, Владимир Николаевич.

Слово дали мне, гостю из Узбекистана. Я поздравил всех с праздником ВДВ, рассказал о майоре Бессонове, проходившем службу в Афганистане в 154 «мусульманском батальоне». Служить в котором почитали за честь и отбирали самых лучших!

— До последних своих дней ваш земляк Николай Бессонов был предан этой части, — закончил я.

Вдруг кто-то из тысячной толпы собравшихся десантников пронзительно крикнул:

— Минутой молчания, на коленях, — помянем майора спецназа Бессонова!!!

И мгновенно все, кто находился на площади — и стар, и млад — встали на колени. Я был потрясен. Это нужно было видеть! Народ Белоруссии преклоняется перед ветеранами локальных войн!

Да, Афганская война закончилась, но мы ощущаем ее до сих пор. Раньше времени в расцвете лет умирают наши боевые товарищи. Пусть же их имена встанут в одном строю в боевом мартирологе погибших Героев.

Ни один афганец не должен быть забыт. В этом наш долг, и это наша история.

На могиле Николая Бессонова — однополчане: слева — подполковник М.Мирджанпаров, справа — сержант С.Хакимов. п.Азадаш (фото 2010 г.).

Я — КОМБАТАНТ ¹

*(Это не записки сумасшедшего, а претензия на истину,
построенная на личном опыте и собирательном образе судеб
ветеранов боевых действий).*

*Демократия — ловушка для недоумков!
Она заканчивается у ног моего престола.*

(Римский император)

*Демократия в России — это президентская династия
плюс монетизация всей страны.*

(Автор)

Я — комбатант. Вообще-то иностранщину не люблю — я за русский язык, да и нет необходимости голову ломать над всякими спикерами, риэлтерами, кастингами, киллерами, ваучерами и прочей дребеденью. Говори просто: убийца, спекулянт-перекупщик, бумажка для надувательства т.п. Даже как-то вот и по сей день слово «президент» в душу не вращается, хотя уж сколько лет и практически каждый божий день это понятие на слуху. Что, нет русского слова, что ли? Ведь был «всесоюзный староста», Председатель Президиума. Хотя «президиум» тоже не от славян, но уж, по крайней мере, привычно. Так же секретарь, в том числе и генеральный. Ну, а если надо, то в русском языке, что-нибудь поновее и посвежее всегда можно найти. А вот в моём случае — так тут уж никуда не денешься, комбатант, комбат, батальон, баталия — война, так сказать. Да как ещё себя назвать? «Ветеран войны» — вроде ассоциация с детства иная. Не хочется славу советского солдата, победившего мировой фашизм, свести до заслуги на местной войнушке с криминально-коммерческим смрадом и политической интрижкой. Как, например, в Чечне или Приднестровье. «Участник боевых действий» — это как бы созвучно в нашей современности с участником всякого рода конкурсов. Ещё более продвинуто — участник типа реального шоу «Последний герой», проходившего на участке нудистского пляжа о. Гаити между второй торговой палаткой «Пирожки с картошкой», третьей общей кабинкой для переодевания и главной пляжной мусорной свалкой. Крутизна непомерная. Куда мне до них?! Ещё много названий и определений можно применять ко всем, а вот комбатант, хоть и

¹ Лапин Александр Николаевич, ветеран 154 ооСпН, военный врач. Полковник медицинской службы.

тоже не русское (так французы выразились), но четкое определение. Комбатанты — в международном праве лица, входящие в состав вооружённых сил воюющих государств, ведущие боевые действия против неприятеля. А о самом неприятеле, какой бы он там ни был, и о политике — ни слова.

Я комбатант! Но в нашей стране, похоже, это совершенно ничего не значит. Недавно один хмырь, в прошлом «архитектор перестройки», за границей отравился, за завтраком. Якобы стронций какой-то нечаянно вместо килограмма суфле слопал. Так всем медицинским миром его реанимировали, обслушивали, обнюхивали, спасали, одним словом. Потом объявили, что спецслужбы его убрать хотели. Да для того, чтобы этого борова радиацией отравить, целый Чернобыль стронция нужен. Он, просто, сука, этот «архитектор», ваучерами обожрался. Давно это было, но было — глотал не жуя, жадно жрал, коротким жирным пальцем в глотку пачками их затакивал. Да вот и не переварились они у него все, загнили внутри. Так вот он своим же ядом, ублюдок, и отравился! А то стронций, спецслужбы! Да кому он нужен, жирный хряк с тремя подбородками и сальными губами. Лично он всегда у меня ничего, кроме брезгливости, не вызывал. Но суть в другом. Человек этот для государства кроме вреда, ничего не сделал, а над ним дрожат все государственные медицинские светила. Лучшая клиника, качественные диеты, клизмы из перламутра, унитаз с подогревом. Все что хочешь, только выживи. А мне, русскому солдату, не раз защитившему на поле боя в грязи, холоде и голоде честь государства — шиш, кукиш, зуробовщину да монетизацию с руганью из уст работников соцзащиты. Вот и инвалидность втихую с меня сняли. Надо восстанавливать. Пришел я на МСЭК весь израненный, живого места нет. Вот, говорю, инвалидом хочу стать, может, какая льгота из тех, что ещё не озурabili, и мне перепадет. Покрутили меня, посмотрели доктора из комиссии, бумаги полистали, в которых было написано, чем и когда ранили, сколько раз и где оперировали, с каким трудом на ноги вставал, за жизнь боролся. Да так аккуратно и вежливо мне и говорят: мол, геройский путь прошел, смерти в глаза посмотрел открытым взглядом — молодец! Но обе ноги есть, руки тоже, да и голова вроде бы на шее крутится, и жалоб много не предъявляешь, не скандалишь, истерик не устраиваешь, а самое главное — улыбаешься весело, да и на боку жир у тебя — в пять сантиметров складка, видать питаешься хорошо, какой же ты инвалид? Здоров, работоспособен и внешне не калека. «Так что, — спрашиваю я, — инвалид — это обязательно без головы?» «Ну вот, — мне сказали, — опять шутите, видать, счастливо вам живется, а вы в инвалиды метите». Ну, тут я им серьезно и говорю, что мужество заключается не в том, чтобы за Родину инвалидом стать, а в том, чтобы Родина этого не заметила.

Да, я комбатант, и Родина в лице этих вот докторов-экспертов, моей инвалидности действительно не заметила. Не захотела заметить. Так, говорит, ей, Родине, Минздрав рекомендовал. Авторитет непререкаемый! Со всем как у древних — «Магистэр диксит! — так сказал учитель!» Это про Аристотеля (подразумевай Зурабова). И доктора даже не спросили у меня, как хорошо спится мне по ночам вот уже двадцать лет с лишним? И что чаще всего снится? Не узнали, что такое физическая боль 24 часа в сутки, семь дней в неделю, двенадцать месяцев в году, когда кажется, что с этой болью родился. А порой, на пике боли, откровенные мысли в голову лезут: «Лучше бы уж убили, чем так мучиться». Не посмотрели, что мой левый ботинок на носке совсем стёрся, потому, как стоит только на секунду волю свою расслабить, так парализованная нога начинает волочиться, а спасительная рука дергаться. Не рассмотрели, что правая сторона тела отличается от левой и по количеству жира на складке, и по толщине руки и ноги, да что и перекошенный я весь какой-то вовсе. Не увидели, потому что побоялись, что я кланчить у них чего-то буду. Да не пособия по безработице просить я пришёл, уважаемые доктора, не от работы отлынивать. Работал и буду работать. Измором уж сколько лет себя беру на работе, чтобы боли не слышать, слабости не чувствовать, чтобы беспомощным не показаться, от стыда не сгореть. Льгота ведь для меня — не необходимый минимум для выживания, а поощрение, уважение, заслуга. Вот это мне нужно. Ведь я — комбатант.

Хотел я им науку рассказать про посттравматический синдром, посттравматические стрессорные расстройства (ПТСР), стрессовую реакцию. Не хотят слушать. «Ерунда», — говорят. Это для них ерунда. Мол, не влияет на работоспособность, социальную адаптацию. Как не влияет? Ещё как влияет. Ведь как заявили в ВОЗ: «Здоровье является состоянием полного физического, духовного и социального благополучия, а не отсутствием болезней и физических дефектов». Болезнь человека как социального существа включает в себя нарушение поведенческих и общественных функций, поэтому и определяется как социальная дезадаптация, нарушение человеческих чувств и переживаний. Ведь именно при болезни отмечается преимущественное значение нарушения человеческих качеств, прежде всего работоспособности, деятельности человека, т.е. полноценно осуществлять человеческие функции в физическом, психическом, морально-нравственном, социальном планах, в трудовой деятельности. В общем, вести полноценный здоровый образ жизни. Болезнь приводит к деформации поведенческих стереотипов, в том числе в конкретных социальных условиях. Ведь чем, как не этим можно объяснить ситуацию, когда, кажется, ничего обидного не

произошло, обижаться не на что, а обида захлестывает — аж некуда. Внутри все в бездну уходит, душа себя совсем пропащей считает, всё хочется бросить и убежать в лес, где людей нет. И не себя жалко, а что-то непонятное внутри происходит, — обидно, и всё тут! Прийти в себя надо, успокоиться, сосредоточиться. А она, гадина, обида, гложет и гложет. И так не один день. А ярость ни с того ни сего!? Другой субъект даже и внимания не обратит, значения не придаст. А тут аж в глазах темнеет, всё виртуальным становится. Сам не сам, а сгусток злобы. Ничего уже не соображаешь. «Убью! Разорву! Задуш!» Смешно? А я вот так орал когда-то в книжном магазине, ещё будучи старлеем, лишь из-за того, что продавцы мне книгу продать с витрине отказались. Всего лишь книга, притом справочник какой-то, не художественный остродефицитный экземпляр! О чём-то другом уж и не говорю. Самому страшно. Страшно, как на войне. Всё время боюсь, чтобы близких родственников в таком состоянии не обидеть, греха на душу не взять, а то ведь ярость неумная. А что тогда об улице или сотрудниках на работе? До войны и до ранения такого не было. Я рос хоть и сорванцом, но мечтателем, добрым беззлобным мальчишкой. Котят в подвале «хрущёвки» в холода прятал и кормил, птичкам кормушки вешал. А уж кого-то ударить — даже представить себе не мог. А теперь? Малейший повод, — и злоба до скрежета в зубах. Всех ненавижу, а себя самого — больше всех. Потом бьешься головой об стену чтобы эту злобу утихомирить. Это что — отменное здоровье? Да что говорить про меня, тогдашнего старлея.

В недалёком прошлом пришлось служить с генералом. Грамотный, волевой мужик. Дело знает и за дело болеет, переживает всеми фибрами души. Из тыловиков он, но был в реалиях чеченской войны, по-настоящему. И там дело у него спорилось в отличие от многих других. Войны и дела не боялся, по войскам мотался без отдыха. А вот после сдурел. Псих стал невероятный. Люди с ним работать боялись. Боялись его и его крутого нрава. «Рвал узду» по пустякам. Все его считали самодуром, хоть и дело делалось. Но мне его жалко было. Ведь до войны он также таким не был. Да, требовал, орал, покоя лентяям и проходимцам не давал, но всё было в рамках дозволенного, на грани порядочности. Это, напоминаю, до войны. А тут и болезни у него вскоре от злости и психоза появились. Быстро прогрессировали. Даже курить бросил. Это вот всё война. И никто из медиков в счёт это не брал. К счастью, уволился во время из армии. Работает на гражданке. Дело поправилось — фактор стимуляции ПТСР устранился. Для государства он наверняка пользы ещё много принесёт. Такими парнями нельзя разбрасываться, но и условия адаптации должны быть для него

подобраны профессионально грамотно. Я во многом его понимаю. Сам такой. Как, например, на несправедливость равнодушием ответить? На несправедливость в быту, работе, политике. Невозможно! Кто бы то ни был, чтобы ни делал — если мошенник, негодяй — покоя не дам. А переживания? Переживаешь всякую мелочь до изнеможения, до болезни. А тревога с изнуряющей непонятной тоской. Тоскливая тревога или тревожная тоска. Трамвай опаздывает — тоска, трудности на работе — опять тоска, гости должны прийти — и здесь какая-то тревога и тоска. Щемящая такая тоска, жилы вытягивающая, неумолимая. Семья, роднее нет вроде бы людей, а раздражаешься по поводу и без повода. Поэтому и находишься вдали, чтобы их не терзать и самому не беситься. Но и тут круг замкнутый. Придёшь вымотанный со службы, допоздна весь работе отдаёшься, чтобы боль да тоску заглушить, а дома никто не ждёт. Голые стены военного общежития. Банка холодной тушенки, ну и иногда водки стакан. Телевизор — и тот рябит, так как антенну настроить нет ни сил, ни желания, да и смотреть там нечего — одна брехня, декларации и гламурная лакировка. А то ещё взяли моду — страсти повседневной жизни показывать. Такое впечатление, что вся страна состоит из насильников, убийц, мошенников и прочей сволочи! А главное, нет на них управы. И вот, такой урод спяну зачатый, с похмелья рожденный, наубивает кучу добропорядочного безобидного люда, а ему пять лет общего режима, да так как он ещё из неблагополучной семьи, скостят по ходатайству правозащитников до двух лет. И следом ещё и амнистируют в честь дня рождения первого российского президента или дня очередной местной конституции. Вот уж тут бесишься! Во что верить, кому доверять? Я комбатант, а мне — общага и банка жилистой тушенки, меня новая демократическая общественность (сволота неимоверная) обвинила во всех всемирных грехах. А насильника, который за понюшку наркоты невинных людей садистским способом жизни лишил, «жертвой эпохи» выставят или страшные муки якобы раскаивания по телевизору на всю страну демонстрируют. У него, конечно, ПТСР не будет, ведь не его убивали, он забавлялся ужасом в глазах жертвы. А то зверье, которое на пожизненной отсидке? Тепло им, телевизор в одиночке (уже не одиночка), образа святые в красном углу стоят — грехи отмаливать. А у солдат в палатке на Чеченской войне не то чтобы телевизора — света не было, холодрыга, топчаны с завшивленными спальниками, в которых мышиполёвки толпой греются и прежде, чем в него залезть, их с силой вытряхивать нужно — никак не хотят насиженное место покидать. Хотя, с другой стороны, всё-таки не в такой холодный мешок лезть приходится. А уж насчёт пайка лучше не вспоминать. Великий пост! В Афганистане всё-таки

было не так. Ведь действительно, лучше уж в Афгане два срока, чем полсрока в Чечне! Хотя ПТСР и после той и после любой другой одинакова. И необходимо врачам знать, уметь, видеть и дифференцировать это состояние от банальных психических расстройств. Для этого нужно читать умные медицинские книги, а не слушать дилетантов от Минздрава. В отечественной научной литературе в последние годы появилось много работ, посвящённых, прежде всего психологическим проблемам ветеранов. Выявлены типы психической дезадаптации у комбатантов, показателем которых является целостная поведенческая стратегия поведения. Вот они.

Первый тип — преимущественно адаптивный, при котором ветеран войны реально оценивает своё состояние, либо пытается его игнорировать, перебороть. В данном случае отмечаются в большей степени только невротические расстройства. Психических расстройств других органов и систем, как следствие ПТСР, не наблюдается в большинстве случаев. Хотя дальнейшая судьба здоровья пациента требует пристального постоянного внимания, как и при других типах.

Второй тип похуже. Пассивный. Дезадаптивный. Выраженное отступление, примирение с болезнью, травмой. Характерны тревожно-депрессивные и ипохондрические тенденции. Отмечаются психические отклонения, так называемые «в себе» и жалобы на болезни внутренних органов и систем, имеющие реальный характер.

Третий тип — самый неблагоприятный. Выраженное нарушение социального функционирования. Наблюдаются внутренняя напряженность, дисфория, частые конфликты, взрывное поведение. Могут отмечаться чёткие психические изменения личности. Практически во всех случаях присутствуют выраженные психопатологические симптомокомплексы, наличие явных болезней других органов и систем, вплоть до онкологических заболеваний, спровоцированных психическим состоянием.

Практика показала, что все типы лабильны, т.е. могут изменяться в ту или иную сторону, а также всем им в большей или меньшей степени присуще наличие ряда симптомокомплексов, которые реально определяют возможность приспособления комбатанта в социальной среде, его работоспособность, творческую активность, общественную значимость, семейное благополучие. Для разрядки отрицательных эффектов пациенты зачастую прибегают к алкоголю, наркотикам, агрессивным действиям и суициду. (Я сам в минуты волевой слабости дважды пистолет к виску приставлял. Но моя воля своё преимущество, всё-таки над подсознанием доказала). Знаю, как трудно самостоятельно побороть даже банальное чувство боли, о котором уже говорил, не дающее покоя ни на секунду. Кажется, сил уже больше

На встречу в Москве съехалось более 60 человек

нет. Болит ужасно! Преследует непреодолимое желание лечь. Вот, кажется, лягу, и станет легче. Ляжешь, а облегчения нет. Но тут же возникает непреодолимое желание встать — так уж, кажется, точно полегчает. И опять нет! Опять лечь, опять встать, или согнуться, или расправиться. Нет ни места, ни положения. А боль от этого всего ещё сильнее. Я с ней, паскудой, один на один. Смерти подобно! Хотя, стоп, смерть — вот оно, облегчение! Или же сто грамм спиртного. Что легче и доступней!? Выпил и забылся, кажется, чуток отступило. Хоть и не ушло далеко, но уже легче. Ещё выпил, совсем вроде бы полегчало. Но тут новая напасть — попёрли валом воспоминания войны. Навязчиво так. Физическая боль отступила, а душа с цепи сорвалась. К слову сказать, ничто так сильно, сегодня, не вызывает у меня бурю эмоций, как война и музыка.

Вот где можно и окончательно свихнуться. И ломаются парни в повседневной бытовухе. Те, которые на войне подвиги совершали, шли в огонь и воду, не задумываясь, выполняли боевую задачу. Зубами от злости и боли скрежетали, плакали навзрыд, но не гнулись под страшным и тяжёлым бременем войны. Мальчишки с мужеством зрелых мужчин, молодые мужчины с умом и опытом седых полководцев, зрелые военачальники с прозорливостью великих мудрецов и отцовскими чувствами к солдату. Это

на войне. А в миру, где паяцы кривляются на экранах телевизоров, где картавые пройдохи с двойным гражданством, такие как В.Познер, учат нас любить свою Родину (это равносильно тому, как в басне, где болотная старая жаба, глядя на пронзительный полёт изящных ласточек, омерзительно шамкая, учит птиц летать. Не читали? Могу дать почитать. А слепой, управляющий этой местностью крот, слушая её наставления, вручает ей лавровый венок с надписью: «За заслуги перед солнцем и небом», заявив при этом, что ласточки только засоряют небо).

Эх, нет сейчас, к сожалению, графа Льва Толстого. Он написал бы ещё одну, уже современную «Войну и мир». А вот психиатры народ хитрый. Когда вопрос о ПТСР встал на международном уровне — «вьетнамцы», «афганцы», «кубинцы», «египтяне», «даманы», когда весь мир заговорил о комбатантах, они очень легко открестились от массы работы с вояками. «ПТСР — явление временное, само собой пройдёт», — сказали они и ...ошиблись. Потому что причинным фактором психосоматической патологии у комбатантов является боевой стресс. В отличие от других стрессоров, участие в войне является удлинённой, комплексной психотравматизацией. След или копии многочисленных травмирующих психосоматических факторов сохраняется в мозговом компьютере человека практически всю жизнь!

А уж при наличии физических недостатков, таких как ампутация, постранивая боль, косметические дефекты, яркие воспоминания, особенно постоянно провоцируемые современным радио, телевидением, кинопрокатом и реальностью жизни, подпитка ПТСР осуществляется постоянно и, порой, до конца жизни. Вот так-то, психиатры и мсэковцы! А вы говорите: «Ерунда»!

Мне даже утренняя летняя ранняя прохлада напоминает о войне, так как очень похожа на зиму Джелалабада. А уж если вертолёт над головой пролетит — сердце от счастья выпрыгнуть готово, или от страха замереть. А петарды на Новый год, особенно контрафактные?! Свиста пуль не боюсь, а фейерверк в душе тревогу вызывает. Или вот — я по сей день не могу лежать на ровной поверхности, на спине без подушки и с распротёртыми руками — так лежал не один раз на операционном столе! Стоит таким образом лечь, как сердце замирает, а затем неистово трепещет, горло в предчувствии интубационной трубки сжимается, аж дышать невозможно. По коже дрожь с ледяным потом, а в мозгу протест искусственной смерти, на которую так похож общий наркоз. А вы, уважаемые доктора, говорите «Ерунда»!

И ещё одно непобедимое состояние у комбатантов. Чувство неуспоко-

енности. Второй раз на войну солдат просится в подавляющем большинстве не потому, что больше ничего не умеет делать, кроме как воевать, и не за деньгами. На самом деле подсознательно испытывают они чувство чего-то не сделанного на войне или сделанного не так. Не так стрелял, не того убил, кого-то не спас, где-то струсил или смалодушничал, не так себя вёл в бою, и считает поэтому себя виновным в гибели боевого товарища. И надо повторить испытание себе, исправить ошибку, выполнить задачу качественней. Это не бред, это навязчивое сильнейшее чувство!

У меня это чувство тоже есть, я ведь комбатант. И ещё у меня есть чувство самозащиты от органов социальной защиты. Забота государства о своих ветеранах — признак политического, социального и экономического благополучия страны. Это не секрет. Но только не в стране, где мошенники, наркоманы, душегубы, демагоги и проститутки имеют полное право на существование, да притом ещё и льготное, а звёздочка на погоне офицера-защитника Отечества и звезда Героя России оцениваются в сотни раз ниже, чем «звезда» безголосого скакуна на сценичных подмостках. Где понятия «фабрика» уже никак не связывается с трудовой династией простого рабочего человека, а сопровождается миллионновалютным «звездопадом» шоу-бизнеса. И всё это в обязательном сопровождении наркотической эйфории, изощрённого любвеобилия, грязных безостановочных интриг и незатейливого будущего их творения. А мне, солдату, хочется послушать чего-то настоящего, душевного, чистого, искреннего. Без пошлостей, брани, ностальгии по тюремным нарам или замороженным белым розам. Просит мятежная душа песни о Родине, дружбе, в том числе солдатской, любви к матери, милой девушке, верной жене и, конечно же, о подвигах военного человека, — ведь я же всё-таки комбатант! И ведь есть всё это у нас, не оскудела талантами земля русская, не разбазарили ещё до конца её творческий потенциал самоявленные радетели «за Рассею». Ну, а теперь опять вернёмся к нашим баранам — к соцмедзащите. Как я уже говорил, государство должно заботиться о ветеранах, притом любых категорий. В природе не возникает что-то из ничего, как сказали древние братья-латиняне: «Экс нихло нихель». И они же добавили: «До ут дес» — даю, чтобы и ты мне дал. Так, уважаемое государство, отблагодари по-честному того, кто пожертвовал «чем-то» ради твоего «что-то». И не тьяни, ибо (ну, никуда не денешься от этих мудрецов-латинян) «Бис дат, кви цито дат» — вдвойне даёт тот, кто даёт скоро! Вот, экономично, мудро и честно, а не так, как сделано нынче. Сегодня экономят на всём, но особенно — на пошатнувшемся здоровье огромного количества заслуженных людей. Право по меньшей мере несолидно.

Киев, 2009 г. Начиная с 2010 года ветераны собираются в Крыму.

Проститутки на панели (а панель практически в каждом городе находится на центральной или главной улице), и то в плановом порядке проходят медобследование. Это, видимо, в интересах государства! Вообще, на удивление, эта прослойка общества и так не в обиде, а государство не спускает с них пристального внимания, проявляя заботу и беспокойство. Нам только позавидовать. Несчастные проститутки встречаются только в дореволюционных романах старых классиков. По моему жизненному и профессиональному опыту могу с уверенностью сказать, что в путаны силком затянуть нельзя. Врут они всё! Я-то уж их хорошо знаю.

Самое интересное, что в это время «Паша Мерседес» или кто-то другой от его имени приказ издал по вооружённым силам о запрещении коммерческой деятельности среди военнослужащих. Что имелось в виду? А то, что нельзя было в свободное от службы время по своей специальности работать. Можно только вагоны с углём опорожнять, хлеб по ночным магазинам разгружать, таксовать по окраинам Питера, если у кого машинёшка имеется, или ночным ремонтником трамвайных рельс устроиться — там особенно интеллект почитаем и потребен. А главное — опять же нелегально! Чтoб без трудовых книжек и договоров.

Представляете, к примеру, врач-хирург, слушатель академии, ночью, с кайлом и гигантскими щипцами, в робе трамвайного депо с мужиками

рельсы да шпалы на трамвайных путях перебирает. А с рассветом помылся, причёсался — и за... операционный стол. Катаракту, к примеру, оперировать. В руки тонёхонький скальпелёчек, может, даже лазерный, пинцетик изящный и ювелирничает под микроскопом, как Левша! Виртуоз! Виртуозь, виртуозь, да не забывай, что скоро стемнеет — значит, робу трамвайного депо на плечи, ручонки в грубые брезентовые перчатки, кайло — и айда рельсы со шпалами ворошить. Академия, дело, конечно почитаемое, очень нужное для подготовки крепких оборонных кадров! Но и семью то кормить надо, а денег в тогдашней российской армии практически не платили! Не то чтобы за ордена или за бывшие боевые подвиги, как в любом другом себя уважающем государстве, так и за реальную службу выдавали такой мизер, что и котёнка не прокормишь, не то что жену с пацанами малыыми, а то хуже — с дочками на выданье.

Все, как могли, работали, но что удивительно, в заслугу нашему офицеру — не в ущерб учёбе и службе. Вот тогда-то мне и пришлось с той девчачьей братией соприкоснуться. В круглосуточной баньке я массажистом подрабатывал. Вроде и приказ не нарушил и всё-таки близко к родной профессии был. Как только сил хватало везде успевать?! Больше по ночам работал. В основном были бандиты и банкиры. Иногда милицейские чиновники среднего пошиба подъезжали, на дармовщинку расслабиться. Крышевали потому что. И сейчас, похоже, контролируют доходы от этой прибыльной сферы бытовых услуг. Обслуживала оную баньку дюжина путан.

Организованно развлекались эти девчата. Были они всех сортов, категорий, образования и социального положения. И до чего ж интересная у них система распределения удовольствий — во всём чёткая тарификация. Чем выше общее образование, профессиональна подготовка, разнообразней творческий уровень, тем выше тарифный разряд, а значит, выше «должностная панель».

И вот теперь пришло время вспомнить великого Гёте: «Эвихь-вайнлихе цит унс хинан» — вечная женственность тянет нас к ней! (Фауст). А что же эту «женственность» тянет к мужикам? Деньги, нищета, безработица? Нет же!

Комната отдыха обслуживающего персонала была одна на всех — официантов, парильщиком и меня, массажиста. И сию я, отдыхаю после очередного клиента-пациента, ноги гудят, руки крутит, с тоскою жду нового бугая-бизнесмена. А напротив в приятной истоме парочка свободных девочек млеет. Ожидают, разголышавшись, с нетерпением клиентуру. Им-то что, — это мне минимум четыре конечности массировать, а если ещё голова, спина и брюхо?! А эти уже по два захода сделали, сытенькие, пьянень-

кие, но, по их словам, не до конца удовлетворённые. Ну и в этой приятной истоме они мне все много чего порассказывали. Доверяли, за своего считали, — одна ведь сфера обслуживания. Жалели даже — мол, вроде неплохой парень, только денег почему-то у меня мало. Как это я с такими копейками живу. Да ещё и жизни учить меня пытались. А у меня они брезгливость вызывали, но послушать любопытно было. Тем более что разные они все были. Умные, глупые, бедные, богатые, замужние и нет, юные и взрослые.

Всякие, одним словом. Но у всех самое главное в жизни — секс! Ни одна не сказала про нужду, голодных детей, престарелых больных родителей или обозначила его как выражение протеста политическому строю в Чили или Кувейте. Нет! Только одно — свободный независимый секс. Иная дома в постели с мужем скромная, однотипная и наспех, а здесь такие куражи и кренделя выделывает, что даже матёрые ценители этого дела диву давались. Правильно, ещё раз убеждаюсь, люди толкуют, что в проституцию силком не затащишь, ибо это не насильственный труд, а свободная любовь. Их материнское начало трансформировалось в необузданную сексуальную страсть, смачно подпитываемую романтикой и лёгким заработком.

К чему я столько слов и времени про хрень всякую? Да потому, что всё в природе взаимосвязано. Не стало в почёте сталеваров и хлеборобов, учителей и геологов, полярников и защитников Родины, так вошли в авторитет живущие не «по законам», а «по понятиям», жаждущие разнузданной вольницы под видом всяких свобод, «вкусившие» запретный плод, который в итоге, в общем-то, для многих и не так сладок. Плод, до этого длительно «законсервированный» в крепком сосуде государственной политики и маринаде жёсткой морали советского человека.

А тут вот, наконец, откупорили! И понеслась эта нынешняя общественная мораль «демократов» по разухабистой дороге чиновничьей демагогии, прикрывая их личное распутство. И, кажется, все смирились с этой ужасной силой, подчинились её безумству! Но это только кажется! Когда-то генерал Камброн сказал при Ватерлоо: «Ля гард мёр э не се ран па» — гвардия умирает, но не сдаётся! Я не смирился, не сдался, и к тому же пока ещё не умер! Ведь я — комбатант. И жду, верю, надеюсь, что наступит время, когда национальный вопрос государственной программы станет реальным национальным ответом всех коренных народов России, когда правозащитники наконец-то выльчатся от банальной паранойи, когда смертная казнь станет считаться не жестоким наказанием, а справедливым возмездием, когда суд по закону и справедливости будет понятием одним и тем же, когда олигарх в России будет один — это сама Россия, когда наркоманов

будут считать преступниками, а не больными, когда проституток вычеркнут из категории несчастных безработных с собственным профсоюзом и назовут просто шлюхами, когда забота государства о будущем поколении будет определяться не увеличением фешенебельных детдомов, а уменьшением беспризорных детей на уличных помойках, вот тогда-то работа российского правительство не будет считаться корпоративными посиделками, а народ российский не будет жить в нищете, пьянстве, бездельи и унижении. Может быть, тогда вспомнят и обо мне, ведь я же всё-таки комбатант, а вернее, солдат России, преданный ей до последнего своего вздоха и не запятнавший имя её во всех баталиях!

Я — комбатант. Иностранщину не люблю. Сварливый читатель может обвинить меня в лукавстве, что, мол, против засилья русского языка иностранными словами, а сам напичкал текст нерусскими фразами. Возражу. Мудрость на любом наречии доступна, приемлема и нужна. Иностранщина — это своя глупость, названная не по-русски. Ну, а в целом — «Фенци квод потуи, фациант мелиора потентес», — я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше.

Встреча в Алуште. 2012 г.

СЛЕПОК ПАМЯТИ ¹

(под впечатлением недавней встречи
с боевыми друзьями в Москве)

Я с ним долго служил.
Все два года войны.
И почти перед самой заменой,
Пулемётчик в горах
Весь наш взвод положил.
Мне же пулей
Разбило колено.

Думал я, повезло
Только мне одному.
Но, так, видимо, Богу в угоду,
Или чёрту назло —
Нам двоим повезло.
Он и я. С полнокровного взвода.

Он мне другом не был,
Он мне был, как и все.
Боевой сослуживец, и только.
Строем сзади ходил,
За другим столом ел,
Да и спал где-то
Аж за три койки.

Он синел и хрипел,
И в глазах пелена
Думал я: «Не жилец!»,
Но не бросишь.
Только он оживел:
«Дай попить, старшина!»
«Ты, солдат, молодец,
Раз пить просишь!»

¹ Лапин Александр Николаевич, ветеран 15 обрСпН, полковник медицинской службы.

Значит, оба живём!
И дойдём до своих.
А уж там не помрём,
Это точно!
Нам один лишь подъём
Одолеть на двоих.
Там, за сопкой, застава.
И точка!

Трудно шли. Тяжко шли,
А точнее, ползли
В адском мареве
Скал Гиндукуша.
А потом нас вертушки
В медбат увезли,
Где врачи сберегли наши души.

Бой я не вспоминал.
Только изредка сон
Мне кошмарил и душу, и разум.
Встречи с ним всё же ждал.
Мне запомнился он
Белобрысым, худым и чумазым.

Я на встречах нигде
Никогда не бывал.
Мне и не с кем-то
Было встречаться.
Каждый год лишь
Убитый свой взвод поминал,
И, подвыпив, мог крепко ругаться.

Отлистал календарь
Чередой в двадцать лет.
Жил я только делами своими.
Но какой-то писатель
В одной из газет
Мне напомнил знакомое имя.

Поезд мчит меня в ночь,
Жду с волнением рассвет.
Мы проездом назначили встречу.
Раскурил третью пачку
Простых сигарет.
Пульс ритмичен,
Как выстрел картечью.

Вот безлюдный перрон.
Три минуты всего
Нам для встречи.
Не так уж и слишком.
Я ищу, где же он?
Я же помню его —
Белобрысый, худющий мальчишка.

Только нет паренька.
Лишь мужчина, и тот,
Посмотрев на меня
Беглым взглядом,
В предрассветной тиши
Вдоль вагонов идёт.
Я же чувствую: он где-то рядом.

Покачнулся перрон.
Проводник заворчал:
«Что стоишь, или ехать не надо?!»
Я не вспомнил его.
Он меня не узнал.
Мы ж не те! Вот какая досада!

Мы ж не те!
Нас года изменили во всём,
Только память живой галерей
Нам оставила слепки
Прошедших времён.
Мы, естественно,
В них не старели.

И неслись за окном
Золотые поля.
Жизнь не встала, она продолжалась.
Продолжала крутиться
Планета Земля.
В нашей встрече
Она не нуждалась.

Взгляд в прошлое...

ИСПОВЕДЬ МАТЕРИ О СЫНЕ

Тихо летят паутинные нити,
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так? Извините:
Жил я впервые на этой земле.
Я ее только теперь ощущаю.
К ней припадаю. И ею клянусь.
И по-другому прожить обещаю,
Если вернусь...,
Но ведь я не вернусь...

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Наша семья военная. Мой муж, Злуницын Игорь Константинович,

закончил авиационную академию им. Гагарина. Был командиром части. Жили мы в военных гарнизонах. Наши сыновья Олег и Костя росли и видели, как маршируют строем солдаты, как проходят военные построения и парады. Рядом с домом идет физическая подготовка солдат. Они тут же, подражая им, подтягивались на перекладине, упражнялись на брусьях. Часто посещали солдатский клуб и любили смотреть фильмы о войне и военных. Поэтому выбор военной профессии у наших сыновей был осознанным. Олег мечтал учиться в летном училище, но не прошёл строгую медкомиссию по здоровью.

Хранится его школьное сочинение «Моя будущая профессия». Вот отрывок из сочинения: «Летчики — это уверенные, спокойные, умные, мужественные люди. Кажется, они созданы только для техники. А заговоришь с ними на любую тему и увидишь — какая осведомленность суждений в повседневной жизни. Я хотел бы стать таким человеком».

А потом под влиянием майора, который служил в спецназе, он решил поступать в Киевское общевойсковое. Поступив, он никогда не жалел об этом. Очень гордился, что был курсантом этого училища.

Олег был скромным, совестливым, ответственным и целеустремленным. Сейчас сравниваем с мужем своих сыновей с современными ребятами и видим, как они различаются! Наши сыновья в 21 год командовали взводами, большую ответственность несли за людей. Армия делала их взрослыми, умелыми, серьезными!

В дипломе у Олега мы прочитали две специальности: командир тактических войск и референт-переводчик английского языка. Мы радовались за сына — столичный вуз закончил. Он знал, что едет в Афганистан. Но пока это был город Чирчик на границе с Афганистаном. Получив первую офицерскую зарплату, он прислал посылку. Брату Косте — модные брюки и теннису, отцу — нож, а мне — восточные сладости.

Олег очень любил своего брата. В одном из писем из Афганистана он обращается к нему: «Что такое горы, я уже тут прочувствовал. Это не по равнине ходить, как в училище. Хотя там мы это считали за подвиг. Или что нас специально муштруют. А надо было больше ходить и чаще. Так что, Костя, мотай на ус: физо — это всё. И больше занимайся. В армии, где бы ты ни был, пригодится».

В письмах он всегда восхищался братскими, добрыми отношениями среди офицеров и солдат.

В те годы нас воспитывали атеистами. Можно было потерять работу, если бы узнали, что крестили детей. Да и жили по гарнизонам, где рядом и церкви не было. Очень сожалеем, что Олег ушел на тот свет некрещеным.

Горе нас так ошеломило... Уехал от нас здоровый, красивый, а вернулся вцинковом гробу. Слава Богу, была полоска из плекса, и мы видели его лицо. Жизнь наша разделилась на «до и после» гибели сына. Три года были такими тяжелыми, сейчас понимаешь, что Бог водил нас по земле. Говорят, что время лечит, приглушая боль утраты. Но память не подвластна времени. И мы часто с мужем ощущаем пронзительные толчки постигшего нас горя. Я работала учительницей начальных классов. После похорон на уроках становилось невыносимо больно и горько. Я выходила из класса и рыдала, прижимая дверь спиной. Дети, не понимая происходящего, толкали эту дверь. Я заходила, умывалась и продолжала урок. Запомнился один эпизод. Похоронили Олега в январе. Наступила весна. Выхожу на школьный двор. Яркое солнце, молодая зелень на деревьях, детский смех, гомон. А у меня — ком в горле, слезы. Боже! А мой сын в могиле, в такой тьме... Опускаю голову, иду.

Ветераны на могиле своего командира группы О.И.Злуницына. Днепродзержинск

Навстречу коллега: «Вы, Валентина Яковлевна, все вниз смотрите, золото, что ли, потеряли? Да, говорю, сына здорового, умного потеряла. Что золото в сравнении с сыном?!»

Из города Чирчика пришло письмо с соболезнованием. Писала старая женщина, хозяйка, у которой на квартире жил Олег 2 месяца до отправки в Афганистан. Она писала: «Я сегодня Вам пишу письмо с большой скорбью. Мне сообщили, что Ваш сын погиб от злодейской пули душманского снайпера. Очень меня опечалило. Такой парень, воспитанный по-настоящему. Как жаль, печальные слёзы. Я очень расстроена, извините меня.» Спасибо ей за эти слова.

Как жаль всех погибших, раненых ребят и их родителей. А ведь эта война была не по воле наших детей, попавших в мясорубку непонятной, ненужной, но жестокой и страшной войны. Мы гордимся своим сыном!

***ЗЛУНИЦЫНА Валентина Яковлевна,
г. Днепродзержинск, Днепропетровская область.***

ЦИНКОВЫЕ МАЛЬЧИКИ¹

Ответ на книгу про Афганскую войну, которая была написана автором, не побывавшим на войне. 1989 г.

Я родом из Афгана,
Замешан на крови.
Внук русского Ивана,
Отважный шурави.
Я возрастом под двадцать,
И мне же тридцать пять.
Мне не в кого влюбляться,
Мне есть в кого стрелять.

Я ближним нёс свободу,
Как шумно, напрямик
Живительную воду
В пески несёт арык.
Зла от меня не ведал,
Кто мирный сеял хлеб.
И кто друзей не предал
За банковский билет.

Не я в войне нуждался,
Катись она ко всем.
Войною наслаждался
Заморский дядя Сэм.
Я кровью мазал скалы,
Зубами грыз песок.
И смерть не раз дышала
Мне в стриженный висок.

ПРИПЕВ:

Хлебнул я лиха много,
Увидел кое-что.
И понял — верить в Бога,
Так верить ни во что.
Я верил в жизнь и в друга,
Да в отчее крыльцо.

¹ Лапин Александр Николаевич, ветеран 15 обрСпН, полковник медицинской служ-
бы.

Под вой свинцовой вьюги
Смертям плевал в лицо.

Я не порочил праха
И не ломал креста
Исламского Аллаха,
Еврейского Христа.
За что теперь склоняют?
Покоя не дают!
Порочных восхваляют,
Меня жестоко бьют.

Ну, вы, писаки, «с...судьи»,
Не надоело ль вам
Кроить чужие судьбы,
Считать по головам?!
Хотите ль, не хотите,
Но мы совсем не те,
Которых вы плодите
В бумажной суете.

Живём нас в цинк кладёте,
Злой клеите «оскал».
Себе же гимн поёте
Смертями среди скал.
Не вам судить героев!
Вам это не дано.
Оставить нас в покое
Пора уже давно.

ПРИПЕВ:

Я родом из Европы,
Мой прах по всей земле.
Полмира я протопал
Не по своей вине.
Я родом из Афгана,
Всегда готовый в бой,
Внук русского Ивана,
Не терпящий обмана,
С достойною судьбой.

«ГЮРЗА»

Список боевых орденов и медалей Ефентьева¹ Алексея Викторовича соответствует званию и достоинству офицера войск спецназа. Из 19 «календарей» офицерской службы четырнадцать «горячих».

Боевую школу он получил в 154 ооСпН. Алексей говорит:

«Там, в Афганистане, у нас (пусть это и звучит высокопарно) была идея! Не случайно до сего дня в Афганистане советских считают хорошими. Мы ведь строили школы, дизельные электростанции и заводы, сажали

¹ Ефентьев Алексей Викторович родился в 1963 году в семье потомственного военного в г. Байрам-Али (Туркмения). Прошел действительную военную службу на флоте. Вернувшись, поступил в Бакинское ВОКУ, после окончания которого добровольно попросился служить в Афганистан. Служил в должности командира группы спецназа в 154 ооСпН до 18 мая 1988 года. Затем, после Чирчика, в послужном списке оказались Азербайджан, Таджикистан и Нагорный Карабах. С 1989 по 1992 гг. — начальник разведки полка в Баку. С 1992 по 1994 год капитан Ефентьев — начальник штаба отдельного разведывательного батальона в Германии. С 1994 года Ефентьев коман-

дир отдельной роты спецназа в Чечне. Подразделение, которым он командовал, было одним из лучших и самым боеспособным подразделением наших войск. Позывной Ефентьева «Гюрза» был известен во всей республике. «Гюрза» был легендой 1-й Чеченской войны. На его счету десятки рейдов по тылам дудаевцев, штурм Бамута и деблокада окруженного в центре Грозного Координационного центра, когда были спасены многие высшие чины Армии и МВД, а также большая группа российских журналистов. За этот подвиг в 1996 году Алексей Ефентьев был первый раз представлен к званию Героя России. Награжден орденами Красной Звезды, Мужества, «За военные заслуги», двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За отличие в воинской службе I степени» и другими наградами. Ефентьев был героем многих телепередач на центральных ТВ-каналах, а также стал прототипом «Гюрзы» в фильме Александра Невзорова «Чистилище». С 1999 по 2000 год подполковник Ефентьев — командир «русбата» российского миротворческого батальона группы KFOR Российского воинского контингента в Косово, комендант аэродрома Слатина. Подвергавшееся геноциду сербское население Косова с благодарностью вспоминает офицера Ефентьева, проявившего мужество, защищая мирных граждан. Трижды командование представляло Ефентьева к званию Героя России. Стоит сказать, что его дед Иван Ефентьев — казачий атаман, награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Сегодня Алексей Ефентьев занимается сельским хозяйством и является генеральным директором ООО «Донское» в Воронежской области. Взяв обанкротившийся колхоз под свое руководство, за два года Алексей Викторович сумел добиться заметных успехов. Женат, растит трех сыновей.

деревья. Не без перегибов, конечно. И все же мы действительно выполняли интернациональный долг. Мы что-то доброе несли туда и никогда не рвали тонкую восточную линию. Местные мирные жители всегда оставались для нас такими же людьми, как наши в Союзе. Вот почему в Афганистане сейчас так ненавидят американцев и добром поминают нас. Все познается в сравнении. Служба — мужское призвание. Мне повезло служить с лучшими представителями Вооруженных Сил».

Спецназ грузился для выхода в поле на учения. Палатки, дрова, термосы, брезент, боеприпасы, радиостанции. Спецназ, как средневековая дружина, отправляясь в поход, все берет с собой для автономного существования. От кольев для палатки до тушенки, бинтов, ложек, лопат. Поэтому старшина разведроты — личность особая. В голове он должен держать сотни всяких мелочей, ничего не упустить, ничего не забыть.

— В такую погоду разведчику «за счастье» работать, — рассказывает Ефентьев. — Все по норам да по домам сидят. Однажды в такой дождь мы целую толпу «чичей» (чеченцев) «забили». Они в горах привыкли бродить, как у себя дома, не ждали, что мы туда полезем. Вот в такой ливень мы в лесу на склоне и нашли их лагерь. Они по землянкам забились. Грелись, отъедались. Один часовой под кустом сидел, и то в брезент закутавшись. Ну мы часового из «глушака» сняли, а потом устроили пышный «мухабат». Пятнадцать автоматов и два «граника» собрали. Карты «духовские», документы.

Дождь, непогода для разведчика — самое милое дело... Одной из немногих светлых страниц последних лет была наша дружба с разведчиками из отдельной роты специального назначения воронежской армии, которой много лет командовал легендарный «Гюрза». «Гюрза» — радиопозывной, с которым несколько месяцев ходил по Чечне сначала майор, а затем подполковник Алексей Ефентьев. На его счету штурм Бамута и деблокада окруженного в центре Грозного координационного центра. Десятки рейдов по тылам дудаевцев, четыре представления к Герою России и отписка ельцинского зятя Юмашева: «...отказать за недостаточностью подвигов»... Это написал «герой», чьим главным подвигом жизни стал прорыв в постель президентской дочери.

Не всякий после столкновения с такой чиновничьей чёрствостью способен оправиться, не махнуть на всё рукой, не хлопнуть в сердцах дверь. Но не таков был Алексей Ефентьев. Он смог подняться над обидой, пересилить себя. И после войны его рота сохранилась как боеспособная и крепкая единица. «Гюрза» смог перетащить к себе из разных частей и соединить Сухопутных войск большинство лучших своих офицеров и прапорщи-

ков, с которыми прошел Чечню. За два года рота стала одной из лучших разведывательных частей нашей армии. Пожалуй, нигде я не видел столь интенсивной боевой подготовки, как здесь, у «Гюрзы». ...Разведгруппы уходили на задание. Одни готовились к засаде — другие к штурму командного пункта противника. Разведчик-спецназовец в поле чем-то сродни серому волку. Все и вся в тылу противника против него. Противодиверсионные группы и заслоны, сигнализация и прочесывания, часовые и наблюдатели. Каждый день, каждый час, каждую минуту на разведчиков идет беспощадная охота. И самая маленькая ошибка в ней будет оплачена жизнью — своей и товарищей. Но разведчики — не жертвы, нет, они сами охотники. На их стороне дожди и снегопады, болота и овраги. Их друзья — темнота, ветер и холод. Они способны просачиваться сквозь самые плотные кордоны, растворяться бесследно в казалось бы пустом поле. Они упрямы и беспощадны. Спецназ не знает жалости, но и сам пощады ни у кого не просит... Для солдат и офицеров 90-х «Гюрза» — это такой же символ воинской чести и героя, как когда-то для фронтовиков Великой Отечественной был политрук Ключков или старший лейтенант Константин Ольшанский. Все годы службы Ефентьев неизменно отказывался от штабных должностей, оставаясь строевым офицером, храня верность любимому «спецназу».

Из армии он ушёл не по своей воле. Когда чинуши из ГОМУ расформировали отдельную роту «спецназа», которой Алексей отдал все последние годы, создав её фактически с нуля, на голом месте, и сделав её лучшей ротой «спецназа» Сухопутных войск, ему в очередной раз предложили чиновничий стул в штабе, но Ефентьев не принял «утешительную» должность и написал рапорт на увольнение...

ЗЕМЛЯ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Что обычно бывает с бывшими военными? Какой-нибудь тихий ЧОП или сторожка при гаражах — где вдали от суеты отставники прирабатывают к пенсии небольшой «приварок». Но не таков был Алексей. Ну невозможно было представить Ефентьева охраняющим чей-то склад или дремлющим в будке при шлагбауме. И тридцать восемь лет — это не возраст пенсионера, даже если по выслуге ты давно уже «старик».

Наверное, для многих шесть лет назад стало почти шоком решение Алексея заняться сельским хозяйством. Ну, никак не вязался образ блестящего офицера, настоящего «спецназовца» — пса войны — с мирным копа-

нием в земле, посевными, уборочными, разездами по полям, сенокосами и удобрениями.

Казалось, что Ефентьев просто заблажил, заморочился пустым увлечением, что скоро это пройдёт. Но прошло полгода, прошла весна, пришло время первого урожая, и на зернохранилищах хозяйства «Донское» Рамонского р-на Воронежской области вдруг как по мановению волшебной палочки выросли горы отборного зерна. Его, ефентьевского, зерна, посаженного и выращенного им на этой земле. И тогда вдруг с пронзительной ясностью стало понятно: земля для Ефентьева — это всерьёз и надолго. И как когда-то в строю, на войне он не мог быть «просто майором», а только лучшим, только первым, только самым-самым, так и на земле он не мог позволить себе быть случайным гостем с капризным увлечением — только лучшим, только первым. И вот уже его рабочий стол завален книгами по агрономии, земледелию, экономике. Он мотается по выставкам и элитным семенным хозяйствам. На его МТС до позднего вечера не гаснет свет — механики перебирают и восстанавливают технику, ремонтируют трактора, комбайны, сеялки, жатки, косилки... Всего за два года разорённый отсталый совхоз превратился в одно из лучших хозяйств Воронежской области. И всё же даже для многих его друзей его выбор занятия стал неожиданностью. Почему земля, почему сельское хозяйство? Вот как он сам ответил однажды на это вопрос: «Вышел в запас в 2000 году. И думаю: что дальше, куда? Стал прикидывать: мать у меня агроном, тесть много лет был председателем колхоза. В сельском хозяйстве я ничего не понимал. Но я люблю свою землю. Земля на войне много раз меня спасала, я в нее впивался, вдавливался. А сколько раз просил Бога, чтобы она меня защитила? Откуда-то из души услышал зов предков и решился. Труд на земле — интересное, творческое дело. Есть возможность заработать деньги. Надо только как следует на ней пахать. Жизненный опыт, в том числе военный, разумеется, пригодился. Ситуация в целом похожая. Что такое армия? Рано встать, поздно лечь, постоянно работаешь с людьми, находишься в напряжении. То же самое и в сельском хозяйстве. И все время с людьми и в движении: одно поле, другое. С техникой те же самые проблемы, что и в армии. Те же гусеницы и колеса... Так я стал директором сельхозпредприятия».

Конечно, один в поле не воин. Сюда, в бывший совхоз, а нынче ООО «Донское», Алексей пришёл не один. С собой он привёл целую команду. Своих бывших сослуживцев, братьев по войне, с кем прошёл фронтowymi дорогами Чечни, Косово, Карабаха. И именно с командой единомышленников, друзей он смог сделать невозможное — оживить зем-

лю, поднять зарастающие кустарником и чертополохом поля, вернуть жизнь в фактически умершие посёлки. Но далеко не всем пришлось по нутру этот энтузиазм бывшего разведчика. Некоторым слишком выгодной были нищета и безысходность крестьян, их деградация и одичание. Не всё и не сразу получалось, не всё, что он задумал, удалось. Вот как Алексей говорит об этом времени и о себе: «Самое ценное — это моя, вернее, наша команда, с которой мы пришли на село все вместе, как ходили в разведку. Как видите, разведка удалась, даже перешла в широкомасштабное наступление! Наступление на пьянство, на безработицу, на аграрное невежество и разруху. Конечно, мы пришли к земле не как к нефтяной скважине — качай себе деньги да распахивай по счетам, пока нефть не кончится. И это наша главная жизненная позиция и моральный принцип. Мы всегда помним, что земля — это Дом, а не Магазин. Главное не в том, что мы получаем на земле: урожай, цифры, показатели продукции, а в том — как мы будем жить на ней!» За эти годы хозяйство встало с колен, из убыточного, сидящего по уши в долгах превратилось в развивающееся прибыльное дело, набрало силу. Определённые надежды в этом отношении есть и в связи с реализацией национального проекта в области сельского хозяйства. Но не одна только прибыль в голове у генерального директора — так теперь называется должность Ефентьева. Работая на земле, Алексей не забывает о людях, живущих на ней. В его центральном отделении — посёлке Богданово — им построены спортивные городки, два спортзала, танцплощадка. Приобретено и отремонтировано здание под медпункт, которого здесь не было с 1992 года.

РУССКИЙ ПУТЬ

Алексей Ефентьев принадлежит к той уникальной прослойке нашего общества, которую, без всякого сомнения, можно назвать «национальной элитой». Чем бы он ни занимался, он может делать своё дело только на отлично, только с превосходными степенями определения. Он не умеет быть вторым, не умеет пасовать перед трудностями. И талант его — это не талант разрушителя, хотя почти десять лет своей жизни он провёл на войнах и в «горячих точках». Ефентьев — настоящий «гармонитель», создатель. И его выбор мирного труда — лишь доказательство того огромного положительного потенциала, который в нём заложен.

А ещё Алексей — настоящий патриот России. Сколько раз ему делались заманчивые предложения уехать за границу. В Европу, Израиль, в Азию, где его готовы были взять ведущим инструктором в крупные учеб-

ные центры частных охранников, в охранные фирмы. Но он остался в России, выбрал, наверное, самое тяжёлое и неблагоприятное ремесло земледельца и своими руками строил своё будущее...

Он настоящий герой нашего времени. Воин, пахарь, мудрец. Мы стоим в полупустом ангаре, где ещё совсем недавно хранился урожай прошлого года. Теперь под брезентовым тентом лишь бурты семенной элитной пшеницы. Той, которая весной ляжет в землю, чтобы к осени стать новым урожаем. Алексей зачерпывает его ладонью, осторожно, словно пальчики ребёнка, разминает в пальцах...

— А знаешь, что русское зерно кормит Афганистан? Его закупают по линии ООН и вывозят в Афганистан. Может быть, моё зерно... Почему нас до сих пор в Афганистане уважают? Да потому что мы никогда не воевали против народа. Мы не устраивали никаких «крестовых походов» за «модернизацию» ислама, как это делают сегодня американцы. Да, мы сражались с душманами, иногда очень жестоко, но мы всегда видели в афганцах людей, мы всегда были готовы сесть с ними за один стол, разделить хлеб, договориться о мире. Мы строили им школы, электростанции, заводы, завозили хлеб, муку, медикаменты. Мы пытались строить мирную жизнь. И это афганцы помнят...

Я храню в сердце имена всех прекрасных командиров, тех, с кем мне повезло служить и знакомством с кем я горжусь. Генералы Василий Васильевич Приземлин, Владимир Анатольевич Шаманов, Владимир Ильич Молтенской, Валерий Евгеньевич Евтухович, полковник Старов Юрий Тимофеевич — люди, которые очень сильно повлияли на меня. Я помню всех своих солдат.

Я не был «добреньким» командиром — знаю, меня многие солдаты побаивались и за глаза поругивали, но те, кто прошёл со мной войну, уже совсем иначе оценивают мою требовательность и жёсткость. И мне не стыдно никому из моих подчинённых смотреть в глаза. Очень многих из них я искренне люблю и уважаю. На Смоленщине живет рядовой афганской войны Александр Кириенко, награжденный орденами Красной Звезды, Мужества, тремя медалями «За отвагу». Он инвалид. Живется ему непросто. Казалось бы, такие люди должны быть ориентиром для общества. Однако зачастую им тяжело устроиться в мирной жизни...

Я смотрю на золотистую струйку зерна, струющуюся сквозь пальцы, и вспоминаю, как в Бамуте его ладонь тяжело и жёстко лежала на стали «Калашникова», и казалось, автомат — просто продолжение его руки — жёсткой, точной, безжалостной. А вот теперь зерно, сыплющееся на высокий бурт, вдруг смягчило её, сделало какой-то натруженной, крестьянской, основательной, той, которой строят и сеют...

«Россия — великая держава. Невозможно представить её тихими провинциальными задворками Европы. Те, кто видит для неё такое будущее, просто наивны и не понимают ни её энергетики, ни её места в мировой истории. И как бы сегодня кого-то в Европе или за океаном ни корёжило от ненависти к нам, сколько бы нас ни хоронили некоторые «политологи» и «эксперты», Россия поднимается, Россия возрождается. И она может быть только настоящей Империей. Никакой другой России быть просто не может.

Что в будущем? Чем я буду заниматься? Тем, что умею — приносить пользу моей России. Она — моё главное личное дело! А ещё растить детей. У меня три сына, и я хочу, чтобы они обязательно окончили факультет спецназа, стали русскими офицерами, настоящими защитниками России. Я всегда им говорю, что воинская служба — это романтика! И место настоящего мужчины — в армейском строю...»

Полковник ГРУ Иванов Н.П. вручает награды ветеранам спецназа в день ВДВ. 2 августа 2012 г. г. Днепрпетровск

АРМЕЙСКИЙ СПЕЦНАЗ БЫЛ, ЕСТЬ И БУДЕТ!¹

Юрий Тимофеевич СТАРОВ посвятил службе в спецназе ГРУ Вооруженных Сил СССР 30 «календарей». Он один из тех, кто принимал непосредственное участие в формировании этих уникальных войск, кто своей кровью и потом нарабатывал боевую методику разведывательной деятельности в глубоком тылу, формы и способы боевого применения сил и средств, испытывал и внедрял в практику способы выживания в тяжелейших погодных и природных условиях.

В течение 12 лет Юрий Тимофеевич возглавлял спецназовские соединения. С 15 отдельной бригадой специального назначения Старов воевал в Афганистане. История той тяжелейшей войны распорядилась так, что подразделения «пятнадцатой» участвовали во всех наиболее значимых событиях афганского противостояния: от штурма дворца Амина до начала вывода ограниченного контингента войск и завершения операции по выводу Советских войск из Республики Афганистан.

Кавалер двух орденов Боевого Красного Знамени, ордена Красной Звезды, ордена генерала В.Ф.Маргелова, ордена Боевого Красного Знамени Республики Афганистан гвардии полковник Старов считает «афганский» период самым значимым этапом своей воинской службы.

— Армейский спецназ создавался для проведения боевых операций за пределами нашей страны. Если быть точнее, для ведения диверсионных действий по уничтожению ракетно-ядерного оружия вероятного противника (на огневых позициях, при совершении марша), разведки и уничтожения так называемых ядерно-минных «поясов», организации партизанских отрядов и партизанских движений, проведения диверсий в глубоком тылу противника, а также решения других специальных задач.

Во фронтовом комплекте всех военных округов имелись отдельные бригады специального назначения, которые решали задачи в интересах фронта на театре военных действий, а группы спецназ готовились к проведению спецмероприятий на конкретных объектах.

Каждый разведчик, каждая группа знали свою задачу досконально. Солдаты и сержанты, не говоря уже о прапорщиках и офицерах, тщательно изучали разведывательные признаки объектов и боевой техники. Ни один

¹ Старов Юрий Тимофеевич, командир 3 гв., 10 и 15 обрСпН, впоследствии сотрудник ГРУ ГШ ВС СССР.

перекур не обходился без блиц-опросов, когда командиры и подчиненные экзаменовали друг друга на знание знаков различия, эмблем, особенностей местности, тактико-технических характеристик и разведывательных признаков вероятного противника! Люди свято верили в правоту своего дела и гордились принадлежностью к специальной разведке — элите Вооруженных Сил СССР.

— *Как я понимаю, со многим сталкивались впервые. До вас же подобные задачи решать не доводилось никому?* Юрий Тимофеевич, создание спецназа ГРУ было делом новым. У военных не было соответствующего опыта, поскольку подобные задачи им решать еще не доводилось. Как проходило становление спецназа?

— Развитие спецназа проходило постепенно. Вначале создавались отдельные роты, батальоны и отдельные отряды, а потом на их основе формировались отдельные специальные бригады. Соблюдалась строжайшая секретность, на первом этапе даже в ношении военной формы одежды... Стоит рядом артиллеристский полк — мы тоже одеты в форму артиллеристов. Конечно, кто понаблюдательней, тот задавался вопросом: «Зачем артиллеристам прыгать по ночам с парашютом?». Но все эти «наблюдения» лежали лишь в плоскости догадок. Были мы и «летчиками», и «танкистами», и «военными строителями». До Афганистана о нашем существовании знали единицы, да и то в самых «верхах». Ко многому мы приходили сами. Своими ногами топтали сотни километров, моделировали ситуации, а потом пытались найти наиболее оптимальные выходы из них. На этом опыте и писались впоследствии инструкции, методички, уставы, справочники по выживанию. Сами придумывали и строили «Тропу разведчика», испытывали обувь и обмундирование. А какие специалисты были у нас! Отбирали «поштучно» из числа вчерашних таежников, охотников, спортсменов. Требуется, например, в бригаду 200 человек — заказываем в военкоматах 800. И все равно, бывало, не хватало. Приходилось повторно добирать.

— *Насколько отличался курс подготовки подразделений спецназа от общевойсковой подготовки?* В чем была ее особенность?

— Учебных предметов у нас было очень много: минно-подрывное дело, военная топография, воздушно-десантная, огневая, военно-медицинская, автомобильная, морская, горная подготовка и многое-многое другое. Программа была продумана до мелочей. Один предмет естественным образом наслаивался на другой. Поэтому материал усваивался очень хорошо. Особое внимание уделялось идеологической подготовке. И это было правильно. Человек должен был ясно понимать, за что он будет воевать и, возможно, отдаст свою жизнь. Первостепенное значение уделялось физи-

ческой подготовке. Ребята имели по 5-6 «первых» разрядов. Вторым и третьим по значимости, и эту последовательность подтвердила война в Афганистане, шли военная медицина и военная топография. На первый взгляд странно слышать такие слова от командира боевой бригады. Логичнее воспринимались бы слова о приоритетности боевой подготовки, навыков рукопашного боя. Но, как показывала практика, знание приемов единоборств главным образом добавляло психологической уверенности. В реальной же схватке в ход шла каска, граната, камень — все, что было под рукой. Основные же потери — до 60 процентов — подразделение несло потому, что своими силами не могло оказать раненым доврачебную помощь. Поэтому наши доктора ходили в бой с каждой группой, отлично знали курс первой медицинской помощи и сами разведчики. Военная топография — вообще святое дело для спецназовца. Зная ее, можно существенно сократить время поиска объекта, сберечь силы и средства для решающего броска. Ведь тот же «першинг» на болоте стоять не будет. В рамках тактико-специальной подготовки отрабатывались действия групп и подразделений специального назначения в глубоком тылу вероятного противника. Рассчитывать можно только на свои силы. И это было краеугольным камнем всего курса подготовки. Естественно. Многочему приходилось учиться на практике. Своими ногами топтали сотни километров, моделировали ситуации, а потом пытались найти наиболее оптимальные выходы из них. На собственном опыте и опыте Великой Отечественной войны впоследствии издавались инструкции, методики, уставы, справочники по выживанию и др. Сами придумывали и строили «Тропу разведчика», испытывали специальное вооружение, обувь и обмундирование.

Умение работать самостоятельно, несмотря на трудности, формировало крепкие характеры настоящих отчаянных парней. Еще в 60-70 годы в спецназе появилось словечко «рекс» как характеристика высшего профессионализма военнослужащего, и таких мастеров у нас было много.

— А можно хотя бы в общих чертах рассказать, как действовала, к примеру, боевая группа?

— Группа — это полтора десятка, с усилением до 20 человек. Повторяю, она идет в тыл противника одна. Доставка осуществлялась по воздуху, земле, морем. В составе группы — командир, его заместитель, разведчики, радиотелеграфисты, стрелки, минеры, врач, в случае необходимости переводчик. Был в группе и свой повар, и боец, метавший гранату за 60 метров, и снайпер, который, как говорят, бил белку в глаз.

Обмундирование у группы особое. С собой — высококалорийный паек и специальные виды оружия.

Командир — бог, царь и воинский начальник. Он — думает, он принимает решения. У него — полный карт-бланш, а также огромное уважение и доверие подчиненных.

Возьмем, к примеру, поиск мест размещения упомянутого «першинга». Десантировали группу на парашютах в нескольких десятках километров от объекта разведки. В район разведки группа выдвигается скрытно, с соблюдением мер безопасности и маскировки. В самом районе организуется охранение. Командир открывает карту, все садятся кружочком и начинают анализировать: там, где топи — «першинга» не будет. Если высота склона более 30 градусов, в этом месте тоже его не поставишь, потому как техника не пройдет. И так далее... После подобных исключений остаются 3–4 района особого внимания. Делимся на группы. Каждая убывает в свой район. После проведения разведки района разведывательные дозоры встречаются в назначенных пунктах встречи. Командир оценивает полученную информацию, принимает решение и докладывает выводы в Центр.

Связь осуществлялась на коротковолновых радиостанциях. Назначались обязательные сеансы, но оставалась возможность связываться с командованием и при необходимости на частотах дежурного приема.

— *Афганистан стал первой практической проверкой выучки спецназа?*

— В масштабах реальных боевых действий — да. На территории Афганистана действовали две отдельные бригады специального назначения. восточная часть республики — зона ответственности 15 бригады, западная — 22 бригады. Отдельная рота спецназа действовала в районе Кабула. В числе основных задач, которые ставились нам командованием 40-й армии, были: уничтожение караванов с оружием и боеприпасами, исламских комитетов, бандитских формирований, отрядов наемников, оказание помощи местному населению, работа по подготовке осведомителей.

Каждый отряд имел свою зону ответственности, и никто лучше командира не представлял обстановки в данном районе. Мы четко знали свою задачу и готовы были выполнить ее в любое время.

При этом, по моему мнению, наше политическое руководство стратегической цели как таковой в этой войне не имело и в принципе не понимало, чем должна закончиться в итоге сама война.

Если бы перед войсками стояла задача овладения всей территорией Афганистана, армия воевала бы совершенно по-другому, и я уверен, что поставленная задача была бы выполнена. Мы же там играли в пинг-понг, только в очень кровавый: получили приказ, захватили какой-нибудь Мира-сул-Баба, находящиеся там склады с оружием и продовольствием и другим

военным имуществом, а потом приходит приказ оставить населенный пункт и вернуться на исходные позиции. Через месяц «наверху» вновь решают овладеть этой Мирасул-Бабой. Но за 4 недели противник уже учел свои ошибки и успел кардинально перестроить оборону. Теперь у них на высотах не по одному ДШК. Теперь они спарены и счетверены, выкатываются на огневой рубеж из укрытий по рельсам. Огневые позиции оборудованы дымоотводами, и выстрела из гранатомета не видно, подступы заминированы...

А спецназ воевал, хорошо воевал, хотя использование подразделения спецназа против иррегулярной армии не предусматривалось. Но именно подразделения специального назначения оказались наиболее приспособленными к ведению боев в условиях горно-пустынной местности. Духи говорили, что их под каждым кустом подстерегает спецназ. Страх перед нами был панический. А значит, там, на полях афганской войны, своей цели мы добились.

— Юрий Тимофеевич, а ведь о засадах спецназа на самом деле ходят легенды: на караван численностью 300 — 400 человек выходили двумя группами...

— Так уж и быть, расскажу немного о наших афганских приемах, хотя, конечно, одна операция на другую совсем не похожа. А было таких операций — сотни...

В своей зоне ответственности мы знали все караванные маршруты. Каждый день на задании находилось до 20-25 групп. Каждые сутки! Помимо этого проводились разведывательно-досмотровые действия на вертолетах. В зоне ответственности бригады караваны шли от пакистанской границы.

Получив разведывательные данные о предстоящем движении каравана, принималось решение на выход группы на реализацию полученной информации. Группа выдвигалась в район предстоящих действий и устраивала засаду на маршруте возможного движения каравана. Для вывода групп использовались вертолеты, броня, автотранспорт. Бывало, просто передевались в «духовскую» форму и уходили на выполнение задания. Для большего эффекта делали даже, как у душманов, «тачанки»: вырезали заднюю часть трофейного автомобиля, заваливали ее боеприпасами, сверху пулемет, и все это прикрывали тентом.

Высадка десанта проходила по особой схеме. Ведь духи знали, что мы можем появиться в любом районе. К слову, афганцы очень хорошие воины и психологи. Чтобы перехитрить их, приходилось работать очень скрытно. Вертолет, за которым обязательно следили чьи-то зоркие глаза, делал не

одну, а 5—6 посадок. Главное — ввести в заблуждение наблюдателей. Если высаживаемся с «брони», то только на ходу. Соскочили, тут же нашли укрытие и лежим до наступления темноты. «Броня» пошла дальше, пропылила, а мы лежали часами. Спецназ — это адский труд. Спецназовцы — чернорабочие войны.

Спустились сумерки — вот тут ножками-ножками по 10-15 километров в район боевых действий. Пришли, рассредоточились, оборудовали стрелково-пулеметные сооружения, определили секторы обстрела и опять ждем.

А человек-то, как бы он ни был ответственен и вынослив, все равно прикорнет. Тем более после многокилометрового марша, да на 60-градусной жаре, когда язык распухает так, что во рту не помещается. На таких ночных бдениях подстраховывали нас «засадные» собаки. Были такие у нас четвероногие друзья. В отличие от минно-розыскных и сторожевых они выполняли одну главную задачу: заслышав караван, подползти (ни в коем случае не в полный рост) и разбудить бойцов. Собаки эти лаять не умели. Поэтому будили ребят, ухватив мягко за рукав, тихо рыча.

...И вот идет караван. Впереди него — разведка. Бывает пешая, бывает, конная. Передовой дозор осматривает каждую кочку, каждый кустик. Только когда к намеченному месту подтягивается весь караван, начинает работать спецназ. И здесь надо отметить еще одну особенность. Даже притом, что у группы имелось все необходимое вооружение для уничтожения каравана, своего боезапаса хватало бы на 15-20 минут полноценного боя. Ну, если очень грамотно выстроить засаду, максимум на час. Поэтому одна из главных задач, которую мы учили решать разведчика, — уметь использовать в бою то оружие, которое находится в караване. Боеприпасы, минно-взрывные средства, оружие — там его в достатке. Забили первого «выюка» — вперед, подпитались всем необходимым и воюем дальше.

Но и бесконечно противостоять превосходящим силам противника тоже невозможно. Поэтому при организации взаимодействия на период боевых действий предусматривается дежурная пара боевых вертолетов, которая находится в постоянной готовности, артиллерия, а при необходимости и фронтовая авиация, а также несколько групп на «броню». Как только завязался бой, резервы выдвигаются к месту боя и поддерживают группу огнем. Авиация, если того требовала обстановка, «укладывала» ракеты метрах в 60 от группы. А вертолетчики снайперским огнем поражали даже отдельные цели.

Согласно предписаниям свыше, все караванное добро необходимо было доставить в пункты постоянной дислокации и представить детальный отчет о результатах боевых действий. На слово нам верить не хотели. И мины, и боеприпасы, и громоздкое вооружение — все надо было привезти, что

было не совсем оправданно. Случалось, когда все это «хозяйство» взрывалось, гибли люди...

— Я много могу рассказать, что вы слышите первый раз, но это будет неправильно. Сегодня статья выйдет, а завтра о ней будет знать су-
постат, и нашим же оружием будет бить нас. Любая утечка информации
завтра может обернуться пролитой кровью. Так что к моей повествователь-
ной «скупости» отнеситесь с пониманием. У каждого есть свои хитрости,
свои наработки, о которых чужие знать не должны. А собачки наши — это
настоящее чудо. Они столько жизней спасли...

— *Юрий Тимофеевич, об операциях, проводимых спецназом, ходили легенды: небольшой группой вы могли отбить караван с оружием численностью 300 — 400 человек... После Афганистана спецназу пришлось пройти горнило еще одной войны — Чеченской. К моменту начала первой контртеррористической операции вы уже ушли в запас, сами участия в боевых действиях не принимали, но, уверен, ситуацией владе-
ли прекрасно. Что можете сказать о действиях спецназовцев на Северном Кавказе?*

— Спецназ отработал в Чечне выше всех похвал. Люди воевали не за страх, а за совесть. И это не только мое мнение. Другое дело, что нашим ребятам зачастую не давали воевать. Возьмем «поиски» того же Басаева. В начале первой кампании ко мне приходил мой офицер, прекрасно воевавший со мной в Афганистане, со словами: «Юрий Тимофеевич, мы точно знали, где находится Басаев. Можем доставить хоть завтра, живым, мертвым, по частям, как угодно. Даем запрос, а ответа нет...». Эта «вата», ох, как мешала нашим ребятам.

А взять захват Первомайского. По рассказу одного из участников событий, там один из флангов прикрывала группа спецназа. Эти ребята за одну ночную вылазку уничтожили большое количество «радуевцев». Через несколько дней остатки этой банды начали выходить из окружения и «почему-то» именно через эту группу. И «почему-то» в этот момент на флангах у нашей группы не оказалось ни одного другого воинского подразделения. В результате из всей группы в живых осталось несколько человек... Это — что? Как это называется?

...О бездарности Паши Грачева не говорил только ленивый. Одним полком за 6 часов взять Грозный, как планировал Грачев, это — дурь несусветная. Так же, как и приказать спецназу брать штурмом Грозный.

Я скажу вот что: для этого не нужны никаких министров, крупных военачальников. Дайте власть командиру дивизии или даже бригады, дайте ему возможность воевать, и там будет порядок. Сейчас в Чечне действуют

подразделения МВД, ФСБ, ГРУ, части действующей армии и подразделения так называемой чеченской армии, какие-то «президентские полки» и «гвардии». А взаимодействия — нет. И это, поверьте мне, хуже, чем вообще никого там не иметь. Нужен один военачальник, которому подчиняются все без исключения. Без слаженного четкого взаимодействия невозможно выиграть ни одного боя, ни одну кампанию. А умение организовать четкое взаимодействие — это талант.

— Скажите, а насколько сегодня в правовом отношении защищены люди, которым по долгу службы приходится решать боевые задачи? Ведь то и дело читаешь: вот офицера судят за «преднамеренное убийство», вот целое подразделение грязью поливают...

— Надо обязательно и очень активно работать в этом направлении, привлекая лучшие юридические силы страны. Преступление оправданию не подлежит. Это не должно подвергаться сомнению. Но ведь от героизма до преступления — один шаг. Если ты на поле боя убил 20 боевиков — ты герой. А если с ножом в синагоге лютуешь — преступник.

Раньше у нас были Уставы Вооруженных Сил СССР, утвержденные Президиумом Верховного Совета и имевшие силу закона. Подобные Уставы и документы, наделенные реальной юридической силой, нужны и сегодня. Человек в погонах должен быть защищен и социально, и юридически, и морально.

— Тем не менее, в стане наших вероятных партнеров постоянно идут какие-то шевеления. А у нас одно время ряд «доброжелателей» вообще хотел упразднить армейский спецназ...

— Были такие заявления. Им и Вооруженные Силы, оказывается, были не нужны. Видите ли, «холодная война» закончилась, врагов у России больше нет. Неправда все это! Те же американцы спят и видят нашу страну увядающей. Сильная Россия ни США, ни НАТО не нужна. Равно как и сильные республики бывшего Союза. В Узбекистане кто сегодня стоит? Американцы. В Таджикистане? В Киргизии? В Грузии? Не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую. Этот постулат неоднократно доказывался временем. Очень прискорбно, что наши соседи не могут, а точнее сказать, не хотят это понять.

— Юрий Тимофеевич, мы сегодня говорим об армейском спецназе. В советское время «младших» братьев у него не было. А сегодня практически у каждого силового ведомства есть свой спецназ. Есть спецподразделения в тех же внутренних войсках, в МВД, ГУИНе... Как вы считаете, это правильно?

— Неправильно. Спецназ должен быть один. Когда тащат под нашу

марку другие особые подразделения, мимоходом выхолащивается суть спецназа. В ведомственных спецподразделениях служат прекрасные люди, высокопрофессиональные специалисты, и нельзя ставить несвойственные для их вида деятельности задачи. Каждый должен заниматься своим делом.

В любом случае, само понятие «спецназ» нельзя подменять. Надо не расплыться, а сохранить все то лучшее, что накоплено нашими подразделениями более чем за полвека. В конечном итоге славное знамя спецназа все равно нести спецназу Вооруженных Сил. Армейский спецназ был, есть и будет!

Ветеран 15 бригады полковник Артемов Ю.А. с министром обороны РФ генералом армии Шойгу С.К. на встрече ветеранов спецназа ГРУ и ВДВ. г. Москва. 2013 г.

Приложение 1

**СПИСОК
КОМАНДНОГО СОСТАВА 154 ооСпН
ЗА ПЕРИОД С 1979 ПО 1989 гг.**

КОМАНДИРЫ ОТРЯДА			
№	В. звание	Фамилия имя и отчество	Период командования
1.	майор	ХОЛБАЕВ Хабибджан Таджибаевич	5. 1979-8. 1981 гг.
2.	майор	КОСТЕНЮК Николай Михайлович	8. 1981-10. 1981 гг.
3.	майор	СТОДЕРЕВСКИЙ Игорь Юрьевич	10. 1981-11. 1983 гг.
4.	майор	ОЛЕКСЕЕНКО Василий Иванович	11. 1983-2. 1984 гг. снят с должности
5.	майор	ПОРТНЯГИН Владимир Павлович	2. 1984-11. 1984 гг. убыл по ранению
6.	майор	ДЕМЕНТЬЕВ Алексей Михайлович	11. 1984-8. 1985 гг. убыл на вышестоящую должность замкомбрига 15-й.
7.	майор	АБЗАЛИМОВ Рамиль Каримович (В Афганистане служил трижды в 1979-1980; 1984-1985 гг. и в 1985-1986 гг.)	8. 1985-10. 1986 гг.
8.	майор	ГИЛУЧ Владислав Петрович	10. 1986-11. 1987 гг. убыл командиром 334 ооСпН в Асадабад, где служил до вывода в Союз в мае 1988 г.
9.	майор	ВОРОБЬЕВ Владимир Федорович	11. 1987-6. 1988 гг.
10.	майор	КОЗЛОВ Юрий Вячеславович	6. 1988-9. 1990 гг.
11.	майор	ЕФИМЕНКО Анатолий Николаевич	9. 1990-9. 1991 гг.
12.	майор	СВИРИН Валерий Михайлович	9. 1991-9. 1992 гг.
13.	майор	ВОРОНЦОВ Сергей Анатольевич	9. 1992-12. 1994 гг.
ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ОТРЯДА			
№	В. звание	Фамилия имя и отчество	примечание
1.	капитан	САХАТОВ Мурад Таймасович	Награжден орденом Ленина
2.	капитан	ШАРИПОВ Владимир Салимович	Награжден орденом Ленина
3.	капитан	ПОСОХОВ Вячеслав Николаевич	Награжден орд. Красного Знамени и Красной Звезды
4.	капитан	ХУДИН Евгений Иванович	Снят с должности и отправлен нач. ПДС 15 обрСпН

5.	капитан	АБЗАЛИМОВ Рамиль Каримович	Награжден 2 орд. Красной Звезды и орденом «За службу Родине в ВС» 3 ст.
6.	капитан	ЛЮТЫЙ Дмитрий Евгеньевич	Ранен. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст.
7.	майор	ФРЕЗЕ Василий Рольфович	Награжден орд. Красного Знамени и 2 Красной Звезды
8.	капитан	КОЗЛОВ Юрий Вячеславович	Награжден орд. Красного Знамени и 2 Красной Звезды, медалью «За отвагу»
НАЧАЛЬНИКИ ШТАБА ОТРЯДА			
1.	капитан	АШУРОВ Абдулкасым Мамадалиевич	Награжден орд. Красной Звезды
2.	Ст. л-нт	ЕРШОВ Сергей Николаевич	Ранен. Награжден орд. Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги»
3.	капитан	АХМЕТОВ Равиль Мусаевич	Награжден орд. Красной Звезды
4.	капитан	БЫКОВ Григорий Васильевич	Награжден орденом Красной Звезды
5.	капитан	ЛЮТЫЙ Дмитрий Евгеньевич	Ранен. Награжден орд. Красного Знамени и Красной Звезды
6.	капитан	ПЕТУНИН Анатолий Анатольевич	Ранен. Награжден орд. Красного Знамени и Красной Звезды
7.	майор	КОНДРАТЬЕВ Валерий Фридрихович	Ранен. Награжден орд. Красного Знамени и Красной Звезды
8.	Майор	САМСОНОВ Юрий Николаевич	Награжден 2 орд. Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги»
ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ			
№	В. звание	Фамилия имя и отчество, с какого времени	примечание
1.	капитан	САТТАРОВ Анвар Саттарович, с мая 1979 г.	Ранен. Награжден орд. Красного Знамени
2.	майор	ВОРОНОВ Владимир Николаевич, с мая 1980 г.	Награжден орд. «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст.
3.	майор	ГАВРИЛОВ Виктор Иванович, с апреля 1983 г	Убыл по болезни
4.	капитан	ПИНЧУК Николай Гаврилович, с февраля 1984 г.	Снят с должности за потери личного состава
5.	капитан	ЧИЧАГИН Анатолий Николаевич, с мая 1984 г.	Убыл по болезни
6.	майор	Петров Сергей Александрович, с октября 1984 г	Снят с должности

7.	капитан	ПАРАМОНОВ Василий Георгиевич, замполит роты спецназ, парторг отряда, с 10.12.1984 - 8.10.1985гг. зам. ком. 154 отряда по политчасти	Награжден 2 орд. Красной Звезды и орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст.
8.	капитан	ГУЛЕВИЧ Александр Дмитриевич с 8 октября 1985г.	Награжден 2 орд. Красной Звезды
9.	Ст. л-нт	БАЯНДИН Василий Николаевич с 8 марта 1987г.	Награжден орд. Красной Звезды. Снят с должности
10.	майор	КЛОКОВ Владимир Иванович с декабря 1987г. , (ветеран спецназа - начинал службу зклч 792орСпН ЗОА ГСВГ)	Награжден орд. Красной Звезды
ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ПО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТИ			
№	В. звание	Фамилия имя и отчество	примечание
1.	капитан	ИБРАГИМОВ Эдуард Нариманович	Награжден орд. Красная Звезда
2.	капитан	НИЯЗАЛИЕВ Бахтияр Анарметович	Награжден 2 орд. Красной Звезды
3.			
4.	капитан	АРХИПОВ Александр Васильевич	
5.	майор	УТЮГАНОВ Александр Николаевич	
6.	майор	ГЛАДКОВ Александр Иванович	Награжден орд. Красной Звезды
ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ПО ТЫЛУ			
1.	майор	ДЖАЛИЛОВ Джуробай	Награжден орд. Красная Звезда
2.	майор	СУХАНОВ Сергей Николаевич	Снят с должности
3.	капитан	ЧАНАЕВ Иван Викторович	
4.	майор	ТРОШИН Владимир Николаевич	Награжден орд. Красной Звезды
5.	майор	НИКОНЕНКО Владимир Иванович	Награжден орд. Красной Звезды
КОМАНДИРЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОТРЯДА 1 роты спецназ			
1.	капитан	Кудратов Исмет Суннатович	Награжден орд. Красного Знамени
2.	Ст. л-нт	Рукавишников Сергей Александрович	
3.	Ст. л-нт	Волчецкий Александр	Награжден орденом «За службу Родине в ВС»
4.	Ст. л-нт	Самойлов Алексей Павлович	Награжден орд. Красной Звезды
5.	Ст. л-нт	Маркушев Владислав Алексеевич	Награжден орд. Красной Звезды

6.	Ст. л-нт	Воинов Александр Викторович	умер
7.	капитан	Бабко Валерий Владимирович	Погиб 10. 7. 84
8.	капитан	Иванов Зурико Амирович	В 1999 г. в Чечне взят в плен и казнен отчленением головы, Герой РФ (посмертно), полковник
9.	капитан	Лютый Дмитрий Евгеньевич	Награжден орд. Красной Звезды
10.	капитан	Турков Алексей Валентинович	Погиб 19. 09. 85
11.	капитан	Мартьянов Олег Викторович	Награжден орд. Красной Звезды
12.	майор	Кухтин Александр Николаевич	Переведен ОД на ЦБУ
13.	капитан	Козлов Юрий Вячеславович	Награжден орд. Красной Звезды
14.	капитан	Нурасул-Магомедов	В ДРА служил 2 раза
15.	капитан	Борозинец Виктор Викторович (досрочно два воинских звания).	Награжден орд. Красного Знамени, Красной Звезды.
2 рота спецназ			
1.	Ст. л-нт	Амангельдыев Курбандурды Мередович	Награжден орд. Красной Звезды
2.	Ст. л-нт	Войтенко Николай Николаевич	Награжден орд. Красной Звезды
3.	Ст. л-нт	Серяков Владимир Дмитриевич	
4.	капитан	Кондратьев Валерий Фридрихович	Награжден орд. Красной Звезды
5.	капитан	Аракчеев Юрий Владимирович	Награжден орд. Красной Звезды
6.	капитан	Черемискин Андрей Николаевич	Награжден орд. Красного Знамени
7.	капитан	Керсов Алексей Николаевич	Награжден орд. «За службу Родине в ВС»
8.	Ст. л-нт	Клименко Сергей Анатольевич	Награжден орд. Красной Звезды
3 рота спецназ			
1.	Ст. л-нт	Шарипов Владимир Салимович	Награжден орд. Ленина
2.	Ст. л-нт	Кононов Александр Александрович	
3.	Ст. л-нт	Ко Лоренд Давыдович	Награжден орд. Красной Звезды
4.	Ст. л-нт	Частухин Олег Николаевич	Награжден орд. Красной Звезды
5.	Ст. л-нт	Якименко Валерий Павлович	Погиб 23. 7. 1983 г.
6.	Ст. л-нт	Ахметов Равиль Мусаевич	Награжден орд. Красной Звезды
7.	Ст. л-нт	Маркушев Владислав Алексеевич	Награжден орд. Красной Звезды
8.	Ст. л-нт	Поддубный Сергей Николаевич	Награжден орд. Красной Звезды
9.	Ст. л-нт	Зинченко Сергей Иванович	Награжден орд. Красной Звезды

10.	Ст. л-нт	Турсунбаев Игорь Владимирович	Погиб 12.2. 1985г.
11.	Ст. л-нт	Ветров Александр Николаевич В ДРА служил дважды	Награжден орд. Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу РВС СССР» 3 ст.
12.	капитан	Пархоменко Николай Васильевич	Награжден орд. Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».
13.	Ст. л-нт	Гончаренко Сергей Николаевич	
4 рота минирования			
1.	Ст. л-нт	Мирусупов Миркасым Миргуланович	Награжден орд. Красной Звезды
2.	Ст. л-нт	Якименко Валерий Павлович	Награжден орд. Красной Звезды
3.	Ст. л-нт	Частухин Олег Николаевич	Награжден орд. Красной Звезды
4.		Земский Николай	
5.	Ст. л-нт	Волчецкий Александр Иванович	Награжден орд. «За службу Родине в ВС «
6.	Ст. л-нт	Рукавишников Сергей Александрович	Награжден орд. Красной Звезды
7.	Ст. л-нт	Доманин Владимир Владимирович	Умер в госпитале от брюшного тифа
8.	Ст. л-нт	Бондарев Валерий Евгеньевич	Погиб 29.11.1986 г.
9.	капитан	Хиценко Виктор Григорьевич	Награжден орд. Красной Звезды
10.	капитан	Кирилин Александр Ефремович	Награжден орд. Красной Звезды
11.	капитан	Бакиев Раим Абдуллаевич	Награжден орд. Красной Звезды
5 рота материального обеспечения			
1.	Ст. пр-к	Рахимов Асрор	
2.	Майор	Лисовой	
3.	капитан	Фомин Николай Иванович	Награжден ор. Красной Звезды
4.	капитан	Свиридов Сергей Иванович	Награжден орд. Красной Звезды
Зенитно-артиллерийская группа ЗСУ-23-4 «Шилка»			
1.	Ст. л-нт	Праута Василий Максимович	Награжден орд. Ленина
2.	Ст. л-нт	Фадеев Станислав Филиппович	Награжден орд. Красной Звезды
3.	Ст. л-нт		
4.	Ст. л-нт		
5.	Ст. л-нт		
6.	капитан	Никонов Олег Григорьевич	Начальник ОРНР
7.	Ст. л-нт	Миняк Николай Петрович	Начальник ОРНР
Группа связи			
1.	Капитан	Бердыев Рашид Меджитович	Награжден орд. Красной Звезды
2.	Ст. л-нт	Мирсаатов Ю. М.	
3.	Ст. л-нт	Домрачев В. В.	Награжден орд. Красной Звезды
4.	капитан	Пивсаев	Награжден орд. Красной Звезды
5.	Ст. л-нт	Копылов Василий	Награжден орд. Красной Звезды

6.	капитан	Иванов	Награжден орд. Красной Звезды
7.	капитан	Костин	Награжден орд. Красной Звезды
Медицинский пункт			
1.	капитан	Артыков Абдыресул Бехбитович	Награжден орд. Красного Знамени
2.	Ст. л-нт	Дубровка Александр Павлович	Награжден орд. «За службу Родине в ВС» 3 ст.
3.	Ст. л-нт	Бегишев Эльгизер Федорович	Погиб 6. 09. 1983 г. Награжден орд. «За службу Родине в ВС» 3 ст
3.	Ст. л-нт	Саруханов Юрий Иванович	Награжден орденом
4.	Лейтенант	Лапин Александр Николаевич	Ранен, Награжден орд. Красного Знамени, Красной Звезды
5.	Ст. л-нт	Куламов Сергей Александрович	Награжден орд. Красной Звезды
6.	Ст. л-нт	Яковлев Вячеслав Владимирович	Награжден орд. «За службу Родине в ВС» 3 ст.
ЗНШ-НАЧАЛЬНИКИ РАЗВЕДКИ			
1.	капитан	Джамолов Ашур	Награжден орд. Ленина
2.	Ст. л-нт	Скирта Игорь Константинович	Награжден орд. Красной Звезды
3.	Ст. л-нт	Иванов Александр Владимирович	Награжден медалью «За отвагу»
3.	Ст. л-нт	Васильев	Награжден орд. Красной Звезды
4.	Лейтенант	Хаев Александр	Награжден орд. Красной Звезды
5.	Ст. л-нт	Ветров Александр Николаевич	Награжден орд. Красной Звезды
6.	капитан	Петунин Анатолий Анатольевич	Награжден орд. Красной Звезды
7.	Ст. л-нт	Особенко Вадим Викторович	Награжден орд. Красного Знамени, Красной Звезды
8.	Ст. л-нт	Авдеев Евгений	Награжден орд. Красной Звезды

УБЫТИЕ В АФГАНИСТАН

«СЕКРЕТНО»

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 0250 КОМАНДИРА 15-Й ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

9 декабря 1979 года

г. Чирчик

<...>4.7. Считать убитыми в загранкомандировку следующий личный состав 7-го отряда:

1. Майора Холбаева Х.Т.
2. Капитана Сагтарова А.
3. Капитана Ибрагимова Э.Н.
4. Майора Джалилова Д.
5. Капитана Ашурова А.М.
6. Ст. лейтенанта Байхамбаева М.К.
7. Ст. лейтенанта Джамолова А.
8. Капитана Бердыева Р.М.
9. Ст. лейтенанта Джумаева А.А.
10. Ст. лейтенанта Камбарова И.К.
11. Ст. лейтенанта Рашидова А.Г.
12. Прапорщика Умарова К.
13. Капитана Кудратова И.С.
14. Лейтенанта Хусаинова М.О.
15. Прапорщика Косымова Т.К.
16. Прапорщика Курязова А.
17. Рядового Дадажоновна М.М.
18. Рядового Оразова Х.
19. Мл. сержанта Миралова Т.
20. Мл. сержанта Кодирова Т.
21. Ст. лейтенанта Туркманова М.
22. Прапорщика Бабаджанова Ю.М.
23. Мл. сержанта Мирзоева А.М.
24. Рядового Жураева А.И.
25. Ефрейтора Мунисхонова Т.
26. Рядового Латипова К.И.
27. Рядового Хусайнова И.И.
28. Рядового Алимова У.А.
29. Рядового Баратова П.С.
30. Рядового Рахимова И.Б.
31. Рядового Позилова У.М.
32. Мл. сержанта Юлдашева А.Х.
33. Рядового Юнусова Б.Б.
34. Рядового Саидова А.Ю.
35. Рядового Нурбердиева Б.Д.
36. Рядового Тожибоева Х.Х.
37. Рядового Зокирова Р.М.
38. Рядового Мирзаева Б.А.
39. Рядового Давлатова А.
40. Мл. сержанта Урунова М.Х.
41. Рядового Журабекова Т.С.
42. Ефрейтора Аминова А.М.
43. Рядового Шотурсунова А.Х.
44. Рядового Мадиярова З.Г.
45. Рядового Данаева Х.Д.
46. Рядового Гофарова М.Д.
47. Рядового Мансурова С.Х.
48. Рядового Байрамова Н.
49. Мл. сержанта Кушматова М.
50. Рядового Норбутаева М.А.
51. Рядового Расульметова К.М.
52. Рядового Мурадова Х.К.
53. Рядового Холова М.М.
54. Рядового Назарова Ш.Я.

55. Рядового Солиева Х.А.
56. Рядового Ходжаева Ш.
57. Рядового Усмонова М.М.
58. Лейтенанта Турсункулова Р.Т.
59. Прапорщика Жуматова Б.
60. Сержанта Мамедова Д.П.
61. Рядового Вохидова А.А.
62. Рядового Нугматова А.Р.
63. Рядового Эргашева Н.Г.
64. Рядового Мельтикова Д.К.
65. Рядового Розмухамедова Б.
66. Ефрейтора Рахматуллаева И.Н.
67. Рядового Каримова Ш.Б.
68. Рядового Ниёзалиева А.Г.
69. Мл. сержанта Усмонова Н.А.
70. Рядового Курбаназарова Р.
71. Рядового Рахмонова М.Н.
72. Рядового Бекмуродова М.С.
73. Рядового Усмонова З.Т.
74. Рядового Алимова М.И.
75. Рядового Бабилова М.У.
76. Рядового Гораева Д.
77. Рядового Исакова Х.М.
78. Мл. сержанта Султонова Р.Х.
79. Рядового Хусейнова М.Э.
80. Рядового Абдукодинова И.Ю.
81. Рядового Гофурова А.Д.
82. Рядового Мирова Н.Г.
83. Рядового Арзиметова Б.С.
84. Рядового Полвонова С.Б.
85. Рядового Кучорова К.Р.
86. Рядового Раскулова А.С.
87. Сержанта Холиμβетова А.
88. Рядового Абдурозикова Р.С.
89. Рядового Ахмедова С.
90. Рядового Рахимова М.С.
91. Рядового Бердимуродова Д.
92. Рядового Гулова Д.Б.
93. Рядового Шорахимова Х.А.
94. Рядового Мухиддинова С.Г.
95. Рядового Хуррамова Б.М.
96. Ст. лейтенанта Абдуллаева А.С.
97. Прапорщика Норова Д.
98. Мл. сержанта Умарова С.Х.
99. Рядового Ишанова М.
100. Рядового Ортикова Б.М.
101. Рядового Айлиева О.М.
102. Рядового Жүраева М.Б.
103. Рядового Акбарова Т.Ж.
104. Рядового Абдурахмонова М.М.
105. Рядового Жүраева Р.Я.
106. Рядового Рахматова А.А.
107. Мл. сержанта Гордикова А.С.
108. Рядового Бобожонова Э.Б.
109. Рядового Акмухамедова М.
110. Рядового Мамишева Д.А.
111. Рядового Расулова Х.Ю.
112. Рядового Сайфутдинова А.Э.
113. Рядового Норбоева Ж.А.
114. Рядового Шодурдиева Т.
115. Рядового Озимова Ю.Т.
116. Мл. сержанта Ражабова И.А.
117. Рядового Махмудова Б.Д.
118. Рядового Пулатова Н.М.
119. Рядового Абдуразакова А.А.
120. Рядового Худабердиева А.А.
121. Рядового Сатиболдиева З.М.
122. Рядового Богодирова А.А.
123. Рядового Веллан Б.Т.
124. Рядового Махмудова И.А.
125. Мл. сержанта Ходиева Д.Б.
126. Рядового Байрамова С.Б.
127. Рядового Элжонина С.С.
128. Рядового Азимуродова С.Н.
129. Рядового Жапарова К.К.
130. Рядового Холназарова А.О.
131. Рядового Атаева А.С.
132. Рядового Белалова М.М.
133. Рядового Сунумурзаева Р.М.
134. Рядового Ахмедова С.Ю.
135. Рядового Муродова А.Ш.
136. Ст. л-нта Амангельдыева К.М.
137. Лейтенанта Косымова С.С.
138. Прапорщика Мусаева А.И.
139. Прапорщика Ибодуллаева Г.
140. Сержанта Ибрагимова Х.А.
141. Рядового Насулоева К.Х.
142. Лейтенанта Нуритдинова М.С.
143. Мл. сержанта Якубова Б.И.
144. Рядового Алматова В.Х.
145. Рядового Урунова Р.Т.
146. Рядового Холматова М.Э.
147. Рядового Хайтова И.К.
148. Рядового Султонова Х.Р.

149. Рядового Абдурахмонова Р.
150. Рядового Рахматуллаева А.
151. Рядового Бобалиева Л.О.
152. Мл. сержанта Шукурова М.
153. Рядового Атагельдиева Г.
154. Рядового Оразгельдиева Г.
155. Рядового Курбанова И.М.
156. Рядового Нуриева К.Г.
157. Рядового Сапарова Ж.У.
158. Рядового Тешабоева А.П.
159. Рядового Азимова Р.Ш.
160. Рядового Каратаева И.Д.
161. Мл. сержанта Жалилова А.
162. Рядового Сапаева А.Я.
163. Рядового Абдуллаева Р.Х.
164. Рядового Ташлиева С.
165. Рядового Суюнкулиева А.М.
166. Рядового Бобожонова Ф.С.
167. Рядового Сафарова М.С.
168. Рядового Гонбова Н.Х.
169. Рядового Жураева Н.Н.
170. Рядового Бобожонова Э.Х.
171. Рядового Шарипова Б.И.
172. Рядового Имомова М.А.
173. Рядового Курбанова И.М.
174. Рядового Косимова А.А.
175. Рядового Кодирова А.Д.
176. Рядового Досова А.Г.
177. Рядового Набиева А.Д.
178. Лейтенанта Ахмедова М.
179. Прапорщика Худайбердыева А.А.
180. Сержанта Якубова Б.Э.
181. Рядового Шеранова Ш.Б.
182. Рядового Жураева Т.Т.
183. Рядового Юлибаева Ф.
184. Рядового Рахматова К.Р.
185. Рядового Бурхонова Р.Ю.
186. Рядового Абдуллаева Н.В.
187. Рядового Воламедова В.
188. Рядового Мамадалиева М.
189. Мл. с-та Мухамаджанова А.
190. Рядового Алгулиева А.А.
191. Рядового Вапаева Ш.Ш.
192. Рядового Ахмедова Н.У.
193. Рядового Абдуллаева С.К.
194. Рядового Расулова Х.Б.
195. Рядового Аналиева А.М.
196. Рядового Юлдашева Р.Р.
197. Рядового Меликова Б.
198. Рядового Очилова А.О.
199. Сержанта Азамова А.А.
200. Мл. сержанта Каримова Н.
201. Рядового Хусанова М.К.
202. Рядового Ганиева А.В.
203. Рядового Атаева И.И.
204. Рядового Носирова К.Ж.
205. Рядового Абилова М.Ю.
206. Рядового Ибрагимов К.
207. Мл. сержанта Тошкенбоева А.
208. Рядового Дултаева Р.Б.
209. Ефрейтора Уралова М.В.
210. Рядового Мирзаева Ш.Э.
211. Рядового Ахмадалиева Р.О.
212. Рядового Нурматова А.Р.
213. Рядового Абдуллаева Ш.Р.
214. Ефрейтора Алматова Т.Т.
215. Рядового Ахмедова Д.
216. Ст. лейтенанта Маматкулова Г.Ю.
217. Прапорщика Шамиева Д.
218. Мл. сержанта Мордиева А.
219. Рядового Ражабова М.
220. Рядового Эралиева И.И.
221. Рядового Овезова М.Х.
222. Рядового Нурматова Б.И.
223. Рядового Аннагельдиева Р.
224. Рядового Холматова М.А.
225. Рядового Норбоева А.М.
226. Рядового Зайдулаева Ю.
227. Мл. сержанта Исмоилова И.
228. Рядового Косимова М.Х.
229. Рядового Зокирова М.И.
230. Рядового Тохирова К.К.
231. Рядового Татирова О.И.
232. Рядового Хайдарова Н.М.
233. Рядового Сатбиева О.Х.
234. Рядового Агаева А.Д.
235. Рядового Рахмонова М.Р.
236. Сержанта Тураева А.М.
237. Рядового Хамраева Б.С.
238. Рядового Рашидова А.Х.
239. Рядового Рафикова Т.М.
240. Рядового Рахматуллаева Х.
241. Рядового Мордонова М.У.
242. Рядового Курбанова М.Х.

243. Рядового Муродова Ш.Ю.
 244. Рядового Акмурадова О.
 245. Мл. сержанта Улашева Н.А.
 246. Рядового Омонбоева Б.М.
 247. Рядового Эргашева А.К.
 248. Рядового Рузиева Б.Х.
 249. Рядового Искандарова Х.Д.
 250. Ефрейтора Эшонова П.Н.
 251. Рядового Худабердиева Н.У.
 252. Рядового Хожибоева З.Р.
 253. Рядового Нурова В.
 254. Ст. лейтенанта Шарипова В.С.
 255. Лейтенанта Абдуллаева Р.И.
 256. Ст. лейтенанта Эгамбердыева Б.А.
 257. Прапорщика Машарипова Р.М.
 258. Мл. сержанта Нурова Х.Н.
 259. Рядового Носирова М.М.
 260. Лейтенанта Назарова Р.Ч.
 261. Прапорщика Мамедназарова И.
 262. Сержанта Салихова А.К.
 263. Рядового Мамадалиева И.
 264. Рядового Низамова А.Т.
 265. Рядового Рузматовва Э.С.
 266. Рядового Саидова Н.К.
 267. Рядового Исмоилова Р.Т.
 268. Мл. сержанта Бузурукова Р.
 269. Ефрейтора Рахмонова Н.Б.
 270. Рядового Додхоева А.А.
 271. Рядового Йулдошева А.Д.
 272. Рядового Махмудова Б.М.
 273. Рядового Гурдова К.
 274. Рядового Ибрагимова Д.Р.
 275. Мл. сержанта Шодиева И.А.
 276. Рядового Хакимова А.В.
 277. Рядового Эсонбоева Х.К.
 278. Рядового Гоппарова Х.М.
 279. Рядового Тангриева С.Т.
 280. Рядового Хусанова С.К.
 281. Ефрейтора Пулатова К.Т.
 282. Рядового Вельмамедова А.Б.
 283. Рядового Бозорова Ю.Х.
 284. Рядового Сохибова А.К.
 285. Рядового Кенжаева Н.
 286. Лейтенанта Абдуллаева Х.У.
 287. Прапорщика Кучорова Г.Н.
 288. Сержанта Эргашева И.С.
 289. Мл. сержанта Муминова И.С.
 290. Рядового Косимова И.А.
 291. Рядового Назарова А.С.
 292. Рядового Рахимова А.С.
 293. Рядового Ярашева К.Н.
 294. Рядового Эргашева М.Б.
 295. Рядового Халилова М.Б.
 296. Мл. сержанта Шербекова М.А.
 297. Рядового Холикова Ю.М.
 298. Ефрейтора Дониёрова А.Т.
 299. Рядового Тураева М.Э.
 300. Рядового Юсупова М.А.
 301. Рядового Курбанова Х.
 302. Рядового Какабаева А.
 303. Рядового Набиева Т.А.
 304. Мл. сержанта Алжонова Т.
 305. Рядового Туракулова Э.С.
 306. Рядового Муродова Р.Ш.
 307. Рядового Курбонова У.Э.
 308. Мл. сержанта Жуманиёзова А.
 309. Рядового Абдукодирова М.Х.
 310. Рядового Овезниязова А.Я.
 311. Ефрейтора Хусанхужаева А.
 312. Мл. сержанта Гаипова С.
 313. Рядового Комилова А.Ш.
 314. Рядового Назирхужаева А.
 315. Рядового Тошназарова А.
 316. Рядового Гадоева И.Б.
 317. Рядового Мирсолихова М.
 318. Рядового Генешова Т.
 319. Рядового Мирзаева Ш.Н.
 320. Рядового Хужебекова Б.Б.
 321. Капитана Намозова Н.
 322. Прапорщика Алисултанова С.А.
 323. Рядового Шералиева А.М.
 324. Рядового Нишонова Х.Ж.
 325. Рядового Мухторова Т.Н.
 326. Рядового Курдова Н.Б.
 327. Рядового Дурдиева Ю.М.
 328. Рядового Жумаева О.И.
 329. Рядового Жабборова М.
 330. Рядового Йулдошева Х.А.
 331. Рядового Холикова А.Г.
 332. Рядового Омонова Н.
 333. Рядового Кундузова А.Ф.
 334. Рядового Мередова Н.К.
 335. Рядового Шамсуддинова А.
 336. Рядового Назарова О.Ю.

337. Рядового Хожимухамедова В.
338. Рядового Нуралиева А.А.
339. Мл. сержанта Хусенгаева М.
340. Рядового Элгиева А.С.
341. Рядового Сапармамедова А.Д.
342. Рядового Курбантурдыева М.
343. Рядового Хоматова Ш.Ш.
344. Рядового Мухаматсафарова О.
345. Рядового Хужбекова Б.Б.
346. Рядового Акмурадова Ш.С.
347. Мл. сержанта Атаева Б.Д.
348. Ефрейтора Пазилова М.Т.
349. Рядового Юлдошева Р.
350. Рядового Рахимова С.А.
351. Рядового Мирзарахимова В.С.
352. Рядового Арпамурадова Г.А.
353. Рядового Рахматуллаева Б.А.
354. Ефрейтора Бобождонова М.
355. Ст. лейтенанта Мирюсупова М.М.
356. Ст. лейтенанта Камбарова А.М.
357. Прапорщика Менлидурдыева А.
358. Сержанта Орипова Б.Р.
359. Сержанта Исмоилова Х.И.
360. Сержанта Гоипова Ф.А.
361. Рядового Юлдошева Х.Ж.
362. Рядового Холмурзаева С.Т.
363. Рядового Ахмедова И.М.
364. Ст. лейтенанта Тишаева Г.К.
365. Ст. сержанта Бахранова М.Х.
366. Рядового Эркабоева А.С.
367. Рядового Хужамкулиева Н.
368. Рядового Юлдошева Ю.Т.
369. Рядового Айдогдиева М.И.
370. Мл. сержанта Эргашева У.М.
371. Рядового Халилова Р.Т.
372. Рядового Тожибоева Г.Р.
373. Рядового Овезова Б.
374. Рядового Мамиева А.
375. Мл. сержанта Нуралиева Н.Х.
376. Мл. сержанта Туйгелдыева А.
377. Рядового Мавлонова А.Б.
378. Рядового Тошпилова О.У.
379. Рядового Хамрокулова Р.Н.
380. Рядового Худайбергана М.
381. Рядового Тошболтаева Ш.
382. Мл. сержанта Яндашева А.Б.
383. Рядового Жураева М.Р.
384. Ефрейтора Мамаждонова М.
385. Рядового Азизова С.С.
386. Рядового Уралова А.А.
387. Рядового Мирждоева М.Д.
388. Лейтенанта Абзалимова Р.К.
389. Мл. сержанта Умарова М.
390. Рядового Жураева Р.Ч.
391. Рядового Назарова А.С.
392. Рядового Мирзахмедова М.
393. Рядового Измаилова Т.Р.
394. Рядового Абдураждокова А.П.
395. Мл. сержанта Бегматова А.
396. Рядового Каримова Ю.К.
397. Рядового Отаждонова К.К.
398. Рядового Хасанова И.И.
399. Рядового Орипова О.
400. Рядового Рахматова А.Б.
401. Рядового Холматова У.К.
402. Мл. сержанта Чанждорова О.К.
403. Рядового Миржаева И.Х.
404. Рядового Асланова А.А.
405. Рядового Абдуллаева А.И.
406. Рядового Турсунова С.С.
407. Рядового Султонова Р.Р.
408. Мл. сержанта Кулбобоева Р.К.
409. Рядового Темирова К.М.
410. Рядового Жамолова О.Х.
411. Мл. сержанта Махждомова К.Б.
412. Лейтенанта Абдувалиева У.Х.
413. Мл. сержанта Бердыева К.А.
414. Рядового Нурждонова А.Х.
415. Рядового Искандарова С.М.
416. Рядового Хабиева О.Ч.
417. Рядового Сидждоикова А.Я.
418. Рядового Нарждомова М.А.
419. Рядового Солиева У.Т.
420. Рядового Мереткулиева Б.Н.
421. Рядового Курбждонова Г.Я.
422. Рядового Жумаева М.Ж.
423. Рядового Туитова А.
424. Рядового Разждомова Ф.Х.
425. Мл. сержанта Умарова А.Т.
426. Рядового Жураева П.М.
427. Рядового Алматова Б.М.
428. Рядового Носирждонова Р.М.
429. Рядового Тошматова О.Т.
430. Рядового Атаболтаева К.К.

431. Мл. сержанта Халимова А.К.
432. Рядового Бурунова А.Х.
433. Рядового Комилова Р.
434. Рядового Бадалова М.М.
435. Рядового Камолов Р.М.
436. Рядового Бозорова И.И.
437. Рядового Косимова Х.Д.
438. Рядового Нодирова К.
439. Рядового Чориева В.Э.
440. Рядового Тиялкова Ш.б.
441. Рядового Эсонбоева А.М.
442. Рядового Шомурзаева М.У.
443. Лейтенанта Мирсоатова Ю.М.
444. Мл. сержанта Усмонова И.К.
445. Рядового Максудова Р.Х.
446. Рядового Саидмуродова Т.
447. Рядового Саибова Т.Д.
448. Мл. сержанта Ахатова Т.С.
449. Рядового Сулейманова Ш.Г.
450. Рядового Ибрагимова И.О.
451. Рядового Туйчиева М.М.
452. Рядового Уринова Э.Э.
453. Рядового Исаева Г.К.
454. Рядового Мередова А.А.
455. Рядового Мешбоева А.
456. Рядового Курбонова О.Н.
457. Рядового Тураева Ф.Х.
458. Рядового Отахонова К.Т.
459. Капитана мед. сл. Артыкова А.Б.
460. Прапорщика мед. сл. Асророва К.
461. Мл. сержанта Тошмуродова К.
462. Мл. сержанта Туйчиева Т.М.
463. Мл. сержанта Имонкулиева В.
464. Мл. сержанта Кодирова Ф.Д.
465. Рядового Махамадиярова К.
466. Рядового Рустамова Б.Е.
467. Рядового Содикова Р.
468. Ст. прапорщика Рахимова А.
469. Ст. сержанта Ахмадалиева А.
470. Рядового Сохибова С.А.
471. Рядового Пирматова К.С.
472. Рядового Овезова М.А.
473. Рядового Ризакулова М.Э.
474. Рядового Гадоева М.И.
475. Сержанта Мусулмонова М.
476. Рядового Одилова Б.М.
477. Рядового Абдурахмонова Ю.
478. Рядового Абдурахимова А.К.
479. Рядового Нарзикулова В.У.
480. Рядового Исаева Б.Э.
481. Рядового Пармонова А.У.
482. Мл. сержанта Туранова М.
483. Рядового Кушбакова Т.М.
484. Рядового Камбарова Э.В.
485. Рядового Мамаджанова А.Г.
486. Рядового Тешабоева М.Р.
487. Ст. лейтенанта Прауту В.М.
488. Прапорщика Неверова Ю.А.
489. Прапорщика Смайлова Р.
490. Рядового Тошхужаева Х.А.
491. Рядового Абдувасикова А.А.
492. Сержанта Мерского В.О.
493. Ефрейтора Боголевского С.
494. Рядового Каримова К.А.
495. Рядового Луцкока П.В.
496. Мл. сержанта Труфанова А.Н.
497. Рядового Новикова А.И.
498. Рядового Искандарова А.М.
499. Рядового Богданова Е.А.
500. Сержанта Кривобокова В.Н.
501. Ефрейтора Кудаква Н.В.
502. Рядового Волошина О.И.
503. Рядового Бакулова В.Б.
504. Мл. сержанта Иванова В.Б.
505. Рядового Корова А.
506. Рядового Эрназарова И.Р.
507. Рядового Ибрагимова С.А.
508. Рядового Солиева Б.Н.
509. Рядового Турдиева Э.
510. Ст. лейтенанта Никонова О.Г.
511. Прапорщика Акыева О.
512. Рядового Масюткина С.М.
513. Рядового Бекмухамедова О.
514. Рядового Меликова А.Х.

Командир 15-й бригады

подполковник

Начальник штаба 15 бригады

майор

А. Овчаров

А. Стекольников

СПРАВКА
ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ЗЕНИТНО-
Артиллерийской группы
(ЗСУ-23-4 «Шилка»)
«Мусульманского батальона»
на декабрь 1979 г.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ЗАГР:

Командир — старший лейтенант Праута Василий Максимович, награжден орденом Ленина.

Заместитель командира — прапорщик Неверов Юрий Анатольевич.
Техник группы — прапорщик Смойлов Рустам.

Группа ОРНР: Командир — капитан Никонов Олег Григорьевич.
Заместитель — прапорщик Акьев О.

Командиры ЗСУ:

1. Сержант Иванов Владимир Борисович из Москвы. Награжден медалью «За отвагу».

2. Сержант Кривобоков Виктор Николаевич из Казахстана, г.Уральск. Награжден орденом Красной Звезды.

3. Сержант Трофимов Сергей из г.Грозного. Был представлен к медали «За боевые заслуги», но за самовольную отлучку в женское общежитие в Чирчике представление отозвано.

4. Сержант Мерский Валерий из Кокчетова. Представление к награде не реализовано.

Механики-водители ЗСУ:

1. Рядовой Луцюк Павел Васильевич, старший механик-водитель. Уроженец Украины из Верхнеднепровска Днепропетровской обл. Награжден медалью «За боевые заслуги».

2. Рядовой Баклунов В.Б., механик-водитель из Фрунзе.

3. Рядовой Ибрагимов С.Л., механик-водитель.

4. Рядовой Богданов Е.А., механик-водитель из Фрунзе.

Операторы ЗСУ по дальности:

1. Рядовой Тошходжаев Худайберган А. Уроженец Узбекистана из колхоза «Коммунист» Орджоникидзевогo р-на Ташкентской области.

2. Рядовой Волошин Орест. Уроженец Украины из Львовской области, Старосамбурский район, с.Пятница.

3. Рядовой Эрназаров Убойбула Ахматулович. Уроженец Узбекистана. Из Юнус-Абада Ташкенской области.

4. Рядовой Хачатрян Гнела. Уроженец Армении из с.Абовян, Артошского р-на Армянской ССР.

Операторы радиоприемного комплекса (РПК):

1. Рядовой Боголевский Станислав Яковлевич из Киргизии, г.Майли Сам, Ошской области.

2. Рядовой Новиков Александр из Москвы.

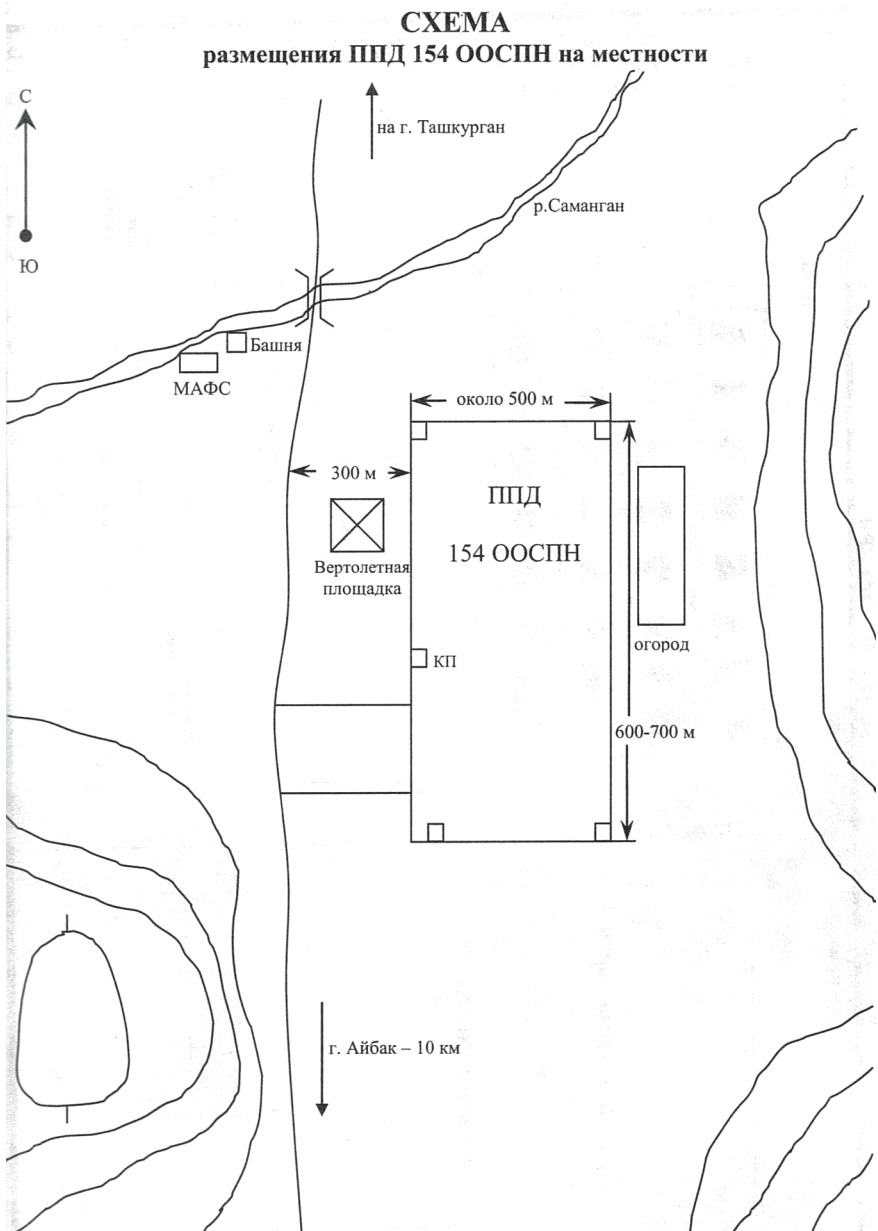
3. Рядовой Курбанов Олег Николаевич из Ашхабада.

4. Рядовой Косымов Миркамил Хомидович, Уроженец Таджикистана г.Ура-Тюбе Ленинабадской обл.

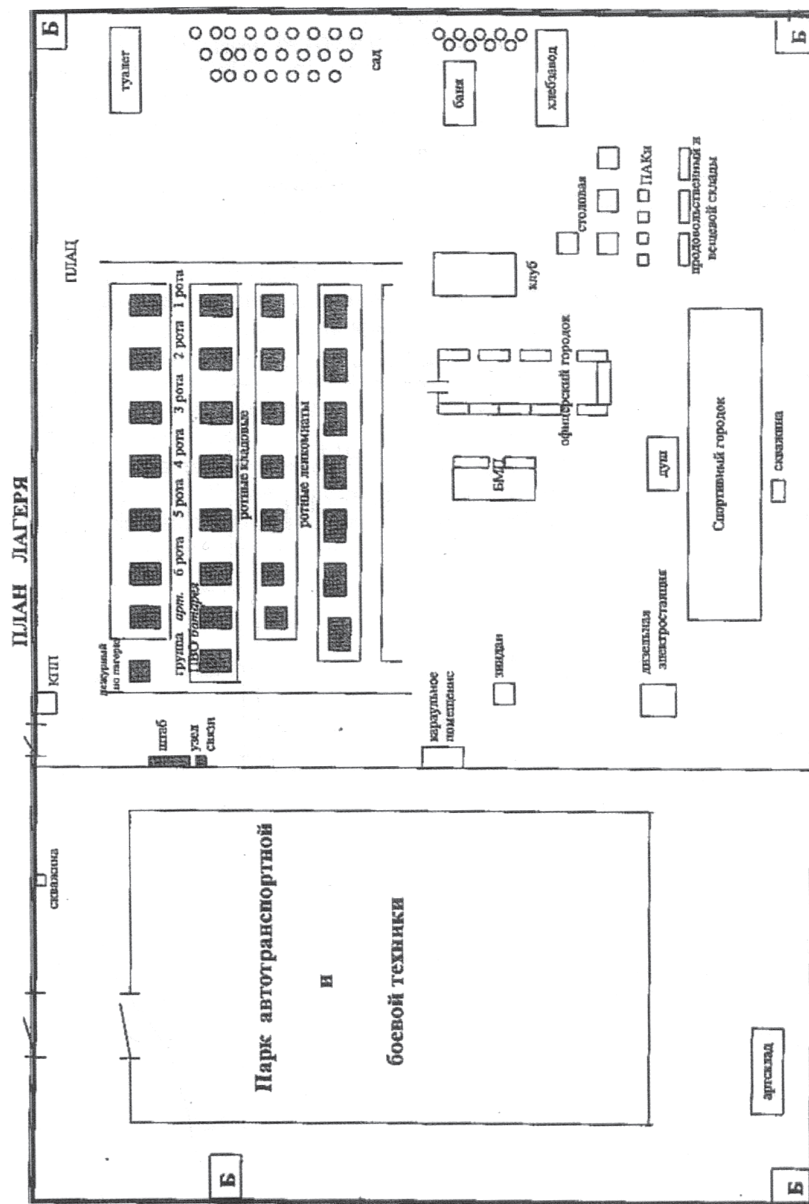
Во время боя старший лейтенант Праута был на второй ЗСУ с экипажем в составе сержанта Кривобокова, рядовых Баклунова, Волошина, Новикова. Все командиры ЗСУ группы были представлены к награждению орденами Красной Звезды, но получил только один сержант Кривобоков В.Н. Остальные наградные не реализованы.

Военнослужащие группы ЗАГр уволены в запас в мае 1980, кроме Иванова, Баклунова и Богданова, которые завершили службу осенью 1980 г.

Приложение 4

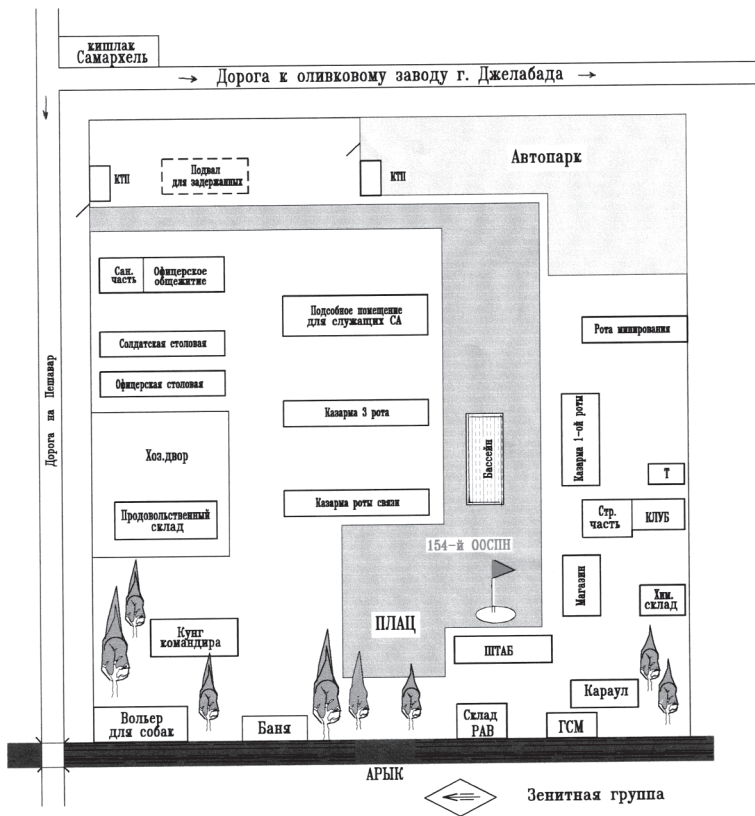
Приложение 5

Приложение 6

СХЕМА

военного городка 154-го ООСПН 15-й отдельной бригады специального назначения
в г. Джалалабаде, Афганистан
(1985-1988гг.)

Примечание:

Схема военного городка составлена по памяти полковником О.В.КРИВОПОЛОВЫМ и уточнена с ветераном, бывшим начальником штаба 154-го отряда, подполковником Ю.Н.Самсоновым в 2002 году.

СПИСОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 15 ОБРСПН, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1. Рядовой Алхимов С.Н. (посмертно).
 2. Капитан Бабко В.В. (посмертно).
 3. Капитан Бекоев С.В. (посмертно).
 4. Рядовой Красников В.В. (посмертно).
 5. Старший сержант Коваленко В.В. (посмертно).
 6. Полковник Колесник В.В. — присвоено звание Героя СССР.
 7. Лейтенант Кузнецов Н.А. — присвоено звание Героя СССР (посмертно).
 8. Старший лейтенант Мирошниченко С.М. (посмертно).
 9. Сержант Миролюбов Ю.Н. — присвоено звание Героя СССР.
 10. Лейтенант Нафиков Х.М. (посмертно).
 11. Старший сержант Пирожков В.М. (посмертно).
 12. Капитан Сахатов М.Т.
 13. Старший лейтенант Трофимов П.Г.
 14. Старший лейтенант Удовиченко Г.В.
 15. Майор Холбаев Х.Т.
 16. Прапорщик Харитонов В.А. (посмертно).
 17. Старший лейтенант Шарипов В.С.
 18. Старший лейтенант Якута О.А.
- Всего:
Из общего числа присвоено звание Героя СССР — 3.
Из общего числа представленных посмертно — 10 (присвоено-1).

СПИСОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 15 ОБРСПН, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К НАГРАЖДЕНИЮ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. Рядовой Алхимов С.Н. (посмертно).
2. Капитан Бабко В.В. (посмертно).
3. Капитан Бекоев С.В. (посмертно).
4. Сержант Борец А.Н. (посмертно).
5. Старший лейтенант Бейхамбаев М.К. — награжден орденом Ленина.
6. Майор Головки В.И. — награжден орденом Ленина (посмертно).
7. Капитан Джамолов А. — награжден орденом Ленина.
8. Рядовой Красников В.В. (посмертно).
9. Старший сержант Коваленко В.В. (посмертно).
10. Полковник Колесник В.В. — награжден орденом Ленина.
11. Лейтенант Кузнецов Н.А. — награжден орденом Ленина (посмертно).
12. Старший лейтенант Мирошниченко С.М. (посмертно).
13. Сержант Миролюбов Ю.Н. — награжден орденом Ленина.
14. Лейтенант Нафиков Х.М. — награжден орденом Ленина (посмертно).
15. Старший сержант Пирожков В.М. (посмертно).
16. Старший лейтенант Праута В.М. — награжден орденом Ленина.
17. Старший лейтенант Похвоцев Г.В. — награжден орденом Ленина.
18. Капитан Сахатов М.Т. — награжден орденом Ленина.
19. Рядовой Сулин В.А. — награжден орденом Ленина (посмертно).
20. Старший лейтенант Турсункулов Р.Т. — награжден орденом Ленина.
21. Старший лейтенант Трофимов П.Г.
22. Старший лейтенант Удовиченко Г.В.
23. Майор Холбаев Х.Т. — награжден орденом Ленина.
24. Прапорщик Харитонов В.А. (посмертно).

25. Старший лейтенант Шарипов В.С. — награжден орденом Ленина.

26. Старший лейтенант Якута О.А.

Награждено из числа представленных всего — 14 человек.

Представлено из общего числа — 13 человек посмертно (награждено — 4 чел.).

Всего в 154 ооСпН награждены орденами и медалями — 1495 человек.

Список составлен полковником О.В. Кривопаловым на основании исторических формуляров и выписок из Указов Верховного Совета СССР за период с 1980 по 1988 гг.

«ИЗ АФГАНСКОГО ДОСЬЕ...»

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО (ОСОБАЯ ПАПКА)

ВЫПИСКА ИЗ СПИСКА

военнослужащих, представлявшихся к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение геройских подвигов в ходе боевых действий в Афганистане, которые были удостоены других государственных наград СССР¹

15. Старший лейтенант **Мирошниченко Сергей Михайлович** — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1984года)

16. Прапорщик **Харитонов Владимир Александрович** награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1984года)

23. Капитан **Бабко Валерий Владимирович** — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1985года)

33. Капитан **Беков Павел Викторович** — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986года)

34. Сержант **Коваленко Василий Владимирович** — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986года)

Примечание

Данный список содержит имена только тех военнослужащих, которые «представлялись к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение геройских подвигов в ходе боевых действий в Афганистане», но **были удостоены других** государственных наград СССР.

¹ Данный список любезно предоставлен автору ветераном спецназа ГРУ полковником В.М.Кошелевым, который оказался в его распоряжении в бытность работы в Администрации Президента Российской Федерации. Всего в списке 40 военнослужащих. Как написал Владимир Михайлович «Полагаю, что никакие грифы секретности не должны скрывать от общественности и истории имен истинных героев той войны» (опубликован впервые в 2004 г. в книге «Молитва офицера спецназа», Харьков, 2004 г.). Все указанные в выписке военнослужащие проходили службу в отрядах спецназ 15 обрСпН ГРУ.

Из приведенной формулировки следует, что имеется определенное число представлявшихся к званию Героя Советского Союза офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат, которые не были отмечены другими государственными наградами СССР.

В случае с публикуемым списком следует иметь в виду и то обстоятельство, что на самом деле число лиц представлявшихся к званию Героя Советского Союза несколько больше и по другой причине. Многие награжденные материалы просто-напросто «рубилась» командирами, полторганами, представителями особых отделов КГБ и кадровиками различных уровней на этапах их движения от звена отдельный батальон — полк до главкома сухопутных войск. В публикуемом списке перечислены фамилии только тех военнослужащих, представления на которых были доведены до главного управления кадров министерства обороны СССР.

Здесь же следует иметь в виду и то обстоятельство, что в соответствии с руководящими указаниями ГлавПУРа (действовало на правах отдела ЦК КПСС) — запрещалось представлять к званию Героя и вообще к государственным наградам СССР членов КПСС, имевших партийные взыскания. Таким образом, эта категория военнослужащих автоматически лишалась возможности быть представленной и награжденной за мужество, отвагу и героизм, проявленные в бою.

Именно исходя из этого, на четверть века затянулось награждение (за захват первого «Стингера») заместителя командира отряда спецназа Сергея Евгения Георгиевича золотой звездой Героя. Присвоено звание Героя России (посмертно) 6 мая 2012г. В состав его досмотровой группы входил военнослужащий срочной службы, которого командование бригады представило к званию Героя Советского Союза. Он есть в этом списке под номером 39.

39. Сержант **Айтбаев Маратхан Батырханович** — награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1987 года).

Из всех военнослужащих, удостоенных звания Героя в период боевых действий на территории Афганистана, ровно треть была отмечена высшей наградой СССР посмертно.

К сожалению, не всегда действовала директива МО СССР о представлении к награждению военнослужащих, получивших во время боевых действий в ДРА (РА) ранения и ранее не удостоенных государственных наград СССР. О чем свидетельствуют обращения ветеранов и конкретная судьба комбата подполковника Портнягина В.П.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО 154 ооСпН

Директива ГШ ВС СССР № 314/2/0061 от 26.04.1979 г., послужила основанием для приказа командующего войсками ТуркВО № 21/4/00755 от 4.05.1979 г. о формировании в штате 15 обрСпН 7 отдельного отряда спецназ численностью 538 чел. Который вошел в историю нашего Отечества как «Мусульманский батальон». Его формированием занимались офицеры ГРУ ГШ полковники Колесник В.В., Швец О.У., Лавренев Н.Н. и Блохин А.П., а также начальник разведки ТуркВО полковник Дунец В.В. С целью сохранения секретности отряд решено было отселить из военного городка бригады, отремонтировав для этого хозяйственным способом брошенный городок инженерного батальона. Командир 2 отряда 15 обрСпН, майор Стодеревский И.Ю., которому поручили руководить строительством городка, получил в свое подчинение роту военных строителей, несколько десятков гражданских строителей из всех КЭЧ округа, двести человек личного состава из бригады в качестве подсобных рабочих. За 2 месяца ремонт городка был завершён. В быстром темпе началось комплектование нового батальона исключительно из лиц национальностей Средней Азии. Личный состав прибывал из всех округов ВС СССР. В основном из частей и дивизий Воздушно-десантных войск и в меньшей степени из мотострелковых частей.

Боевое становление подразделений отряда

К 1 июня 1979 года из тысячи представленных кандидатов отряд был полностью укомплектован до штата 532 человека. За полтора месяца отряд, полностью освобожденный от нарядов, караулов и посторонних работ, выполнил годовую программу боевой подготовки. Весь личный состав отряда совершил прыжки с парашютом. Было проведено боевое слаживание сформированных подразделений. 15 июля батальон подвергся проверке по боевой и политической подготовке комиссией ГРУ ГШ. От округа на проверке присутствовал начальник штаба ТУРКВО генерал-лейтенант Кривошеев Г.Ф. Были проведены тактические учения с боевой стрельбой по темам: «Захват горного перевала», «Захват узла связи», «Захват отдельно стоящего здания», «Захват аэродрома», «Бой в городе». Особое внимание

уделялось боевому слаживанию на уровне группы, роты, батальона. Стрельбу и вождение сдавали на полигонах общевойскового и танкового училищ. Лимитов на горючее и боеприпасы не было. Гранатометчики стреляли на дальность, на время, на шумы сквозь дым, на минимальные расстояния. Кому положено сдавали практические задачи по минно-подрывному делу. Все подверглись проверке на физическую выносливость во время марш-бросков на 30 километров. Специалисты-переводчики в ходе всей проверки отслеживали усвоение личным составом команд на фарси и знание арабской письменности. По итогам комиссия оценила результаты проверки как хорошие. Наступило затишье. Солдат начали привлекать для караульной службы и на различные хозяйственные работы. Только почти каждый день подразделения в порядке очередности выезжали на аэродром Тузель, где практически отрабатывали вопросы погрузки бронемашин в самолеты. Скрупулезно рассчитывали, сколько боеприпасов и материальных ценностей можно взять в машинах, чтобы самолеты могли их поднять.

Рекогносцировка на местности

По приказу начальника ГРУ ГШ командир отряда майор Холбаев и заместители командира 15 обрСпН майоры Груздев и Турбуланов вылетали в Кабул в командировку для проведения рекогносцировки президентского дворца, а также отремонтированного дворца Тадж-Бек в микрорайоне Дар-Уль-Аман на южной окраине столицы, куда вскоре переехал президент Афганистана Хафизула Амин.

Первый ввод в Афганистан

В ночь на 5 декабря с аэродрома Чирчик на самолете АН-12 в Афганистан убыла первая группа от 3 роты спецназа под командованием заместителя командира отряда капитана Сахатов М.Т. Переброска всего личного состава батальона осуществлялась в ночь с 9 на 10 декабря, с двух аэродромов, в Чирчике и Ташкенте (Тузель), самолетами АН-12, АН-22, и Ил-76. На вылет каждого рейса отводилось 45 минут. Интервал между рейсами составлял не более двух часов. Вылет осуществлялся тремя рейсами по семь самолетов на аэродром Баграм. Для размещения батальона на авиабазе Баграм, группой капитан Сахатова были подготовлены палатки УСБ из расчета по одной на каждую роту и под штаб. Впоследствии отряд был передислоцирован юго-западнее Кабула в район Дар-уль Амана, для усиления охраны президентского дворца Тадж-Бек. 27.12.1979 г. в 19.00

начался штурм дворца Тадж-Бек, операция закончилась в 23.00. Потери личного состава «мусульманского батальона» в ходе боевых действий непосредственно при штурме дворца Тадж-Бек и на другие сутки составили 7 человек убитыми. Потери офицеров КГБ из оперативно-боевых групп «Гром» и «Зенит» — 5 человек. В приданной отряду 9 парашютно-десантной роте 345 гвардейского опдп (командир роты старший лейтенант В. Востротин) — 2 человека. Один военнослужащий отряда СпН погиб 6 января 1980 г. в результате трагической случайности. Всего во время операции «Шторм 333» получили ранения различной тяжести 67 военнослужащих отряда СпН. 10 января 1980 г. отряд на самолетах Ан-12 перебросили назад в Чирчик. В апреле 1980 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников операции «Шторм-333» орденами и медалями СССР, согласно которому награждены 190 военнослужащих 15 обрСпН. Кроме военнослужащих спецназа, этим же Указом награды получили и 400 сотрудников КГБ СССР.

Памятные даты

7 мая 1981 года в торжественной обстановке 154 ооСпН было вручено Боевое Знамя части. Определен праздник части — 26 апреля (1979 г.). Директивой начальника Генерального штаба ВС СССР № 4/372 от 21.10.1981 года 154 ооСпН спланирован для повторного ввода в ДРА 26 октября 1981 г.

Второй ввод 154 ооСпН в Афганистан

Отряд после переформирования без проведения боевого слаживания под командованием майора Стодерева И.Ю. в ночь с 29 на 30 октября 1981 года пересек государственную границу с Афганистаном в районе Термеза. 154 ооСпН на период боевых действий получил открытое наименование — «1 отдельный мотострелковый батальон» (воинская часть полевая почта 35651, первоначальный позывной — «Амур-35»). С 30 октября 1981 по 15 мая 1988 г. 154 отряд принимал участие в непрерывных боевых действиях с вооруженными формированиями мятежников. Уничтожая налетами и из засады живую силу моджахедов, разрушая укрепленные районы (УР) противника, штабы фронтов, исламские комитеты, учебные центры, склады с оружием и боеприпасами, участвуя в досмотрах караванов и ведении воздушной разведки в зоне ответственности. Наиболее известными боевыми операциями отряда после «Шторм 333» стали: взятие баз душманов в

Джар-Кудуке (провинция Джаузджан, декабрь 1981 г.); взятие баз душманов в Дарзабе (провинция Фариаб, январь 1982 г.); снятие блокады Санчарака (провинция Джаузджан, апрель 1982 г.); уничтожение 2-х банд в Кули-Ишане (провинция Саманган, октябрь 1982 г.); взятие баз душманов в Мармольском ущелье (провинция Балх, март 1983 г.); операции в провинциях Нангархар и Кунар (1984-1988гг.); уничтожение укрепрайонов «Кулала», «Гошта», Карера», участие в операциях в районах Бар-Кошмунд, Багича, Лой-Термай, Мангваль, Сарбанд, в Черных горах, под Шахиданом, Мангваль, участие в армейской операции «Восток-88» и др.

Вывод в СССР

Боевым распоряжением командующего 40ОА № 01 от 13.03.1988г. вывод 154 ооСпН был определен первой колонной 15 мая 1988г. из Джелалабада. Колонна из 228 единиц боевой техники за трое суток совершила марш Джелалабад-Кабул-Пули-Хумри-Хайратон. 18 мая 1988г. пересекла государственную границу СССР в районе узбекского города Термеза. 20 мая 1988 года тремя эшелонами железнодорожным транспортом завершили выход к месту постоянной дислокации в г. Чирчик СССР.

Общие итоги

Результаты разведывательно-боевой деятельности

154 ооСпН в провинциях Джаузджан и Саманган

(по состоянию на 1 мая 1983 года)

Проведено операций — 248
Уничтожено мятежников — 955 чел.
Взято в плен — 452 чел.
Захвачено стрелкового оружия — 566 ед.
Пулеметы ДШК — 2 ед.
Захвачено боеприпасов:
Патроны — более 100000 шт.
Мины — 237 шт.
Гранаты — 228 шт.
Выстрелы к РПГ — 183 шт.
Электродетонаторы — 5200 шт.
Капсули-детонаторы — 8000 шт.
Мины к 60 мм миномёту — 235 шт.

Захвачено кавалерийских лошадей — 16
Захвачено автомобилей — 12 ед. и БРДМ-1
Уничтожено исламских комитетов — 9
Стабилизирована обстановка в зонах ответственности:
Провинция Джаузджан
Провинция Саманган
Наши потери — 34 солдата и офицера.
Пропал без вести — 1 чел.

**Общие итоги
разведывательно-боевой деятельности 15 обрСпН
(по состоянию на 1 мая 1988 года)**

Уничтожено	Захвачено
5234 боевиков	413 чел.
Вьючных животных — 2105	353 голов
Автомобилей — 113	7 штук
ПУРС — 25	17 штук
ДШК — 41	29 штук
ЗГУ-23 штуки — 18 штук	
РС — 4000 штук	
ПЗРК всего — 70 штук	
Из них: ПЗРК «Стингер» —	8 штук
ПЗРК «Блоупайп» —	4 штуки.

**Общие итоги боевой деятельности Спецназа ГРУ ГШ ВС
СССР в Афганистане
(за период с 1979 по 1989 гг.)**

Спецназ 40 общевойсковой армии наносил ощутимый урон исламской оппозиции, так по обобщенным данным Генштаба ВС СССР, спецназом ГРУ ГШ ВС СССР за это время было уничтожено: 17000 душманов, 990 караванов и 332 склада, захвачено 825 пленных.

Изменение дислокации отряда:

Июнь 1979 — декабрь 1979 гг. — г.Чирчик, Ташкентская область, СССР;

Декабрь 1979 — январь 1980 гг. — п.Баграм, г.Кабул, Афганистан;

Февраль 1980 — октябрь 1981 гг. — г.Чирчик, Ташкентская область, СССР;

Октябрь 1981 — июль 1982 гг. — п.Акча, провинция Джаузджан, Афганистан;

Август 1982 — февраль 1984 гг. — п.Айбак, провинция Саманган, Афганистан;

Февраль 1984 — май 1988 гг. — г.Джелалабад, провинция Нангархар, Афганистан;

20 мая 1988— май 1990 гг. — г.Чирчик, Ташкентская область, СССР, Узбекистан;

Июнь 1990 — 1994 гг. — п.Азадбаш, Бастанлыкского района Ташкентской области, СССР;

В 1992 году при разделе воинских частей и военного имущества министерства обороны СССР 154 отряд СпН вместе с 15 обрСпН был передан в состав Вооруженных Сил Республики Узбекистан.

В 1994 году в результате чрезвычайного происшествия сгорел штаб 154 отряда и навсегда утрачено его Боевое Знамя.

С декабря 1994 по 2000 г.г. дислоцировался в г.Ташкенте. Республика Узбекистан. Передан в состав Министерства обороны Узбекистана, переименован в 28 отдельный разведывательный батальон Вооруженных Сил МО Узбекистана, которому выдано знамя узбекской армии.

В 2000 г. — батальон расформирован.

На базе 28 отдельного разведывательного батальона сформирована бригада специальных операций (БСО).

Примечание:

В 1990 — 1992 гг. сводные группы и подразделения отряда принимали участие в мероприятиях по наведению конституционного порядка в Азербайджане, на границе с Афганистаном, и в Таджикистане.

Награды 154 ооСпН

1) Вымпел министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть» за образцовое выполнение специальных заданий советского правительства (приказ МО СССР № 273 от 1.12.1985г.).

2) 26 декабря 1987 г. афганским правительством и ЦК НДПА отряд награжден Почетным Красным Знаменем Народно-демократической партии Республики Афганистан.

3) 26 апреля 1988г. афганским правительством и ЦК НДПА отряд

награжден Почетным Красным Знаменем Народно-демократической партии Республики Афганистан.

СПРАВКА о награждении личного состава 154 ооСпН

(данные на 15.05. 1988 г.):

Орденом Ленина — 8 офицеров (Холбаев Х.Т., Сахатов М.Т., Джамолов А., Бейхамбаев М.К., Праута В.М., Турсункулов Р.Т., Шарипов В.С., Нафиков Х.М.) ;

Орденом Красного Знамени — 53 (из них 31 — офицер, 13 сержантов, 9 — солдат)

Орденом Красной Звезды — 423 (из них 132 офицеров, 32 прапорщика, 127 сержантов, 112 солдат)

Орденом «За службу Родине в ВС СССР» — 25 (из них 24 — офицера и прапорщика, 1 солдат — (рядовой Бычок А.Н.);

Медалью «За отвагу» — 623 (12 офицеров, 15 прапорщиков, 205 сержантов, 391 солдат)

Медалью «За боевые заслуги» — 247 (11 офицеров, 24 прапорщиков, 102 сержанта, 110 солдат);

Медалью МО СССР «За отличие в воинской службе» — 118 человек.

ПОТЕРИ

Потери личного состава 154 ооСпН с 27.12.1979 по 15.05.1988 гг. составили 186 человек: погибли в боях или умерли от полученных ран — 177 военнослужащих; пропали без вести — 9 военнослужащих.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КНИГЕ:

АГС — автоматический гранатомёт станковый;
АКМС — автомат Калашникова модернизированный, складывающийся;
БВО — Белорусский военный округ;
БМД — боевая машина десанта;
БМП-1КШ — боевая машина пехоты, командирская штабная;
БРДМ — боевая разведывательная дозорная машина;
БТР-60ПБ — бронетранспортёр, плавающий с башней;
ВДВ — воздушно-десантные войска;
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи;
ВТА — военно-транспортная авиация;
ВС — Вооруженные Силы;
гв. — гвардия, гвардейский(ая);
ГВС — главный военный советник;
гмо — группа материального обеспечения;
ГПЗ — головная походная застава;
ГПУ — главное политическое управление;
ГРУ — главное разведывательное управление;
ГУБП — главное управление боевой подготовки;
ГСМ — горюче-смазочные материалы;
ГШ — Генеральный штаб;
ДДА — дезинфекционный душевой автомобиль;
ДРА — Демократическая Республика Афганистан;
ДШК — (пулемёт) Дегтярёва, Шпагина крупнокалиберный;
заг — зенитно-артиллерийская группа;
ЗакаВО — Закавказский военный округ;
ЗАС — засекреченная автоматическая связь;
ЗСУ — зенитная самоходная установка;
ЗУ — зенитная установка;
КВКУ — Киевское высшее общевойсковое командное училище;
КГБ — Комитет государственной безопасности;
Комбриг — командир бригады;
КТСУ — комплексное тактико-специальное учение;
КУОС — курсы усовершенствования оперативного состава;
КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть;
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза;
КП — командный пункт;
КПП — контрольно-пропускной пункт;
КТП — контрольно-технический пункт;
ЛенВО — Ленинградский военный округ;
мпо — медицинский пункт отряда;
мед. сл. — медицинская(ой) служба(ы);
МО — Министерство обороны;
МВО — Московский военный округ;
МТО-АТ — мастерская технического обслуживания автомобильной техники;
МТ-ЛБ — многоцелевой тягач легкобронированный;

НДПА — Народно-демократическая партия Афганистана;
Начпобриг — зам. командира-начальник политотдела бригады;
НВВПОУ — Новосибирское высшее военно-политическое училище;
ОА — общевойсковая армия;
одшб — отдельный десантно-штурмовой батальон;
одпд — отдельный парашютно-десантный полк;
ОБОН — отдельная бригада особого назначения;
ОбрСпН — отдельная бригада специального назначения;
обато — отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения;
ОГ — оперативная группа;
ОАГр — оперативная агентурная группа;
Омсбр — отдельная мотострелковая бригада;
ооСпН — отдельный отряд специального назначения;
орнр — отделение ремонтно-наладочных работ;
ПАК-200 — полевая автомобильная кухня;
ПАК-66 — походный автомобильный клуб;
ПГУ — Первое главное управление (КГБ СССР);
ПД — пехотная дивизия;
пдв — парашютно-десантный взвод;
пдр — парашютно-десантная рота;
пдб — парашютно-десантный батальон;
ПВО — противовоздушная оборона;
ПКМ — пулемёт Калашникова модернизированный;
ПМ — пистолет Макарова;
птв — противотанковый взвод;
ПТУР — противотанковая управляемая ракета;
РАВ — ракетно-артиллерийское вооружение;
РВДКУ — Рязанское высшее воздушно-десантное училище;
РГ— 42 — ручная граната;
РПГ-7Д — ручной противотанковый гранатомет десантный;
РПК — ручной пулемёт Калашникова;
САВО — Среднеазиатский военный округ;
СВУ — суворовское военное училище;
СВВГТАУ — Свердловское высшее военно-политическое училище;
СМУ — светомаскировочное устройство;
СОДП — Служба охраны дипломатических представительств;
ТА — танковая армия;
тбр — танковая бригада;
ТСИ — технические средства информации;
ТВОКУ — Ташкентское высшее общевойсковое командное училище;
ТВТКУ — Ташкентское высшее танковое командное училище;
ТГ — (пистолет) Тульский Токарева;
ТуркВО — Туркестанский военный округ;
УСБ — утеплённая сборная брезентовая (палатка);
УУС — упражнение учебных стрельб;
ЦК — Центральный комитет;
ЦРУ — центральное разведывательное управление;
ЧВС — член военного совета.

Сленговые и иностранные слова

Безоткатка — разг. Безоткатное орудие;

Боевой выход — выполнение боевой задачи;

Броня — обобщенное название бронетехники или бронегруппы;

Головняк — разг. Головной дозор;

Груз-200 — убитый;

Груз — 300 — раненый;

Дувал — дари — глинобитный забор или постройка сельского типа;

Дукан — дари — магазин, торговая лавка;

Душман — дари — противник;

Духи — разг. Противник (произв. от слова душман);

Десантура — разг. Принадлежность к ВДВ или Спецназу;

Зеленка — разг. Жилая орошаемая зона долин и ущелий в горной местности;

Лимонка — разг. Ручная оборонительная граната Ф-1, она же «эфка»;

Лифчик — разг. Боевое снаряжение в виде нагрудника с карманами для боекомплек-

та;

Мандех — дари сухое русло в пустыне или степи шириной до 50 м.;

Мирняк — разг. Мирные жители, не ведущие вооруженную борьбу;

Моджахед — дари воин в борьбе за ислам;

Пайса — дари деньги, дань, оброк;

Подствольник — разг. Подствольный гранатомет;

Результат — трофеи или др. подтверждающие факты нанесения урона противнику;

Сарбоз — дари солдат;

Ствол — единица учета оружия (например:»захвачено пять стволов оружия»);

Соляра — разг. Принадлежность к мотострелковым или танковым войскам;

Сталинские соколы — разг. Летчики;

Тельник — разг. Тельняшка (полосатая нательная рубаша или майка в ВДВ и ВМФ);

Тыльник — разг. Тыльный дозор, элемент походного охранения;

Фишка — разг. Наблюдательный пост, наблюдатель;

Цинк — разг. Металлическая коробка для боеприпасов;

Шурави — дари советский

«Штурм» — управляемый реактивный снаряд. «Грачи» — кодовое обозначение в

Афганистане штурмовиков Су-25.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев Р.И. «Время выбрало нас. Хроника операции «Шторм-333» в документах и воспоминаниях участников и очевидцев», рукопись. — Ташкент, 2012 г.

Аблазов В.И. «Над всем Афганистаном безоблачное небо». — Киев, РИА «Марко Пак», 2005 г.

Аблазов В.И. «Афганская арена. Дипломаты и полководцы». — Киев, ООО «Эко-тек Украина», 2012 г.

Альбом «Спецназ» (50-летию российских соединений и частей специального назначения ВС РФ) Составители С.В.Баленко, А.И.Барт, А.А.Устинов. — Москва, 2000 г.

Альбом «Спецназ» (55 лет соединениям и частям специального назначения ВС РФ) Составители С.В.Баленко, Н.Н.Пронькин, А.А.Устинов. — Москва, 2005 г.

Альбом «Слава и гордость советской военной разведки» под редакцией К.Н.Ткаченко. — Москва, 1967 г.

Альбом «Спецназ ГРУ в Афганистане», А.В.Сухолесский, А.В.Мусиенко, — Арктика 4D, 2006 г.

«Афганистан болит в моей душе...», (Воспоминания, дневники) — запись П.Ткаченко, — Москва, Молодая гвардия», 1990 г.

Архив Президента РФ. Рабочая запись беседы А.Н. Косыгина с Н.М. Тараким 20.03.1979 г. — М.: «Коммунист Вооруженных сил», 1990, № 19; 1991, № 12.

Сергей Баленко «Коммандос «Батя. Легенда спецназа ГРУ», — Москва, «Яуза», «Эксмо», 2005 г.

Бармин Ф. Штурм дворца Амина. — М.: «Спецназ России», 1999, № 11 (39).

Бекос С.М., Старов Ю.Т., Овчаров А.А., Кривопапов О.В., Мусиенко А.В., Пронькин Н.Н. «15 бригада спецназ: Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев». — М.: НПИД «Русская панорама», 2009 г.

Болтунов М.Е. «Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ. — М.: Кедр, 1992.

Болтунов М.Е. Дворец «Тадж-Бек» (Дар-уль-Аман). — М.: «Яуза», «Эксмо», 2003.

Болтунов М.Е. Коммандос «Диверсанты ГРУ». — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.

Болтунов М.Е. «Генерал Герасимов. Судьба моя, спецназ», — Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005г.

Болтунов М.Е. «Коммандос «Диверсанты ГРУ», — Москва, «Эксмо» «Яуза», 2004г.

Болтунов М.Е. «Альфа» — секретный отряд КГБ», — Ростов-на-Дону, «Проф-Пресс», 1995г.

Книга Памяти «В часть не вернулся». Военно-историческое издание в 12 томах, Составители: С.В.Баленко, А.И.Барт, А.А.Устинов, — Москва, «Раритетг», 2000-2007 г.

Боровик Артем «Спрятанная война», — Киев, «Заповит — Трамвай», 1994 г.

Бондаренко А. «Забудьте, где вы были, что делали!» — М.: «Красная звезда», 2004, 28.12.

Белоус Виктор «Боль моя, Афганистан», — Краснодар, «Печатный двор Кубани», 2004 г.

Варенников В.И. «Неповторимое», том 5, Москва, Воениздат, 2000 г.

Волков А.В. Спецназ на тропе войны. — Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, «Военный комментатор», 2000, № 1.

«Время и судьбы»: Военно-мемуарный сборник. Выпуск первый. Сост. А.Бурсов, Ю.Дубченков, А.Якубовский. стр. 311-332, — Москва, Воениздат, 1991 г.

- М.А.Гареев, «Моя последняя война», — Москва, «Инсан», 1996 г.
- Ф.И.Гредасов «Этих дней не забыть», — Москва, ФГПУ «Экспериментальная типография», 2002 г.
- Б.В.Громов «Ограниченный контингент», — Москва, «Прогресс», 1994 г.
- Л.В.Голубенко Л.В. «334 отдельный отряд специального назначения», литературно-художественное издание, — Минск, «Харвест», 2005 г.
- А.Деревягин, «Его звезда», журнал «Знаменосец» №12 — 1988 г.
- Дон Миллер (А.Е.Тарас) «Коммандос» формирование, подготовка, выдающиеся спецоперации, — Минск, «Харвест», 1997 г.
- И.А.Дамаскин «Сто великих операций спецслужб», стр.444-450, — Москва, «Вече», 2004 г.
- Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.
- Дроздов Ю.И. «Шторм-333». — М.: Альманах «Вымпел», 1999, № 3 (11).
- Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина, — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.
- Дроздов Ю.И. Между большими войнами ведётся война тайная (записки начальника нелегальной разведки). — М.: Издание «Русского биографического института», 1999.
- Зайцев Г.Н. — М.: «Красная звезда», 2007, 21 ноября.
- Изложение директивы Д.Ф. Устинова о вводе войск в Афганистан — М.: «Военно-исторический журнал», 1991, № 7.
- Исторический формуляр 15-й отдельной бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.
- Исторический формуляр 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.
- Михаил Каминский «Восточный транзит... на войну», газета «Третий тост», — Киев, 2005г.
- Книга Памяти «О выпускниках Сызранского, Саратовского и Кировского военных авиационных училищ», «О военных вертолетчиках, погибших в Афганистане» часть I и II, под общей редакцией В.Е.Павлова. — Сызрань, 2001 и 2002 гг.
- Колотило А. Родина не торопилась признавать нас своими... — М.: «Братишка», 2005, 27 декабря.
- Колесник В.В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.
- Колесник В.В. «Операция по захвату дворца казалась невыслимой». — В книге: В.В. Воронова «ОСНАЗ — войска особого назначения» — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.
- Курилов В. «Так начинался «Шторм». — «Трибуна», 2004, 29 декабря.
- Сергей Козлов и другие. «Спецназ ГРУ». Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны». — Москва, «Русская панорама», 2000 г.
- Сергей Козлов и другие. «Спецназ ГРУ-2». Война не окончена, история продолжается». — Москва, «Русская панорама», 2002 г.
- А.Колпакиди, Д.Прохоров «Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки». В 2-х книгах. — М.,Издательство «Олма-Пресс», 1999 год.
- Г.П.Корж «Афганское досье» История войны в Афганистане, — Харьков, «Фолио», 2003 г. Владимир Кошелев «Мусульманский» батальон Спецназа ГРУ», — Харьков, «Майдан», 2003 г.
- Владимир Кошелев, «Молитва офицера спецназа», — Харьков, «Майдан», 2004 г.
- Владимир Кошелев, «Наше дело — война и разведка», — Харьков, «Майдан», 2004 г.

Владимир Кошелев, «Штурм дворца Амина: версия военного разведчика», — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007.

Владимир Кошелев, «Шторм-79»: как Петрович из Одессы дворец Амина брал», - Москва, «Кучково поле», 2011 г.

Олег Кривоपालов, «Его представляли к Герою...», — газета Северного Флота «На страже Заполярья», 20.07.1991 г.

Олег Кривоपालов, «Карера» стоила карьеры», журнал «Спецназ» № 2-3, стр.27-31, — Москва, 2000 г.

Олег Кривоपालов, «Неприступных ущелий не бывает», журнал «Спецназ» № 1, стр.15 — 20, — Москва, 2001 г.

Олег Кривоपालов, «Операция под Джар-Кудуком», газета «Третий тост» №20(236), — Киев, 5.11. 2002 г.

Олег Кривоपालов, «Шторм» — через всю жизнь», газета «Третий тост», — Киев, 13.12.2003 г.

Олег Кривоपालов, «Спецназ на Афганской войне», «Военно-исторический альманах» № 4, стр.5-57, — Тюмень, издательство «Вектор», 2004 г.

Олег Кривоपालов, «Афганский перевал», — Днепропетровск, «ИМА-пресс», 2007 г.

Олег Кривоपालов, «Колыбель Чирчикского спецназа», — Днепропетровск, «ИМА-пресс», 2010 г.

Александр Кунстман, «Мусульманский батальон и штурм дворца Амина», рукопись — Мюнхен, Германия, 2005 г.

А.А.Ляховский, «Трагедия и доблесть Афгана», — Москва, ГПИ «Исконна», 1995 г.

А.А.Ляховский, «Трагедия и доблесть Афгана» / 2-е изд., перераб. и доп. — Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004.

А.А.Ляховский, «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12; 2004, № 1 — 3.

А.А.Ляховский, «Трагедия и доблесть Афгана», — Москва, Издательство «Эксмо», 2009 г.

Лебедев А. «Профессионалы: мусульманин с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, № 9.

Лёгкий П. «Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

Лютый Д.Е. Журнал «Офицерское собрание», 2009 год, № 2 (июль)

Александр Маргелов, «Генерал Маргелов», — Москва, «Полиграфресурсы», 1998.

Марковский В. «Жаркое небо Афганистана», — М.: «Техника молодежи», 2000.

«Мы — интернационалисты». Сборник, — Москва, Издательство политической литературы, 1986.

Евгений Никитенко, «Восток — дело тонкое». Афганистан от войны 80-х до прогноза новых войн, — Москва «Аст-Астрель», 2004 г.

С.Птичкин, «Звезда погасла на рассвете», — Москва, журнал «Советский воин», 11, 1990 г.

Петр Ткаченко, «Слово о Мараварской роте», — Екатеринбург, издательство Гуманитарного университета, 2004 г.

Слинкин М.Ф. «Кто был и есть в Афганистане», — Симферополь: «Востоковедческий сборник», 1997, № 1.

Старов Ю.Т. «Разведка — непростая работа», — Пушкинский вестник №44 от 4.11.2000 г.

Стодеревский И.Ю. «Автобиография. Заметки офицера спецназа ГРУ». — М.: «Финтрекс», 2010.

- Сергей Урусов, «Время выбрало нас. Люди. События. Подвиги», — Киев, «Варта», 2005 г.
- Спольников В.Н. «Афганистан: исламская контрреволюция», — Москва, «Наука», 1987 г.
- «Спецназ России», энциклопедия, составитель В.Степанов, — Москва, «Яуза, Эксмо», 2007 г.
- Скрывников Михаил, «Спецназ ВДВ», — Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.
- Хинштейн А. «Тайны афганской Лубянки», — М: «Московский комсомолец» — 2002, 29 марта.
- Игорь Цыбульский «Громов», Серия ЖЗЛ, — Москва, «Молодая гвардия», 2005 г.
- Черняк И. «Двое на одной войне». — «Комсомольская правда», 23.04.1989.
- Чернышев Е.В. «Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980».
- Алексей Чикишев «Спецназ в Афганистане», — Москва, «Олма-Пресс», 2004 г.
- Н.И.Яремко «В архив не сдавать», Москва, — журнал «Коммунист Вооруженных Сил» № 6, 1989 г.
- Рассказ В.С.Шарипова записал капитан П.Легкий. Опубликовано в белорусском журнале «Армия» (№6 за 1999 г. С. 48 — 53).
- Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru
E-mail: xakimov_sultan@mail.ru
- Александр Хроленко, «Русское поле Алексея Ефентьева», «Красная Звезда», 24.10.2006 г.
- Владислав Шурьгин, «Россия — это мое личное дело». *Штрихи к портрету Алексея Ефентьева, воина и земледельца*
<http://ru.wikipedia.org/>
<http://pvpo.ru/index.php/home/geroi-\rossii-34-gyurza-aleksej-viktorovich-efentev-obnovleno>
<http://youtube.com> Русский характер.
<http://club.desantura.ru> Фотоальбомы.

ОТЗЫВЫ НА КНИГИ О.В. КРИВОПАЛОВА

ИЗ РОССИИ

Здравствуйте, уважаемый Олег Владимирович! Я — полковник запаса Владимир Шугай, выпускник разведфака КВООКУ. На сайте училища нашел Вашу книгу «Колыбель чирчикского спецназа», которую прочитал на одном дыхании. Сейчас читаю вторую Вашу книгу «Записки советского офицера: на рубеже эпох». Но эту книгу уже читаю дозированно, чтобы продлить удовольствие. Спасибо большое за Ваши труды. Очень-очень интересно и познавательно. Тем более в Ваших книгах есть знакомые мне лица по училищу. Поздравляю Вас с праздником всех спецназовцев СССР. Удачи, новых творческих успехов, благополучия!

Полковник В.В.ШУГАЙ

ИЗ РОССИИ

Олег Владимирович, глубокоуважаемый человек, приветствую Вас! После изучения Вашего Труда (абсолютно без иронии) я ещё больше проникся к Вам почтением! Фундаментально! Ярчайший колорит событий и личностей. Как Вам крупно повезло с этим! Ну, естественно, это зависит напрямую и от самого человека. Такой Вы и есть. Без лести. Это не в моих принципах — просто восторгаюсь!!! Своё впечатление от прочитанного я ещё скажу не раз — пока перевариваю в голове всё, что прочитал. Хроники и историография замечательные! Это учебник истории! Огромный привет и наилучшие пожелания Юрию Тимофеевичу. Вообще, Вам памятник нужно поставить, как говорит моя супруга. И она права, так как Вы увековечиваете реальную хронику века. Это очень важно, с учётом нынешнего бескрайнего моря надуманной литературы, с домыслами и выдумками авторов, которые, как правило, даже не имели никакого отношения к тому, о чём пишут! Всех Вам благ и дальнейших творческих успехов!

*С глубочайшим уважением и почтением к Вам,
полковник медслужбы Александр ЛАПИН,
поэт, лауреат Российской национальной литературной премии
«Золотое перо Руси».*

г.Комсомольск-на-Амуре.

ИЗ УКРАИНЫ

О событиях Афганской войны 1979-1989 годов прошлого столетия изданы десятки сборников репортажей, военных мемуаров, воспоминаний. Но по достоверности, времени охвата этих драматических событий, профессионализму их толкования, художественному отображению подвигов советских солдат и офицеров в разведывательно-наступательных операциях, правдивости и духовному откровению книга Олега Кривопалова «Колыбель Чирчикского спецназа» занимает особое место.

Эта книга — летопись жизни и деятельности соединений спецназа Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР на примере истории и боевого пути 15-й отдельной бригады спецназа, сформированной в г. Чирчике Ташкентской области в январе 1963 года.

Воспитанный на подвигах советских воинов-победителей в Великой Отечественной войне, личный состав бригады из года в год наращивал мастерство владения оружием всех видов, рукопашного единоборства и проведения разведывательно-десантных операций.

Этому периоду боевой учебы посвящены главы «Формирование», «Мужание», «Горячее время», о комбригах, один из которых — Василий Васильевич Колесник, выдвинутый на должность начальника направления разведки ГРУ, осуществил разработку и выполнение спецоперации «Шторм» по захвату дворца Тадж-Бек, охранявшегося танками и зенитными установками.

Благодаря внезапности действий и самоотверженности воинов батальона спецназа (прозванного «мусульманским») и чекистских групп «Гром» и «Зенит» сводный отряд советского спецназа отсек экипажи от танков, расчеты пушек от орудий, охваченную паникой охрану от командиров и, вывинтив запалы из мин, срезал связь — и аминь Амину, предавшему революционно-демократическое движение Афганистана. Вскоре эту операцию, предшествовавшую вводу ограниченного контингента советских вооруженных сил в Афганистан по просьбе руководства республики, будут изучать на спецкафедрах отечественной и зарубежных академий как образцовую, за успешное осуществление которой генерал-майор Колесник В.В. удостоен звания Героя Советского Союза.

Последующие главы книги посвящены обстоятельному описанию боевых операций всех отдельных отрядов 15 бригады спецназа, осуществлявших регулярную разведку и уничтожение укрывавшихся в ущельях и кишлаках банд душманов, их тайников и складов с американским, английским и французским вооружением, а также наземную и воздушную блокаду и

захват караванов мятежников в приграничных районах с Пакистаном протяженностью более 800 км.

И, что характерно, — все главы этой книги построены на конкретных боевых делах и откровениях непосредственных участников десантных операций, и личном опыте автора, начавшего службу в спецназе замполитом роты спецназа и закончившим ее замполитом — начпобригом 15-й...

Вот, к примеру, глава «Операция под Джар-Кудуком». Основу ее составляют дневниковые записи комбата Игоря Стодереvского и воспоминания старшего сержанта Владимира Листопада. В их дневниковых исповедях есть всё — и удачи, и просчеты, и горечь от потерь и предательств. Это — окопная правда об их 154 отдельном отряде спецназа, первым вступившем на опаленную зноем и кровью афганскую землю. Воины этого отряда знали, что ждет их в Афгане. И при этом 100% офицеров и прапорщиков и 70% солдат пошли на войну добровольцами.

Непогрешима в своей достоверности глава «Неприступных ущелий не бывает», составленная по воспоминаниям первого замначштаба 40 армии генерал-майора Станислава Шевченко, являющегося ныне председателем Совета Днепропетровской областной организации ветеранов. Рассказывая о руководимой им Мармольской операции, он воскрешает лица и подвиги многих ее участников, награжденных орденами и медалями. «А командир отряда спецназа, — с огорчением отмечает он, — так и не был награжден. Где-то лежит под сукном его наградной лист на орден Красного Знамени...». А вот его слова о том, как поддерживались простым населением благородные дела наших воинов: «В Айбаке проходил митинг: разведчики демонстрировали машины с трофейными боеприпасами и оружием, вывезенные ими из уничтоженных складов. Местные жители от души благодарили советских воинов и дарили им горные тюльпаны... Позже от мирных афганцев спецназовцы узнали, что убитый главарь банды Ашраф был настоящим зверем... и лично замучил более 60 мирных жителей. И от «шурави», а не от Аллаха к нему пришло возмездие...»

Сотни боевых подвигов спецназовцев воскрешены автором в главах «Карера» стоила карьеры», «Газнийский батальон», «Баракинский батальон», «Абчаканское ущелье», «Асадабадские егеря». Многие образы написаны четко, выразительно. Их лица, голоса, поступки физически ощутимы. Вот светлоглазый, статный в свои пятьдесят лет полковник запаса днепропетровец Сергей Лукьянов. Заняв круговую оборону, спецназовцы отбивают несколько атак бандитов. И когда патроны уже на исходе, с раздробленной до кости ногой Лукьянов готов был взорвать себя последней гранатой, чтобы не попасть в плен. Прорвавшиеся к ним вертолеты подпол-

ковника Владыкина выхватывают его и израненных друзей из вражеского кольца. Два года и девять месяцев врачи и сестры милосердия в госпиталях Ташкента, Ленинграда и Киева борются за его жизнь. И вырывают Сергея из лап смерти.

В 1988 году Лукьянов добивается возвращения в армию и заканчивает военную академию им. Фрунзе, а затем, не теряя самообладания, заканчивает в годы распада Союзной державы юридический факультет Днепропетровского университета, и в кругу боевых соратников-афганцев продолжает сражение с горбачевскими оборотнями.

А вот авторские строки о подвиге офицера-разведчика из 177 отряда спецназа, уроженца г. Орджоникидзе Днепропетровской области Валерия Радчикова. У него в Панджшере разрывом мины были оторваны ступни обеих ног. После излечения упрямый командующий войсками ТуркВО возвратил его в родную роту, ребята которой вынесли его с поля боя. И он выдержал все немислимые физические и нравственные испытания, преодолевая на протезах горные тропы и завалы... Как-то маршал С.Л.Соколов, прибыв в штаб 40 ОА, увидел, как Валерий упорно преодолевал крутые ступени дворца Топайн Таджбек, направляясь в разведотдел армии. Позднее Радчиков успешно окончил военную академию, дослужился до полковника. Позже погиб в автомобильной катастрофе.

Обстоятельно, с размахом изложена глава «Магистраль», отображающая общевойсковую операцию 40 армии под командованием генерал-лейтенанта Громова по захвату всех командных высот ради обеспечения поставки продуктов и медикаментов в горд Хост, расположенный на скрещении главных путей из Пакистана в Афганистан. Эта операция завершилась в январе 1988 года разгромом всех бандформирований, блокировавших магистраль, захватом множества вражеской военной техники и пленением тысяч душманов. И к изболевшимся, изголодавшимся жителям Хоста и близлежащих кишлаков пришли спасительное продовольствие и лекарства. Автор с благодарностью вспоминает о помощниках этой операции — проводниках-афганцах, агентурщиках оперативных разведгрупп ГРУ и бесстрашных вертолетчиках. И вспоминает неотредактированные строфы из стихотворения младшего лейтенанта Султана Казанбаева. Вот они, подготовленные к печати, как подготовлен был мною в феврале 1981 года поэмный сборник стихов афганского АИСТА (Александра Ивановича Стовы), двадцатилетнего лейтенанта, прикрывшего вместе с тремя самыми опытными соратниками выход взвода из осажденного душманами ущелья под Джелалабадом ценою своей жизни:

Как облака, промчатся годы,
И гарь боев сойдет с полей,
Взрастят декхане огороды,
Взметнутся ветви тополей.
И каждый, каждый верить хочет,
Что добрый мир придет сюда,
Спать будут дети тихой ночью,
И войн не будет никогда.

«И откуда мы могли знать тогда, — вздыхает автор, — что война в том краю... будет продолжаться и в XXI веке, а дети, принимавшие радостно продовольствие от советских солдат в 1988 году, будут опять воевать. Но теперь уже с американским спецназом, и, если не повезет, окажутся в американском лагере для пленных талибов на далеком острове в Карибском море...».

А какой гневной горечью пронизаны строки о том, как «мирное гражданское общество родной страны нетерпимо принимало своих сыновей, прошедших войну. Порой оно было безжалостным и предательским, что приводило к трагическим последствиям». 120 боевых выходов совершил командир 334 отдельного отряда спецназа майор Григорий Васильевич Быков. Он умел из простых мальчишек, не способных сначала дойти в горах до противника, делать выносливых и умелых разведчиков, точно угадывал, где нужно выставить засаду, и караван душманов выходил на нее. Его уважали подчиненные, командиры и местные жители Кунара, добавившие к его фамилии уважительно: «Кунарский». Знали его и там, «за речкой», в Пакистане. Оттуда главари моджахедов распространяли листовки, гарантировавшие три миллиона афганей за голову «Кобры» (такой позывной был у комбата). В июне 1987 года майор Быков по представлению генерала Варенникова был принят в академию им. Фрунзе и успешно закончил ее в 1990 году. А когда началась развязанная НАТО братоубийственная война в Югославии, он поехал помогать сербам и отлично командовал интернациональным отрядом специального назначения. Но оборвалась жизнь этого человека не на войне. Вернувшись с Балкан, он был потрясен изменениями на Родине, развенчанием идеалов, которым служил. Закрыв 6 июля 1995 года шкатулку с орденами боевого Красного Знамени и Красной Звезды, взял охотничье ружье, вышел в подъезд и выстрелил себе в рот. Хоронили подполковника запаса Быкова-Кунарского на подмосковном кладбище только верные его памяти разведчики-спецназовцы...

С истинной признательностью и задушевностью написана глава, по-

священная авиации, которая практически определяла судьбу многих боевых операций и жизнь 40 армии. Приданные всем отрядам спецназа (а их было восемь) эскадрильи вертолетов обеспечивали постоянную разведку засад душманов и мест нахождения караванов с оружием, скрытно пробиравшимся из Пакистана, высадку десантных групп спецназовцев, огневое подавление душманских позиций и эвакуацию раненых и убитых советских воинов. И все это — под шквальным огнем моджахедов. Сколько раз, врываясь внезапно в пекло боя, летчики уже на загоревшихся вертолетах выхватывали наших десантников из огненного кольца. Недаром символом Афгана стал вертолет над горами, а среди первых Героев Советского Союза, отличившихся в боях, были вертолетчики — подполковник Ковалев Н.И. (посмертно), капитан Кучеренко В.А., капитан Майданов Н.С., капитан Очиров В.Н., подполковник Райлян А.М. 450 летательных аппаратов потеряла 40 армия за девять лет Афганской войны. И щемят омытые молитвенной слезою сердца ветеранов-афганцев при воспоминаниях о самоотверженных делах их спасителей-летчиков, совершивших тысячи боевых вылетов. Один только днепропетровец подполковник Юрий Владыкин из 335 отдельного боевого вертолетного полка совершил за год 450 вылетов. Это можно сравнить лишь с 600 боевыми вылетами прославленного летчика Великой Отечественной войны А.И. Покрышкина...

А какой пронзительной болью сочатся строки впервые высказанной горькой правды о женщинах, оставшихся со своими новыми семьями в обжитых, защищаемых ранее нашими войсками районах Афганистана! «Когда наша бригада полковника Юрия Старова в качестве головной двинулась из Кабула, все машины были в цветах. Прощание афганцев с нами было трогательным. Как сотни других, президент Наджибулла помахал нам рукою и говорил: «Какие солдаты! Какие солдаты!».

А на обочине в тысячной толпе провожающих бросались в глаза милые славянские лица женщин. Обливаясь слезами, они кричали: «Мальчики, на кого вы нас бросаете!? Заберите нас на Родину! Что же мы без вас будем делать?» И тогда в горячке вывода я подумал: «А действительно, что же будет с этими русскими женщинами, создавшими смешанные семьи. и остающимися один на один с мусульманским средневековьем?» Эту надвигающуюся катастрофу не ощутил тогда никто...

К марту 1996 года в Афганистане осталось в живых всего семь русских женщин. Остальных поголовно вырезали вместе с детьми и мужьями как пособников Наджибуллы. Со слезами провожали тысячи мирных афганцев воинов нашей армии. Со слезами радости встречали воинов-интернационалистов на берегу Амударьи съехавшиеся с разных концов Союза ма-

тери и родственники возвращающихся домой сыновей, мужей. Газета «Правда» 19 мая 1988 года об этой встрече написала так: «Туда, к мосту дружбы — все внимание множества людей — жителей Термеза и многочисленных гостей. И вот на серо-стальной вязи моста пламенем забилось развернутое знамя: движется головной БТР колонны -командирская машина полковника Ю.Старова. За нею бесконечной вереницей идут к советскому берегу боевые машины. Здравствуй, родная земля!» «Это событие войдет в историю как свидетельство миролюбия, стремления решать сложные международные вопросы на основе уважения национального суверенитета государств и народов», — говорит взволновано Председатель Верховного Совета Узбекской ССР П. Хабибуллаев. «А я, слушая оратора, — вспоминает автор, — думал о своем: почему на митинге нет представителей союзной власти? Никого — ни Горбачевского Политбюро, ни от правительства. Лидер кубинской революции Фидель Кастро лично встречал у трапа самолета или на причале каждого воина-интернационалиста, возвращавшегося на Родину». Ответ придет чуть позже: они уходили в Афганистан из страны, верной интернациональному долгу оказания помощи соседнему дружественному государству, из страны Советов, избираемых народом, выстрадавшую благодаря вековому терпению и самопожертвованию ее создателей, начиная от декабристов, а возвратились в замызганный горбачевскими оборотнями хиреющий век, где

Мельтешил, жужжал телеконвейер,
увлекая легковерных в плен —
и хирел он, с каждым днем мрачней,
век - от голодовок и измен.
То, для пущей важности прищурясь,
звал его в «демократичный» рай
розовый, как задница, Бурбулис,
то Гайдар с Поповым, то Шамрай.

Как же густо эти тени-лица
у кормушки власти собрались!
Липкие, как подрукой мокрицы
Или как на песке медузьяслизь.
Увещанья — даже не пытайтесь! —
их торговый ряд не устыдят:
он блудлив и зол,
как взгляд Чубайса,
и, как Березовский, вороват.

Ненавидит до смерти, до стона
отощавший трудовой народ
этих новоявленных биронов.
Матюками кроет их...
И ждет.
Ждет, давясь подачками от сброда,
и за это сброд благодаря,
Ждет, как до семнадцатого года
Ждал явленья доброго царя.

Бесспорным достоинством летописи О. Кривопалова являются страницы, отобразившие конкретную деятельность политработников 40 армии - замполитов рот, отрядов, начальников политотделов бригад, дивизий, армии. В палящий полуденный зной, забивающий едкой пылью дыхание, и в леденой ночной холод на горных тропах они, замполиты, всегда были рядом с разведчиками, десантниками, саперами. Их роль в Афганской войне была жизнеопределяющей. Ведь фронтальных позиций не было. В этой очаговой войне смерть подстерегала наших воинов за каждым дувалом, в затаённых горных ущельях и на утыканных минами дорогах и тропинках. И оружие душманов, обильно поставляемое из американских, английских и французских арсеналов, не уступало нашему по убойной силе. Поэтому превосходство советских воинов над наёмными карателями мятежников и душманами достигалось благодаря боевой взаимовыручке, патриотизму и духовному благородству. И недаром в их ратном кругу обрели крылья задушевные песни и самодеятельная поэзия, а стихи из посмертной книжки афганского АИСТА (А. И. Стовбы) вошли еще в 1987 году в антологию русских советских поэтов Украины. И все это благодаря личным примерам и отваге замполитов-интернационалистов, возродивших уже изрядно затертое домощенными демократами-«перестройщиками» славное звание «комиссар». Одному из них в летописи посвящена отдельная глава.

Работавший в юности бригадиром, главным специалистом, а затем директором совхоза, секретарем Назрановского райкома КПСС, Чечено-Ингушского обкома партии и Председателем Совета Министров Чечено-Ингушской АССР Сергей Мажитович Беков ныне член Совета Федерального собрания Российской Федерации, генерал-полковник. В 1982-1984 и 1986-1988 годы он был советником ЦК КПСС в оперативно-войсковой зоне «Восток» на границе с Пакистаном. Не вписавшийся в яковлевско-шеварнадзевскую челядь партократов-долдонов, обсевших ап-

парат ЦК, потому и «выдвинутый» снова на Афганскую войну, этот верный долгу и чести человек на взаимодоверии поддерживал деловые и дружеские отношения с многими командирами отрядов спецназа и общевойсковых соединений, наладил доверительные связи с демократическим руководством Афганистана и командованием народной армии республики. С риском для жизни принимал участие во многих операциях, и, встретившись с отдельными вождями 20 миллионного племени пуштунов, убедил их не рекрутировать дехкан в формируемые на пакистанских границах банды духов, несущих угрозу и гибель мирному населению провинций Нангархар, Кунар и Лагман. И когда нахрапистая «демократическая» пресса в угоду «главному перестройщику» стала оплевывать Афганскую войну как «ненужную», «непродуманную», «захватническую», а афганских патриотов и героев войны называть «оккупантами», С.М. Беков заявил: «...При таких умозаключениях у меня в душе не просто поднимается волна протеста — обжигает стыд и гнев как при надругательстве над могилами... Ведь у нас есть страна, есть армия, есть человек, которому государство доверило оружие. И должна быть единая патриотическая идеология гражданского долга. Как присяга... Эта идеология называется патриотизмом. «Человек с ружьем» без патриотизма — уже не солдат, а бандит». А вот еще одно высказывание уже после вторжения американцев в Афганистан, где они увязли, как увязали везде, куда стремились насадить свой «новый порядок» - во Вьетнаме, Ираке, Югославии: «При всех противоречивых оценках ввода советских войск в Афганистан... по мере удаления того события в историю... всплывают... глубинные народные оценки. Журналистские репортажи из современного Афганистана доносят голоса простых жителей, вчерашних (науськиваемых американцами — *авт.*) «душманов», боровшихся с нами: «Брежнев и Наджибулла были лучшими руководителями, «шуврави» не только воевали, но и строили заводы, дороги, плотины»... То есть, «в осадке» у афганского народа нет ожесточения и ненависти к нам как к «оккупантам». Карта афганского театра военных действий напоминала шкуру леопарда», изменяющуюся почти ежедневно... В зависимости от возникающих задач проводились локальные операции с привлечением тех или иных частей и соединений... так вот, ни одна из этих воинских операций с участием советских воинских соединений не была проиграна. Как не была проиграна и вся Афганская кампания. И не от чего нашему «человеку с ружьем» опускать стыдливо голову. Он не посрамил славы советского оружия, он вышел из сопредельной территории по решению своего Верховного главкомандования с улыбкой радости, с гордо развевающимися знаменами, он не запятнал

свою душу преступлениями против человечества, типа выжженной напалом территории, массовых расстрелов и других зверств... За свои ошибки платил своей кровью...» Этими словами я и завершу свой отзыв на замечательную книгу Олега Кривопалова.

*Михаил СЕЛЕЗНЕВ,
член Союза писателей СССР и
Союза Писателей Украины,
лауреат премии В.И.Ленина, премии Ушакова
и ряда других литературных премий
г.Днепропетровск*

17.03.2010г.

ИЗ РОССИИ

Добрый день, Олег Владимирович! Мне, «мирному» военному, не прошедшему тех испытаний, что выпали на вашу судьбу, трогательно и приятно было встретиться на страницах книги со своими однополчанами...А тем более вам, ветеранам, кто видел смерть своих товарищей, кто прошёл через трудности войны, особенно дороги и важны такие встречи! Вот одно беспокоит, что в современной Российской армии мало уделяется внимания воспитанию молодых воинов с использованием ярких примеров мужества наших воинов-интернационалистов. Как сейчас не хватает таких замполитов, как вы, с вашим огромным опытом! Я горжусь, что мне довелось служить в такой части и под командованием таких офицеров, это искренне и честно... Всего вам доброго, здоровья, даст Бог, встретимся!!!

*Однополчанин по службе на Дальнем Востоке,
ст. прапорщик А.И.МАРТЫНЮК*

ИЗ БЕЛОРУССИИ

Спецназовцы Белой Руси благодарны Вам, Олег Владимирович, за

то, что в своих книгах без прикрас, простым и понятным языком рассказываете о жизни и боевой деятельности подразделений и частей спецназа. О братских отношениях в коллективах, о подчиненных, о друзьях и товарищах, с которыми вместе служили. Это было незабываемое и прекрасное время, о котором я часто с легкой грустью вспоминаю. Ведь начинал служить во Пскове, когда 2 обрСпН командовал Креховский Игорь Викторович. Затем служба — в Печорах и Марьиной Горке. Вся армейская жизнь прошла в спецназе. Прикипел сердцем, не теряю связь с бригадой и поныне. По отзывам офицеров и служащих бригады, прочитавших Ваши книги «Колыбель Чирчикского спецназа» и «На рубеже эпох», находящиеся в библиотеке части, — они помогают воспитывать личный состав в духе патриотизма, обостряют чувство долга и ответственности, формируют гордость за принадлежность к военной разведке. Спасибо Вам за титанический труд. В соответствии с решением Правления Фонда «Память Афгана» №5 от 15 февраля 2012г. за вклад в патриотическое воспитание молодежи, пропаганду ратного труда воинов-спецназовцев, Вы, Олег Владимирович, награждены медалью «За заслуги» 2 степени по праву уважаемого в нашей Республике писателя-документалиста. Удостоверение и медаль прилагается. Личный состав 5 обрСпН желает Вам благополучия, удачи и творческих успехов в нелегкой, но такой необходимой деятельности.

*С глубоким уважением,
подполковник в отставке Борис ЛИЙЦ.
Беларусь. г.Марьина Горка.
22 мая 2012 г.*

ИЗ РОССИИ

Только что прочитал твое письмо Ирине, и она не согласилась с твоим мнением относительно того, что тебе далеко до профессионалов моего уровня и никогда не достигнуть совершенства. Я и Ирина считаем, что ты очень хорошо пишешь, и неизвестно, почему ты думаешь, что что-то не получается. У тебя очень живой язык, и я уверен, что все факты, которые ты приводишь, абсолютно реальны и имеют жизненную силу. По-моему, не надо обращать внимания на тех злопыхателей, которые сами ни строчки не написали, а критику наводят горазды. По своему опыту знаю, что в таких случаях нужно высоко поднять правую руку, затем резко опустить ее со

словами: «А хрен с ними со всеми», — и продолжать заниматься своим делом. Ведь, как правило, те, кто больше всех критикует, никогда ничего не написали и не напишут. Исходи из этого и продолжай писать. Ведь у тебя много благодарных и доброжелательных читателей, таких же верных, как и мы с Ириной. Пока. Пиши, не только в смысле пиши очередную книгу, но и нам.

*Полковник запаса С.А. ХАРЛАМОВ
г. Москва.*

ИЗ АМЕРИКИ

Здравствуй, дорогой Алик! Спасибо тебе, что так искренне и пронзительно написал о том, что сейчас принято только очернять. Мне же очень близко и понятно то, о чем ты говоришь. Конечно, я не была там, но ведь это было наше время и наша жизнь. И сколько моих друзей прошли через эту войну! И далеко не все оттуда вернулись. И далеко не все вернувшиеся смогли преодолеть психологический надлом. Но говорить и анализировать эти события имеют право только такие люди, как ты, которые прошли все сами и сами там были. Не могу судить о необходимости начала этой войны, но о том, как относиться к своим солдатам — судить могу. Это предательство и подлость со стороны властей — так оплевывать и унижать свою армию. Да не только армию, но и весь народ. Да, не повезло с «народцем». Ужасно это осознавать, будучи воспитанными на высоких идеалах. И такие слова, как любовь к Родине и верность Отчизне — это не пустой звук. Во всяком случае я всегда так чувствовала. И с таким же максималистским, юношеским азартом мы все бросились в «новое время» перестройки и всего того, что пришло за этим. Ну, ты же помнишь, какое было у всех вдохновение, когда был 1 съезд Советов и как все просто вдыхали эти приметы нового времени и не могли насытиться свежим воздухом перемен. Но вот когда эти перемены стали как-то так странно оборачиваться в обнищание одних и обогащение других — стало страшно. Вам, армии, досталось, конечно, больше всех, и по полной программе. Мы — оборонка — были следующие. Ведь только ленивый, слепой, глухой и без сознания не плюнул в нас. А ведь мы всю жизнь работали, и на наших предприятиях были собраны, не побоюсь этих слов, самые умные головы. И, выйдя на работу

через месяц после получения диплома, я не пропустила ни одного дня. Господи, какие вещи мы создавали! А потом нас «приватизировали». Мы с нашими головами и мозгами стали никому не нужны. Нужны были только материальные ценности. Моментально раззорили все — расхапали базы отдыха, детские сады, общежития. Мы сидели без работы и естественно, без зарплаты. Молодые мужчины, вроде моего мужа Саши, стали уходить куда глаза глядят. Вот тогда Сашка и замыслил отъезд, т.к. выхода он не видел вообще. А «зубастым» молодым предпринимателем он не был — ну не его это. Я же ехать отказалась наотрез, т.к. даже помыслить себе жизнь вдаль от дома не могла. А потом, очухавшись от удара приватизации, наши начальники все-таки стали как-то выбираться и нашли новую работу в нефтяной и угольной отраслях. У нас опять появилось много работы — мы начали проектировать огромные заводы по переработке нефти в Тюмени, Нижневартовске и Нефтеюганске. Но счастье было недолгим, и наступила очередная фаза все той же приватизации, и до нефти дорвался Ходарковский. Все. Все работы закрыли, и никому мы со своими разработками опять стали не нужны. Нам, можно сказать, еще повезло — все все-таки остались живы, чего не скажешь о людях там — в Тюмени, Нижневартовске и Нефтеюганске. И вот тогда, на руинах нашего предприятия, я и решилась на отъезд. Но это уже совсем другая история.

Так что, Алик, еще раз спасибо тебе за твою искренность и преданность делу. И, знаешь, слова из фильма «Офицеры» «Есть такая профессия — Родину защищать» — для меня лично не просто слова, а жизненная позиция. И еще, Алик, пиши. У тебя это так здорово получается.

*С большим уважением и родственной любовью,
Natalya BESKINA (USA).
8.03.2012г.*

ИЗ РОССИИ

Прочла книгу с большим удовольствием. Мне было интересно описание родного края (т.к. автор мой земляк), как будто я вернулась в юность через много лет. Во всей книге сквозит почтение к офицерам и солдатам Советской Армии, к их морально-боевому духу, достоинству и чести. Лексика кадрового военного, много специальных терминов, не всегда понятных

обывателю, но человеческие характеристики и судьбы военных переданы великолепно. Среди моих знакомых и родственников много военных, и я горжусь нашими офицерами. Спасибо за книгу и память.

*Людмила МАЛЬШ,
г.Надым.*

ИЗ РОССИИ

«На рубеже эпох» — это не просто автобиография офицера. Это жизнь, этапы пути и целая эпоха нескольких поколений. Это факты, цифры, даты, фамилии, биографии, размышления, откровения, суждения. И вообще, каждая глава — как отдельная повесть, как настоящие шолоховские рассказы. Очень интересно читать о Спецназе ГРУ, Системе «Звезда», о судьбах конкретных людей, истории воинских частей и в целом нашего государства. Я хорошо помню подполковников Муратова А.Н., с которым жил в одной комнате в Джелалабаде, замкомбригов Безручко А.И., земляка Серзина И.А., Корунова В.В. и всех остальных офицеров управления и политотдела бригады.

Большое спасибо за бесценный литературный труд, за хорошее отношение к людям, и просто за Вашу порядочность!

*Подполковник В.С.ИПАТЬЕВ,
г.Иркутск.*

ИЗ ИЗРАИЛЯ

Спасибо, Олег! Я рад нашей встрече в интернете. В вашей Чирчикской бригаде служил мой одноклассник по 8 батарее СВВПТАУ Саша Козырев. Мы с ним встречались в Ташкенте в 1975 году. Он служил в те годы. К сожалению, его уже нет в живых. Про судьбу нашего училища знаю. Каждый год бываю в России. В этом году тоже полечу в Москву и в Екатеринбург. В ссылках на моем сайте есть клипы про наше училище и традиционные встречи выпускников. С увлечением читаю твою книгу, на одном дыхании. Изредка отрываюсь, отвечая на телефонные звонки, и снова к книге. Я словно возвратился в свою прошлую жизнь. Мне все так

близко и знакомо. И так проникновенно написано. Просто тронут до глубины души... Сергея Зозулю я знал. Как-то не укладывается, что его уже нет в живых.

Столько много знакомых имен напомнили мне страницы книги - и курсантов, и преподавателей. Вчера под впечатлением прочитанного весь вечер находился в плену воспоминаний: в памяти крутились знакомые образы Бориса Павловича Уткина, Егорова, Реззова, Карякина, Загоскина, Скородумова, Молодцыгина, Подгородецких Вячеслава Феофановича и Зои Пантелеевны, Исака Мугинштейна, Васи Капкана-Гарковенко, братьев Димы и Жени Киричек, Виктора Шушарина, Виктора Городецкого, Владимира Портнягина, Малахова, Володи Варванина, Васи Бельченко... Удивительно, как тесно переплелись судьбы людей на «Рубеже Эпох».

Читая твои размышления, я вдруг вспомнил и свою попытку поступить в Минское Суворовское училище и кличку «кадет», которую получил от одноклассников по этому событию. И разрушенный за одну ночь памятник Сталину около Оршанского Дома культуры Железнодорожников и очереди за хлебом в хрущевскую эпоху в начале 60-х. Моих бабушку Женю и дедушку Толю, которые слушали передачу по радиоприемнику «Балтика» и тихо, шопотом обсуждали все услышанное на идише о том, что наши снова надрали арабам задницы А кто такие наши, я тогда еще и не понимал. В моем понимании арабы были угнетенным народом, а сионисты - израильскими оккупантами. Мог ли я подумать в ту пору, или мои бабушка и дедушка, что через несколько десятков лет мир перевернется, и их внук будет жить в Израиле, свободно разговаривать на иврите, писать справа налево, и что их праправнуки родятся на этой земле и будут разговаривать по-русски...

Читаю о службе в Ленинградском военном округе. Какой колоссальный объем интересной информации. Зачастую грустной, но реальной. Жаль, что так рано ушел из жизни Володя Портнягин. Я хорошо помню, как он делился с нами в очередном лейтенантском отпуске впечатлениями о своей службе в Лагодехской бригаде Спецназа ЗаКВО. В этот период приезжал в отпуск и Витя Городецкий из учебной дивизии ВДВ. Он служил в Принае. Их рассказы о службе на встрече с курсантами 8 батареи дополняли друг друга, я бы сказал, что они значительно повлияли на мое решение о службе в Воздушно-десантных войсках. Спасибо тебе за сохранение памяти поколений.

*Подполковник запаса Л.И.МЕЙМУХИН,
г. Петах-Тихва, Израиль.*

ИЗ РОССИИ

Книга, которая не оставит равнодушным любого армейца! Может стать настольной книгой не только офицера, но и вдумчивого курсанта. А для ветеранов армии это просто бальзам на израненную душу! Огромное человеческое спасибо! «НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!»- я бы такой девиз присвоил этому произведению. Олег! Начал читать твою книгу. Неужели ты сам всё это написал? Слишком грандиозное произведение. Ты — сила! Очень интересно. Я помню тебя курсантом. Внешне, конечно, небольшого роста, крепкий, черноволосый, добрая улыбка... А ты вот какой гигант! Никогда особо не интересовался мемуарами, но твоё произведение притягивает, и очень сильно. Оно заставило меня о многом задуматься. Вся моя прошлая жизнь состояла из ошибок и падений... короче говоря — зацепила меня твоя книга здорово. Но прошлого не исправить, а будущее всё в наших руках. Я армию узнавал по низам. И хоть сам я человек не армейский, но она здорово мне помогла. Я давно не читаю никаких книг, кроме разве специальных и немного по истории России. Благодаря тебе мой кругозор значительно расширился. И, судя по книге, ты совсем не зазнался, а ведь, пожалуй, имеешь право на это, как никто... Олег! Сейчас посмотрел твои фото и понял многое — ты настоящий воин — очень скромный. Моя служба была не такой яркой, но в ВДВ пришлось пахнуть... и то время вспоминаю с благодарностью. Правда, карьера моя не сложилась. Оказался птицей невысокого полёта. Слишком любил «радо-сти» земные, служил в г. Болграде в «пьяной» 98 дивизии ВДВ, в 217 парашютном полку. Сначала дослужился до начальника клуба, а потом служил замполитом батальона в Николаеве в дшбр. Но не сетую. Привет твоей супруге, и всего тебе хорошего на украинской земле. Это моя вторая родина. Жалею, что мы стали свидетелями разрушения всего-того, что было для нас свято. Бывая в Болграде, захожу в бывший военный городок и вижу полуразрушенные здания моего полка. В прошлом году ещё стояли моя бывшая казарма и клуб. Стоят, как мертвецы... Жалко и обидно. Хорошо, Россия сохранила 98 ввд, перебросив ее в Кострому вместе с 217 полком, который в этом году в день Победы имел честь пройти торжественным маршем по Красной площади. ...Дочитал книгу до конца. Живу под впечатлением от прочитанного все эти дни. Спасибо, Друг! И, надеюсь, эта книга не единственная. Благодаря тебе я свою жизнь всю перелистал и это приятно. Надеюсь, Олег Владимирович, ты ещё порадуешь нас своим творчеством.

*Однокашник по СВВПТАУ, подполковник в отставке
Сергей ДАНИЛОВ,
г. Екатеринбург.*

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 8

ХРОНИКА 1986 ГОДА	4
Новогодний результат. План и его реализация	6
Захват укрепленного района «Гошта»	8
Песня о разгроме базового укрепрайона «Гошта»	14
Когда налёт превращается в операцию спасения	16
«Святая Инквизиция» — замкомполка Владыкин	20
Кулала	25
Операция «Карера»	33
Как я впервые «чуть не погиб»	58
Засада на караван	67
Засада, проведенная сходу	70
Нам есть что вспомнить... ..	74
Комбат Гилуч	76
Джигдалай	78
День как день (Ярмош)	85
Авианаводчик	88
Заракала, или «холод — не тетка»	99
Сумка	114
Немного из лейтенантской молодости	118

Глава 9

ХРОНИКА 1987 ГОДА	121
Минная война	124
Ущелье Даринур, или Классная штука — жизнь	132
Недаром эти горы — «Черные!»	144
Простой Сапер	167
Ответный удар, Или дувал лейтенанта Суковатого	171
Караван старшего лейтенанта Жерелина	178
«Кунарский дуплет»	185
Охота на «Stinger»	194
Алишанг	200
Гусар (Пархоменко Николай Васильевич)	205

Дорога жизни и смерти	208
Командировка на войну... ..	210
Виктор Пойманов — «Фикса»	226
Звезды над Шахиданом	229
Комбат Воробьев	245
Нестандартная засада	247
Моя война	256
Он представлялся к Герою (Геннадий Удовиченко)	261

Глава 10

ХРОНИКА. 1988-1989 ГОДЫ	266
Отважный Сергей Лафазан!	270
Парадоксы истории	281
О тех, кто командовал ротами	287
Операция «Восток-88»	289
Операция «Памир».	302
Социалистический Чирчик	333
Наши доктора	341
Сан Санычу	353
«Белые вороны». Краткие заметки о необычных людях обычных «тыловых» профессий	355
Финальные аккорды афганской кампании	364
Война не закончилась.	366
ЭПИЛОГ	382
Ловушка «афганского синдрома»	382
Цена решений	386
О трех майорах	393
Я — комбатант	403
Слепок памяти	416
Исповедь матери о сыне	420
Цинковые мальчики	423
«Гюрза»	425
Армейский спецназ был, есть и будет!	432
Список командного состава 154 ооСпН за период с 1979 по 1989 гг.	441

Убытие в Афганистан	447
Справка по личному составу зенитно- артиллерийской группы (ЗСУ-23-4 «Шилка») «мусульманского батальона» на декабрь 1979 г. Командный состав ЗАГР	453
Схема размещения ППД 154 ооСпН на месатности	455
План лагеря	456
Схема военного городка 154 ооСпН 15обрСпН в г. Джелалабаде. Афганистан (1985-1988 гг.)	457
Список военнослужащих 15 обрСпН, представленных к званию Героя Советского Союза	458
Список военнослужащих 15 обрСпН, представленных к награждению орденом Ленина	459
Выписка из списка военнослужащих, представлявшихся к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение геройских подвигов в ходе боевых действий в Афганистане, которые были удостоены других государственных наград СССР	461
Историческая справка по 154 ооСпН	463
Сокращения, используемые в книге	470
Библиография	473
Отзывы на книги О.В. Кривопалова	477

Літературно-документальне видання

КРИВОПАЛОВ ОЛЕГ ВОЛОДИМИРОВИЧ

ХРОНИКА ПЕРШОГО БАТАЛЬЙОНУ

ТОМ 2

Технічний редактор М.Михлик
Художній редактор В. Ларін

Підписано до друку з оригінал-макету 25.03.2013 р. Формат 60 x 84^{1/16}
Друк офс. Гарнітура «Академія». Ум. др. арк.28,83. Зам. № . Тираж 120 екз.
Видавництво ІМА-прес, 49051, м. Дніпропетровськ, вул. Журналістів, 7/215.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
ДК № 244 від 16.11.2000 р.

Друк